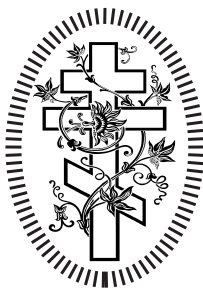

ИВАН КОНЦЕВИЧ

СТЯЖАНИЕ
ДУХА СВЯТОГО

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

ИВАН КОНЦЕВИЧ

СТЯЖАНИЕ
ДУХА
СВЯТОГО

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2009

Концевич И. М. Стяжание Духа Святого. Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 864 с.

В книге представлены главные труды выдающегося русского мыслителя и богослова Ивана Михайловича Концевича (1893–1965) «Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси» и «Оптина Пустынь и ее время». В этих трудах раскрывается духовная история Святой Руси – русской цивилизации как особого благодатного свойства русского народа, делающего его новым избранным народом, народом-богоносцем. Истинная цель христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего. Русский народ сознавал свою задачу народа-богоносца в том, чтобы служить хранителем истин веры, давал возможность любому желающему припасть к этому источнику живой воды, открывающему путь в жизнь вечную и блаженную. Миссия русского избранничества не в стремлении к господству над другими народами, но в жертвенном первенстве в борьбе с мировым злом.

ISBN 978-5-902725-43-5

© Институт русской цивилизации, 2009.

**СТЯЖАНИЕ ДУХА СВЯТОГО
В ПУТЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

ВВЕДЕНИЕ

*Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть
во главу угла* (Пс. 117, 22)

Самое высокое, что дано человеку, – это заложенная в нем способность к Богообщению, Богосозерцанию. В этом высшее блаженство. Человеку дано задание развивать в себе этот дар. Замысел Божий о человеке – его обожение.

В «Стяжании Духа Святаго» – весь смысл аскетических подвигов и высшей духовной «умно-сердечной» молитвы. Но если высокие духовные созерцания еще здесь, на земле, – удел немногих, то непрерывная молитва долг каждого христианина. «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (I Фес. 5, 17–18), – говорит апостол Павел первым христианам, и великий исихаст (безмолвник) святитель Григорий Палама (XIV в.) всех призывает к непрестанной молитве. По его слову, в непрестанной молитве должны упражняться не только монахи и отшельники, но и миряне – все христиане.

Целью первой теоретической части нашей работы было хотя бы и кратко, но всесторонне осветить сущность подвига трезвения и духовной молитвы, приводящей к Богообщению, и связанного с этим подвигом благодатного старчества как руководящего начала. Но влияние старчества не ограничивается монастырскими стенами: оно распространяется далеко за их пределы. Будучи руководящим началом в духовно-нравственных проявлениях жизни и не только иноков, но и

мирян, оно охватывает и вообще все проявления жизни, как духовные, так и мирские, связанные между собою, хотя и не слитно, но и нераздельно.

Вторая часть – историческая – посвящена исследованию того, как развивался этот аскетический подвиг в древнем монашестве на Востоке, а также у нас в X–XVII веках, и как он, будучи оживотворяющей силой, отражался в «путях Древней Руси», когда в периоды своего расцвета проникал в глубину народную.

Первоначальной побудительной причиной приняться за эту работу было желание систематизировать разрозненные печатные материалы о жизни последних оптинских старцев, а именно схиархимандрита Варсонофия и иеросхимонаха Нектария, и передать свои личные воспоминания о посещении Оптиной Пустыни. Автор сего труда был там два раза: первый раз летом 1916 г. в течение июня и июля, а в следующем году пробыл там две недели тоже летом. В это время в Оптиной старчествовали в самом монастыре о. Анатолий (Потапов) и в скиту (три четверти версты от монастыря) скитона начальники: Феодосий и о. Нектарий. Один священник, близкий Оптинской, одним словом охарактеризовал духовный облик каждого: «Феодосий – мудрец, Анатолий – утешитель и дивный Нектарий». Отцы Анатолий и Феодосий скончались в первые годы революции, а о. Нектарий жил дольше всех. Он преставился в 1926 г. вне монастыря, тогда уже упраздненного. К нему ездили до самой его кончины ныне покойная моя матушка и младший брат по нескольку раз в году. И таким образом, уже будучи за границей, я имел возможность через них общаться с о. Нектарием, так как в этот период времени переписка с родными была еще доступна. Но вскоре после смерти о. Нектария наступил долгий перерыв, и только уже во время войны в 1944 г. пришло известие, что матушка моя скончалась, приняв постриг с именем Нектария в память ее старца.

Подвижничество Оптиной Пустыни относится к древнему учению исихастов, или безмолвников, известного иначе под именем трезвения, или «умного делания». Начало ее вос-

ходит к истокам монашества, ко временам Антония Великого, Макария Египетского, Иоанна Лествичника и др. В позднейшие века учителями умного делания были преп. Григорий Синаит († 1346), целый ряд Константинопольских патриархов, Солунский архиеп. Григорий Палама († 1360) и другие видные деятели Византии, Болгарии и Сербии, а затем у нас Нил Сорский († 1508) и Паисий Величковский (1722–1794).

Расцвет духовного подвига в монашестве всегда вызывал духовное возрождение и всей Церкви, упадок же его был связан с упадком ее духовной жизни. Умное делание, а также связанное с ним старчество начались с первых времен монашества, но в беге времен они местами процветали, достигая значительного развития, а потом ослабевали, а может быть, и совсем забывались, чтобы снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова восстающей.

Так они забыты были и в России во времена Паисия Величковского (XVIII в.). Но этот великий старец снова возродил духовное делание и старчество, которые и стали процветать у нас во многих монастырях.

И хотя это было возрождением древней традиции той же России, но для большинства они казались, в особенности старчество, малопонятным новшеством. Прот. Сергей Четвериков говорит, что в нашем дореволюционном прошлом русское монастырское старчество мало было изучено и недостаточно оценено русским обществом*. Но не только оно, это общество, имело смутное представление о старчестве, но и наша молодая богословская наука не успела разработать этот вопрос. Так, «... вопрос о старчестве в древнерусских монастырях совершенно не затронут в нашей научной литературе. Но судя по житиям, оно было общераспространенно**», – говорит проф. Серебрянский. Кроме того, при ознакомлении с литературой, связанной с вопросом о старчестве и внутреннем делании, автору пришлось встретиться с некоторыми мнениями, не вытекавшими из научных исследований, а высказанных а priori, но тем

* Четвериков С., прот. «Из ист. рус. старчества» // «Путь», сент. 1925, стр. 99.

** Смирнов С. И. Др. Рус. Дух. Москва, 1913, стр. 26.

не менее другими уже повторявшимися, как установившееся в науке положение. К числу таких мнений относится мысль о разрыве древней русской святости с восточной традицией, будто бы происшедшем в XIV и XV веках. В это время на Афоне и в Византии наблюдался расцвет созерцательного подвига, получившего в XIV веке наименование «исихазма», но согласно этому априорному утверждению, исихазм не мог «по историческим и географическим» причинам проникнуть к нам, а потому и характер древних русских подвижников с этого времени развивался самостоятельно и своеобразно, образуя «особую ветвь святости в Православии». Еще одно обстоятельство, которое надо здесь отметить, – это почти всеобщее отрицательное отношение к исихазму, или, в лучшем случае, равнодушие к нему, наблюдаемое, как в прошлом столетии, так и в начале настоящего*, и только в последнее время стал проявляться интерес к исихазму. Это можно объяснить тем, что русская богословская наука, возникшая со времен петровских реформ под влиянием западных гуманитарных наук, не вышла еще окончательно на самостоятельный путь. А Запад с самого начала так называемых исихастических споров в XIV в. отнес-

* Возьмем для примера хотя бы академический курс Патрологии архиеп. Филарета Гумилевского (1805–1866) «Историческое учение об Отцах Церкви». Здесь предусмотрительно избегается разбор тех творений Св. Отцов, где говорится об умном делании. О них упоминается лишь в сноске или в виде только перечня. И даже в более позднюю эпоху в «Настольной книге для священнослужителя», Булгаков, Киев, 1913 (стр. 1622), говорится об исихастах, что они «отличались самой странной мечтательностью. Они почитали пупок средоточием духовных сил и, следовательно, центром созерцания, и думали, что положив подбородок на грудь и беспрестанно смотря на пуп, можно видеть райский свет и наслаждаться лицезрением небожителей. Это спокойное сосредоточение на одном пункте представлялось необходимым условием восприятия несозданного света». Благодаря покровительству императора Андроника Палеолога младшего, исихасты, защищаемые Паламой, одержали победу на Константинопольском соборе 1341 г., но «вздорное мнение исихастов об условиях восприятия несозданного света вскоре было предано забвению». В книге Булгакова, в этом официальном руководстве, предлагаемом всему духовенству большой православной страны, в книге, прошедшей строгую духовную цензуру, обнаруживается полное невежество в вопросе об исихазме и наивно повторяется старая клевета, воздвигнутая его врагом Варлаамом еще в XIV веке.

ся отрицательно к исихазму. Кроме того, в прошлом столетии, вслед за Александровской эпохой, после увлечения западным мистицизмом, как реакция, появился страх уже ко всякой мистике, даже православной. «Из страха мистических заблуждений и чрезмерностей, – говорит проф. прот. Г. Флоровский, – тогда стали избегать и Макария Египетского, и Исаака Сирина, и умно-сердечная молитва уничтожена и осмеяна, как зараза и пагуба»*. Далее, говоря о Петровской эпохе и указывая на то, что «даже богословие строится западное», он отмечает наличие разрыва в церковном сознании: «разрыв между богословской ученостью и церковным опытом»**. И это продолжается до наших дней. Но уклонение в сторону Запада началось давно и прогрессировало постепенно. Момент кризиса наступает при падении Византии, когда московское благочестие усомнилось в чистоте греческого***. При создавшемся разрыве «между богословской ученостью и церковным опытом» интереса к изучению русской святости существовало немного. За изучение житийных материалов взялись историки. Так, проф. Ключевский

* Флоровский Г., прот. Пути рус. богословия. Париж. 1937, стр. 171.

** Ibid., стр. 101.

*** «И так случилось, – говорит проф. Г. Флоровский, – богословствовал один только Запад. Богословие есть по существу кафолическая задача, но решалась она только в расколе. Это есть основной парадокс в истории христианской культуры. Запад богословствует, когда Восток молчит, или, что еще хуже, необдуманно и с опозданием повторяет западные зады» (стр. 515). Указывая на коренную причину создавшегося положения, проф. прот. Г. Флоровский говорит: «Кризис русского византизма в XVI веке был с тем вместе и выпадением русской мысли из патристической традиции... В духовном опыте перерыва не было, и со стороны русское благочестие кажется даже архаическим. Но в богословии отеческий стиль и метод были потеряны. Мало знать отеческие тексты и уметь из отцов подобрать нужные справки и доказательства. Нужно владеть отеческим богословием изнутри. Интуиция вряд ли не важнее эрудиции: только она воскрешает и оживляет старинные тексты, обращает их в "свидетельство"» (стр. 506). «Восстановление патристического стиля, вот первый и основной постулат русского богословского возрождения. Речь идет не о какой-нибудь "реставрации" и не о простом повторении, и не о возвращении назад. "К отцам", – во всяком случае всегда вперед, а не назад. Речь идет о верности отческому духу, а не только букве, о том, чтобы загораться вдохновением от отческого пламени, а не гербаризировать древние тексты» (стр. 506).

в своем знаменитом труде «Древнерусские жития святых, как исторический источник» (1871) сделал большое исследование житий, преследуя исключительно исторические цели. Он изучил больше 150 житийных документов, стараясь извлечь отсюда исторические данные, но результатами был не удовлетворен. Его дело продолжал Яхонтов относительно северных святых, но пришел к еще более неудовлетворительным результатам. И с тех пор наука потеряла интерес к житиям, пока проф. Кадлубовский в начале XX века снова не вернулся к ним, изучая их как литературные памятники. Исследуя нравственное и религиозное воззрение эпохи, он встречал выражение «внутреннее», или «духовное делание», и тому подобное, но, отдавая дань времени, он не интересовался уяснить себе сущность исихазма и не подозревал, что это определенные термины и что за ними кроется целая школа. В 1898 году была издана в Киеве книга К. Радченко: «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием». Труд вполне в духе времени. Радченко упрекает исихастов в пантеизме на том основании, что в Богосозерцании человек будто бы теряет сознание личного существования и впадает в ересь. А кроме того, перемещением тяжести на внутреннюю жизнь исихасты ослабляют авторитет Церкви. Он решительно становится на сторону «западной рационалистической схоластики» против «экстравагантной теософской мистики» и т.д. Но немного позже в том же году вышла 1-я часть (600 стр.) большого 5-томного труда П. Сырку: «К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке». Этот труд – результат глубокого научного изучения вопроса. Излагая жизнь и учение Григория Синаита, он показывает истинное значение исихазма как высшего проявления духовной жизни Церкви. В своем труде П. Сырку производит также оценку книги Радченко в следующих словах: «Выходя из того положения, что разных средневековых мистиков, а в частности исихастов, угнетала мертвящая догма христианства, Радченко старается всюду находить точки соприкосновения в учении наших исихастов с еретическими учениями, и в результате у него получилось ложное заключение, впрочем не со-

всем ясно выраженное. Это главная задача книги Радченко. Все остальные части у него разработаны весьма слабо». Ему же (Радченко) принадлежит и та мысль, о которой здесь упоминалось уже выше, а именно, что исихазм XIV века не мог проникнуть в Россию по историческим и географическим причинам. И эта гипотеза держится до сих пор, так как только принимая ее, проф. Федотов может предположить существование особой русской святости, хотя в чем заключается эта особенность, остается до сих пор невыясненным. «Обычно, – говорит он, – сопоставляют духовную жизнь современной послепетровской России – наше старчество или наше народное юродство с Добротолубием, перебрасывая мост через тысячелетия и обходя совершенно неизвестную или мнимо известную святость Древней Руси. Как это ни странно, задача изучения русской святости как особой традиции духовной жизни даже не была поставлена». А в последней своей книге, вышедшей в 1948 г. в Нью-Йорке на английском, языке «Сокровище русской духовности» проф. Федотов говорит следующее:

«В середине XIX столетия евангельские и гуманитарные тенденции умеряли аскетическую духовность Церкви. Славянофилы, либеральная национальная партия в Церкви, старались восстановить, скорее создать духовность, базирующуюся на социальной этике. Но разрыв между аскетико-мистическим и евангельским элементом внутри Церкви увеличивался, и каждое из этих течений находило себе политическое выражение в период революции. Евангелисты** стояли за церковные реформы и соединились с либерально-политическими группами страны. Мистики поддерживали абсолютизм царя, как наследие Византийской традиции. Реформаторам и либералам не удалось развить тип духовности достаточно глубокий для противовеса реакционному и, таким образом, черное влияние монашества и эта двойственность сыграли фатальную роль в раздвоении моральных сил в дореволюционном русском обществе»***.

* Сырку П. А. К ист. испр. книг в Болг. в XIV в. СПб. 1898, стр. VI.

** Надо думать, под этим термином подразумевается «живая церковь».

*** Fedotoff G.P. A treasury of Russian spirituality. N.Y. 1948, p. XV–XVI.

Таким образом, и мистика, и святость в представлении проф. Федотова снижаются до явлений уже чисто субъективного характера и вполне зависящих от духа эпохи.

Но отрицательное отношение к исихазму постепенно сменяется восстановлением его истинного значения, и не только в Православии, но также среди некоторых западных ученых. В 1930 г., в изданном в Париже сборнике «Византийское искусство у славян» была напечатана статья проф. Белградского университета Милое Васича, где он выясняет влияние исихазма на сербское искусство средневековья. Как он сообщает, для выполнения этой задачи ему надо было применить строгий археологический метод и признать исихазм «учением официальной Церкви», отвергнув «предвзятую мысль, недавно еще жившую и утверждавшую, что исихазм является не больше, как учением секты»... «Долгое время создавалось неправильное представление об исихазме, но он нашел в последнее время прекрасных защитников (здесь Васич подразумевает западных ученых. – *И. К.*), которые выявили существование этого движения и представили его таким, каким оно было в действительности».

Так, например, Гельцер считает борьбу, возникшую вокруг исихазма, одним из «феноменов наиболее удивительных во все времена и наиболее интересных в истории цивилизации, вопреки той общепринятой басне, которая преподается в (западных) университетах и семинариях под именем истории Церкви, не перестающей поливать исихазм дешевой иронией, и тем только доказывая свое полное непонимание наиболее серьезной проблемы в истории мысли». Далее проф. Васич приводит рассуждения Холля, который «без всяких колебаний рассматривает спор об исихазме, имеющем столь плохую репутацию на Западе, как на наиболее значительный момент в истории греческой Церкви. Тогда в первый раз Церковь эта осознала, что она таила в себе тот монашеский энтузиазм, который черпал свои силы в ее недрах. Ясно, что все догматические выводы и споры, которые казались забытыми, – вновь воскресают перед обществом той эпохи. Ученые богословы

двух лагерей вели между собой борьбу, свидетельствуя своей диалектикой о наступлении нового возрождения философии».

В 1936 г. вышла книга на немецком языке доктора философии Иг. Смолича: «Жизнь и учение старцев». Но и здесь ничего нового не сделано для освещения вопроса о характере древнерусской святости. Доктор Смолич, как и другие, придерживается мнения о самобытности русской святости, когда говорит, что «созерцательные переживания не входят в сущность русских аскетов за исключением некоторых русских святых, среди которых редко находятся мистики». Достоинство же его книги заключается в том, что, рассматривая всесторонне и систематизируя православное мистическое Богословие, она дает ясное представление о нем и правильную его характеристику.

Наконец исихазм нашел полное и окончательное свое оправдание в диссертации профессора архимандрита Киприана (Керна): «Антропология св. Григория Паламы», вышедшей в печати в 1950 году в Париже, где автор защищает исихазм со всей силой своей научной эрудиции и всесторонне рассматривает материал, имеющий то или иное отношение к этому вопросу.

Ознакомление с литературой, касающейся нашей темы, показывает, что характер древней русской святости, старчество и значение его остаются еще невыясненными. Желание уяснить себе все это и было побудительной причиной совершить данную работу. Историческая часть ее была построена по следующему плану: было исследовано возможно большее количество житийных материалов (около 80 преподобных). Добытые данные были расположены в хронологическом порядке, что помогло установить и характер эпох, и связь древнерусского подвижничества с Востоком.

Работа эта является дальнейшим развитием кандидатского сочинения (1948), написанного под руководством профессора Богословского Института в Париже А.В. Карташева, которому приношу глубокую благодарность за его живой интерес к теме и строгую критику.

ГЛАВА I (ВВОДНАЯ). КРАТКИЙ ОБЗОР АСКЕТИКИ (Сущность «внутреннего делания»)

*Седе Адам тогда и плакася, прямо сладости рая
руками бия лице и глаголаше: Милостиве, помилуй
мя падшаго.*

*Видев Адам ангела изринувша и затворивши бо-
жественного сада дверь, воздохнув вельми и глагола:
Милостиве, помилуй мя падшаго.*

*Споболи, раю, стяжателю обнищавшему и шу-
мом твоих листовий умоли Содетеля, да не затворит
тя: Милостиве, помилуй мя падшаго.*

Икос

Святоотеческое богословие заключено в творениях Отцов Церкви, а также в церковных богослужебных книгах. Дивная гармония этих песнопений самой высокой и чистой поэзии льется и проникает в самую душу. В живых и неподражаемых образах говорится на утрени сыропустной недели о состоянии падшего Адама, изгнанного из рая и оплакивающего свое «поношение». «Иногда (некогда) царь сый земных всех созданий Божиих – ныне пленник явихся»... «Умерщвления кожу, яко смертный окаянно обношу». Все мы дети Адама – пленники греха. Путь подвижника состоит в том, чтобы совлечь с себя эту «умерщвления кожу» и облечься в благодать Св. Духа – одежду Нового Адама – Христа.

До своего падения Адам был весь внутренне собран при-
сущей ему божественной благодатью и творчески устремлен

к Богу в совершенной любви к Нему, в исполнении Его Божественной воли. Он весь был в Богообщении и Богосозерцании. В нем все проявления троичного состава человеческого естества (т.е. духа, души и тела), гармонически сочетались и иерархически подчинялись высшему началу в человеке – его духу. Дух господствовал над всем, все устремляя к единой высшей цели. Первозданный человек был весь пронизан благодатью Св. Духа и просветлен подобно тому, как преп. Серафим просветился во время беседы с Мотовиловым*. Стихии мира не могли вредить человеку, и он был бессмертен. Грех, это жало смерти, внес в человеческое естество яд распада и разложения. Отошла от него божественная благодать, оберегавшая и собиравшая его воедино. Тогда все силы души пришли в расстройство и противоречие. Тело восстало на дух – раб на своего господина. Таким образом, исказился строй души, и возник расстроенный человек, человек греха. Страсть – это не нечто новое, привнесенное извне, а устремление прежних свойств и способностей от должного к недолжному. Так, высшее проявление духа, его способность устремляться к горнему, к Богу, потеряв общение с Божеством, обратилось вниз и разменялось на любовь к самому себе и ко всему низшему, тварному.

Таким образом, себялюбие, эгоизм и другие страсти заменили собою любовь к Богу. Теоцентризм уступил место эгоцентризму. Предоставленный самому себе, падший человек уже не мог восстать своими естественными силами и избавиться от противоречий, страстей, греха и страданий, выйти из этого заколдованного круга смерти, богооставленности. Необходима сверхъестественная помощь. Но проходят тысячелетия до явления Избавителя. «Господь, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – до воплощения Своего дал человечеству испытать всю горечь греха, все бессилие к искоренению его, и когда пожела-

* «Первобытное, догреховное состояние Адама представляется особо совершенным. Адам был облечен “одеждою славы”, “божественным сиянием и облистанием” и “причастен был божественного света” (Палама). Фаворское преображение показало поэтому апостолам, как будущую славу Царствия Божия, так и потерянное Адамом состояние догреховного райского блаженства». Арх. Киприан. Антропология Григория Паламы. Париж, 1950, стр. 403.

ли все Избавителя, тогда Он и явился, премудрый и всесильный Врач и Помощник. Как стали алкать и жаждать правды при оскудении ее, тогда и пришла Правда вечная»*. И, как сказал св. Иоанн Дамаскин: «Через Свое рождение, или воплощение, а также через крещение, страдание и воскресение Он освободил человеческую природу от прародительского греха, от смерти и тления, сделался начатком воскресения, представил Себя путем, образом и примером, чтобы и мы, шествуя по Его следам, сделались по усыновлению тем, что Он есть по природе: сынами и наследниками Божиими и сонаследниками Его»**. Таким образом, Христос сделался для людей единственною мощною «силою» во спасенье (Рим. 1, 4, 1. Кор. 1, 24), «Вождем их спасенья» (Евр. 11, 10), единственным «путем» к Богу (Ин. 14, 6). Жизнь во Христе свершается через таинства. «Посредством сих священных таинств, как бы посредством оконцев, проникает в мрачный сей мир Солнце Правды и умерщвляет жизнь сообразную с миром сим и восстанавливает жизнь премирную, и Свет мира побеждает мир», – на что указывает Спаситель, когда говорит: «*Я победил мир*». Мы приводим слова святителя Николая Кавасилы († 1371), архиепископа Солунского, взятые из его богословского труда о значении таинств – «Жизнь во Христе». Он сравнивает жизнь человеческую с зерном растения, вложенного в землю... «Подлинно, внутреннего нового человека, созданного по Богу, чревоносит мир сей и зачатый здесь и совершенно уже образовавшийся рождается он в оном нестареем мире»... «Жизнь во Христе, – говорит он, – зарождается в здешней жизни, и начало приемлется здесь, а совершается в будущей жизни, когда мы достигнем одного дня... Но и после смерти, не приобретя в земной жизни нужных сил и чувств, человек не будет пользоваться небесными благами, но будет как мертвый и несчастный в блаженном и бессмертном мире. Причина та, что хотя свет и будет сиять обильно, но чтобы его воспрять, нужны глаза, также нужно иметь и обоняние, что-

* Иоанн Сергиев (Кронштадтский) прот. Моя жизнь во Христе. Т. II. Москва, стр. 158.

** Зарин С. Аскетизм. СПб. 1907. Книга II, стр. 32–33.

бы принять запах благоухания. Только под действием таинств и могут родиться органы восприятия духовной жизни, которые и дадут возможность “в день оный” войти в общение со Христом и друзьями Его и узнать от Него, что Он слышал от Отца. Но приходить к Нему нужно, будучи Его другом и имея уши. Ибо там нельзя составлять дружбу и отверзать уши и приготавливать брачную одежду, т.к. для приготовления сего служит здешняя жизнь, и у кого не будет этого всего прежде отшествия из сей жизни, у тех нет ничего общего с будущей жизнью).

Господь в таинствах Своих, «будучи Питателем, Он вместе с тем и Пища, и Сам доставляет хлеб жизни, Сам же есть и то, что доставляет. Он и жизнь для живущих, мир для дышащих, одежда для желающих одеться. Им только можем мы ходить, и Он же и Путь и, кроме того, Отдохновение на пути и Предел его»*. Но человек не может ограничиваться как бы только механическим усвоением таинств. От него требуется желание и соответствующее усилие, о котором Спаситель говорит: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Для спасения необходимо сотрудничество как благодати, так и свободной воли человека, который должен идти путем аскетических подвигов.

Рассмотрим смысл понятия «аскетизм». *ασχότι*, согласно исследованию проф. Зарина, означает у Гомера кожаный мех. Филологи предполагают, что *ασχέω* означало обработку кожи. Затем «аскезис» значило гимнастические упражнения, а еще позднее в философии – достижение добродетели посредством упражнения. Ап. Павел (I Кор. 9, 24–27) употребляет это понятие в этих двух современных ему значениях: подвига во время гимнастических состязаний и подвига духовного делания. В творениях Св. Отцов термин «аскезис» вошел в общее употребление и обозначает: пост, молитву, уединение, бдение и другие подвиги и лишения.

Христианские религии относятся к аскетике неодинаково: католическая Церковь смотрит на нее как на нечто обязательное лишь для монашества, а для мирян как на «сверхдолжное».

* Cabasilas N. La vie en Jesus-Christ. Priure d'Amay sur Meuse. 1932. 236 pp.

Протестантство просто отрицает аскетизм. А Православие учит о том, что аскетизм, хотя и в различных степенях и формах, является обязательным для всех христиан без исключения, по вышеприведенному слову Спасителя, требующему от своих последователей проявления усилия*.

Последовательность в духовном восхождении

Путь к Богу лежит через познание самого себя. «Никто не может познать Бога, не познавши самого себя», – повторяет за Великим Антонием Великий Афанасий. В познании самого себя кроется величайшая наука из наук, ибо не постигший ее не увидает Бога. От подвижника требуется знание духовных и психологических законов и глубокое проникновение в свою душу. Но обычно люди находятся в ослеплении и самообольщении и не видят своего падшего состояния. Поэтому увидеть свое истинное состояние и познать зло в себе есть первый шаг к самопознанию. Но на этом пути стремления к бесстрастию подвижнику еще предстоит многотрудная и долгая борьба со страстями и усвоение добродетелей. При этом требуется последовательность и постепенность. Исаак Сирий (VII в.) говорит: «Каждая добродетель есть мать следующей за нею. Если оставить мать, рождающую добродетели, и устремиться ко взысканию дочерей прежде стяжания матери их, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если отвергнешь их от себя, – скоро умрешь**». Итак, духовное совершенство создается последовательно и постепенно подобно зданию. В основание его должна быть положена вера, а на это основание полагаются камни: послушание, долготерпение, воздержание, а на них уже воздвигаются другие камни: сострадание, отсечение воли и т.д. Но краеугольными камнями будут терпение и мужество, и от них зависит твердая устойчивость здания. Цементом, все соединяющим, служит смирение, без которого ни

* Зарин С. Аскетизм. СПб. 1907, стр. 1 – XV.

** Авва Исаак Сирианин. Серг. Посад. 1893, стр. 363.

одно доброе дело не есть добродетель и без которого нельзя спастись*. «Смирение есть духовное учение Христово, мысленно приемлемое достойными в душевную клеть. Словами чувственными его невозможно изъяснить**». Сам Господь говорит о Себе: «Яко кроток есть и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). «Научитесь не от ангела, не от человека, не от книги, но от Меня, т.е. от Моего в вас вселения и осияния и действия»***. И Божия Матерь свидетельствует о Своем смирении: «Яко призре на смирение Рабы Своея» (Лк. 1, 48). Существуют три степени смирения, по словам Лествичника. Первая принадлежит достигшим бесстрастия, вторая – мужественным, а третья, низшая, – обязательна для всех христиан****. «Без смирения никто не войдет в небесный чертог»****. «Смиренномудрие есть тифон, могущий возвести душу из бездны грехов на небо»*****. Ибо «смирение и без дел многие прегрешения делает простибельными, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание»*****. Только опытно можно прийти к смирению. Совершая внутреннее делание, или подвиги, человек опытно убеждается в своей беспомощности, несмотря на все свои усилия. Тогда он реально ощущает помощь Божию и боится ее потерять самонадеянностью, поэтому ничего не приписывает себе, но исключительно все Богу, а о своих подвигах думает: «Совершил только повеленное и неключимый раб есмь». «Если кто говорит: “Богат я, довольно с меня и того, что приобрел, больше не нужно”, то такой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасытимо, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу. Чем больше стараются они преуспевать

* Авва Дорофей. У С. Зарина. Аскетизм. Книга II. СПб. 1907, стр. XII.

** Лествица. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1898. Слово 25, § 41.

*** Ibid., § 4

**** Лествица. § 49.

***** Ibid.. § 52.

***** Ibid., § 68.

***** Исаак Сирианин. Сергиев Посад. 1893. Слово 46, стр. 202.

и приобретать, тем паче признают себя нищими, как во всем скудных и ничего не приобретших. Они думают: «Недостойн я, чтобы это солнце озаряло меня». Это признак Христианства – это смирение»*. Таково самоощущение православного подвижника. И в этом заключается расхождение между православной и католической точками зрения. В Восточном понимании недопустимы «сверхдолжные» заслуги. Еще в 5-м веке учил Исихий, пресвитер Иерусалимский: «Царствие Небесное не есть награда за дела, а благодатный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы как награды, но, получив, благодарит как должник, а не получив, ожидает как милостыню**». У истинного подвижника его смирение не показное, он им не рисуется и не смиреннословит». «Самый опасный вид гордости – это “мнение смирения”, когда свою гордость человек принимает за смирение, то она не поддается исцелению»***.

Борьба со страстями

Страсти, подобно добродетелям, также связаны между собою, как «звенья одной цепи» (Исаак Нитрийский), и одна порождает другую. Их насчитывается восемь: в генетической последовательности это чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. В патристической аске-тике главное внимание обращается не на внешнее проявление греха, не на его отдельные случаи, а на их причину, т.е. укоренившиеся в душе пороки и страсти, или болезнь души и скрытое внутреннее состояние греха. Проф. Зарин предлагает нам в современных терминах и понятиях учение Св. Отцов о психологии страсти и борьбе с нею. Передадим это в кратких словах.

1. Помысел – исходный момент возникновения страсти, сосредоточение, существенный центральный элемент этого психического состояния. Сущность борьбы подвижника сво-

* Макарий Египетский. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1904, стр. 129.

** Киприан, арх. Антропология св. Григория Паламы. Париж. 1950, стр. 399.

*** Брянчанинов Игнатий, еп. Т. I. СПб. 1865, стр. 619–620.

дится к борьбе с помыслами. Св. Отцы-аскеты насчитывают до 7 стадий развития или нарастания страсти. Первый толчок к началу психического явления, которое может окончиться страстью, называется «приражение», или «прилог». Это есть представление какого-нибудь предмета или действия, соответствующего одной из порочных наклонностей человека. Этот прилог под действием внешних впечатлений, или связи с психической работой памяти, или воображения по законам ассоциации входит в сферу сознания человека. Этот первый момент происходит помимо воли человека, вопреки его желанию, без его участия, по законам психической их неизбежности «самопроизвольно» и считается поэтому «невинным», или бесстрастным, и не вменяется в грех, если не вызывается «блужданием» мысли, и если не допущен сознательно и добровольно, и если человек не относится к нему беспечно. Это пробный камень для испытания нашей воли, куда она склонится, в сторону добродетели или порока. В этом выборе и проявляется свобода человеческой воли.

2. На «прилог» откликается **чувство**, которое отвечает на вторгнувшееся в сознание впечатление или представление: «любовью» или «ненавистью» (сочувствием или несочувствием). Это самый важный момент, от которого зависит судьба помысла: остаться или уйти. Только появление помысла в сознании не зависит от воли человека. Если же он не отвергнут и поэтому задерживается, то это признак того, что в природе данного человека он находит сродную почву, что уже выражается в **сочувствии** человека к помыслу. Сочувствие же привлекает **внимание**, и помысел растет и раскрывается в целую мечтательную картину, заполняет всю сферу сознания, вытесняя все другие впечатления и мысли. Внимание потому медлит на помысле, что человек испытывает чувство **удовольствия**. Этот охарактеризованный нами 2-й момент называется **содружение** или **сочетание**. Ефрем Сирийский так определяет его: «Свободное принятие помысла и как бы занятие им и соединенное с удовольствием собеседование с ним». На современном психологическом языке это означает,

что 2-й момент развития помысла заключается в следующем: внимание останавливается исключительно на возникшем впечатлении или представлении, которое и служит толчком или поводом к развитию целой ассоциации представлений, доставляющих человеку чувство удовольствия от предвкушения наслаждения предметом впечатления или представления. Чтобы порвать нить этой ассоциации и освободить от нее сознание и прекратить чувство наслаждения, необходимо **отвлечение** внимания напряжением воли, – активная и твердая решимость человека оттолкнуться от картины греха и более на ней не останавливаться и к ней не возвращаться.

3. В противном случае, при отсутствии волевого оттолкновения, наступает 3-й момент, когда уже сама воля увлекается все более и более помыслом, **склоняется** к нему, в результате образуется решимость на самом деле осуществить то, о чем говорит помысел, и удовольствие чего он уже с наслаждением предвкушает. Тогда равновесие духовной жизни уже окончательно нарушается, вся душа всецело отдается помыслу и **стремится** привести его в исполнение с целью пережить наслаждение еще более интенсивное. Таким образом, 3-й момент характеризуется **склонением воли** к объекту помысла, **согласием** и **решимостью** от приятных мечтаний перейти к деятельности с намерением осуществить их. Следовательно, в 3-м моменте вся воля отдается помыслу, поступает в его распоряжение для осуществления развившихся из его мечтаний планов. Этот момент называется **сосложением**, **соизволением** и есть **изъявление согласия** на страсть, внушенную помыслом (Ефрем Сирий), или **согласие души** с представившимся помыслом, соединенное с услаждением (Иоанн Лествичник). Это состояние уже «приближается к делу и уподобляется ему» (Ефрем Сирий). Назревает волевая **решимость** достигнуть осуществления объекта страстного помысла всеми средствами, которые в распоряжении человека. В принципе удовлетворение страсти решено. Грех в намерении уже совершен. Остается только фактическое удовлетворение возникшего и созревшего страстного греховного желания.

4. Но иногда перед тем, как состоялось окончательное решение человека перейти к этому последнему моменту, а иногда даже и после такого решения, человек переживает **борьбу** между страстным влечением и противоположными наклонностями своей природы.

5. Впрочем, последний психический момент неустойчивого колебания воли между противоположными влечениями имеет место только тогда, когда в душе еще не успел образоваться **«навык»**, именно «дурной навык», к помыслу, пока греховная склонность еще не проникла глубоко в природу человека, не сделалась свойством, постоянным качеством его характера, привычной стихией его настроения, когда уже человек постоянно думает и мечтает о предмете страстного позыва, пока еще не образовалась окончательно страсть.

6. В страсти же человек или совсем без борьбы, или почти без борьбы бурно, стремительно, охотно отдается делу удовлетворения страсти. Он уже утрачивает господствующую, руководящую и контролирующую власть волевой способности над отдельными влечениями и потребностями волевой природы. Уже не воля господствует над страстным влечением, а это последнее над волею, насильственно увлекая за собою всю душу, заставляя всю ее мыслительную и активную энергию сосредоточиться на предмете страсти. Это состояние называется **пленением**. Это момент полного развития страсти, состояние души совершенно окрепшее, раскрывающее всю свою энергию до крайних пределов*.

«Наилучшая и благонадежная брань происходит тогда, когда отсекается помысел (прилог) в самом начале и совершается непрестанная молитва. Ибо, сказали Отцы, кто сопротивляется в **первомысле**, т.е. прилогу, тот пресечет одним ударом все последующее расположение его. Благоразумный подвижник умерщвляет самую мать злых исчадий, т.е. лукавый прилог (первые мысли). А наипаче во время молитвы надлежит поставить ум свой в такое состояние, чтобы он был глух и нем (Нил Синайский), и иметь сердце упраздненным от

* Зарин С. Аскетизм. Т. I. Кн. 2, стр. 248–258.

всякого помысла, хотя бы он и казался добрым (Исихий Иерусалимский). Ибо по опыту познано, что за допущением бесстрастных помыслов, т.е. за рассеянностью мысли следуют и страстные (худые), и вход первых отверзает дверь и вторым*.

Эту внутреннюю борьбу образно передает нам преп. Исихий Иерусалимский (V в.), ученик Григория Богослова:

«§ 145. Ум наш есть нечто легковидное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не иметь в себе такого помысла, который как самодержец над страстями, удерживал бы его непрестанно и обуздывал».

«§ 168. Не двинется вперед корабль без воды: не преуспешет нисколько хранение ума без трезвения со смирением и молитвою Иисус-Христовой».

«§ 169. Основание дома камни, а сей добродетели (хранению ума), и основание и кровля святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури неразумный кормчий, который корабельников распустил, весла и парус бросит в море, а сам ляжет спать: но еще скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус-Христово».

«§ 94. Трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, – крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва в состав крайнего в уме трезвения и внимания».

«§ 88. От прилога – множество помыслов, а от этих – худое дело чувственное. Тотчас погашающий со Иисусом первое избег и последующего. И обогатится он сладостным божественным ведением, в коем всюду присущим будет зрение Бога, и поставит против Него зеркало ума, освещается Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда, наконец, ум, достигнув последнего предела своих желаний, почиет от всякого другого в себе созерцания**».

* Преп. Нил Сорский. Москва. 1869, стр. 19.

** Исихий Иерусалимский. Поучения. Москва. 1890.

Молитва

Добродетель молитвы совершает таинство нашего единения с Богом, и она есть связь разумных тварей с Творцом.

Григ. Палама

Вождь хора добродетелей. Ни одна из них не устойчива без молитвы.

Григ. Нисский

1. ДРЕВНОСТЬ И НЕПРЕСТААННОСТЬ ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЫ

Кроме преп. Исихия Иерусалимского (V в.) о Иисусовой молитве говорят и другие древние Отцы. На это указывает и Киреевский в письме (1855) к старцу Макарию Оптинскому: «По причине того, что некоторые из западных отвергают древность этой молитвы (Иисусовой непрестанной), не худо было бы во всех древних отцах указать на те места, которые прямо, или подразумеваемо к ней относятся». Киреевский находит у Варсонофия Великого (VI в.) в ответе 39-м совет о творении Иисусовой молитвы. В §126 она приводится полностью: «Г. И. Х. С. Б. помилуй мя». § 423: «Непрерывное именование Бога есть не только врачевание страстей, но и деяние, и как лекарство действует на больного непонятным для него образом, так и призывание Имени Божия убивает страсти образом нам неведомым». §424: «Имя Иисуса должно призывать не только во время искушений, ибо непрестанное призывание Имени Божия есть собственно молитва». § 425: «Призывание имени Божия отгоняет злые помыслы, возникающие во время псалмопения или молитвы, или чтения».

(Следовательно, молитва Иисусова не должна останавливаться во время произнесения других молитв. То же сказал о. Серафим о. архимандриту)*.

§ 429: «Не только призывание имени Божия устами, но и воспоминание Его в сердце та же молитва, ибо Бог сердцеведец и внимает сердцу»**.

Действие Имени Божия в молитве уясняется из православного учения об Именах Божиих:

«1. Имя Божие свято и достопоклоняемо, и вожделено, потому что оно служит для нас словесным обозначением самого превозделенного и святейшего Существа – Бога, Источника всяких благ. Имя это божественно, потому что открыто нам Богом, говорит нам о Боге, возносит наш ум к Богу и проч. В молитве (особенно Иисусовой) Имя Божие и Сам Бог сознаются нами нераздельно, как бы отождествляются, даже не могут и не должны быть отделены и противопоставлены одно другому, но это только в молитве и только для нашего сердца, в богословствовании же, как и на деле, Имя Божие есть только имя, а не Сам Бог и не Его свойство, название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо ни Богом (что было бы бессмысленно и богохульно), ни Божеством, потому что оно не есть и энергия Божия.

2. Имя Божие, когда произносится в молитве с верою, может творить и чудеса, но не само собою, не вследствие некоей навсегда как бы заключенной в нем или к нему прикрепленной Божественной силы, которая бы действовала уже механически, – а так, что Господь, видя веру нашу (Мф. 9, 2) и в силу Своего неложного обещания посылает Свою благодать и ею совершает чудо»*** (Из обращения Св. Синода в 1913 г. к мона-

* «О. Серафим» – это преп. Серафим Саровский, а «о. Архимандрит» – это настоятель оптинский арх. Моисей, который, будучи еще послушником Тимофеем, слышал от преп. Серафима замечательное наставление: «Стоя в церкви, надобно творить молитву Иисусову, тогда будет внятно и церковное богослужение». Жизнеоп. Арх. Моисея. Москва. 1882, стр. 12.

** Четвериков С, прот. Оптина Пуст. Париж. 1926, стр. 134–135.

*** Троицкий С. В. Об именах Божиих и имябожниках. СПб. 1914, стр. XVI.

хам по поводу имябожнической ереси, возникшей в Пантелеимоновском монастыре на Афоне.)

2. СТРОЕНИЕ ДУШИ

Чтобы лучше уяснить себе глубочайшее действие молитвы на душу, рассмотрим ее строение. Душа человека, этот «субъект личной его жизни» (проф. Зарин), отличается от души животного своим богоподобием: «Сотворим человека по образу (отображению) Нашему» (Быт. 1, 26), сказал Бог, и Он вдунул в человека «дыхание жизни» (Быт. 2, 7), дух, богоподобное начало в душе человека. Основные проявления духа – сознание и свобода. Жизнь души, все ее проявления, состояния, чувства, свершаются в сердце. Сердце это непосредственный, все объединяющий орган жизни. В нем сосредоточивается вся личная жизнь человека. Сердце и дух тесно связаны в непрерывном взаимодействии. Деятельность духа происходит по преимуществу в сердце, и совесть есть результат ее действия (Рим. 2, 15). Источник высшей религиозно-нравственной жизни заключается в духе, и чрез дух устанавливается живая связь человека с Богом, т.к. дух орган «свидетельства Божия» (Рим. 8, 16). Чрез дух человеческий проникает в сердце Дух Божий и в нем действует. Таким образом сердце являетсяместилищем веры и религиозности и, наоборот, при их отсутствии сердце может быть источником неверия и всяких греховных состояний: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15, 19). Органом духа является разум, теснейшим образом с ним связанный. Его деятельность проявляется в познании, как отвлеченном теоретическом, так и в нравственно-практическом. Разум обладает также способностью сознать заложенные в душе, благодаря воздействию на нее духа, религиозные и нравственные начала. Но, как было сказано, сердце является средоточием всякой деятельности, всей жизни человека, в том числе и духа. Таким образом, оно включает в себя и деятельность разума и подчиняет эту деятельность себе.

3. НИСШЕСТВИЕ УМА В СЕРДЦЕ

Сердце, или способность чувствовать, этот «центр жизни», как физической, так и духовной, «корень существа человеческого», «фокус всех его сил духовных и животнo-тeлесных», «лежит глубже» деятельных способностей души, а именно ума и воли, и составляет для них как бы основу. И так как ум есть сила созерцательная, а «сердце» обнимает собою наиболее глубокие индивидуальные переживания, то естественные отношения между ними должны выражаться контролем постоянным и неослабным «разума» над «сердцем»*. Разум должен

* «Понятие сердца занимает центральное положение в мистике, – говорит проф. Вышеславцев. – Сердце означает некоторую глубину, скрытый центр личности, где лежит вся ее ценность, ее вечность. Только в таинственной глубине сердца возможна встреча с Богом. Христа нельзя воспринять иначе, как сердцем: “Верую вселиться Христу в сердца ваши” (Еф. 3, 17). Сердце есть центр любви, а любовь есть выражение глубочайшей сущности личности... Оно есть центр не только сознательного, но и бессознательного (подсознательного), не только души, но и духа... тела, не только умопостигаемого, но и непостижимого. Сердце есть Богоподобная свобода...» «Человек подобен Богу и есть малый бог (“вы боги”) в этой значала “принципиально” дарованной ему способности свободы, в способности сказать “да” или “нет”, “да будет” или “да не будет”, способности совершить положительный или отрицательный акт. Эта сила есть сущность, таинственная и удивительная сущность каждого “я”, каждого духа...» «В основе всякого акта лежит свобода (отсюда свобода выбора добра и зла). Сердце есть свет Логоса, свет самосознания в его высшем мистическом смысле слова... Выражаясь языком Платона, можно сказать, что сама душа есть созерцание идей, и в этом состоит ее высшая сущность. Она “логична” и созерцательна... Постигает, созерцает и усматривает вовсе не только один интеллект: постижение шире, чем мышление, чем интеллектуальное познание. Сердце есть тоже орган постижения, оно постигает многое, что недоступно и интеллекту: оно постигает святость, красоту, ценность». «Кроме умственного есть эмоциональное постижение. Мы приходим к исходному библейскому значению сердца: сердце есть орган познания, если мы берем познание во всей широте узрения и постижения, далеко выходящего за пределы научного познания. Чтобы постигать многое, недоступное изолированному интеллекту, нужно “умом в сердце стоять”. Ибо и ум в конце концов укоренен и центрирован в сердце, так как личность имеет единый сокровенный центр». (Вышеславцев Б. Сердце в христианской и индийской мистике. Париж. 1929, стр. 5, 9, 65, 66, 67, 69, 70, 75.)

сообщать последнему должное направление, предохраняя его от помыслов дурных и направляя к помыслам добрым. А ввиду того, что помыслы возникают из сердца, то внимание должно держаться у сердца, или в сердце, что можно определить «трезвенным надзором ума за помыслами», а в аскетике это называется «пребыванием в сердце». Ум, пребывая в сердце на страже помыслов, должен заключать внимание в слова молитвы. Ее степени следующие. Вначале молитва творится только устная. Далее к движению языка станет прислушиваться ум. Наконец может последовать и «снисхождение ума в сердце», как выражаются Отцы, т.е. ум, возвратясь в сердце, заставляет согреваться оное теплотою божественной любви, и уж само сердце будет без понуждения, свободно с неизреченной сладостью призывать имя Иисуса Христа и изливаться с умилением перед Богом непрерывно, по реченному: *«Я сплю, а сердце мое бодрствует»* (Песн. 5, 2)*.

Это «снисхождение ума в сердце», или их соединение, еп. Игнатий Брянчанинов объясняет следующим образом: «Сердце, или сердечное место, “словесная сила,” или дух человека, присутствующий в верхней части сердца, против левого сосца, подобно тому, как ум присутствует в головном мозгу. При молитве нужно, чтобы дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одною мыслию, или и с участием голоса, а дух действует чувством умиления, или плача. Соединение даруется Божественною благодатью, а для новоначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом дух непременно ощутит умиление»**.

Как только что было сказано, внимание должно пребывать именно в верхней части сердца. Вся важность этого указания и его значение можно видеть из следующих слов старца Паисия Величковского: «Необходимо с самого начала приучать свой ум в час молитвы стоять сверху сердца и смотреть в

* Зарин С. Аскетизм. СПб. 1907. Т. I, кн. 2, стр. 372–380, 392–394, 576–586.

** Брянчанинов Игнатий, еп.ч. 1. СПб. 1865, стр. 157.

глубину его, а не на половине сбоку и не в конце внизу. Следует это делать потому, что когда ум стоит сверх сердца и внутри его совершает молитву, и тогда он как царь, сидя на высоте, свободно наблюдает плещущие внизу злые помыслы и разбирает их, как вторых вавилонских младенцев, о камень имени Христова. При этом, будучи значительно удален от чресл, он может легко избежать похотного жжения, ставшего присущим нашей природе чрез преступление Адама*.

В силу непрерывного, постоянного внедрения в душу Имени Божия, образ Христа проникает в подсознание и расцветает в сознании. Совершается преображение души, начиная с ее скрытых глубин, преображение, имеющее своим пределом полное «обожение», как оно выражено в словах Апостола: «*Не я живу, а живет во мне Христос*». Это и есть цель и смысл молитвы Иисусовой**.

Молитва и трезвение неразрывно связаны между собой. Последнее проф. Зарин определяет так: «Трезвение – это “заботливостью”, трудом и опытом приобретаемое “внимание” ума к тому, что происходит в “сердце”, т.е. во внутренней жизни, – внимание, сопровождаемое “бодренностью”, т.е. неослабным напряжением сил с целью “охранения” сердца от дурных движений, для достижения чистоты сердца».

Этот подвиг в аскетике имеет еще следующие наименования, которые оттеняют его с различных сторон: «подвиг и труд ума» (Макарий Ег., И. Кассиан), «собрание себя в одно место» (Исаак С., Василий В.), или иначе «самособрание», «собрание внутрь» (Еп. Феофан), «внутреннее делание» (Древний Патерик, еп. Феофан), «сердечное делание» (Еп. Феофан), «сокровенное делание», «духовное делание» (Исихий)***.

* Сборн. о Молитве Иисусовой. Изд. Валаамского м-ря. 1936, стр. 214, а также Житие молд. старца Паисия Величковского. Москва, 1847, стр. 128.

** Откровенные рассказы странника. Париж, 1933, стр. 7.

*** Зарин С. Аскетизм. Т. I, кн. 2. СПб, 1907, стр. 587.

Духовные созерцания

Св. Отцы говорят о том, что высокие духовные состояния достигаются только хранением ума. По слову преп. Исихия, «Хранение ума достойно именоваться светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почетными именами ради рождающихся из нее светозарных светов. Возлюбивши ее, из грешников непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных делаются силою Иисус-Христовою праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными; и не только это, но и начинают совершать таинства и богословствовать. Сделавшись созерцателями, они переселяются к оному пречистому, беспредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют, поелику вкусили, “яко благ Господь”»*.

Согласно св. Макарию Египетскому, огонь благодати, возженный Духом Святым в сердцах христиан, делает их сияющими наподобие свечей перед лицом Сына Божия.

«Огонь божественный, в соответствии с волей человеческой, то возгорается большим пламенем, то уменьшается и совсем не дает отблеска в сердцах, смущенных страстями. Огонь невещественный и божественный освещает и испытывает души. Этот огонь снизошел на апостолов в виде огненных языков. Этот огонь воссиял Павлу, беседовал с ним, озарил его ум и вместе с тем ослепил его глаза, ибо то, что является плотью, не может вынести сияния этого света. Моисей видел этот огонь в нескораемой купине. Этот огонь вознес Илию с земли в виде огненной колесницы... Ангелы и служебные духи общаются свету этого огня... Этот огонь прогоняет демонов, искореняет грехи. Он есть сила воскресения, истина вечной

* Преп. Исихия пресв. Иерус. поуч. о трезв. и молитве. Москва, 1890, §171.

жизни, озарение душ святых, постоянство небесного могущества» (Макарий Египетский).

Это и есть «божественные энергии», «лучи Божества», о которых говорит Дионисий Ареопагит, те творческие свойства, которые проникают вселенную и познаются вне тварного мира как свет непреступный, в котором пребывает Святая Троица. Преподанные христианам через Духа Святого эти энергии уже не носят характера внешнего явления, но как благодать, внутренний свет, который преобразует природу, обожая ее. «Бог назван Светом не по своей природе, но согласно Его энергии, – говорит св. Григорий Палама. – Насколько Бог проявляется, сообщается, может быть познаваем – Он есть Свет. Если Бог называется Светом, это не только по аналогии со светом материальным. Божественный свет не имеет только значение аллегорическое и абстрактное: это есть данное мистического опыта. Этот божественный опыт дается каждому по его силам и может быть большим или меньшим согласно достоинству каждого, кто это испытывает. Видение божества, ставшим лицезримым в озарении несозданного света, есть “тайна восьмого дня” – она принадлежит будущему веку. Однако достойные могут видеть “Царствие Божие, пришедшее в силе” (Мк. 9, 1) еще и в сей жизни, как это видели три апостола на Фаворской горе»*.

У Симеона Нового Богослова находим мы вдохновенные страницы, изображающие нам высочайшие состояния Богосозерцания.

О таком высшем ощущении Симеон говорит так: «Бог не является в каком-либо очертании или впечатлении, но является как простой, образуемый светом, без образа, непостижимым, неизреченным. Больше этого я не могу ничего сказать. Впрочем, являет Он себя ясно, узнается весьма хорошо, видится **чисто невидимый**, говорит и слышит невидимо; беседует естеством Бог с теми, кои рождены от Него **богами по благодати**, как беседуют друг с другом, лицом к лицу; любит сынов

* Lossky V. Essai sur la theologie mystique de l'Eglise d'Orient. Paris, 1944, pp. 217–218.

своих как отец, и любим бывает ими чрезмерно, и бывает для них дивным неким видением и страшным слышанием, о которых не могут они говорить как должно, но опять и молчать не могут... И не могут они насытиться возвещением истины, потому что не суть больше господа над собою, но суть органы Духа Святого, в них обитающего, Который подвизает их, и Сам опять подвизаем бывает ими...»

Симеон обращается к Божеству и говорит: «Однажды, когда Ты, пришедши, орошал и омывал меня, как мне казалось, водами и многократно погружал меня в них, я видел молнии, меня облившие, и лучи от лица Твоего, смешивавшиеся с водами, и видя, как омываем был водами световиднейшими и блестящими, пришел в исступление... Проведши так довольное время, я опять увидел другое страшное таинство. Я увидел, что Ты, взяв меня, взошел на небеса, вознесши и меня с Собою, – не знаю, впрочем, в теле ли Ты возвел меня туда, или кроме тела Ты один то знаешь, сделавший сие. После того, как я пробыл там с Тобюю довольный час, удивляясь величию славы (чья же была та слава, и что она такое, не знаю), я пришел в исступление от безмерной высоты ее и вострепетал весь. Но опять оставил меня одного на земле, на которой я стоял прежде. Пришедши в себя, я нашел себя плачущим и дивящимся скорбному обнищанию своему. Потом, немного спустя после того, как я стал долу, Ты благоволил показать мне горе, на небесах отверзшихся лице Свое, как солнце, без образа и вида...

Опять явился Ты, невидимый, неосязаемый, неуловимый... и давал мне видеть славу Твою обильнее, и Сам Ты увеличиваешься паче и паче и блистанием паче и паче расширяешься, и мне казалось, что с удалением тьмы Ты приближаешься ближе и ближе, – как это часто испытываем мы и в чувственных вещах. Ибо когда сияет луна и облака бегут, гонимые ветром, тогда кажется, что и луна бежит скорее, хотя на деле она нисколько не скорее бежит обыкновенного своего течения.

Таким образом, о Владыко, мне казалось, что Ты недвижимый грядешь, неизменяемый увеличиваешься, не имеющий образа приемлешь образ. Ибо как бывает со слепым, что он

мало-помалу привыкает видеть и ясно обнимать весь образ человека, или все очертание человеческого тела, и мало-помалу живописует его в себе, как он есть, когда начертывается все подобие образа человека в сих глазах, и через них проходит в ум и рисуется в памяти человека, как на доске: так и Ты, когда очистил совершенно ум мой, явился мне ясно во свете Духа Святого, и как ум мой видел Тебя яснее и чище, то мне казалось, что Ты будто выходишь откуда-то, являешься светлейшим и даешь мне видеть черты беззрачного зрака Твоего... Когда же я спросил Тебя, говоря: о Владыко, кто Ты? Тогда Ты в первый раз сподобил меня услышать и сладчайший глас Твой, и столь сладко и кротко беседовал со мною, что я пришел в иступление, изумлялся и трепетал, помышляя в себе и говоря: как это славно и как блистательно... Ты сказал мне: «Я – Бог, соделавшийся человеком, по любви к тебе... Я говорю с тобою через Духа Святого, Который вместе со Мною говорит тебе. Это даровал Я тебе за одно произволение и веру, и дам еще больше сего...»

Под впечатлением этого Божественного созерцания Симеон в восхищении восклицает: «Что другое блистательнее и выше сего?» И слышит ответ, что ощущения будущей жизни выше этого счастья. «Чрезмерно мала душа твоя, – слышит Симеон, – когда ты довольствуешься только таким благом, ибо оно в сравнении с будущим похоже на то, как если б кто нарисовал небо на бумаге и держал ее в руках: сколько разнится нарисованное небо от истинного, столько, или несравненно более, разнится будущая слава с той, какую видишь ты теперь...»*

«И Паламе ведомы озарения внутреннего человека неизреченным светом, когда, пользуясь тем светом, он идет путем, возводящим его на вечные вершины, и он становится зрителем премирных вещей»... По слову его, подвижник, «отделяясь от материального, в котором он сначала проходит известный ему путь, он восходит не на мечтательных крыльях ума, который кругом всего блуждает, как слепой, но идет к истине неизреченною силою Духа, духовным и неизреченным восприятием он слышит неизреченные глаголы и видит несозерцаемое, и он уже

* Слова Сим. Нов. Бог. Москва, 1892. Слово 90, стр. 487–489.

здесь на земле есть и становится чудо... он состязается с ангелами в непрестанном песнопении, став на земле, как некий ангел Божий, и приводит через себя к Богу всякий вид тварей)*.

Таковы непостижимые духовные переживания и высокие достижения Богосозерцания. Проф. арх. Киприан в следующих словах поясняет их значение: «Они показывают возможность преодоления тварного мира, детерминированности космических законов. Мистик выходит из себя, из тесных рамок тварного мира, из законов логического мышления, из категории времени и пространства, подымается на третье небо, слышит несказанные глаголы, погружается в добытийственные бездны, касается трансцендентных основ твари. “Душа, – пишет св. Дионисий, – устремляется к непостижимому свету, соединяется с тем, что над ней, выходит совершенно из себя и становится Божией”)**.

Подводя итоги, скажем, что «мистическое ведение есть не только знание о Боге и божественном, но и обожение своего ума, поэтому мистическому познанию открываются те тайны Божие о Нем, о мире, о человеке, о начале и конце всего, каких никогда не познать богослову»***, говорит проф. арх. Киприан. Надо также отметить, что мистические созерцания не есть переживания каких-то субъективных психических состояний радости, мира, покоя, но откровения иного мира, действительное соприкосновение с этим, хотя духовным, но реально существующим миром. Только силою благодати может человек достигать таких сверхъестественных состояний, поэтому: «Приступающий к созерцанию без света благодати, – как говорит св. Григорий Синаит, – да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет в мечтательном духе, будучи опутываем фантазиями и сам себя обманывая»****. И далее: «Сам от себя не строй воображений, а которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй на-

* Киприан, арх. Дух. предки Григ. Паламы. // Бог. Мысль. Париж, 1942, стр. 129–130.

** Ibid., стр. 108.

*** Киприан, арх. Дух. предки Григ. Паламы. // Бог. Мысль. Париж, 1942, стр. 26.

**** Добр. Т. V. Москва, 1900, стр. 233.

печатлевать их на себя. Ибо все сие со вне будучи печатлеемо и воображаемо, служит к прельщению души...» «Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вождедевает... Тогда испытывающий сие бывает уже мечтателем, а не безмолвником»**.

Прекрасное определение того, что такое безмолвие, дает нам преп. Никита Стифат (XI в.). «Безмолвие есть состояние ума нестужаемого (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и неколеблемое, светлое созерцание, ведение Божиих тайн, слово премудрости из чистого ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, безтрудный в великих трудах покой и, наконец, единение и совокупление с Богом»***.

Заканчивая речь о безмолвии, скажем словами Лествичника, что «к истинному безмолвию способны только те, которые стяжали Божественное утешение к поощрению в трудах и Божественное содействие в помощи при бранях»****. Иначе говоря, удел безмолвников есть удел не всех, а лишь тех, кого благодать Божия призывает на это. Истинные подвижники никогда не стремились непосредственно к мистическим созерцаниям.

Это таило бы в себе опасность «прелести». Высшие духовные созерцания не есть удел каждого подвижника, это присуще немногим гигантам духа. «В чистую молитву един от тысяч достигнешь, а яже по сей, едва один от тмы» (*тьма* – 10 тыс., Исаак Сирин).

В своем прекрасном очерке о типах возрастания о. Павел Флоренский устанавливает онтологическое различие духовных типов и их иерархичность. Хотя каждый тип по своей «кривой» может возрастать в духовном совершенствовании бесконечно, но характер возрастания, способности, духовная одаренность различны. Группы типов одной «породы» при возрастании могут превосходить друг друга и в быстроте возрастания, и в

* Ibid., стр. 224.

** Ibid., стр. 213.

*** Ibid., стр. 131.

**** Лествица. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1898. Слово 27, 55.

интенсивности, и различаться друг от друга до бесконечности, но все же между ними можно установить какое-то родство, или связь, можно их сравнивать, но типы разной «породы» просто несравнимы между собою. Они из другого «теста», из другого материала. Одному типу свойствен могучий взлет: ему даны орлиные крылья, другой же поднимается вверх по более пологой кривой и, может быть, чтобы достигнуть высот созерцания Боговидения, ему недостаточно времени, ограниченного пределами земной жизни. И правильная духовная школа не ставит никогда ученику целью это созерцание, но очищение от страстей. Остальное же зависит от способностей человека к духовному возрастанию, от его усилий в этом направлении, от правильной школы и опытного старца, если он может вести кратчайшим путем. Господь же, видя твердую решимость и неуступность подвижника, венчает его плодами Духа*.

Ту же самую мысль развивает и проф. арх. Киприан. «Мистика, – говорит он, – есть, прежде всего, духовный дар, особая харизма Св. Духа. Не всякий аскет сподобится мистических озарений, но всякий мистик идет путем узким и скорбным аскетического подвига. Благодаря этому, некоторые аскеты с меньшей одаренностью останавливают свой духовный взор на одном только нравственном катарсисе (очищении), тогда как другие с более обостренным духовным зрением взирают вглубь необъятной бездны премирных, добытийных сфер, преодолевают силу притяжения этого тварного мира и, видя свое будущее обоженное состояние, приобщаются к Божеству. Они не только теоретически сознают догмат воплощения, “Слово плоть бысть,” со всеми его последствиями в классической формуле св. Афанасия Александрийского: “Бог вочеловечился, чтобы человек обожился”, но и лицезреют в своих таинственных видениях это обожение**.

* Флоренский П., свящ. О типах возрастания. // Бог. Вестн. 1906. Т. II, стр. 530–568.

** «На языке наших Отцов самого слова “мистика” нет, это понятие западного происхождения, которому лучше всего соответствует “стяжание” Св. Духа, стремление к харизматическому настроению». Проф. арх. Киприан. Дух. Предки Григ. Паламы. // Бог. Мысль. Париж, 1942, стр. III.

1. СОЗЕРЦАНИЕ В БИБЛИИ И ЯЗЫЧЕСТВЕ

Слово *contemplatio*, (Θεωρία), т.е. созерцание, происходит от слова *templum*, – место с широким кругозором, откуда авгуры делали наблюдения. *Contemplari* означает внимательное наблюдение зрением или умом. *Θεωρεῖν* обозначает глядеть, разглядывать, затем размышлять или углубляться, философствовать*. В человеческой природе заложена способность к созерцанию и Богообщению. В сущности, рассказом об этой способности, о Богообщении, и открывается начало истории человечества в самой древней книге – Библии. «Рассказ из книги Бытия приоткрывает нам интимные отношения между Адамом, Евой и Богом, прерванные грехом. Когда Бог, проходя через рай, зовет Адама, Адам прячется (Быт. 3, 8). С этого момента человек уже не может вынести зренья Бога. Но человек влечет к этому видению, коего он отныне недостоин. С тех пор во всей библейской истории, даже у самых великих друзей Божиих, наблюдается этот мучительный конфликт между их глубочайшими устремлениями и сознанием своего недостойнства. Бог их привлекает и пугает»**.

Но и лучшие люди языческого мира не лишены были Богоощущения, хотя оно у них проявлялось в ином аспекте, чем у евреев, получивших Богооткровенную религию. Это сказывается уже и в том, что «греки и особенно платоники, представляли себе трансцендентность Бога в смысле метафизическом: человек, пока он не освобожден от материи, не может соприкасаться с миром духовным, он слишком от него отличен, чтобы его постигать. Библия же исповедует моральное недостойнство человека: Бог свят, человек грешен. Видение Бога ему не невозможно физически, но ему это запрещено: нельзя видеть Бога и остаться живым»***.

* Dictionnaire de la Spiritualite. Fasc. XIII, Paris. MCML, p. 17.

** Ibid., p. 1654.

*** Ibid., p. 1654.

Как евреи, так и язычники стремились к познанию Божества, о чем нам свидетельствуют греческие философы: Сократ, Платон и другие. Их мистический опыт может быть назван естественным или натуральным, в отличие от христианского вышеестественного. Различие между ними следующее: в христианском созерцании Бог является действующим лицом, и Сам соединяется с очистившейся душой. Это действие сверхъестественное, оно есть акт взаимной любви Творца и твари. Тогда как в натуральном созерцании не дается никакого представления о Божественной любви. Душа не-христианка может иметь о Боге понятие лишь самое смутное, подобно тому, как в потемках трогается предмет без возможности определения такового. Эта мистика, по сравнению с христианской, подобна некой тени*.

Мистическое восприятие сверхъестественного мира также включает в себе возможность соприкосновения и с силами зла. Человек, не очищенный покаянием, духовное зрение коего не просветлено бесстрашием, не может обладать «даром различения духов» и если при этом он имеет еще медиумические склонности, то легко может придти в состояние самообольщения, или «прелести». Единственный правильный путь к созерцанию – это путь христианской аскетики.

2. ПРЕЛЕСТЬ

Главная опасность при прохождении аскетического подвига заключается в возможности подвергнуться самообольщению или прелести.

«Все виды прелести, – говорит еп. Игнатий, – которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено **покаяние**, что покаяние не сделалось душой и **целью молитвы**. Всякий усиливающийся взойти на брак Сына Божия не в чистых и светлых брачных одеждах**, устраиваемых покаянием, а прямо в рубище, в со-

* Dullionnaire de la Spiritualite. Fasc. XIII, Paris, MCML, pp. 1717–1762.

** В древности царь посылал особую парадную одежду приглашенному

стоянии самообольщения и греховности извергается вон, во тьму кромешную: в бесовскую прелесть»*.

Смирение всегда сопутствует святости. Святость немыслима без него. Проф. арх. Киприан говорит: «Смирение, с которым преп. Симеон Новый Богослов сознает свое несовершенство, сокрушенно кается в своих прошлых грехах и падениях, служит ручательством того, что его мистический опыт совершенно свободен от элемента прелести и духовной гордости. В аскетической литературе бесчисленны предостережения новоначальным инокам не поддаваться ложным видениям, не прельститься, не принять ангела тьмы за Ангела Света. Также находим у преп. Симеона предупреждение не верить всевозможным стукам, голосам, страхованиям, видениям чувственного света, благовонным запахам и т.д., посещающим подвижника на молитве... Наряду со смирением мистик ограждается от опасности отпадения в какую бы то ни было лжемистику таинственной связью с Церковью»**.

Все разновидности самообольщения или прелести разделяются на два вида и происходят, во-первых, от неправильного действия ума и, во-вторых, от неправильного действия сердца (чувства). «Исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом неочищенным от страстей, необновленным и несозданным десницею Св. Духа, исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться святыми и божественными ощущениями, когда оно для них еще вовсе неспособно»***.

Первый род прелести, благодаря разгоряченности ума и воображения, часто заканчивается сумасшествием и самоубийством; второй, называемый «мнением», хотя и реже заканчивается так трагично, потому что мнение хотя и приводит ум в ужаснейшее заблуждение, но не ввергает его в исступление, как

на его пир. В притче Спасителя брачная одежда символизирует благодать Св. Духа, посылаемую Богом подвижнику.

* Брянчанинов Игнатий, еп. СПб. Т. I, стр. 135.

** Киприан, арх. Дух. предки Гр. Паламы. // Бог. Мысль, 1942, стр. 113.

*** Брянчанинов Игнатий, еп. СПб. Т. I, стр. 144.

в первом случае, но тем не менее оно так же пагубно: подвижник, стремящийся возбудить в сердце любовь к Богу, пренебрегши покаянием, усиливается ощутить наслаждение, восторг и в результате достигает как раз обратного: «Вступает в общение с сатаной и заражается ненавистью к Св. Духу». «Мнение» в разных степенях весьма распространено всюду: «Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собой какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не держащийся неуклонно учения Православной Церкви, но о каком-либо предании размышляющий произвольно по своему усмотрению, или учению инославному, находится в этой прелести. Степенью уклонения и упорства в уклонении определяется степень прелести...»^{*} В состоянии падения из всех ощущений одно только «может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа...» *«Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс. 50, 19)**. Приведем характерный случай прелести от разгорячения ума и воображения, со слов еп. Игнатия (Брянчанинова). Его посетил афонский монах, говоря ему: «Отец, помолись обо мне, я много сплю, много ем». Когда он говорил это, еп. Игнатий ощутил от него исходящий жар. Для того, чтобы выяснить духовное состояние афонца, еп. Игнатий попросил монаха научить его молитве. «О, ужас!» Этот монах начал ему преподавать «способ восторженной, мечтательной молитвы». В дальнейшем выяснилось, что афонец вовсе незнаком с учением Св. Отцов о молитве. «В течение беседы говорю ему, – рассказывает далее еп. Игнатий, – смотри, старец, будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем» «Отчего так?» – возразил афонец. «Оттого, – отвечал я, – что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга на Афон, и они понесут из верхнего этажа да уронят, то убьешься до смерти, если ж понесут из нижнего и уронят, то только ушибешься». «Представь себе, – отвечал

* Ibid., стр. 148.

** Брянчанинов Игнатий, еп. СПб. Т. I. стр. 145.

афонец, – сколько раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афон». Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи и чувствует в теле такой жар, что зимой не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на ум поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтобы он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный Святыми Отцами, заключающийся в том, чтоб ум во время молитвы был чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника (Слово 28, гл. 17) в словах молитвы, причем сердце обыкновенно сочувствует уму душе-спасительным чувством печали о грехах, как сказал преп. Марк Подвижник: “Ум неразвлеченно молящийся утешает сердце: *“Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит”*” (Гл. 34. Доброт. Ч. 1). “Когда же ты испытаешь над собою, – сказал я афонцу, – то и мне сообщи о плоде опыта, потому что самому мне предпринять такой опыт неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой”. Афонец согласился. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: “Что ты со мной сделал!” – “А что?” – “Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и я уж не могу возвратиться к ним”. Далее в беседе с афонцем я не увидел той дерзости и самонадеянности, которые были заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святы или находятся в духовном преуспении. Афонец изъявил желание услышать мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться наружностью от других, потому что это ведет к высокоумию, то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он был у меня и сказал, что жар в теле его прекратился, что он уже нуждается в теплой одежде и гораздо больше спит. При этом он сказал, что на Афонской горе многие и из пользующихся славою святости употребляют тот способ молитвы, который был употреблен им, научают ему и других»*.

* Ibid., стр. 140–142.

Старчество

Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией безбедно входит в пристань, так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов соделала.

Иоанн Лествичник

1. ЗНАЧЕНИЕ СТАРЧЕСКОГО ОКОРМЛЕНИЯ

Из трудности внутреннего подвига, имеющего целью стяжание чистоты и бесстрастия, открывается все великое значение старческого окормления (от слова «кормчий», рулевой, путеводитель). Иоанн Лествичник говорит: «Прельстились те, которые возложили упование на самих себя, сочли, что они не имеют нужды ни в каком путеводителе»^{*}.

«Как не имеющий путеводителя удобно заблуждается на своем пути, хотя бы и весьма был умен, так идущий самочинно путем иночества легко погибает, хотя бы и всю мудрость знал»^{**}. Ту же мысль развивает и преп. Марк Подвижник (IV в.): «Кто идет иноческим путем самочинно и без всякого наставления, тот много претывается, впадает во многие ямы и сети лукавого, и во многие впадает беды, и не знает, какой конец получит. Ибо многие прошли путь свой со многими трудами, подвижничеством и злостраданием и многие труды претерпели Бога ради. Но самочиние, нерассуждение и то, что они не искали от ближнего наставлений, сделало таковые труды их тщетными»^{***}. Причиною же заблуждения самочинно живущих монахов, между прочим, есть и то, что бесы всегда стремятся представить нам свет тьмою, тьму светом, как сказано у Апосто-

^{*} Лествица. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1898, сл. 1. отд. 7.

^{**} Лествица. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1898, слово 26, отд. 237.

^{***} Послание к Николаю-иноку. В книге Марка Подв. Изд. Опт. Пуст.

ла: «Сам сатана принимает вид Ангела света» (II Кор. 11, 14). В наставлении иноков Игнатия и Каллиста говорится: «Главное все делай с советом и вопрошанием отца твоего духовного о Христе Иисусе; ибо таким образом, благодатью Христовой, несносное и стремнистое бывает легко, и тебе покажется, что ты несешься по ровному, несколько покатоному полю»*. В этом наставлении отмечается пять признаков искреннего духовного отношения духовных детей к своему старцу-наставнику: «1. Полная к нему вера. 2. Истина: быть правдивым пред ним в слове и деле. 3. Не исполнять ни в чем своей воли, а стараться отсекаать оную, т.е. ничего не делать по своему желанию и разумению, а всегда обо всем вопрошать старца. 4. Отнюдь не прекословить и не спорить, т.к. споры проистекают от гордости и неверия и 5. Совершенное и чистое исповедание грехов и тайн сердечных»** (исповедание помыслов).

2. ОТКРОВЕНИЕ ПОМЫСЛОВ

Откровение помыслов, по словам еп. Игнатия Брянчанинова, «по всей вероятности установлено самими Апостолами» (Иак. 5:16) и было всеобщим в прежнем монашестве, что видно со всей ясностью из творений преп.: Кассиана Римлянина, Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, аввы Дорофея, словом, из всех писаний отеческих о монашестве. Но для осуществления откровения помыслов опять-таки необходим преуспевший в духовной жизни, воспитанный по этому правилу инок. Преп. Кассиан Римлянин говорит: «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам»***. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих», ибо «далеко не всякий может по-

* Добротолюбие. Москва, 1900, т. 5, стр. 355

** Ibid., стр. 319.

*** Брянчанинов Игнатий, еп. Т. 1, СПб., 1865, стр. 545.

нести помыслы» (Варсон., и Иоанн.). Ефрем Сирий предупреждает: «Если еще не сильно распален ты Духом Святым, то не желай выслушивать чужие помыслы. Выслушивающий исповедь должен ярко гореть огнем благодати, чтобы этот огонь по-палял в его душе скверну чужих помыслов и страстей, чтобы при руководстве благодать и исповедь не разрывала, а сильнее закрепляла цепь нравственных отношений между ним и кающимся». Старец, призванный к совершению исповеди, «судит по Духу Божию, Который на нем». «Отче, поведай, что внушит тебе благодать Всесвятого Духа, и уврачуй мою душу» (Палест. Патер.)*, – с такими словами обращается к подвижнику инок, принесший ему исповедь. Благодать Св. Духа и была именно той силой, которая сообщала внутреннее полномочие старцу на принятие им исповеди помыслов и врачевания их.

Это делание, по словам еп. Игнатия, «исполнено необыкновенной душевной пользы: ни один подвиг не умерщвляет страстей с таким удобством и силою, как этот. Страсти отступают от того, кто без пощады исповедует их»**.

«Скрывающий свои помыслы бывает неисцелен» (Варсон. и Иоанн). «Помыслов, смущений и подозрений не скрывайте... О том человеке и радуются демоны, который скрывает свои помыслы, худые ли то или хорошие» (Преп. Исаия). «Отвергнув стыд, всегда надобно открывать старцам все, что происходит в нашем сердце» (Иоанн Кас.). «Злой помысел ослабевает немедленно, как только будет открыт. И прежде, чем будет произведен суд отлучения (т.е. прежде наложения эпитимии), отвратительнейший змей убегает, как извлеченный на свет из мрачной подземной пещеры мужеством исповеди, выставленный напоказ и опозоренный» (Иоанн Кас.). «Помысел начало и корень прегрешений, когда скрывают, переходит в дело тьмы» (Феодор Студ.)***.

* Смирнов С. И. Исповедь и покаяние в древн. монастырях Востока. // Бог. Вестн., апрель 1905, стр. 755–763.

** Брянчанинов Игнатий, еп. Т. I, СПб., 1865, стр. 545.

*** Смирнов С. И. Исповедь и покаяние в др. монастырях Востока. // Бог. Вестн., 1905, март-апрель, стр. 459, 470.

Откровение помыслов – самое сильное оружие в руках духовника и старца. Пишущему эти строки не раз приходилось присутствовать в Оптиной Пустыни, когда старец иеросхимонах Анатолий (Потапов) принимал от монахов исповедание помыслов. Эта сцена производила сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые проходили быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного перед ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивое приращение помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось 2 раза в день, утром и вечером. Поистине – «житие» в Оптиной было беспечальное и действительно, все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять все его значение. «Настроение святой радости, охватывающее все существо принесшего исповедь старцу, описывает один древний инок в таких словах: “Я исполнился неизреченной радости, чувствуя свой рассудок очищенным от всякой скверной похоти. Я наслаждался такой чистотой, что невозможно сказать. Свидетельствует об этом сама истина, и я укрепился твердою верою в Бога и мноюю любовью... Я был бесстрастным и бесплотным, осененным Божиим просвещением и созданным Его велением”» (Палест. Патер., вып. II, 95–96)*.

Св. авва Дорофей († 620) в наставлении о страхе Божиим рассказывает о том блаженном состоянии, в котором он пребывал, когда открывал помыслы старцу: «Я не имел никакой скорби, никакого беспокойства. Если случалось, что приходил мне какой помысел, я брал дощечку и писал старцу (потому что я письменно спрашивал его прежде, чем служить ему), и не успевал оканчивать письма, как чувствовал пользу и об-

* Ibid., стр. 472.

легчение. Так велика была беззаботность и покой во мне. Не понимая силы добродетели и слыша, что многими скорбями должно нам входить в Небесное Царство, я убоился того, что не имел никакой скорби. Я открыл это старцу, и он сказал: не скорби, тебе не о чем беспокоиться. Кто находится в послушании у отцов, тот наслаждается беззаботностью и покоем»*.

Еп. Игнатий говорит, что тех из монахов, которые живут по правилу преп. Нила Сорского, руководствуясь Свящ. Писанием и писаниями Св. Отцов, и ходят на откровение помыслов, можно уподобить пользующимся зрением, жизнью, а не делающих этого – слепцам, мертвецам**.

3. ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА СТАРЦА

В аскетических руководствах при выборе духовного руководителя советуется не искать в нем высоких дарований, чудотворения, прозорливости и т.д., а выбирать опытного в духовном делании, прошедшего лично путь очищения от страстей, так как дарования духовные могут быть и в человеке еще со страстями. Об этом сказал Макарий Египетский: «Бывает и то, что в ином есть благодать, а сердце еще нечисто, потому и падали падавшие: они не верили, что с благодатью пребывает в них дым и грех»***.

Вести же по пути духовного делания может лишь тот, кто сам прошел успешно этот путь.

Иной подвижник, получивший без особых усилий благодатные дары за чистоту душевную, сохраненную им с детства, может и не обладать способностью руководить другими, так как опытно не знает зла, не прошел путем борьбы со страстями, а потому не видит зла и в других. Бывали случаи, когда такие старцы, будучи сами святы, вредили своим ученикам и даже «вгоняли их в прелесть».

* Наставл. о страхе в Хр. Чт. 1829. Патролог, арх. Филарета. СПб., 1882, § 244.

** Брянчанинов Игнатий, еп.. СПб., 1865, Т. 1, стр. 545.

*** Макарий Египетский. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904. Стр. 205, сл. 26, § 25.

Чтобы управлять, необходим дар рассудительности: «Искусство – половина святости», сказал старец о. Леонид Оптинский. Подлинный старец должен обладать даром рассуждения.

Об этом даре находим мы следующее у Еп. Игнатия Брянчанинова: «Преп. Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, утверждают, что “хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым и определяет, что это величайший дар и благодать Св. Духа”. “Необходимое условие такого повиновения есть духовный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшей волей наставника, когда еще сам наставник поработен страстями. “Если ты хочешь отречься от мира, – говорил Симеон Новый Богослов современным ему инокам, – и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтобы не научиться вместо евангельского жития дьявольскому житию; потому что благих учителей и учительство благое, а злых – злое. От лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий ненавидящий и обещающий наставлять других есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели по слову Господа: “Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму”» (Мф. 15, 14). «Старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании, суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемых ими». «Если нет хорошего руководителя, – говорит далее еп. Игнатий, – то лучше подвижнику остаться совсем без него, чем подчинить себя неопытному... Страшное дело принять обязан-

ности (т.е. старчествование), которые можно исполнить только по велению Св. Духа и действием Духа, между тем как общение с сатаной еще не расторгнуто, и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны (т.е. не достигнуто бесстрастие). Ужасно такое лицемерие и лицедейство. Гибельно оно для себя и для ближних, преступно перед Богом, богоухульно».

«Преп. Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным (Алфавит. Патерик), – очевидно, по нарушению нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы, очевидно, бесовские. Не надо им поддаваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас»*.

Старец, как личным опытом прошедший школу трезвения и умно-сердечной молитвы и изучивший благодаря этому в совершенстве духовные психические законы, как уже лично достигший бесстрастия, становится способным руководить первоначальным иноком в его «невидимой брани» на пути к бесстрастию. Он должен уметь проникать до самых глубин души человеческой, видеть в ней самое зарождение зла, а также причины этого зарождения, устанавливать точный диагноз болезни и указывать точный способ лечения. Старец – искусный духовный врач. Он должен ясно видеть «устройство» своего ученика, т.е. характер его души и степень духовного развития, и обладать даром рассуждения и «различения духов», т.к. ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во ангела света. Но как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества...

Старчество в своих высших степенях, как, напр., преп. Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, так как уже не он живет, но в нем живет Христос (Гал. 2, 20), и все его действия в Духе Святом, а потому всегда в гармонии с Церковью и ее установлениями.

* Брянчанинов Игнатий, еп., т. IV, СПб., 1867, стр. 92–96.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был в недалеком прошлом, в начале своего старчества, отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ, напр., Игнатий Брянчанинов, или Антоний Воронежский, великий современник преп. Серафима. Из иереев назовем о. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Чекряковского. Наконец, старчеством может и женщина-старица, как, напр., прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре.

Итак, повторяем, благодатное старчество – это особое благодатное дарование, харизма, непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости. В то время, как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никому никогда не навязывается, подчинение ему всегда добровольное. Но, найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен беспрекословно уже повиноваться во всем ему, так как чрез последнего открывается непосредственно воля Божия. И такое «иноческое послушание, в том виде, или характере, как оно проходило в древнем монашестве», еп. Игнатий называет «высоким духовным таинством»*. То же самое «вопросать старца» ни для кого не обязательно, но спросив совета, надо следовать ему по той же причине.

Но если современный подвижник уже не может найти опытного руководителя, и это не по своей вине, а по причине полного отсутствия таковых, он все-таки не должен падать духом и оставлять свой подвиг. По совету Нила Сорского, инок последних времен должен руководствоваться Священным Писанием и творениями Св. Отцов, но не один, а «при совете преуспевших братии, с осторожной и благоразумной поверкой этого совета Писанием». Для ободрения духа подвижника в этих трудных условиях еп. Игнатий приводит слова св. Исаака Сирина о том, что «монах не должен сомневаться в получении

* Брянчанинов Игнатий, еп. СПб., 1865, т. 1, стр. 540.

дара божественной благодати, как сын не сомневается в получении наследства от отца. Это наследство принадлежит ему по закону естества». Но хотя цель самого монашества и есть обновление Святым Духом, однако св. Исаак советует идти к этой цели покаянием и смирением, стяжать плач о себе и молитву мытаря. Столько раскрыть в себе греховность, чтобы самая совесть свидетельствовала нам, что мы – рабы непотребные и нуждаемся в милости. «Божие, – говорит Святой, – приходит само собой, в то время, как ты и не помышляешь о нем. Ей так! но если место чисто, а не осквернено»*.

Повторим здесь, что без Иисусовой молитвы не может быть правильного подвига. О тех же, которые страшатся приступить к Иисусовой молитве, старец Василий Полянорусский (наставник Паисия Величковского) говорит: «Некоторые, будучи незнакомы опытно с умным деланием, мнят, что имеют дар рассуждения, и оправдывают себя, или, лучше сказать, отклоняются от обучения этому священному деланию тремя предложениями, или изветами: во-первых, отсылая это делание исключительно к святым и бесстрастным мужам, думая, что оно принадлежит только им. Во-вторых, по причине совершенного оскудения опытных наставников и учителей. В-третьих, из-за опасности прелести. Но эти доводы неосновательны: первый потому, что первая степень преуспеяния для новоначальных монахов состоит в умалении страстей трезвением ума и блюдением сердца, т.е. умной молитвой, подбающей деятельным. Второй безрассуден и неоснователен потому, что за недостатком наставника и учителя Писание нам учитель. Третий заключает в себе самообольщение: вместо того, чтобы из Писания познавать прелесть и предостережение от нее, это Писание извращается и представляется в основание к уклонению от умного делания. Если же ты страшишься этого делания и обучения ему от одного благоговения и простоты сердца: то и я на этом основании страшусь, а не на основании пустых басен, по которым “волка бояться, так в

* Брянчанинов Игнатий, еп. СПб., 1865, т. 1, стр. 163 (Исаак Сир. Слово 55 и 2).

лес не ходить”. И Бога должно бояться, но не убегать и не отрицаться от Него по причине этого страха»*.

Современное духовничество, как мы вскоре увидим, родилось из древнего монастырского старчества и является его вторичной формой. Благодаря родственности этих двух явлений, духовничества и старчества, у многих малоопытных священников, знакомых с аскетической литературой только теоретически, всегда может явиться соблазн «превышения власти», – перехода грани духовничества, чтобы старчествовать, в то время как они, в сущности, и не понимают, в чем состоит истинное старчествование. Это таит опасность причинить непоправимый вред душе опекаемого. Известны случаи даже самоубийства как результат такого повреждения.

В лжестарчестве воля одного человека порабощается воле другого, вопреки указанию ап. Павла: «*Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков*» (I Кор. 7, 23) и сопряжено с чувством угнетения и подавленности, уныния, или нездорового душевного пристрастия к «старцу». Истинное же благодатное старчество, хотя и основано на полном послушании, не лишает человека чувства радости и свободы в Боге, так как он подчиняется не человеческой воле, а через нее воле Божией и опытно знает, что старец ему указывает лучший выход из создавшегося внешнего затруднения, или предлагает лучшее врачевство от духовной болезни.

В то время, как благодатный старец является проводником Воли Божией, лжестарец заслоняет собою Бога.

Но не надо смешивать старчествования с монастырской дисциплиной и властью начальства или с особым родом подвига, когда монах предает себя на полное внешнее послушание зачастую жестокому и преисполненному страстей «старцу», сознательно идя как бы на мученический подвиг. Этот подвиг не каждому под силу и может вызвать надрыв и охлаждение к духовной жизни. Он не пример для подражания, а исключение достойное удивления.

* Брянчанинов Игнатий, еп.. СПб., 1865, т. 1, стр. 128.

Еп. Игнатий велит новонаначальному иноку оказывать послушание настоятелю и монастырскому начальству, а также «всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло», говорит он... «Советуйся с добродетельными отцами и братьями, но усваивай советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью... не увлекайся советом по первоначальному его действию на тебя», так как он может понравиться или по неопытности, или как угождающий сокровенной твоей страсти*.

Иное дело отношение советника к наставляемому, нежели старца к послушнику, рабу о Господе, за которого старец несет всю полноту ответственности. На советнике же не лежит ответственности за его совет, поданный со страхом Божиим и смиренным умрием, не самопроизвольно, но будучи спрошен и понужден. И совет не обязателен к исполнению, он может быть исполнен или нет. «Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его», говорит Нил Сорский. «Божественные Писания и слова Св. Отцов многочисленны, как песок морской, неленносно исследуя их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные Святые Отцы из Божественных Писаний». «Вот превосходный образец для современного наставления»**, заключает еп. Игнатий.

Один опытный священник, говоря о духовном водительстве и оттеняя различие старчества и духовничества, выразился так: «Духовник направляет на путь спасения, а старец ведет по этому пути».

4. СТАРЧЕСТВО И ДУХОВНИЧЕСТВО В ИСТОРИИ

Элементы старчества можно уже усмотреть в харизматических явлениях первых веков христианства. Эти харизма-

* Брянцианов Игнатий, еп. СПб., 1865, Т. IV, стр. 98–104.

** Ibid.

тические явления, как говорит проф. Смирнов, повторились среди древнего монашества, и старцы были носителями этих харизм – особых даров Св. Духа, подаваемых человеку непосредственно от Бога по личной заслуге. Право же вязать и решить, или «власть ключей», они трактовали, как дар самый высший, как совершенство дарований*.

В древних монастырях Востока исповедь и покаяние слагаются в самостоятельную систему, отличную от современной ей церковной покаянной дисциплины.

Рассмотрим, какова эта монастырская практика? Отец духовный (πνευματικός πατήρ)** обозначает собою не священника, не исполнителя епископского поручения; это «простой монастырский старец, обязательный наставник инока, самостоятельно поставленный в монастыре и свободно выбранный учеником, большею частью не имевший священного сана». «Он брал души учеников на свою душу, руководил ими в каждом шаге духовной жизни, а потому, принимая исповедь их помыслов и дел, поощрял и наказывал».

Нравственно бытовые отношения старца и ученика, – духовного отца и духовного сына, – очень скоро и рано выработались внешне и внутренне в прочную и стройную систему, окрепли в монастырски-бытовую форму. Древнейший старец (как позднейший духовник) принимал исповедь и покаяние. Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам, начиная с мимолетного помысла, слегка возмутившего монашескую совесть, кончая смертным грехом. «Старческая исповедь и покаяние заменяли церковную исповедь и покаяние».

Распространение влияния старчества в мирской среде начинается очень рано, вероятно с первых же лет установивше-

* В древности не существовало взгляда на сакраментальную исповедь, как на единственное, исключительное и неизбежное средство для прощения грехов, допущенных человеком после крещения. Исповедь и покаяние представлялись только одним из многих способов очищения от грехов. Иоанн Златоуст, напр., указывает пять таких способов: 1) Публичная исповедь, 2) Плач о грехах, 3) Смирение, 4) Милостыня, царица добродетелей, 5) Молитва.

** Этот термин появляется уже с IV века и существует до половины IX века.

гося монашества. На исповедь к старцам миряне ходят, минуя своих пастырей.

Причиной распространения монастырской покаянной дисциплины в Церкви надо признать ее сравнительную легкость, превосходство над церковной и большую жизненность, “строго-пастырский характер при наличии превосходного, популярного в Церкви органа – старчества, такого органа, какового не имела официальная церковная исповедь.”

За иной канонический грех древняя Церковь подвергала виновного сначала отлучению, а затем публичному покаянию. Старец же, принявший исповедь брата, тотчас примирял его совесть и налагал эпитимию сравнительно более легкую, чем церковная, – «решил и вязал».

Со временем монастырская исповедь по всему Востоку вытесняет церковную, которую совершала белая иерархия, и «старцы» – «духовные отцы» превращаются в духовников.

Каким же путем совершился переход старчества в духовничество, т.е. превращение монастырского института в общецерковный и сближение старческой исповеди с сакраментальной?

Начало этого явления мы можем уловить в Византийской Церкви только со времени гонения Льва Армянина (820) на иконопочитателей, когда монастырские старцы были признаны официально Константинопольским Патриархом Никифором Исповедником как законные совершители таинства покаяния наряду с епископами и пресвитерами. Мера вызвана была нуждами времени: Православию грозила опасность, и оно опирается на содействие наиболее ревностных защитников иконопочитания – монахов, главным образом студитов.

Будучи местной, эта мера пролагала путь к вытеснению белой иерархии из покаянной практики на всем Православном Востоке и на долгое время, что произошло уже после эпохи Вселенских Соборов. В течение X–XII веков тайная исповедь окончательно завоевывает господствующее положение, вытеснив исповедь публичную и покаяние по канонам.

Итак, «институт» духовного отца сначала является в форме монастырского старчества. Термин «духовный отец»

служит долго для обозначения монастырского старца. Затем эта церковно-бытовая форма почти целиком повторилась в позднейшем духовничестве. Монастырски-бытовая форма превратилась в форму церковно-бытовую и в таком виде просуществовала на Востоке почти неизменно целый ряд столетий*.

При возникновении христианства на Руси духовенство, пришедшее сюда из Греции и из Болгарии, принесло с собою почти готовую дисциплину покаяния и институт духовничества в тех бытовых чертах своих, в которых они зародились и сложились на Востоке в период Вселенских Соборов. У нас дисциплина эта просуществовала почти нетронутой до самого XVIII века, так как древнерусская церковная власть, живя традицией и стариною, проявляла в этой сфере очень мало творчества.

Покаянные дисциплины греческой и славянских Церквей несколько отличались между собой. По-видимому, у южных славян была допущена одна важная особенность – участие белого духовенства в духовничестве, чего не знала греческая церковь того времени.

Возможно, что не в одинаковой степени сохранялись остатки древнехристианской публичной дисциплины.

Хотя мы покаянную дисциплину получили из Греции и Болгарии, однако у нас в отличие от них, в силу огромного пространства территории, очень скоро перестал существовать отдельный класс духовников, и право на совершение исповеди стал получать каждый белый священник при своем поставлении. Другой особенностью Русской Церкви явилось то обстоятельство, что духовник стал, таким образом, непременно и носителем пресвитерского сана.

Рассмотрим теперь, какова же была эта дисциплина? По обычаю того времени всякий волен был выбирать себе духовника по своему желанию, но уже раз выбранного не имел права оставлять.

* Смирнов С. И. Древнее духовничество и его происхождение. // Бог. Вестн. 1906, Т. II, стр. 369–382.

Отношение к последнему характеризуется безусловным, беззаветным и беспрекословным повиновением ему, постоянством и верностью до конца жизни. Духовник же со своей стороны принимает всю ответственность за грехи своего духовного сына и берет его грехи на свою душу. Приведем пример такой передачи грехов: выслушав исповедь и прочитав молитвы над преклоненным покаянным сыном, духовник подымает его с земли и возлагает правую его руку на свою шею со словами: «На моей выи согрешения твоя, чадо, и да не истяжает о сих Христос Бог егда приидет во славе Своей на суд страшный».

Духовник «не только свидетель есть» покаяния духовного сына пред Богом, но является как бы ответственным за его грехи. Грех сына, сообщаемый духовнику на исповеди, становится их общим грехом, они являлись, как бы соучастниками преступления.

Будучи «поручителем стада» своего, древний русский духовник становился вождем его, ведущим в вышний Иерусалим, должен был открыть ему Божие Царство и привести к престолу Божию, чтобы сказать: «Се аз и чада, яже ми еси дал».

Духовный отец был безусловным и неограниченным руководителем своих духовных детей, подобно игумену или старцу в монастыре, и наложенная им эпитимия, была все равно, что «заповеди Божии», и что духовник связывал, то только он и мог один развязать*.

5. СВЯТОСТЬ

Нами вкратце рассмотрен путь к стяжанию бесстрастия посредством «духовного делания», другими словами, трезвением и непрестанной молитвой, исповеданием помыслов, послушанием старцу на основе полного самоотречения.

Путь сей «царский», кратчайший, непосредственно приводящий к чистоте сердечной, а, следовательно, к Богопознанию: *«Блаженны чистые сердцем: ибо они Бога узрят»* (Мф. 5, 8).

* Смирнов С. И. Древнерус. Духовник. Москва. 1913.

Бесстрастие это полнота добродетелей, состояние святости, так как по непреложному закону место искорененной страсти занимает противоположная ей добродетель.

Святость есть чистота сердечная, стяжание благодати, этой силы Божией, несотворенной энергии, божественной и обожающей, которая, подобно множеству цветных лучей солнечного спектра, проявляется в различных дарах Святого Духа.

Святость – это исполнение надежды, свершение веры, переполнение любви к Богу в Духе Его. Последний дар, дар любви – наивысший и совершеннейший, ибо если кто имеет даже дар пророчества, и знает все тайны, и имеет всякое познание и всю веру, так что может горы переставлять, а не имеет любви, то он ничто (I Кор. 13, 20). Высшее познание Бога «гносис» соединен с даром любви: *«пребывающий в любви в Боге пребывает»* (I Ин. 4, 16). Великий святитель Василий говорит: «Я человек, но имею задание стать богом». И это свершается в святости.

Полнота благодати Божией, преображая святого подвижника, преодолевает законы тварного бытия, раздвигая пределы времени и пространства, и даже сам закон всемирного тяготения теряет свою силу в виде высшего символа неподзаконности святого стихиям этого мира.

Само проклятие Божие, тяготеющее над возгордившимся человечеством со времени Вавилонского столпотворения, – смешение языков, теряет свою силу, когда в порядке Духа Святого преподается дар языков.

Переизбыточествующая сила Божия воссоздает первозданную неповрежденность человеческой природы, когда, отпуская грехи, исцеляет чрез подвижника и телесные недуги страждущего.

Святые подвижники Божии образуют видимое звено между нашим миром и небесным Царством Божиим. Это истинно ангельские люди и человеческие ангелы. Восходя от меры в меру, все более и более проникаясь божественным духовным светом благодати, они, подобно раскаленному железу под действием огня, просветляются как солнце, достигая выс-

ших состояний обожения в познании духовных тайн, в Богосозерцании и Богообщении.

Святость неотделима от Церкви, так как Церковь, будучи мистическим Телом Христовым, есть **Путь, Истина и Жизнь**. Церковь – это путь, по которому шли все святые, и истина, в которой они живут. По природе своей истина может быть только одна, так как она укоренена в едином истинном Боге, и восприятие этой истины, выстраданной веками в порядке соборного делания, является основной предпосылкой для стяжания благодати Церкви Соборной и Апостольской.

И Церковь, обладая полнотою истины и даров Святого Духа, предлагает их всем, только мир не может принять их по причине своей закоснелости во грехах и зле.

Мистика неотделима от догматов Церкви: церковные догматы и мистика настолько связаны между собою, что последняя вытекает из первых и, в свою очередь, догматы находят опору в мистическом опыте. Тема эта в богословии не новая. «Восточная традиция, – говорит В. Н. Лосский, – никогда не делала различия между мистикой и богословием, между личным постижением божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью».

Слова, сказанные сто лет тому назад великим православным богословом Филаретом Московским, выражают в совершенстве это положение: “Никакая из тайн Божьего домостроительства наиболее сокровенная не должна нам казаться чуждой, или совершенно трансцендентной, но мы должны в полном смирении расположить наш ум к созерцанию божественных вещей”. Иначе говоря, догмат выражает откровенную истину, которая является для нас как бы бездонной тайной, но долженствующей быть нами изжитой в известном процессе, в течение которого вместо того, чтобы ассимилировать тайну согласно нашему пониманию, надо, наоборот, чтобы мы блюли в себе глубокую перемену внутреннего нашего духа, которая бы создала почву, годную для восприятия духовного...» «Вне истины, хранимой соборностью Церкви, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности. Это была бы смесь верного

и ложного, реальности и иллюзий – “мистика” в дурном смысле этого слова)*. Проф. арх. Киприан также отрицает возможность личного духовного опыта вне Церкви: «Наряду со смирением мистик ограждается от опасности отпадения в какую бы то ни было лжемистику таинственной связью с Церковью. Никакая отсебятина, духовное самоутверждение и противоположение своего опыта опыту Церкви невозможно. У подвижника все проверяется чутьем церковности, мерилom же церковности служит евхаристическая жизнь. Сама природа Церкви евхаристична... Истинная богословская интуиция черпается со дна Евхаристической Чаши, сияет из таинственной теургической жизни. Кабинетное абстрактное умствование о Боге вне Евхаристической жизни и без личного живого религиозного опыта, и именно опыта церковного, бесплодно и потому бесполезно. Всякие потуги дерзать в области мистики без Евхаристического общения не приводят ни к чему, кроме самообмана, мистификации других и сектантского отпадения от Тела Церкви»**.

Многоразличны виды святости: полнота Церкви Христовой включает в себя всю жизнь, своды Церкви покрывают весь космос. Бесчисленны сонмы мучеников, за ними следуют сонмы преподобных. К группе апостолов непосредственно примыкают великие учителя и Отцы Церкви – их дело продолжают творить святители.

Труднейший подвиг самоотречения свершили «блаженные» – Христа ради юродивые, отрехшись от своего разума и «мудрости мира», приняв крест безумия ради «безумия креста» (I Кор. 1, 25) и получив взамен высшую духовную мудрость. Всякое служение на любом жизненном поприще, творимое в подвиге самоотречения ради Бога, в молитве и трезвении, приводит к бесстрастию, так как все добродетели связаны между собою, и стяжание одной влечет за собой и все другие.

Четьи-Минеи твердят нам об этом на каждом шагу.

* Lossky Vladimir. Essai sur la Theologie mystique de l'Eglise d'Orient. Aubier. Edition Montaigne. 1944. Paris, pp. 6 et 11.

** Киприан, арх. Дух. предки Григория Паламы. // Бог. Мысль. Париж, 1942, стр. 114.

Так мы видим в древности Филарета Милостивого, преисполненного благодати, хотя он проводит жизнь в семейном кругу и был дедом императрицы.

Перед нами богатырский образ Александра Невского, воина-героя, администратора, великого печальника земли родной. Не будем перечислять имена всех святых, в миру просиявших. Их много. Кроме князей, воинов, просветителей-миссионеров есть отроки, девы и жены, стяжавшие праведность.

Типы святых бесконечны и разнообразны. Каждый святой, даже одного типа, непременно имеет свои неповторимые индивидуальные черты, так как всякая личность неповторима: *«И дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает»* (Ап. 2, 17). Но что у них общего, так это наличие у всех момента полного самоотречения и следования за Христом, подвига ради Него по Евангельскому слову: *«И кто не берет креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня»* (Мф. 10, 38).

Это единственный путь: вне его нет иного. Кто же стремится непосредственно к высоким духовным достижениям, оставляя в стороне подвиг самоотречения ради Христа, покаяния и трезвения, тот «перелазит инде» (Ин. 10, 1).

«Цель земной жизни – стяжание Духа Святого, – говорит преп. Серафим, – ибо благодать Духа Святого совершает очищение, освящение и преображение человеческого естества. Для этого одной воли человеческой недостаточно, но и без усилий с его стороны благодать не совершает спасения человека: необходимо сотрудничество (синергизм) как человеческой воли, так и благодати Божией. Последняя начинает действовать с момента вступления подвижника на путь покаяния и правильного подвига, и, подобно закваске в тесте, начинает проникать все человеческое естество, очищает, преображает его. Христос сказал: *«чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, в которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все»* (Лк. 13, 20–21). О таком действии благодати в следующих словах повествует Макарий Египетский: «Благодать непрестанно сопребывает, укореняется и действует как закваска

в человеке, и сие сопребывающее в человеке делается чем-то как бы естественным, как бы единою с ним сущностью»*.

Не всем доступна духовная высота – «острое житие святых». Бог не требует от всех святости, но желает всем спасения. Безграничная любовь Божия всех зовет на пир своей славы. И самого скромного труженика, получившего лишь один талант, проходящего свой жизненный путь в покаянии и смирении ждут «Объятия Отчие». Никогда не поздно вступить на путь покаяния: «Если кто придет и во единодесятый час, да не уstraшитса замедления: любочестив бо сый Владыка, приемлет последнего, якоже и перваго: упокаевает в единодесятый час пришедшаго, якоже делавшаго от перваго часа. И последнего милует, и первому угождает, и сему дарствует, и дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит»**.

«Спасение делается между страхом и надеждою» (Петр Дамаскин). Какой бы высоты ни достиг подвижник, всегда возможно падение, но и отчаянию никогда не должно быть места.

«Пусть вы не видите в себе ничего доброго, – говорит старец Макарий Оптинский, – и находитесь в греховном пленении, сие должно вас смирать, но не смущать, так как при смущении невозможно чувство раскаяния, ибо нет греха, побеждающего милосердие Божие; кайся и примет твое покаяние, яко блудного и блудницы». Если же и этого не можешь, но по навыку согрешавши, хотя бы и не хотел, имей смирение, якоже и мытарь и “довлеет ти во спасение.” Ибо непокаянно согрешающий и не приходящий в отчаяние по неволе худшим всея твари считает себя и не дерзает осудить, или укорить кого-либо, но более дивится человеколюбию Божию и чувствует благодарность к Богу и “ина многая блага имети может”... Если кто диаволу в согрешении и повинуется, но ради страха Божия не слушает врага, понуждающего его к отчаянию, то и в этом “часть Божия есть» (Петр Дамаскин). «И пусть никто не отдаст в поражение душу свою (уклонением в отчаяние), пока есть в нем дыхание, хотя бы и на всяк день сокрушалась ладыя его». В этом есть пре-

* Макарий Егип. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1904, стр. 69.

** Триодь Цветная. Огласит. слово Иоанна Златоустаго.

мудрость, данная от Бога и «сей есть премудрый недужник» (больной), не отсекающий своей надежды (Исаак Сирий, сл. 7). Но чего надо опасаться, так это беспечности греховной в надежде покаяния в будущем, так как это то же, что и отчаяние*.

У древних греков слово *αγιος* было самым редким из 5 синонимов, обозначающих понятие «святости», насколько это последнее было им доступно.

Тогда как в Библии (как в Новом, так и в Ветхом Завете) это почти единственное слово, которое выражает «свойственное исключительно религии истинного Откровения понятие святости, то понятие, в котором сосредоточиваются главные принципы и основные цели божественного Откровения»**.

В христианстве же слово «святость» наполняется совершенно новым, ему только свойственным содержанием.

Языческое понятие святости означает внешнее отношение человека или предмета к Божеству, посвящение, или принадлежность к нему. Момент же нравственный, – главный в христианском понятии, совершенно отсутствует, так как Божество до христианства не было известно как «любовь», только одна могущая обусловить действительные внутренние отношения Божества и человека и вызвать внутреннее преобразование его естества и истинно нравственный характер его жизни.

В языческом понятии святость Божества мыслилась как особенность, отделенность Бога от мира, Его возвышенность над всем, несоизмеримость и несравнимость ни с чем тварным. Он, будучи «святым», не терпит нарушения нравственного закона, карает сознательные и бессознательные преступления и пороки людей, но Он не выносит и выдающегося нравственно-го совершенства людей, на которое Он смотрит, как на желание сравняться с Ним, как на посягательство на божественные прерогативы. Таким образом, в божественную жизнь входит момент мстительности, себялюбия, что в сущности уже разрушает понятие святости.

* Письма иеросхимонаха Макария Оптинского к мирским особам. Москва, 1862, стр. 17–22.

** Зарин С. Аскетизм. Т. I, кн. 2, стр. 17–21.

По смыслу же библейского учения «святость» человека есть уподобление Богу, отражение и осуществление в человеке божественных совершенств. Как единый носитель истинной и всесовершенной абсолютной жизни, Бог есть вместе с тем единый и единственный источник «святости». Отсюда люди могут быть только «участниками», «причастниками» Его «святости», и не иначе, как становясь общниками Его Божеского естества. «Для согрешившего человечества, таковое освящающее общение с Богом возможно стало только во Христе, силою Его искупительной жертвы, которая была точным и совершенным исполнением воли Божией о спасении людей», чтобы они *«были святы и непорочны пред Ним в любви»* (Еф. 1, 4). Эта цель проникает собою все Божественное откровение о спасении людей.

Божественная святость исключала по своему характеру возможность внутреннего общения Бога с греховным человечеством. Этим объясняется избрание из среды всего человечества одного народа, чтобы воспитать из него народ «святой», «чтобы в среде его могло осуществиться реальное единение Бога и человека, которое имело бы значение для всего человечества».

Поэтому к избранному народу предъявлялось особое требование святости. Весь народ должен быть «святым» во всем своем поведении, потому что свят Господь, избравший народ свой в особый удел и ставший к нему в особое тесное общение любви*.

* Там же.

ГЛАВА II. ДРЕВНЕЕ ВОСТОЧНОЕ МОНАШЕСТВО

*Те которые Христовы, распяли плоть со
страстями и похотями.* Гал. 5, 24

*Монах есть ангел, а дело его есть милость,
мир и жертва хваления.*

Преп. Нил Росанский, † 1005 г.

Введение.

Иерархичность духовного мира и место в нем монашества

Христианство рождалось в гонениях и страданиях. В любой момент верующий должен был быть готовым к мученическому подвигу. От него требовалось высшее напряжение всех духовных сил и отречение от мира. Буквально исполнялась заповедь Христа: «*отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною*» (Мф. 16, 24). Такое состояние бесстрастия и святости могло быть уделом только элиты – немногих избранных.

Три века гонений заканчиваются блестящей победой христианства над язычеством. Героический период сменяется «временами благоденствия и мирного жития». Религия становится уже достоянием масс, но вместе с этим неизбежно и фатально снижается высокий уровень первого христианства.

Новая эпоха потребовала и нового способа «стяжания небесных венцов».

Чтобы отречься от мира, надо теперь уйти от него, чтобы достигнуть бесстрастия – необходимо пройти долгий путь «внутреннего делания». Мученический подвиг сменяется добровольным мученичеством: самоотречением и аскезой, жизнью в пустыне среди труда и лишений.

Начинается великий исход в пустыню. Зарождается эпоха монашества, которое не напрасно именуется «ангельским образом». «Свет монахов суть ангелы, а свет для всех человеков – монашеское житие». В этих кратких словах Иоанна Лествичника († 650) заключается ареопагитовская мысль о единстве и иерархичности мира видимого и невидимого*.

Учение об ангелах как о вторых светах вообще распространено во всей Восточной патристике. Сущность этого учения передает нам проф. арх. Киприан:

«Святая Троица есть Первоначальный, Вечный, Несозданный Свет, и хотя сущность Божества непостижима, но Бог по любви к миру и человечеству изливает свой божественный свет непрерывным потоком на тварный мир, и только в этом излинии света, этой Божественной энергии, умном Фаворском свете, несозданном и вечном, Бог доступен ангельскому и человеческому восприятию. Дионисий Ареопагит называет это «выступлениями Бога», Григорий Палама вслед за Иоанном Дамаскиным, пользуется термином «устремление Бога». Этот процесс Божественной мировой жизни протекает постепенно в рамках строгой иерархичности. Богоначального первичного света приобщаются прежде всего высшие ангельские чиновачалия и сообщают его по иерархической нисходящей постепенности нижестоящим ангельским чинам. Они являются как бы зеркалами, отражающими этот Свет. Это – «вторичные свету».

После ангелов этого светолития удостаиваются наиболее духовно-чуткие, одаренные люди. Таким образом, составляется «золотая цепь», которая, как говорит Симеон Новый Богослов, «утверждается в Боге, будучи неудоборазрываемой». По словам св. Максима Исповедника, «твари причащаются Божественного блаженства соответственно своей восприим-

* Лествица. Св. Тр.-Сергиева Лавра, 1898, стр. 181.

чивости», больше или меньше согласно с достоинством воспринимающих. Таким образом, ангельский мир есть посредствующий между Богом и человечеством.

На земле иночество продолжает «золотую цепь», соединяющую с миром ангельским на небесах и изливает миру земному, тленному и падшему это сияние святости, любви и мудрости. Иночество должно быть преисполнено этим светом и преломлять его в делах чистоты, милосердия и боговедения, продолжать на земле и довершать ангельское служение, стать «служебными духами» для тех, которые имеют наследовать спасение, для томящегося во грехах и неверии человечества.

Уподобляться ангелам-духам монашество может только духом, а не телом, только «частицей Божества» в себе, по слову Григория Богослова, т.е. своим ипостасным началом. Оно должно, как и все разумное, духовно-одаренное человечество, раскрывать в себе заложенную в нем потенциально божественную стихию, развивать свое духовное дарование, совершенствоваться и приближаться к Божественному Первоисточнику жизни.

Служение миру может проходить в непосредственном контакте с этим миром, или же быть пустынноческим, анахоретским. От мира географически отдаленное, но зато еще более связанное метафизически, духовно, молитвенно, такое иночество уходило от жизни мирской к жизни мировой, к молитвенному служению всему миру, к его духовному охранению.

Монашество по своему замыслу не эгоизм и не имеет права быть им в действительности. Это было бы разрывом «золотой цепи», нарушением соборного единства всех членов тела Церкви и выпадением из общего плана Божия промысления о мире и людях. Также аскеза сама по себе не может быть целью – она только служит как средство, причем негативное, главным образом как воздержание и недопускание низших психофизических потребностей. Иноческие обеты нестяжания и девства – того же негативного характера. Цель иночества, как нравственной силы, спасение не только самих себя, но спасение всего мира и освящение твари. Это не только спасение от мира, но именно спасение мира. Поэтому без гнушения его болезнями и не

брезгуя его нечистотой иночество служит миру: охраняет его, отмаливает его, окормляет его, исповедует его и за него предстательствует. К этому сводилось служение многочисленного сонма преподобных отцов, как в пустынях подвизавшихся, так и открывавшихся этому миру. Вознесение себя на столп (Симеон, Алипий, Никита, Даниил Столпники), или на камень (преп. Серафим Саровский), уход в затвор, в пустынные пещеры, лесные скиты, – все это подвиг молитвенного заступничества за мир. Но и этот подвиг за мир, отмаливание его перед престолом Господним, видоизменяется подчас открытым служением человечеству. Особенно созревшие духом подвижники предают себя подвигу исключительной сострадательной любви к миру, обращаются к нему с исцелительной молитвой и советом. Они, раскаленным углем Имени Божия, касаются язв души. То «милующее сердце»*, о котором так глубоко и трогательно говорит авва Исаак Сирианин, содрогающееся печалью и состраданием о всякой душе и всякой твари, и даже о врагах истины, т.е. демонах, обращается к миру в подвиге духовничества и старчества. От древних подвижников Востока эта линия тянется к Паисию Величковскому и нашим знаменитым Оптинским Старцам. «Оптина – один из прекраснейших цветков иноческого вертограда, один из лучезарных светочей православного мира и его ангелоподобного собора монашествующих. Исповедь, руководство жизнью, совет самого, казалось бы, прозаического повседневного содержания приближают иноков к их назначению быть ангелами-хранителями мира»**.

1. Зарождение монашества по Святым Отцам

Подобно тому, как кристаллическое вещество, находясь в расплавленном состоянии, не имеет определенных форм, но все в нем в движении, и только охлаждаясь постепенно, оно принимает определенные четкие формы кристалла, так и в

* Слова подвижнические. Москва, 1858, стр. 299.

** Архимандрит Киприан. Ангелы, Иночество, Человечество. Париж, 1942, стр. 7.

Церкви – ее быт, догматы, каноны, ее институты – все вначале не имеет явно выраженных форм, но впоследствии они выльются из духовной сущности Церкви по законам истины, заключенной в недрах ее.

Итак, пока еще состояние Церкви находится как бы в расплавленном состоянии и она пронизана вся целиком светом и теплотою Духа Святого, в то время всякое проявление жизни в ней по сущности своей не может быть неистинным, оно все в Духе Святом и по действию Духа Святого.

Когда же Церковь расширяется и вбирает в себя элементы, находящиеся на первичной стадии духовного развития, не изжившие еще в себе «ветхого человека», тогда, благодаря этому прившедшему новому элементу уклонения «одесную и ошуюю» становятся неизбежными. Но Церковь чувствует ложность их. Эти уклонения вынуждают Церковь ясно выразить истинную истину, оформить ее, символизировать и поставить точные грани.

Так происходит кристаллизация форм и установление Церкви, так совершается энтелехийное ее становление.

Подтверждение этой мысли мы находим в Евангелии: Спаситель сравнивает Царство Небесное с *«зерном горчичным», «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»* (Мф. 13, 32).

Зерно всякого растения уже в потенции заключает в себе все растение, и рост его не есть привнесение чего-либо нового, ему не свойственного: так, например, из желудя всегда вырастает только дуб. Подобно этому и христианство с самого своего возникновения имеет в себе все свои составные элементы, и история христианства есть развитие этих элементов.

Так и монашество, и старчество, хотя бы в зачаточном состоянии должны были существовать с самого начала христианства. Пустынники основоположником своим считают Иоанна Крестителя. Иннокентий, ученик Нила Сорского, пишет в завещании: «Если Бог благословит быть Церкви в пустыне нашей, то пусть устроят ее во имя великого Иоанна Предтечи на праздно-

вание третьего обретения честной главы его, сей бо есть великий наставник всем инокам пустынножителем» (по этой причине и главная церковь Оптинского скита посвящена этому святому).

Цель пустынножителей – стяжание непрестанной молитвы. Св. Григорий Палама († 1360) возводит делание непрестанной молитвы на недостижимую высоту, указывая на Пречистую Деву Марию, как первую, воспринявшую на себя образ постоянной молитвы. Он говорит, что Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Свята Святых и внимая Священному Писанию, исполнилась сожаления к погибшему чрез преслушание человеческого роду и стала отыскивать лучший способ беседы с Богом, чтобы получить через него дерзновение и ходатайством Своим снова привлечь к нам Божию милость. Ища же, что нужнее всего молитвенникам и чем приходит молитва, Пресвятая Дева нашла это в священном безмолвии: безмолвие ума, далекость мира, забвение всего дольного и восхождение через это к Боговидению. Ибо пребыванием в безмолвии отпадает от внутреннего человека все земное, низкое, человеческое. Мы отрешаемся и отходим от дольного и восходим к Богу. Пребывающие в молитве и молениях день и ночь в полном безмолвии, тем самым очищают свое сердце, соединяются неизреченно с Богом и как в зеркале видят Его в себе.

Потому и Пречистая Дева Мария, отрекшись всего житейского и переселившись от людей, отказавшись от всякого общения и любви ко всему земному, избрала жизнь никому невидимую и необщительную, пребывая в храме. Здесь собрала Она весь ум в одно пребывание с Богом, внимание и непрестанную молитву, и с ее помощью стала превыше всего мирского мятежа и помышлений. Она совершила новый, неизреченный путь на небо, который есть мысленное молчание. Возносясь выше всех созданий и тварей, Пресвятая Дева гораздо лучше, чем Моисей, созерцала славу Божию и, причастившись божественной благодати, не подлежащей слову и паче ума, стала светлым облаком живой воды, зарею мысленного дня и огнеобразною колесницею Слова*.

* Житие и писания молд. старца Паисия Вел. Москва, 1847, стр. 207–211.

Уединенному образу жизни – отшельничеству, противопоставляется другой вид монашеского жития – общежительный монастырь (киновия). Прообразом его, по слову древнего писателя конца IV века, преп. Иоанна Кассиана Римлянина, была первохристианская община. Сей писатель, Иоанн Кассиан († 435), сын богатых и знатных родителей, получивший прекрасное научное образование, в молодых годах отправился в Палестину, поступил в Вифлеемскую киновию (т.е. общежительный монастырь) и стал монахом. Здесь, прожив два года, он вместе с другом своим Германом решился посетить около 390 г. египетские монастыри, где в то время подвизались великие подвижники. «Посещая все славные монастыри в нижнем и верхнем Египте, они как пчелы собирали все лучшее, что видели в монастырских постановлениях и примерах жизни строгих подвижников, и с более просвещенными и опытными старцами входили в собеседование о разных духовных предметах»*. Таким образом, преп. Кассиан Римлянин сохранил для потомства свои наблюдения над жизнью монашества в раннем его развитии. Эти наблюдения для нас ценны, т.к. они отражают быт и взгляды монашества того времени. Преп. Кассиан Римлянин говорит, что: «род сей жизни», – т.е. общежительный, – «получил начало с апостольской проповедью», т.к. такого образа жизни придерживалось все множество верующих в Иерусалиме. В деяниях апостольских говорится: *«У множества же верующих было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось то, в чем кто имел нужду»* (Деян. 4, 32, 34-35). – «Такова, говорю, была тогда Церковь», и такой образ жизни теперь сохранился «весьма мало и его можно с трудом найти даже в киновиях». «После смерти Апостолов общество верующих начало охладевать, особенно среди тех, которые присоединились из иноплеменников и разных народов». К последним, «по причине

* Добротолюбие. Москва, 1892, стр. 1.

их невежества в вере и застарелым обычаям языческим» еще апостолами предъявлялись минимальные требования: *«чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови»* (Деян. 15, 2). Когда же число верующих сильно возросло по причине ежедневного присоединения «из числа туземцев и пришельцев», то эта свобода, предоставленная бывшим язычникам, мало-помалу стала ослаблять совершенство Церкви Иерусалимской и охлаждать «горячность первой веры», и не только новообращенные, «но и представители Церкви уклонились от прежней строгости». «Ибо некоторые дозволенное язычникам по немощи почитали позволительным и для себя, и думали, что не потерпят никакого вреда и при имуществе и богатстве своем, если будут содержать веру и исповедание Христа».

Те же, которые сохранили ревность первых времен, стали уклоняться от общения с нерадивыми и ведущими распущенный образ жизни, удаляясь из городов и пребывая в местах подгородных и уединенных, чтобы там на свободе упражняться «всякий сам по себе» в том, что раньше было установлено апостолами вообще для всей Церкви. Постепенно со временем они отделились от общей массы верующих, т.к. уклонялись от супружества и от участия в жизни родителей и от общения с миром. Они стали тогда называться монахами, т.е. единожительствующими в строгости одинокой и уединенной жизни. По совместному сожительству они назывались киновидами (т.е. общежительными), а келии и местожительство их киновидами... «Следовательно, этот род монахов был самый древний, который не только по времени, но и по благодати есть первый, и который продолжался нерушимо один многие годы даже до времени аввы Павла (Фивейского) или Антония Великого»*.

Таким образом, древнейший отец преп. Кассиан Римлянин (IV в.) и более поздний святитель Григорий Палама (XIV в.) выводят зарождение монашеского подвига из основ первохристианства.

* Писания преп. Иоанна Кассия Римлянина. Добротолубие. Москва, 1890, стр. 498–500.

2. Краткий обзор истории древневосточного монашества

Монашество начинает особенно развиваться в начале IV века. Но отдельные отшельники уходят из городов еще и раньше, как, например, во времена Декия (249–251), скрываясь от гонений, скитаются в пустынях, пещерах и пропастях земных. Но такой уход в те времена является исключением. Хотя многие в городах проводили жизнь замкнутую и отрешенную, но «инок еще не знал Великой пустыни», – говорит св. Афанасий. Тяга же, почти переселение в пустыню начинается при Константине Великом. Происходит это сначала в Египте, и сразу же начинается раздвоение монашеского пути, образуются два рода жизни: отшельнический и общежительный. Первым вождем древнего монашества был Великий Антоний (род. в 251). Долго он жил отшельником в строгом уединении в пустыне на берегу Нила. К нему начинают приходиться последователи, желая учиться у него, но он долго не соглашается; наконец, уступая их просьбам, разрешает селиться по соседству и строить «монастыри», т.е. одиночные келии, наподобие шатров кочевых племен. Это первые колонии отшельников. Они живут раздельно, по возможности не общаясь между собою, в затворе и уединении, но все же образуют «братство», объединенное духовным руководством.

Подобные же поселения возникают на Нитрийской горе вокруг аввы Аммуна, а неподалеку от них другие, по имени «келии», а еще глубже в пустыне «скит» (коптское *шиит* – большая равнина). Келиоты живут одиноко в замкнутой келии. Это те же отшельники. «Человек, познавший сладость келии, избегает ближнего своего» (Феодор Формейский). «Если не скажет человек в сердце своем: “в мире я один и Бог”, – не найдет упокоения» (Авва Алоний). Этот путь уединения подвига труден и для многих опасен. Очень рано возникает другой тип монашеских поселений – общежитие, или киновия.

Первая киновия была устроена преп. Пахомием Великим (род. в 292), который начал свой подвиг с отшельничества. Он видел, что уединенный образ жизни не посилен и неполезен для новоначальных. К творческой свободе отшельничества надо воспитываться и подготовляться постепенно, и преп. Пахомий организует в Тавенисси общежитие на началах строгого послушания. Основа всего полагалась в верности установленным правилам до мелочей при полном отсечении своей воли или самоволия. Вместо творческой импровизации отшельничества здесь осуществляется идея мерной жизни и ограждается суровой дисциплиной надзора и взысканий. Отшельники были мягче и снисходительнее к слабым и согрешающим. Монастырь Пахомия был воспитательным заведением, куда принимались даже несведущие в вере. Строгим искусом проверялись чистота и твердость намерений. Новоначальный поступал под руководство одному из старших братии. Иноки жили в отдельных домах, человек по 40, под руководством начальника. Для молитвы они собирались вместе. Рукоделие задавалось строго определенное. Его нельзя было самовольно ни уменьшать, ни изменять, ни даже увеличивать. Это была общая жизнь, общий подвиг, во взаимных заботах, где ничего не должно было быть утаенным. По преданию, Ангел Господень, передавая устав Пахомию, сказал: «Устав... я дал для тех, у кого ум еще незрел, чтобы они, вспоминая общее правило жизни по страху пред Владыкой, хотя бы как непокорные рабы, достигали свободы духа». У общежительных монахов и у отшельников идеал общий – «свобода духа», но изменяется путь.

Сам Пахомий основал 9 киновий. Общий настоятель жил в Тавенисси, потом в Певоу. Еще при Пахомии общежития возникают по всему Египту. Его сестра организует женские киновии. Возле Атрипы основывается отшельником Бгулем «Белый монастырь», где настоятелем долгое время был грозный и суровый авва Шенуди. Порядок был очень строг, применялись даже телесные наказания. Характерно, что прошедшим искус общежития предоставлялось право уходить в уединение. Только они должны были собираться 4 раза в год в своей обители*.

* Прот. Георгий Флоровский. Византийские отцы V–VIII вв. Париж, 1933, стр. 140–143.

Один из преемников Пахомия Великого был Феодор Освященный (291–348). Тогда как Пахомий старался побуждать братию к покаянию представлением грозной участи грешников, Феодор пробуждал в душах более упование, нежели страх. История сохранила нам живописную картину того, как происходило откровение помыслов при пр. Феодоре:

«Братия были собраны в числе шести сот... Удивительный порядок господствовал в столь многочисленном собрании монахов. Братия один за другим вставали и подходили к Феодору, прося его пред всеми сказать, какие у них недостатки. Феодор говорил какое-либо место из Св. Писания, приличное состоянию каждого, и сии монахи возвращались на свои места со слезами и с сокрушением сердца. Не по одному только опытному познанию нравов своих иноков Феодор был в состоянии каждому из них в особенности давать столь справедливые применения из Писания, но более по сверхъестественному ведению, которое Бог сообщал ему о их душе. Опыты этой духовной прозорливости открывались в предсказаниях о будущей судьбе Церкви: один монах подошел к нему, как делали это другие, как вдруг увидели, что Феодор замолчал, стал смотреть на небо, а потом встал со своего места. Все братия поднялись также и образовали около него круг, понимая, что он должен дать им важные наставления»*.

И действительно, преп. Феодор делает предсказание, которое вскоре и оправдалось, а именно: об изгнании св. Афанасия, господстве ариан, воцарении Юлиана, потом смерти его и воцарении Иоанна, давшего мир Церкви. Этим предсказанием окончилось «откровение помыслов» – сцена, описанная ее свидетелем пр. Аммуном.

«Сей Аммунал сделал славной гору Нитрийскую» (умер между 340–345). Там же жил св. Памво, о нем св. Антоний сказал, что Дух Божий почил в его сердце. По слову Памво, послушание старцу выше нестяжания и великой любви, ибо эти добродетели стяжаны по доброй воле, а послушник отвергает свою волю и ис-

* Проф. Казанский П. Ист. прав. монашества на Востоке. Москва, 1854. Стр. 205–206.

полняет волю другого. Отречение от своей воли это есть высшая для человека жертва, превосходящая все остальные.

В пустыне Келий известны Макарий Александрийский (295–395) и Макарий Египетский (род. в 300), именуемый Великим. На писаниях его и его школы воспитывались поколения аскетов во все века. Преподобного Макария спросили: «Скажи нам: на какой ты степени?» Ответ: «Ныне после крестного знамения благодать так действует и умиряет все члены и сердце, что душа от великой радости уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни эллина, ни иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек, и радуется о целом мире, и всемерно желает почтить и полюбить эллинов и иудеев. В иной час он – сын царев, так твердо уповает на Сына Божия, как на отца. Отверзаются пред ним двери, и входит, снова отверзаются пред ним двери в соразмерном числе, например из ста обителей – в другие сто обителей. И в какой мере обогащается, в такой мере показываются ему новые чудеса. Ему, как сыну и наследнику, вверяется то, что не может быть изречено естеством человеческим, или выговорено устами и языком. Богу слава. Аминь»* **.

«Необходимо отметить, – говорит проф. архимандрит Киприан, – что в своем мистическом опыте св. Макарий знает то, чему будет следовать вся восточная мистика. Макарий один из первых исихастов. Его наставления в борьбе со страстями, в очищении сердца, в освобождении ума, т.е. в его трезвении, преследуют главную цель: просветление человека. Мистика света, достигаемая в успокоении ума ото всего, что может его волновать и возмущать, уже была прекрасно известна этому пустыннонику IV века, т.е. на тысячу лет раньше, чем о том же учили Палама и исихасты. Самое выражение “исихия” – безмолвие, употребляется им часто и наряду с понятиями “мир,”

* Макарий Египетский. Беседы. Св. Тр.-Сергиева Лавра, 1904, стр. 71.

** Наш преп. Серафим Саровский был весь проникнут учением преп. Макария. В беседе с Мотовиловым он изъясняет причину о пяти мудрых и пяти юродивых девах согласно толкованию преп. Макария, в творениях которого дважды разбирается эта притча.

“успокоенность,” “молитва,” “молчание,” и под. Исихазм никоим образом не является “нововведением или “изобретением”. Григорий Синаит только яснее и определеннее высказал то, что было известно опыту подвижников в IV веке*.

О древности духовного делания или внутренней молитвы говорит и оптинский старец Макарий. Понятие о внутренней молитве, о ее «художном» (телесные приемы) образе знали не все одновременно: так, в то время, когда на Синае уже ею пользовались, на Афоне упражнялись только в «деятельном образе благочестия». Святые Отцы первых веков, если где и говорят об образе внутренней молитвы, то говорят неясно и прикровенно, чтобы не подать повода во вред для неверующих или дерзновенных самочинников. Таких мест немало у Иоанна Лествичника. Напр., 27-я степень: «Память Иисусова, т.е. молитва, да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь пользу безмолвия». И св. Симеон Новый Богослов говорит об Антонии Великом: «Что бы делал он, пребывая в темном гробище языческом, если бы ему неизвестен был образ внутренней молитвы?»**

К концу IV века весь Египет покрывается монастырями. Из Египта монашество перебрасывается в Палестину. Уже в 20-х годах IV века около Газы образуется первый отшельнический монастырь вокруг келии преп. Иллариона, ученика Антония Великого, а неподалеку монастырь Епифания, впоследствии епископа Кипрского. Позднее возникают «лавры» (узкий проход, улица). Первой лаврой была Фарран преп. Харитона близ Иерусалима, а затем и другие на пути из Иерусалима в Иерихон и вокруг Вифлеема. В V веке устраивает свой монастырь преп. Евфимий, а в VI Савва Освященный создает обитель с нестрогим общежительным уставом, где общежитие является предварительной ступенью для перехода жизни по келиям.

Принципиальное основание общежитию дает еще в IV веке Василий Великий. Его общежительный устав оказал влияние на всю историю монашества, не только в Византии, но и на Западе.

* Архим. Киприан. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950, стр. 223.

** Собр. писем опт. старца иеросхимон. Макария. Москва, 1862, стр. 675.

В Сирии монашество развивается независимо от египетского. Много монастырей создается вокруг больших городов. Характерной особенностью сирийского монашества являются подвиги самоумерщвления. Например, в VI веке «пасущиеся», впоследствии же столпничество* **.

Среди сирийских подвижников просияли два великих имени: Ефрем (IV в.) и Исаак (VII в.). Преп. Ефрем – пророк и ученый писатель. Вместе с тем он обладал выдающимся лирическим дарованием. Всем известна молитва его: «Господи и Владыко живота моего». Святитель Исаак Сирин, отказавшись от епископской кафедры, всю жизнь провел в отшельничестве и посвятил ее уединенному изучению своей души, и ничьи поучения не исполнены таких глубоких психологических сведений, как его поучения. Пройдя сам степени духовной созерцательной жизни, св. Исаак дает наставления о созерцаниях возвышенных на основании глубокого опыта.

Мусульманское нашествие в VII веке наносит удар монашеству. Арабы овладевают Сирией в 636 году, Палестиной в 637 и в 640 году Египет подпадает власти аравитян. При владычестве магометан монашество не могло процветать в этих странах. Правитель Египта Абиза издал указ, запрещающий принимать монашество. В 715 году повторил его и подвергал монашествующих пыткам. Когда от Византийской Церкви были оторваны 3 Патриархата: Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский, подпавшие под власть мусульман, вся монашеская жизнь главным образом сосредоточилась в Патриархате Константинопольском. Византийская империя того времени была покрыта монастырями и представлялась как бы

* Один отшельник в глубокой пустыне с высокого камня увидел внизу зеленую траву, а на траве человека, пасущегося, как зверь. Отшельник подкрался к нему и схватил его. Это был старец совершенно нагой. Не терпя запаха человека, он вырвался и быстро побежал. Брат погнался за ним с криком: «Для Бога я гоняюсь за тобой, подожди меня». Старец же ответил: «И я ради того же Бога бегу от тебя». И дал совет брату: «Бегай людей, молчи и спасешься». Здесь самоотречение, доведенное до предела. Древний Патерик. XX, II, стр. 455.

** Прот. Георгий Флоровский. Визант. Отцы V–VIII вв. Париж, 1933, стр. 143.

сплошным монастырем и монашеским царством. По населению монастыри были мужскими, женскими, смешанными, а по образу жизни разделялись на киновии (общежительные) и идиоритмы (особножительные). Монахи жили также в пустынях и уединенных местах, как анахореты (отшельники) в отдельных келиях, скитах, при лаврах. Они руководились уставами свв. Пахомия и Василия Великого, на основании коих потом создались уставы свв. Саввы Освященного, Афанасия Афонского, Феодора Студита и др.

Византийское монашество вынесло на своих плечах Православие во время иконоборчества, которое возникло во время царствования Льва Исаврянина (717–741), желавшего реформировать Церковь в интересах государства и подчинить ее всецело государству.

В IX в. монастырское старчество получает официальное признание Церкви и приобретает внешнее влияние и значение.

Это произошло благодаря стойкости и твердости монахов во время гонения. В связи с этими событиями выдвинулось имя преподобного Феодора Студита. Он был с 798 года настоятелем Студиева монастыря, основанного в V веке римским вельможей Студием. Пр. Феодор встал на защиту икон и терпел пытки и заключения до конца этого гонения († 820). Св. Феодором написан знаменитый Студийский устав, перешедший в Россию с основания Киево-Печерской лавры. Св. Феодор известен как церковный писатель и составитель богослужбных песнопений.

Конец X века в истории монашества ознаменован явлением преп. Симеона Нового Богослова († 1022). Его богословие послужило основанием для развития учения исихазма. Он в молодых годах воспитывался близ царского двора, затем вступил в Студийскую обитель, где был под руководством старца Симеона Благоговейного, проводя здесь крайне постническую жизнь. Оттуда пришел в обитель св. Маманта. При посвящении в пресвитеры свет Духа Божия видимо для всех нисшел на главу его. Впоследствии он стал игуменом обители. Преп. Симеон вдохновенный писатель – тема его молитва и созерцание. Он один из тех немногих святых, кого Церковь наименовала Богословом.

В истории Афона первым по времени возникает отшельничество, затем – общежитие, хотя последнее и рассматривается как образ жизни для начинающих, предваряющий отшельничество.

Первым известным там отшельником и созерцательным подвижником был преп. Петр († 734) и до IX в. на Св. Горе существует только этого рода монашество.

В X же веке по причине упадка жизни отшельников, св. Афанасий создал на Афоне общежительную лавру. И это положило начало борьбе двух мировоззрений на подвижничество. Борьба длилась несколько сот лет, вследствие чего духовное делание ослабело. Но причиной было не только внутреннее разногласие, сколько внешние потрясения и разорение Афона. В 1204 г. Афон был захвачен латинянами (IV крестовый поход). Папа Иннокентий III присоединил весь Афонский полуостров к своим личным владениям. Он послал туда своего уполномоченного с предписанием насильственно обратить всех в католичество. Начался жестокий террор. Но болгарский царь Иоанн Асень II разбил латинян под Адрианополем и этим освободил Св. Гору, но ненадолго. В 1267 г. император Михаил III Палеолог, желая получить от Папы помощь против османских турок, дал согласие на принятие унии. В октябре 1267 г. католики и византийцы-отступники явились на Афон и возобновили гонения. Одна лавра св. Афанасия предалась им за деньги. Остальные обители: Зограф, Ивер и Ватопед остались верными Православию. Зографские монахи были сожжены, Ватопедские повешены, а Иверские брошены в море. Монастыри русский и сербский были сожжены. На Запад вывезли 400 подвод с афонскими святынями и литературными памятниками. В 1313 г. Афон был освобожден от латинян. Все эти потрясения хотя и отразились неблагоприятно на внутренней жизни Афона, однако духовное делание не было там утеряно окончательно, когда в XIV в. преп. Григорий Синаит явился на Св. Гору, он обращался к подвижникам, «весьма украшенным деятельными добродетелями», с вопросами: «Упражняются ли они в умной молитве, трезвении и блюдении ума?» Они ему отвечали, что не знают даже, что это все значит. Обозрев всю Св.

Гору, он остановился наконец в ските Магула, лежавшем близ Филофеевского монастыря, и здесь он нашел трех монахов, которые упражнялись «не только в делании, но и в созерцании»*.

В XIII и XIV вв. происходит новое духовное возрождение всего Востока, а в том числе и Афона, который становится одним из духовных центров. На это указывает проф. Сырку; он говорит, что Афон имел значительное влияние во внутренней жизни юго-восточной Европы, и в особенности в области просвещения и охранения чистоты Православия у византийцев и славян. Св. Гора в это время была оплотом не только православного подвижничества, но и самого Православия. Здесь нередко являлись мужи, украшенные высокими аскетическими подвигами и добродетелями, а также такие, которые были при этом вооружены глубокими познаниями в современных науках и широкой образованностью. Да и было откуда взяться здесь таким мужам! Сюда стекались люди со всех концов не только православного, но и всего христианского мира. Издревле Афон образовывал многолюдную монашескую республику с большими земельными владениями в разных местах Балканского полуострова. Император Михаил Палеолог в хрисовуле, данной лавре св. Афанасия в 1257 г., называет Афон «богоименною горою святою, которую возлюбил Бог, дабы обитать на ней.» С одной стороны на Афоне были подвижники-аскеты, для которых книжные знания не имели первенствующего значения, но с другой были и старцы-книжники, последние, по-видимому, составляли большинство, судя по тем огромным библиотекам некоторых Афонских монастырей. Великий отшельник, или великий ученый являлся светилом для всего греко-славянского мира и привлекал к себе учеников. У такого старца они обучались не только умному деланию, но и духовным знаниям, или наукам, т.к. Афон представлял к этому все средства. На Афоне сберегалась и сохранялась чистота православного учения, там же наблюдалось за неповрежденностью церковных книг. Такими духовными вождями в XIV в. были Григорий Синаит, рас-

* Афонский Патерик. I, стр. 388. Сырку П. Ист. испр. книг в Болгарии. СПб. 1898, Т. I, вып. I, стр. 66.

пространивший и уточнивший на Афоне правило безмолвной умной молитвы, его друг Максим Кавсокаливский, Григорий Палама и ряд Константинопольских патриархов*.

3. Исихазм

Итак, XIV век замечателен новым духовным возрождением Востока. Это возрождение нашло свое выражение в исихазме, вызвавшем знаменитые долгие «исихастские» споры, в которых столкнулись восточное и западное мирозозерцания. Эти споры породили большие волнения в политической жизни Византии. Закончились они полным торжеством исихазма и признанием Православной Церковью учения о Божественных энергиях. Какова же история возникновения исихазма и в чем его сущность? Началось с того, что в начале царствования византийского императора Андроника Младшего (1328–1341 гг.) в Византию переселился калабрийский монах Варлаам, который стал распространять там учение Абеяра о том, что истина только тогда истинна, когда она доказывается исключительно из начала разума. Он проповедовал также и примыкавшее к этому рационализму учение Фомы Аквината о том, что Бог есть всецело сущность и что сущность и действие в Нем не различаются. Сотворенными признавались все действия Божества и даже Дары Святого Духа. Святой Григорий Палама и его сподвижники афонские учили и доказывали самую жизнь, что не путем философских рассуждений, но постоянным очищением души, совершенным безмолвием чувств и помыслов, непрестанным упражнением в Богомыслии и молитве умной или «умным деланием» человек может достигнуть озарения свыше. Но он может зреть не сущность Божества, которая, обитая в «свете неприступном», недоступна для нашего ограниченного тварного естества, а действия Божества (*ενέργεια*), что значит деятельное движение, выражение в этом смысле употребленное Аристотелем. «Проявление существа Божеского

* Сырку П. К испр. книг в Болгарии. СПб., 1898, стр. 55–60.

обыкновенно открывается безмолвствующим в образе света, который можно иногда видеть и телесными очами»^{*}.

Столкновение западного и православного мирозерцания вызвало целый ряд философских споров и соборных обсуждений. Святителю Григорию Паламе принадлежало в этой борьбе первенствующее значение. Его заслуги заключаются в том, что он не только вынес на своих плечах всю эту борьбу, направленную против исихазма, но выразил и закрепил мистические переживания исихастов в ясных и четких философских понятиях, конгениальных Православной Церкви, что привело к официальному узаконению исихастического богословия в Церкви на соборе 1352 года.

Остановимся теперь на выяснении сущности исихазма.

Исихазм – подвиг, связанный с отшельничеством и безмолвием, древнее понятие в Восточной Церкви. В раннюю византийскую эпоху исихазм означал вообще отшельничество – одинокий подвиг пустытника. В позднюю византийскую эпоху исихастами назывались монахи, посвятившие себя абсолютной тиши, священному покою, внутреннему духовному сосредоточению, непрестанной «умной» молитве. Этого рода подвиги приводили в особое состояние, связанное с неизъяснимым блаженством, зрением некоего небесного света, нездешнего, несотворенного, подобного свету, озарившего Спасителя на Фаворский горе. Такой тип исихастов сформировался к XIV веку. Возникновению этого духовного типа содействовало древнее отшельничество.

Обычно считается родоначальником исихазма Симеон Новый Богослов, живший в XI веке. Он первый ясно развил учение о Богосозерцании. Но «исихазм» не есть нечто совершенно новое. Начало его надо отнести ко времени возникновения монашества. Сама «умная молитва» как средство, приводящее к исихии, или безмолвию, не есть изобретение новаторов XI века. Значительно раньше их уже основоположники монашества учили о непрестанной внутренней молитве, укрепляющей «внутреннее внимание» и вызывающей сердечное трезвение.

^{*} Булгаков С. В. Настольная книга для священнослуж. Киев, 1915, стр. 570.

Преосвященный Порфирий Успенский нашел в Афонских библиотеках сборник X–XV вв. с выборками из древних патериков о молитве и внутреннем делании, где истоки исихазма возводятся к Антонию Великому (III в.), Макарию Великому (IV в.), Иоанну Лествичнику (VI в.) и т.д. Авва Антоний учил уже о безмолвии: «Будем молчальниками и исихастами». Блаженной Феодоре он говорил о необходимости успокоиться и молчать, сидеть в своей келии и собирать ум в себе. А у последней мы находим такие слова: «Успокоение от забот, молчание и сокровенное парение ума порождает страх Божий и целомудрие. Сокровенное парение ума есть непрестанная молитва: Г. И. Х. С. Б. помоги мне»*. Много примеров молитвы Иисусовой приводится в Лавсаике и других сборниках. Первым известным исихастом отшельником на Афоне был преп. Петр Афонский, который и был основоположником исихазма на Святой Горе, за ним следует там целый ряд других исихастов. Замечательным центром исихазма на Афоне был в свое время «исихастрион» – «безмолвище», переименованный в Магулы, построенный грузином Саввой Халдом между монастырями Ивером и Филофеем во время императора Василия Македонянина (конец IX в.).

Идеологию своего учения исихазм берет в мистических учениях древнехристианской Церкви. Наибольшее значение имеет Дионисий Ареопагит. Максим Исповедник († 662) ввел и узаконил в Церкви Дионисьевский мистицизм. Он ищет сверхразумных и сверхчувственных путей к сближению с Божеством. Оба автора, Дионисий и Максим, повествуют уже о неизъяснимом свете, в который вступает лицезреющий Божество. Но подлинный духовный родоначальник афонских исихастов – это преп. Симеон Новый Богослов († 1022), величайший мистик на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий, который ясно показал, что высшая цель подвигов есть лицезрение Божественного света. Главное жизненное назначение человека – нравственное просветление путем вхождения внутрь себя и духовного сосредоточения.

Известно, что свет, который созерцают некоторые подвижники, учение исихазма отождествляет с Фаворским светом, оза-

* Киприан, арх. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950, стр. 57, 58.

рившим Христа во время Преображения. И на этом основании создалось мнение, что вообще учение о свете есть новшество, внесенное исихастами XIV века. Но учение о свете существует уже с начала монашества, а Григорий Палама был только первым, который сослался на Фаворский свет, защищаясь от противников. Ко времени этих споров учение исихастов было вполне сложившимся. Единственно новым во время этих знаменитых споров, когда обсуждалось все учение исихазма, это всплывший на поверхность вопрос о способе физическом для сосредоточения и усиления внимания, который применялся подвижниками во время молитвы*. Когда возник этот способ, точно установить нельзя. Но практиковался он с древнейших времен и передавался изустно. Между тем наступил момент в истории Церкви, когда назрела необходимость подвергнуть открытому обсуждению все учение об исихии для того, чтобы дать ему официальное и законное право на существование. Об этом говорит еп. Порфирий Успенский: «Все учение афонских исихастов не было новостью в XIV веке. Нет. Оно издревле таилось не только у них, но и везде, где были безмолвники... и не смущало христианское общество. Но его обнаружил известный нам калабрийский монах Варлаам, а чуткая ко всем толкам Церковь Константинопольская обсудила это учение соборно». «Потому-то именно в своих соборных решениях, – тома 1341 и последующих годов, – Церковь и высказала с такой определенностью, что это было в духе церковной традиции, в согласии со всем монашеским опытом»**, уточняет эту мысль архимандрит Киприан.

По своему характеру исихазм был консерватизмом и хранителем традиций. Учение об умной молитве систематизировал и изложил преп. Григорий Синаит на точном основании святоотеческого учения. «Мы знаем, – продолжает архимандрит Киприан, – с каким ожесточением набросились на афонских исихастов Варлаам, Григора и Акиндин, и как много обвинений они высказывали против св. Григория Паламы. Его

* Положение тела, связь молитвы с дыханием, и центр внимания в верхней части сердца.

** Киприан, арх. Антропология св. Гр. Паламы. Париж, 1950, стр. 5

имя не сходит с уст современников и с соборных актов. Но если бы основателем исихазма был преп. Григорий Синаит, то почему же ни в одном из томов синодальных или святогорских не упомянуто ни разу его имя? Естественно было бы нападать на него, как на новатора. Но дело в том, что исихия и умная молитва не были новшеством для XIV века»*.

Рассмотрим, в чем состоит учение исихастов. Оно сводится к следующему:

1. В Боге надо отличать сущность (*ουδία*) Его от Его проявлений (*εὐεργεία*).

2. Энергия Божества нетварна, как и Его сущность.

3. Различие между сущностью и проявлением Божества не вносит в понятие Бога сложности.

4. Слово «Божество» прилагается Отцами Церкви не только к существу Бога, но и к Его энергиям.

5. По учению Отцов сущность выше своего проявления, как причина выше следствия.

6. Сущность Божия трансцендентна тварному миру (вне мира), а потому недоступна для познания человеку, который может познавать Бога только в Его проявлениях – Его благодати (*χάρις*), силе (*εὐναίς*), любви, мудрости и т.д.

Фаворский свет, воссиявший от Господа во время Его Преображения не есть тварный свет, но также он не есть и Сущность Божия (*ουδία*). Это есть благодатное осияние, излучение Божества, свет несозданный и вечный, доступный и физическому восприятию, один из видов энергии, всегда исходящий от Самого Существа Божия**.

4. Григорий Синаит и Григорий Палама

В блестящий период расцвета исихазма на Афоне прославились тезоименитые Григорий Синаит и Григорий Палама.

* Ibid., стр. 63.

** Остроградский Г. А. Афонские исихасты и их противники. Зап. Рус. научн. инст., Белград, 1931, вып. 5, стр. 353–355.

Преп. Григорий Синаит* († 346) родился в шестидесятых годах XIII века в Малой Азии. Он получил хорошее образование. Еще в молодости был захвачен в плен турками. Будучи выкуплен, вступил в монашество и был одно время в монастыре св. Екатерины на Синае. Отсюда его наименование Синаит. Возвращаясь с паломничества в Иерусалим, преп. задержался на острове Крит, где встретил отшельника старца Арсения, научившего его умной молитве. После этого, св. Григорий поселился на Св. Горе, где проводил время в высоких духовных подвигах. Вокруг него собрались ученики, один замечательнее другого. Он их обучил умному деланию. Но кроме учеников Григорий наставлял всех, приходивших к нему, и потому он пользовался не только известностью на Св. Горе, но и большим влиянием и уважением среди афонской братии вообще, так что «почти всякий считал великим несчастьем не быть у св. Григория и не сподобиться слушать его учения», – говорит его агиограф, патриарх Каллист, прибавив, что ему сказывали испытывавшие силу учения Григория, что беседы его производили на них сильное обаяние. «В то самое время, – говорили они, – когда св. Григорий рассуждал о чистоте души и о том, каким образом человек делается по благодати богом, в душах наших пробуждалось некое божественное, неудержимое стремление к добродетели и неизъяснимая любовь к Богу». «Ясно отсюда, – говорит проф. П. А. Сырку, – что преподобный Григорий представлял из себя сильную натуру, одаренную в высшей степени всеми свойствами души, чтобы быть проповедником и распространителем своей идеи и внушить собеседнику полную веру в нее, ибо он сам всецело был проникнут ею». Этот высокий аскет «побуждал упражняться в умной молитве и хранении ума, как пустынников, так и киновиотов – решительно всех», – прибавляет его жизнеописатель. Затем от тревог времени удалился он в пустыню Парорию во Фракии, граничившей с Болгарией, куда к нему стекалось множество болгарских иноков. Так в приписке к рукописному кодексу его сочинений сказано: «...Быв первый учитель болгарам и сербам

* 8 августа.

умного делания по преданию и художеству древних отцов». «Учение преп. Григория о начале строгой аскетической жизни было распространено не только между греками, болгарами и сербами, но и дальше, если не им самим непосредственно, то, по крайней мере, через своих многочисленных и нередко замечательных по своей выдающейся роли в церковной истории юго-восточной Европы XIV в. учеников»*.

Преп. Григорий составляет общее учение об исихии. Главный труд его это 150 глав, составляющий трактат об умной молитве.

Святитель Григорий Палама** († 1360) также родился в Малой Азии (вероятно, в последнем десятилетии XIII века). Образование было получено блестящее при царском дворе. Оба его преподавателя, и светский, и духовный, научили его еще в юности умному деланию; 20 лет от роду Григорий вступает на монашеский путь: сначала на Афоне в лавре св. Афанасия, потом в скиту Глоссия, где Григорий провел 10 лет в непрерывной молитве, слезах, посте и бдении. Нашествие турок заставило его покинуть Афон. В Солуни он был рукоположен во иереи». Здесь он снова ведет отшельническую жизнь с 12 братьями, с которыми он общался один раз в неделю. «Тогда ему было еще немного более 30 лет от роду, совершенное здоровье и телесные силы не изменяли ему. А чтобы плоть во всех отношениях подчинить духу, он продолжал жизнь чрезвычайно строгую и для плотского мудрствования и воли изнурительную, что имело благотворными следствиями назидание для братии и высокий образец совершенства иноческого». И действительно, Григорий должен был производить большое обаяние на своих собратий, судя по тому, в каком иногда состоянии он находился, по словам его жития. «Случалось так, – говорится там, – что иногда он весь как бы погружался в глубокое безмолвие и тишину: тогда слезы рекою текли из молитвенных его очей. Когда же открывал он уста свои для беседы, слышавшие дивные его речи трогались сердечно, увлекались и

* Сырку. К ист. испр. книг в Болгарии. Т. I, вып. I, стр. 75 и 62.

** Ч. М. 14 ноября во II неделю Великого поста.

плакали. В часы же, следовавшие за его затвором, а особенно после литургии, лицо его было славно, – на нем играл дивный свет Божественный. Живя здесь, Григорий подружился с одним простым старцем, безмолвником Иовом, который, слушая однажды Григория, выражавшего мысль, что не только подвижники, но и все христиане должны молиться непрестанно по заповеди апостольской, не соглашался с ним и возражал, что непрестанная молитва есть долг только монахов, а не мирян. Григорий, не любивший многословия, не сказал ему на это ничего. Но едва только возвратился Иов в свою келию и стал на молитву, как ему открыто ангелом, что молиться обязан всякий христианин и что Григорий говорил правду»*.

Впоследствии Григорий был избран игуменом Есфигменского монастыря. Здесь были засвидетельствованы многие сотворенные им чудеса, как превращение бесплодных масличных деревьев и виноградников в плодовые и пустой сосуд исполнился елеем. Далее вступает он в тот период жизни, когда возникла борьба с еретиками Варлаамом и Акиндином. Сначала ему удается их посрамить на соборе 1341 года**. Однако вследствие интриг со стороны еретиков был созван новый собор, на котором последние восторжествовали, а Григорий был ввергнут в мрачную темницу. Из нее он вышел благодаря заступничеству императрицы. Его посвящают на Солунскую кафедру. Однако паства его отвергает, и он возвращается на Афонскую гору. Здесь сербский король Стефан Душан тщетно умоляет его занять кафедру Болгарского митрополита. Но и на Афоне ему не удалось найти спокойствия. Григорий возвращается в Константинополь и поселяется на о. Лемносе. Наконец, солунская паства призывает его к себе и принимает с великим торжеством. Святителю Григорию пришлось еще раз пережить тяжелое испытание: его захватили в плен турки, которые чуть не замучили его до смерти. Выкуплен он болгарами.

* Сырку П. К ист. испр. книг в Болгарии. Т. I, вып. I, стр. 83–84.

** Впоследствии ересь варламитов была обличена и последователи ее преданы анафеме еще на нескольких соборах: в 1347, 1351, 1352 г. и последний, 1368 г. (уже после кончины св. Григория).

В последние 3 года жизни св. Григорий сотворил немало чудес, и 13 ноября, в день памяти своей, ему явился Иоанн Златоуст и призвал его как друга успокоиться с собою в райских обителях. На следующий день Святитель Григорий преставился. «В горняя, в горняя к Свету» – его последние слова.

Блестящий расцвет Афона оставил по себе след в лице многих духовных писателей, как Каллист, патриарх Константинопольский, его друг Игнатий, оба называемые Ксанфопулос, потом Каллист Катафагиот, Симеон, архиепископ Солунский, монах Никифор, Филофей, патриарх Константинопольский. Они продолжают и развивают взгляды Григория Синаита и посвящают духовной молитве особое внимание. Но затем снова наступает упадок. Можно предположить, что виною этому было общее бедственное положение Афона с наступлением владычества турок (1371). Это владычество было несравненно менее жестоким, чем латинское, главное – приходилось платить дани, и закрылся доступ для паломников по причине войн. Единственной покровительницей Афона в XVI, XVII и XVIII вв. была Россия, куда больше 50 раз посылали афонцы своих сборщиков. Всякий раз возвращались они с золотом и драгоценностями. Во второй половине XVIII столетия вновь переживается возрождение исихии. Греческий монах на Афоне Никодим Святогорец (1748–1809) углубляется в святоотеческие творения, которые он с великим прилежанием и искусством в течение многих десятилетий приводит в систему. Особенно тщательно он обрабатывает Григория Синаита и др. исихастов. Труды его печатаются в Венеции на греческом языке и появляются в свет в 1782 году под именем Филокалии (Добротолубие). С этого издания делает перевод на славянский язык старец Паисий Величковский (1722–1794 гг.) со своими учениками. Это славяно-российское Добротолубие, пересмотренное в Александро-Невской Академии и в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, было издано в Москве в 1793 г. тщанием митрополита Гавриила Санкт-Петербургского и Новгородского.

ГЛАВА III. СВЯЗЬ С ВОСТОКОМ

Византийский дух, византийские начала и влияния как сложная ткань нервной системы проникает насквозь весь великорусский общественный организм. Им обязана Русь своим прошлым, им же она должна быть обязана будущим.

Леонтьев К. «Византизм и славянство»

Учения Святых Отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола, под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта.

Киреевский И. «О характере просвещения Европы»

В кратком обзоре истории восточного монашества мы стремились выявить сущность его духа. Русское монашество, будучи ветвью того же дерева, дышало и жило в унисон с монашеством восточным, и все духовные явления, происходившие на Востоке, не могли не иметь своего отражения и на пространстве Русской земли.

Каким же образом поддерживалась эта связь сначала в домонгольский период, а затем в последующий период Московской Руси?

1. Домонгольский период

Прежде всего проводниками христианской культуры были греческие митрополиты и епископы, прибывавшие на русскую

кафедру и их свита. Однако греческая культура проникла к нам, особенно вначале, не столько непосредственно, сколько через славянские страны, принявшие крещение ранее нас, и где уже были книги, переведенные на славянский язык. Таким образом, Болгария* передала России святоотеческие творения, какие были уже переведены для самих болгар. Св. первые просветители славян Кирилл и Мефодий, обративши их ко Христовой вере, дали им перевод Священного Писания и книг богослужебных, не оставили и без творений Св. Отцов. Первым поучительным творением св. Кирилла было «Прение с магометанами и жидами в Козарах», а второе – Патерик, или Отечник, иначе краткие сказания о жизни древних отшельников. Отрывок жития св. Кондрата (в Имп. публ. библ.) по палеографическим признакам превышает древностью все доселе известные Кирилловские рукописи и отрывки. После св. Кирилла и Мефодия трудились их ученики – «седмичисленники». Из них, как переводчик творений Св. Отцов, более известен св. Климент, епископ Величский. Конец IX века, время царствования Симеона (888–892) было золотым веком болгарской письменности вообще. При нем составили сборник «Златоструй», в который вошли 136 слов Иоанна Златоуста. Из других деятелей этого времени известен Иоанн, Экзарх Болгарский. Он перевел книгу св. Иоанна Дамаскина и Шестоднев и повелел перевести на славянский язык житие св. Антония Великого, написанное св. Афанасием Александрийским. Кроме этих лиц была и целая плеяда других переводчиков. В этот ранний период была переведена и Лествица Иоанна, игумена Синайского и «Слово к пастырю», сохранившиеся в рукописях XII и XIII веков с болгарским правописанием XI века. Таким образом, уже в эту раннюю эпоху существовала литература о созерцательном подвиге**.

Непосредственная связь с Византией поддерживалась, с одной стороны, прибытием к нам греков, а с другой, путешествиями русских на Восток. Иных путешественников привлека-

* По современным данным, первая иерархия по крещении на Руси была болгарская.

** Сведения о др. переводах... Прав. Собес. Казань, 1859, стр. 235–263.

ла Палестина, другие ездили в Царьград, Солунь и на Афон. Во время этих путешествий, как отмечают митрополит Макарий и проф. Е. Голубинский, были привезены следующие святыни: икона и сорочка св. Димитрия Солунского, мощи св. муч. Логина и св. Марии Магдалины, часть от камня Гроба Господня и др. Сношения с Грецией можно проследить и по житиям святых.

Основатель русского монашества св. Антоний Печерский, постриженник афонский, дважды был на Афоне. Путешественник св. Ефрем-скопец присылает святому Феодосию устав Студийский, списанный им в Константинополе. Этот устав был составлен преп. Феодором Студитом в начале IX в. В конце этого века он уже был введен в руководство Русской Церковью и держался в ней до половины XIV века, когда начал уступать Иерусалимскому.

Описание своих путешествий оставили нам два соотечественника: новгородский арх. Антоний, в миру Добрыня Андреевич, и Киево-Печерский архимандрит Досифей. Первый находился в Константинополе в самом начале XIII века. Он видел город и знаменитый храм Софийский еще до разграбления их крестоносцами (1204) и по возвращении в отечество изложил письменно свои впечатления. Досифей, Киево-Печерский архимандрит, был на Афоне в первой четверти XIII века и написал свое путешествие в ответ на сделанные ему кем-то вопросы о Святой Горе и жизни ее иноков. Из этого путешествия сохранился лишь один следующий отрывок, крайне драгоценный для нашей работы: «Послушники живут (на Афоне) по воле и благословиению старца. А братия, живущие отдельно по своим келиям, держат во всю жизнь такое правило: всякий день прочитывают половину Псалтыри и по 600 молитв: Г. И. Х., С. Б., помилуй мя. Если кто хочет прибавить – в его воле. Сверх того, полагают от трехсот до пятисот поклонов. Но и всякий час, сидя, ходя, лежа и делая рукоделие, беспрестанно говорят с воздыханием сердечным: Господи Иисусе Христе. Незнающие грамоте совершают семь тысяч молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила. А немощным легчайшее правило. Престарелым более предписывается совершение молитвы Иисусовой и *внимание*

умное (курсив наш), а поклонов по силе. Для Бога святогорцы весьма любят держать молчание и бегают молвы, мятежа и бесед мирских. Святые Отцы на Руси имеют обычай в великий пост и в другие посты прочитывать всю Псалтырь, а кроме поста не читают ни псалма. Но святогорцы живут не так: они одно правило держат во всю жизнь. Всякому брату надобно в келии иметь иконостас или крест и пред ним совершать установленное правило. Не умеющий читать должен служить рукоделием, повиновением в службе, с отсечением своей воли»*.

Из этого отрывка видно, как зорко следили на Руси за духовной жизнью Афона. И, как можно заключить из всего, не только праздным образом интересовались Святой Горой, а тщательно подражали этой жемчужине благочестия.

Преп. Антоний Дымский**. С юных лет подвизался в Хутыньском монастыре. В 1087 г. был послан в Константинополь по церковным нуждам к Вселенскому Патриарху Анфиму. Вернулся в день кончины преп. Варлаама, который духом провидел его возвращение и успел назначить его своим преемником. Вскоре, отказавшись от игуменства, преп. Антоний основывает свою Дымскую обитель на высокой горе над озером среди лесных дебрей (возле Тихвина). В 1330 г. обретены его св. мощи, которые в 1409 г., ввиду набега татар, предавших огню обитель, скрыты были под спудом. Колокола и железная шляпа преподобного (с широкими полями, прибитыми к тулье гвоздями), а также священные сосуды, были тогда опущены в озеро.

К XI–XII вв. надо отнести еще следующие путешествия: «В 1060 году Варлаам из монастыря св. Дмитрия путешествовал в Иерусалим на поклонение Св. Гробу, потом в другой раз отправился в Константинополь, собрал там все полезное для иноков и, умирая в монастыре близ Владимира-Волынска, все это завещал в Феодосиев монастырь. В 1115 г. игумен Даниил поставил кадило на Св. Гроб и облобызал с любовью и слезами

* Списки этого отрывка находились в библиотеках Св.-Тр. Сергиевой Лавры и Моск. Дух. Акад. Арх. Макарий. Ист. Рус. Церкви, т. II, стр. 202–203.

** Ч. М. 17 мая. † 1224. (Здесь и далее обозначены Четьи-Минеи «Жития Святых». Синод. Изд. М., 1903–1917).

святое место, молился за свое отечество, князей и друзей и нашел в Иерусалиме других паломников русских. Затем посетила Иерусалим княжна Полоцкая Евфросиния* и там скончалась. В XII веке столько было желающих идти в Иерусалим, что пастыри церкви вынуждены были запрещать эти хождения. Святой Иоанн** советовал налагать эпитимии на тех, кто необдуманно связывал себя обетом идти в Иерусалим, ибо «эти обеты губят землю». Это явление не прошло мимо народного наблюдения, оно отметило его в своих былинах: известно паломничество новгородского богатыря Василия Буслаева***.

II. Московская Русь

XIV век на Руси не был переходным периодом, как считалось раньше, но по политическим и культурным движениям являлся блестящей эпохой «Русского Возрождения»****. Этот культурный подъем вызван докатившеюся до нас волною Византийского Возрождения при Палеологах, охватившего весь православный мир. Исихазм, который в это время проникал и одухотворял все культурные проявления жизни, не мог не достигнуть и до нашего отечества вместе с общей волной культурных воздействий. Московская Русь не была изолирована в эту эпоху. Наоборот, тот же XIV век и половина следующего ознаменованы на Руси оживленными отношениями с единоверными нам народами, и, таким образом, исихазм, являвшийся душою православного Востока, передавался нам различными путями: прежде всего русская письменность этого времени находилась под влиянием южнославянской, а, кроме того, в течение известного периода болгарские церковные деятели не-

* Ч. М. 23 мая. † 1173.

** Митр. Киевский. 31 августа. † 1089.

*** Яхонтов А. Жития святых, как образ, и восп. средство, стр. 78.

**** Ковалевский П. Е. в *Manuel d'Histoire Russe*. Paris, 1948, стр. 94 сообщает, что «этот термин был впервые употреблен» им и «был подхвачен многими учеными, как русскими, так и иностранными».

посредственно влияли на русскую среду. В 3-х, сербское искусство, проникнутое духом исихазма, явило свое отражение на современном ему русском искусстве. В 4-х, ряд митрополитов этого времени разделял паламитские взгляды (исихазм) и, наконец, в 5-х, все время существовало непосредственное, непрерывное, оживленное общение с Востоком; оно выражалось в путешествиях русских на Восток и приезде греков к нам. Рассмотрим теперь в отдельности каждое из этих явлений.

1. ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ

Русская литература получила начало от литературы южнославянской и первые ее памятники – это списки с южнославянских. В Болгарии после покорения ее греками (битва в 1014) наступил период культурного упадка. Между тем домонгольская Русь (IX–XIII в.) успела самостоятельно обогатить свою переводческую литературу, появились и оригинальные произведения. Все это осталось неизвестным южным славянам. Затем наступило монгольское иго, и жизнь культурная на Руси замирает до половины XIV века. Все, что накопилось у нас ранее этого времени, благодаря частому списыванию, начало искажаться и требовало исправления. Между тем, начиная с XIII века и почти весь XIV в., у южных славян наблюдался период культурного возрождения. Все переводы с греческого были у них исправлены, и появилось значительное количество новых. Эти литературные труды совершались не в славянских землях, а в Константинополе и на Афоне, монастыри которых владели богатыми библиотеками и являлись средоточием образованности.

В XIV веке в монастырях Константинополя образовалась небольшая колония русских монахов. Один из них игумен Афанасий Высоцкий, о котором речь будет ниже, другой был, как говорит проф. Соболевский, Кир-Зиновий, едва ли не тот Зиновий, который потом, с 1432 по 1443 г. был игуменом Троицкой Лавры и много потрудился над увеличением лаврской библиотеки. Русская колония в Константинополе имела

деятельные сношения с колонией южнославянской (болгарской). Интересуясь книжным делом, она добывала от южных славян их книги, изготовляла с них списки, отправляла их на родину, со своей стороны – доставляла южным славянам неизвестные им русские тексты и хлопотала о сверке последних с греческими оригиналами. Сверх того, некоторые члены русской колонии, более или менее знакомые с греческим языком, сами предпринимали исправление своих текстов. Вероятно, одновременно с поселением русских монахов в Константинополе усилилась русская монашеская колония и на Афоне. Но Афонская колония оставила менее следов своей деятельности на литературном поприще. Русские Афона имели сношения только с болгарями. Вследствие этого одна часть переводов и оригинальных сочинений, бывших у сербов Афона в XIV и XV веках, русским осталась совсем, или почти неизвестна.

Значение южнославянского влияния на русскую письменность очень важно. Благодаря указанному общению со славянами, удалось исправить тексты рукописей богослужебных и др. книг и доставить в Россию значительное количество переводных сочинений. Пр. Соболевский свидетельствует, что ко времени окончания южнославянского влияния русская литература увеличилась «почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам». И «без этих богатств мы не имели бы ни сочинений Нила Сорского, ни своего Хронографа, первого русского труда по всеобщей истории, ни Азбуковника, с его статьями по грамматике и орфографии»*.

«Святые Отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены и читаны и переписываемы и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирий, глубокомысленнейший из всех философских писателей», до сих пор находится в древних списках. «И эти монастыри были в живом,

* Соболевский А.И., проф. Южнослав. влияния на Русь. Письм. СПб., 1894, стр.8–15.

беспрестанном соприкосновении с народом»*. Такими словами ранний славянофил И. В. Киреевский определил всю глубину значения святоотеческих творений в деле образования духовного облика русских людей**.

2. БОЛГАРСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

XIV век – век расцвета исихазма, который охватил весь православный Восток и оттуда перебросился в Россию. Возбудителем этого движения был преп. Григорий Синаит. Как уже говорилось, по причине тревог тогдашнего времени он удалился с Афона и поселился на границе Византии и Болгарии (в нынешней Фракии), в пустыне, называвшейся Парория. Сначала преподобный много терпел от разбойников, пока болгарский царь Иоанн-Александр не построил ему монастырь и пирг (укрепленную башню), обеспечив монастырь всем необходимым для существования. Этим царским попечением преп. Григорий

* Из ответа Хомякову. Полн. собр. соч. И. В. Киреевского. Москва, 1861, I, стр. 198.

** Многие из тогдашних переводов дошли до наших дней и свидетельствуют о тех богатствах, коими были наполнены книгохранилища того времени. Из многих имен Святых Отцов назовем нескольких: 1. Святитель Исаак Сирский (VII в.). Один список в Лаврской библиотеке 1381 г., др. – 1412 г. В библ. Толстого – 1416 г. (II. 174). 2. Авва Дорофей († 620). Ученик Иоанна Прозорливого Палестинской обители и впоследствии сам великий учитель: «Наставления ученикам», рукопись Серг. Лавры 1414 г. при Настоятеле Никоне. Преп. Дорофей собрал частью письменные, частью устные наставления Варсанофия и Иоанна. Синаодальная рукопись, XII век, № 27. 30 глав о подвижничестве в той же рукописи. 3. Преп. Марк, подвижник Нитрийской горы (IV в.). По словам пр. Макария Египетского, он принимает св. Тайны не от него – пресвитера Макария, но от Ангела (см. Лавсаик). Главы преп. Марка присланы из Константинополя преп. Афанасием Высоцким (XIV в.). 4. Исихий, Пресвитер Иерус. († 432), в молодых своих годах слушатель и ученик Григория Богослова. Его «Учение о трезвении и добродетели» на слав. яз. в перг. рукоп. в Серг. Лавре. XIV в. 5. Максим Исповедник († 662), мученик в борьбе с монофелитами. Ученейший философ, плодovitый писатель и созерцатель непостижимых тайн. «Пчела» преп. Максима (Сборник) была переведена для кн. Конст. Всеволодовича в XII веке. 400 глав преп. Максима присланы в Россию преп. Афанасием Высоцким. Творения преп. Григория Синаита хранились в Лаврской библиотеке в списках XIV и XV вв.

обязан своему ученику – болгарину преп. Феодосию, который еще ранее был известен царю. Монастырь Григория существовал недолго. После кончины преподобного он вскоре был уничтожен турками. Тогда Феодосий возвратился в Болгарию, где царь Иоанн-Александр построил ему другой монастырь, называвшийся Калифарово. Феодосию было видение: видит он «гору, всю исполненную различных цветов, и дерева чудна и различна всяческих исполнена плодов, и некоего светла стояща и тому велеша неленостно обирати плоды». Преподобный уразумел, что это означает будущую славу места, что «пустыня она наполнится иноков, иже и множества добродетелей воздадут плоды», что, как замечает житие, вскоре и исполнилось*. Проф. П. А. Сырку, говоря о болгарских монастырях, как о духовных центрах и рассадниках просвещения, указывает, что в истории развития Парорийского и Калифаровского монастырей, есть много сходного с историей развития палестинского монастыря св. Саввы Освященного, а, следовательно, и Синайского монастыря, и что «Григорию Синаиту и его ученику Феодосию Тырновскому принадлежит честь насаждения в Болгарии Синайского устава, который, судя по последним разысканиям, есть видоизменение Иерусалимского или устава св. Саввы Освященного. Благодаря этому уставу, болгарские монастыри получают с точки зрения и дисциплинарной, и хозяйственной, и, наконец, что всего важнее, образовательной крепкую организацию. Только из таких монастырей могли выйти такие общественные деятели, как патриарх Евфимий и воспитавшийся в его школе Григорий Цамблак»... и, прибавим от себя, митрополит Киприан Киевский – непосредственные личные проводники исихазма из Болгарии в Россию. Остановимся на повествовании патриарха Евфимия, а тогда ученика преп. Феодосия, о своем старце: «Будучи наместником Феодосия в Калифарове, Евфимий постоянно нуждался в руководительстве первого. Поэтому он в известное время отправлялся к Феодосию для получения наставлений. Так, однажды вечером, в означенный час Евфимий отправился к своему старцу и еще издали подал условный знак о своем приходе, но, не слыша призы-

* Сырку П. К. Истор. испр. книг, в Болгарии. Т. I, вып. I, стр. 162–163.

ва старца и после многократного повторения стука, извещавшего о его приходе, поспешил к его келии и, считая недобрым признаком необычайное молчание старца даже и после толкания в дверь келии, подошел к оконцу, и ему представилось необычайное зрелище: он увидел преп. Феодосия, объятого с головы до ног пламенем, стоящего прямо и неподвижно, как обыкновенно изображают пророка Самуила, воздевшего горе руки и имевшего и очи устремленными прямо в небо. Ужаснулся от этого видения Евфимий и, оставив старца в покое, устремился в монастырь и тотчас стал благовестом созывать братию на полунощное правило. В следующий же вечер он опять пошел к старцу. В этот раз старец сидел пред дверьми своей келии и ожидал Евфимия и плакал. Когда и последний также, припав лицом к земле у ног его, с рыданием стал вопрошать, почему он плачет, то старец отвечал, что причиною тому было откровение ему Богом в видении о “приятии еже от тиран страны оная, и конечном запустении желанныя пустыня оны”, т.е. пленении Болгарии турками и запустении св. обители их. “Ты, чадо, мужайся и да крепится сердце твое, – прибавил преподобный Феодосий, – узам сподобишься и гонению апостольскому”. Таким образом, преп. Феодосий был лучшим примером для Евфимия, который видел, что наставник за свои труды и подвиги удостоился дара прозорливости.

Одновременно с Евфимием, или, может быть несколько позже, воспитывался и учился в Тырнове **Киприан**, впоследствии **митрополит** всея Руси**. Проф. П. А. Сырку склонен думать, что Киприан жил некоторое время в Калифарове в монастыре преп. Григория Синаита, хотя об этом и нет данных, но зато есть сведения о времени, когда Киприан жил еще в своем родном городе Тырнове, а именно из похвального, или надгробного слова Григория Цамблака Киприану видно, что последний был родом из столицы Болгарии из рода Цамблаков (он приходился дядею по отцу Г. Цамблаку), а также, судя по выражению о «Церкви его воспитавшей и наказавшей», (т.е. давшей образование), он, по всей вероятности, принял монаше-

* Ibid., стр. 251–252.

** Ч. М. 16 сент., † 1406.

ство в одном из здешних монастырей. В том же слове Киприан называется по отношению к Евфимию **своим**, следовательно, Киприан был очень близок к Евфимию и, может быть, был с ним в родстве. «Возможно ли после этого не предположить, что Киприан был и даже подвизался в Калифаровском монастыре в одно время со своим родственником Евфимием»*.

Митр. Киприан оставил большой след в русской культуре. Книжник и книголюб, он занимался переводами на сербский язык. На Руси он стремился провести литургическую реформу Константинопольского Патриарха Филофея, известного паламиста. Вероятно, ко времени митр. Киприана относится принятие празднования Григорию Паламе, т.е. вскоре после смерти последнего и, следовательно, почти одновременно с Греческой Церковью**.

Церковный историк митрополит Макарий о Киприане дает следующий отзыв: «Муж всякого целомудрия и разума божественного исполнен и вельми книжен. Он старался непрестанно учить народ страху Божию и своими умными, одушевленными наставлениями усладить всех. Любя безмолвие, он часто уединялся в свое загородное село Голенищево, и там в тихом приюте, находившемся между двумя реками – Сетунью и Раменскою – и окруженном лесом, предавался размышлению, чтению слова Божия, и своею рукою писал книги. Он был знаток церковных канонов, был ревнитель церковного богослужения и перевел с греческого некоторые чинопоследования и службы»***. Сам митрополит Киприан лично о своей принадлежности к движению исихазма засвидетельствовал своим отзывом о Патриархе Филофее: «И я, смиренный, возведен был на высокий престол митрополии русской святейшим и дивным Филофеем... который, пожив довольно добре, упас Христово стадо, подвизался против ереси Акиндиновой и Варлаамовой, разрушив учение их своими поучениями...»****

* Сырку П. К истории испр. книг в Болгарии. Т. I, вып. I, стр. 251–252.

** Флоровский Георгий, прот. Пути Рус. Бог. Париж, 1937, стр. 9.

*** Макарий, митр. Ист. Рус. Церкви. Т. 5, СПб., 1866, стр. 183.

**** Там же, стр. 188–189.

Митрополит Киприан выписал в Россию своего племянника игумена Григория Цамблака, который прибыл в Россию уже после смерти своего дяди и не поехал дальше Киева. Здесь, вопреки воле Константинопольского Патриарха, вел. кн. Литовский Витовт заставил местных епископов посвятить Григория в сан митрополита Киевского, в котором он и был до своей кончины († 1419). Митр. **Григорий Цамблак** составил жизнеописание Патриарха Болгарского Евфимия, под руководством которого получил в молодости образование. Он оставил по себе культурный след как писатель, а также в церковном пении, о чем свидетельствуют сохранившиеся ноты его и напевы. Митрополит Григорий был твердым стоятелем за Православие*.

3. СВЯЗЬ С СЕРБИЕЙ

Из Сербии течение исихазма передалось в Россию не через каких-либо церковных деятелей, как из Болгарии, а скорее в виде общего культурного влияния**. Выясним то значение, какое имело сербское искусство для нас. На заре XIV века в Византийской Империи при династии Палеологов возникло возрождение искусства, которое утратило свой прежний абстрактный характер и приняло вид живописный: то умильный, то драматический, то чарующий. Иконография обогатилась, обновилась и стала более жизненной. Краски гармоничные и искусные по технике стали близки к импрессионизму. Это возрождение было аналогично итальянскому Ренессансу, но не имело с ним непосредственной связи. Сформировались школы, различные по своему вдохновению и стилю. Школа в Константинополе дала шедевр, как мозаика в мечети Кахриеджами, Критская школа – фрески Мистры***. Это возрождение отозвалось по всему Востоку, всюду, где царила сфера греческого

* Прав. Бог. Энцикл. СПб., 1903, стр. 684.

** Исключением служит Пахомий Лагофет – серб, который прибыл в Св.-Троицкую Лавру как писец и вскоре сделался литературной знаменитостью.

*** Ch. Diel. Histoire de l'empire Byzantin. Paris, 1919, p. 213.

влияния. К таковым относится сербско-македонская школа (Македония была подвластна Сербии с конца XIII века). Эта школа украсила церкви Македонии, старой Сербии и древние храмы Афона. Соблюдая греческий стиль, мастера этой школы вносили в свое искусство и нечто индивидуальное: свое религиозное миропонимание и огонь своего личного гения, а это налагало уже отпечаток национального творчества.

По мнению ряда ученых, сербско-македонская школа отразилась в монументальной живописи новгородских храмов XIV века. Относительно этого можно привести ряд свидетельств: Сычев в «Истории всех времен и народов» отмечает, что «в XIV веке, в искусстве Москвы, Пскова и декоративных росписей некоторых храмов Новгорода (Ковалева), черты стилей сербско-македонской школы сказались с значительной ясностью...» Вопрос о балканских влияниях на русскую живопись XIV века наиболее широко и четко поставили французские ученые Диль и Милле. Последний пишет: «С македонской школой было связано значительное художественное движение на Руси, центром которого был Новгород. Наши иконографические изучения подтверждают эти выводы». Положения Милле были всецело поддержаны Дилем. В. Георгиевский в своем труде «Фрески Ферапонтова монастыря» сближает новгородские фрески Болотова, Феодора Стратилата с сербскими Раваницы, Каленича, Манассии, Жичи, Студеницы, Любостыни – по цвету их нежных, воздушных, зеленовато-лазурных фонов, по особой обработке полированного левкаса. В русской миниатюре и иконе XIV века Лихачев отмечает южнославянские влияния, в частности, сходство с миниатюрами сербской Псалтыри*.

Но влияние сербского искусства выразилось, конечно, не только в манере изготовлять левкас и внешних приемах, но прежде всего в самих сюжетах и их трактовке. В своем искусстве Сербия запечатлела свой духовный облик. Каков же он был? Это подробно изъясняет профессор Белградского университе-

* Ист. Рус. монументальной живописи. Михайловский и Пуришев. Москва, 1941, стр. 162–163.

та М. Васич в своем обстоятельном исследовании: «Исихазм в Церкви и искусстве средневековой Сербии».

В 1219 году создана св. Саввою независимая Сербская Церковь, и этот год имеет тройственное значение в жизни Сербии: в истории ее Церкви, цивилизации и искусстве. Св. Савва был исихастом в точном смысле слова: весь проникнутый учением древних отцов пустыни и учением св. Симеона Нового Богослова, он проложил то русло, по которому неизменно с той поры потекла духовная жизнь Сербии вплоть до наших дней. Преемники св. Саввы на Сербской архиепископии свято блюли и хранили его дух. Архиеп. Иаков был учеником преп. Григория Синаита и укрепил в Сербской Церкви дух исихазма. О нем упоминает патриарх Константинопольский Каллист I, биограф Григория Синаита.

В дальнейшем своем исследовании Васич касается и той сербской Псалтыри (Мюнхенской), сходство иллюстраций которой с русскими иконами и миниатюрами XIV века установил Лихачев. Говоря об этой Псалтыри, Васич выдвигает авторитет Милле и приводит его подлинные слова: «Здесь богослов водил рукою миниатюриста». Чтобы подтвердить свои слова, Милле дает два примера: к описанию рисунка к Пс. 77, 20, он цитирует Паламу и далее, говоря о Пс. 44, 10, Милле также утверждает, что «миниатюрист здесь вдохновлен современным ему богословом Григорием Паламою»*.

И действительно, в момент общего расцвета исихазма в XIV столетии святитель Григорий Палама пользовался большим престижем на Балканском полуострове. По словам его жизнеописателя патриарха Филофея, сербский король Стефан Душан († 1355) имел беседу с Григорием на Афоне и звал его к себе в империю, обещая дать ему во владение города, и церкви, и целые области с громадными с них доходами**. В этот момент святитель был недооценен соотечественниками – греками, а

* Vassic M. L'hesychasme dans l'église et l'art des Serbes du moyen age, pp. 110–123, dans «L'Art Byzantin chez des Slaves des Balkans». Paris, 1930.

** Успенский Ф. Очерки по истории Виз. образованности. СПб., 1891, стр. 374–375.

Стефан Душан своим государственным умом понимал, какую духовную силу представлял собою Григорий Палама, ради пользы своего государства привлекал его к себе. Но святитель Григорий не согласился и остался на Афоне.

Итак, Сербия в XIV веке была передовой страной в смысле восприятия ею значения святоотеческого учения. Ее искусство, как выше сказано, так ярко отразившееся в Новгороде, проникнуто исихазмом. Например, на иконах, изображающих Преображение Господне, обнаруживается стремление художника выразить наглядным образом состояние экстаза Апостолов, вызванного созерцанием Фаворского света (Фрески Преображения в Ковалеве, 1380 г., и в Волотовской Церкви, 70–80 гг. XIV века). Позы св. Апостолов показывают, что они как бы вне тела.

Здесь мы не будем останавливаться более подробно на древнерусском искусстве, т.к. ему в дальнейшем будет посвящен особый очерк.

В заключение укажем на одно обстоятельство, характерное для этой эпохи духовного единства всего православного мира. А именно, что в Греции и в славянских странах во всех монастырях в XIII–XIV вв. был введен один и тот же устав Саввы Освященного (Иерусалимский). Надо полагать, это было делом святого Саввы Сербского, подражавшего житию своего небесного покровителя и дважды посетившего места его подвигов. С именем св. Саввы Освященного он тесно связал Сербию, где он вводил в монастырский обиход правила восточных монастырей (XIII в.). Возвращаясь из Палестины, он оба раза останавливался в Никее у греческих императоров, с которыми был соединен родственными связями. В Греции, как и во всем православном мире, святитель Савва пользовался глубоким авторитетом и почитанием. Как раз в это же время (первая половина XIII в.), по свидетельству Симеона епископа Солунского, устав Саввы Освященного заменил во всей Греции все дотоле бывшие в ходу уставы, и стал там господствующим. На славянский язык он был переведен архиепископом Сербским Никодимом в начале XIV в. В Болгарии вскоре его ввели в обиход Феодосий Тырновский и патриарх Евфимий, как было уже указано. В России его ввел

в своем монастыре преп. Сергей Радонежский после устройства им общежития. Устав Иерусалимский был утвержден для русских монастырей митрополитом Киприаном.

4. МОСКОВСКИЕ МИТРОПОЛИТЫ-ПАЛАМИСТЫ

После митрополита Петра, митрополию вся Русь унаследовал грек **Феогност***. По всем данным митрополит Феогност был сторонником Паламы, хотя греческий историк Никифор Григора и утверждает обратное. Он сообщает, что митрополиту Феогносту, как и прочим архиереям, был прислан Томос или определение Константинопольского Собора 1341 г., оправдавшего Григория Паламу и осудившего его врагов Варлаама и Акиндина. По словам Григория, митрополит Феогност, прочитав томос, будто бы поверг его на землю и заткнул уши с великою поспешностью от злого слышания, а затем написал опровержение и укоризны Патриарху и епископам, называя их безбожными и крайне бесстыдными... гонителями отеческих преданий, и анафематствуя их**. Этот рассказ не вяжется с другими историческими данными, хотя бы с тем обстоятельством, что не без влияния митрополита Феогноста Великий князь Симеон Иванович послал императору Иоанну Кантакузеноу, покровителю паламистов, большую сумму денег на обновление обрушившегося южного абсида св. Софии. А потому, надо считать, что митрополит Феогност не отверг томос, а подписал его. И действительно, в московской синодальной библиотеке хранилась греческая рукопись XV в., содержащая томос 1341 г. с именами подписавших его. По описанию этой рукописи арх. Владимиром, среди подписавшихся находится и Μητροπολίτης Πωσίου... Θεόγνωστοξ. Проф. Е. Голубинский полагает, что это наш русский митрополит в том случае, если произошла ошибка, или опечатка, т.к. здесь должно стоять не Πωσίου, а Πωσίαζ***.

* Ч. М. 14 марта (1327–1353).

** Голубинский. Е. Ист. Рус. Церкви. Т. II, Москва, 1900, стр. 168.

*** Ibid., стр. 169.

Принадлежность митрополита Феогноста к партии православных паламистов косвенно подтверждает и еще одно обстоятельство, а именно, когда в Константинополе взяла верх враждебная партия, митрополит Феогност был урезан в своих владениях: была открыта особая митрополия в Галиче с подчинением ей всех епархий Волыни*. Явствует, что митрополит Феогност не имел в это время никакого влияния. Но он был восстановлен в своих правах на Волыни, когда власть снова перешла к паламистам. Митрополиту Феогносту наследовал митрополит Алексей.

Святитель Алексей Митрополит Московский** был сыном черниговского боярина Феодора Бяконта. В юности он «всем книгам извыче». Двадцати лет он уходит в Богоявленский монастырь, где и сблизился со старшим братом преп. Сергия – Стефаном. Здесь его наставником был инок Геронтий – «монах нарочит и честен и славен старец, духовным житием нарочит». Св. Алексей, находясь в монастыре, продолжает заниматься книжным самообразованием, чтением святоотеческих писаний. Слава о нем разнеслась повсюду. В 1340 г. он становится помощником престарелого Московского митрополита Феогноста. Ему поручено ведать судными делами епархии и митрополии. Он становится кандидатом в митрополиты. С этого момента святитель Алексей формальным образом принимает участие во всех внутренних делах Русской Митрополии, а также и во внешних сношениях с Константинопольской Патриархией. В течение этих 12 с лишком лет (1340–1353) он, по-видимому, основательно знакомится с греческим языком. Ему, по преданию, приписан драгоценный перевод на славянский язык греческого Евангелия.

В 1350 г. митрополит Феогност впал в тяжкую болезнь, и дни его были сочтены. Было послано в Константинополь посольство с прошением о возведении св. Алексея в митрополиты всея Руси после смерти митрополита Феогноста († 1353). В том же году мы уже видим св. Алексея в Константинополе,

* Макарий, митр. Ист. Рус. Церкви. Т. IV, стр. 25.

** Ч. М. 12 февраля (родился в конце XIII века, † 1378).

где он пробыл два года: первый год на испытании, а второй год уже в сане митрополита. Рассказывая об интронизации св. Алексия, Никифор Григора, не будучи лично знаком с русским святителем, осыпает его клеветами. Откуда такая злоба? Проф. Е. Голубинский объясняет это ненавистью Григоры к императору Иоанну Кантакузено и Патриарху Филофею, возведших св. Алексия в сан митрополита, за их паламизм. Голубинский горячо выражает свое возмущение по этому поводу, называя Григору «бесстыдным» и «недобросовестным историком». Естественно вытекает предположение, что не будь святитель Алексей в полном единомыслии с Патриархом и императором, Григора не обратил бы на него внимания и не изливал бы на него столь лютую злобу.

Чем больше узнавал Патриарх Филофей святителя Алексия, тем больше последний рос в глазах Патриарха. Патриарх Филофей был ярким и пламенным паламистом, составителем жития и службы св. Григорию Паламе. Если бы св. Алексей держался в вопросе паламизма нейтральной позиции, то не могло бы образоваться столь тесного сближения с Патриархом. Только единомыслие могло их сблизить. Сразу после прибытия св. Алексия в Константинополь, или еще до этого, из Новгорода приезжает посольство с жалобой против покойного митрополита Феогноста, который почему-то не хотел дать архиепископу Моисею крещатых риз после того, как дал их его предшественнику. На эту жалобу Патриарх Филофей ответил весьма милостивым посланием. В новгородской летописи под 1354 г. сказано: «Того же лета приидоша послове архиепископа новгородскаго владыки Моисиа от Царяграда и привезоша ему ризы хрестъчаты и грамоты с великим пожалованием от царя и патриарха и златою печатью»*. Но когда прошло время, и св. Алексей стал более известен Патриарху, то патриаршее послание к Новгородскому архиепископу написано уже в ином тоне: по случаю возведения Алексия в митрополиты всяя Руси, Патриарх настоятельно и решительно приглашает новгородского владыку оказывать своему новому митрополиту беспре-

* Голубинский Е. История Рус. Церкви. Москва, 1900. Т. II, стр. 171–225.

кословное и полное повиновение, при этом предписывает ему обращаться в патриархию лишь с ведома и согласия св. Алексия, за исключением только одного случая, если бы последний отнял у него данные ему Патриархом крещатые ризы. «И не найдешь от нас совершенно никакой помощи, если, паче чаяния, явишься непослушным и непокорным к утвержденному митрополиту твоему»*.

Во все время своего правления святитель Алексей пользовался поддержкой со стороны Патриарха Филофея. Например, новгородский владыка Алексей, непокорный и своевольный, лишается Патриархом своей привилегии – крещатых риз и ему, кроме того, угрожает опасность лишиться сана (1370). В том же году Патриарх Филофей пишет в грамоте русским князьям: «А посему, так как и вы имеете там вместо меня святейшего митрополита Киевского и всея Руси, мужа честного, благочестивого, добродетельного и украшенного всеми добрыми качествами, способного, по благодати Христовой, пасти народ, руководить его к приобретению спасения, утешать скорбные души и утверждать колеблющиеся сердца, как и вы сами знаете, изведав его достоинства и святость, то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность». Такова характеристика, которую дает Патриарх Филофей св. Алексию. Еще характернее его послание к князю Димитрию Донскому: «Ибо я, – пишет Патриарх, – как общий, свыше от Бога поставленный отец для христиан, находящихся по всей земле, по долгу своему обязан и всегда стараюсь и забочусь о их спасении и молю за них Бога. Преимущественно же сие исполняю в отношении к вам потому, что среди вас именно обретаю народ Христов, который имеет в себе страх Божий, любовь и веру. Молюсь и люблю всех вас, повторяю, более других. Твое же благородство еще более люблю и молюсь за тебя, как за сына своего, за любовь и дружбу к нашей мерности, истинную веру во Святую Церковь Божию и искреннюю любовь и покорность к святейшему митрополиту Киевскому и всея Руси, возлюбленному во Св. Духе брату нашей мерности. Я знаю, что ты

* Макарий, митр. История Рус. Церкви. Т. IV, СПб., 1866, стр. 39 и 42–46.

искренно расположен к нему, любишь его и оказываешь ему совершенную покорность и повиновение, как он сам писал ко мне, и тем более я возлюбил тебя и молюсь о тебе. Поступай же, сын мой, точно так и вперед, дабы иметь молитву мою и на будущее время, и будешь иметь еще большие блага: и жизнь беспечную, и царство несокрушимое в настоящей жизни, а в будущей наслаждение вечными благами...»

Лично к митрополиту обращается Патриарх следующими словами: «Ты знаешь сам и притом хорошо любовь и благорасположение, которые питаю к священству твоему: я питаю к тебе любовь особенную и полное сочувствие, крепко люблю тебя и имею как близкого друга, и весьма желаю, чтобы ты писал, да знаем о тебе, о месте твоём, об управлении и великом стаде твоём. Знаю и вполне уверен, что и ты любишь меня и питаешь дружбу к нашей мерности. И если в чем нуждаешься, пиши о том с полной уверенностью, что я исполню»*. Так может писать исихаст только своему полному единомышленнику.

Теперь посмотрим, что можно почерпнуть из исторических сведений относительно отношений между митрополитом Алексием и преп. Сергием Радонежским. Начало их единения надо отнести к тому времени, когда св. Алексей подвизался в Богоявленском монастыре вместе со старшим братом Преподобного Стефаном. Их совместное пребывание в монастыре, по-видимому, не было продолжительно, но они сошлись, подружились. Епифаний говорит, что они находились в духовном общении и в церкви пели вместе на клиросе**. Скоро оба они, монах Стефан и будущий святитель Алексей, становятся влиятельными людьми в Москве: Стефан, возведенный в игумены своего монастыря, делается великокняжеским духовником, а также и знатных бояр, Алексей же переходит к митрополиту Феогносту и становится его правой рукой. Игумен Стефан не прерывает сношений с Троицкой обителью. Он многократно посещает ее и даже живет там, о чем упоминается в житии

* Ibid., стр. 32–63, 324, 325–333.

** Епифаний Премудрый. Житие преп. Сергия. Св.-Тр. Сегиева Лавра, 1908, стр. 34.

преп. Сергия. В середине 50 гг. XIV в. посещает преп. Сергия и сам владыка митрополит Алексей. По этому случаю Епифаний присовокупляет: «Святитель сей всегда питал к преподобному особую любовь, состоял с ним в духовном общении и обо всем с ним советовался»*. Цель этого посещения – намерение создать монастырь в память своего спасения на море от потопления и просить преподобного отпустить своего ученика **Андроника**** для основания сей обители в честь Всемилостивого Спаса. Преп. Сергий исполняет его просьбу и приходит сам к месту постройки монастыря, чтобы дать свое благословение. Постройка была закончена в 1361 г., а по другим данным – в 1358–1359 гг. Духовное единение между св. Алексием и св. Сергием не прерывалось и далее. Преп. Сергий исполняет поручения своего архипастыря. Будучи в интимно-близких отношениях с патриархом Константинопольским Филофеем, митрополит Алексей не мог не привлечь внимания Патриарха на своего друга преп. Сергия и не указать на него, как на их общего единомысленника. Поводом к этому было их общее, митр. Алексия и преп. Сергия, желание учредить в Троицком монастыре общежитие, вопреки недовольству некоторых из братии. Полагают, что митрополит Алексей обратился за решением этого вопроса к Патриарху. На это последовала милостивая грамота Кир-Филофея к преп. Сергию, в которой Патриарх советовал и благословлял устройство общежития. «Слышахом убо еже по Бозе житие твое добродетельное и зело похвалихом и прославихом Бога»***, говорится в этой грамоте преп. Сергию: так высоко ценит его Патриарх Филофей. В конце жизни митрополит Алексей желал видеть преп. Сергия своим заместителем, но не мог убедить его согласиться на это.

Эти два великих исихаста – митрополит Алексей и преп. Сергий, с которыми никто из современников не мог равняться, явились родоначальниками новой эпохи духовного возрожде-

* Там же, стр. 91.

** Ч. М. 13 июня. † 1395 г.

*** Макарий, митр. Ист. Рус. Церкви Т. IV, СПб., 1866, стр. 354.

ния и восстановления ослабевшего, а может быть и забытого из-за нашествия татар внутреннего делания; и расцвет монашеской жизни в северо-восточной Руси является плодом сотрудничества этих двух светильников нашей Церкви: главы ее – святителя Алексия и великого старца земли Русской – преподобного Сергия.

После целого периода церковных смут, наступивших после смерти митрополита Алексия, престол Российской Митрополии занял митрополит Киприан, о котором была уже речь выше (см. влияния со стороны Болгарии). Следующим же за ним митрополитом Киевским и всея Руси стал **Фотий**, уроженец морейского города Монемазии. Он вступил в управление Русской Митрополией, когда учение Григория Паламы было уже принято и утверждено Вселенской Церковью. В молодости он был «другом истиннейшим» монаха Иосифа Вриенния*, который так называет Фотия в сохранившемся к нему послании. Иосиф Вриенний пользовался великой славой за свою ученость и строгую жизнь. Он в своих поучениях и письмах боролся против Варлаама и Акиндина. Близость Фотия к этому исихасту понятна, он и сам первую половину жизни провел в созерцательном подвиге и в послушании у старца Акакия. Когда этого последнего избрали в митрополиты Монемазийские, Фотий последовал за ним. В 1408 г. случилось ему быть по делам в Константинополе, и на него неожиданно пало назначение быть митрополитом Киевским и всея Руси. В следующем году он прибыл в Киев, а в 1410 г. в Москву. Здесь он застал следы разорения от нашествия Едигея и моровую язву. В трудных обстоятельствах началось его правление, однако митрополит Фотий был одним из ревностнейших и попечительнейших пастырей, проявлявший самое живое участие в своих пасомых. После него сохранилось 8 слов, произнесенных им в храмах, 29 посланий и завещаний. Будучи сам подвижником, митрополит Фотий покровительствовал монастырям, основывал их. Не любя пустосвятства, он отнесся с недоверием к преп. Павлу Обнорскому, когда он пришел к нему с просьбой разрешить от-

* Ч. М. 2 июля. † 1431 г.

крыть обитель. Преп. Павел не смутился и сказал: «Если Богу угодно – монастырь будет создан». В ту же ночь святитель Фотий имел откровение свыше относительно святого Павла. На утро он его разыскал, призвал к себе и наделил щедрой милостыней будущую обитель и даже хотел отдать св. Павлу собственную свою одежду. Вновь построенной обители он прислал антиминос и послание с наставлением к монашествующим. В 1411 г. м. Фотий подвергся большой опасности. Летом он посетил г. Владимир. Один из нижегородских князей, согнанный со своего удела князем Василием Дмитриевичем Московским, послал «изгоном», т.е. скрытно и внезапно сильный отряд из русских и татар, чтобы захватить митрополита в плен и требовать большой выкуп. Но Фотий накануне отбыл в свое имение на Святом озере. Его успели предупредить об опасности, и он скрылся в лесных дебрях на Сенежском озере и «пребысть в Сенгу четыре седмицы и три дня на месте том в молчании и в молитвах. И, вспомянув прежнее свое житие, егда бе в послушании у великаго старца Акакия в пустыни, и zde также виде пустынное место, часто проходя и смотря леса и дебри пустынные и непроходимыя и тишину и молчание велие и въздыхаше и сетоваше и умиляшеся»*.

5. НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ С ВОСТОКОМ

Закончим теперь последним из упомянутых нами проводников греческого влияния – это непосредственное общение русских с греками. Все время в течение XIV и до половины XV веков общение это совершалось непрерывно. Как греки приезжали в Россию, так и русские совершали путешествия на Восток. Рассмотрим сначала, что нам известно о греках, живших на Руси. О митрополитах, прибывавших к нам, только что говорилось. Церковный историк митрополит Макарий назы-

* Барсуков И. П. История Рус. Агиографии. 1882, стр. 421. Др. источники: Макарий, митр. История Рус. Церкви. Т. IV, и Голубинский Е. Ист. Рус. Церкви. Т. II.

вает имена четырех епископов греков, бывших в XIV веке на русских кафедрах*. Остановимся на одном из них, а именно на **святителе Дионисии архиепископе Ростовском****.

При вел. кн. Димитрии Донском прибыл из Царьграда старец-грек священноинок Дионисий. Государь принял его с честью и повелел жить в Богоявленском монастыре «на Москве». Когда же к князю явились из Каменного монастыря монахи просить себе игумена, князь дал им «во игумены сего старца, от Святыя Горы пришедшего». Он долго игуменствовал в великих подвигах и благоустроил монастырь свой, украсил церкви иконами и книгами и «предаде устав Святыя Горы». О нем прошла великая слава, достигшая и до самодержца. Когда же освободилась ростовская кафедра, вел. кн. Василий Дмитриевич***, сын Донского, вызвал в Москву игумена Дионисия, где его митр. Фотий рукоположил во епископы Ростовские. «Егда же прииде во град Ростов, в то же время в Ростове и во окрестных градах и весех бысть мор на люди. Владыка же Дионисий со всем собором Ростовскаго града, со архимандриты и игумены и попы и диаконы, пев молебен и воду освятив и окропив люди. О великое Божие милосердие! От того убо времени преста на люди смертоносная язва молитвами Пречистыя Богоматери****. Святитель Дионисий является духовным родоначальником целой ветви в северо-восточном монашестве: он был наставником Дионисия Глушницкого и дал ему при пострижении свое собственное имя. От лавры этого преподобного произошло семь монастырей и в течение двух столетий в них прославился целый ряд преподобных.

Кроме митрополитов и епископов греков были пресвитеры и диаконы. Так с митрополитами греками приезжала их свита из духовенства. С митрополитом Фотием прибыл пре-

* Макарий, митр. История Рус. Церкви. СПб., 1866, Т. IV, стр. 303.

** 18-го октября 1425 г.

*** В. К. Василий Дмитриевич выдал дочь свою царевну Анну за сына византийского императора Мануила (1414).

**** Сказания Паисия Ярославова (XVI). Прав. Соб. Казань, 1861, стр. 197–214.

свитер Патрикый (священномученик*) и**. Он был ключарем Успенского собора во Владимире и при нападении уже упомянутой разбойничьей шайки скрыл церковную утварь под сводами собора и не выдал этой тайны, несмотря на жесточайшие мучения, которым был подвергнут.

Из Греции приезжали и самостоятельно отдельные подвижники. Так, например, **Лазарь Мурманский***** и другие. Преп. Лазарь, родом грек, сначала прибыл в Новгород. Архиеп. Моисей высказывает ему расположение и предлагает совместно жить. Но св. Лазарь предпочитает отшельничество и удаляется в Олонецкий край на Онежское озеро, где поселяется на острове Муч (Мурманский остров). Этот остров он покупает у новгородского посадника, но перед смертью посадник возвращает ему деньги. Архиеп. Моисей благословляет отшельничество преп. Лазаря и предсказывает процветание обители. Вначале преп. Лазарь терпит нападение со стороны язычников-лопарей. Его подкрепляет чудесное явление иконы. Преподобный исцеляет слепого лопаренка – сына старейшины. Вскоре лопари крестятся, и многие принимают монашество. Тогда преподобный идет в Новгород к архиеп. Моисею и получает антиминс. На возвращенные ему деньги за остров св. Лазарь ставит церковь в честь Воскрешения Лазаря. К нему прибывают два Печерских инока и ставят церковь Успенскую. Затем является афонский старец Феодосий – строгий подвижник, носивший вериги. Этот старец возглавляет обитель по кончине преп. Лазаря. В XV веке там прославился преп. Афанасий Мурманский.

Далее мы видим **преп. Сергия Нуромского******. По преданию он был грек. Во всяком случае, известно, что он прибыл к св. Сергию Радонежскому с Афона. Пробыв там некоторое время, уходит в Вологодские пределы на р. Нурму (приток р. Обноры), влекомый жаждою отшельничества. Но скоро к нему

* 3 июля 1411 г.

** Барсуков И. П. Истор. Рус. Агиогр. СПб., 1882, стр. 421, и Голубинский Е. Ист. Рус. Церкви. Т. II.

*** Ч. М. 8 марта, 1286–1391.

**** Ч. М. 7 октября. † 1421 г.

стекаются иноки и мирские – «Для всех я сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых» – так говорит о нем его жизнеописатель. Эти слова Ап. Павла (I Кор. 9, 22), как мы не раз наблюдали, прилагаются в житиях именно к тем из святых, которые могут быть причислены к старцам, например, к авве Дорофею, и не раз встречаются в житиях русских святых. Этим текстом как бы указывается, что святой старчествовал. Слова эти стоят как эпитафия и на могиле Оптинского старца Амвросия.

Преп. Сергей однажды обнаружил в недалеком соседстве пребывание преп. Павла Обнорского. Он нашел его стоящим возле келии и кормящим птиц из рук своих. Множество птиц сидело на голове и на плечах преподобного. Пред ним стояли звери: медведь, лисица и заяц. Св. Павел достиг бесстрастия, потому вся тварь ему повиновалась как Адаму в раю. Преп. Павел принимает причащение Св. Тайн от св. Сергия и исповедует ему помыслы. Впрочем, это исповедание помыслов совершается взаимно. При отбытии Сергия, Павел всегда провожал его на две трети пути, и на этом месте их расставания была устроена впоследствии часовня. Преп. Павел поведал преп. Сергию, что им был слышан звон великий и виден свет ярче солнечного. Преп. Сергей предсказывает ему устройство обители и повелевает воздвигнуть там церковь во имя Св. Троицы. Павлова обитель устроилась в 4 верстах от Сергиевой.

Теперь рассмотрим путешествия русских на православный Восток. В первой половине XIV в. был в Иерусалиме новгородский архиепископ Василий еще до своего избрания в сан епископа (1329). В половине того же столетия ходил в Царьград Стефан-Новгородец с восемью своими спутниками и описал свое странствование*. К концу того же века описал свое «хождение» не только в Царьград, но и в Иерусалим смоленский иеродиакон Игнатий, который замечает, что в Царьграде встретила и успокоила его со товарищами «Русь», там живущая, а именно в монастыре св. Иоанна Предтечи. В числе других русских там проживал тогда ученик преп. Сергия Радонежского Афанасий, игумен Высоцкого монастыря. Подробное описа-

* Макарий, митр. Ист. Рус. Церкви. Т. IV, СПб., 1866, стр. 304–305.

ние путешествия оставил дьяк Александр, который приходил в Царьград к концу XIV в., как он сам выражается «куплею», т.е. по делам торговым*. Назовем другого ученика преп. Сергия **Епифания Премудрого**, написавшего его житие в 1418 г. К преп. Сергию пришел он из Ростова лет за 14 до смерти преподобного. По собственным словам Епифания, он жил некоторое время вместе со Стефаном Пермским во время еще его жизни в Ростове и вместе с ним занимался приобретением книжного просвещения. «Разве нужды некия, – говорит он о преп. Сергии, – не зыска царствующаго града, ни св. Горы, ни Иерусалима, якоже аз окаянный и лишенный разума, ползая семо и овамо и преплывая сюду и овамо и от места до места преходя». Это показывает, что Епифаний сам посетил названные им места. Преставился он около 1420 г. Не канонизирован**.

Святитель Феодор Ростовский***, племянник преп. Сергия, был им пострижен 12 лет от роду. Днем и ночью исповедовал он дяде-старцу свои помыслы. Один из помыслов никогда не оставлял его: желание основать общежительный монастырь. Преп. Сергий признал этот помысел за волю Божию и таким образом основался Симонов монастырь. Игумен Феодор пользовался всеобщим уважением и любовью, и преп. Сергий, опасаясь, как бы он не возгордился, возносил за него молитвы Господу. Святому Феодору пришлось 4 раза путешествовать в Царьград по церковным делам и по поручению вел. кн. Дмитрия Донского, коего он был духовником. В Константинополе его особенно отличил Патриарх Нил и ставил его на первое место среди архимандритов, а Симонов монастырь объявил ставропигиальным, т.е. зависящим непосредственно от патриархии. В конце своей жизни св. Феодор был возведен на Ростовскую архиепископию, где и преставился. В своих учени-

* Там же, стр. 180.

** Барсуков И. П. Ист. Рус. Агиографии. СПб., 1882. – По предположению преосв. Филарета, Епифанию принадлежит и «Сказание о пути в Св. Град Иерусалим» (Обзор Рус. Дух. Лит.).

*** Ч. М. 28 ноября, † 1395 г. Епифаний Прем. Житие пр. Сергия, Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1908, стр. 94

ках он воспитывал многих великих и славных подвижников, какими были, напр., преп. Ферапонт (27 мая) и преп. Кирилл Белозерский (9 июня).

Преп. Афанасий Высоцкий* проходил подвиг иночества под руководством св. Сергия Радонежского и был у него в совершенном послушании, а потому и сам приобрел способность руководить другими. Он основал Серпуховский Высоцкий монастырь и в это время был старцем преп. Никона Радонежского. Св. Афанасий был человеком книжным, переписывал книги и брал свои поучения из Василия Великого и из Исаака Сирина. Оставил игуменство «Бога ради», т.е. для «духовного делания». Сопровождая митр. Киприана в Царьград, он поселился в Предтечевом монастыре (Студийском) «яко един от убогих». Здесь он продолжал заниматься переписыванием книг. Так, им в 1401 г. было переписано и послано в Россию «Око Церковное» – устав. Его ученик, по его настоянию, в 1392 году переписал Сборник отеческих сочинений (400 глав преп. Марка, слово Симеона Нового Богослова, несколько слов Иоанна Златоустого и Исаака Сирина). «Пожив в молчании (исихия) со св. старцы преподобный в старости глубокой преставился Господу». У архим. Леонида, в его книге «Святая Русь» сказано, что св. Афанасий скончался и был погребен в бывшей Предтеченской обители в Константинополе, куда он удалился на покой в 1387 г**.

Преп. Арсений Коневецкий***, новгородец по происхождению и медник по ремеслу, сначала проходит начальные ступени монашеского послушания и подвига в одной из новго-

* Ч. М. 12 сент., † после 1401 года.

** Федотов Г. П. (Святые Древней Руси. Париж, 1931, стр. 149.) говорит, что: «Есть основание отождествлять ученика преп. Сергия Рад. Афанасия, Серпуховского игумена, с тем Афанасием Русиним, который списал на Афоне в 1431 г. "под крилием Григория Паламы" сборник житий для Троицы-Сергия». Но проф. Соболевский (Южнослав. влияние на рус. письм. в XIV и XV вв. СПб., 1894, стр. 13 и 18) упоминает об обоих Афанасиях, как о совершенно различных личностях. Афанасий Русин вернулся в Россию в 1436 г., тогда как Афанасий Высоцкий остался в Константинополе навсегда.

*** Ч. М. 12 июня, † 1447 г.

родских обителей близ Хутынского монастыря в продолжении 11 лет. В 1373 году едет на Афон, откуда вынес общежительный устав и получил заповедь основать обитель на Дальнем Севере. Путешествуя по Северу, он был занесен бурей к острову Коневцу, где водрузил крест (1393). Пять лет подвизался уединенно, а в 1398 году основал общежительный монастырь. После этого преп. Арсений еще раз путешествует на Афон*. Такое дальнейшее и трудное путешествие могло быть оправдано только необходимостью получить духовные указания о внутреннем делании. В этот момент на Афоне был особенный расцвет заветов Григория Синаита и Григория Паламы.

Преп. Савва Вишерский** ушел на Афон приблизительно в 1411 г. Пробыл там около трех лет. «Из дальнейшей жизни преподобного, – говорит его житие, – видно, что впечатления Афона остались надолго в душе его». Вернувшись, поселяется на р. Вишере, потом на р. Соснице, но монастырь основывает на Вишере. Он подвизается на столпе. «К нему стекались иноки и миряне для духовной пользы». Другими словами – был старцем.

«**Игумен Кассиан Каменский** (современник Кирилла Белозерского) и в Кириллове игуменил много лет, и житию Кирилла чудотворца свидетель. За некую потребу кн. вел. Василий Васильевич и митрополит Иона посылали его во Царьград двою о церковном исправлении к патриарху. И прииде из Царьграда на Москву и кн. вел. Василий Васильевич почти его и дав ему довольно требования монастырю и отпусти его на пострижение на Каменное (т.е. туда, где он был пострижен), Кассиан же игумен преставился на своем пострижении на Каменном и положено бысть тело его с полуденной страны церкви и по преставлении его просветися лице его аки солнце при вел. кн. Иване Васильевиче» (Иоанн III). В Ч. М. в день памяти Иоасафа Каменского сказано, что игумен Кассиан управляет монастырем Каменным с 1469 г.***.

* Прав. Бог. Энцикл. СПб., 1900, стр. 1057.

** Ч. М. 1 октября, † 1460 г.

*** Сказания Паисия Ярославова. Прав. Соб. 1861 г., стр. 210–211, и у Барсукова И. П. Ист. Рус. Агиогр. СПб. стр. 285.

На Восток едет и **преп. Евфросин (Елеазар) Толвский***. В Константинополе он посещает пустынных молчальников. Его знакомство с монашеской жизнью на Востоке было причиной, что он по возвращении своем не удовлетворился жизнью в Снетогорском монастыре и основал собственный Толвский монастырь. В нем он не был ни священником, ни игуменом, а старцем и руководителем монастыря. «Яко железный с железными». В этом монастыре на книге Исаака Сирина сохранилась надпись: «В лето 6980 (1472) списана бысть книга сия св. Исакий Сирианин рукою многогрешного Игнатия инока повелением господина старца Евфросина по благословению игумена Харлампия». Здесь старец повелевает, а игумен благословляет.

В области духовно-созерцательной жизни монашества наиболее выделяется преп. Нил Сорский († 1508). Вместе с Иннокентием Охлябининым он путешествует на Восток. Велико значение его творений для русского монашества и в истории старчества. Они оказали влияние и на Паисия Величковского, возродившего русское старчество в XVIII веке. Но о Ниле Соросом еще будет речь в дальнейшем.

Заканчивая на этом наш очерк, скажем вкратце еще раз, что весь характер эпохи идет под символом духовного возрождения и того высшего духовного подвига, который носит имя исихазма, налагающего свою печать на все явления церковной и культурной жизни. И все явления, как письменность и искусство, и прибытие церковных деятелей, и непосредственное взаимное общение, благодаря частым путешествиям, – все содействует распространению на Руси этого указанного духовного течения.

* Память 15 мая (1385–1481).

ГЛАВА IV. РУССКОЕ МОНАШЕСТВО (X–XVII ВЕКА)

*Не мечем землю нашу наследихом, но десницею
Твоею и мышцею Твоею и просвещением лица Твоего
и святых Твоих слезами, подвиги и поты, кровью и
учении отечество наше утвердися.*

Служба всем русским святым

I. Киевская Русь (X–XIII вв.)

ХАРАКТЕР ЭПОХИ

Учение Христово было воспринято русским народом с детской простотой и непосредственностью, это и послужило основанием развития особой черты русского духа – гармонии, именно равновесия всех внутренних сил человека: ума, сердца и духа. Сам просветитель Руси – Владимир Святой полностью олицетворял собою этот гармонический тип. Характерно в этом смысле и завещание Владимира Мономаха. И хотя эта черта с течением времени под влиянием неблагоприятных исторических условий стала не столь явной, однако еще 100 лет тому назад Ив. Киреевский видел возможности возрождения этой гармонии или «православной цельности», наблюдавшейся на заре русского христианского бытия*. В по-

* «Залоги этого возрождения – живая вера народа в Святую Православную Церковь, память его прежней истории и явно уцелевшие следы внутренней цельности его существования». Киреевский Ив. Т. II. М., 1861, стр. 333, 276, 277 и 237.

следнее время (1938) вышла на немецком языке книга приват-доцента по социологии и философии Рижского Университета В. Шубарта, который разделяет и развивает мысли Киреевского. Он говорит, что «русская душа (как и западная в готическую эпоху) была всецело ориентирована к гармонии». Он приводит ряд примеров, касающихся чувства меры, которое лежит в основе русской души и которое было также свойственно и античным грекам. Указывая на отсутствие экзальтации у русских в молитве и цитируя Эсхила, проф. Шубарт отмечает, что древние греки со своей стороны соблюдали то же правило, предписывающее спокойствие и мерность в молитве. «Иконография русская свидетельствует о том же чувстве гармонии, как и вообще древнерусская живопись. Это чувство вдохновило Андрея Рублева (1370–1430) в написании Пресвятой Троицы в совершенных формах. Оно же вдохновило мастера Дионисия. Древняя архитектура исполнена такого же чувства достоинства и мира, как напр., церковь, посвященная Пресвятой Деве на Нерли возле Владимира (1165) и церковь св. Дмитрия во Владимире (1194), которые служат воплощением гармонии. Мы ее находим напоследок в архитектурном искусстве классицизма времен Александра I... Европа совершенно ничего не знает о том, что касается Киевской Руси. Неудивительно, что могли создаться предубеждения и что такие люди, как, напр., Шпенглер, могли высказать суждения, клонящиеся к представлению России как воплощения апокалипсической ненависти, направленной против античной культуры. Такие суждения не соответствуют истине, если иметь в виду Древнюю Русь с X по XV в. Также ошибка отождествлять имя Достоевского с именем “России”. Пушкин тоже был русским, и он был более расположен к гармонии, чем Гете, и более близок к грекам, чем автор “Фауста” своей внутренней искренностью и своей лучезарной эстетикой. Русские со своей стороны имели свою готическую эру (гармоническую), в течение которой они воплотили собою гармоничный тип еще в более совершенной форме, чем Запад»*.

* Schubart W. L'Europe et l'ame de l'Orient. Paris, 1949, pp. 70–90.

Каким же путем дух русского человека мог проникнуться античной гармонией? Вместе с христианством русская душа одновременно восприняла дух Святых Отцов. Как говорит Киреевский: «Учения Св. Отцов Православной Церкви перешли в Россию можно сказать вместе с благовестом христианского колокола. Под их руководством воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта»*. Христианство, осуществляющее высшую гармонию на земле, могло взять из античной греческой культуры нужные ему элементы на том основании, что она, эта греческая культура, тоже была достижением гармонии, хотя и земной, непросветленной. И таким образом, Святые Отцы нашли в эллинизме нужные формы, чтобы выразить свое мирозерцание в разработанных понятиях и категориях. Они преобразили античный эллинизм. «Христианский преобразенный эллинизм насковзь историчен, – говорит проф. прот. Георгий Флоровский, – эллинизм в Церкви как бы увековечен, введен в самую ткань церковности, как вечная категория христианского существования. Конечно, речь идет не об этническом эллинизме, и не о современной Элладе... Имеется в виду “христианская античность,” эллинизм догматики, эллинизм литургии, эллинизм иконы**».

Восточное мирозерцание, устремленное к небу и проникнутое духом гармонии, положило свою печать светлости, легкости и окрыленности в основание нашей культуры.

«Теперь, благодаря изданию Ипатьевской летописи и многих памятников церковной литературы, воскресает перед нами эта древняя и светлая Русь. Она озарена каким-то весельем, праздничным сиянием. Разноплеменное население окрестностей Киева, торговый путь Греческий, Залозный и другие, проходившие мимо Киева или примыкавшие к нему; непрерывные сношения с Византией и с Западной Европой, церковные торжества, соборы, княжеские съезды, соединенные ополчения, привлекавшие в Киев множество народа из всех концов России, довольство, роскошь, множество церквей, засвидетельствованное

* Киреевский Ив. Полн. собр. соч. Т. II, стр. 259.

** Флоровский Георгий, прот. Пути Рус. Бог. Париж, 1937, стр. 509.

иностранцами, рано пробудившаяся потребность книжного учения, при этом какая-то непринужденность и свобода в отношениях людей различных званий и сословий, наконец, внутреннее единство жизни, всеобщее стремление освятить все отношения религиозным началом, так ярко выразившимся в воззрении нашего древнего летописца, – все вместе это указывает на такие условия и зародыши просвещения, которые не все перешли в наследство к Руси Владимирской и Галицкой. В Киевском периоде не было вовсе ни тесной исключительности, ни сурового невежества позднейших времен...» Так писал почти сто лет тому назад славянофил Ю. Ф. Самарин...

«Привлекательной и славной была Киевская Русь и в глазах внешнего мира. Крупнейшей международной силой была она, а столица ее являлась одним из важнейших центров тогдашней Европы, привлекавшим всеобщее внимание. Киевский митрополит Иларион едва ли впадал в преувеличение, когда говорил о Киеве Ярослава Мудрого, как о городе “блистающем величием”»: западноевропейские хроникеры высказывались в тонах еще более высоких. Так, Адам Бременский в середине XI века называет Киев соперником Константинополя, а несколькими десятилетиями раньше Дитмар, описывая Киев, насчитывает в нем 400 церквей, 8 рынков и несметное количество народа. О международной значительности Киевской Руси можно судить по тесной родственной связи, в которой находился дом Владимира Святого с правящими домами, как Византии, так и всей тогдашней Европы. И Англия, и Франция, и Германия, и Польша, и Венгрия, и Скандинавия были связаны семейными узами с детьми и ближайшими потомками Владимира. Не политическим захолустьем был Киев, а главным городом могущественной державы, едва ли не превышавшей по своему удельному весу любое из национально-государственных образований тогдашнего Запада и являвшей черты имперского размаха*.

Богатая культура Киевского периода стремилась по пути самобытного, оригинального творчества. Проф. Ковалевский отмечает, что «Киевский период является одним из самых

* Зайцев К. И. Киевская Русь. Шанхай, 1949. Стр. 103–105.

блестящих эпох русской истории, когда было осознано единство нации, когда культура достигла наивысшего напряжения и создала совершеннейшие образы архитектуры, живописи и поэзии^{*}. Что же касается иконописи, храмоздания и прикладных искусств, то тут прежде всего сказалось греческое влияние. Но как говорит проф. К. И. Зайцев: «Наблюдаются, однако, влияния и иных, помимо византийского, даже в первых храмах воздвигнутых на Руси. Специалисты распознают в искусстве Древней Руси явственные следы и Востока (а в частности, искусства армянского и грузинского), и скандинавского Севера, и латинского Запада. “В древнерусском искусстве можно отметить всевозможные влияния, – говорит один известный русский художник, – но больше всего в нем своего, русского” (Лукомский). Вообще удивление вызывает, как недолго остаются русские заказчиками, подражателями, учениками. Храмы русские – впервые в Новгороде – приобретают стиль самобытный, наглядное представление о коем можно получить и ныне. “София, при взгляде на нее с Волховского моста, представляется таким же великим палладиумом, каким она и была для Новгорода за свое тысячелетнее существование. Гениально задуманная общая идея масс собора завершается пятиглавием, поразительным по всей художественной концепции, особенно прекрасен силуэт средней главы, прямо бесподобный по тонкой прорисовке своих линий”, – говорят А. Щусев и Вл. Покровский. О новгородских же храмах, связанных с именем строителя Петра, другой исследователь древнего русского искусства говорит: “Простота и грандиозность соборов мастера Петра доходит до максимума... Мастер Петр шел к достижению наибольшего впечатления простейшими средствами... Хотя и искаженные постройки Петра производят до сих пор неизгладимое впечатление” (А. И. Некрасов).

В области иконописи прославляется инок Киево-Печерской Лавры св. Алипий. В области церковного пения появляются оригинальные творения, вызванные требованиями церковной жизни: в конце XI века упоминается русский творец

^{*} Ковалевский П. Е. Ист. путь России. Париж, 1949, стр. 21

канонов Григорий. Однако как в иконописи, так и в пении церковном не столь показательны отдельные оригинальные произведения, как самое изменение стиля, «пошиба.» Церковное творчество в целом проникается духом национальным»*.

О церковной литературе скажем словами проф. прот. Георгия Флоровского: «Мы можем довольно твердо судить, как отозвалось на Руси это усвоение византийско-христианской письменности, это приобщение христианской культуре...

Особого упоминания требуют несколько имен. Митр. Иларион, лучше всего известный, как автор замечательного слова “О законе, Моисеем данном, и о благодати, и истине”, о котором даже придирчивый Голубинский принужден был отозваться, как о “безупречной академической речи, с которой из новых речей идут в сравнение только речи Карамзина: не ритор худших времен греческого ораторства, а настоящий оратор времен его процветания” (Голубинский напоминает и ставит еще рядом “Слово о полку Игореве”). Это действительно превосходный образец ораторского искусства, язык свободный и гибкий, чувствуется напряженность христианских переживаний, очень стройный и прозрачный план... К тому же литературному типу относятся проповеди Кирилла Туровского. Нужно назвать еще Климента Смолятича: “бысть книжник и философ так, якоже в Русской земли не бяшет”, отзывается о нем летопись. Писал “от Омира, от Аристотеля и от Платона”... К ним надо еще отнести преп. Авраамия Смоленского... Все они принадлежали к меньшинству, конечно. Это была церковная интеллигенция, если угодно. Богословов не было в ее рядах в эти ранние века. Но были люди подлинной церковности и культуры... Это были первые побеги русского эллинизма**.

Прилагаем отрывок из молитвы митрополита Илариона: “И денележ стоит мир, изми ны от руку чужих; И да не нарекутся людие Твои: людие пагубнии, и стадо твое: пришельци в земли не своей. Да не рекут страны: где есть Бог их. И не попушай на ны скорби и гладу и напрасных смертий огня и по-

* Зайцев К. И. Киевская Русь. Шанхай, 1949, стр. 170–171.

** Флоровский Георгий, прот. Пути Рус. Богосл. Париж, 1937, стр. 7–8.

топления, да не отчаются малодушный милости Твоя. Мало показни, а много помилуй, мало уязви, а милостивые исцели, в мале оскорби, а в скорби обвесели: яко не терпит наше естество долго носити гнева Твоего, яко стеблие – огня”... (Митр. Макарий. Ист. Рус. Церкви. Т. I, стр. 279.)

Только в годы наивысшего развития русской архитектуры и живописи, когда создавались лучшие в России фрески, могло быть написано такое гениальное по поэтическому вдохновению произведение, как “Слово о полку Игореве”. Оно не было одиноким, как это долгое время думали, но являлось неотъемлемым звеном того великого и единого целого, которое мы называем Киевской культурой.

Расцвет культуры продолжается до самого татарского нашествия. Еще в 1222 году строится замечательный собор Рождества Богородицы в Суздале, а в первые годы разгрома создается “Слово о гибели Русския земли”^{*}.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ПЕЧЕРСКИЙ

1. Основоположником русского монашества был преп. Антоний Печерский, подвизавшийся в XI веке. О его двукратных путешествиях на Афон упоминалось в предшествующей главе. Виденное им на Востоке должно было лечь в основание его духовного устроения. Какова же была картина, которая развернулась перед взором внимательного русского инок^а? Это был период, когда влечение к монашеству на Востоке достигло высшего своего предела, когда Византийская империя, как говорилось выше, представляла собою сплошной монастырь. Наблюдалось стихийное стремление к монашеству. Этому покровительствовали императоры, в особенности монахолюбивая македонская династия. Постригались сами императоры (так, в XI в. – 7 из 15). Постригались члены их дома, вельможи, иерархи. К монашеству стремились все классы, часто постригались целые семьи. Проф. арх. Киприан свидетельствует, что «можно

^{*} Ковалевский П. Е. Ист. Путь России. Париж, 1949. стр. 21.

смело говорить о династиях святых и о семьях преподобных»*. Всякий, кто только имел возможность, считал чуть ли не главной своей обязанностью создать новый монастырь. Вместе с тем это была счастливая пора старчества и развития умного делания, тесно с ним связанного. Это пора Симеона Благоговейного и Симеона Нового Богослова и многих других святых, как и они, современников Антония Печерского.

На Афоне, где был пострижен Антоний, еще были теплы предания преп. Афанасия Афонского, отличавшегося великим состраданием к ближним, только что перед этим преставившегося († 1000). Здесь на Афоне преп. Антоний мог наблюдать все внешние виды монашеского подвига: житие киновиальное и отшельническое. Что касается до внутреннего состояния современного Антонию монашества, значение его было очень велико, ибо оно служило коррективом, исправлявшим все частные и общие недостатки своей эпохи. Проф. И. Соколов, отмечая значение византийского монашества, говорит, что жизнью своею они являли пример того, как должен жить христианин, чтобы достигнуть Царствия Небесного. Кроме того, к ним обращались все слои общества за наставлениями. Затем монахи выступали как безбоязненные обличители неправды. Император Михаил III во время прогулки был обличен за жестокость и бессердечие одним монахом, находившимся среди толпы. Народ его спас от гнева императора. Другой случай противоположен предшествовавшему: преп. Василий Новый († 952) обличил Романа Лакапина, соправителя Константина Порфирородного (920–944) в сребролюбии и распутстве. Этот царь дал обещание исправиться и наградил дарами Василия за обличение. Во время трапезы Роман приказывал себе читать духовные книги, слушая чтение, он сокрушался сердцем и проливал слезы. При нем всем монахам ежегодно выдавалось жалование, которое получали и отшельники. Случаи, когда монахи обличали пороки и проявляли заступничество за угнетенных – бесчисленны.

Другое дело иноков – это стояние за догматы, каноны и церковные постановления, соблюдение которых они считали

* Киприан, арх. Антр. св. Гр. Паламы. Париж, 1950, стр. 26.

обязательным для всех, как для царей, так и для простолудинов. Далее выступает миссионерская деятельность. Так, преп. Никон возвращал ко Христу народы, побывавшие под властью мусульман и утратившие понятие о религии. За успешную проповедь о покаянии его наименовали ангелом Господним и апостолом. Затем известны Кирилл и Мефодий – просветители славян. Грузинские подвижники на Афоне перевели ценные рукописи и благодаря этому внесли в Грузию свет просвещения. Другая заслуга монашества – это учреждение всевозможных школ, начиная от народных вплоть до богословских академий. За этим следует устройство библиотек и переписывание десятками тысяч необходимых священных книг для народа, а также и драгоценных рукописей и снабжение ими прочих книгохранилищ в Византийской империи. Среди всех трудов иноки находили время и для научных занятий. Что же касается до благотворения, то виды этой деятельности неисчислимы: здесь и приюты для сирот, и богадельни, и странноприимницы, и больницы. Особенно прекрасно была оборудована больница при монастыре Вседержителя, основанная имп. Иоанном Комнином, где было большое количество медицинского персонала и ряд отделений по родам болезней.

Но главным делом монашествующих было молитвенное заступничество, благодаря которому бывало являемо спасение и не только в частных, но в государственных бедствиях. Бесчисленны случаи исцелений больных, укреплявшие веру. Наконец, иноки давали из своей среды высших церковных иерархов*. Таков был дух восточного монашества, современный Антонию Печерскому. Им и проникся и себе его усвоил в своих странствованиях наш русский инок. Дух этот преп. Антоний передал своему верному ученику Феодосию, который и провел в жизнь заветы своего старца созданием монастыря с общежительным строем и служением миру в духе евангельской любви. Сам же Антоний, уклоняясь от мира, предался высшему созерцательному подвигу и завершил свое житие в затворе.

* Соколов Ив. Сост. монашества в Виз. Церкви с пол. IX–XIII в. Казань, 1894, стр. 495–536.

2. **Преп. Антоний*** († 1073) был родом из Любеча, Черниговской области. Неизвестны ни сословное его происхождение, ни его мирское имя. Монашеское пострижение он принял на Афоне. Слова летописца Нестора: «Киевский Антоний прославился, как Антоний Египетский» – глубоко справедливы, т.к. ему выпала доля стать отцом русского монашества. Возвратившись из Греции, Антоний обошел все киевские монастыри и «не возлюбил» (ни в одном из них остаться), «Богу тако хотящу»**. Местом своих подвигов он выбрал пещеру, вырытую для уединенной молитвы митрополитом Иларионом в бытность его священником в селе Берестове и пустовавшую при его переходе на Киевскую кафедру в 1051 г. Пещера эта находилась в густом лесу. Поселившись в ней, преп. Антоний «нача жити ту, моля Бога, ядый хлеб сух, и тоже (и то только) через день и воды в меру вкушая, копая пещеру, и не дая себе упокою день и ночь в трудех пребывая, в бдении и в молитвах»***. Ко времени смерти Ярослава (1054) он был уже прославлен, как подвижник, и князь Изяслав приходил с дружиной просить его благословения. К этому времени вокруг Антония образовалось братство в 12 человек. В их числе был «Никон-пресвитер», постригавший братию в монашество (сам Антоний, как и Антоний Египетский, не имел никакого священного сана), затем Варлаам, Ефрем каженник (евнух), доставивший позднее из Константинополя Студийский устав, впоследствии епископ Переяславский, и, наконец, будущий устроитель монастыря Феодосий.

Уже при нем братство ископало «пещеру велику», устроив в ней церковь и кельи. Когда это совершилось, Антоний, благословив новообразовавшийся монастырь, покинул его, чтобы на соседнем надречном холме ископать себе пещеру. Здесь, как полагает проф. Голубинский, Антоний прожил 14 лет. Но «при всем своем затворничестве Антоний не чуждался людей. В важных случаях приходили к нему из монастыря за советами, по временам стекались к нему и миряне, и он преподавал

* Ч. М. 10 июля, † 1073 г. Источник сведений о нем – летописи 1051 и 1074 г.

** Голубинский Е. Ист. Рус. Церкви. Т. I, гл. 6. Москва, 1904, стр. 572.

*** Ibid., стр. 573.

благословение. Случалось, что он прислуживал больным и давал свою постническую пищу вместо лекарства, и больные по молитве святого выздоравливали»*. Когда князь Изяслав взял из монастыря игумена Варлаама для начальствования в другом, Антоний поставил игуменом Феодосия: не входя во внешнее управление монастырем, Антоний остается его руководителем. Примеры, подобные духовной организации Печерского монастыря, можно найти на Востоке. Так, в VI в. в монастыре аввы Сериды старцами были Иоанн Пророк и Варсануфий Великий. К ним обращались за советом и благословением во всех важных случаях в жизни монастыря. Так, когда авва Серид поручал молодого послушника Досифея авве Дорофею, а последний не решался стать его руководителем, были вопрошены старцы (затворники). Они отвечали, что Бог хочет спасти Досифея через авву Дорофея. Эти старцы были непосредственными возвестителями воли Божией. И в Печерском монастыре во всех случаях обращались к преп. Антонию, и он возвещал волю Божию. Благодаря общению с Востоком, русская духовная жизнь в известном отношении была отражением его духовной жизни, и процветавшая там традиция старчества передавалась и нам**.

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ (род. между 1035 и 1038—1074)

Значение преп. Антония несколько не умаляет значения его ученика, сподвижника и сотаинника преп. Феодосия***,

* Макарий, митр. Ист. Рус. Церкви. Т. II, стр. 73.

** Проф. Федотов говорит: «Древнее житие св. Антония если и существовало, было рано утеряно. Впрочем, некоторые (Абрамович) сомневаются в его существовании. Мы можем лишь догадываться о причине скорого забвения памяти св. Антония», причина та, что «его одинокие подвиги не привлекли внимания». Федотов Г. Св. Др. Руси. Париж, 1931 г., стр. 34. Профессор Иконников, наоборот, говорит о неоспоримости существования жития св. Антония, хранившегося в Кремле в царском собрании и сгоревшего в один из московских пожаров, начиная с 1568 г. Иконников В.С. Т. I., Киев, 1915, стр. 163–164.

*** Ч. М. 3 мая.

равного Антонию по заслугам перед Церковью и по величию своего образа. Признаки старчества у преп. Феодосия налицо: он принимает откровения помыслов, руководит духовными чадами и облечен благодатными дарами (харизмами). Феодосий является вторым русским старцем. Как говорит проф. Смирнов: «Отцы русского монашества, преп. Антоний и Феодосий Печерские, были подвижниками разных типов: первый, афонский постриженник, был созерцатель-отшельник, второй, постриженник уже Антония, соединял с созерцанием и великими подвигами выдающийся практический и организаторский талант. Время его правления (1062–1074), несомненно, лучшая пора в истории Печерского монастыря, а вместе с тем и в истории русского монашества первого периода. Последующие иноки (до преп. Сергия) только подражали преп. Феодосию, далеко не достигая ни высоты подвигов, ни размеров его славы. Ни о какой попытке пересоздать русское монашество, повести его по новому пути, более совершенному или возвышенному, чем путь Феодосия, задать ему задачи, которых не указал бы он, не могло быть и речи. Преп. Феодосий – законодатель русского монашества.

Это исключительный, редкий человек, поражающий всесторонностью дарований и той необычайной уравновешенностью сил и свойств, которая создает гармонию святой личности. Великий подвижник, жаждавший высшего подвига – смерти за Христа и за правду, неусыпающий молитвенник, послушливый, кроткий и смиренный, ревностный, но никогда не гневающийся инок, прозорливец и провидец был в то же время талантливый и практический администратор и в высшей степени сердечный, отзывчивый на человеческое горе и на житейскую нужду. Ни одно из указанных свойств не было преобладающим, вытесняющим другие. В свои отношения к миру Феодосий вносит ту целостность личных дарований своих, которая отмечает и его монастырскую игуменскую деятельность»*.

* Смирнов С. Как служили миру подвиж. Древ. Руси. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903, стр. 5.

По мнению проф. Смирнова*, первым духовником братии Печерской был преп. Феодосий, а Голубинский** полагает, что таковым был «Пресвитер Никон», называемый Великим. Но, вероятно, прав Смирнов, т.к. по Студийскому уставу духовником братии является игумен. Исповедь происходит по уставу на каждой утрени. В начале 4-й песни канона выходил из хора игумен и садился, принимая исповедь приходящих братии и врачую каждого подобающим образом. Руководясь примером Студийского аввы, Феодосий исповедовал и мирян. Вот какими замечательными словами характеризует летописец эту сторону деятельности великого подвижника: «Игуменство бо держащую Феодосью в животе своем, правящую стадо, порученное ему Богом-черноризцы, не токмо же си едины, но и мирьскими печашеся о душах их, како быша спаслися»***. Разнообразно выражается это попечение о спасении мирян. Прежде всего подвижник считает обязанностью монаха молиться за мирян: «Трудиться в бдении и в молитвах молиться за весь мир беспрестанно». Вторая обязанность инока быть учителем, даже пастырем мирян. Учительность проявлялась в обличении мирской неправды. В Киеве при Феодосии произошло княжеское междоусобие между детьми Ярослава: братья лишили Киевского стола Изяслава, а посадили на его место Святослава. Тогда Печерский игумен запретил поминать в церкви нового князя, резко отказался идти на княжеский обед и начал обличать обидчика, а в своем послании Святославу поступок последнего приравнивал с братоубийством Каина, а самого князя приравнивал к древним гонителям. Смирный игумен вызвал этим княжеский гнев. Братия просила Феодосия оставить свои обличения, бояре, приходя в монастырь, говорили, что князь подвергнет игумена изгнанию или заточению, но подвижник не испугался этих угроз и опасности, напротив, еще с большей ревностью обличал Святослава. Явившемуся к нему князю препо-

* Смирнов С. Древнерус. духовник. Стр. 22.

** Голубинский Е. Ист. Рус. Церкви. Стр. 573.

*** Смирнов С. Как служили миру подвижники Древ. Руси. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1903, стр. 6.

добный произносит многозначительные слова: «Что бо, благий владыко, успеет гнев наш еже на державу твою, но се нам подобает обличити и глаголити вам, еже на спасение души, вам же лепо бы послушати того»*. Подвижник считает своей иноческой обязанностью («нам подобает») обличать неправду, защищать попранные права. Он нес относительно мирян обязанность и более сложную, чисто пастырскую. Так преп. Феодосий был духовником и мирян. Слыша о добром житии Печерской братии, князя, бояре и их семейства «прихожаху к великому Феодосию, исповедающе грехи своя». «Исповедь в древности у нас соединялась с особым избранием и назначением священника в духовные, или покаяльные отцы. А стать духовником значило тогда взять на душу дело спасения своих духовных детей, учить их и руководить на пути спасения, в каждом шаге религиозно-нравственной жизни, быть почти старцем». А так как преп. Феодосий, будучи духовником, был и харизматиком, то он уже в полном смысле слова становился старцем.

«Третья форма служения миру, которую показал и на своем примере отец русского монашества, – заступничество или печалование: “Тако же сии блаженный отец наш Феодосий многим заступник бысть пред судиями и князи, избавляя тех, не бо можахуть ни в чем преслушати его, ведуща и (его) праведна и свята. Не бо его чтяху честных его ради порт и светлыя одежа или имения ради многаго, но честнаго его ради жития и светлыя душа и поучения того многих, яже кипяхуть святым духом от уст его”». Ясно опять-таки, что печалование было обычным делом преподобного печерского игумена, что оно соединялось с великим пастырским его влиянием в мирской среде. Четвертая форма, в которой проявлялось служение его в миру, – благотворительность. “Таково бо бе милосердие великаго отца нашего Феодосия, аще бо видяше нища или убога, в скорби суща и в одежи худе, жаляше си его ради и вельми тужаше о сем и с плачем того миловаше”.

За монастырской оградой преподобный построил двор с церковью, и на этом дворе принимались калеки, нищие и больные. На них шла десятая часть доходов монастыря. Но нищелю-

* Ibid.

бывому Феодосию этого было еще мало, он был заступником вдов, помощником сирот, прибежищем убогим, учил, и утешал приходящих, и подавал “еже на потребу и на пищу тем”.

На деятельность Феодосия нельзя смотреть, как на дело частного инока. Он отец русского монашества, по признанию самих древних иноков наших – “игумен или архимандрит всея Руси,” “начальник иже в Руси мнишскому чину”. “Общему житию первый начальник в Русской земле”. Ставя его на такое место, наше древнее монашество должно было видеть (и действительно видело) в его лице обязательный пример, а в его деятельности обязательную программу своего служения миру*.

Таковыми чертами и свойствами определяет проф. Смирнов характер преп. Феодосия и его служение миру. И они, как мы видим, те же, какими рисует проф. Соколов современное Феодосию византийское монашество.

В Киево-Печерском монастыре в Антониевой и Феодосиевой пещерах почивают мощи 118 преподобных, богатый посев старчества Антония и Феодосия. Они канонизированы митрополитом Петром Могилой в 1643 г. Но лишь 30 из них получили житийные повествования в Киево-Печерском Патерике. Все они относятся к XI, XII, и даже к XIV векам.

Вот одно из них: **Онисифор Прозорливец**, пресвитер саном († 1148), сподобляется прозорливости от Бога, чтобы видеть согрешения людей и давать советы согрешающим. Из его жития передается такой случай: Господь не открыл ему согрешений его духовного сына черноризца, который исповедовался ему не чистосердечно. Этот инок умирает и его труп издает необычайный смрад. Преп. Онисифору является преп. Антоний, упрекая его за погребение в святом месте этого нераскаянного грешника. Онисифор стал молиться Богу и вопрошать: «Господи, для чего Ты скрыл от меня дела человека сего?» Ангел сказал: «На показание всем согрешающим и не кающимся было это, дабы видя, покаяться». В следующую ночь прозорливцу снова было повеление: взять из пещеры тело нераскаянного

* Смирнов С. Как служили миру подвижники Древн. Руси. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903, стр. 6.

грешника и бросить в воду. Когда же Онисифор с игуменом Пименом решили исполнить небесную волю, явился преп. Антоний и сказал, что грешник помилован Богом.

Этот рассказ свидетельствует, что старчество, положенное в основу монастыря, не прекращается в последующие столетия.

В XII и XIII вв. чтимых и канонизированных дает главным образом Киево-Печерская Лавра. Ее ветви идут и на север: **епископ Никита Новгородский** († 1108), – подвижник Печерский (в молодости прельщенный явлением беса под видом Христа), в сане епископском прославился даром чудотворений. Из Лавры выходит **преп. Кукша**, апостол вятичей и мученик († 1113). Всех подвижников Лавры и ее значение в истории Церкви в нашем труде охватить невозможно.

Кроме подвижников Печерских в XII веке назовем **Антония Римлянина** († 1147), и **преп. Герасима Вологодско-го*** († 1178). Этот последний, уроженец киевский, положивший начало своему подвигу в Глинецкой обители «под руководством старцев глинецких, опытных в жизни духовной», 30 лет, влекомый жаждою уединенного подвига уходит на Дальний Север. 19 августа 1147 года он прибывает в Вологду. В то время это было селение с храмом Воскресения Христова. Сначала его встречают недружелюбно, но мало-помалу его подвижническая жизнь привлекает людей: «Одни пожелали содействовать преподобному в его трудах по постройке церкви и обители, другие захотели под его старческим руководством подвизаться и сожительствовать ему». Одним из светочей XII в. является личность **святителя Кирилла епископа Туровского**** (1130–1180), церковного писателя, подвижника и столпника. Приведем отрывок из писания святителя Кирилла, в котором он поучает необходимости отсечения своей воли и о послушании старцу: «Ты как свеча, – внушает святитель иноку, – волен в себе до церковных дверей, а потом не смотри, как и что из тебя сделают. Ты как одежда, знай себя до тех пор, пока не возьмут тебя в руки, а потом не размышляй, если разорвут тебя и на тряпки. Имей свою волю только до

* Ч. М. 4 марта.

** Ч. М. 28 апреля.

поступления в монастырь. По приятии иноческого образа всего себя отдай в послушание, не таи в сердце даже малого своеволия, дабы не умереть душою. Вступив в монастырь, постарайся найти мужа, имеющего дух Христов, украшенного добродетелями, представляющего свидетельство своим житием, более всего имеющего любовь к Господу, послушание к игумену и незлобие к братии, разумеющего писания и чрез то наставляющего идущих на небеса к Богу. Отдай такому мужу самого себя, уничтожив свою волю». В житии прибавлено: «Таким учительным мужем-подвижником (старцем) и был сам Кирилл».

В XIII веке Русь подверглась опустошительному нашествию монголов. В 1240 году пострадала вместе с Киевом и Печерская Лавра. Общее бедствие отражается и на жизни Церкви. Монастырская жизнь замирает. Ее возрождение принадлежит следующим векам. Из выдающихся в этом XIII столетии имен назовем преп. Авраамия Смоленского и преп. Варлаама Хутынского.

Житие **преп. Авраамия Смоленского*** († около 1220), составленное его учеником Ефремом, сохранилось в списках XVI–XVII вв. Автор жития как ученик преподобного, живший, следовательно, также в XII или в начале XIII в., самым этим житием живо показывает нам содержание, объем и направление литературного образования того времени, притом на отдаленном северо-западе, в Смоленске, где, по некоторым известиям, было и тогда прекрасно устроенное училище, основанное правнуком Вл. Мономаха Романом Ростиславичем (1160–1181).

Из Смоленска был родом и второй русский **митрополит Климент Смолятич**, о котором летописец говорит: «Бысть книжник и философ так, якоже в Русской земли не бяшет», писал «от Омира, от Аристотеля и от Платона». Митр. Климент – автор послания к пресвитеру Фоме экзегетического содержания, это собрание пояснений темных мест в Библии и Св. Отцах. Из этого послания явствует, что в Смоленске существовал кружок лиц, посвятивших себя ученым занятиям, которые при этом разделялись на разные экзегетические направления. Ввиду сказанного, ученость преп. Авраамия не является исключительным явлением.

* Память 21 августа. Прав. Энцикл. Слов. СПб., 1900, стр. 194–203.

Связав эти сведения с другими данными, относящимися к тому времени, можно судить о большой высоте духовно-богословского образования на Руси в древнейший период ее церковной истории. Высокая степень начитанности преп. Авраамия в святоотеческой литературе, опытность его и мудрость дали ему возможность проявлять учительную деятельность, и он становится наставником большинства горожан. Зависть и недоброжелательство со стороны местного духовенства вызывает клевету (обвинение в чтении голубиных, т.е. богомильских книг). Но провиденциальное вмешательство (засуха и по его молитве обильный дождь вслед за его оправданием) подкрепляет данные в пользу его невинности. Епископ Игнатий делает его настоятелем нового монастыря в честь Положения Ризы Богоматери, где преп. Авраамий свободно продолжает свое старческое служение, принимая богатых и убогих.

Преп. Варлаам Хутынский* происходит из богатого рода. Он поселяется в Хутины для отшельнического жития, но не один, а с другими боярами-друзьями. Принимает постриг и сан иерея. Ведет внутреннюю борьбу, терпит злобу врагов видимых и невидимых, наконец, достигает бесстрастия. Тогда принимает посетителей для поучения и исцелений (старчество) и воскрешает умершего. Перед кончиною преподобного вернулся из Царьграда его друг Добрыня Андрейкович, в монашестве Антоний, впоследствии архиепископ Новгородский и Псковский. Память его совершается 10 февраля вместе с другими святителями, почивающими на «Золотой паперти» Софийского собора. О его путешествии говорилось выше.

II. Московская Русь

ВСТУПЛЕНИЕ К XIV ВЕКУ

С половины XIV века наблюдается на Руси явление, которое объясняется всецело историческими условиями монголь-

* Ч. М. 6 ноября, † 1192 г.

ского времени, явление неизвестное по местным условиям на Востоке. Его принято называть монастырской колонизацией. Удаляясь от людей в непроходимую лесную глушь, которая, собственно, и называется на древнерусском языке пустыней, отшельник недолго подвизается один, «един единствую», посещаемый только зверями. Лишь только пойдет в народе молва о нем, затем легким пером пронесется слава, как в лесную пустыню к малой келейке безмолвника один за другим собираются его будущие сожители и сподвижники. С топором и мотыгой они трудятся своими руками, труды к трудам прилагая, сеча лес, на-севая поля, строя кельи и храм. Вырастает монастырь. И к шуму векового леса, к дикому вою и реву волков и медведей присоединяется теперь новый, правда, сначала слабый звук – «глас звонящих», и как будто на зов нового голоса, на приветный звон монастырского *била*, к обители являются крестьяне. Они беспрестанно рубят лес, пролагают дороги в непроходимых раньше дебрях, строят вблизи монастыря дворы и села... Села, разрастаясь, превращаются в посад или даже город... Это движение вызвано было величайшим подвижником русской земли, отцом последующего монашества, преп. Сергием Радонежским, который, по выражению его жизнеописателя, был «игумен множайшей братии и отец многим монастырем», а по летописцу: «начальник и учитель всем монастырем, иже на Руси»*.

Какова же была жизнь пустычника, когда он жил «един единствую» на лоне девственной природы? Отшельники искали такие местоположения, которые возбуждают в душе чувство высокого, чувство присутствия Бога. Место второй пустыни Сийской (где подвизался Антоний Сийский), «в горах бяше, горами, яко стенами окружено, в долу же гор тех бяше озеро, Падун глаголемое. На горах же тех лес великий зело видети. В подгорий же гор оных стояше келлия святаго. Окрест же ея дванадесять берез, яко снег белеюще. Плачевно же есть место се вельми, яко же кому пришедши посмотри сию пустыню, зело умилится имать, яко самозрение места того в чувство привести может».

* Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древ. Руси. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903, стр. 24.

Но пустыня, которая умиляла и возвышала душу, являлась одновременно и силой грозной, полной всевозможных опасностей. «Вот тот же Антоний Сийский, – говорит жизнеописатель его, – шел в северные страны, прилежавшие двинской области, и приходивши непроходимые леса, дебри и дрязги иже прилежат студеного моря-окиана и мхи и блата непостоянныя и езера многая, ищущи благопотребна места, идеже Бог наставит». В этих мхах и болотах «живяху дивии зверие, медведи и волцы, елени и зайцы и лисицы, множество много их яко скота бяше их». Однако он уживается среди них, как другие преподобные, достигшие бесстрастия. «Когда преп. Сергей поселился в лесах Радонежских, по словам жизнеописателя его, пустыня тогда была непроходимая, стези не было, и непроходимо было стопами человеческими: много тогда гадов и ползающих змей являлось ему, к келлии его разные звери подходили во множестве не только ночью, но и днем, стада волков рыли и ревели вокруг его келлии, иногда же являлись медведи, приближались к нему, безвредно окружали его». «Обычай имяше преп. Макарий Колязинский обходити места пустыньныя: аще бо и зверие дивии насельницы быша пустыни той, но яко кротчайший овчата с ним хождаху, паче же рещи, яко же и повиновахуся ему, многожды и пищу примаху от него». Климат северный являлся также суровым и немилосердным к беззащитному человеческому существу. В житии Антония Сийского говорится, что зимой от великой бури занесет всю келию отшельника снегом, а он «живет под тем снегом, аки в пещере и к Богу теплые свои молитвы воссылает»*. Откуда брали преподобные эту силу, благодаря которой они могли побеждать законы естества? Как мог, например, преп. Павел Обнорский жить в стволе липы три года? В житии его сказано: «Тем сосуд избран бысть Святому Духу». В этих словах и можно найти разгадку к такой вышеестественной жизни святого.

Мы знаем лютость наших русских морозов, а жизнь в дупле дерева показывает, что отшельник, живший в нем, об-

* «Древ. пустыньники на сев.-вост. России». Прав. Соб. ч. III. Казань, 1860, стр. 196–221.

ходилась без огня. Такая жизнь превышает человеческие силы, т.к. всякий должен был бы погибнуть в первую же стужу.

Это явление объясняет преп. Серафим в своей беседе с Мотовиловым о стяжании благодати Св. Духа. После того, как их осияла видимым образом благодать Божия по молитве Преподобного, последний говорил Мотовилову: «Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа. Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а смотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и над нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: “Теплотою Духа Твоего Святого согрей мя”. Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Духа Святого истканную». Теплотою Духа Святого «согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мороза»... эти слова относятся к российским отшельникам. Но в египетской пустыне картина была иная и характер проявлений помощи свыше иной.

В житии преп. Онуфрия* находится описание путешествия св. Пафнутия по внутренней пустыне, где жили среди сыпучих песков, под жгучим солнцем отшельники (IV в.). Это ряд вышеестественных житий. Эти анахореты, как впоследствии по их примеру и наши отечественные, ради Бога отказались от всего присущего человеческому естеству вплоть до инстинкта самосохранения и вверглись в пучину милосердия Божия безоговорочно храня лишь веру, горамидвигающую. И эта вера, как тут, так и там, не оставалась неоправданной. Но у нас теплотою Духа Святого спасались от мороза, а там – среди бесплодной пустыни внезапно возникают источники, вырастают пальмы с ветвями, плодоносящими каждый месяц. Преп. Онуфрий говорил преп. Пафнутию о подобных себе: «Бог посылает к нам святых ангелов», кото-

* Ч. М. 12 июня.

рые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно их сбываются слова пророка Исаии, говорящего: *«Надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья как орлы, потекут и не устанут»* (Ис. 40, 31). На вопрос Пафнутия, как он причащается, Онуфрий ответил следующее: «Ко мне приходит ангел Господень, который и приносит с собою Пречистыя Тайны Христовы и причащает меня. И не ко мне одному приходит ангел с причащением Божественным, но и к прочим подвижникам, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческого; причащая, он наполняет сердца их неизреченным весельем. Если же кто-либо пожелает видеть человека, то ангел берет его и поднимает к небесам, дабы он видел святых и возвеселился. И просвещается душа такого пустычника как свет и радуется духом, сподобившись видеть блага небесная. И забывает тогда пустыжник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же пустыжник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть».

То же, что было в IV веке в пустыне египетской, повторилось в «русской пустыне», в Саровских лесах в XIX в.

«Некогда, читая слова Спасителя, – говорит преп. Серафим Иоанну Тихонову, – что “в дому Отца Моего обители многи суть”, я убогий остановился на них мысленно и возжелал видеть сии небесная жилища... И Господь действительно по великой своей милости не лишил меня утешения по вере моей и показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный... видел неисповедимую красоту небесную и живущих там: великого Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отец наших Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого и Марка Фрачесского и всех святых, сияющих в неизреченной славе и радости, каких око не видело и ухо не слышало и на помышление человеку не приходило, но какие уготовал Бог любящим Его»*.

* Ильин В. Н. Преп. Серафим Саровский. Париж, 1925, стр. 125.

Преп. Серафима отделяют от преп. Онуфрия 15 веков, но мистические явления одни и те же. Преп. Серафим почти наш современник, мы знали еще лично видевших его. Это уже не таинственная далекая древность в тумане веков. Но именно теперь, когда уже у нас почти атрофировались духовные крылья, и мы забыли, какие возможности таятся в нашем духе, был послан нам преп. Серафим, во всей силе и духовной мощи великих древних отцов, чтобы мы вспомнили о своем Богосыновстве и стремились к безграничному совершенству Отца нашего Небесного: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф. 5, 46).

Сам преп. Серафим понимал так свое назначение: в только что приведенной беседе его с Мотовиловым, он в заключение сказал последнему: «Мню, что Господь поможет вам навсегда удержать это (действие благодати) в памяти вашей... тем более, что и не для вас одних дано разуместь это, а чрез вас для целого мира, чтобы вы сами утверждались в деле Божиим и другим могли бы быть полезным»*.

Ко всему сказанному можно еще прибавить следующее: любовь является доминирующей чертой северо-восточных подвижников. «Любовь к Богу и ближнему стяжав, закона и пророк исполняя главизну, ибо не любящий ближняго ниже Бога возлюбити может. Ты же, преподобне отче наш Павле, обоя исполнил еси» (6-я песнь канона преп. Павлу Обнорскому).

Такой же исключительной любовью отличался и преп. Серафим, всех приходивших к нему именовавший «радостью». Сходство это, однако, не случайно и не является простым совпадением. Хотя оба подвижника жили в разное время, их разделяет 400 лет, но роднит их то, что они оба опытно прошли тот же путь, ту же святоотеческую школу и увенчались тем же венцом добродетели – совершенной любовью.

Объяснение этой тайны (приобретения истинной любви) дает нам преп. Исаак Сирий (VII в.): «Нет способа возбудиться в душе Божественной любви, во след которой таинственно течешь ты в отшельничестве, если она (душа) не препобедила

* Ibid., стр. 123.

страстей. Ты же сказал, что душа твоя, не препобедив страстей, возлюбила любовь к Богу, и в этом нет порядка... всякий говорит, что желает любить Бога, и не только христиане говорят это, но и неправо поклоняющиеся Богу. И слово это всякий произносит как свое собственное, однако же при произнесении таких слов движется только язык, душа не ощущает, что говорит». Прежде надо исцелить душу: «Как больной не говорит отцу: “сделай меня царем,” но прилагает сперва попечение о недуге своем и по совершенном выздоровлении царство отца его само собою делается его царством: так и грешник, принося покаяние, получая здравие души своей, входит со Отцом в область чистого естества и царствует в славе Отца своего».

Даром любви обладают все истинные подвижники и безмолвники, искоренившие страсти. О таких подвижниках преп. Исаак Сирийский говорит, что если кому нет возможности проявлять любовь к ближнему деятельным образом по причине безмолвного жития и безысходного его пребывания в затворе, то достаточно пред Богом ограничиться мысленной любовью (молитвенным предстательством). «Ибо, если кто совершенно не имеет общения с людьми и всецело погружен мыслью в Бога, когда мертв он для всего и удален от всех, таковому не повелевается служить людям и угождать им. Если же кто по временам прерывает свой подвиг и по исполнении своего правила встречается с людьми, и утешается общением с ними, но нерадит о братьях своих, которые в скорбях, думая благодаря этому в строгости выдержать свое правило, тот не милосерд и жесток. Он не снисходит до участия в делах любви по недостатку милосердия, по самомнению и по ложным помыслам. Кто пренебрегает больным, тот не узрит света. И кто пренебрегает гласом страждущего, у того сыны его в слепоте ощупью будут искать домов своих. Да не поругаем великого имени безмолвия невежеством своим. Ибо всякому житию свое время, и место и отличие»*.

В приведенном отрывке Исаак Сирийский говорит о двух сторонах религиозно-христианского идеала, а именно, деятельного милосердия и созерцательного отшельничества, избегаю-

* Твор. Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1893. Слово 55, стр. 255, 259.

щего общения с людьми. («Не могу быть с Богом и людьми». Авва Арсений). Проф. прот. Георгий Флоровский указывает на существующее по этому поводу в аскетической литературе разногласие и даже противоречие, в котором заключается предельная антиномия, в философской мысли не разрешенная. И это не раз подымало и даже с большой остротой вопросы Богословские и догматические*. Проф. Зарин подробно исследует эти «два пути», указывая на их равноценность и даже на **Двуединство** религиозного идеала, включающего и созерцательную и деятельную его стороны. Цель этого идеала воспитать и осуществить **Нераздельно**, но и **Неслитно** «любовь» к Богу и к ближним ради Бога**. Из приведенных слов преп. Исаака можно видеть, каким образом это задание должно осуществляться на практике в самой жизни аскетов.

ВЕЛИКИЙ ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ
(1314–1392)

Преп. Сергей***, в миру Варфоломей, был вторым сыном Кирилла и Марии, боярского рода из Ростовской области. Отроку Варфоломею трудно давалась грамота. Он просит помощи от Бога. Чудесным явлением даруется ему разумение писаний. Как и избранному народу все дается непосредственно от Бога, так и избранникам Божиим дается все непосредственно из руки Божией. После смерти родителей он уходит в лесные дебри, где основывает пустынную обитель. Конгениальный древним подвижникам, внутренне родственный им, он проходит классический путь аскезы чрез внешние подвиги к высшим духовным состояниям.

Преподобный Сергей был вдохновителем и насадителем на Руси созерцательного подвига. Троицкий монастырь дал от

* Флоровский Георгий. Византийские отцы V–VIII вв. Париж. 1933, стр. 145.

** Зарин С. Аскетизм. Т. I, кн. I. СПб., 1907, стр. 107.

*** Ч. М. 5 июля и 25 сентября.

себя 50 обителей, давших, в свою очередь, 40 других. Иеромонах Никон в «житии» указывает на 100 имен преподобных, происшедших от монастыря преп. Сергия. Это была духовная школа, давшая расцвет созерцательного подвига во всей северо-восточной части России. Рассмотрим теперь житие преподобного именно с этой точки зрения.

Похоронив родителей, Варфоломей и овдовевший брат его Стефан уходят в непроходимые леса. Здесь созидают себе примитивное жилище и бревенчатую «церквицу». Они просят у митрополита Феогноста благословения на ее освящение во имя Живоначальной Троицы. Митрополит присылает для этой цели священников, св. антимины и все потребное. Стефан не вынес тяжести отшельнической жизни и ушел в Москву в Богоявленский монастырь. Варфоломей остался.

Аскетические творения говорят, что удел безмолвников есть удел не всех, а лишь тех, кого благодать Божия призывает на это. Таким подвижникам даются утешения неизреченные, поддерживающие их в условиях сверхчеловеческих трудностей. Для того, чтобы вступить на этот путь и шествовать по нему безбедно, нужно предварительно достигнуть бесстрастия. Каким путем шел и дошел до такого высокого состояния юный Варфоломей, живя еще в доме своих родителей? Читал ли он святоотеческие творения? Аскетическая литература существовала на Руси с ранних времен*. Или был он научен словесно? Об этом можно говорить лишь гадательно. Но одно несомненно, преп. Сергий принадлежал к тем цельным натурам, избранникам Божиим, которые всецело устремляются с самого начала своей сознательной жизни к Богу. Им, сохранившим незапятнанной сердечную чистоту с детства, открываются непосредственно духовные пути. Знакомство же с аскетической литературой, или с преуспевшими подвижниками, могло еще более обогатить и умудрить благодатного юношу. Итак, он живет пустынником в безмолвии один и выносит все трудности, связанные с этим подвигом. Обыкновенный человек на его месте повредился бы умом или погиб от хищных зверей, а, вернее всего, расстался бы

* Епифаний Премудрый в Житии преп. Сергия цитирует и «Лествицу».

с отшельнической жизнью, как это сделал Стефан. Но инок Сергей начал свою монашескую жизнь уже в состоянии святости, и дальнейшая его жизнь – это ее развитие и ее рост. Он, «как бы орел какой, который, расправив легкие крылья, взлетает по воздуху в высоту»*, по выражению Епифания Премудрого.

«Пребывшу ему в пустыне единому единствовавшу или две лете, или боле, или меньши, Бог весть»**, по словам того же Епифания, начали вокруг преподобного собираться монахи, и мало-помалу образовалась небольшая общинка поначалу в 12 человек. Сам преподобный, уже постриженный с именем Сергия, был тринадцатым. Обитель терпела во всем лишение: не было припасов для питания братии. «Иногда не было вина, чтобы совершить литургию, не было ладану, чем бы покадить, часто не было воску, из чего бы сделать свечу, и они, за неимением свеч, совершали по ночам утреню при свете березовой или сосновой лучины. Ею светили себе канонархи и чтецы, читавшие по книгам. Так совершали они свои ночные службы»***. Каким же образом складывалась жизнь, и каковы были взаимоотношения в Троицком монастыре?

Сведения очень скудны, однако в них можно уловить то, что относится к старчеству. Так, о духовничестве в Троицком монастыре у проф. Смирнова мы читаем: в монастыре преп. Сергия духовником братства был сначала игумен, сам великий подвижник. Уговаривая принять игуменство, братия заявляла: «Зело желаем того, дабы ты игумен и наставник душам и телом нашим, да быхом от тебе прощение, и благословение, и молитву по вся дни принимали, видели тебе по вся дни совершающа святую литургию, да быхом колиждо от честную руку твою причащались Пречистых Тайн»****. Таким образом, Троицкая братия выбирала в лице преп. Сергия не только игумена, но и духовника, и он был первое время духовным отцом

* Епифаний Премудрый. Житие преп. Сергия. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1908, стр. 37.

** Ibid., стр. 47.

*** Ibid., стр. 65.

**** Смирнов С. Древнерус. Духовник. Москва, 1913, стр. 26.

всех подчиненных ему иноков. В строках, посвященных преп. Феодосию Печерскому, уже указывалось, что древнерусский духовник являлся, как говорит проф. Смирнов, «почти старцем». Когда же духовник был, кроме всего, еще и обладателем даров духовных (харизматик), как преп. Сергей, то старческое его достоинство выявлялось полностью. Старческое служение его выражалось, между прочим, и в том, что преп. Сергей принимал откровение помыслов*.

В начале возникновения монастыря, ему был усвоен Студийский устав**, как и у преп. Феодосия в Киево-Печерской лавре, о чем раньше было указано. По этому уставу на 4-й песне канона происходит откровение помыслов. Кроме того, о том, что практика откровения помыслов наблюдалась в Троицком монастыре, мы можем еще удостовериться из жития святителя Феодора Ростовского, племянника преп. Сергия, со слов Епифания Премудрого: «Удивительно было у него и то, что он никогда не скрывал от преподобного своих помыслов – ни днем, ни ночью»***. То же самое сказано в житии преп. Никона: «Верное сердце Никона было также отверстою дверью для откровения Сергию помыслов и душевных движений».

Похвальное слово Епифания Премудрого выявляет характерные свойства старца в преп. Сергии: «Истинный руководитель, неложный учитель, добрый пастырь, непрелестный наставник, духовный правитель, добрый наказатель, истинный кормчий»... «для иноческого чина, – как бы лестницей, возводящей на высоту небесную...» «Которые были очевидцами и слугами этого великого и святого Старца, – его ученики

* Феодор Студит, живший в эпоху, когда старчество особым образом расцвело на Востоке, настаивает на необходимости в подвиге борьбы со страстями откровения помыслов: «Никто не замышляй особиться и сам о себе тещи, никто не сдвигай ног своих с твердого камня веры отцу своему... неуклончивым ему исповеданием и полным откровением своих сокровенностей». Доброт. Т. IV. Москва, 1889, стр. 262.

** В 1381 г., когда было введено общежитие, Студийский устав был заменен Иерусалимским. Тогда духовником братии стал Савва (Сторожевский), а под конец Епифаний Премудрый.

*** Епифаний Премудрый. Житие преп. Сергия. Св.-Тр. Лавра, 1908, стр. 94, стр. 112–127.

и таинники, или лучше, послушники... не нуждаются в этом нашем плохом писании...» Относительно мирян Епифаний говорит, что «по всему этому он для всех притекающих к нему был как бы источником благопотребным... Многие приходили к нему, не только ближние, но и издалече, из дальних городов и стран, чтобы только взглянуть на него и услышать от него слово, и все получали великую пользу и спасение души от назидательных его дел... Многих он научил своим душеспасительным словом и заставил их обратиться с покаянием к Богу... для грешников – верный поручитель...»*

Но преп. Сергей был старцем не только для подчиненных ему иноков и мирян. Но происходит и нечто более удивительное: к нему притекают за словом назидания уже умудренные долголетним опытом созерцательные подвижники, как Сергей Нуромский, прибывший с Афона, Евфимий Суздальский, Дмитрий Прилуцкий**, Стефан Махрищеский*** и др. (Они именуются «Сергиевыми собеседниками»). Эти собеседники показывают нам величие того духовного образа, каким Сергей являлся в глазах своих современников, будучи учителем учителей и наставником наставников... «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно обращенных к свету Христову странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и наши древние отцы?» – воскликнул усомнившийся греческий епископ, за свое сомнение наказанный слепотой и вслед за этим исцеленный самим преподобным. И воистину духовный облик преп. Сергия достигает той несказанной красоты, какой могли бы дивиться и древние отцы.

Известно чудесное видение преп. Сергия, когда темнота ночи вдруг озарилась ярким светом, и преподобный, выйдя в сени, увидел бесконечную стаю пролетающих птиц, и был ему голос: «Сергий, Господь внял молитве твоей, как видишь

* Там же, стр. 112–127.

** Ч. М. 11 февраля, † 1392 г. Преп. Дм. Прил. основал на р. Вологде первый общежительный м-рь и открыл путь в непроходные места для новых проповедников Имени Христова.

*** Ч. М. 14 июля, † 1406 г.

этих птиц, так умножится число учеников твоих по тебе, и не оскудеют последующие стопам твоим». В конце жизни преп. Сергию было дано лицезреть явление Богоматери. Это было в 1388 г., за 4 года до его кончины. В его житии также находим пример явления того Божественного света, который Григорий Палама именует «Божественными энергиями», «лучами Божества», и о которых св. Макарий Египетский говорит, что «Ангелы и служебные духи приобщаются свету этого огня»*. Мы хотим сказать о том видении, когда Исаакий-молчальник, пораженный ужасом, увидел, что преподобному сослужит дивной красоты блистающий юноша, и нисходит огонь на Святую Чашу, разливаясь по всему престолу и окружающий со всех сторон священнодействующего Сергия.

Такие явления характерны для подвижников восточной аскезы, прошедших сначала путь внешних подвигов (праксис) и, как плода таковых, достигших созерцания (Феория). И, как говорит Палама: «Отделяясь от материального, в котором он (подвижник) сначала проходит известный ему путь... он идет к истине неизреченною силою Духа, духовным неизреченным восприятием он слышит неизреченные глаголы и видит несозерцаемое и уже здесь, на земле, есть и становится чудо»**. О подобных тайнах и глубинах внутренней подвижнической жизни, надо полагать, и приходили совещаться к Сергию его святые собеседники. Но духовные постижения не являются уделом большинства, а доступны лишь немногим избранным. Таким был и юный монах Кирилл, будущий основатель Белозерского монастыря. И потому Сергий, приходя в Симоново, спешит к нему на хлебную, где было его послушание, и составляет его часами, оставляя в стороне других... И, как мы увидим ниже, Сергиевы заветы через Кирилла перешли к последующему подвижничеству всего северо-востока России, – «Северной Фиваиды». Среди личных учеников преп. Сергия были два особенно ярких примера созерцательного подвижни-

* LosskyV. *Essai sur la theologie mystique de l'Orient*. Paris. 1944, p. 217.

** Киприан, арх. Духовн. предки св. Гр Паламы // *Бог. Мысль*. Париж, 1942, стр. 130.

чества: это Сильвестр и Павел Обнорские, речь о них будет ниже. В монастыре Павла Обнорского остался письменный памятник, как доказательство, подтверждающее только что нами сказанное. «Осталось, – говорит Смолич, – из его Павлова монастыря замечательное учительное писание о руководстве молодых монахов, которое дает понятие о монастырском быте. Хотя это писание в основе посвящено внешней аскезе, тем не менее находим мы в нем основные черты внутренней аскезы: встречаются понятия, как “духовная молитва”, “собранность духа”, “молчание”»*. Все эти термины служат признаком школы восточной аскезы.

Но вот наступает великий исторический момент в жизни русского народа: свержение татарского ига. В этот грозный, решительный час значение преп. Сергия, как старца и печальника всея земли Русской открывается во всем своем духовном величии. Подобно древнему Моисею, он становится вождем своего народа.

Значение Куликовской битвы, этого великого события, проф. Ключевский определяет следующим образом: «Народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался, наконец, с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многочисленными костями... и эту силу нравственную, и это чувство бодрости и духовной крепости вдохнул в своих современников преп. Сергий»**. Никоновская летопись сохранила потомству описание посещения преп. Сергия Дмитрием Донским перед его выступлением в поход против татар. Беседа с вел. князем, святой старец советовал ему почтить дарами и честью злочестивого Мамаю. Преподобный приводил в пример Василия Великого, утолявшего дарами Юлиана Отступника: «И ты, господине, отдай им честь и золото, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную

* Смолич. *Leben und Lehre der Startzen*. Wien, 1936, S. 64.

** Ключевский В.О. Речь. Преп. Сергий Радонежский. Мюнхен, 1948, стр. 40.

гордыню». «Все это я уже сделал, – ответил Дмитрий. – Но враг мой возносится еще более». Выслушав эти слова, угодник Божий осенил князя крестным знамением и вдохновенно произнес: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов». А затем, понизив голос, сказал тихо одному князю: «Победиши враги твоя»*.

Художественное описание этого похода мы находим у Б. Зайцева: «Каков бы ни был Дмитрий в иных положениях, здесь, перед Куликовым полем, он как будто ощущал полет свой все вперед неудержимо. В эти дни – он гений молодой России. Старшие, опытные воеводы предлагали здесь повременить. Мамай силен, с ним и Литва, и князь Олег Рязанский. Дмитрий, вопреки советам, перешел через Дон. Назад путь был отрезан, значит, все вперед, победа или смерть.

Сергий в эти дни тоже был в подъеме высочайшем. И вовремя послал вдогонку князю грамоту: “Иди, господине, иди вперед, Бог и Св. Троица помогут”.

8-е сентября 1380 года. Хмурый рассвет, Дон и Непрядва. Куликово поле и дух “Слова о полку Игореве”. Русь вышла снова в степь меряться со зверем степи. Как все глубоко, напряженно и серьезно. Перед сражением молятся. Читают “ратям” грамоту преподобного. Над ставкой черный стяг великокняжеский с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, хладносеребряный. Роса, утренний холод. За Непрядвой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи и в последний раз оружие свое страгивают. Строятся. Идут на смерть. Грусть и судьба, неизбежность. Ясно, что возврата нет... “Началась битва на гигантском по тем временам фронте в десять верст. Сергий правильно сказал: “Многим плетутся венки мученические”. Их было сплетено немало.

Преподобный же в эти часы молился с братией у себя в церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: “Мы победили”**.

* Никон, иером. Житие преп. Сергия. Москва, 1885, стр. 148.

** Зайцев Б. Преп. Сергий. Париж, 1925, стр. 73–74.

Время давно сваяло эти дела с народной памяти, как оно уже глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов... но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании... Творя память преп. Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка... Ворота лавры преп. Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка»*.

Преподобный Никон** еще в юношеском возрасте явился к преп. Сергию, но за «святое послушание» был им направлен к игумену Афанасию Высоцкому. Преп. Сергей готовил в лице Никона себе преемника. С этой целью он намеренно отдаляет самого лучшего своего ученика, дабы тот, будучи на «чужбине», и, томясь в разлуке со своим возлюбленным старцем, научился лучше понимать и ценить «объятия Отча». Только через несколько лет, уже в сане иерея, вернулся Никон в Троицкий монастырь. Но зато преп. Сергей теперь его всячески утешает и приближает его больше всех, поселив его в своей келии. Можно представить себе всю ту радость и блаженство, какое испытывал преп. Никон! При прозорливом руководстве своего наставника и сильной его молитве Никон приобретает силу против искушений и всякой слабости и райское утешение в молитвенном общении с великим Угодником Божиим.

«Верное сердце Никона, – повествует житие, – было отверстой дверью для открытия своему отцу всех помыслов и намерений, дабы никакая мгла сомнения, или смущения не омрачала чистоты его совести». Преп. Сергей еще при жизни делает Никона своим преемником. После преставления преподобного Никон становится игуменом братии. Имя Никона, как «освящение некое», прославилось по градам и весям. К нему, как к врачу духовному, стекались люди (старчество). Но преп. Никон прерывает свое игуменство шестилетним затвором. Перед нашествием Эдигея он был предварен явлением святителей Петра и Алексия

* Ключевский В. О. Речь. Преп. Сергей Радонежский. Мюнхен, 1948, стр. 43.

** Ч. М. 17 ноября, † 1428.

и преп. Сергия. Благодаря этому они успели вывезти церковную утварь и книги. Монастырь был сожжен дотла. Преп. Никон его возобновил и построил каменный собор, куда перенес мощи преп. Сергия. При преп. Никоне Троицкий монастырь обогатился святоотеческой литературой аскетического характера.

Сильвестр Обнорский* – ученик преп. Сергия, жажда безмолвия, ушел на дальний северо-восток и остановился на берегах р. Обноры. Здесь его нашел путник, сбившийся с дороги, и сказал преподобному, что люди не раз видели над местом его пребывания светлые лучи, или облачный столп. Преподобный прослезился, огорчившись, что его уединение нарушилось. Он рассказал путнику, что живет здесь давно и питается древесной корой и кореньями. Сначала без хлеба он обессиливал и падал на землю. Но после явления ему некоего чудного мужа, прикоснувшегося к нему рукою, он перестал страдать от физических лишений. Вскоре, проведав об отшельнике, к нему потянулся народ, и вокруг пустытника создалась обитель. Сам Сильвестр отправился в Москву к митр. Алексию, получил антиминс и был поставлен игуменом первой обители в Обнорском крае. Храм был посвящен Воскресению Христова. К преподобному стекались за духовными нуждами знатные и простые люди. Когда он от времени до времени удалялся на безмолвие, его возвращения ждала толпа людей. Приносили детей, больных для исцеления. О посмертных чудесах его велись записи в течение многих веков.

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАВЕЛ ОБНОРСКИЙ (1317–1429)

Одним из выдающихся отшельников среди сонма преподобных XIV века был преп. Павел Обнорский**. Вначале он поступил в обитель Рождества Христова на Прилуке. Устремляясь на высшие подвиги и желая иметь себе опытного наставника на

* Ч. М. † 25 апреля 1379 г.

** Ч. М. 10 января.

пути добродетели, он поступил в братство к преп. Сергию, который и стал его старцем. Преп. Павел отказался от своей воли и отдал себя всего на волю своего наставника. В Сергиевом монастыре он провел 15 лет. После этого двинулся он на север в непроходимые вологодские леса, где он жил в стволе липы. Здесь нашел его афонский исихаст преп. Сергей Нуромский, который стал его духовником и сотаинником. «Блаженная жизнь Павла, – говорит житие, – была подобна жизни первого человека в раю: птицы и звери, даже хищные, паслись возле его жилища, утешая его незлобием. К нему приходил заяц вместе с лисицею, принимая пищу из рук св. старца. Вились птицы, являлся медведь и смирно ждал себе пищи...» Об этом говорится в службе преподобному в 8 песне канона: «Зверие дивии, преподобие, кровоядцы бываху, от благодати Божия живущия в тебе ничтоже ти скорбно показующе, но и повелению твоему повиновахуся, поюще: благословите вся дела Господня Господа». Молитва, Богомыслие и углубление в святоотеческие писания приобрели ему дар проникновения и духовной прозорливости. Посему он постигал и невысказанные тайные помыслы собеседников и исцелял их благодатным своим словом. Об этом свидетельствует стихира в службе ему: «Преподобие отче Павле, ты Богу последуя всех возлюбил еси и от всех любим был еси, благого ради жительства и нрава благоприступнаго якоже ангела. Отонудуже и душ попечение восприял еси, наставляя сия твоими ученьми к небесному наследию». В 1389 году св. Павел основал монастырь в честь Живоначальной Троицы. Из этого монастыря, как уже было сказано, осталось учительное писание о руководстве молодых монахов, дающее нам понятие о монастырском быте того времени и свидетельствующее о существовании старческого руководства.

К сожалению, в синодальном издании житий святых нет ссылок на подлинные исторические житийные памятники, где исследователь мог бы найти те признаки и черты, которые его интересуют. Только в трудах агиографов он наткнется на драгоценные для него крупницы, хотя и там жития рассматриваются не с точки зрения аскетике и мистики, а с исторической, литератур-

ной, бытовой и др. Такие ценные для нас выдержки из жития св. Павла Обнорского находим у проф. Кадлубовского. Они взяты из подлинного жития, написанного в первой половине XVI века. Эти черты рисуют образ великого исихаста, ибо наша «Северная Фиваида» ничем не уступала своему африканскому первообразу. Насельники девственных лесов Заволжья по духовной силе, мощи своих подвижников, по высоте их достижений были равны отцам первых веков христианства. Но как знойная африканская природа с ее ярким, синим небом, сочными красками, жгучим солнцем и бесподобными лунными ночами отличается от акварельных, нежных тонов нашей северной природы с голубой гладью ее озер и мягкими оттенками ее лиственных лесов с их изумрудной зеленью ранней весной и богатой гаммой золотых красно-коричневых тонов в сентябре, – таким же образом отличается святость отцов египетской пустыни – стихийно-бурная и могучая, как лава, извергающаяся из вулкана, эта святость, подобно яркости южной природы, отличается от нашей святости, тихой, величавой и кристально-светлой, как светел и ясен лучезарный и тихий вечер русской весны. Но как тут, так и там, то же «умное делание», то же безмолвие. Вот те цитаты, которые взяты у Кадлубовского, касательно преп. Павла: «Блаженный Павел смирен сый умом и ненавидяй славы и чести от человек, безмолвие же любя, Боголюбец сый, и во мнозе времени моляше святого Сергия яко да повелит ему в уединении пребывати». О Павле рассказывается, что он пребывал «поя и моляся присно и ума зрительное очища». Он заботился о чистоте своих помыслов «да не прилипнет ум его никаких же земных вещей». Ниже читаем, как он «со усердием присно моляшеся Богови, тщаливо трудяшеся, зрительное ума очищая». Перед своей кончиною Павел окончательно «безмолствовати начат, всего человеческого жителства ошаяся, в молитве же и внимании к Богу ум свой присно имеа, зрительное очищая и свет Божественнаго разума собираа в сердци своем и чистотою его созерцаа славу Господню, тем сосуд избран бысть Святому Духу»*.

* Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 203–207.

Муравьев, автор «Русской Фиваиды», во время своего паломничества по Вологодскому краю, переехав р. Нурму, увидел у самого моста уединенную часовню и зашел туда поклониться преп. Павлу. «Кроткий лик его встретил меня там; – говорит Муравьев, – в сонме прочих пустынножителей по сторонам распятого Господа, ради Коего столько подвизались. В руках святого Павла был свиток с надписью: “О, если бы ведали всю силу любви”. Такое краткое напоминание в пустыне особенно было умирительно для сердца и красноречивее многих витийственных речей. Здесь же стояло ведро воды с черпалом для утоления жажды путников в знойный день. И я вспомнил евангельское слово: *«Кто напоит одного от малых сих чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей»* (Мф. 10, 42)* **.

Преп. Евфимий Суздальский*** (1316–1404) был из числа собеседников преп. Сергия. Он именуется **«Второй Сергий»** в посвященной ему службе. Святитель Дионисий Суздальский, тогда нижегородско-печерский настоятель, постригает его и руководит им как старец. В 1352 г. отсылает его из своей нижегородской обители в Суздаль. Старец, ободряя ученика, в утешение ему говорит, что и его Бог наградит даром прозорливости. В Суздале он создает Спасо-Евфимиеву обитель. При совершении литургии ему сослужит ангел. Всякий грешник, искавший спасения, имел в Евфимий наставника к покаянию. Он исцелял больных, его трепетали бесы. Иначе говоря, был старцем для обращавшихся к нему. Было много посмертных чудес. Князь Пожарский в 1612 г. молитвенно призывал преп. Евфимия, как своего небесного покровителя. Пожарский погребен в Спасо-Евфимиевом монастыре.

* Муравьев А.Н. Русская Фиваида. СПб., 1855, стр. 23–24.

** В день памяти преп. Павла Обнорского, 10 января, празднуется и память его друга **Макария Писемского**, полагавшего свое начало у преп. Сергия и потом подвизавшегося на реке Письме. Он основал Макарьевский монастырь, ставший частью Обнорского.

*** Ч. М. 1 апреля.

Ученик преп. Сергия, **преп. Савва Сторожевский*** († 1407) пришел в Троицкую обитель, будучи уже опытным в духовной жизни, но еще более ушел в подвигах под руководством преп. Сергия. Удалившись на отшельничество, он основал Дубенский монастырь. Впоследствии заменяет в Троицком монастыре преп. Никона. Затем безмолвствует. Звенигородский князь дает ему место для основания нового Сторожевского монастыря.

XIV в. это век преп. Сергия: его образ возвышается над всеми остальными, остальные его ученики, или собеседники. Но есть и преподобные, независимые от него. Выше уже упомянуто о подвижниках XIV в. преп. Арсении Коневецком и Лазаре Мурманском. В житии последнего встречается личность **святителя Моисея Новгородского**** († 1362). Это тип архиерея подвижника. К нему приходили поучаться день и ночь (старчество). Два раза оставял кафедру для подвигов. Когда в Новгороде вспыхнул мятеж, Владыка, выйдя из затвора, умирил народ словами: «Дети, не подымайте брани, да не будет похвалы поганым, а св. церквам и месту сему пустоты, не вступайте в бой». Святитель Моисей боролся с языческими обычаями и между прочим с так называемым «бить бочки». **Преп. Пахомий Нерехтский***** († 1384), отшельник и созерцательный подвижник, основал Нерехтскую обитель в Костромских пределах.

ХАРАКТЕРИСТИКА XV ВЕКА

Как мы стремились показать, Русь с самого начала своего исторического существования все время находится под благотворным духовным влиянием Византии. Это влияние не ограничивается только духовной стороной, но и «ряд частных сторон государственного, правового и социального строя Древней России отразил на себе влияние образцов и идей византийской

* Ч. М. 3 декабря.

** 25 января.

*** 21 марта.

церковности. Блестящий анализ этой материи в применении к домонгольскому периоду дал Ключевский, показавший, как преобразовывалось по Номоканону наше право уголовное, гражданское, имущественное, обязательственное, семейное, брачное, как возвышалась женщина, как таяла холопская неволя, обуздывалась кабала ростовщичества и тому подобное. Анализ Ключевского применим в известной мере и ко всей старорусской эпохе: и к судебнику Ивана III и IV, и даже к уложению царя Алексея Михайловича*.

Монгольское нашествие временно прерывает связь с Византией. Но после татарского разгрома, в XIV веке и отчасти в XV, русская культура переживает новый прилив византийских воздействий.

XIV век был временем отшельнического и монашеского возрождения – это век преподобного Сергия. XV век еще богат всходами духовных семян, посеянных в предыдущих столетиях. От прежде основанных монастырей возникают новые обители, дающие новых преподобных. Это продолжение эпохи XIV века, ее расцвет, «золотой век» русского подвижничества. Но вместе с тем это канун кризиса и разрыва. Проф. Флоровский указывает, что «это был национальный и государственный кризис, связанный с государственным ростом Москвы, с пробуждением национального политического самосознания, с потребностью церковно-политической независимости от Константинополя... Повод к разрыву подает Флорентийский собор. Греческое отступничество дало основание провозгласить русскую независимость**». Отвержение Московской Русью Флорентийской унии, по верной характеристике нашего историка Соловьева, «есть одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов... Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность северо-восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление

* Карташев А. В. Св. Великий Князь Владимир – отец русской культуры. Париж, 1938, стр. 19.

** Флоровский Георгий. Пути русского Богословия. Париж, 1937, стр. 11.

на престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великой, обусловила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова. Мысль историка бежит по чисто политической линии. Но параллельно и по линии культурного интереса мы должны отметить момент отказа от унии, как момент, ведущий за собой целую эпоху. После этого внутреннее отъединение русского мира от Запада, под воздействием вспыхнувшей мечты о Москве – Третьем Риме, уже твердо закрепило особый восточноевропейский характер русской культуры, которого не стерла ни внешне, ни тем более внутренне, великая западническая реформа Петра Великого». Таково неизмеримо великое значение этого исторического шага – отвержения унии.

Вскоре после этого Византийская империя под натиском турок окончательно погибает. Историческая миссия продолжать ее великую древнюю культуру выпадает на долю России, но в этот момент она еще не в состоянии принять на свои плечи византийское наследие: душа русского народа находится еще в детском периоде своего национального роста. Древней Руси еще не под силу создать свою самобытную культуру, способную быть достойным продолжением «ромейской». Лишившись своего великого пестуна, Русь еще подвергнется влиянию чуждых ей начал, пройдет путь унижения и кенозиса, прежде чем, возмужав, осознает самое себя и начнет прозревать истинную ценность своего наследия.

Скажем теперь вкратце о тех внутренних изменениях и потрясениях, которые переживает подвижничество в эти переходную и последующую за ней эпохи. Монашество распадается на два направления. Главная ветвь исходит от Кирилла Белозерского, собеседника Сергия и величайшего святого, жившего в начале XV века. Он возглавляет ту школу духовного делания, которая с легкостью и окрыленностью духовного подъема и созерцания совмещает и служение миру, питая голодных в тяже-

* Карташев А.В. Св. Кн. Владимир – отец русской культуры. Париж, 1938, стр. 18.

лые годы, окормляя духовно притекающий в обитель люд. Ей же принадлежит заслуга продолжения колонизации северо-востока, начатой в век преподобного Сергия. Кирилловскую традицию «Северной Фиваиде» передает Дионисий Глушицкий, живший также в Белозерской монастыре и написавший портрет с самого великого преподобного. В житиях вологодских и комельских подвижников чувствуется отражение кирилловых заветов. Распространившись на северо-востоке, «Северная Фиваида» еще цветет в XVI веке. Но в XVII, только на крайнем севере, на периферии государства, мы встречаем всего два ясно выраженных типа исихастов: это Диодор Юрьегорский и Елеазар Анзерский. После них духовное делание окончательно замирает.

Вторая ветвь сосредотачивается около Москвы. Вокруг нее образуется кольцо монастырей. Хотя последние и берут свое начало от Троицкой лавры, но духовно они ниже «Северной Фиваиды». Это монастыри общежительные, без стремления к созерцательности и безмолвию. В XV веке они дают двух святых, имеющих решающее влияние на последующие поколения: это Пафнутий Боровский и Иосиф Волоцкий. Эти святые, хотя и не вмещавшие в полноте идеалы Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, все же подвижники и великие народные благодетели. Но уже их последователи не обладают их благодатными свойствами: теперь главной целью становится соблюдение уставов и обрядов. Нетерпимость, сухой аскетизм, суровость, идея неумолимой и строгой справедливости, заслоняющая идею милосердия, – таково их направление. Устав и обряд доминируют во всем, и соблюдению внешних правил придается господствующее значение, при забвении того, что дух животворит. На этой почве вырастает раскол, великое духовное обескровление*, позднее расчистившее дорогу секуляризации быта и всей государственной жизни страны, произведенной реформами Петра.

В конце XV века происходит типичное для эпохи столкновение этих двух течений в лице Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Нил Сорский последний из русских подвижников совершает путешествие на восток, с целью возобновить уче-

* О расколе см. ниже: XVII век.

ние о духовном делании. Он посетил Афон, где познакомился с учением Григория Синаита. Преп. Нил созерцатель и исихаст чистой воды. Он систематизирует учение о внутреннем делании. Характерен для него полный уход и отрыв от мира.

Спор о монастырских владениях разделяет монашество на два лагеря. Во главе нестяжателей стоит Нил Сорский, за монастырские земли – Иосиф Волоцкий. Последний побеждает. Таким образом, то, что сочеталось в духовной школе преп. Кирилла: созерцательная жизнь и благотворительность теперь оказывается уже несовместимым. Нил берет главное – внутреннее делание и тесно с ним связанную нестяжательность, но теряет связь с жизнью государства, в этом его слабая сторона. Иосиф же, наоборот, органически срастается с государством*, его типа монастыри продолжают традицию благотворительности, но уже в ущерб духовному деланию. Монашеству не должно уклоняться от служения миру Бога ради, но для него губительно служение мирским началам. И когда подвижничество уходило от мира в глубь лесов в период колонизации, мир бежал за ним и покорялся ему. Но с момента, когда монашество взялось служить мирским началам (исторический перелом – собор 1503 г., на котором вопрос о монастырских владениях был разрешен в положительном смысле), тогда мир начал поработать его, пока окончательно не покорил себе.

В половине XVI в. бегство к заволжцам вызвало гонение на последних. Таким образом, поле битвы остается за Московским направлением.

* После преп. Иосифа игуменом Волоколамского м-ря был Даниил, будущий митрополит Московский, сумевший внушить к себе общее доверие. Как известно из истории, он был клятвopеступником (Кн. Шемятич), «по-таковником» вел. князю (брак с Е. Глинской) и погубителем преп. Максима Грека. Такой лицемерный тип мог выдвинуться в Иосифовом м-ре благодаря тому, что там отсутствовала школа трезвения, не было откровения помыслов, и внимание было сосредоточено на соблюдении внешних правил, а не на внутреннем состоянии душ иноков. Поэтому преп. Иосиф и мог быть обманут, чего ни в коем случае не могло произойти, напр., с преп. Сергием. «Как церковный администратор, Даниил известен тем, что старался на важные церковные должности назначать людей, разделявших воззрения иосифлянской партии и по возможности из самого Иосифова монастыря». Бог. Энци. Слов. СПб., 1903, стр. 922–928.

Проф. Г.Федотов, пользуясь данными проф. Е. Голубинского, производит исследование о канонизированных святых этих времен, свидетельствующее, что количество преподобных катастрофически уменьшается: «на первую половину XVI века падает 22 святых, на вторую – 8, на первую половину XVII века – 11, на вторую – 4. В XVII веке убыль идет резко и равномерно; по четвертям XVII века соответственные цифры дают 7, 4, 2, 0... Роковой гранью является середина XVI века»*.

Одновременно меняется и тип, и характер святости; школа исихастов под руководством старцев давала многочисленное духовное потомство: последующие поколения пользовались опытом предыдущих. С забвением школы выступает индивидуальный подвиг. Подвижник должен дойти до всего самолично долгим и трудным опытом. Внутреннее очищение и трезвение заменяется подвигами умерщвления: железный колпак, вериги, всякого рода «железа» являются его орудиями. Путь святости становится несравненно труднее. Этого одного было бы уже совершенно достаточно для уменьшения количества святых. Нил Сорский в предисловии к «уставу» говорит: «Многие приобрели сие светозарное делание посредством наставления, и редкие получили его прямо от Бога усилием подвига и теплотою веры»**. Он же свидетельствует о «трудности ныне обрести неместного наставника»***. Трудность эта, отмечаемая преп. Нилом, относится уже к концу XV века.

Еще в XIV веке преп. Сергей видит пред собой множество прекрасных птиц, доселе им невиданных, и слышит таинственный голос с высоты небес: «Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя не оскудеет». Но в XVII веке преп. Иринарху устами блаженного Иоанна Большого Колпака гово-

* Федотов Г. Святые Древней Руси. Париж, 1931, стр. 201–202. Федотов ссылается на Голубинского с оговоркой: «Возьмем списки Голубинского, они далеки от полноты, но по ним можно судить об относительном значении цифр».

** Муравьев А. Н. Русская Фиваида. СПб., 1855, стр. 301.

*** Брянчанинов Игнатий, еп. Вступл. в Отченик. СПб., 1880.

рится уже прямо противоположное: «Бог дает тебе коня, и на том коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на твоём коне вместо тебя». В своём исполинском подвиге он остается одиноким. Его путь самобытен и индивидуален и по жестокости аскезы не может встретить подражателей.

Итак, русское подвижничество, оторвавшееся от Византии и предоставленное самому себе, подвергается процессу разложения и распадается на два течения. Духовное скоро погибает, и школа духовного делания забывается настолько, что когда Паисий Величковский в начале XIX века восстановит школу и учредит старчество, то последнее будет встречено с недоверием и опасением как неслыханное новшество.

ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛ БЕЛОЗЕРСКИЙ († 1429)

Преп. Кирилл Белозерский*, в миру Косьма, принадлежал к обедневшей боярской семье и воспитывался в доме богатого родственника Вельяминова, дом которого посещал преп. Стефан Махрищеский, – друг и собеседник преп. Сергия. Под влиянием бесед и примера преп. Стефана юный Косьма избирает иноческий образ жизни. Вскоре постриженный преп. Стефаном с именем Кирилла, он поступает в Симонов монастырь, где настоятелем был его основатель архимандрит Феодор, племянник преп. Сергия. Новоначального инока отдали под руководство строгому подвижнику старцу Михаилу, будущему епископу Смоленскому, научившему его умной молитве и борьбе с духами злобы. Послушание он проходил в хлебной и на поварне и, глядя на пылающий огонь, помышлял о пламени адском, проливая при этом слезы покаяния; так он стяжал дар слез. Старец запрещал Кириллу поститься сверх сил и заставлял вкушать пищу за трапезой с братией ежедневно, а не через 2–3 дня, как желал Кирилл. Несмотря на это, ночные молитвы доводят его до полного изнурения.

* Ч. М. 9 июня.

«Утаить хотя добродетель», он пробует юродствовать, чем вызывает неудовольствие настоятеля, который его сажает на 6 месяцев на хлеб и воду. Кирилл радуется лишению пищи не по своей воле. Провидя в Кирилле великого будущего подвижника, преп. Сергей, бывая у своего племянника в Симонове, прежде всего заходил в хлебную и часами беседовал с Кириллом «о пользе душевной». После возведения арх. Федора на ростовскую кафедру, Кирилл был избран на его место в настоятели, но вскоре ушел в затвор. При чтении акафиста ночью он услышал голос от иконы Богоматери: «Кирилл, выйди отсюда и иди на Белоозеро. Там Я уготовала тебе место, где можешь спастись». Отворив окно, он увидел огненный столп на севере, куда призывала его Пресвятая Дева. Вдвоем с единомысленным братом, **иноком Ферапонтом*** († 1426), который знал Белозерский край, покинул преподобный обитель и двинулся на север, в заволжскую страну, где наконец обрел среди дремучих лесов дивной красоты озеро, – то самое «зело красное место», которое ему указала Божия Матерь. Ради более строгого безмолвного жития спутники решили расстаться. Преп. Ферапонт отошел на 15 верст, где впоследствии основал свой знаменитый монастырь, украшенный в XV веке фресками мастера Дионисия. Оставшись один, преп. Кирилл поселился в землянке. Живя в лесу, он не раз был чудесно спасен от смертельных опасностей и от злобы людской. Когда же вокруг него стали собираться иноки, преподобный смирился, лишаясь безмолвия, стал строить Успенский собор и учредил общежитие. Преп. Кирилл обладал многими духовными дарами: даром слез, даром прозрения, даром чудотворения: он воскрешает умершего монаха Далмата, чтобы иметь возможность его причастить. И водные стихии повинуются ему, – он знаменем креста успокаивает волны, и огненная стихия покоряется тому же знамени креста, когда с крестом в руках он прекращает пожар; он умножает в сосуде вино для совершения литургии. И когда случалось в чем-либо оскудение, братия даже не приходила утруждать о сем настоятеля, зная, что по его молитве

* Ч. М. 27 мая.

все даровано будет от Бога. И не только монахи, но и окружное население чудесно им кормится во время голода, у посетителей чудесно умножаются данные им на дорогу припасы.

По словам агиографа Муравьева: «всякого рода болящих, слепых и расслабленных приводимо было к святому Кириллу, по свидетельству его учеников, и всех он исцелял, помазуя их святой водой и елеем, здоровыми возвращались они в дома свои, благодаря Бога и угодника Его Кирилла»*.

Таков характер чудес Кирилловых, который невольно переносит нас в Евангельские времена. «Когда случался недостаток в хлебе, и братия понуждала его послать просить к кому-либо из христоролюбивых соседей, с теплой верой возражал он: “Если Бог и Пречистая забудут нас на этом месте, то что еще оставаться в здешней жизни?”**»

О насыщении голодающих вот какими словами говорится в житии: «По неколицех же летех бывше в людех гладу немалу. И таковаго ради утеснения нужды мнози от неимущих прихождаваху в обитель святаго нужды ради глада. Святыи же повелеваше даяти просящим к тех насыщению и тако даяху во вся дни нищим хлеба довольно... Слышавше окрест тоя обители живуще человеци, яко питают приходящих глада ради, и сего ради множайши начата приходити и тамо насыщатися. Но елико брашна взимаша оттуда, то толику паче множахуся и преизобиловаху... И тако малыми брашны препиташеся людие мнози»***. Благотворительная деятельность монастыря проявлялась и по смерти святого. Игумен Христофор (1428–33) «многих от пленных искупив, на своих местех паки насадив»****. При следующем игумене Трифоне (до половины XV века), когда монастырь строил церковь, и материальные средства его были напряжены, случился в крае большой голод. Многие стали приходиться в обитель, ища пропитания. Здесь никому не отказывали и особенно заботливо питали голодных детей. Но

* Муравьев А. Н. Северная Фиваида. СПб., 1855, стр. 161.

** Ibid., стр. 165.

*** Смирнов С. Как служили миру подвижники Древ. Руси, стр. 39.

**** Смирнов С. Как служили миру подвижники Древ. Руси, стр. 39.

экономный келарь, «умален быв верою», стал бояться, что у монастыря не станет средств на всех: прокормиться с самой братией, содержать рабочих и пропитать голодных; служебные чины обители стали уменьшать выдачу милостыни. Тогда запасы действительно начали быстро убавляться. Игумен решил снова питать всех приходящих, и в Белозерском монастыре кормились ежедневно 600 человек и больше до нового хлеба. Грозный писал в Кириллов монастырь в своем знаменитом послании: «Кириллов доселе многая страны питал в гладные времена»*.

«Житие Кирилла, – говорит Кадлубовский, – прославляет нестяжательность святого, его кроткое милостивое и участливое отношение к людям, духовную независимость его и учеников его от сильных мира сего»**. Действительно, и слова святого, и поступки его свидетельствуют о его крайней нестяжательности. Преподобный говорит: «Аще села восхощем держати, болми будет в нас попечение, могущее братиям безмолвие пресекати»***. Получив извещение о завещании боярина (Даниила Андреевича), Кирилл «села не восхоте прияти, рече яко не требую сел, при моем животе, то моем же отшествии еже от вас якоже хотите, тако творите»****.

Хотя житие говорит, что при жизни Кирилла монастырь не имел сел, но исторические акты свидетельствуют о каких-то земельных приобретениях. Проф. Кадлубовский так объясняет это противоречие: «Надо добавить, что нередко житие, изменяя на свой страх фактическую сторону жизни святого, уклоняясь от правдивости реальной, сохраняло, однако, правдивость идеальную. Резкое разногласие между показаниями актов и жития преп. Кирилла можно примирить тем, что преподобный не раз отказывался от сел, которые предлагали его монастырю соседние землевладельцы и только ропот братии,

* Ibid.

** Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 187.

*** Ibid., стр. 184.

**** Ibid., стр. 185.

недовольной нестяжательностью своего игумена, а, может быть, и опасение за будущую судьбу своей обители побудили его последовать общему монастырскому примеру»*.

Мы видим, что любовь к ближним – основная черта Кирилла Белозерского. Преподобный настаивает на служении любви, и о ней говорят как его многочисленные чудеса, так и оставшиеся от него послания к князьям. Князю Андрею Можайскому он пишет: «А милостыньку бы есте по силе давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися ленитесь ино в то место, господине, вам милостыня ваш недостаток исполнит». В своих посланиях к князьям Московскому и удельным св. Кирилл с кротостью и простотой русской полукнижной речи внушает идеал справедливой и человеческой власти: великого князя он просит помириться с Суздальскими князьями: «Посмотри... в чем будет их правда пред тобою». А Можайскому князю он предлагает целую правительственную и социальную программу: здесь и неподкупность суда, и отмена корчемства, и таможен, но вместе с тем и наказание «татей» и «уймание» людей от сквернословия, и ревность о храмовом благочестии. Поставленный от Бога и призванный к воспитанию людей в благочестии, князь еще не самодержец, и ничто не указывает на возможность его власти над Церковью и духовными людьми. Твердая, хотя и кроткая независимость к сильным мира сего характеризует как преп. Кирилла, так и всю его школу**. Св. Кирилл, оставивший отеческие поучения князьям, отказывается посетить князя Юрия Дмитриевича: «Не могу чин монастырский разорить». Преп. Мартиниан, напротив, появляется в Москве в хоромаш Василя II, чтобы обличить великого князя, заключившего в оковы боярина вопреки данному им слову. «Не убоялся казни ниже заточения, но помяну Иоанна Златоустого глаголюща, яко прещение цареву ярости львови уподобися. Григорий Пельшемский обличает князя Юрия Дмитриевича и его сына Шемяку, неправдою захвативших великое княжение. Впро-

* Ibid., стр. 168.

** Федотов Г. Святые Древ. Руси. Париж, 1931, стр. 158–159.

чем, эти столкновения с миром, как и всякий выход в мир, редки и исключительны. Северный подвижник жаждет прежде всего безмолвия*.

Кирилл Белозерский являлся прямым продолжением Сергиевых традиций, подобно своему учителю Сергию Радонежскому превосходя всех своих современников изобилием духовных дарований, он был вождем подвижников своей эпохи, когда особенно процветало «умное делание». И действительно, преп. Дионисий Глушицкий, возглавивший всего северо-восточного монашества, иначе Северной Фиваиды, был в Кирилловом монастыре еще при жизни преподобного, когда и написал с него портрет. Также и все заволжское нестяжательное отшельничество получило вдохновение от преп. Кирилла: из его монастыря выходит Паисий Ярославов, старец и учитель Нила Сорского.

Преп. Мартиниан Белозерский** (1397–1483) ученик преп. Кирилла, воспитанный им с детских лет. О нем говорится в житии: «Особо же воспоминаше блаженный и сия часто на уме учителя своего наказание преподобнаго си Кирилла чудотворца слово глаголюще, яко добро рече иноку **Молчание** хранить и нестяжание и отбегати вредящих душевныя чувства***». Эти слова свидетельствуют об умном подвиге. Выше говорилось об обличении им Василия II в княжеских хорамах.

Преп. Савватий Соловецкий**** († 1435), выходец из Кириллова монастыря, некоторое время был на Валааме, затем на необитаемом острове; положил начало Соловецкой обители. Он принадлежит к школе преп. Кирилла, базирующейся на предании Св. Отцов. Его ученик архиеп. **Геннадий Новгородский******* (1410–1504). **Преп. Александр Ошевенский******* († 1479),

* Федотов Г. Святые Древ. Руси. Париж, 1931, стр. 163–164.

** Ч. М. 12 января.

*** Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 267.

**** Ч. М. 27 сентября.

***** Ч. М. 4 декабря.

***** Ч. М. 20 апреля.

постриженник белозерский, основал Успенско-Ошевенскую обитель. **Преп. Александр Куштский*** († 1439) основал обитель близ Кубенского озера, постриженник святителя Дионисия Святогорца архиеп. Ростовского.

Другой постриженник свят. Дионисия-грека **Дионисий Глушицкий**** († 1437), получивший при постриге его имя и живший при своем настоятеле – Святогорце 9 лет. Кроме того преп. Дионисий находился некоторое время и в обители Белозерской в числе учеников св. Кирилла, «священный лик» которого, как говорит Муравьев, «сохранил на иконе своею кистью»***. Таким образом, преп. Дионисий совмещал в себе и афонские, и Сергеевы традиции. Отличительной его чертой является то, что он «нищелюбие стяжа»****, и в похвальном слове о нем сказано: «Алчущим питатель, сущим в наготу покровитель, обидимым пособник, вдовам заступник, печальным утешение, беспомощным помощник и рабом освободитель»****. Влияние Афона сказывается на характере его подвижничества: «Сотвори ум твой единого Бога искать и прилежать к молитве», учит св. Дионисий. Жизнеописатель говорит о нем: «Се бо дело истинного мнишескаго чина, име преподобный, отнележе вселися в пустыню еже николиже празднудоховнаго делания обретися»*****. Перед кончиной им был слышен голос Богоматери, обещавшей небесное покровительство братии ею монастыря.

Житие св. **Амфилохия******* сохранило на характерную сцену, где преп. Дионисий приучает ученика своего **Макария Со-**

* Ч. М. 9 июня.

** Ч. М. 1 июня.

*** Муравьев А. Н. Русская Фиваида. СПб., 1855, стр. 94. Икона сия теперь находится в Москве в Третьяковской галерее (см. Лазарев В. И. Искусство Новгорода. Москва, 1947, табл. 129).

**** Смирнов С. Как служили миру подв. Др. Руси. 1903, стр. 40.

***** Ibid., стр. 41.

***** Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 197.

***** Ч. М. 12 октября, † 1452 г.

сновецкого* старчествовать за святое послушание. Приходит преп. Амфилохий проситься в монастырь. (Этому Амфилохию преп. Дионисий впоследствии скажет: «Старейшинство вручаю моему ученику Амфилохию»). Преп. Дионисий, обратившись к Макарию, сказал: «Пришел к нам в монастырь, наставляемый Богом, инок Амфилохий и хочет с нами приносить молитву Богу». «Прости меня невежду, отче, не знаю, что говорить», отвечал Макарий. «Говори, послушник, что Бог положит тебе на сердце», повелел настоятель, и Макарий сказал: *«Благословен Бог, Который хочет чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»* (I Тим. 2, 4). «Да даст тебе Бог говорить полезное», добавил Дионисий.

При жизни преп. Дионисия «в то же лета гладна бысть страна та». В обитель преподобного приходит много народа за хлебом: «творяше бо (преподобный) милостыню нескудно просящим. Они же больше начали приходить. Преподобный же никак не стужа, но больше даяше». Эконом монастыря указывает подвижнику на оскудение запасов. Но тот «понося эконому», дает наставление творить милостыню без всякого расчета и указывает, что за немилосердие Господь будет карать на Страшном суде Своем, и что именно милостыня особенно поможет инокам на суде Христовом: «Ничтоже бо сице нам яко милостыня помогающе есть. Милуяй нища взаим дает Богу. Сице смысляше и учаше»**.

В этом сказывается ученик Кирилла Белозерского. Начиная с Феодосия Печерского, нищелюбие является свойством всех русских подвижников.

Преп. Григорий Пельшемский*** († 1451) – друг и ученик Дионисия Глушицкого, дожил до 127 лет. Происходил он из рода князей Лопотовых, из Галича, Костромской области. Григорий стремился к безмолвию. От игуменства в Галиче спасается в Ростов, но не обретает желаемого, наоборот, его там делают архимандритом, и он возобновляет Спасскую обитель. Но стремле-

* Ч. М. 12 октября и 13 мая, † 1480 г.

** Смирнов С. Как служили миру подв. Руси. 1903, стр. 41.

*** Ч. М. 30 сентября.

ние к безмолвию его не покидает, и он уходит к преп. Дионисию и ставит себя в положение его ученика. Взаимная любовь подвижников была такова, что у них образовалась как бы одна воля*. Для характеристики Григория служат небольшие замечания о том, что он не имел возношения и что «с корнем искапыва» вредные помыслы. Преп. Дионисий его поучает: «Сотвори ума твои со всем тщанием единого Бога искать и прилежать к молитве и паче подвигайся помогать нищим и сиротам, и вдовицам; дондеже время имаши, делай благая, буди воистину слава Бога и волю Его творя, и даст ти Бог прощение и управит горняя помышляти, горних искати идеже Христос есть, одесную Бога сидя на небесех...»** «В своей души, – говорит Дионисий, – ничто же взношения ямыи помышления, искорене ископа и очища с страхом и трепетом и умилением служити Господеву». Далее житие говорит, «что Григорий, радуясь течаше без преткновения и в вышних ум свой вперяя и сердце свое очищая от всех страстных мятеж»***. Когда преп. Григорий созрел для полного безмолвия, преп. Дионисий отпускает его на восток для отшельнической жизни. Он прибыл на реку Сухону, и когда зарделась заря, святой взял крест и пошел туда, откуда был слышен звон, через леса и болота. И на этом месте со временем основалась Пельшемская обитель. Преп. Григорий «поучает учеников и мирян и был наставником всем хотящим спастись» (Ч.М.). Другими словами, нес подвиг старчества. Кроме того, он борется за правду и обличает неправые поступки князей и терпит преследование. Так поступали и другие преподобные в эту эпоху. Григорий Пельшемский, ученик преподобного Дионисия Глушицкого, усвоил наставления своего учителя: «Прихождаше нищия в глад с радостию принимаше их»****. Традиция эта от Дионисия восходит к Кириллу, а от него к преп. Сергию, ученик которого преп. Никон о «человеколюбии слово преложи рек: аще есть мощно, ни еди-

* Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 195.

** Ibid., стр. 201.

*** Ibid.

**** Смирнов С. Как служили миру подв. Др. Руси, 1903, стр. 41.

наго приходящих тщама отпустить рукама, да не како утаится вам Христа презрети, единого от просящих видом показавшася». Не ясно ли, говорит Смирнов, «что преп. Никон разделял воззрения своего наставника относительно нищелюбия?»* Вошедший в жизнь русского монашества с половины XIV века Иерусалимский устав оказался сродни русскому духу: «Палестинцы находят время и для служения миру. Св. Евфимий обращает в христианство целое арабское племя, св. Савва устраивает ряд ксенодохий-больниц и странноприимных домов. Оба они участвуют в церковной борьбе своей эпохи, выступая против ересей и в городе, и в императорском дворце. Этот-то идеал для подражания поставила себе Святая Русь, внося в него свой собственный талант, овевя его строгость своим благоуханием»**.

Преп. Макарий Колязинский*** († 1483) из рода бояр Кожиных. Отец его, боярин Кожа, прославился подвигами военными при в. кн. Василии Темном. Преп. Макарий кладет начало в Клобуковской обители. Пройдя путь внешних подвигов и желая безмолвия, благословившись у игумена, уходит на Волгу и уединяется в 18 верстах от г. Кашина между двух озер в лесу. Дикие звери не нападали, а ласкались, и он делил с ними скудную пищу. Такова была высота его совершенства. К преподобному стекается братия. Он долго отказывается от священства и игуменства. Наименование «Колязино» происходит от имени Коляги – человека, злоумышлявшего на преподобного, но раскаявшегося и принявшего у него пострижение. Коляга оставляет свое недвижимое имущество в пользу монастыря, и св. Макарий из смирения именуется монастырь Колязинским. Св. Иосиф Волоцкий повествует, что великий старец Митрофан Бывальцев, проживавший 9 лет на горе Афонской, выразился о Колязинском монастыре так: «Напрасно я трудился и без успеха и совершил путь в Святую Гору мимо Колязинского монастыря, ибо можно спастись и в нем живущим; здесь все делается подобно киновиям на Святой Горе». Из Колязинского монастыря

* Ibid., стр. 31.

** Федотов Г. Святые Древней Руси, стр. 38.

*** Ч. М. 17 марта.

вышло несколько основателей новых монастырей. Таковы преп. Ефрем Перекомский и преп. Паисий Углический (племянник Макария Колязинского). Еще при жизни преподобный прославился чудотворениями. Преп. Макарий, хотя ходил в худых одеждах и показывал пример во всех монастырских трудах, но не был «нестяжателем», подобно Кириллу Белозерскому. При его жизни было внесено много вкладов пустошами и населенными землями. Через 38 лет по кончине, были обретены нетленные мощи преподобного. Совершилось это обретение при постройке нового храма. На Московском соборе 1547 г. установлено «петь и праздновать повсюду» в числе других и преп. Макарию Колязинскому, причем он помещен в числе «великих чудотворцев». Вассиан Патрикеев с укоризною говорил о простоте жизни Макария и называл его «мужиком сельским». Сам Вассиан князь Патрикеев, постриженный насильно, остается аристократом и снобом и в монашеской одежде. В полемику о нестяжательности вносит страстность и не стесняется в выражениях. Осужденный на заточенье в монастыре Иосифа Волоцкого, он кончает там жизнь у своих врагов.

Пафнутий Боровский* († 1477) ученик преп. Никиты Высоцкого, который был учеником и постриженником преп. Сергия Радонежского. Пафнутий наследовал от своего учителя черту – выдающуюся духовническую опытность, умение употреблять милосердие и строгость, где нужно то и другое. По словам Иосифа Волоцкого, преп. Никита «презирал хотящая быти и поведал тайные помыслы братии». «Бяше же щедр и милостлив, егда подобает, жесток и напрасен, егда потреба**». Пафнутий был духовником братии и мирян и известен был своею опытностью в наложении епитимий. «Прихождаху же ко блаженному не точию иноци, но и сущий от мира исповедающиеся на духовне, занеже зело благоразсуден и добре могий разумети сокровенную премудрость во священных правилах, еже комуждо запрещение давати***». Всегда он говорил соглас-

* Ч. М. 1 мая.

** Смирнов С. Как служили миру подв. Др. Руси. 1903, стр. 50.

*** Смирнов С. Как служили миру подв. Др. Руси. 1903, стр. 50.

но Закону Божию и сказанное исполнял делом. «Не устыдися никогда же лица княжеска или боярска, ни приносом богатых умягчихся когда, но сильным крепко закону соблюдение глаголаше и заповедем Божиим, простым же такоже беседоваше, братию нарицающе»*. Юрий Васильевич, князь Дмитровский, брат вел. кн. Ивана III, был духовным сыном боровского подвижника «и много время ко отцу приходящее». Князь Юрий сам рассказывал, в каком настроении он шел обычно на исповедь: «Коли пойду на исповедь к отцу Пафнутию, и ноги у мене подгибаются». Так строг и нелицеприятен был святой.

Преп. Иоасаф Каменский** (1430–1457). Из рода князей Заозерских. Принимает монашество в Спасо-Каменском монастыре. Был в послушании у старца. Несмотря на молодость лет (он поступил в монастырь 20 лет) преп. Иоасаф достиг духовных созерцаний. Агиограф передает о явлении ему Христа, заповедавшего соблюдения заповедей «кротостью, правдою и смиренным сердцем».

«Непосредственно затем автор переходит к другому эпизоду жития преподобного, где он оттеняет и прославляет его добродетель нестяжания. Удельный князь Ржевский, Борис Васильевич, дядя Иоасафа по отцу, приносит ко святому дары: золото и серебро. Иоасаф сперва отказывается видеть сродника, дабы мирская любовь не мешала ему, но уступает просьбам. Князю же он дает следующий ответ: “Злату и серебру несть нам треба, аще в пустыни сей жити хошем, то ни от живущих zde кто от имени твоего хошет прияти что”. Приношение же просит раздать нищим. Князь исполняет его волю»***.

Проф. Ключевский и г. Коноплев невысоко ставят житие преподобного, написанное в 1547 году как исторический памятник. Но по мнению проф. Кадлубовского, «в смысле культурно-исторического материала – это житие может получить другую оценку». А также: «В этом житии признано

* Ibid.

** Ч. М. 10 сентября.

*** Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 270–271.

преобладающее значение не за внешним, а за внутренним подвижничеством, Богомыслием, самоуглублением, борьбой с греховными помыслами, высокое почитание чувства любви, как высшей добродетели и нестяжательности»*.

«Блаженный юноша, – говорит А. Муравьев, – прилагал труды к трудам, как бы предчувствуя скорый исход свой (умер 27 лет), и еще на земле уподоблялся бесплотным. Благодать, в нем обитавшая, вознесла его однажды в духе, на крыльях молитвы, в селения райские, где созерцал он Церковь первородных, о коей говорит Апостол (Евр. 12, 23) и, причастившись там пищи Боговедения, стал на земле чуждаться пищи вещественной: только однажды в неделю вкушал он пищу в день воскресный, после приобщения Святых Тайн, и опять пребывал в посте до следующей недели, по сказанию описателя его жития»**.

Преп. Иоасаф Каменский жил в эпоху расцвета «умного делания» в Северной Фиваиде. Он пережил всего на 20 лет преп. Дионисия Глушицкого и его житие совершенно соответствует духу того времени.

Бл. Игнатий Брянчанинов, в качестве вологжанина, знал подробности, касающиеся местных вологодских святых. Он говорит, что согласно рукописному житию, преп. Иоасаф проходил «умную молитву» по «Цветнику» русского священноинока Дорофея. Книгу эту еп. Игнатий ставит наравне с Исааком Сирским как наставление для высшей созерцательной молитвы***.

Игнатий Брянчанинов связан с краем Северной Фиваиды. И действительно, этот край его родина и место первоначальных его иноческих подвигов. Отец его был помещиком Вологодской губернии. Начало свое Игнатий Брянчанинов полагает в Новозерской обители у старца Феофана. Потом он был в Площанской пустыни у старца Леонида. За этим старцем он последовал в Оптину пустынь. Наконец, ему пришлось быть в обители Дионисия Глушицкого. В это время он принимает пострижение в ангельский образ и сан иерея. Оттуда его назнача-

* Ibid.

** Муравьев А.Н. Русская Фиваида. СПб., 1855, стр. 405.

*** Брянчанинов Игнатий, еп. СПб., 1865. Т.1, стр. 482.

ют строителем в Пельшемскую обитель. В его жизнеописании сплетаются имена и традиции древнего заволжского старчества его родины, и сам он является одним из видных представителей нового возрожденного старчества. Поэтому отзыв еп. Игнатия о том, что преп. Иоасаф проходил «умную молитву» по «Цветнику» чисто русского писателя, особенно интересен, так как еп. Игнатий был знатоком и в русской агиографии, особенно своего края, а также и в науке «умного делания».

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СОРСКИЙ († 1508)

Дворянский род Майковых считает Нила Сорского* в числе своих предков. Это весьма вероятно. Хотя он и называет себя «поселянином», но то обстоятельство, что у него не только одно имя, но он еще и «по реклу Майков»**, указывает на его принадлежность к известному роду. Кроме того, преп. Нил был «писателем» книг, «скорописцем», следовательно, принадлежал к культурному слою, и это явствует, главным образом, из его слога, его исключительной тонкости чувств и его манеры выражаться с присущим ему лирическим даром. Монашество он принял рано: «от юности моя»***.

Вот что пишет Ключевский: «Постриженник Кириллова монастыря, Нил долго жил на Афоне, наблюдал тамошние и Цареградские скиты, вернувшись в отечество, основал на реке Соре, в Белозерском крае, первый скит в России. Скитское жительство – средняя форма подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит похож и на особняк своим тесным составом из двух, трех келлий, редко больше, и на общежитие тем, что у братии пища, одежда, работа – все общее. Скитский подвиг – это **Умное** или **Мысленное Делание**. («Кто молится только устами, а

* Ч. М. 7 мая.

** Архангельский А. С. Преп. Нил Сорский. СПб., 1882, стр. 3.

*** Ibid., стр. 10.

об уме небрежет, тот молится воздуху: Бог уму внимает”).
Иначе – сосредоточенная внутренняя работа духа над самим собою, состоящая в том, чтобы “умом блюсти сердце от помыслов” и страстей извне навеваемых или возникающих из неупорядоченной природы человеческой. Оружие в борьбе с ними – мысленная духовная молитва и безмолвие, постоянное наблюдение за своим умом*. У преп. Нила особый дар рассудительности. Он – учитель мудрого среднего пути: “Без мудрствования и добро на злобу бывает ради безвременья и безмерья. Егда же мудрование благим меру и время уставит, чуден прибыток обретается. Время безмолвию и время немятежной молве, время молитвы непрестанная и время службы нелицемерная. Прежде времени в высокая не продерзати. Среднею мерою удобно есть проходить. Средний путь не падателен есть”». Но хотя Нил указывает на средний путь, «не следует думать, что он ведет легким путем. Он учит борьбе – ”разумному и изящному борению” с грехом. “Ведиши ли брате, – пишет он св. Кассиану Мангупскому, своему ученику, – яко от древних лет вси угодившие Богу скорбями и бедами и теснотами спасошася”. Он учит о памяти смертной и тщете земной жизни: “Дым есть житие сие, пар, персть и пепел”. Он “славит” слезы покаяния, слезы любовныя, слезы спасительныя, слезы очищающия мрак ума моего”***. В историю преп. Нил вошел как нестяжатель. Надо еще отметить его как учителя и старца, придающего особое значение старческому “окормлению”, совету “разумных и духовных мужей.” Преп. Нил приводит в предисловии к своему уставу слова преп. Симеона Нового Богослова, что “многие приобрели сие светозарное делание (духовную молитву) посредством наставления, и редкие получили его прямо от Бога усилием подвига и теплотою веры, и что не малый подвиг обрести себе наставление не обольщающее нас, т.е. человека, стяжавшего опытное ведение и духовный путь Божественного писания. Если же не обрящется, то должен стараться по-

* Ключевский В.О. Курс Рус. Ист. Петроград, 1923. Ч. II, стр. 348.

** ¹ Федотов Г. Святые Древней Руси. Париж, 1931, стр. 171.

черпать оное прямо из сего писания по слову евангельскому: *“испытайте писания и в них обрящете живот вечный”*^{*}.

А.С. Архангельский, автор ученого труда о Ниле Сорском, в самых мрачных красках изображает его эпоху (конец XV в.) И вот на таком темном фоне общего одичания особенно светло вырисовывается кроткий лик преподобного как просвещенного человека, охватывавшего вопросы веры в их глубоком Евангельском понимании. Он был ученый систематик. В ясных и простых формах систематизировал он учение о внутреннем делании. Невольно напрашивается сравнение его с Феофаном Затворником или с Игнатием Брянчаниновым. И действительно, преп. Нил Сорский, Паисий Величковский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Вышенский Затворник, а также и Оптинские Старцы являются звеньями одной и той же цепи учителей-писателей, излагавших учение о внутреннем делании в применении к понятиям и быту своих современников.

Рядом с Нилом Сорским на рубеже XV и XVI вв. выделяется подобный ему созерцатель-подвижник: это блаженный старец **Паисий Ярославов** (не канонизирован). Свое монашеское происхождение он ведет из Кириллова монастыря. «Колико о сем (о иноческих добродетелях пр. Кирилл) попечение имяше, свидетельствует и ныне в обители хранима предания учения его, яко на свещнице свет сияющ в нынешнее время»^{**}, так пишет преп. Иосиф Волоцкий о Белозерской обители. Нам мало известны подробности о внутренней жизни этого монастыря. Известно лишь, что игумены, назначенные из иных монастырей, нарушали заветы преподобного. Тогда «старейшие и большие старцы все отбегоша от монастыря, не терпяще зрети св. Кирилла предания попираема и отметаема, дондеже, слышав, князь отгнати того (игумена) повеле от Кириллова монастыря и паки старцы вся собращася»^{***}, пишет тот же Иосиф. Эти события имели место в половине XV в., когда в монастыре, по всей вероятности, находился Паисий Ярославов,

* Муравьев А.Н. Русская Фиваида. СПб., 1855, стр. 301.

** Архангельский А.С. Преп. Нил Сорский. СПб., 1882, стр. 11.

*** Ibid., стр. 15.

старец Нила Сорского, который от юности работал Богу и был иноком Белозерского монастыря. Возможно, что Паисий был в числе преследуемых иноков. Сведения о нем отрывочны. Тем не менее, из одной из таких отрывочных фраз (письмо о нелюбках) мы узнаем с достоверностью о взаимоотношениях Паисия и Нила: «Да и тут же (на соборе 1503) был старец Паисий Ярославов и ученик его старец Нил по реклу Майков»*. В Имп. Публ. Б-ке хранились «Два послания старца Нила некоего о духовной пользе от писаний Божественных». Если послания эти принадлежат Нилу Сорскому, они не могли быть писаны им ни к кому другому, как только к Паисию Ярославову. Первое послание гласит: «О, честнейший отче, свое чадо убогое забывая, буди молитвенник ко Господу... о моем окаянстве всегда быти благоволи, много молю твое преподобство, и на путь спасения наставляти мое недостоинство, владыко, не отрицися». Во II-м послании: «Прими душу мою многогрешную во исповедание и покаянием ко Христу приведи... Не могу, господи мой, комуждо, яко же прилучися, обнажати язвы души моя, но тебе токмо, святыи владыко, обнажати могу, яко и древняя моя целившу»**. Из этих посланий выявляется глубокая связь между старцем и учеником. Готовясь к борьбе с ересью жидовствующих, в 1489 г., архиеп. Геннадий Новгородский пишет Ростовскому архиеп. Иоасафу: «Да чтобы еси послал до Паисея, да до Нила, да с ними бы еси о том посоветовал... Ты бы с Паисеем да с Нилом накрепко о том поговорил... Да и о том ми отпиши мощно ли у меня побывати Паисеею да Нилу, о ересях тех было с ними поговорити»***. К ним обращаются одновременно и как бы ставят на одну доску, на один уровень. В том же году в бытность старца Паисия в Москве вел. князь советуется с ним о митрополите Терентии и уговаривает его занять место последнего, но Паисий «митрополии не восхоте». Блаженный Паисий был в 80-х годах XV в. в Спасо-Каменном монастыре, с которым связана его литературная деятельность:

* Ibid., стр. 17.

** Ibid., стр. 84.

*** Архангельский А.С. Преп. Нил Сорский. СПб., 1882, стр. 17.

«Сказание известно о Каменном монастыре приснопамятного старца Паисия святого Ярославова»*.

В этом сказании старец Паисий дает сведения об архиеп. Дионисии-греке, основоположнике северо-восточной ветви созерцательного подвижничества. По записи старца Паисия составлено житие преп. Иоасафа Заозерского. Наконец, о старце Паисий известно еще и то, что он был игуменом Троице-Сергиевой Лавры: «И принуди его (Паисия) князь великий у Троице в Сергееве монастыре игуменом быти, и не може чернцов превратити на Божий путь: на молитву и на пост, и на воздержание, и хотеша его убити, бяху бо тамо бояре и князи постригшейся, не хотяху повинутися, и остави игуменство»**. Это один из симптомов разлада между заволжским и московским течениями. Известно, что оба старца, Паисий и Нил, были на соборах 1490 и 1503 гг., где они высказывались против казни еретиков и против монастырских владений.

Иннокентий Комельский*** († 1521), ученик преп. Нила Сорского. Родился в начале XV века. Житие его погибло в 1538 году при нашествии казанских татар. Но сохранилось краткое жизнеописание в рукописи, принадлежавшей гр. Уварову № 1247 и краткий список в Сборнике Публ. Библ. Иннокентий совершил путешествие на Восток вместе с Нилом Сорским. Потом подвизался в скиту на р. Соре. Оттуда он удалился в Комельскую волость и здесь на р. Еде основал общежительную обитель. По преданию преп. Иннокентий является автором «Надсловия» к Уставу Нила Сорского и «Присяжения» (приложения о значении поста). «Общая характеристика святого, – говорит проф. Кадлубовский, – не представляет особенно резких характерных черт, но при сопоставлении жития с другими, разобранными выше (Волоколамский Патерик), нельзя не отметить некоторых данных: отсутствие указаний на внешние подвиги, на соблюдение обрядовых правил и предписаний.

* В Прав. Собеседнике 1861 г., ч. I, стр. 198, указано, что последнее событие, которое мог рассказать блаж. Паисий, случилось в 1481 г.

** Голубинский Е. Ист. Рус. Церкви. Т. II, стр. 624.

*** Ч. М. 19 марта.

Между прочим, автор отмечает изучение и основательное «испытание» Божественных писаний, углубление в них мыслью. Биограф говорит о святом, что он проводил время в молитве, отличался послушанием, был «нравом смирен и образом кроток, и в Божественных писаниях трудолюбно поучавашася и всем умом испытующе»*.

Кассиан Углический**, грек из рода князей мангупских (развалины города Мангупа близ Симферополя), в мире Константин, из Константинополя. После взятия его турками попадает в Рим и с Софией Палеолог прибывает в Россию. Здесь он получает назначение к арх. Иоасафу владычным боярином (судьей при епархии). Случайно пришлось ему быть в Ферапонтове монастыре, где он и остается. Постригшись, отдается в послушание старцу Филарету, который был, как «ангел Божий». Кассиан относится к нему с повиновением, послушанием, покорностью. В это время он знакомится с преп. Нилом Сорским и руководится его наставлениями. Сохранилось 2 послания св. Нила к Кассиану «Об искусительных помыслах» и «Утешение в скорбях». Преп. Кассиан сначала поселяется на р. Учме, а после разлива Волги создает другую обитель на более возвышенном месте, с храмом во имя Иоанна Предтечи. Тесное общение с Нилом Сорским указывает на принадлежность его к школе безмолвия и «умного делания».

Преп. Иосиф Волоцкий*** (1440–1515), в миру Иван Санин, получил воспитание в монастыре и 20 лет от роду поступил к преп. Пафнутию Боровскому, который по испытании поручил ему уход за больными. Отец его 15 последних лет своей жизни провел в той же обители, приняв пострижение и пользуясь уходом своего сына. Перед смертью преп. Пафнутий избрал Иосифа своим заместителем. Но когда он вступил в права игумена и пожелал ввести общежитие, это вызвало неудовольствие братии. Тогда преп. Иосиф отказался от на-

* Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 296.

** Ч. М. 2 октября.

*** Ч. М. 9 сентября.

чальствования и под видом странствующего инока обошел ряд обителей, изучая уставы. Вернувшись на родину, основал свою собственную Волоколамскую обитель в честь Успения Божией Матери. Устав его отличался строгостью и вместе с тем преподобный настаивал на необходимости монастырской благотворительности, что и было им осуществлено в широком масштабе в период наступившего голода. Преп. Иосиф выступал против ереси жидовствующих. В споре с «нестяжателями», он высказывался за необходимость монастырских владений ради церковно-государственных целей.

Иосиф Волоцкий не созерцатель, а деятель, основанный им монастырь общежительного типа. Средний уровень таких монастырей гораздо ниже скита. Монахов-созерцателей, по сравнению с общим числом монахов, очень мало. Это отбор – аристократия духа. С такой элитой Нил Сорский уединяется в глухом скиту, с ними он ведет беседы о высших достижениях духа. Иосиф же Волоцкий имел дело с общей массой сравнительно низкого духовного уровня. Для этой массы нужны были духовные побуждения примитивного характера. В его поучениях мотив загробного воздаяния, страх вечных мук, благотворительность ради спасения своей души. Но и он сам стремится довести напряженность подвига до крайних пределов. Главное его значение в социальном служении.

«Все мировоззрение преп. Иосифа, – говорит проф. Флоровский, – определяется идеей социального служения и призвания Церкви. Идеал Иосифа – это своего рода хождение в народ. И потребность в этом велика была в его время, – и нравственные устои в народе были не крепки, и тягота жизни была сверх сил. Свообразие Иосифа в том, что и самую монашескую жизнь он рассматривает и переживает как некое социальное тягло, как особого рода религиозно-земскую службу. В его общежительном идеале много новых не византийских черт. Само молитвенное делание у него изнутри подчиняется социальному служению, деланию справедливости и милосердия. Он был великий благотворитель, “немогущим спострадателъ”, и монастырские “села” защищал он именно из этих филантропических и соци-

альных побуждений. Ведь “села” он принимает от владеющих и богатых, чтобы раздавать и подавать нищим и бедным. И не только от страха, и не только из чувства долга, но именно из милосердия, Иосиф благотворит и обращает свою обитель то в сиропитательницу, то в странноприимный дом, и учреждает “божедомье” в погребенье странным. Самого царя Иосиф включает в ту же систему Божия тягла, и царь подзаконен, и только в пределах Закона Божия и заповедей обладает он своею властью. А неправедному или строптивому царю не подобает повиноваться, он в сущности и не царь, таковой не Божий слуга, но дьявол, и не царь, а мучитель. Замысел Иосифа бледнеет и искажается в следующих поколениях “иосифлян”. В самом замысле и задании преп. Иосифа есть внутренняя опасность, не только в его житейских искажениях и приспособлениях. Эта опасность в перенапряжении социального внимания. И отсюда известное опрощение, может быть, не для самого себя, но, именно для народа, известный минимализм”*.

Преп. Даниил Переяславский** († 1540) с юных лет обнаруживает суровый аскетизм. Постригается в Боровске и после 12 лет монашества возвращается в Переяславль, взяв на себя служение погребения умерших нечаянной смертью. Основал свой собственный монастырь, который поставил, подобно Иосифу, в тесную зависимость от московских вел. князей, именующихся в житии царями. Даже основание новой обители объясняется царским повелением: «аще не в царском имени будет тая церкви, ничто же по нас успеется, кроме оскудения»***. Василий III назначает ему в старости преемника и делает его крестным отцом своих сыновей.

Преп. Герасим Болдинский**** († 1554) ученик преподобного Даниила Переяславского, уходит на отшельничество в пределы Смоленские. Зноем и холодом обуздывает «буйго и дивьяго зверя» – плоть свою. Он организует 4 монастыря. Его

* Флоровский Георгий. Пути Рус. Богословия. Париж, 1937, стр. 18–19.

** Ч. М. 7 апреля.

*** Федотов Г. Святые Древней Руси. Париж, 1931, стр. 191.

**** Ч. М. 1 мая.

«Закон», или завещание, соответствует Духовной Грамоте Иосифа Волоцкого. У Иосифа же Герасим заимствует институт 12 старцев.

XVI И XVII ВЕКА

Русь XIV и XV веков проходит под знаком Византии: ее влияния, возрождения монашества, созерцательного подвига. Она черпает духовные силы и воодушевление в общении с Востоком. Но к концу XV века эти прежние связи ослабевают и даже разрываются.

Как уже говорилось выше, поводом к разрыву с греческой традицией явился Флорентийский собор и затем разгром православного Востока турками. С этого момента быстро падает авторитет Византии, угасает самый интерес к ней, укрепляется национальное самоутверждение и одновременно развиваются и укрепляются новые связи уже с Западом. Запад представляется более реальным и привлекает большее внимание, чем разоренная и завоеванная Византия. Брак Иоанна III с Софией (Зоей) Палеолог не возобновление старых отношений с Византией, наоборот, это было началом русского западничества. Царевна была воспитана в унии по началам Флорентийского собора. Ее опекуном был кардинал Виссарион. Брак был венчан в Ватикане. Паисий – папский легат, сопровождал ее в Москву. Это создало сближение Москвы с итальянской современностью: «Разодрал завесу между Европой и нами» (Карамзин). Из Италии вызываются мастера. Они перестраивают и обстраивают Кремль, дворец и соборы. С этим связаны имена Фиоравенти, Алевиза, Пьетро Солари... Еще большим западником был Василий III, сын Иоанна III и «чародейцы греческой» (Курбский). Он был женат вторым браком на Глинской, воспитанной уже вполне по-западному. «Старые обычаи переменял... ино земля наша замешалась». Любимый лекарь Василия III ведет беседы и даже переписку о соединении Церквей, у него были, по-видимому, и единомышленники в Москве. «В жестоком и властолюбивом

единодержавстве Василия III чувствуется скорее подражание современным итальянским князьям, нежели давним василевсам. Следующий царь, Иоанн Грозный, не только политически, но и культурно обращен был к Западу, а не к Византии. Исторической зависимости от греков он не признавал и не хотел признавать. «Наша вера христианская, а не греческая», ответил он Поссевину*. Новгород Великий, сохранившийся в нетронutom виде при татарском нашествии, служил звеном между эпохой домонгольского периода и последующими столетиями. Разгромив его, Иоанн Грозный нанес смертельный удар 600-летней самобытной русской национальной культуре, а впоследствии Петр I-й беспощадно смел ее следы...

В домонгольский период, при удельной системе, когда центральной власти почти не существовало, объединяющим началом была Церковь, ее авторитет был выше светского, ее голос раздавался независимо и безбоязненно. Этому много содействовал и высокий духовный уровень святителей и пастырей. Таким был, например, митрополит Кирилл II (1243–1283). Он «предложил несколько поучений князьям и их тиунам и волостителям, в которых свободно и беспристрастно обличал их неправосудие». Его поучения были занесены в «Мерило праведное» – древний юридический сборник, известный по спискам XIV и XV веков. Поучения эти в древнее время имели значение не просто церковно-назидательное, но и практико-юридическое, как источник права древнего времени и материал для юриспруденции. Такой же смелый обличитель неправды был и Симеон, первый епископ Тверской (1271–1289). В «Мерило праведное» записан следующий случай: «Однажды на пиру полоцкий князь Константин, за что-то недовольный на своего тиуна, задал перед всеми епископу такой вопрос: “Владыко, где быть тиуну на том свете?” Епископ Симеон отвечал: “Там же, где и князю”. Князю не понравился такой ответ, а епископ развил свою мысль: у доброго князя и тиун понимает, что такое суд: “то и князь будет в раю и тиун также”. А если князь его “как бешеного пса пустил на людей, дав ему меч, то и князь пойдет в ад и тиун с ним так-

* Флоровский Георгий. Пути Рус. Богословия. Париж, 1937, стр. 12–13.

же в ад»». Но самым сильным и энергичным обличителем пороков был епископ Владимирский Серапион. «Власть нам (т.е. власть имущим) вручил Бог, дабы мы обидимых избавляли, а мы обижаем: правого по мзде обвиняем. Нет правого пути, “ни суда правого”». В «Измарагде», сборнике, «списанном» в конце XV века, имеется множество поучений, обличающих взяточничество, ненасытных собирателей имения, жестокосердных притеснителей рабов, вдов и сирот. Относительно злодеев сказано, что «и в церковь недостойно таковым ходить, если не каются». Даже одной просфоры не велено было принимать от зараженных пороками! «От лихоимца, от кривого судьи, от мздоимца...»*

В XIV веке преп. Сергей умирает княжеские распри. Осенью 1385 года он прошел пешком 200 верст к «трудному» и вероломному кн. Олегу Рязанскому и склонил его к примирению. Летопись говорит: «Преп. Сергей, старец чудный, тихими и кроткими словами... беседовал с ним о пользе душевной и о мире, и о любви. Князь же Олег переменял свирепство свое на кротость и утишись, и укротись, и умились вельми душею, устыдился столь свята мужа, и заключил с великим Князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род»**.

Северо-восточные подвижники, как мы видели выше, также поучали и обличали князей.

Итак, когда на Руси не было единой государственной власти, когда эта власть была раздроблена и слаба, объединяющей, собирающей и созидающей силой в государстве была Церковь. Она, во главе с целым рядом своих святых первосвятителей, была на высоте призвания. Ей принадлежал высший авторитет, которому подчинялась и мирская власть. Но постепенно происходит коренная перемена; влияние Церкви убывает вместе с снижением нравственного уровня ее представителей, и она теряет свое господствующее и ведущее положение и уступает его светской власти, которая в процессе собирания Руси, сосредоточившись в лице вел. князя Московского, становится все более сильной и самодовлеющей, иосифлянская же иерархия ослабе-

* Попечение Церкви в XIII, XIV и XV вв. Прав. Соб. Ч. I. 1861, стр. 77.

** Зайцев Б. Преп. Сергей. Париж. 1925, стр. 77.

вает в своем подвиге печаловаться за опальных и обличения неправды*. В эти времена упадка общего духовного уровня, когда быт стал уклоняться от правды Божией, тогда, подобно тому, как в древнем Израиле восставали пророки, обличавшие его в уклонении от благочестия, нарушавшего завет с Богом, так и у нас на Руси восстает особый вид святости – юродство Христа ради, воплощающее в себе всю полноту правды Божией и несшее древнее служение пророков, осуществляющееся полным отрицанием «мира» и обличением зла в мире. Юродство – это постоянное добровольное мученичество, непрерывная борьба против своего естества, мира и дьявола и требует крайнюю напряженность всех духовных сил и возможно лишь при высокой непрестанной молитве. Этот подвиг, пришедший к нам с Востока, где особо прославлены были имена Симеона в шестом веке и Андрея в конце десятого**, считался там одним из самых необычных, тогда как у нас он принимает особый характер социального служения и достигает особого расцвета на Руси в XVI в. Число канонизированных святых проф. Федотов рас-

* От свят. Петра (1308–1326) и до свят. Ионы (1448–1464) за исключением трека-отступника Исидора, весь ряд митрополитов в течение полутора века был канонизирован. От этой даты (1464) до мученика свят. Филиппа II (1566–1569) в столетний период из них канонизированного не было ни одного. Между этими митрополитами, хотя и встречаются светлые личности, как Варлаам (1511–1521), пострадавший за отстаивание независимости Церкви, или знаменитый Макарий (1542–1563), но были обладавшие и отрицательными чертами характера, напр. м. Геронтий (1473–1489), жестокий и мстительный (сажал архиеп. Геннадия на лед), и бездеятельный в отношении ереси жидовствующих, по выражению Иосифа Волоцкого: «По своей ли грубости, или нерадению, или по боязни перед державным». Затем м. Зосима (1491–1494) – еретик-жидовствующий и, наконец, м. Даниил (1522–1539), карьерист, не брезгавший никакими средствами, о котором речь шла уже выше.

** Преп. Андрей (880–946, 2 октября), которого изображают на иконах Покрова Божией Матери, был родом славянин. Еще отроком продан в рабство в Грецию. Там он изучил Свят. Писание и многие науки. Неземной юноша призвал его к подвигу юродства. Его ученик Епифаний и друг его и агиограф Никифор, единственные, с которыми он говорил разумно, свидетельствуют, что «он мог объяснить помощью Духа Святого каждую книгу, на коем наречии она ни была, и обладал даром предвидения и сердцеведения, и был необыкновенно красноречив». Соколов С. Сост. монашества в Виз. Церкви с пол. IX–XIII вв. Казань, 1894, стр. 345.

пределил по векам следующим образом: XIV век – 4 юродивых, XV век их 11, в XVI веке – 14, в XVII – 7.

В XV в. жил **блаженный Максим*** († 1433). Он ходил по улицам Москвы зимой и летом почти без одежды и поучал людей пословицами: «За терпенье Бог даст спасенье». «Всяк крестится, да не всяк молится». Купцам он говорил: «Божница домашняя, а совесть продажная»; «По бороде Авраам, а по делам Хам».

Преп. Арсений** († 1570), Христа ради юродивый, был по ремеслу кожевник и родом из Ржева. Создал монастырь на торговой стороне в Новгороде и под конец пребывал в затворе, носил вериги. 11 июля Иоанн Грозный при разгроме Новгорода посетил его. Преподобный строго обличал царя и тщетно умолял прекратить резню. В ту же ночь, стоя на молитве на коленях, предал он дух Богу. Так его и нашли утром.

В Пскове подвизался юродивый **блаженный Николай Салос***** († 1576). Когда Иоанн Грозный, разгромив Новгород, двигался к Пскову, местный архиепископ, воевода Токмаков и блаженный Николай держали совет, как спасти город. Бог внушил им расставить перед домами столы с хлебом и солью и встречать гражданам царя коленопреклоненно. Николай Салос преподнес царю сырой кусок мяса: «Я христианин, и мяса постом не ем». «Ты пьешь кровь, – ответил юродивый. – Не трогай нас, проходящий, ступай, не на чем тебе будет бежать». В ту же ночь пал царский конь. Грозный в ужасе ушел из Пскова. Были совершены грабежи, но убийств не было.

Надо отметить еще одно печального характера явление этого времени (XVI–XVII вв.) – это изменившееся отношение к отшельникам. Теперь мир не идет за ними, а восстает против них. Все более и более разрастаются монастырские владения, и крестьяне, страшась своего порабощения, считают отшельников личными врагами и часто убивают их. Два **преп. Адриана: Андрусовский****** († 1549) и **Пошехонский** († 1550) убиты с

* Ч. М. 11 ноября.

** Ч. М. 12 июля.

*** Ч. М. 28 февраля.

**** Ч. М. 26 августа.

целью грабежа. **Преп. Агапит Маркушевский*** († 1578) убит крестьянами и тело брошено в реку. Он перед этим ходил в Москву просить благословения у митрополита и земли у царя на мельницу. У этой мельницы и был убит. Далее **Симон Воломский**** († 1613) мученически убит крестьянами. Такая же участь постигла **Иова Ущельского***** († 1628). **Преп. Нил Столобенский** († 1554) спасся живым из подоженного вокруг него леса. Случайно спасся **преп. Арсений Комельский**, ученик которого был принят за него и убит. **Преп. Диодор Юрьегорский** († 1624) был изгнан и избит и, наконец, **преп. Леонид Устьнедумский******, также изгнанный, должен был перенести свою обитель с горы в болото.

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛИЙ КОМЕЛЬСКИЙ († 1537)

Сын Феодора Крюкова, боярского рода из Ростова. Преп. Корнилий****, пройдя тяжелые аскетические подвиги в Белозерской обители (носил вериги), путешествует в Ростов за младшим братом, чтобы посвятить его в иночество. После этого преподобный принимается странствовать. Он приходит в новгородские пределы, где архиеп. Геннадий оказывает ему высокое уважение. От славы человеческой он бежит сначала в Тверскую Савватьеву пустынь, а оттуда в Комельский лес. Однажды ему пришлось быть в Москве, где митр. Симон рукоположил его во иереи. После этого в лесу отшельником живет он 19 лет, угрожаемый со всех сторон со стороны злых людей и разбойников, и только в 60-летнем возрасте строит церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и основывает обитель. Почти в каждой житии мы видим повторение того

* Ч. М. 21 мая.

** Ч. М. 12 июля.

*** Ч. М. 6 августа.

**** Ч. М. 17 июля.

***** Ч. М. 19 мая.

же самого: когда один из избранных Богом иноков, пройдя в монастыре внешнюю аскезу, созревает для безмолвия, благословляемый игуменом или старцем уходит он в лесные дебри и, подобно пловцу, бросающемуся в безбрежное море, повергает себя в пучину опасностей и скорбей, связанных с одинокой жизнью в пустыне, что возможно только при полноте веры и всецелому преданию себя Промыслу Божию. И там, после того, как он довершил школу внутреннего совершенства, вновь входит в общение с людьми. Но при первой возможности снова стремится и жаждет продолжать свое безмолвие. Тот же порядок наблюдаем мы в житии преп. Корнилия: устроив свою первую обитель, он уходит на Сурское озеро с учеником своим Геннадием. Для удаления этого была и внешняя причина – провинность со стороны братии. Но уединенная жизнь преподобного продолжалась сравнительно недолго: государь Василий Иоаннович по просьбе братии принуждает его вернуться в первоначальную Корнильевскую обитель, и при этом награждает его земельными угодьями. Но Корнилий, как истинный белозерец, – «не восхоте просити ничтоже, но токмо моли его дати близ монастыря земли мало с лесом, да от поту лица своего ел, глаголю, хлеб свой»*.

Биограф говорит, что преподобный «помышляше трудами питати себе и сущих с ним». Притом еще и «приходящих приемля и мимоходящих кормля». Преподобный Корнилий раздавал милостыню по праздникам, не глядя на лица, «не зряшу на лица, но токмо руку простершему даяше». Некоторые злоупотребляли и возвращались за милостынею по пяти раз. Иноки обратили на эти поступки нищих внимание преподобного, говоря, что нищие «не единою, но и вторицею взимаху, ин же и до пяти крат взят». Он же глаголаше: «Не дейти их: того бо ради пришли». Вечером преподобный узрел в видении Антония Великого, который «начал класть в подол его одежды просфоры и колачи, дондеже нача та пресыпатися от переисполнения. Он же (Корнилий), поведал нам со слезами и запо-

* Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 299.

ведал нам не токмо при своем животе творить милостыню нескудно нищим, но и по своем преставлении»*.

Вернувшись в обитель вторично, после своего ухода на Сурское озеро, преподобный «лес секий и нивы насевая, да не токмо сами свой хлеб ядят, но и да и неимущим им питают». Житие приводит поучение святого, где говорится о хранении чистоты, об «умной молитве», самонаблюдении и борьбе со страстями, но особенно настаивает он на двух верховных евангельских заповедях любви к Богу и ближним. «Евангельское учение, – говорит Кадлубовский, – полагалось в основу его нравственного мирозерцания»**.

Любви ради преп. Корнилий несет подвиг старчества: «Дарованием Божиим приходящих к нему с верою вся разрешаше и вся сказоваше и всех благословяше и утешаше, обаче сия добре ему имеяху»***.

«Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I Кор. 9, 22), свидетельствует о нем житие, указуя сими словами Ап. Павла на старческое служение преподобного. Об этом стихе, часто прилагаемом к преподобным – старцам, уже говорилось ранее. Проф. Смирнов повествует о деятельности преподобного во время голода: «В вологодской земле случился голод. Хлеб сильно вздорожал, и купить его даже негде было. В монастырь Корнилия стали приходить «от многих стран странники и нищие», а из окрестностей мучимые голодом. Преподобный никому не отказывал, подавал щедрую милостыню ежедневно. Многие приносили своих младенцев и оставляли под стенами монастыря. Подвижник принимает их всех, отправляет в особый дом, и там их питали и покоили. В это тяжелое время запасы обители не оскудевали. Устав Корнилия предполагает благотворительность монастыря, как его обязательное дело. Запрещая самовольную милостыню каждому частному иноку, чтобы под этим предлогом не нарушалась строгость общежития, преп. Корнилий предписывает все сработанное тру-

* Ibid., стр. 301.

** Ibid., стр. 301.

*** Ibid., стр. 305.

дящимися сносить в казну: «ниже в милостыню дают», «милостыня бо в монастыре и нищелюбство обща суть»*.

«Житие преп. Корнилия», писанное в 1589 году иноком Нафанаилом, помнящим лично святого, отнесено В. О. Ключевским к числу лучших памятников агиографии, и Коноплев еще лучше оттеняет его достоинство, как исторического памятника**.

Преп. Корнилий был современником преп. Нила Сорского. Об общении или свиданиях между двумя подвижниками нет никаких указаний. Поэтому нельзя установить факт влияния преп. Нила на преп. Корнилия. Но несомненно, что оба они принадлежали к греческой школе исихастов. Преп. Корнилий словами своего биографа учит: «Сердце же хранить елико сила умною молитвою от скверных помысел...»***

Эти слова, выражающие сущность исихазма, свидетельствуют о том, что преп. Корнилий и его ученики знали и творили «умное делание». Слова эти в устах биографа-ученика и сотаинника преподобного приобретают неоспоримую историческую достоверность, научную ценность этого жития мы только что отметили. Как уже выше было упомянуто, проф. Кадлубовский говорит, что «влияние Афона и южного славянства на русскую жизнь в XIV и XV вв. достаточно выяснены. Таким образом, влияние Афона и греческого подвижничества, под которым находился Нил, испытывали и другие русские люди, не отрывало поэтому Нила от русской жизни, в которой составляло заметную струю»****.

Этим общим влиянием византизма объясняется сходство в характере подвижничества, а именно «внутреннее делание» преп. Нила и преп. Корнилия.

Известны пять учеников преп. Корнилия. Во-первых, **преп. Геннадий******* († 1565). Он именуется Костромским, так как ушел с

* Смирнов С. Как служ. миру подвижники Древн. Руси. 1903, стр. 59–61.

** Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 297.

*** Ibid., стр. 300.

**** Ibid., стр. 367.

***** Ч. М. 23 января.

преп. Корнилием в Костромские пределы, в дикий лес, на Сурское озеро, где они основали обитель. Преп. Геннадий остался на месте после возвращения преп. Корнилия в свой первоначальный монастырь. Преп. Геннадий благоустроил новосозданную обитель. Великий аскет и труженик, он исцеляет от болезни Вологодского епископа Киприана. «На нем почилa благодать Св. Троицы», говорит житие. Второй ученик преп. Корнилия – **Иродион Илозерский*** († 1541). Он уходит после смерти преп. Корнилия к Белоозеру. Здесь ангел указывает ему местожителство и велит построить храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Прожил 3 года в безмолвии. Ангел известил его о приближении его кончины. Обитель возникает после смерти преподобного.

Третий ученик – **Филипп Ирабский**** († 1537). Он ушел из монастыря, чтобы «безмолвствовати единственно», вырыл в речном берегу «вертепец» для жилья и поставил часовню, чтобы молитвы Господу приносить о спасении своем. В строгом уединении «един единственно» подвижник провел 15 лет и только лет за 5 до смерти ради телесных недугов своих принял к себе сожителя. Народ скоро узнал место его подвигов и собирался толпами для поучений и молитвы. Часовня превратилась в храм, вместо вертепа выстроилась келия. Святой поучает мирян и излагает им мирские добродетели. Осуждая семейные раздоры, он проповедует миролюбие – любовь родителей к детям, почтение детей к родителям. Порицая жестокосердие, предписывает расположение к нищим и убогим. «Сам Господь Бог изволивый нищелюбие взыскати и любити е». Иночество выше царства, иноку предлежит ангельская слава. «Но жестоко и прискорбно иго иноческого жития», и немногие несут его. Три главных добродетели преп. Филипп считал обязательными для инока: «нестяжание и еже поститися зело и бдети много». «Погубили мы ангельское житие, много ясти и пити или одеятися можем, поститися же не можем и смиренномудрствовати». «Днесь в нас есть любоимание и презорство, стяжательность и гордость»***.

* Ч. М. 28 сентября.

** Ч. М. 14 ноября.

*** Смирнов С. Как служили миру подвижники Древн. Руси. 1903, стр. 66.

Преп. Кирилл Белый Новоезерский* († 1532). Четвертый ученик Корнилия Комельского. Еще до его рождения, мать его слышала в храме произнесенный им возглас: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф». Свой иноческий путь Кирилл начинает под руководством преп. Корнилия в его обители. Духовная зрелость Кирилла была признана всей братией. Стремясь в пустыню, он уходит на север к океану. Оттуда обходит все приморские страны. Голос свыше посылает его к Белоозеру, где он основывает обитель на Красном острове, на восточной стороне Нового озера. Преп. Кирилл сам строил здания, рубил лес, пахал землю и сажал овощи. Вел. кн. Василий Иоаннович пожаловал обители две деревни. Его посещает **преп. Никифор Важеозерский** по поручению **преп. Александра Свирского****. Во время чтения акафиста Божией Матери, Кирилл почувствовал прибытие гостя. Окончив молитвы, он переехал на лодке на северную сторону и увидел путника, уснувшего на камне. Сильный свет с неба разбудил последнего. Св. Кирилл поставил на месте этой встречи крест. Случаи прозорливости и исцеления больных бесчисленны. Его сподвижник Дионисий видел ангела, сослужащего преподобному. «Чадо Дионисий, – сказал Кирилл, – судеб Божиих не испытай, и до отшествия моего к Богу не сообщай никому, что тебе открыл Господь, духовной радости Податель». Еще при жизни своей преподобный предстал в сонном видении тяжело больному монастырскому благодетелю и пригласил его явиться к себе для исцеления. Когда больной князь Пеньков прибыл на Новое озеро, преп. Кирилл босой и в рваной одежде служил литургию в нетопленном храме при таком холоде, что никто не мог при этом присутствовать. Отслужив, он дал князю выпить святой воды, и тот стал здоров. В последние предсмертные часы преп. Кириллу было открыто приближающееся бедствие смутного времени: «Беда великая на земли нашей и гнев великий на людях». Старец Даниил просил открыть, что будет после этого... «Будет царство наше

* Ч. М. 4 февраля.

** Ч. М. 30 августа, † 1533.

умирено Богом и устроено. Вы же, братие и отцы, молитесь со слезами Богу и Пречистой Его Матери о державе Российской земли». Здесь сказывается характерная черта любви русских святых к родной земле.

Наконец, 5-й ученик преп. Корнилия был **преп. Адриан Пошехонский*** († 1550). Боголепный и таинственный старец, называя себя «Бестуж», уводит Адриана с иноком Леонидом из обители преп. Корнилия в дикий дремучий лес в пределы Пошехонские и становится невидим. В 1543 г. они закладывают церковь по благословлению митрополита Макария. Собралась братия. Через 7 лет преп. Адриан был убит разбойниками. Некто Сидор тайно похоронил останки мученика и посадил рябину. Она стала целебной. О скрытых мощах узнают только в 1626 г. Совершаются исцеления.

Преп. Феодосий Тотемский** († 1568). Из Прилуцкого монастыря удаляется в пустынные леса на р. Тотьме, где образуется обитель. Он собирает книги. Будучи строгим подвижником, носит власяницу и вериги.

Преп. Антоний Сийский*** († 1556) постригается в монашество **преп. Пахомием Кенским****** († около 1515), который стал руководить новоначальным иноком, взяв его в свою келию. Будучи в иерейском сане, Антоний получает благословение игумена на подвиг отшельнический. Он странствует по лесным дебрям с 4 сподвижниками. В 1520 г. основывает Сийскую обитель недалеко от «Студеного моря». После управления некоторое время обителью он удаляется на остров для полного безмолвия. Достигнув благодатного состояния и получив дар прозорливости, он затем снова возвращается на игуменство. Таковы внешние факты его жития. Преп. Антоний один из многих святых, смотревших на преп. Кирилла Белозерского и его заветы, как на образец для подражания. Даже духовная грамота преп. Антония списана с духовной грамоты

* Ч. М. 5 марта.

** Ч. М. 28 января.

*** Ч. М. 7 декабря.

**** Память в первую субботу после Крещения.

преп. Кирилла с небольшими добавлениями и наставлениями. Кадлубовский отмечает, что этот факт является указанием на духовную связь северных монастырей с Кириллом*.

Преп. Антоний, во всем следовавший Кириллу Белозерскому и подвижничеству Северной Фиваиды, был так же, как и они, последователем школы «трезвения», и это подчеркивается в его житии, где упоминается об «умном делании», которому «крепче прилежаше» святой. Ради безмолвия и созерцания и переходил он на пустынный остров. Здесь он «к вышним течение радостно простираше, в безмолвии мнозе пребывая, ум же свой от всех попечений удаляя, и чисте Богу беседа, и моление свое яко кадило на небо воспуская»**. В своей духовной грамоте преподобный велит молиться о царе и всем его доме, а затем дает некоторые наставления о монастырской жизни, более определенные: «хранить в сердце страх Божий, стремиться быть храмом Святого Духа, который и укажет истинный путь. А промеж себя любовь имейте и покорение о Христе друг ко другу, да покроется ваше множество грехов»***. Своему будущему заместителю – Кириллу, он внушает смирение и кротость: «не яр буди к меньшим себе, но с кротостью наказуй согрешающих, блюдый себе, егда и ты в некоем прегрешении искушен будеши». Антоний добавляет еще несколько наставлений о внимании к братии: во всем советоваться с собором, заботиться о больных, посещать их****.

Все его поучения, слова и факты, описанные в житии, свидетельствуют о том, как был преподобный проникнут насквозь глубиной Евангельского учения. У него, как и у прочих святых Кирилловской школы, выступает характерная для всех их черта – нестяжательность. В житии говорится: «...многа... борения показа... работая Богови, былии земными саморастущими в пустыни сей питаешся и от своих тру-

* Кадлубовский Л.П. Очерки по истории древнерус. лит.житий святых. Варшава, 1902, стр. 320.

** Ibid., стр. 317.

*** Ibid., стр. 321.

**** Ibid., стр. 313.

дов потребна себе и братии исполняше»*. В поучении иноку Филофею он советует: «учися рукоделию и по вся дни делай руками своима». Кадлубовский отмечает, что сам Антоний склоняется «к той жизни отшельничества, которая была соединена с безмолвием, уединением, нестяжательностью. Приобретения при нем земельных владений объяснять, может быть, следует так же, как и подобные факты в жизни Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого**.

Преподобный **Арсений Комельский***** († 1557). Из боярского рода Сухоруковых. Постриженник и игумен Троицкой лавры. Удалившись для безмолвия, преподобный поселяется сначала в Комельском лесу, откуда его изгоняют местные жители, убив его ученика. Тогда он устраивает пустынь в Шелегодском лесу. Когда же вокруг его обители, называвшейся потом Александро-Коровиной, образовалось многолюдье, он снова возвращается в Комельский лес, и, не вспоминая о причиненном ему здесь зле, «хождаше хождение святыи имея косоно вельми людей же на поле, где найдет труждающихся, там с ними беседу духовную творит и учит их како спасение душам своим получитьи, и Божий заповеди храните и поучения Св. Отец слушати, а в праздники Божий не делати земнаго»****. В рукописи гр. Уварова (№ 1247) текст жития сопровождается рисунками, из которых некоторые изображают крестьян, занятых полевыми работами, а преподобного, сидящего в иноческом одеянии и ведущего с ними духовную беседу. «В итоге следует признать, – говорит Кадлубовский, – что в житии Арсения Комельского отразилось кроткое снисхождение к людям, что проповедь любви занимает в нем видное место, выделяясь и в поучениях, приписанных преподобному, что внешние проявления благочестия оставляются биографом в стороне»*****.

* Ibid., стр. 318.

** Ibid., стр. 322.

*** Ч. М. 24 августа.

**** Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерус. лит. житий святых. Варшава, 1902, стр. 308.

***** Там же, стр. 309.

Преп. Александр Свирский* († 1533) пострижник Валаамский, основывает близ р. Свири монастырь. Его ученики **Никифор и Геннадий Важеозерские**** (1550). Безмолвники. Основатели обителей.

Преп. Нил Столобенский*** († 1554) пострижен в монастыре Крыпец, затем подвизается на р. Черемхе в Ржевском лесу, питаясь травой и желудями. По гласу Божию уходит на Столобенский остров на озере Селигере. Там страдает от страхований и злых людей, поджегших лес, чтобы его погубить. Он исцеляет грабителей, наказанных слепотой, за намерение напасть на него. Обладая даром прозревать дела людей, он согрешающих направляет на путь истины. Преставился, стоя на костылях, на которых отдыхал вместо ложа.

Преп. Мартирий Зеленецкий**** († 1603) подвизался в Великолуцком монастыре, жил в одной келье со старцем Боголепом. Они ели раз в день. После церковных служб и всех правил читали 1000 Иисусовых молитв, 200 Богородице и клали по 600 поклонов. Большую часть ночи мололи зерна. После многих чудесных знамений Мартирий уходит на Зеленый остров среди непроходимых болот, где и образуется Зеленецкая обитель. По писцовым книгам Обонежской пятины видно, что преп. Мартирий в 1582 г. был уже игуменом и имел 12 братии в своей обители. Первым благотворителем юного монастыря был Феодор Сырков, замученный Иоанном Грозным в 1570 г. Другим благотворителем был Касимовский царь Симеон Бекбулатович в благодарность за исцеление сына преподобным. Наконец, царь Феодор Иоаннович жертвует «в двух вытях 28 четий земли» и богатые рыбные ловли. Преп. Мартирий был безусловно святым созерцательного типа, но век «несчастителей» уже миновал.

Преп. Лонгин Коряжемский***** († 1547). Безмолвник.

* Ч. М. 30 августа.

** Ч. М. 9 февраля.

*** Ч. М. 7 декабря.

**** Ч. М. 1 марта.

***** Ч. М. 10 февраля.

Преп. Ферапонт Монзенский* († 1597). О родине своей и происхождении преподобный скрывал. Он постригается в Воздвиженском Костромском монастыре, быстро всходит на высокие ступени совершенства. К нему стали приходиться воеводы, дьяки и разных чинов люди от мала до велика. Он не всех одинаково принимал, некоторых обличал в пороках. Желая уйти от известности и славы, он скрылся в пустынной Благовещенской обители на устье реки Монзы. Здесь он пробыл последние 3 года жизни. В житии повествуется об его старческом окормлении этой тогда юной обители. Ее пытается разорить сосед боярин Нелидов, а соседний Обнорский монастырь стремится подчинить ее себе, якобы приписную, и отнимает церковные книги. Во время этих скорбей старец Ферапонт является воистину ангелом-хранителем для обидимых. Изложение этих событий и старческая деятельность преподобного за последние 3 года его жизни и составляют содержание его жития.

Преп. Максим Грек**, ученый представитель восточного просвещения, родом из г. Арта, Эпир, носил в миру имя Михаила Травлиса и род. в 1470 г. (согласно новейшему исследованию И. Денисова). Михаил учился и работал в Венеции, Ферраре, Падуе и Флоренции. Как философ, он был платоником. Будучи одарен чувством прекрасного, он имел склонность к поэзии и позднее он первый указал русским на правила стихосложения – «мерную речь», на хорей и ямбы***. В Венеции он принимал участие в трудах по изданию писаний греческих философов Альдом Манучи и во Флоренции в переводах на латинский язык святоотеческой литературы у Пико де Мирандола****. Это была эпоха итальянского Возрождения, когда господствовало общее увлечение язычеством. В самые свои ранние годы Михаил Травлис был дитя своего века. Но уже 18 лет от роду и даже ранее, слушая проповеди И. Савонаролы († 1498), боровшегося с распущенностью нравов и имевше-

* Ч. М. 12 декабря.

** Ч. М. 21 января.

*** Иконников В.С. Собр. ист. трудов. Т. 1. Максим Грек. Киев, 1915, стр. 187

**** Denisov E. Maxime le Grec. Paris-Bruxelles. 1943, p. 233.

го столь потрясающее влияние на сограждан, юноша Михаил оказался в числе его ревностных поклонников. Впечатление, произведенное личностью Савонаролы, было так сильно и неизгладимо, что запечатлелось в его сознании на всю жизнь. «Я же с радостью сравнил бы их, если бы они не были латинянами, с древними защитниками благочестия»*, говорил уже в России Максим, вспоминая о мученическом конце Савонаролы и его двух сподвижников. Около 1507 г. он отправился на Афон и поступил в Ватопедскую обитель. Оттуда в 1515 г. он был приглашен в Москву Василием III для переводов священных книг. Одновременно он там писал свои догматические, грамматические, философские и исторические труды и вел борьбу с невежеством и суеверием. Он был противником развода и незаконного брака Василия III, а также восставал против монастырских владений. Его обличения создали ему много врагов, и после крючкотворного и пристрастного процесса, он «много претерпел многолетних и тяжких оков и многолетних заточений» (Курбский). Но несмотря на 25-летние гонения личность Максима оставалась в своем нравственном ореоле в глазах лучших его современников.

Сам митроп. Макарий ему писал: «Узы твоя целуем, яко единого от святых, пособить же тебе не можем». Преп. Максим был неприемлем для окружающей его среды, так как шел вразрез с духом упадочной эпохи и господства исключительно внешнего. От имени Спасителя обращается Максим к своим современникам в следующих словах: «Не для доброшумных колоколов, песнопений и многоценного мира Я сошел на землю и принял ваш образ... вся подсолнечная Моя и исполнение ее. Я повелел написать в книгах Мои спасительные заповеди и наставления, чтобы вы могли знать, как угождать Мне. Вы же книгу Моих словес снаружи и внутри обильно украшаете серебром и золотом, а силы заповедей Моих, в ней написанных, не принимаете, и не только не исполняете, но и поступаете противно им»**.

* Пыпин. История Рус. лит. СПб., 1902, стр. 102.

** Иконников В.С. Собр. ист. трудов. Т. I. Максим Грек. Киев, 1915, стр. 503.

Вокруг Максима группировались лучшие и просвещенные люди того времени, их было немало в начале царствования Иоанна IV. Под его влиянием были Сильвестр и Адашев, святитель Герман Казанский из «светла рода Полевых», князей смоленских, отказавшийся от Московской митрополии, В. Тучков, написавший житие Михаила Клопского, и многие другие. Разгромив русскую жизнь и культуру, Иоанн Грозный не дал взойти в полной мере всходам, посеянными рукой преподобного Максима. Но бежавшие на Запад его преданные ученики, игумен Артемий и Курбский, много там сделали для русского просвещения и защиты Православия. Курбский изучил латинский язык, чтобы перевести на славянский язык святоотеческие книги, на которые ему указывал Максим. Влияние Максима сказалось на работах Стоглавого собора и на Судебнике И. Грозного*, как и на просветительных трудах митр. Макария, влияние это было подобно светящемуся следу от метеора, прошедшему по духовному горизонту русского неба, по выражению его историка (Денисова).

Духовный облик М. Грека связан с Афоном. Современные москвичи недаром величали его «преп. Максимом, Новым Исповедником». В творениях своих М. Грек касается православной аскетики согласно пониманию Святых Отцов. О человеке он говорит: «Прах и пепел, смешанный с малою долею воды, но хранящий в себе Божественный дух, подобно как раковина хранит жемчужину». Преп. Максим касается и духовных созерцаний: «Будучи жизнью и мыслью, о, душа, – говорит он, – ты обладаешь бессмертием и потому можешь познать свой Первоисточник, Коего образ носишь в себе». «Красота внешняя и телесная обманчива и скоропреходяще, она препятствует стяжанию красоты духовной», и Максим дополняет: «Возжелаем пламенно красоты Богоподобной...» «Мы должны подражать природе шестикрылых». Максим говорит о Боговдохновенности Святых Отцов, о том, что им Бог открывал скрытый смысл священных текстов и с помощью «духовных лопат» им был дан

* См. изыскания Беляева И. В. («Р. Беседа, 1858, IV) и Жданова И. II. Материал для истории Стоглава. Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7 и 8.

дар откапывать сокровенный в них таинственный смысл. В последние годы своей жизни Максим говорит и о себе в послании к митр. Макарию: «Я был наставляем и укрепляем благодатью божественного Параклита достопоклоняемого». На стенах узилища своего с помощью угля начертал преп. Максим канон Святому Духу так же, как некогда и Савонарола писал в тюремной обстановке молитвенное обращение к Святому Духу. Но у последнего вышел поэтический вопль истерзанной души, тогда как канон Максима – лишь смиренное молитвенное воззвание византийского монаха*.

Преп. Корнилий Псковский** († 1570). «Имя преп. Корнилия, – говорит житие, – рачительного хозяина, строгого подвижника и просвещенного человека, было известно в то время на Руси. У него бывал известный своею книжностью игумен Артемий, у него постригается Вассиан Муромцев, ученик Курбского. У него часто бывает и сам князь Курбский». Преподобного нельзя отнести к типу созерцателя: это суровый подвижник и мученик. В писании (давно утерянном) он перечисляет бедствия, наведенные Иоанном Грозным на русское царство: «Мятеж и нестроение в Российской земле и разделение царству и крамолу, и смерть, и людям переселение, и имений отнятие, пожары великие по градам и мор, и глад, и нашествие иноплеменных». Мученическая кончина преподобного последовала на 69-м году от рождения. «От тленного сего жития земным царем Грозным предпослан к Небесному Царю в вечное жилище».

Филипп Митрополит Московский*** († 1569), – величавый образ XVI века, мученик и великий стоятель за Правду Христову. «Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл служению сопастырей на Московской кафедре Успения Богородицы: св. Алексия и св. Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства Московско-

* См. у Иконникова. Т. I. Киев, 1915, стр. 573. Изречения преп. Максима взяты у E. Denisov. M. le Grec. Paris-Bruxelles. 1943, стр. 305–320.

** Ч. М. 20 февраля.

*** Ч. М. 9 января. 3 июля и 5 октября

го, другой самую жизнь, обороняя его от внешних врагов. Св. Филипп отдал жизнь в борьбе с этим самым государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиняться высшему началу жизни^{*}. Таково значение его подвига. С точки зрения нашей работы, нас интересует остающееся в тени лицо святого, как безмолвника и созерцателя. Ибо, не будь этой внутренней подготовки, личность святого не была бы окружена таким ореолом беспорочного кристального сияния. Здесь мы не видим господства страстей. Нет ни единого диссонанса. В этом разница с патриархом Никоном – тоже пострадавшим, защищая независимость Церкви. Но история дает нам образ его с его слабостями и недостатками, которые были тоже отчасти виною его злостраданий... Но не то Филипп.

Феодор Колычев покидает мир, а с ним и должность свою при московском дворе 30 лет от роду. В Соловки он приходит приблизительно в 1538 г. «Феодор не пожелал открыть своего мирского звания ради смирения и прошел обычный суровый путь монастырского трудничества: “дрова убо секий и землю копая в ограде (огороде) и камень пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяща”» Приходилось ему переносить испытания и более тяжкие для его смирения: «Многажды уничижаем и бием от неразумных», не гневался и с кротостью переносил все. Через полтора года пострижен и наречен Филиппом. Но «ангельский образ не отменил его тяжелых трудов. Филипп нес послушание сначала на поварне, потом на пекарне, рубил дрова, носил воду, топил печи. Эти годы он находился в послушании у иеромонаха Ионы «дивного старца», который в юности был учеником преп. Александра Свирского, тогда уже прославленного. Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, постигнув литургическую науку, не был поставлен ексκληсиархом-наблюдателем за чином богослужения^{**}. Любовь к своему старцу Филипп сохраняет в течение всей жизни и даже в смерти желает покоиться рядом с ним: при постройке Преоб-

^{*} Федотов Г. Филипп, митрополит Московский Париж. 1928, стр. 9.

^{**} Там же, стр. 60–61.

раженского собора, он сам ископал себе могилу рядом с могилой для старца, в которую и был положен «лета 7076 (1568) инок Иона Шамин» – его старец. Пройдя путь внешней аскезы, инок Филипп вступает в следующий этап духовной жизни – созерцательный подвиг. Он уходит в лесную пустыню: «Тамо к Богу ум возвысив, в молитвах упражняшесь». В этом уединении отшельник провел «не мала лета». Потом вернулся к обычным трудам. Состарившийся игумен пожелал передать Филиппу бремя своей власти. В 1540 г. Филипп рукоположен в Новгороде в священный сан и возведен в игумены. Однако, вернувшись, он не сразу заменил прежнего игумена, который остается еще некоторое время у власти. Филипп использует это обстоятельство и уходит в затвор*. Это поможет ему перед началом своего общественного служения достигнуть полной внутренней собранности подобно тому, как Христос 40 дней провел в пустыне перед своим выходом на проповедь. Мы знаем, что упражнение в безмолвии дает подвижнику контроль над всеми чувствами. Во всеоружии добропобедного воина и вышел он на свое многотрудное служение, когда смерть престарелого игумена вынудила его принять бразды правления. Смиранный пустынный, став администратором, неожиданно выказывает доселе скрытые в себе черты гениальности. Все его восемнадцатилетнее игуменство свидетельствует, что он был одареннейшей натурой. Невозможно в кратких словах охватить всю полноту его кипучей деятельности. Упомянем только о постройке огромных каменных церквей, больницы и др. зданий, «пустынь» в лесах, маяков на берегу моря, подворьев в Новгороде и в Вологде, о расчистке лесов для

* Проф. Федотов так характеризует св. Филиппа: «Перед нами не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти... Не борец, а беглец». (Стр. 65–66). Но эпитет «честолюбивый деятель» вовсе не приложим к понятию святого, ибо все внутреннее делание состоит в борьбе со страстями и в искоренении их, в том числе честолюбия, тем более, что подвижник, стремящийся к созерцательному подвигу, при первой возможности должен уклоняться от внешней деятельности. Такой подвиг требует необыкновенно твердого и мужественного характера. Что мы и видим во всей жизни и мученическом конце м. Филиппа.

пашни, о ведении правильного лесного хозяйства, о скотоводстве, оленеводстве, о громадных гидротехнических работах, вызывающих изумление, всевозможных мастерских, кроме того, о промышленной деятельности, солеварнях, не говоря уже об управлении большими земельными областями. Творческую свою деятельность игумен Филипп прерывает уединением в пустыне для молитвенного подвига. В 1566 г. Филипп был вызван царем в Москву, где его ожидал «белый клобук и венец мученика». Каким самоотверженным и волевым явил себя Филипп в бытность свою игуменом, такой же героической личностью останется он и до конца своего подвига. По мере хода событий духовный облик его растет и крепнет. Митр. Филипп не перестает увещевать грозного царя и наедине, и всенародно, проявляя исключительное мужество и ясно сознавая, что каждым словом против действий царя и опричнины он подписывает себе смертный приговор. Из истории мы знаем дальнейшее. Приведем лишь один характерный случай, указывающий ту высоту совершенства, на которую взошел святитель. По свидетельству Курбского: «Сие воистину слышал от самовидца, – говорит он, – с Филиппа падают оковы, и голодная медведица не смеет делать ему зла... – и обретоша его цела на молитве стояща, зверь же, в кротость овчу преложившись, во едином угле лежаща». Такую победу над тварью мы встречали уже не раз в житиях созерцательных подвижников, достигших бесстрастия. Исаак Сирский поясняет в таких словах это явление: «Смирennemудрие есть риза Божества... Посему тварь словесная и бессловесная, взирая на всякого человека, облеченного в сие подобие (смирennemудрие), поклоняется ему, как владыке, в честь Владыки своего, которого видела облеченного в это же подобие и в нем пожившего»*.

Сообщим одну подробность, не вошедшую в историю и касающуюся последних земных часов митр. Филиппа. Настоятель храма из села, находившегося в вотчине Колычевой, сестры митрополита, о. Алексей, вместе с своим причетни-

* Твор. Исаака Сириянина. Св.-Тр. Сергиева Лавра. 1898, стр. 234–235.

ком Лаврентием в самый канун смерти святого узника пришли проведать его и выразить ему общую любовь. Отпуская их, митрополит дал благословение всему роду и потомству их на веки веков до самого Страшного Суда Господня. Но при этом предрек, что они сами не преполовят и завтрашнего дня. Слова его сбылись. В летописи Тверского Отроча монастыря до последнего времени хранилась запись об этом событии: иерей Божий был обезглавлен, а причетник «биен бысть многи патоги»* и повешен. Через несколько веков потомство этих мучеников: род Петропавловских и род Вытчиковых соединился во единую ветвь. И эта вдвойне благословенная ветвь давала крепких духом церковных людей. Ими и подобными им неведомыми «миру» рабами Божиими стояла и держалась Святая Русь**.

XVII ВЕК

На Западе начиная с эпохи Ренессанса (XV в.) происходит смена идеологических установок. Готический период истории (гармонический эон) сменяется временами гуманизма (эон Прометеевский, Шубарт). Бурная переходная эпоха полна великих открытий, событий и потрясений.

Не избежала духа времени и Русь. В XVII веке «равновесие было потеряно, сдвинуто с места, и самая душа сместилась». Это век сдвигов, смуты и раскола. Век заката «Святой Руси» и великой идеи «Москва – III Рим».

Рассмотрим подробнее происхождение этой идеи, имевшей столь глубокое значение в русской идеологии, корнями своими уходившей в историю Древней Византии.

В те далекие времена средневековья и ранее, когда создавалась идеология Византийской Империи, жизнь была неотделима от религии. Тогда царила цельность мироощущения и миропонимания. Все освящалось Церковью: преображенному

* Патогии - палки по местному наречью.

** Запись со слов ныне здравствующей старицы Е. А. В., потомка этого рода.

православному «государству, царству, народу вручались величайшие вечные заветы, служение, входящее в план Божественного мироправления. Оно имеет вечное значение. Поэтому власть государственная установлена Богом, она служит целям Царствия Божия и ответственна перед Богом за приведение управляемого ею народа в чистой, неповрежденной еретиками вере к порогу Царства Христова грядущего»*.

В этом теократическом государстве в основу управления была положена идея симфонии, или гармонического сочетания двух властей: царской и патриаршей. Каждый в своей области – царь в светской, патриарх в духовной, должны стремиться к осуществлению единой высшей цели. «Есть два великих блага – дары милости Всевышнего людям – священство и царство» (6-я новелла Юстиниана). Они дополняют друг друга: одному вверено Творцом «забота о душах», другому «управление плотью»**.

Императорский сан является особой формой церковного служения, Церковь осватила эту власть таинством, сообщив ей духовное значение и каноническую основу. Преподавалась особая благодать Св. Духа, та, о которой говорилось еще в Ветхом Завете***. В таинстве миропомазания, когда царь помазуется «великим миром», он поставляется царем и самодержцем всех ромеев, т.е. всех христиан****. «Богом помазанный» император прежде всего «должен сохранять в целостности чистую веру христианскую и охранять от всех волнений состояние святой католической и апостольской Церкви»*****.

«Православный “василевс” есть канонический полномочный попечитель Церкви, защитник неповрежденных догматов и всякого благочестия. Он один несет этот вселенский право-

* Карташев А. В. «Святая Русь в путях России», стр. 7, 8.

** Шмеман А. Судьбы виз. теокр. Пр. Мысль, 1947, стр. 131.

*** «И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после» (I Пар. 18, 36).

**** Из поел. П. Антония вел. кн. моск. Вас. Дм., митр. Макарий. Ист. Рус. Церк-ви. СПб., 1868. Т. V. Стр. 469.

***** Шмеман А. Судьбы виз. теокр. Пр. Мысль. Париж, 1947, стр. 132.

славный сан для других православных народов»*, и по Иоанну Златоусту имеет особое мистическое значение в мире, как «удерживающий» свершение той «тайны беззакония, которая уже в действии» (II Фес. 2, 7).

Итак, империя имеет православную миссию и император и есть прежде всего символ и носитель этой миссии. Должное служение в царском сане расценивается Церковью как великий, трудный подвиг, и поэтому император может быть причислен к лику святых «именно, как император, как Богопомазанный возглавитель христианской империи»**.

С момента утверждения мировой христианской империи центр мировой жизни переместился из Древнего Рима в Константинополь – Новый Рим.

С необычайной легкостью восприняла Русь от Византии Православие и вместе с ним и ее мировоззрение. Сама того не подозревая, Византия готовила себе в русском народе исторического преемника. С момента политической гибели Восточной Империи Русь принимает на себя ее миссию избранного Православного Царства, «Нового Израиля», и таким образом центр Православия переходит в Москву – **III Рим, заменив собою II – павший. Под влиянием Православия и идеи «Третьего Рима» – «Святой Руси» выковывается могучий культурно-исторический тип русского народа, который и начал созидание великой Империи***.**

Вначале все содействовало успеху. Государство увеличивалось и укреплялось: в XVI в. завершается «собрание

* Карташев А. В. Святая Русь в путях России. Париж, стр. 8.

** Шмеман А. Догматич. союз. Прав. Мысль. Париж, 1948, стр. 178.

*** «Не было еще в истории примера, чтобы народ, создавший свою культуру на почве одного вдохновения, одного идеала, в расцвете сил своих переменял этот идеал и начал творить столь успешно новую культуру, на новую тему. Нет. Народы в свою органическую эпоху воплощают свой дух только в одну, свойственную им форму, и так сказать, обречены пережить свой исторический век в ней, ее развивая, обогащая, видоизменяя, но не заменяя ее и не изменяя. Измена ей – культурное самоубийство, или этническая старость, обесценивание народа», таким образом, Русь, приняв на себя миссию православного государства, определила свой исторический путь. Проф. Карташев. «Св. Русь в путях Рос». Париж, стр. 16.

земли» и покоряются Казань, Астрахань, Сибирь. Происходят реформы централизации Иоанном Грозным и митрополитом Макарием. Блеск и сила Москвы вызывают царское венчание и установление патриаршества. Но Русь ждали тяжелые испытания. Корни их можно искать в том, что, хотя Русь и поднялась в XV веке до «высоты вселенской ответственности за судьбы всего Православия», но культурные, просветительные ее силы тогда еще не соответствовали величию ее призвания*. Жестокий разгром Новгорода Иоанном Грозным с его культурой, вышедшей из античного зерна, а также уничтожение высшего образованного класса, носителя старых устоев и традиций, изменяет прежний образ и лик Древней Руси. Этому способствовало и покорение восточных царств, которое как бы ориентировало русскую жизнь в новом направлении. К Азии переместились торговые пути и жизненные центры, и самые нравы окончательно сложившегося государства приобрели азиатский оттенок, более от победы, чем от предшествовавших поражений**. В духовной жизни разрыв с Византией вызывает ослабление святоотеческой традиции, в подвижничестве забывается «внутреннее делание», подвиг приобретает более суровый и внешний характер, но общий духовный уровень монашества значительно снижается. Большие монастыри обращаются в привилегированные весьма благоустроенные общежития с богатым питанием и частыми изысканными «кормами» на помин души. Прежнее напряженно-аскетическое житие уступает место «благобыту» и «культовому благочестию, согласно специфически русскому пониманию православного благочестия» (Проф. Карташев). Быт, черпавший свои силы в благотворном влиянии монастырей, таким образом теряет свою духовную основу и опору, и в результате общая духовная сопротивляемость страны ослабевает. С другой стороны, в эпоху смутного времени усиленно вливаются латинские воздействия и западные влияния.

* См. Карташев А. В. Св. Русь в путях. России. Париж, стр. 17.

** Грабарь Игорь. Вып. 21. Москва, стр. 313 и 314.

XVII век открывается смутой, из которой народ выходит изменившимся, взволнованным, недоверчивым от неустойчивости. Все двойится и мешается, цельность и устойчивость утрачены. Меняется психология, мировоззрение, Богословие, старина и быт поколеблены, их надо восстанавливать, чувствуется бытовой распад, надо установить норму, обряд, образец. Хотят установить «исправные книги» богослужебные по древнему образцу. Открывается невероятная трудность этой задачи, которую, как кажется, можно разрешить только властью, чтобы строгий и единообразный чин прекратил «качание мира».

Патриарх Никон стал властно и торопливо проводить реформу, но реформа не идет гладко: и «качание» не прекращается. Главная острота Никоновой реформы была в отрицании старорусского чина и обряда с заменой его новогреческим, а заодно осуждается Стоглавый Собор, прошедший под знаком собрания старины русской*.

Проф. прот. Георгий Флоровский стремится проникнуть в глубинные причины раскола. Патриарха Никона обвиняют в том, что он разорил старину. Но сущность волнения была не в этом. Отстаивая независимость и свободу Церкви в борьбе с руководящими церковными кругами, патриарх Никон опирался на идею превосходства «священства» над «царством», основываясь на отеческом учении о «царстве», главным образом, Иоанна Златоуста. И это глубоко взволновало старообрядцев. Раньше был III Рим – благодатное, священное житие, священное «Царствие», и оно осуществлялось в царстве, а не в Церкви: царство и Церковь сливались. И вдруг Никон говорит, что священство выше царства, следовательно, между царством и священством нет полного единства, это не одно и то же, нет единого начала в жизни, а их два.

И действительно, в симфонии признаются два разнородных начала: светское и церковное, Кесарево и Божие. Церковь не от земли, но от Бога, государство же – это устройство земной жизни и создается творческими силами человека. В симфонии государство признает закон Церкви основным за-

* Флоровский Георгий. Пути Русского Богословия. Париж, 1937, стр. 58.

коном жизни, высшей ценностью и стремится служить ему, провести его в жизнь. Но симфония только задание, которое свершается в становлении, это только начало жизни, исповедание высшего начала и желание служить ему. Соблазн старообрядческого раскола в том, что, поняв ценность симфонии и правильно полюбив православное царство, он так любил его, что оно стало казаться спасительным «Царствием», и он забыл Церковь*.

Симфония – гармоническое сочетание двух начал жизни: естественного и вышеестественного: мира сего и мира Божия, при симфонии они живут нераздельно, но не могут быть и слиты: всегда будут два закона: естественный и преестественный.

Соблазн раскола обещал слить их воедино так, чтобы был один только закон: царствие в царстве. Раскол ищет священный ритм, чин, или обряд, ритуал жизни, видимое благообразие и благостояние быта, ищет «типикон спасения». Это теократическая утопия, теократический хилиазм, мечта о граде земном. Староверов встревожило больше отступление царя, чем деятельность Никона. Если царь неверен «царству царствию», то кончен III Рим, а IV-му не бывать, жизнь стала безблагодатной, жизнь не будет «житием». Раскол есть отрыв от соборности, исход из истории. Благодати нет, нет Церкви, нет благодатной жизни. Остается усердие. Отсюда снова культ быта**.

Прекращение культурно-просветительных воздействий Византии с момента разрыва вызывает в русской среде замкнутость и застой как умственный, так и во всех областях жизни, образуя в длительном процессе снижение культурного уровня по сравнению с прошлым, вызвав сильное падение общей грамотности. Между тем как Запад далеко ушел вперед. Заимствовать образованность приходилось оттуда. Западные, а вместе с тем католические влияния стали проникать с юга, через Киев, где при организационной деятельности Петра Могилы уже окончательно завершается «острая романизация Православия, его латинская псевдоморфоza, внутренняя ин-

* П. С. Л. Материалы к изучению Св. Руси. Правосл. Русь. 1941. № 4.

** Флоровский Георгий. Пути Русского Богословия. Париж, 1937, стр. 49.

токсикация (отравление) религиозным латинизмом»*. В Киеве развилась значительная ученость, но в подражание Западу. В школе Петра Могилы преподавание велось по-латыни. Создалась западная школьная традиция, но уже лишенная творчества, так как между духовным опытом и мыслью образовался разлад. Вместе с киевской ученостью к нам проникает сильное и длительное влияние Запада.

Преп. Антоний Леохновский** († около 1613). Сын боярских детей Вениаминовых. Знаком с святоотеческой литературой, ссылается на слова Исидора Пелусиота и Антония Великого, становится отшельником. Плоть его почернела от подвигов. Он присоединяется к другому подвижнику священноиниоку Тарасию. Образуется монастырь. Иоанн Грозный желает его видеть и дает грамоты на рыбные ловли.

Преп. Евфросин Синозерский*** († 1612) создает обитель во имя Благовещения на берегу Синичьего озера. 19 марта 1612 г. предвидя духом приближение ляхов, он предупредил население. Встретил врагов в схиме у креста и был зарублен вместе с иноком Ионою.

Преп. Галактион Вологодский**** († 1612) в миру князь Гавриил Бельский, сын казненного Иоанном Грозным боярина. Его младенцем скрыли в городе Старице у сапожника, и он обучился у него этому ремеслу. Овдовев, он предается такой строгой аскезе, что заболевает. Однако продолжает свой затвор, и Господь посылает ему исцеление. Приняв постриг, он продолжает шить обувь, а деньги делит между церковью и нищими. Затем, он приковывает себя цепью к потолку таким образом, что мог спать только стоя на коленях. «Получив от Бога дар премудрости и слова утешения, назидал и утешал

* Там же.

** Ч. М. 17 октября.

*** Ч. М. 20 марта.

**** Ч. М. 24 сентября.

всех приходящих» (старчество). Два раза он вышел из затвора: один раз по повелению епископа на всенародный молебен о ниспослании дождя. Другой раз он явился в земскую избу и предсказал нашествие Литвы. Св. Галактион призывал к общему покаянию и однодневному построению церкви во имя Знамения Божией Матери. Но ему не вняли, и грозные предсказания святого сбылись в точности. Он сам был зарублен врагами. Чудеса от мощей.

Преп. Иринарх* († 1616) – это представитель чисто русского подвижничества. Жестокость его аскезы превосходит всякое воображение. Во Христе юродивый Иоанн Большой Колпак говорит ему: «Бог дает тебе коня, и на том коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на твоём коне вместо тебя». Прозорливостью Иринарх отличался еще до начала своего подвига. Еще младенцем он заявляет, что будет монахом и будет носить железа. Он видит, будучи юношей, за 300 верст погребение своего отца. А впоследствии он так же таинственно, во время пения Херувимской, узнает о кончине своей матери. Место его подвигов – Борисоглебский монастырь на Устье под Ростовом. Видя босого странника, он отдает ему свою обувь и молит Бога о терпении и о ниспослании теплоты своим ногам. С тех пор он ходит босой. За крайность аскезы игумен его немилосердно наказывает голодом и холодом. Ему запрещают присутствовать в храме, и он уходит в другой монастырь, где его назначают келарем. Желая избежать почета, он затворяется в третьем монастыре, но оттуда его призывают вернуться на свое «обещание» в Борисоглебский монастырь. Вернувшись туда, он приковывает себя к цепи и 25 лет несет свой сверхчеловеческий подвиг. После старца Иринарха осталось «праведных трудов» его: 142 креста медных, 7 трудов плечных, цепь в 20 сажень, которую он носил на шее, путы ножные, 18 железных оковцев, которые он носил на руках и на груди; связни, которые носил на поясе, весом в 1 пуд, палка, которой смирял свое тело и прогонял невидимых бесов. Эти «труды» становятся целебными. Касаясь их, люди исцеляются. Преподобного снова

* Ч. М. 13 января.

выгоняют из монастыря и снова зовут обратно. Возвратившись вторично, святой стал старчествовать: «Всех приходящих учил заповедям, отводя их от грехов и обличая тайные согрешения». Он горит любовью к родине, что является одной из типичных свойств русской святости. В сонном видении ему показано грядущее разорение России от нашествия Литвы. Когда он пробудился, послышался голос: «Поди к Москве и поведай, что все так и будет». Повеление повторилось трижды. Преподобный отправляется в Москву и возвещает свое пророчество царю Василию Шуйскому. В Москве он пробыл 12 часов. Не взял даров от царицы, хотя царь уговаривал его: «Возьми ради Бога». Во время нашествия Литвы являются в его монастырь польские паны и испытывают его веру: «Я верую во Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа», – говорил им старец. «А земного царя кого имеешь?» – «Я имею Российского царя Василия Иоанновича: живу в России, Российского царя и имею. Вере своей и Российскому царю не изменю». То же повторяет он и Сапеге: «Я в Российской земле рожден, за Русского царя и Бога молю». Сапеге он велит идти домой, иначе будет убит (что вскоре и сбылось). Сапеге выдает ему 5 рублей на милостыню и запрещает грабить монастырь. Подобно преп. Сергию, преп. Иринарх является заступником перед Богом за Русскую землю. Он зорко следит за всеми событиями и несет служение пророческое. После победы под Калягином старец посылает князю Михаилу Скопину Шуйскому свой крест и просфору со словами: «Дерзай, и Бог поможет тебе». То же самое повторяет он, когда князь был озабочен тем, что неприятель снова начал собираться против него из-под осажденного Троицкого монастыря и из-под Москвы: «Дерзай и не бойся: Бог тебе поможет». Вступив в Москву, князь возвращает преподобному его крест и присылает дары.

Здесь великого старца постигает последнее жестокое испытание: звероподобный и пьяный игумен с 5-ю монахами выбрасывают его из келии, причем ломают ему руку. Господь заставил игумена опомниться, а к преподобному был глас, возвещающий скорое небесное воздаяние: «Ангелы дивятся

твоему терпению». Но жизнь святого еще нужна истерзанной родине. Теперь он воодушевляет князя Пожарского. «Старец Иринарх, за всем следивший и все понимавший, – говорит житие, – послал князю Д. М. Пожарскому свое благословение и просфору и велел идти под Москву со всем войском, не боясь Ивана Заруцкого: “Увидите славу Божию”, – наказывал старец сказать князю. Князь был рад словам старца, без страха пошел всей ратью к Москве и остановку сделал в Ростове. Отсюда Пожарский и Косьма Минин нарочно отправились в Борисоглебский монастырь, чтобы лично получить благословение от старца Иринарха. В 1613 г. преподобный благословляет князя Лыкова, который выступает против грабительской шайки. Слезами и подвигами преп. Иринарха настал на Руси желанный покой».

Но преп. Иринарх был не единственным в своем священном патриотическом подвиге. Его имя, как и имена патриархов Ермогена и Филарета, архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына, являются не только именами церковных подвижников, но и великих российских граждан, вместе с князем Пожарским и Косьмою Мининым... То была Святая Русь.

Преп. Макарий Жабынский* († 1623) «возгородитель», возобновитель Жабынской обители.

Вассиан Тиксенский** († 1624) проходит путь начальной аскезы под руководством «опытного старца» при отречении от своей воли и послушании воле руководителя. Затем удаляется на р. Тиксу и местный церковный приход отводит ему место для постройки кельи. В эту келью входил к нему только духовник. С посетителями Вассиан беседовал через окошечко. Его посещает игумен обители и благословляет носить цепь на руках и на ногах оковы, на чреслах железный обруч и надеть на голову железную шапку, которую он прятал под клобуком. Никто не знал, какой тяжкий он нес подвиг. Дни и ночи проводил он в коленопреклоненной молитве. Вскоре после его кончины ему стали служить молебны, творились чудеса.

* Ч. М. 22 января.

** Ч. М. 12 сентября.

Диодор, или **Дамиан Юрьегорский*** († 1633). В тот век, когда созерцательные подвижники стали редки, а «нестяжатели» и вовсе перестали встречаться, преп. Диодор, как и его современник преп. Елеазар Анзерский, являют собою яркий пример того и другого. Преп. Диодор постригся в Соловецкой обители. Под влиянием рассказов своего отца, тоже инока, о житиях отшельников, после его кончины ушел он в лес. Сорок дней он питался травой и росой и совершенно изнемог. Его подобрала братия, собиравшая ягоды, думая, что он уже умер. Диодор опять уходит и поселяется в брошенной келье. Вскоре он встречается и с другими пустынноиками. Однажды зимою он увидел нагого мирянина Никифора-Новгородца: «Посещай, посещай, Диодор, чтобы тебя самого посетил Бог», – сказал Никифор и убежал. Диодор встретил еще более совершенной жизни отшельника Тимофея, родом из Алексина, ушедшего в пустыню в царствование Лжедмитрия. В малой ладье приехал Тимофей к острову, углубился в пустыню и построил там малую хижину. В течение трех лет терпел он искушения и голод, пока явившийся светообразный муж не указал ему на воду и на траву для питания. Живя между пустынноиками, Диодор не теряет связи с монастырем, откуда он приносит отшельникам пищу. К ним присоединяется больничный келарь Кирик. Побег келаря из монастыря был той каплей, которая переполнила сосуд... Монастырь отрядил стрельцов, пустынноиков переловили (числом 10). Хижины их разорили, Диодора заковали и бросили в больницу как главного виновника. Монастырь считал, что уход в пустыню причиняет ущерб общежитию. Тут сказывается антагонизм, как и на Афоне, между анахоретами и киновиотами. Преп. Диодор вновь убегает. Он уплывает морем на ладье. Вначале он избрал себе место на Кенозере, но там его избili жители. Оттуда он перебрался к Завадлому озеру на гору Юрьеву. Место было красивое и удобное для отшельничества. Семь лет подвизался он один, потом с иноком Прохором. Диодору явился светолепный муж и повелел построить три храма. Это

* Ч. М. 27 ноября.

явление повторилось трижды. На его сомнения, откуда взять средства, ему было велено обратиться к Троицкому келарю Александру (Булатникову), человеку знатному, восприемнику царских детей. Диодор нашел келаря в Москве, который не только лично помог, но и представил преподобного инокине Марфе, матери Царя. Были отпущены нужные суммы. Также дано было письмо к митр. Киприану в Новгород, дававшему священника. Три храма были построены, собралась братия, возникла обитель. Но преподобный как истинный нестяжатель не приобрел никакой недвижимости. В момент нехватки средств к жизни и ропота братии помощь являлась, как и у прочих этого типа святых, чудесным образом. Так явившийся Диодору преп. Александр Ошевенский велит ему закинуть невод. Чудесный улов спасает положение. Второй раз то же повеление исходит от иконы Божией Матери. В следующий раз в тяжелую минуту ловят они забежавшую к ним черную лисицу, продав которую, получают хлеб. Умножение братии заставило их рубить лес и пахать землю.

Преп. Елеазар Анзерский* († 1656). Его житие написано около 1700 г. Кроме того, в копии сохранились автобиографические сведения. Он был писатель и книголюб. Вначале Елеазар уходит в Соловецкую обитель, но охваченный жаждою безмолвия, удаляется на пустынный Анзерский остров, в 1616 г. принимает схиму, строит часовню и келью. Вскоре к нему стекаются подвижники. Преподобный устанавливает для них древний скитский устав по примеру Святых Отцов. «Кельи безмолвных пустынников, – говорит житие, – поставлены были в версте одна от другой. В субботу вечером и накануне праздников собирались они для общей молитвы, в которой проводили всю ночь и следующий день. Совершив праздничное или воскресное пение, расходились по кельям для Богомыслия. Молитва, песнопение, пост и ручной труд по силам составляли их обычное занятие. Все свои искушения они открывали преподобному старцу, как опытному наставнику и пользовались его советами. Сам преп. Елеазар,

* Прав. Соб. 1859, ч. II, стр. 75.

обладая от природы крепким здоровьем, носил железные вериги и предавался усиленным трудам, как духовным, так и телесным: то коленапреклоненно подолгу молился, то рубил и носил дрова, то, наконец, переписывал книги». «Преподобный отец наш Елеазар поживе лета многа, – говорит вкладная книга, – и братии своей патерик о уставе и о благочинии скитском положи и **старчество** и иные книги своею рукою написал»*. Все эти книги положил он вкладом в церковное книгохранилище. Не ограничиваясь только собственноручным списыванием и составлением книг, много покупал их на деньги или приобретал через пожертвования и, таким образом, положил основание Анзерской библиотеке. В своей подвижнической жизни преп. Елеазар не раз подвергался искушению врага. Однажды последний явился в образе инока, будто бы присланного за преподобным из Соловков. Но сей мнимый инок исчез при чтении молитвы Господней. Также и видимые враги-грабители хотели совершить нападение, но у них отнялся разум, и они кружились вокруг кельи, пока их не выручил сам же преподобный. В житии приводятся случаи его прозорливости. Слава его достигает Москвы, и царь Михаил Феодорович вызывает его туда и требует молитв о даровании ему наследника и не выпускает до рождения Алексея Михайловича. Обрадованный царь предлагает святому власть и почести, но последний стремится только в пустыню и увозит лишь дары для храма. Его вызывает вторично в Москву уже Алексей Михайлович. Царь выдает ему грамоту, украшенную золотом, об отпуске из казны всего потребного для церковных нужд, а также издает указ о создании в скиту каменной церкви. Постройка ее была начата еще при покойном царе, но была временно приостановлена, так как Елеазар хотел выстроить храм гораздо больших размеров, чем позволяли тогда ему средства. В этом преп. Елеазар отличается от преп. Нила Сорского – такого же исихаста, устроителя скитской жизни и писателя: Нил Сорский выбирает мрачную местность для своего поселения, и храм должен быть у него

* Ч.М. 13 января.

только деревянный, чтобы ничем внешним не отвлекаться от внутренней сосредоточенности и созерцания, тогда как Елеазар, эстет по природе, любит все прекрасное, и храм у него должен быть величественным. Он не дожил до конца постройки. Незадолго до смерти преподобному пришлось еще претерпеть тюремное заключение от Соловецкого начальства за отстаивание независимости своего скита. Тут мы видим тот же антагонизм, что и в житии преп. Диодора между двумя родами монашества. По кротости Елеазар не жаловался царю и был спасен вмешательством Двинского воеводы.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАДО БЛАГОДАРИТЬ БОГА, СО СЛОВ ПОСЛЕДНЕГО ОПТИНСКОГО СТАРЦА О. НЕКТАРИЯ*

«Преподобный Елеазар был из наших краев, – поведал нам о. Нектарий, – из мещан он происходил Козельских. Богоугодными подвигами своими он достиг непрестанного умиления и дара слез. Вот и вышел он как-то раз ночью на крыльцо своей кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей Анзерский скит природы, озаренной дивным светом северного сияния, умилился до слез и вырвался у него из растворенного Божественной любовью сердца молитвенный вздох: “О, Господи, что за красота создания Твоего. И чем мне и как, червю презренному, благодарить Тебя за все Твои великие и богатые ко мне милости?”

И от силы молитвенного вздоха преподобного разверзлись небеса и духовному его взору явились сонмы светоносных сил бесплотных, и пели они великое славословие ангельское: “Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение”. И голос незримый поведал преподобному: “Этими словами и ты, Елеазар, благодари твоего Творца и Создателя”».

* Троицкое слово. 1909.

Преподобными Диодором и Елеазаром заканчиваем мы наш цикл святых периода Древней Руси. В лице их перед самым уничтожением монашества и секуляризацией еще раз Господь воздвигает преподобных, чертами своими напоминающих древних пустынников.

Так было на Московской Руси. Но скажем несколько слов о юго-западном монашестве этого периода (XVII в.), где также встречаются черты созерцательного подвижничества. **Иов** (Княгиницкий, † 1621, не канонизированный) долго подвизался на Афоне и, вернувшись на родину, основал ряд монастырей, и между ними Угорницкий. **Иов*** (Железо, † 1651) полагает начало в Угорницком монастыре. Сам основывает знаменитую Почаевскую лавру, которой управлял в течение 50 лет. Был защитником православия и русской народности. **Дмитрий**** (Туптало, 1651–1709), с 1703 г. – митрополит Ростовский, Боговдохновенный писатель, составитель Четьи-Минеи по: 1) московским минеям митр. Макария, 2) греческим и латинским источникам, 3) русским житийным материалам и проч. Он также был творцом и других духовных произведений. Будучи созерцательным подвижником, он учил непрестанной молитве и умному деланию. Стиль его живой и легкий, вдохновенный. Вот одно из мест его из «Алфавита Духовного»: «Почему не сделается для тебя сладким пресвятое Имя Господа Иисуса? Почему не разжется и не распалится окамененное сердце твое? Почему предпочитаешь обольстительную мрачную суету радостному пресладкому зыванию ко Господу? Зачем предпочитаешь окаянную ослабляющую лень усердному и теплomu восклицанию к Богу? Взывай, зывай, не ленись, восклицай к Нему тщательно, не чувствуя усталости. Не давай сна очам твоим, и зеницам дремание, пока не обрящешь Искомого, и не получишь желаемого, и не соединишься с Присносущим»***.

* Ч. М. 28 октября.

** Ч. М. 21 сентября.

*** Алфавит Духовный. Москва. 1909, стр. 242.

III. Краткий обзор последующей эпохи (XVIII–XX вв.)

Эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходявшие оттуда учить народ, их понимавший, эти образованные сельские приговоры, эти городские вечы, это раздолье русской жизни, которое сохранилось в песнях, – куда все это делось? Как могло это уничтожиться, не принеся плода? Как могло уступить насилию чуждого элемента? Отчего должно было торжествовать иностранное, а не русское начало?

Киреевский, 1838

ПЕРИОД ГОНЕНИЯ МОНАШЕСТВА (XVIII В.)

В начале XVIII столетия наступает для монашества вековой период гонений. Закончилась эпоха Московской Руси, прошедшая под знаком симфонии, сотрудничества Церкви и государства. Теперь же под влиянием гуманизма появляются новые идеи «естественного права». Целью государства является теперь достижение здесь, на земле, «всеобщего блага». Осуществлению этого блага должна подчиниться и Церковь, как и все государство. Власть светская становится самодовлеющей, все исключаящей. Так возникла система абсолютного государственного верховенства над Церковью. Петр I тщательно изучил церковное управление в протестантских странах и ввел его у себя по образцу скандинавских государств. Управление Церковью стало не церковным, а государственным, духовенство отныне несло службу «духовного чина», оно обязано доносить о грехах против государства и не должно иметь влияние на народ, запрещается посещать дома прихожан в праздники. Особенно

резки меры против монастырей. Петр именует их «гангреной государства», а монахов считает тунеядцами и плутами, монахам не разрешается иметь в кельях бумагу и перья. Монастырская колонизация отменяется, даже в Сибири. В числе других монастырей закрывается в 1724 г. Оптиная Пустынь. За указами Петра, направленными против монастырей, следуют указы Анны Иоанновны и особенно указ Екатерины II 1764 г. Этот год является черным годом для монашества. Святитель Арсений Мациевич, протестовавший против изъятия церковных ценностей, лишается сана и умирает в Ревельской тюрьме. Монастыри обезлюдели. С момента отнятия земель и вотчин богатые обители обеднели до крайности, а средние закрылись. Во многих монастырях церкви нередко стояли без глав и крестов. Крыши их прорастали мхом, кельи, подкосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушены. Отсутствовали иеромонахи, и приходилось приглашать белого священника. В монастырях доживали престарелые и больные, но иногда все «разбродились розно» и монастырь закрывался уже сам собою. Обездоленное и обескровленное монашество являло теперь жалкую картину распада. Назначенный благочинным игумен Валаамского монастыря Назарий в 1795–1796 гг. жалуется на общее бродяжничество монашествующих. Но еще в 1786 г. и сам митр. Гавриил делает распоряжение, чтобы монашествующие «по дворам не шлялись». Настоятели обычно смотрят на свою должность как на источник дохода. Пьянство является общим бичом*.

Для поверхностного взгляда могло казаться, что монашество уже окончательно погибло. На самом же деле из векового периода гонений иночество вышло очищенное и обновленное в прежней своей духовной красоте. В эту эпоху, когда преследовалось духовное начало, когда монастыри пустели, духовно одаренные натуры должны были замыкаться внутри себя, уходить в скрытую для мира внутреннюю жизнь. Таким образом, где-то в глубинах должно было сохраняться и истинное понятие о духовном подвиге, и в незаметных углах созревали духом Божии избранные, в тайном подвиге выковывавшие силу

* См. Христ. Чт. за 1901 г. II ч., стр. 500 и др.

духа, благодаря которым и могла с окончанием гонений возродиться истинная монашеская жизнь. Но жития подвижников периода гонений не были еще до сих пор изучены с должным вниманием и не было канонизаций, кроме нескольких святителей. Между тем число святых было не малое. Упомянем двух одноименных подвижниц, имевших отношение к возрождению русских монастырей и в том числе Оптиной Пустыни. Старец Досифей, подвизавшийся в Киеве и благословивший преп. Серафима Саровского на иноческий подвиг и давший ему заповедь о непрестанной памяти Божией и творении Иисусовой молитвы, был в действительности девицей, в миру Дарьей Тяпкиной из дворянского рода Рязанской губ. (род. в 1721 г). По обстоятельствам времени она была вынуждена в одежде инока скрываться в пещере близ Китаевской пустыни. Благочестивая имп. Елизавета Петровна лично посетила подвижницу и приказала ее постричь, иными словами узаконила ее существование. Тайну свою старец Досифей сохранил до конца своей жизни. В последние годы у блаженного «старца» келейничал Феофан (позднее архимандрит, настоятель Новозерский), которого старец Досифей направил в Молдавию – центр духовного возрождения, возглавленного Паисием Величковским. Там Феофан приобрел знакомства и связи в мире истинных подвижников. Вернувшись в Россию, Феофан застал еще в живых старца Досифея и был при нем до его блаженной кончины*. А вскоре ему привелось келейничать у митр. Гавриила С.-Петербургского, которому он и рекомендовал известных ему подлинных подвижников и делателей духовной молитвы в настоятели возобновляемых обителей. Таким образом, создались очаги, откуда распространилось общее возрождение монашества.

Другая блаженная инокиня того же имени – Досифея, по общему мнению княжна Августа Тараканова, законная дочь императрицы Елизаветы от ее брака с Разумовским, была пострижена насильно в 1785 г. императрицей Екатериной II и пребывала в затворе в Ивановском монастыре в Москве. Оптинский настоятель арх. Моисей, тогда еще послушник,

* Жизнеоп. отеч. подв. благочестия. Сентябрь. Москва. 1908.

бывал у нее, пользовался ее наставлениями и видел у нее в келье акварельный портрет императрицы Елизаветы. Монахиня Досифея направила его к наместнику Новоспасского монастыря иеромонаху Александру и его другу арх. Филарету – ученикам Паисия Величковского. Там был один из тех центров, откуда распространялось умное делание. Затем, по совету матери Досифея, будущий оптинский настоятель отправился в Саров, где тогда подвизался преп. Серафим, давший ему драгоценные наставления*.

И вот, после строгой и суровой зимы начинают пробиваться из недр земли новые молодые побеги свежей растительности. Пролился теплый, благодатный дождь, повеяло Духом, началось Воскресение. И яркая благоуханная весна вступила в свои права.

Две сильные личности дали толчок этому возрождению: архимандрит Паисий Величковский за пределами России возобновил учение о духовной молитве, а преосвященный Гавриил, митрополит С.-Петербургский, создал обители-питомники, откуда это учение могло распространяться. Переведенное Паисием Величковским и изданное в 1793 году митр. Гавриилом «Добротолубие» легло в основание этого Духовного движения. Это возрождение мы рассмотрим уже в следующем нашем исследовании «Оптина Пустынь и ее время.» Но и теперь бросим взгляд вперед и совершим общий обзор этой новой эпохи, так как она имеет органическую связь с предыдущей нами рассмотренной, что поможет ее лучше оценить уже в связи с общим ходом событий.

ВОЗРОЖДЕНИЕ В XIX В. И ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Итак, мы проследили на протяжении семи веков путь святых Древней Руси в их «стяжании Духа Святого». Византия на закате своих дней передала Руси огонь истинной веры, и Русь, несмотря на все испытания и искушения, выпавшие на

* Жизнеоп. Архим. Моисея. Москва. 1882, стр. 7.

ее долю, донесла этот огонь до наших дней. В этом великая заслуга Святой Руси, в этом ее миссия.

Одновременно мы видели, как целый ряд неблагоприятных исторических условий задерживал развитие русской образованности, но с ростом и укреплением могущества Русского государства стало крепнуть и развиваться и его просвещение, а в XIX столетии у нас начала созидаться и мощная культура, в чем великая заслуга этого века. И хотя эта культура выросла уже после Петровских реформ в полной зависимости от Запада, но должно было наступить то время умственной зрелости, когда мы в лице наших лучших мыслителей могли освободиться от подражательности и наконец осознать свои национальные силы, а также исторические цели и задачи России и выйти на самобытный путь. Этому раскрытию самосознания способствовал и тот духовный огонь, который несли нам святые наши с древних времен и который разгорелся ярким пламенем в эпоху духовного возрождения в начале XIX столетия, ибо то живительное начало, которое заключено в святоотеческом предании, в соприкосновении с любой областью мысли или деятельности сообщает им творческую энергию, дает жизнь всему.

Это возрождение имело всю полноту и цельность духовной жизни времен преп. Сергия и Кирилла Белозерского, а также сочетание отшельнического подвига внутреннего делания и служения миру, то сочетание, которое уже было значительно ослаблено в эпоху споров о нестяжательности Нила Сорского и Иосифа Волоцкого (См. «Характеристику XV века»). Особенной выразительницей этого возрождения была Оптина Пустынь. Как на вершине горы сходятся все пути, ведущие туда, так и в Оптиной – этой духовной вершине, сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемый изобилием благодатных даров, стяжанием Духа Святого, и служение миру во всей полноте, как его духовных, так и житейских нужд. К старцам в Оптину шли за утешением, исцелением, за советом, руководством, указанием. К ним шли те, кто запутался в своих житейских обстоятельствах, или в философских исканиях; туда стремился, как «олень на

источники вод» и тот, кто жаждал высшей правды. В этом источнике «живой воды» всякий утолял свою жажду. Выдающиеся мыслители эпохи, философы, писатели побывали там: Гоголь, братья Киреевские, Толстые Лев и Алексей, Достоевский, Соловьев, Леонтьев... всех не перечесать. Но ближе из них всех подошел к Оптиной Иван Васильевич Киреевский. Вначале равнодушный к вере, он пришел к Богу, благодаря жене – духовной дочери преп. Серафима и архим. Филарета Новоспасского. Впоследствии, став преданнейшим духовным сыном старца Макария Оптинского, Киреевский сделался его главным сотрудником по изданию святоотеческих творений. Дело это было событием первостепенной важности, и вот почему: в силу Духов. Регламента Петра I и указами 1787 и 1808 гг. печатание книг духовного содержания предоставлено было на усмотрение св. Синода, а согласно цензурному уставу 1804 г., они могли печататься только в духовных типографиях. Всего лишь одна аскетическая книга «Добролюбие» была напечатана в 1793 г. по распоряжению св. Синода*. Издавались же только богослужебные книги. Таким образом, читатель был лишен духовной литературы. Напр., Исаака Сирина можно было достать лишь в рукописи или в заграничном издании Паисия Величковского, и тоже как редкость. Тогда как светская печать породила большое количество переводных произведений западного лжемистического направления, и многие из них, печатавшиеся с дозволения гражданской цензуры, были прямо враждебны Православию. При таком положении вещей начало издательства святоотеческих творений было делом, имеющим историческое значение. Совершилось оно только благодаря покровительству мудрого митрополита Филарета Московского. Эта работа объединила вокруг себя духовно устремленные интеллектуальные силы. В ней участвовали профессора: Шевырев, Погодин, Максимович, писатель Н. В. Гоголь, братья Киреевские, издатель «Маяка» Бурчак, Аскоченский, Норов, А. Н. Муравьев и впоследствии

* История описания Козельской Оптиной Пустыни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1902, стр. 85.

Л. Кавелин (архим. Леонид), Карл Зедергольм (о. Климент) и Т. И. Филлипов*. Но центром этого дела была Оптиная Пустынь, душою же всего и инициатором и возглавителем был старец Макарий при ближайшем участии И. В. Киреевского, который служил и знанием греческого, и философских терминов. Он и жена держали корректуру, причем издания делались большею частью на их средства.

Таким образом, Иван Васильевич знал святоотеческое учение в совершенстве, знал в совершенстве он и Запад, и его культуру, получив высшее философское образование в Германии.

В его лице встретилась западная философская традиция с традицией восточной Церкви. Чем же разрешилась встреча этих двух враждебных начал?

В Оптиной Киреевский видел претворение в жизнь мудрости святоотеческой. Будучи философом, он почувствовал, что и высшее познание истины связано с целостностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Но это восстановление достигается внутренним подвигом, духовным деланием. И. Киреевский в своих философских исследованиях, а именно в учении о познании (гносеология), указал на внутреннюю зависимость (функциональную связь), познавательных способностей человека от духовного подвига, претворяющего естественное, низшее состояние умственных сил человека в духовный высший разум, связал философию с аскетикой**.

Будучи выучеником Запада, зная его в совершенстве, он сурово критикует его культуру. Запад зашел в духовный тупик. Духовная болезнь западной культуры – это «торжество рационализма». В этом ее сущность, как свидетельствует проф. прот. В. Зеньковский: «Обвинение в рационализме всего Запада возникло (еще) в XVIII в. на Западе же, как во Франции, так

* Все эти лица помимо литературных отношений пользовались и духовным руководством старцев. Гоголь писал в Оптину: «Ради Самого Христа молитесь: мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу и на месте своего странствия быть (духом) в Оптиной Пустыни». История описания Козельской Оптиной Пустыни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1902 г., стр. 102.

** Учение Киреевского о человеке и познании будет рассмотрено ниже более подробно.

и в Германии)*. Киреевский об этой болезни Запада говорит подробно: «Европейское просвещение достигло ныне полного развития, но результатом этой полноты было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Самое торжество европейского ума обнаружило односторонность коренных его стремлений. Жизнь была лишена своего существенного смысла**». «Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что его собственные коренные начала, из которых оно выросло (т.е. христианство), сделались для него посторонними и чужими, а прямой его собственностью оказался этот самый разрушивший его анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот силлогизм не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластный рас судок, эта логическая деятельность, отрешенная от всех познавательных сил человека» (II, 232). Но «Запад, как и Восток, изначала жил верой, но произошло повреждение в самой вере, когда Рим поставил силлогизмы выше сознания всего христианства» (II, 285). Киреевский показал, что из этого повреждения «развилась сперва схоластическая философия вне веры, потом реформация в вере и, наконец, философия вне веры» (II, 284). Западная Церковь подменила внутренний авторитет истины внешним авторитетом иерархии (когда самовольно, без согласия с Востоком изменила Символ веры), что «привело... к рационализму, т.е. торжеству автономного разума»***, повлекшему неизбежно распад духовной цельности. Раздвоение и рассудочность – последнее выражение западной культуры****.

Запад просмотрел восточную мудрость. Его ученые до тонкости изучили все философии с древнейших времен: египетскую, персидскую, китайскую, индусскую и т.д. Но мистика православного Востока для них была закрыта. Мы же унаследовали от Византии сокровища этой духовной му-

* Прот. Зеньковский В. Ист. Рус. Фил. Париж, 1948. Т. I., стр. 200.

** Киреевский И.В. Т. II. Москва, 1861, стр. 231. (Далее стр. в тексте).

*** Прот. Зеньковский В. Ист. Рус. Фил. Париж, 1948. Т. I. стр. 230.

**** Ibid., стр. 232.

дрости, заключенной в творениях св. отцов. И наша историческая задача была построить на богатом византийском наследии новую духовную культуру, которая бы оплодотворила весь мир. Киреевский поставил проблему во всей ее полноте. Он указывает, что русская философия должна строиться на «глубоком, живом и чистом любомудрии Святых Отцов, представляющих зародыши высшего философского начала» (II, 332). «Путь русской философии лежит не в отрицании западной мысли, а в восполнении ее тем, что раскрывается в высшем знании, где достигается вновь цельность духа, утерянная в грехопадении, но восстановленная в христианстве, а затем ущербленная в западном христианстве торжеством логического мышления»*.

АНТРОПОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ И. В. КИРЕЕВСКОГО

(Это учение должно быть рассматриваемо в связи с аскетикой (см. Вводную главу), как имеющее непосредственное отношение к ней, связывающее ее с философией и утверждающее вековечное значение аскетического подвига.)

В своем учении о душе Киреевский указывает на ее иерархический строй. В основу учения он кладет «исконный христианский антропологический дуализм»**, различие «внешнего» и «внутреннего» человека. Он различает, выражаясь современными психологическими терминами, «эмпирическую сферу души» с ее многочисленными функциями от ее глубинной сферы, лежащей ниже порога сознания, центральное средоточие которой можно назвать «глубинным Я». Это те силы духа, которые отодвинуты внутрь человека (за порог сознания) грехом, и благодаря чему нарушена та исконная цельность, в которой таится корень индивидуальности и ее своеобразие. Эти силы, этот внутренний человек закрыт от сознания властью греха.

* Ibid., стр. 230.

** Ibid., стр. 222.

Преодолением греха и «собираaniem» сил души надо стремиться связать эмпирическую сферу с глубинным центром, этим «внутренним средоточием», подчиняя ему эту сферу. «Главный характер верующего мышления, – говорит Киреевский в этом замечательном отрывке, – заключается в стремлении собрать все силы души в одну силу, надо отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и мило-сердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство и, таким образом, **восстанавливается** существенная личность человека в ее первозданной неделимости» (II, 337). В этой восстановленной цельности сил иерархический примат принадлежит моральной сфере, от здоровья которой зависит здоровье всех других сторон, или свойств души*.

Основное положение в своем учении о познании (гносеология) Киреевский выражает так: «Тот смысл, которым человек понимает Божественное, служит ему к разумению истины вообще» (II, 306). Другими словами, – «познание реальности есть функция Богопознания»**.

Это чрезвычайной важности свойство познавательной способности души и лежит в основе гносеологических построений Киреевского и дает ключ к разумению последних. «В основной глубине человеческого разума, в самой природе его, заложена возможность сознания его коренных отношений к Богу» (II, 322), т.е. к вере. Вера, Богопознание – это есть глубокое таинственное единение не только духа человека, но и всей его личности в ее цельности с Богом – этой высшей единственно истинной реальности.

Подобно этому и познание реальности вторичной, тварной, должно касаться не только одного разума, но и «всем существом своим в его целом приобщаться реальности». Глубина познания, «овладение реальностью», той истиной, которая в ней скрыта, совершается не одним умственным познанием, но «свечением смысла, его осуществлением во внутреннем сре-

* Прот. Зеньковский В. Ист. Рус. Фил. Париж, 1948. Т. I. стр. 225.

** Ibid., стр. 228.

доточии человека)*. Это возможно только в цельности духа, собранности всех его сил.

Но в грехопадении строй души поврежден, и хотя ущерблена также и вера и отодвинута в глубь души, но ей все же осталась присуща та сила, которая может восстановить утерянную цельность духа и в той мере, в какой вера сохранилась во внутреннем средоточии духа, она восполняет естественную работу ума и «вразумляет ум, что он отклонился от своей первоестественной цельности, и этим вразумлением побуждает к возвращению на степень высшей деятельности», т.е. подняться выше своего «естественного» состояния. «Ибо православно-верующий знает, что для цельности истины нужна цельность разума, и искание этой цельности составляет постоянную задачу его мышления...» (II, 311) «Таким образом, в мышлении верующего происходит двойная работа: следя за развитием своего разума, он вместе с этим следит и за самым способом своего мышления» (II, 312) (контролирует правильность его деятельности), «постоянно стремясь возвысить разум до того уровня, на котором бы он мог сочувствовать вере» (II, 312), и благодаря этому поврежденность нашего ума по причине распада цельности восполняется тем, что вносит в наш дух вера. Здесь нет места насилью над разумом, которое подрывало бы его свободу и творческие силы, но возведение разума с низшей ступени на высшую.

«Живые истины не те, которые составляют мертвый капитал в уме человека, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и, по природе своей не могут быть явными общими для всех, ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного соприкосновения» (II, 340). Познание истины должно быть пребыванием в истине, т.е. делом не одного лишь ума, а всей жизни. Знание «живое» приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности

* Ibid., стр. 228.

и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в душе одну наружность своей формы. Таким образом, «духовное просвещение» в противоположность логическому знанию связано с нравственным состоянием души, и потому требует подвига и нравственного напряжения. «Его можно погасить в себе, если не поддерживать постоянно того огня, которым оно загорелось» (II, 327). Одно лишь отвлеченное познание влечет за собой «отрыв от реальности» и обращает самого человека в «отвлеченное существо» (II, 305). Разрыв с реальностью начинается в области веры: заболевание духа, распад его сил отражается прежде всего в области веры и вызывает как следствие возникновение «отвлеченного мышления». «Логическое мышление, отделенное от других познавательных сил, составляет естественный характер ума, отпадшего от своей цельности» (I, 276). Это отпадение разума вызывает и утерю высшей познавательной способности, связанной с верой, и «естественный разум» неизбежно опускается ниже своего первоестественного уровня. Разрыв с духовными силами, эта «аморальность» западного просвещения, сообщает ему своеобразную устойчивость, тогда как знание духовное по природе своей динамично, как непосредственно зависящее от все время меняющегося состояния моральной сферы.

Таким образом, Киреевский разрешает основную проблему в гносеологии – согласования веры и разума. Как уже говорилось, вдохновения свои он черпал у Святых Отцов. Приведем их учение о степенях разума в изложении св. Дмитрия Ростовского, чтобы еще полнее осветить это учение о познании:

§ 1. Разум невозделанный и долгим временем не очищенный есть разум неразумный – неправый и неистинный разум. В разуме бывает различие, как и во всех внешних вещах. Бывает разум совершенный – духовный, бывает разум посредственный – душевный, бывает и разум весьма грубый – плотский. § 2. Кто не позаботится самолично пройти тесным путем Евангельским и будет иметь небрежение об очищении ума, – тот слеп душою, хотя бы и всю внешнюю мудрость из-

учил, он держится только буквы убивающей, а оживляющего духа не принимает. § 3. Правый и истинный разум не может быть удобно углублен в душу без великого и долговременного труда и подвига, а насколько умервщляется похоть, настолько возрастает и процветает истинный разум. Но подвиг у всех должен быть сугубый, состоящий из внешнего труда и умного делания: один без другого не совершается. § 4. Все те, которые научились внешнему наставлению, о внутреннем же духовном делании – о просвещении и очищении разума вознерадели, – совершенно обезумели, развратились различными страстями или впали в пагубные ереси. *«И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства»* (Рим. 1, 28). § 9. Ум, будучи очищен и просвещен, может разуместь все внешнее и внутреннее, ибо он *духовный судит обо всем, а о нем судить никто не может* (I Кор. 2, 15)*.

Философия – это наука о познании истины. Но истина лишь одна. *«Я семь Путь и Истина и Жизнь»*, говорит Господь (Ин. 14, 6). Этот путь и для философской мысли единственный, кто идет иным – *«перелазит инуде»*.

Нагруженный верблюд только на коленях с трудом мог протискиваться сквозь низкие, тесные Иерусалимские врата, именуемые *«Игольные уши»*, но еще труднее, несмотря на все усилия, мыслителю богатеющему *«лжеименным знанием»* (I Тим. 6, 20) **войти в Царствие Божие истины и духовной свободы**: *«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»* (II Кор. 3, 17). *«Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8, 31–32).

Основываясь на законе динамичности знания по причине его органической связи с духовной сферой, Киреевский предполагает, что и упадок «самобытной русской образованности» хотя произошел и при неблагоприятных внешних условиях, но и «не без внутренней вины человека». «Стремление к внешней формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках,

* Дух. Алфавит Свят. Димитрия Рост. Москва, 1909, стр. 38–43.

дает повод думать, что в первоначальном направлении русской образованности произошло некоторое ослабление еще прежде Петровского переворота» (II, 327). Здесь важно отметить, что начало упадка Киреевский относит к XV и XVI векам, что совпадает с началом упадка духовного делания, согласно и нашему исследованию.

Итак, Киреевский положил начало новой одухотворенной философии «цельности духа», которая могла бы стать основанием для развития самобытной русской культуры.

В его лице русское самосознание достигает уже своего полного раскрытия. Русская мысль освобождается от многовекового плена чуждых ей начал, выходит на самостоятельный истинный путь, обращаясь к истокам своего возникновения. Она возвращается в «отчий дом». Но Киреевский не успел завершить задуманный им труд – написать философию, он положил лишь ее основание и указал путь. Смерть унесла его в расцвете его сил. Он погребен в Оптиной Пустыни вместе со старцем Львом. Старец Макарий лег здесь же вскоре. Все, что совершалось в Оптиной, имеет таинственный смысл. Сам митрополит Филарет удивился, какой чести удостоился Киреевский*.

Писатели и философы следующего поколения, хотя и посещали Оптину, но подлинного ее духа уже не охватывали.

* Жизнь Киреевского была подтверждением его учения. «Сердце, исполненное нежности и любви, – говорит о нем близко его знавший Хомяков, – ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи, прозрачная чистота кроткой и беззлобной души, какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору, горячее стремление к истине, необычайная тонкость в диалектике и споре, сопряженная с самой добросовестною уступчивостью, когда противник был прав, и с какой-то нежною пощадою, когда слабость противника была явною, тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращение от всего грубого и оскорбительного в жизни, в выражении мысли, или в отношениях к другим людям, верность и преданность в дружбе, гоовность всегда прощать врагам и мириться с ними искренно, глубокая ненависть к пороку и крайнее снисхождение в суде о порочных людях, наконец, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрения на себя, но искренно страдавшее от всякого неблагородства, замеченного в других людях, таковы были редкие и неоцененные качества И. В. Киреевского...»

Русский Биограф. Словарь. СПб. 1897, стр. 695.

Могло казаться, что продолжателем дела Киреевского был Вл. Соловьев. И действительно, в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» он взял у Киреевского целиком его мировоззрение: «Синтез философии и религии, взгляд на западную философию, как на развитие рационализма, идеи о цельности жизни, о метафизическом познании...». Но он исключил все русские мессианские мотивы и западной мысли противопоставил не русское Православие, а туманные умозрения (нехристианского) Востока. И в дальнейшем творчестве Вл. Соловьев остается не только вне «любомудрия Св. Отцов», но и вне Православия: он мнил себя выше исповедных разделений и говорил о себе, что он скорее протестант, чем католик. Он приемлет идею спасения по-протестантски: не от дел, а от веры. Отсюда отрицание духовного делания: «Греша постоянно и не кайся никогда»*. Естественно, что познание истины уже не связывается с состоянием моральной сферы и с цельностью духа, как у Киреевского. И Соловьев, благодаря исключительному своему влиянию на современников, используя вначале идеологию Киреевского, отвел затем пробуждающую русскую религиозную мысль от того пути, который указывал ей этот последний.

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» мы находим лишь внешнее описание, сходное с виденным им в Оптиной Пустыни. Старец Зосима вовсе не списан со старца Амвросия, как полагали некоторые.

Сердцем ближе других к Оптиной был К. Леонтьев, тайный постриженник ее. Там жил он несколько лет, там сложил бремя ошибок и грехов молодости, которые он искупал болезнями и искреннейшим покаянием. Леонтьев – художник слова и один из выдающихся русских мыслителей, о чем свидетельствует его глубокое понимание современной ему жизни и ее проблем, и прозрение судеб России. В своей идеологии он отстаивал греко-русское Православие, утверждая, что сущность русского Православия ничем не отличается от византийского. Те выводы о русской святости, к которым мы пришли в нашем исследо-

* Мочульский К. Владимир Соловьев. II изд. Париж, 1951, стр. 54 и 254.

вании, находят подтверждение и в словах Леонтьева: «...Византийской культуре вообще принадлежат все главные типы той святости, которой образцами пользовались русские люди...», «афонская жизнь, созданная творческим гением византийских греков, послужила образцом нашим первым Киевским угодникам Антонию и Феодосию...», «возгоревшейся сердечной верой, еще и долгою политическою деятельностью в среде восточных христиан, я понял почти сразу и то, что я сам лично вне Православия спасен быть не могу, и то, что государственная Россия без строжайшего охранения православной дисциплины разрушится еще скорее многих других держав, и то, наконец, что культурной самобытности нашей мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших...»*

Из мыслителей, общавшихся со старцами, дальше всех от оптинского духа был Лев Толстой. По причине его крайней гордости о. Амвросию было всегда трудно вести с ним беседу, которая сильно утомляла старца. После своего отлучения Толстой больше со старцами не виделся. Так однажды, подойдя к скиту, он остановился: какая-то невидимая сила задерживала его у святых ворот. Ясно было, что в нем шла сильная борьба со страстью гордости; он повернулся обратно, но нерешительно вернулся опять. Вернулся он и в третий раз уже совсем нерешительно, и затем, резко повернувшись, быстро ушел оттуда и уже больше никогда не делал попыток войти в скит. Только в последние дни своей жизни, можно думать, почувствовав близость конца, и что ему не уйти от суда Божия, Толстой рванулся в Оптину, бежав от своего ближайшего окружения, но был настигнут. И когда оптинский старец о. Варсонофий по поручению св. Синода прибыл на станцию Астапово, дабы принести примирение и умиротворение умирающему, он не был допущен к нему теми же лицами. Отец Варсонофий до конца своей жизни без боли и волнения не мог вспомнить об этой поездке.

* Леонтьев К. Москва, 1914. Собр. соч. Т. 6. Письма к В. Соловьеву. Стр. 332, 333, 337.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО

Древнерусская живопись допетровской эпохи была исключительно религиозным искусством и потому отражала состояние духовной жизни своего времени.

О связи Новгорода с возрожденным при Палеологах македонским искусством мы вкратце уже упоминали. Связь эта завязалась через Каффу (Феодосию), «где среди пестрого смешения народностей и религий живет постоянная русская колония (казаков), имеющая свои церкви». Республика Каффа, зависящая от Генуи и управляемая консулом-генуэзцем и выборными от всех народностей, является главным местом сношений Новгорода и Москвы с Византией и Западом (1266–1475). Там находятся русские торговые склады. В конце века через Каффу приезжает в Новгород Феофан Грек (1370)... В самом конце XIV века Москва, благодаря трудам вел. кн. Дмитрия Ивановича, уже настолько окрепла и обстроилась, что может привлечь к себе лучшие силы из соседних княжеств и из Новгорода. Туда едут Феофан Грек и Андрей Рублев, чтобы расписывать Благовещенский собор (1395), церковь Рождества Богородицы (1399) и Архангельский собор (1405). К этому времени относится также создание величайшего и совершеннейшего произведения русской иконописи – иконы Святой Троицы Андрея Рублева*.

Остановимся на личностях трех великих мастеров эпохи Русского Возрождения: Феофане Греке, преп. о. Андрее Рублеве и мастере Дионисии.

* Ковалевский П. Е. Ист. Путь России. Париж, 1949, стр. 27–28.

Творчество Феофана Грека, родом иностранца, принадлежит России, которой он посвятил лучшие годы жизни. Его манера писать принадлежит македонской школе, т.е. греко-славянскому искусству, образцом которого является также храм в Новгороде на Волотовом поле. Милле и Диль относят работавших в Новгороде мастеров именно к этой школе. Это влияние сербско-афонской иконографии: «Афонские исихасты оказывали поддержку самостоятельному существованию национальных славянских государств. Наряду с провинциальными отголосками Константинопольского искусства именно в Сербии и на Афоне (строительство которого в этот период развертывалось под покровительством сербских королей) складывалась своеобразная по тематике и стилю живопись, весьма отличная от Константинопольской и проникнутая духом мистических движений. Эти новые течения и были впитаны живописью Македонской школы, процветавшей в конце XIII и первой половине XIV века, как в Сербии, так и в византийском мире, на Афоне, в Мистре...» «Экстатическое на фресках Феофана, как и на волотовских, не только предмет, но и способ изображения. Это живопись “бури и натиска” с ее резким субъективизмом, большой обобщенностью, патетическим динамизмом, с ее пламенной геометрией, кажется как бы готическим экспрессионизмом... Повышенный психологизм Феофана говорит не о душевно-человеческом, а как бы о духовно-титаническом. Созданные им образы кажутся персонажами мировой трагедии». «Самой примечательной особенностью манеры Феофана является энергичный и необычайно выразительный (обычно короткий) мазок; в частности своеобразная живописная моделировка; обозначение света при помощи резких и сухих белильных мазков-штрихов (обычно по темно-коричневому санкирию) и глубоких теней подобными же черными мазками. Манера Феофана весьма обобщенная, не знающая детализовки»*.

Сохранилось письмо (около 1414) Епифания Премудрого, иконописца, ученика преп. Сергия Радонежского и составителя его жития, к преп. Кириллу Белозерскому; в нем Епифаний

* Михайловский и Пурищев. Очерки истории Древнерус. монумент, живописи. Москва, 1941, стр. 27, 28, 30.

описывает свои впечатления от встреч с Феофаном Греком: «Муж он живой, преславный, мудр, зело философ хитр» – так характеризует он Феофана и далее говорит: «Никто не видел его смотрящим на образцы, подобно иным живописцам, “иже недоумения наполнишася присно проникающе, очима мечущи, семо и овамо” и не столько пишущих, сколько разглядывающих. Но, глядя на него, можно подумать, что не он работает: пока руки его живописуют, ногти его все время в движении, языком беседует с проходящими, умом простирается в дальнюю глубину, чувственными же очами зрит духовную красоту. “Сей упредивленный муж и пресловущий” имел к моей худости великую любовь, так и я, смиренный и нерассудный, стяжал к нему большое дерзновение и учащал на беседу с ним. Кто долго или мало с ним беседует, тот не может надивиться его уму, притчам и “хитростному строению”»*.

Преп. Андрей Рублев принадлежал к эпохе процветания исихазма, что и отразилось всецело в его живописи. Он был достойным учеником и послушником преп. Никона Радонежского, который «повелел при себе образ написать Пресвятой Троицы в похвалу отцу своему св. Сергию Чудотворцу». О духовности преп. Андрея и его спостника и учителя Даниила Черного пишет преп. Иосиф Волоцкий: «Чудные они и пресловущие иконописцы Даниил и ученик его Ондрей, всегда ум и мысль возносили к невещественному и Божественному свету... Сего ради Владыка Христос тех прославил в конечный час смертный». Оба они преставились и погребены в 1430 году в Андрониковском монастыре, где они расписывали церковь**.

Теперь приведем отзыв современных русских искусствоведов о творчестве Рублева: «Отличие Рублева от мастеров Болотова – Спаса Преображения не только в том, что последние были связаны с Новгородской школой, в то время как творчество Рублева сложилось в недрах Московской школы, оформившейся под воздействием царьградского искусства XIV века, в период политического подъема Москвы. Своеобразие и значение

* Прав. Соб. 1863. III, стр. 323.

** Барсуков И.П. Источники Рус. Агиографии СПб., 1882, стр. 38 и 147.

Рублева в том, что, явившись подлинным классиком древнерусской национальной живописи, он с небывалой до того времени силой, воплотил в своем творчестве черты национального художественного гения...» «Рублев чужд миру трагического. Его творчество лишено какой бы то ни было внутренней дисгармонии, вполне явственной подчас в памятниках западноевропейской готики. Подлинную манеру его искусства составляют классическая ясность и гармония. Через Византийскую живопись, в которой никогда не иссякали античные мотивы, Рублев глубоко и с большой творческой мудростью проникает в сущность эстетического идеала древней Эллады. Отталкиваясь от беспокойного, резко индивидуализированного стиля Феофана Грека (в которой ряд исследователей без достаточного для того основания хотел видеть учителя Рублева), он населяет свои произведения идеальными образами, черты которых в значительной мере подсказаны ему многовековой историей византийской живописи...» «Религия Рублева была религией одухотворенной любви, что сближает великого русского мастера с религиозными исканиями итальянской готики, вдохновлявшихся идеями Франциска Ассизского... Духом гармоничного прозрачного лиризма овевана “Троица”. Фигуры ангелов не застыли в иератическом величественном бесстрастии, они интимно и с подлинным чувством склоняют голову набок, ведя между собою “священную беседу”. Их внутреннее лирическое движение подчеркнуто кругообразным движением композиции, плавным ритмом певучих линий и контуров... Подчиняя свои “чистые, звонкие и сильные” краски гармонизирующему началу, Рублев возвышается до редкого тонального совершенства, возможного лишь на ступени подлинно великого искусства. В ряду мастеров старорусской живописи Рублев был, быть может, самым классическим, что оправдывает его сближение не только с живописцами умбрийской и сиенской школ, но и с Перуджино, Джорджоне и Рафаэлем... Его творчество отражает тот новый этап в развитии национальной культуры Древней Руси, который последовал за Куликовской битвой, завершившейся решительной победой русского народа над полчищами монгольских завоевателей. В лице Рублева русский

народ вновь выходил на арену мировой культуры, неся с собой неисчерпаемый запас творческих сил и возможностей. В этом смысле Рублев – глубоко народный художник. После “Слова о полку Игореве” его творчество – величайшее явление в истории древнерусского искусства. Его художественная мощь и самобытность, его величавое мироощущение в конечном счете отражают в формах сакрального искусства интенсивный подъем народно-национальных сил Древней Руси*.

Перейдем к третьему великому имени, творчество которого знаменует последний расцвет русской иконописи, генетически связанный с традицией эллинизма. Это мастер Дионисий. «Из дошедших до нас монументальных росписей рассматриваемой эпохи наиболее показательным является ансамбль сохранившихся полностью фресок Ферапонтова монастыря, выполненных Дионисием с сыновьями в 1501 году. Основной строй росписи Дионисия – это внутренняя просветленность, умиленность бытием, благословение мира, это задушевная теплота, глубокое сочувствие человеку и человеческому, душевный строй, столь родственный настроениям проповедей Франциска Ассизского и живописи итальянского треченто, готических художников Сиены, Пизы, Венеции. Образы, созданные художником, не угнетают, не принижают, не устрашают зрителя, но скорее возвышают человека, вызывают к нему симпатию и любовь, пробуждая не ужас, а надежду. Моральный пафос Дионисия – в мотивах оправдания, прощения, заступничества, искупления, исцеления страждующих». «Дионисий – прямой наследник Рублева, но вместе с тем у него собственно “готический” элемент явственно превалирует над “классическим.” Он несравненно ближе утонченному эллинизму Праксителя, чем идеальному миру памятников Периклова века, с которыми в какой-то степени перекликается величавое искусство Рублева. Уже не пластика, не созерцание, но музыка и лирический порыв составляют подлинную основу живописи Дионисия...» «В XV веке в России появляются и разрабатываются иконы,

* Михайловский и Пуришев. Очерки истории Древнерус. монумент, живописи. Москва, 1941, стр. 16, 17 и 19.

воплощающие в живописных образах песнопения: “О Тебе радуется”, “Похвала Богоматери”, “Да молчит всякая плоть”, “Достоинство есть” и др., прославляющие благодать, полные пафоса соборности, объединения всего живого – от человека до зверя и растения. Эти радостные гимны прекрасному бытию впервые (из дошедших до нас) появляются на стенах храмов и росписях Дионисия в Московском Успенском соборе и Ферапонтовой монастыре. Больше того, в основу системы своих росписей Дионисий кладет не “историческое” и не логико-догматическое следование, а разворачивает основной (2-й) их ряд, как сюиту иллюстраций к акафисту Девы Марии, так что даже привычные сцены “Благовещения”, “Сошествия во ад” и др. теперь как бы рождаются из песни, музыки, и роспись в целом становится лирикой, переведенной на язык живописи*.

Сравним характер иконописи этой эпохи Русского Возрождения с духом современного ему подвижничества: она вдохновляется этим последним и отображает ту же цельность, красоту и гармонию. В ней. тот же дух преп. Сергия и Сев. Фиваиды. С наступлением XVI века меняется характер иконописи. Это подтверждают многие исследователи, которые понимают значение духовного начала в искусстве. Возьмем труд Игоря Грабаря: «Долгое царствование Иоанна Грозного, – говорит он, – было эпохой весьма важных перемен в судьбах русской художественной истории. Великая новгородская школа, возникшая в XIV веке и достигшая расцвета в XV, перестала существовать во второй половине XVI. Но уже в самых даже высоких достижениях новгородской живописи к концу XV века можно заметить черты приближающегося упадка – стремление к сложности. Обе эти черты в искусстве подсказывают скорее иссякновение источников внутреннего питания**».

Также и Муратов видел в живописи последующего периода, полного реалистических стремлений, лишь вырождение и гибель русского искусства под напором западных влияний***.

* Там же, стр. 40–49.

** Грабарь Игорь, вып. 21, стр. 313–314.

*** Mouratoff. «Les icones russes». Paris, 1927.

Михайловский и Пуришев, – современные русские исследователи искусства вне его религиозного значения и позитивно настроенные, дают следующее заключение: «В XVI веке эллинистическая традиция в русской живописи постепенно угасает. Утонченный лиризм Дионисия не находит продолжателей. Зато материальное вновь отвоевывает свои права, назревает “открытие” мира, который истолковывается художниками уже не как своего рода “эманация” человеческого или Божественного духа, но как вне индивида лежащая реальность, многообразная, равноправная и даже равноценная ему. Правда, древнерусская живопись продолжает вращаться в кругу привычных, освященных веками и церковной догмой этических норм и представлений, она не утрачивает до конца своего сакрального характера, тем не менее все более явственно кристаллизуются элементы своеобразного “русского кватроченто”, которое достигает своего наиболее зрелого и яркого выражения в многочисленных стенописях во второй половине XVII века. Мир предстает здесь в калейдоскопической подвижности и пестроте, люди, животные, птицы, растения, стихии и вещи образуют нарядную, несколько причудливую панораму, вызывающую в памяти оживленные фрески Пизанелло или Беноццо Гоцолли. Шумливая новелла вторгается в мир величавого Рублевского эпоса и нежной лирики Дионисия»*.

Значение русской иконописи как искусства было осознано у нас в России только в период 1905–1914 гг. В 1913 г. в Москве была открыта первая национальная выставка икон. Кн. Трубецкой посвятил замечательные лекции раскрытию смысла древнерусского «мировоззрения в красках». С открытием значения иконописи «мы испытываем, – говорит он, – то смешанное чувство, в котором великая радость сочетается с глубокой душевной болью. Понять, что мы когда-то имели в древней иконописи, – значит в то же время почувствовать, что мы в ней утратили. Мысль о том, что этот бессмертный памятник духовного величия относится к далекому нашему прошлому,

* Михайловский и Пуришев. Очерки истории древнерус. монумент, живоп. Москва, 1941, стр. 20.

заклучает в себе что-то бесконечно тревожное для настоящего. Утрата тотчас становится очевидной при первой попытке сопоставления старого и нового в церковной архитектуре, ибо именно в древней архитектуре мы имеем наиболее наглядное изображение жизненного стиля святой Руси. Глаз радуется при виде старинных соборов в Новгороде, в Пскове и в Московском Кремле, ибо каждая линия из простых и благородных очертаний напоминает об огне, когда-то горевшем в дущах.

Мы чувствуем, что в этом луковичном стиле, в Древней Руси строились не одни храмы, но и все, что жило духовной жизнью, – вся Церковь и все мирские слои в ней близкие, от царя до пахаря.

В древнерусском храме не одни церковные главы, – самые своды и сводики над наружными стенами, а также стремящиеся кверху наружные орнаменты зачастую принимают форму луковиц. Иногда эти формы образуют как бы суживающуюся кверху пирамиду луковиц. В этом всеобщем стремлении ко кресту **все ищет пламени**, все подражает его форме, все заостряется в постепенном восхождении. Но только достигнув точки действительного соприкосновения двух миров у подножия креста, это огненное искание вспыхивает ярким пламенем и приобщается к золоту небес... В этой огненной вспышке весь смысл существования “Святой Руси”. В горении церковных глав она находит яркое изображение собственного своего облика, это как бы предвосхищение того образа Божия, который должен изобразиться в России».

Далее кн. Трубецкой указывает на ту бездну падения, которая отделяла от этого образа современную ему Россию, строившую храмы без огненного стремления, с куполами церковей имеющих «ужасающее сходство с предметами домашней утвари» и «механически» прикрепленными «наподобие труб» к крышам церковных зданий. Такое вырождение церковного зодчества он объясняет духовной теплохладностью, тем «беспросветным мещанством», которое надвинулось на весь мир. Все в архитектуре говорит только о земном, «все выражает необычайно плоскостное и плоское мироощу-

щение». Мещанству не дано видеть глубины, ему недоступно ни величие добра, ни глубина зла, оно олицетворяет собою «житейскую середину». Но это «мещанство, – говорит он, – вовсе не так нейтрально, как это кажется с первого взгляда: из недр его рождаются кровавые преступления и войны. Комфорт родит предателя. Продажа собственной души и родины за тридцать сребреников, явные сделки с сатаной из-за выгод, явное поклонение сатане, который стремится вторгнуться в святое святых нашего храма – вот куда, в конце концов, ведет сытый идеал мещанского довольства»*.

На древнем религиозном искусстве непосредственно отражалось состояние человеческого духа. Искусство было пульсом жизни, оно являлось осязательным симптомом горения или угасания духа. Так время высокого духовного подъема в русской истории XIV и XV вв. связано с именами таких великих иконописцев, какими были преп. Андрей Рублев и др.

Что касается новейших времен, то уже одна возможность такого сурового осуждения искусства упадочного периода, какое мы имеем в лице кн. Е. Трубецкого, свидетельствует о том, что русская мысль созрела до понимания истины. И это можно связать с тем духовным возрождением, о котором мы говорили. В церковном искусстве последних времен стал наблюдаться поворот к древним образцам (Феодоровский собор в Царском Селе) и в государственной жизни страны также ясно намечался возврат к исконным русским началам. «Тенденция последних царствований, – говорит проф. А. В. Карташев, – предрекала восстановление православного канонического статута монархов – сынов Церкви. Антиканоичный синодальный строй также был на пороге своей исторической смерти»**. Дело шло к восстановлению патриаршества, таким образом, ясно намечался возврат к симфонии.

Но это духовное возрождение имело лишь небольшую сферу влияния и не могло охватить всей страны. Большинство шло по инерции, по проторенному пути разрушения духовных

* Трубецкой Е. Два мира в древнерус. иконописи. Москва, 1916, стр. 27–32.

** Карташев А. В. Св. Русь в путях России. Париж, 1931.

начал. И раздвоенность, царившая во всех областях жизни в России, уже не могла быть преодолена.

В настоящем исследовании по техническим и экономическим соображениям пришлось многое сократить и даже выпустить совсем. Так, 1-я глава, Аскетика, представляет собой сокращение двух глав о старчестве и аскетизме. Глава же о просвещении Древней Руси и его характере в разные эпохи выпущена целиком, а между тем в ней затронут ряд важных вопросов: мы стремились в этой главе проникнуть в корни нашей древней духовно-культурной жизни, уяснить себе внутренний процесс ее образования и развития, проследить в ней борьбу двух начал, восточного и западного, понять, почему нам не удалась наша самобытная культура, которая могла бы сложиться, как указывает проф. Коялович, из просветительных элементов, шедших с западной Руси (Киева) в соединении с греческими. Эти элементы были так сильны, что питали действительные просветительные нужды России, даже в позднейшем XVIII веке. И это несмотря на произведенную Петром коренную ломку древнерусского уклада*.

Попутно, при изучении материалов о просвещении, накопились данные и на смежную тему о том, как в разные эпохи понимались у нас наши историческое призвание и государственные задачи. И тут красной нитью проходят колебания между исконным восточно-православным пониманием своего призвания и тяготением к западным началам. Эта двойственность постоянно мешала объединению всех сил страны, чтобы общим усилием стремиться к осуществлению этих духовных и государственных целей и заданий, и в особенности в те моменты, когда в истории представлялись благоприятные к этому условия. Она же, эта раздвоенность, расшатывала наши древние государственные устои.

* Коялович М. О. История Русского самосознания. СПб., 1901, стр. 313.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с христианством было перенесено на Русь и то духовное делание древних египетских пустынников, которое развивалось впоследствии среди монашества в Византийской Империи на протяжении более 1000 лет ее существования.

В XV столетии, когда Русь потеряла связь с Христианским Востоком, вследствие нашествия турок, это внутреннее делание было забыто. И когда в конце XVIII века его возродил в Молдавии схиархимандрит Паисий Величковский, оно – это делание, многим показалось небывалым новшеством.

С момента его проникновения в Россию Оптиная Пустынь явилась главным средоточием этого подвига и связанного с ним старчества.

В Оптиной оно передавалось около 100 лет из поколения в поколение и прервалось только с разгромом этого монастыря большевиками.

Этой теме я посвятил всю свою жизнь.

Когда в Духовной Академии мне предстоял выбор темы для кандидатского сочинения, я хотел писать об Оптиной Пустыни и ее старцах. Для кандидатского сочинения необходимо изучить всю литературу, касающуюся данной темы.

При изучении ее я увидел, что вопрос о сущности старчества совершенно не освещен в богословской науке. Мало того, встречались неправильные и противоречивые мнения.

Не было даже определения понятия старчества. Поэтому я начал с самого начала: с объяснения духовного делания и его возникновения в истории, а в частности и в духовной жизни

нашего народа, так как духовная жизнь народа связана с духовной жизнью монашества.

Плодом этого явилась моя книга «Стяжание Духа Святого в путях древней Руси».

В ней выражено Православное мирозерцание с исторической перспективой. Но эта книга только служит введением к главной теме.

ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА

Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение. I Кор. 14, 1, 3

Апостол Павел, независимо от иерархии, перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское.

Непосредственно за апостолами стоят пророки (Еф. 4, 11; I Кор. 12, 28). Их служение состоит, главным образом, в **назидании, увещании, и утешении** (I Кор. 14, 1, 3). С этой именно целью, а также для указания, или предостережения, пророками предсказываются будущие события.

Чрез пророка непосредственно открывается воля Божия, а потому авторитет его безграничен.

Пророческое служение – особый благодатный дар, дар Духа Святого (харизма). Пророк обладает особым духовным зрением – прозорливостью. Для него как бы раздвигаются границы пространства и времени, своим духовным взором он видит не только совершающиеся события, но и грядущие, видит их духовный смысл, видит душу человека, его прошлое и будущее.

Такое высокое призвание не может не быть сопряжено с высоким нравственным уровнем, с чистотой сердца, с личной святостью. Святость жизни и требовалась от пророка с первых времен христианства: «Он должен иметь “нрав Господа”. От нрава может быть познан лжепророк и (истинный) пророк» –

говорит древнейший памятник II века – «Учение Двенадцати Апостолов» (Дидахи)*.

Служения, перечисленные Апостолом Павлом, сохранялись в Церкви во все времена. Апостольское, пророческое и учительское служения, являясь самостоятельными, могут совмещаться с саном епископа или пресвитера.

Пророческое служение, связанное с личной святостью, процветало с подъемом жизни Церкви и оскудевало в упадочные периоды. Ярче всего оно проявляется в монастырском старчестве.

Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они всех назидали, увещевали и утешали (I Кор. 14, 1, 3), исцеляли от болезней духовных и телесных. Предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Представляя собою прямое продолжение пророческого служения, старчество с этим именем и в этой форме появляется лишь в IV веке, вместе с возникновением монашества, как руководящее в нем начало.

Благодатное старчество есть одно из высочайших достижений духовной жизни Церкви, это ее цвет, это венец духовных подвигов, плод безмолвия и Богосозерцания.

Оно органически связано с иноческим внутренним подвигом, имеющим цель достижения бесстрастия, а потому и возникает одновременно с монашеством на заре христианства.

* К. Попов. «Учение Двенадцати Апостолов». Киев, 1884 г., стр. 21 и 36. Проф. К. Попов, написавший об этом памятнике специальное исследование, относит его к концу I века. Следовательно, еще жив был тогда ап. Иоанн Богослов, а, м. б. и другие апостолы. Благодаря этому памятнику мы узнаем многое из жизни первохристианской Церкви. Пять лет искал я оформить понятие о старчестве, т.к. в нашей современной богословской литературе его нет. И вот ответ на свое искание я нашел, хотя и под другим именем – не под именем старчества – в самом древнем христианском памятнике: «Учение 12 апостолов».

Но в беге времен старчество процветает местами, достигая апогея своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы, может быть, снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова восстающей. Так забыто оно было и в России ко времени Паисия Величковского (XVIII век). Он возродил старчество, которое и стало процветать у нас во многих местах.

И, хотя это было возрождением древней традиции той же России, но для большинства казалось малопонятным новшеством. Прот. Сергей Четвериков*, писавший о старцах, говорит, что в нашем дореволюционном прошлом русское монастырское старчество мало было изучено и недостаточно оценено русским обществом.

Последнее имело смутное представление о старчестве. Даже наша молодая богословская наука не успела разработать этого вопроса. Так: «Вопрос о старчестве в древнерусских монастырях совершенно не затронут в научной литературе. Судя по житиям, оно было общераспространено», – говорит профессор Серебрянский**.

Также и церковная иерархия нередко становилась в тупик перед этим явлением. Отсюда частые гонения, которым подвергались старцы: Преп. Серафим Саровский, о. Варнава Гефсиманский, Оптинские: о. Леонид, о. Амвросий, а на нашей памяти о. Варсонофий.

Эта последняя история гонения на выдающегося старца о. Варсонофия настолько характерна, что на ней остановимся несколько подробнее. В 1911 году, по ложному на него доносу гр. Игнатьевой, религиозно-политический салон которой в Петербурге имел вес, а также по доносу горсти монахов, изгнанных о. Варсонофием совместно с о. Ксенофонтом, оптинским настоятелем, из монастыря за бунтарство, Св. Синодом было назначено следствие. Туда был послан Еп. Серафим Чичагов – автор известной «Дивеевской Летописи» и впоследствии Архиепископ Тверской и Митрополит Петербургский. Послед-

* «Из ист. русского старчества», «Путь», № 3, 1927 г., стр. 99.

** «Древне Рус. Дух.» Смирнова, стр. 26, сноска 5 (Москва, 1913).

ний, не произведя никакого расследования, сразу же стал на сторону бунтарей, водворил их обратно в Оптину, сменил отца Варсонофия и перевел его в Старо-Голутвенский монастырь. Подымался даже вопрос о закрытии скита и уничтожении старчества. Потрясенный этим разгромом, скончался вскоре настоятель Оптиной о. Ксенофонт, а через год – 4 апр. 1912 г., о. Варсонофий. Об этом событии вскользь упоминает о. Василий Шустин*, но более подробно эта история будет рассказана в жизнеописании о. Варсонофия в 3-й части нашего труда со слов еще живых свидетелей этого события.

Конечно, далеко не все иерархи гнали старчество. Так, например, ему в свое время покровительствовали такие выдающиеся святители, как митр. Гавриил (1801) или оба Филарета – Московский и Киевский, которые сами были подвижниками и аскетами.

Но если непонимание старчества вызывало его гонение, то это непонимание было причиной и обратного явления, когда доверчиво принимались всякие проходимцы, самозванцы, или самопрельщенные, которые выдавали себя за старцев, но ничего общего с ними не имели.

Такое невежество и легкомыслие общества приносило вред не только потому, что подрывало веру и уважение к этому имени, но было и губительно, т.к. причиняло духовную смуту и даже разложение в политической жизни страны.

Отметим еще одно явление псевдостарчества, которое мы можем наблюдать и в современной действительности: современное духовничество, как мы вскоре увидим, родилось из древнего монастырского старчества и является его вторичной формой. Благодаря родственности этих двух явлений, духовничества и старчества, у малоопытных священников, знакомых с аскетической литературой только теоретически, всегда может возникнуть соблазн «превышения власти» – перехода грани духовничества, чтобы старчествовать, – в то время как они даже понятия не имеют, в чем сущность истинного старчества. Это «младостарчество» (по одному меткому выражению)

* «Из личных воспоминаний» В. Ш. Белая Церковь, 1929 г. стр. 40.

вносит разлад в окружающую жизнь. Оно таит опасность причинить и непоправимый вред душе опекаемого. Известны случаи даже самоубийства, как результат такого повреждения.

От иноков-учеников требовалось всецело послушание старцам-учителям: «Если кто имеет веру к другому и сам себя отдает в подчинение ему, тот не имеет нужды внимать заповедям Божиим, а должен предать волю свою отцу своему, и не останется виновным перед Богом»*.

Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Это лично на себе испытал пишущий эти строки. Старец – непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда сопряжено с чувством духовной свободы, радости и неопишуемого мира в душе. Напротив того, лжестарец заслоняет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и, почти всегда, уныния. Мало того, всецелое преклонение ученика пред лжестарцем вытравливает в нем личность, хоронит волю, извращает чувство справедливости и правды и, таким образом, отучает его сознание от ответственности за свои действия.

О лжестарчестве преосвященный Игнатий Брянчанинов говорит так: «Страшное дело принять обязанности (старчество), которые можно исполнить только по повелению Св. Духа, между тем, как общение с сатаною еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действиями сатаны (т.е. еще не достигнуто бесстрашие). Ужасно такое лицемерство и лицедейство. Гибельно оно для себя и для ближних, преступно оно перед Богом, богохульно»**.

Лжестарчество вызывает гипноз идей. И т.к. в основе лежит ложная идея – эта идея вызывает духовное ослепление. Когда ложная идея застилает реальность, то никакие доводы больше не принимаются, т.к. натываются на *idée fixe*, которая считается незыблемой аксиомой.

* Смирнов: «Древнее духовенство и его происхождение», Богословский Вестник, Москва, 1906 г.

** Соч. Еп. Игнатия Брянч., том IV, СПб., 1867 г., стр. 94.

Человек движется вперед как сомнамбула, пока не ударится лбом о стену. Он разбивает голову себе и зачастую тем, кто с ним связан. Подобная катастрофа постигает приверженцев лжестарчества. Оттого среди них так часты случаи самоубийств и всякого рода отчаяния.

Отчаяние есть первый симптом того, что человек болен духовной болезнью, которую мы именуем «гипноз идей». Отчаяние – это неизбежный результат крушения тех построений, которые созданы на ложном основании. Отчаяние есть осязательное доказательство тому, что человек попал в заколдованный круг, им самим же созданный, благодаря неверным, ложным предпосылкам. Отец же лжи есть диавол.

Такая трагедия постигает приверженцев лжестарца. Поэтому лжестарчество есть явление антихристианское, ведущее к погублению душ.

Когда истинные старцы, можно сказать, отсутствуют, люди, жаждущие найти себе духовную опору, выбирают какое-либо духовное лицо, им почему-либо симпатичное, и говорят: «Я отношусь к нему, как к старцу». Если духовник окажется трезвым, духовно честным, он резко отстранит такое отношение. Но сколько таких, которые охотно попадают в сети, им расставляемые. Ибо это «лицедейство», по выражению еп. Игнатия Брянчанинова, ведет самозваного старца к духовной смерти. Он сам теряет почву под ногами и идет уже кривыми путями, растеряв все то, что собирал и приобретал за всю прошлую жизнь.

Истинное отношение старца к ученику именуется в аскетике духовным таинством, оно находится под водительством Духа Святаго. Всякие же подделки и фальсификации – суть явления с левой стороны. Если первое ведет к жизни, то второе, если человек вовремя не опомнится, то ввергнет его в полное расстройство духовной жизни, имеющей концом всякого рода катастрофы.

Влияние старчества далеко распространялось за пределами стен монастыря. Старцы духовно окормляли не только иноков, но и мирян. Обладая даром прозорливости, они, как уже было выше сказано, всех назидали, увещевали и утешали (I Кор. 14, 1, 3),

исцеляли от болезней душевных и телесных, предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Таким образом старчество есть пророческое служение.

Нельзя отнести к старчеству и другое, наблюдаемое последнее время в монастырях: это установление так называемых «монастырских старцев», которым поручается чисто внешнее руководство первоначальными и обучение их монастырским обычаям и послушаниям. Но здесь не подразумевается наставление о внутренней брани или благодатное руководство братьями.

В труде проф. Малинина «Старец Филофей» мы находим целый ряд примеров употребления слова «старец» в различных значениях по письменным памятникам XV и XVI веков.

Так, слово «старец» обозначало:

1) вообще престарелого инока независимо от его иерархического положения в среде братства монастыря в противовес мирскому человеку (грамота 1543 г. Арх. Феодосия в Псковско-Печерский мон., а также в актах);

2) иногда под «старцем» разумеется монах, не имеющий никакой степени священства, и в этом случае «старец» противопоставляется игумену, священнику и дьякону (грамота В. К. Василия Иоан. от 1533);

3) в некоторых многолюдных монастырях со временем выделялись «старцы соборные», принимавшие участие в управлении делами монастыря вместе с игуменом, келарем и казначеем (уставная грамота Соловецкого мон. от 1548 г. и др.);

4) «старцем» называется тот, кому поручено духовное руководство новоназначенного или павшего инока (грамота 1543 г. арх. Феодосия);

5) эти старцы-руководители обыкновенно выбирались из лиц высокой нравственной жизни, назывались иногда «духовными старцами». Они пользовались большим почетом и считались кандидатами не только на должности монастырские, но даже в митрополиты. Имело значение, конечно, и прежнее социальное положение инока в миру. Защищая монастырскую недвижимость, Иосиф Волоцкий писал: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благоразумному

человеку постричься, и еще не будет честных старцев, отколе взять на митрополию, или архиепископа, или епископа. А коли не будет «честных старцев» и благородных, то будет вере поколебание»;

б) в значении наставника, руководителя старцем является и игумен монастыря. Вот, например, древняя триодь Волоколамского монастыря с надписью: «Триодь постная, письмо самого отца нашего преподобного старца Иосифа Чудотворца».

Наконец, прибавим от себя, слово «старец» как раньше, так и теперь может быть отнесено ко всякому монаху. Всякий монах, как таковой есть ἱερόν или καλοῦγερὰς т.е. «старец». Славяне это наименование употребляли буквально: «калугер» или переводили: «старец».

Но все эти понятия, вкладываемые в слово «старец», не соответствуют тому понятию старца-харизматика, которое является предметом нашего исследования. Также и сам старец Филофей не относится к последнему типу – это обыкновенный учительный старец, не одаренный особыми харизмами*.

С самого своего возникновения монашество ставило себе целью достижение бесстрастия. Вся аскетическая литература говорит о психологических законах, по которым протекает жизнь души, указывает пути очищения от страстей, разрабатывает методы к достижению бесстрастия, говорит о нем и связанным с ним безмолвием и Богосозерцанием. Создается целая наука о душе, и возникает целое Исихастическое Богословие. Новоначальный монах самостоятельно не в состоянии разобраться во всем этом огромном материале. На пути к бесстрастию должен быть руководитель, учитель-старец, сам прошедший эту школу и достигший уже бесстрастия.

Обратимся теперь к историческому исследованию происхождения современного духовничества и его связи с древне-монастырским старчеством, которое производит проф. С. И. Смирнов в своем труде «Древнерусский Духовник». Этот труд помогает нам, с одной стороны, раскрыть понятие старчества, а с другой, уяснить современное состояние духовенства,

* Малинин. «Старец Филофей». Киев, 1901.

его происхождение, а также взаимоотношение и границы этих двух институтов Церкви.

Проф. Смирнов в своей магистерской диссертации «Духовный отец в древней Восточной Церкви» указывает, что «харизматические явления первых веков христианства повторились среди древнего монашества, что старцы были носителями этих харизм – особых даров Св. Духа, подаваемых человеку непосредственно от Бога по личной заслуге». «Духовные писатели устанавливают чрезвычайно высокую точку зрения на монашество. Подвижник в идеале есть существо богоносное, духоносное, бог. Как таковой он получает духовные дарования, изливаниями которых отличались первые времена христианства. Дары пророчества, изгнание бесов, исцеления болезней и воскрешения мертвых не являются исключительными. Они обнаруживают только нормальную степень духовного возраста инока». «Тайная исповедь и духовническое врачевание рассматривались тоже как благодатный дар, “рассуждения духовом” (I Кор. 12, 10). Он не связывался с иерархической степенью епископа и пресвитера, а был приобретаем пострижением в схиму»*. «Право вязать и решить», или «власть ключей», они трактовали, как совершенство дарований**.

В древних монастырях Востока исповедь и покаяние слагаются в самостоятельную систему, отличную от современной ей церковной покаянной дисциплины.

Рассмотрим, какова эта монастырская практика; «отец духовный» – «пневматикос патир»*** – обозначает собою не священника, не исполнителя епископского поручения, это «про-

* Смирнов. «Древнее духовничество и его происхождение». Бог. Вест. 1906, т. II. стр. 377–378.

** Там же. В древности не существовало взгляда на sacramентальную исповедь, как на единственное и неизбежное средство для прощения грехов, допущенных человеком после крещения. Исповедь и покаяние представлялись только одним из многих способов очищения от грехов. Св. Иоанн Златоуст, например, указывает пять таких способов: 1) Публичная исповедь. 2) Путь плача о грехах. 3) Смирение. 4) Милостыня – Царица добродетелей. 5) Молитва.

*** Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам. Этот термин появляется уже с IV века и существует до половины IX века.

стой монастырский старец, обязательный наставник инока, самостоятельно поставленный в монастыре и свободно выбранный учеником, большею частью не имевший священного сана»... «Он брал души учеников на свою душу, руководил ими в каждом шаге духовной жизни, а потому, принимая исповедь их помыслов и дел, поощрял и наказывал».

Нравственно бытовые отношения старца и ученика – духовного отца и духовного сына – очень скоро и рано выработались внешне и внутренне в прочную и стройную систему, окрепли в монастырски-бытовую форму*. Древний старец, как позднейший духовник, принимал исповедь и совершал покаяние. Старец обычно принимал исповедь инока по всем грехам, начиная с мимолетного помысла, слегка возмутившего монашескую совесть, кончая смертным грехом. «Старческая исповедь и покаяние заменяли церковную исповедь и покаяние».

Распространение влияния старчества в мирской среде начинается очень рано, вероятно с первых же лет установившегося монашества. На исповедь к старцам ходят миряне, минуя своих пастырей.

Причиной распространения монастырской покаянной дисциплины в Церкви надо признать ее сравнительную легкость, превосходство над церковной и большую жизненность, «строго-пастырский характер при наличии превосходного, популярного в Церкви органа-старчества, такого органа, какого не имела официальная церковная исповедь».

За иной канонический грех древняя Церковь подвергала виновного сначала отлучению, а затем публичному покаянию. Старец же, принявший исповедь брата, тотчас примирял его совесть и налагал епитимию сравнительно более легкую, чем церковная, «решил и вязал».

Со временем монастырская исповедь по всему Востоку вытесняет церковную, которую совершала белая иерархия по канонам, и монастырские старцы – «духовные отцы» - превращаются в духовников.

* Смирнов. «Древнее духовничество и его происхождение». Бог. Вест. 1906, Т. II, стр. 377–378.

Каким же путем совершился переход старчества в духовничество, т.е. превращение монастырского института в общецерковный и сближение старческой исповеди с сакраментальной?

Начало этого явления мы можем уловить в Византийской Церкви только со времени гонения Льва Армянина – 820 г. – на иконопочитателей, когда монастырские старцы были признаны официально константинопольским патриархом Никифором Исповедником как законные совершители таинства покаяния, наряду с епископами и пресвитерами. Мера вызвана была нуждами времени: православию грозила опасность, и оно опирается на содействие наиболее ревностных защитников иконопочитания – монахов, главным образом студитов. Будучи местной, эта мера пролагала путь к вытеснению белой иерархии из покаянной практики на всем православном Востоке и на долгое время, что произошло уже после эпохи вселенских соборов. В течение X–XII веков тайная исповедь окончательно завоевывает господствующее положение, вытеснив исповедь публичную и покаяние по канонам.

Итак, институт «духовного отца» сначала является в форме монастырского старчества. Термин «духовный отец» служит долгое время для обозначения монастырского старца. Затем эта церковно-бытовая форма целиком повторилась в позднейшем духовничестве.

Монастырски-бытовая форма превратилась в форму церковно-бытовую и в таком виде просуществовала на Востоке почти неизменно целый ряд столетий*.

При возникновении христианства на Руси духовенство, пришедшее из Греции и из Болгарии, принесло с собою почти готовую дисциплину покаяния и институт духовничества в тех бытовых чертах своих, в которых они зародились и сложились на Востоке в период вселенских соборов.

У нас дисциплина эта просуществовала почти нетронутой до начала XVIII века, т.к. древнерусская церковная власть, живя традицией и стариной, проявляла в этой сфере очень мало творчества.

* Смирнов. «Древнерусский духовник». Москва, 1913.

Покаянные дисциплины греческой и славянских церквей несколько отличались между собой. По-видимому у южных славян была допущена одна важная особенность – участие белого духовенства в духовничестве, чего не знала Греческая Церковь того времени. Возможно, что не в одинаковой степени сохранились остатки древнехристианской публичной дисциплины.

Хотя мы покаянную дисциплину получили из Греции и Болгарии, однако у нас в отличие от них, в силу огромного пространства территории, очень скоро перестал существовать отдельный класс духовников, и право на совершение исповеди стал получать каждый белый священник при своем постановлении.

Другой особенностью Русской Церкви явилось то обстоятельство, что духовник стал, таким образом, непременно и носителем пресвитерского сана.

Рассмотрим теперь, какова же была эта дисциплина? По обычаю того времени всякий волен был выбирать себе духовника по своему желанию, но уже раз выбранного не имел права оставлять.

Отношение к последнему характеризуется безусловным, беззаветным и беспрекословным повиновением ему, постоянством и верностью до конца жизни. Духовник же, со своей стороны, принимает всю ответственность за грехи своего духовного сына и грехи его брал на свою душу. Приведем пример такой передачи грехов: выслушав исповедь и прочитав молитвы над преклоненным покаянным сыном, духовник подымает его с земли и возлагает правую его руку на свою шею со словами: «На моей выи согрешения твоя, чадо, и да не истяжет о сих Христос Бог, егда приидет во славе Своей на суд страшный».

Духовник «не точию свидетель есть» покаяния духовного сына пред Богом, но является как бы ответчиком за его грехи.

Грех сына, сообщаемый духовнику на исповеди, становился их общим грехом, они являлись, как бы соучастниками преступления. Будучи «поручником стада» своего, древний русский духовник становился вождем его, ведущим в высший Иерусалим, должен был открыть ему Божие царство и привести к престолу Божию, чтобы сказать: «Се аз и чада, яже ми еси дал».

Духовный отец был безусловным и неограниченным руководителем своих духовных детей, подобно игумену или старцу в монастыре, и наложенная им епитимия была все равно что «заповеди Божии» и что духовник связывал, то только он и мог один развязать. Труды проф. Смирнова ценны для нас тем, что они вскрывают генезис старчества и современного духовничества. Они освещают эти явления с исторической и бытовой стороны.

Становится ясным, что быт и церковная дисциплина с самого начала возникновения христианства на Руси были благоприятны старчеству. И мы увидим в дальнейшем, что оно расцвело на этой почве и существовало на протяжении всей русской истории.

Из предыдущего мы уже знаем, что старец есть руководитель своего ученика в трудной и крайне сложной «духовной брани», цель которой есть достижение бесстрастия. Чтобы руководить другими, старец сам должен быть в этом состоянии.

«Кто сподобился быть в сем устроении» (т. е. бесстрастии), говорит епископ Феофан Вышенский, «тот еще здесь, облеченный брэнною плотию, бывает храмом живого Бога, Который руководит и наставляет его во всех словах, делах и помыслах, и он по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас».

«И вот, наконец, Богообщение и Боговселение, последняя цель искания духа человеческого, когда он бывает в Боге и Бог в нем. Исполняется, наконец, благоволение Господа и молитва Его, чтобы, как Он в Отце и Отец в Нем, так и всякий верующий был едино с Ним (Иоанн 17, 21)... Таковы суть храм Божий (I Кор. 3, 16) и Дух Божий живет в них (Рим. 8, 9)*».

«Достигшие сего суть таинники Божии, и состояние их есть то же, что состояние Апостолов».

«Богоявление же является источником множества других благодатных даров, и первее всего – пламенной любви, по коей они с дерзновением удостоверяют: кто нас разлучит от Бога?» (Рим. 8, 35).

* Слова еп. Феофана Вышенского, приведенные Арх. Вениамином, «Всемирный Светильник». Париж, 1932, стр. 81.

«А любовь есть подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня Божественного».

«Поелику такое состояние есть плод безмолвия, когда проходят его с разумом, то не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда. Достигающие чрез безмолвие бесстрастия и чрез то удостаивающиеся преискренного Богообщения и Боговселения, изводятся оттуда на служение ищущим спасения, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими»*.

И далее продолжает Затворник Вышенский: «Достигшие совершенства слышат голос Божий явно в душе своей. На них начинается сбываться слово Господа: «Когда придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Иоанн 16, 13). И Апостол Иоанн также пишет: «Помазание (от Духа) в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас в том и пребывайте (1 Иоанн 2, 27)»**.

Рассмотрим теперь вопрос о старчестве по материалам, какие мы находим у проф. Смирнова в его труде – «Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока».

«По древним монашеским представлениям, старец существо богоизбранное и богоодаренное. Всякий старец непременно обладает какими-нибудь духовными дарованиями.

* Вот прямое указание, что при принятии на себя подвига старческого служения требуется особый зов Божий, или непосредственно, как было с особо великими святыми (Преп. Серафим) или за послушание другому старцу, как мы видим в жизнеописании старца Варнавы или слепца старца Агапита Валаамского и лично нам известного недавно скончавшегося (1943) старца прот. Николая Загоровского (в тайном постриге Серафима), получившего благословение на старчество от оптинского старца отца Анатолия. Такое же «послушание Божию велению» требуется и при взятии на себя подвига юродства. Как в прежнее время появлялось множество лжеюродивых, такое же бедствие постигло современную нам русскую эмиграцию в лице лжестарцев.

** Арх. Вениамин. «Всемирный Светильник». Париж, 1923. Ссылается на Феофана Затв., Лествицу гл. 29, 30, Исаака Сир., стр. 138 и Добр. 3, 5.

Прежде всего дар различения духов [χάρισμα διακρίσεως τῶν πνευμάτων], о котором говорит Ап. Павел (I Кор. 12, 10). Дар различения духов необходим для монаха. Еще Антоний Великий предписывает молиться о том, чтобы приять дарование различения духов, чтобы не всякому духу верить (I Иоанн 4, 1). Дар различения получается путем подвига и с помощью старческих молитв. Варсануфий Великий заявляет: «Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Я молю Бога даровать тебе его, но пусть и твое сердце поболзнет немного, и Бог подаст тебе это дарование... Когда же Бог по молитвам святых и за болезнование твоего сердца даст тебе это дарование, то уже всегда будешь в состоянии различать помыслы Духом Его» (Русск. пер. 262)*.

Различать внушения в душе человека со стороны Св. Духа и Ангелов и со стороны духов злобы не так легко, потому что они не являются отличными, как свет и тьма. Действие благодати обнаруживается в мире и радости, в блаженном настроении, но и грех сладок, и сладкий недуг страсти, особенно страсти духовной, нетрудно смешать с блаженством духовным. «Грех преображается в светлого ангела и уподобляется почти благодати» – говорит Макарий Великий и указывает признаки того и другого (Р. п. 65). Внушения в душе человека обнаруживаются в виде тонких и порою сложных помыслов [λογισμός] в «сердце раждающихся» или «вкрадующихся в разум», порывающихся «откуда-то совне» (Преп. Диадок, 68–84 стр.). Чтобы склониться к доброму внушению и исполнить его, чтобы пресечь худой помысл и сделать его бессильным, нужно открыть источник каждого внушения или помысла. Но в состоянии это сделать только человек, достигший высшей меры духовного возраста, внутреннее око которого очищено. «Если человек не достиг сей меры, то не может различать помыслов, но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи, как хотят, особенно для тех, кто не знает козней их» (Варсон. р. п. 44)** ... Проявление в

* «Богосл. Вест.» Февр., Март, и Апр. 1905 г. стр. 763.

** «Богосл. Вестн.» Апрель 1905, стр. 765.

монашестве чрезвычайного дара различения духов встречается с первого его времени. Св. Афанасий сообщает о преп. Антонии Великом, что он «имел дар различения духов» [χάρισμα διαχρίσεως πνευμάτων εχών] (Р. п. 3, 214–245). Преподобный Евагрий, известный писатель-подвижник, между другими благодатными дарованиями обладал даром различения духов и очищения помышлений (*gratia discernendorum spirituum et purgandarum... congitationum*). **Никто из братии не возвышался** до такой степени духовных отношений. Он приобрел дар этот из жизни, из собственного духовного опыта и, что важнее всего, при помощи благодати Божией (*per gratiam Dei*) (Руфин, История монахов, Р. п. 9697). Об авве Сериде рассказывается: «И помолился Богу дать ему дар рассуждения, приобретя который он мог с помощью небесной благодати путеводить к жизни души, врачевать оскорбленных, преподавать целительное врачевство, слово от Духа истекающее [χάρισμα]*».

«Затрудняемся сказать, – говорит дальше проф. Смирнов, – в каком отношении к дару различения духов стоит дар прозорливости, который между прочим выражается в способности проникать непосредственно в нравственное состояние другого человека, читать в душах других людей. Есть ли прозорливость самостоятельное духовное дарование, или особый вид пророческого дара различать духов, говоря конкретнее – ощущать присутствие духов злобы или ангелов, – мы не знаем. Только это дарование более редко, чем различение духов. Однако примеры обладания этим даром идут также с первых времен монашества. Пахомий Великий и Феодор Освященный обладали даром прозорливости. Каждый узнавал грехи братии или по Духу Божию, «Который был на нем», или же по откровению от ангела. Дар этот подвижники употребляют в интересах исправления людей. Преп. Гелен поселился в одной обители, «некоторым из братии открывал тайные помышления и советы сердца: один увлекался духом прелюбодеяния, другой духом гнева, в иных прозревала кротость, праведность, терпение... И те, которых он обличал, сами должны были признать,

* «Богосл. Вестн.» Апрель 1905, стр. 765.

что он как бы читает в душах их, и сокрушались сердцем (Лавсаик, 183184). Преп. Иоанну открыто было поведение каждого (монаха) в соседних монастырях и он писал отцам, что вот такие то и такие то предаются нерадению, не исполняют в страхе Божиим положенного правила, а другие преуспевали в вере и духовном совершенстве. Писал и самим братьям... Деяния и самые поводы к ним, подвиги и нерадение. он так изображал, что иноки, сознавая правду написанного про них, приходили в сокрушение совести» (Лавсаик, 188)*. Преп. Стефан Савваит также в изобилии обладал этим даром – умел «видеть духом». Он сам говорил: «Я удостоен от Бога дара прозорливости и понимаю по одному виду и зрению помыслы и тайные страсти души из всего, что мы зрим, или о чем нас спрашивают, или кто к нам попадает, я узнаю духовные и душевные нужды» (Vita St. Steph. Iulii., 538–522)**.

Один из живых примеров старческого служения находим мы в житии преп. Серафима. Это ярко выступает в рассказе о том, как к нему пришли одновременно владимирский купец и будущий наместник Сергиевой Лавры, тогда игумен Антоний. Этот рассказ читатель найдет ниже в жизнеописании митрополита Филарета Московского. Из этого случая видно, что преп. Серафим готовил о. Антония к его будущему служению и раскрывал ему духовные законы. На просьбу о. Антония объяснить ему, каким образом происходит действие прозорливости, Преподобный ответил ему следующее: «Я грешный Серафим так и думаю, что я грешный раб Божий: что мне поведает Господь, то я и передаю требующему полезного... Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом: в таких случаях всегда делаются ошибки».

* Там же, стр. 766.

** Там же, стр. 733-774.

Весьма назидательную и многообъяснительную сию беседу старец заключил так: «Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю».

Из сего видно, что Сам Всемогущий Господь говорил устами преп. Серафима. Поэтому он, не задумываясь, сразу отвечал с полной несомненностью, и говорил даже и то, что не приходило и на помысл его собеседнику, но что открывал Дух Святой.

Решительно то же самое говорил оптинский старец о. Варсонофий своему духовному сыну Василию Шустину: «Отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Пойдешь к себе в келью, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это и есть действительный ответ и совет, которого если не исполнит спрашивающий, то навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве после приобщения Святых Таин».

Иначе говоря, это есть совет, преподанный не через человеческий разум, а через наитие свыше, так называемое в аскетике «сердечное извещение». Так бывает по отношению к внешним, но и между старцем и его учеником, когда отношения уже более интимны, старцу открывается об ученике гораздо больше: тот же о. Варсонофий открывает эту тайну своему любимому духовному сыну: «Тут он задумался, видимо чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества – “Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее, да, великая благодать дается старчеству, – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая, прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что

я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени...»*.

Интимная связь старца и ученика простирается до того, что старец принимает на себя его грехи после исповеди, что является возможным благодаря тем благодатным дарам старца, которые мы только что рассмотрели**. «Монах, тревожимый демоном хулы, целых 20 лет напрасно боролся с искушением, наконец написал на хартии свою немощь и пошел на исповедь к старцу. Отдав ему свое писание, монах повергся на землю. Старец, как скоро прочел, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Возложи руку твою, чадо, на выю мою» и когда иннок сделал это, великий старец говорит: «На вые моей грех этот, сколько лет не действовал и ни будет действовать в тебе, а ты уж после этого не ставь его ни во что». И этот монах подтверждал, что прежде, нежели вышел он из келии старца, немощь его прекратилась*** (Лест. Слово 23).

Другим и притом более обязательным средством прощения грехов было молитвенное предстательство пред Богом за грешника со стороны лица, принявшего его исповедь. Авраам, ученик преп. Сисоя, был однажды искушен от демона. Старец, увидя его падение, встал, простер руки к небу и сказал: «Боже, угодно ли Тебе, или неужгодно исцелить, но я не отступлю от Тебя, пока Ты не исцелишь его...» И ученик тотчас исцелился (Aporh. Mig, P.G. XXV, 3961). Когда старец принял исповедь инока, отрекшегося от веры и от св. своих иноческих обетов, он наложил на падшего епитимию и прибавил: «А я буду умолять Бога за тебя». Старец трудился за брата и молился Богу: «Господи, прошу Тебя, даруй мне душу эту и прими покаяние ея». И услышал Бог молитву его (Пат. из. по гл. 5 §41, стр. 108–109).

Приводим аналогичный рассказ Лавсаика. Авва Аполлос говорил предводителю разбойничьей шайки: «Если ты, друг, слушаешь меня, то я умолю Владыку простить тебя грехи» (Лавс. стр 162).

* В. Ш. «Из лич. Восп.». Белая Ц. 1929, стр. 19 и стр. 49. 20.

** Смирнов. «Исповедь и покаяние в древн. мон. Востока», стр. 474–475.

*** Этот рассказ лег в основу исповеди в Древней Руси, как мы видели выше.

Молитвы старца в большей степени возбуждали милосердие Божие к грешнику и доставляли ему прощение, чем его собственные покаянные подвиги. По рассуждению преп. Варсануфия, грешник, «будучи сам по себе недостаточен к уплате долгов своих, приносит малое, а молитвы святых (т.е. старцев) многое». Но это не освобождает ученика от личного подвига: «Знак великого невежества, чтобы не сказать безумия, искать спасения молитвами святых тому, кто в сердце услаждается пагубными делами...». Молитва в таких случаях бесплодна (Добр. 3, стр. 300).

Связь старца и ученика не разрывается даже смертью. Молитвы старца о послушнике неизменно сопровождали его в пути жизни, как этой, так и будущей, и на земле и за гробом. Инок спрашивает подвижника: «Как должно молить отцов о прощении грехов своих? Говорить ли: «простите меня», или: «испросите мне прощение?» Когда молю Самого Господа, как должен я говорить?» Ответ дается такой: «Когда молил отцов, отошедших к Богу, то следует говорить: «простите меня», когда еще пребывающих с нами, то: «помолитесь о нас, чтобы получить нам прощение». А когда молишь Самого Владыку, говори так: «помилуй меня, Владыко, ради святых Твоих мучеников и ради святых отцов, и молитвами их прости мне согрешения мои» (Вар. р. п. стр. 439–440). Один брат, почувствовав приближение смерти, просил у пр. Варсануфия прощения. Старец отвечал ему: «Не скорби, брат: смерть без грехов не смерть... Говорит же тебе Бог Великий Царь наш: прощаются тебе все грехи твои; преимущественно за молитвы и моления святых (т.е. старцев) и ради твоей веры в Него» (Варсан. р. п. 101)*.

Высочайшие благодатные дары неразрывно связаны с глубочайшим смирением. Отца Амвросия Оптинского спросили: Можно ли совершенствоваться в жизни духовной?»

Ответ старца:

«Не только можно, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, т.е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари»**.

* Смирнов. «Бог. Вест.» Март, Апр. стр. 475–478, 733–774. 1905 г.

** Жизнеописание Оптинского Старца Амвросия, стр. 99. Москва, 1900.

Старчество никогда не превозносилось своими духовными дарованиями и отнюдь не ставило себя выше духовной иерархии.

Вот, что пишет в IV веке великий подвижник и старец св. Феодор Освященный о смирении:

«Велик дар видений, как дар Св. Духа, но велика должна быть при сем и осторожность. Да не мыслит о себе такой человек много, будучи сам никто, и да не увлекается желанием владеть более даром видений, дабы все его благочестие не обратилось в дым и тень, что со многими случалось... Это говорю не только тем, которые не достигли высшей степени совершенства, но и тем, которые стоят на нем, дабы все мы о себе и своих делах думали смиренно и молились о том, чтобы избежать вечных мучений. Об этом молились и самые святые – Давид не говорит ли: «Сохрани душу мою и избави мя» (Пс. 24., 20). Св. Павел не говорит ли также: «И избавлен бых от уст львовых» (II Тим. 4, 17).

Поистине мы имеем дело с врагом тонким и хитрым, который часто заблуждение и ложь прикрывает видом истины, так что не имея особого дара различения, мы всегда в опасности обмануться. Но тот не будет прельщен, кто во всем повинуется Богу и его рабам.

«Наблюдая сие, братия, каждый да хранит данную ему от Бога меру благодати, пастырь ли он или овца. Но все будем молиться, дабы быть в числе овец. Ибо один только есть истинный Пастырь – это Тот, Кто сказал о себе: «Аз есмь Пастырь добрый». Но после того, как Господь Бог явился, после того, как и слово Божие приняло образ и подобие человека, и по особой милости, чрез познание истинной веры, поставило нас на путь спасения, потом, восходя на небо, поставило преемниками Себе Апостолов, мы и теперь имеем нужду в пастырях, чтобы пастись в Господе». Несмотря на все благодатные дары Св. Духа, Св. Феодор смиряется перед епископом:

«Знаем, что Апостолам в достоинстве отцов преемствовали епископы. Те, которые в их голосе слышат голос Иисуса Христа, суть истинно сыны Божии, хотя бы не были из клира». Проф. Казанский в своей книге «История Православного мо-

нашествия на Востоке», откуда приведены слова св. Феодора, комментирует их следующим образом:

«Таким образом, сей святой человек, коего опытность в благодати видений и откровений не могла быть большею, научает нас судить о них только по сообразности с решениями Церкви и суждение епископов, назначенных для наставления, предпочитает всем частным откровениям».

По словам св. Афанасия, и св. Антоний Великий высказывал смирение подобное сему: «Как ни был славен Антоний, но никогда слава не омрачала его смирения: смиренно наклонял он голову перед епископами и пресвитерами. Диаконов, приходивших к нему за наставлениями, назидал словом и вместе просил молиться за себя»*.

Этот случай относился к древности, но такое же точно отношение видим мы и у современного нам оптинского старца. В жизнеописании старца о. Варсонофия мы ниже приводим случай, когда он запретил С. А. Нилусу восставать на епископа, допустившего варварское реставрирование чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери. «Только не идите войной на епископский сан, – заключил свою речь Старец, – а то вас накажет Сама Царица Небесная».

Приведем теперь пример идеального взаимоотношения одного из величайших епископов – Афанасия Великого – к одному из величайших старцев, наставнику десятков тысяч монахов: Феодору Освященному.

Последний «взял с собою более уважаемых в братстве и имеющих лучший голос в пении и пошел навстречу святому Афанасию, который, пользуясь миром Церкви, посещал Египет и в то время по Нилу плыл в Фиваиду. Он встретил его повыше округа Гермипольского. По обоим берегам реки было бесчисленное множество народа, среди которых находились епископы, великое число клириков и множество иноков, которые стекались туда из всех соседних мест.

Святой Афанасий, увидав Феодора с иноками, сказал словами пророка: «Кии суть, иже яко облацы летят, и яко голубие со

* Казанский. «Ист. пр. мон. на Востоке». Москва, 1854. Стр. 80 и 215.

птенцы ко мне?» (Ис. 60, 8). Он с любовью приветствовал Феодора и с отеческим участием спрашивал о состоянии его обителей.

Св. Афанасий, выйдя на берег, сел на осла, которого св. Феодор, взяв за узду, провел через толпу народа, шедшего с горящими факелами, при пении иноками псалмов и священных песен. Афанасий, видя смирение Феодора и ту радость, с которою совершал свое дело, сказал окружающим слова, свидетельствующие о смирении как Феодора, так и самого Афанасия: «Смотрите, с какой ревностью идет впереди нас сей начальник множества иноков! Вот истинные отцы, более заслуживающие носить сие имя, чем мы, по своему смирению и покорности ради любви Божией. Как блаженны и достойны уважения те, кто постоянно носят крест своего Спасителя, славу свою полагают в унижении, покой в труде до тех пор, пока воспримут венец из рук их Владыки...»

В лице этих двух святых: старца и епископа, мы видим образец идеального отношения. Старец смиряется перед епископом, как если бы был пред ним Сам Христос, а епископ пред старцем, т.к. чрез него непосредственно открывается воля Божия. В этом сотрудничестве, в этом синергизме епископского сакраментально-административного служения и старческого, руководительно-пророческого, в их гармоническом сочетании-симфонии кроется залог расцвета духовной жизни Церкви. Разительный пример этого мы находим в сотрудничестве митрополита Гавриила (Петрова) с архимандритом Феофаном Новоезерским, что создало целую эпоху расцвета монашества и духовной школы.

Из свойств старца вытекает и безграничная его власть.

По поводу власти старца проф. Смирнов говорит: «Неизвестно точно, с какого момента времени, но по-видимому очень рано, в монастырях и игуменским и старческим эпитимиям стали придавать большее значение, чем простому дисциплинарному наказанию. Эпитимия признавалась не разрешимой никакой иной властью кроме наложившей ее. Происходило это из представления об абсолютной игуменской и старческой власти, а также от того, что в эпитимиях старцев стали видеть

проявление связующей и решающей власти, данной Господом Апостолам, хотя большая часть игуменов и старцев не имела иерархического сана»*.

Наложенную старцем эпитимию никто, кроме него, не может отменить. В подтверждение этого Феодор Студит** приводит рассказ:

«Один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все откладывал. Недовольный этим, в негодовании старец наложил на ученика запрещение не вкушать хлеба, пока не исполнит порученное дело. Когда ученик отправился исполнить порученное повеление, старец умер. После его смерти ученик желал получить разрешение от наложенного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы решился разрешить это недоумение. Наконец, ученик обратился с просьбой к Константинопольскому Патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев. Но ни патриарх, ни собор*** не нашли возможным разрешить эпитимию старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти принужден был питаться пищею из одних овощей»****.

Другой случай помещен в прологе 15 октября. Приведем целиком эту необычайную повесть, которая ярко изображает всю силу власти старца «вязать и решить».

«В скиту жил монах, который в продолжение многих лет был послушлив своему отцу. Наконец, по зависти бесовской, отпал от послушания и без всякой благословной причины ушел от старца, презрев и запрещение (эпитимию) за непослушание. Пришедши в Александрию, он был схвачен и при-

* Смирнов. «Исп. и пок. в дрв. м-рях Вост.». Бог. Вест. 1905, стр. 743.

** «Огласит. Поуч.» Изд. Опт. Пуст. Поуч. 33.

*** Ясно, что дело идет здесь о так называемых «Εὐνοδοῦς ἐνδιδιοῦτα» – это собор из епископов, случайно пребывающих по делам в данный момент в столице, создаваемый патриархом в случае нужды

**** Этот пример приводит Смирнов в своей статье в Бог. Вестн. 1905 г. (февр., март., апр.) «Исп. и пок. в др. м-рях Востока». Наша работа произведена независимо от этого исследования проф. Смирнова. Несмотря на это принципиальные взгляды и выводы совпадают.

нужден тамошним князем отречься от Христа, но он остался непоколебим в твердом исповедании веры и за то был мучен и предан смерти. Христиане того града взяли тело нового мученика, положили в раку и поставили в святом храме. Но в каждую литургию, когда диакон возглашал: «Елицы оглашении изыдите» – рака с телом мученика к удивлению всех невидимою силою выносилась на паперть, а по окончании литургии сама собою поставлялась опять в храме. Один Александрийский вельможа молился о разрешении этого недоумения. И ему было открыто в видении, что замученный монах был учеником такого-то старца и за непослушание был связан запрещением старца. Как мученик, он получил венец мученический, а как связанный епитимией старца, не может оставаться при совершении Божественной Литургии, пока связавший не разрешит его. Тогда же отыскан был старец, который пришел в Александрию и разрешил связанного от запрещения. С того времени рака уже не трогалась со своего места».

Ссылаясь на эту повесть, проф. Смирнов делает следующие выводы:

«Из этого рассказа выходит, говорит он, что старческая епитимия имеет полную каноническую силу. Она есть проявление апостольского права «вязать и решить», и никакие личные подвиги связанного, даже мученическая смерть за Христа, не освобождают от ее уз»*.

Такой взгляд на власть старца мы находим не только в древние времена. Не изменился он и в наше время.

Вот 30-летний послушник Василий (будущий старец иером. Варнава, сконч. в 1906) в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры находится на послушании старца Григория.

«Однажды во время предсмертной болезни старца Григория Василий зашел навестить болящего и долго в тот раз оставался у его одра, в последний раз утоляя мудрыми наставлениями старца свою жажду духовной жизни. В это-то время на него и был возложен подвиг старчества, который он подъял на себя после смерти своих наставников.

* Смирнов. «Исп. и пок. в древ. м-рях. Вост.» Бог. Вест. Апр. стр. 744.

Давая Василию завет с любовью принимать всех входящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий подал ему две просфоры и сказал: «Сим питай алчущих – словом и хлебом, тако хочет Бог». В конце же всего он присовокупил, открывая ему волю Божию, что им должна быть устроена женская обитель в отдаленной местности и сплошь зараженной расколом. При этом старец с любовью и жалостью взглянул на своего ученика, не скрывая от него, что ему много придется потерпеть и понести скорбей и неприятностей.

В 1865 году послушник Василий лишился другого старца – Даниила, который, умирая, подтвердил своему ученику прежний завет – принять и продолжать после него подвиг старчества. Когда же Василий со слезами просил освободить его от этой тяготы, из уст старца Даниила пошла кровь... и он тихо скончался на руках своего любимого ученика.

Вступление Василия на путь народного наставничества совершилось естественно. Еще при жизни старца Даниила послушник Василий по поручению старца и от его имени давал посетителям ответы и советы на их различные запросы.

Таким образом о. Василий начал старчество и скоро приступил к созданию Иверского-Выксунского женского монастыря. Не миновал он и скорбей. Дошло до того, что невинного старца судили на Лаврском «соборе». Заступился тогда за него схимник о. Александр. Мудрое он сказал слово, и все умолкли после того. «Если кто может, – сказал о. Александр, – снять с него старческий завет – устроить обитель и заботиться о ней, – то и он станет в стороне, а если нельзя никому снять с него этого послушания, завещанного старцем, то нельзя и запрещать нести его». Молча выслушано было это мудрое слово, и все молча оставили собрание, чем и был положен тогда же конец всем нареканиям и на батюшку»*.

Воля старца обязательна была не только для духовных его чад, но и для всего монастыря. Вот к каким печальным последствиям приводили нарушения завещанных ими традиций.

* Жизнеоп. о. Варнавы. Сергиев Посад, 1907.

«Прошел слух, что кто-то из оптинских советует о. архимандриту спилить для лесопилки вековые сосны, что между скитом и монастырем: все равно-де, на корню погниют от старости.

Приходил сегодня наш скитский друг о. Нектарий (последний оптинский старец).

«Слышали?» – спрашиваю.

«О чем?»

Я рассказал о слухе.

«Этому, – с живостью воскликнул о. Нектарий, – не бывать, ибо великими старцами положен завет не трогать во веки леса между скитом и обителью. Кустика не дозволено рубить, не то что вековых деревьев».

И тут он поведал мне следующее: «Когда помирал старец о. Лев, то завещал скиту день его кончины поминать «утешением» братии и печь для них в этот день олады. По смерти же его, нашими старцами Моисеем и Макарием было установлено править на тот же день соборную по нем панихиду. Так и соблюдалась заповедь эта долгое время до дней игумена Исаакия и скитоначальника Илариона. При них вышло такое искушение. Приходит накануне дня памяти о. Льва к игумену пономарь Феодосий с предложением отменить соборное служение.

Игумен не согласился. И что же после этого вышло? Видит во сне Феодосий: батюшка Лев схватил его с затылка за волосы, поднял на колокольню на крест и три раза погрозил: «Хочешь, сейчас сброшу?»

И в это время показал ему под колокольной страшную пропасть. Когда проснулся Феодосий, то почувствовал боль между плечами. Потом образовался карбункул. Более месяца болел, даже в жизни отчаялся. С тех пор встряхнулись, а то было хотели перестать соборно править.

А в скиту в тот день келейник о. Илариона, Нил, стал убеждать его отменить олады.

«Батюшка, – говорит, – сколько на это крупчатки уходит, печь приходится их на рабочей кухне, рабочего отрывать от дела, да и рабочих тоже надо потчивать; где же нам муки набраться?»

И склонил-таки Нил скитоначальника, – отменили олады. Тут вышло посерьезнее Феодосьева карбункула: с того дня заболел о. Иларион и уже до конца дней не мог совершать Божественную службу, а Нила поразила проказа, с которой он и умер, обессилев при жизни до того, что его рабочий возил в кресле в храм Божий. Мало того: в ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмена «утешения», на рабочей кухне в скиту угорел рабочий и умер. Сколько возни с полицией-то было. А там и боголюбцы муку крупчатку в скит жертвовать перестали...» – добавил о. Нектарий к своему рассказу, и заключил его такими словами:

«Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие хибарки, повесят замки на их двери, ну, тогда... всего ожидать будет можно, а теперь «не у прииде время».

Батюшка помолчал немного, затем улыбнулся своей светлой добродушной улыбкой и промолвил:

«А пока пусть себе на своих местах красуются наши красавицы-сосны». Действительно – красавицы.

«Не у прииде время», – сказал старец в 1909 году... но, увы! – «время прииде»...*

Но вот что передает современный очевидец:

«Хочу вам рассказать один эпизод поругания оптинских святынь. Уже после закрытия монастыря я с Мамочкой по дороге к батюшке (старцу о. Нектарии) в Холмищи заходил часто в Оптину пустынь, которая была превращена в лесопильную артель, а скит в дом отдыха. Безжалостно спиливали великолепные сосны оптинского леса, визжали пилы, слышна была ругань рабочих, нет ни одного монаха. Грустно и тяжело было видеть настоящее, вспоминая духовный расцвет Оптиной в прошлом. Поклонившись тогда еще существовавшим могилкам старцев, мы с Мамочкой пошли к скиту, чтобы побывать возле благодатной хибарки старца. Подойдя к св. воротам скита, мы остановились и молча думали о батюшке, вспоминая, как в хибарке преподавал св. благословение старец. Вы помните, что в

* С. А. Нилус. «На берегу Божией Реки». Троиц.-Серг. Посад. 1916 г.

скит женщинам входить было нельзя, и можете себе представить наш ужас, когда мы увидели, что из скита святыми воротами Иоанна Предтечи выходит – жирный брюнет с курчавой головой в трусах, его толстая супруга в купальном костюме и голый их отпрыск... трудно писать и говорить об этом...»

Итак, благодатный старец, личным опытом прошедший школу трезвения и умносердечной молитвы и изучивший, благодаря этому, в совершенстве духовно-психические законы и лично достигший бесстрастия, отныне становится способным руководить новоначальным иноком в его «невидимой брани» на пути к бесстрастию. Он должен проникать до самых глубин души человеческой, видеть самое зарождение зла, причины этого зарождения, установить точный диагноз болезни и указать точный способ лечения. Старец искусный духовный врач. Он должен ясно видеть «устройство» своего ученика, характер его души и степень духовного развития его. Он должен непременно обладать даром рассуждения и «различения духов», т.к. ему все время приходится иметь дело со злом, стремящимся преобразиться во ангела света. Но, как достигший бесстрастия, старец обычно обладает и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворения, пророчества.

Старчество на своих высших степенях, как например, преп. Серафим Саровский, получает полноту свободы в своих проявлениях и действиях, не ограниченных никакими рамками, т.к. уже не он живет, но в нем живет Христос (Гал. II, 20) и все его действия в Духе Святе, а потому всегда в гармонии с Церковью и ее установлениями.

Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости, а потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней, каким был вначале отец Варнава Гефсиманский. Старцем может быть и епископ: например Игнатий Брянчанинов, или Антоний Воронежский – великий современник преп. Серафима. Из иереев

назовем св. Иоанна Кронштадтского, о. Егора Чекряковского. Наконец, старчеством может и женщина, как, например, прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христе юродивая Дивеевская, без совета которой ничего не делалось в монастыре.

Истинное старчество есть особое благодатное дарование – харизма – непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости.

В то время, как церковной власти обязаны подчиняться все члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже беспрекословно повиноваться во всем старцу, т.к. через последнего открывается непосредственно воля Божия*. То же самое вопрошать старца ни для кого не обязательно, но спросив совета, или указание, надо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия чрез старца влечет за собою наказание.

* Такое иноческое послушание, в том виде или характере, как оно проходило среди древнего монашества, епископ Игнатий называеъ «высоким духовным таинством».

ГЛАВА II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ «УМНОГО ДЕЛАНИЯ» НА РУСИ

С древних времен христианский мир разделяется на две главные ветви: восточную и западную – Византию и Рим.

По восточному миросозерцанию главою Церкви является Христос; мистическим телом ее – совокупность верующих, объединяемых Духом Божиим, пребывающим в Церкви, как в живом организме, и живущим в каждом члене ее.

Древняя Византия осуществила государство, построенное на идее православия. Проф. А. В. Карташев следующим образом характеризует такое государство: «Государству, царству и народу вручены величайшие, вечные заветы: служение, входящее в план Божественного мироправления. Оно имеет вечное значение. Поэтому власть государственная установлена Богом. Она служит целям царствия Божия и ответственна перед Богом за приведение управляемого ею народа в чистой, неповрежденной еретиками вере, к порогу царства Христа грядущего»*.

Управление государством представлялось в теократической симфонии двух властей – царской и патриаршей. Каждый в своей области – царь в светской, патриарх – в духовной стремятся к осуществлению этой единой цели. Так было на Востоке.

На Западе христианство получает от умирающей языческой Римской Империи идею мирового господства, претворяет ее в свою плоть и кровь и уже на этом основании созидает свою идеологию.

* Проф. А. В. Карташев, «Святая Русь в путях России». 3-я лекция, стр. 8. Париж.

Идея вселенскости Церкви обращается в идею церковного земного государства. Единство мистическое ее в этом аспекте осуществляется в сосредоточении всей власти, как духовной, так и политической в одном лице ее главы. Это лицо воплощает в себе всю полноту идеи Церкви. Папа становится единственным носителем откровения, ему постоянно присуща непогрешимость. Идея Церкви как единого живого организма ослабляется. Все ее члены становятся простыми подданными Папы.

Тяжелым гнетом лежала власть римско-католической церкви на германских народах. Их свободолюбивый дух являл как раз обратное – стремление каждой личности к самостоятельному свободному развитию. И протестантизм освободил государство и науку от сковывающего влияния римского деспотизма. Но, отвергнув ложные притязания Рима, протестантизм искажил понятие Церкви и ее соборности и должен был признать изолированное стремление каждой личности к Богу – собирательную религиозность. И, естественно, протестантизм не мог удержаться от распада на множество сект, безнадежно утерев способность к единомыслию и единству.

Протестантизм уже не имел духовного главы и собственного органа власти. Обычно во главе реформации становились светские властители и естественно подчиняли государству всю церковную сферу. Ею уже заведует государственное учреждение. Церковь становится частью государства.

Под влиянием гуманизма появились новые идеи «естественного права». Целью государства является теперь достижение здесь, на земле, «всеобщего блага». Осуществлению этого блага должна подчиняться и Церковь, как и все в государстве. Власть светская становится абсолютной, самодовлеющей, все исключающей. Так возникла протестантская система абсолютного государственного верховенства над Церковью.

Разделившись, Запад вступил в бесконечную и безнадежную междоусобную борьбу.

С необычайной легкостью восприняла Русь от Византии Православие. Сама того не подозревая, Византия готовила себе в русском народе достойного исторического наследника.

С момента политической гибели Константинополя Московское государство принимает от него в наследие миссию «нового Израиля» – единственного во всем мире государства-хранителя истинной религии. По этому мировоззрению «василевс» есть канонически полный попечитель Церкви. Царь – защитник неповрежденных догматов и всякого благочестия. Он один носит этот вселенский православно-церковный сан для всех других православных народов.

Мировой центр из Рима, согласно этой идеологии, перемещается в Византию, а затем, когда Византия теряет свое первородство, приняв унию на Флорентийском соборе, этот центр переходит в Москву.

Под влиянием Православия и идеи «Третьего Рима» – «Святой Руси» выковывается могучий культурно-исторический тип русского народа, который и начал создавать Великую Империю.

Но вот этому мирозерцанию приходится выдерживать ряд испытаний. После внешнего натиска «ветхого Рима» и смутного времени, в эпоху Петровских реформ наступает враг, или конкурент гораздо более могущественный – это мировая секуляризация европейской культуры, смена теократии – антропократией, Боговластия – человековластием, христианства – гуманизмом, права Божественного – правом человеческим, абсолютного – относительным, снятие запрета с мысли и воли. Целью «Святой Руси» было небо, здесь земля. Там законодателем был Бог через Церковь – здесь автономный человек через вооруженную научным просвещением государственную власть. Там критерием поведения был мистический страх греха, здесь – утилитарный мотив «общего блага»*.

В то время в русское Православие проникли католические и протестантские начала, причем каждое стремится подчинить его себе.

Русь была совершенно не подготовлена встретить натиск врагов, совпавший с периодом ее духовного упадка, а кроме того богословская мысль ее еще не успела ни развиться, ни окрепнуть.

* Проф. А. В. Карташев. «Святая Русь в путях России». 3-я лекция. Париж, стр. 20.

Не было своих ученых, не было своей самобытной школы. Просвещение шло с Запада или Юга. Ученые богословы были призываемы главным образом из Киева. Это были выученики Академии Петра Могилы или получившие образование в европейских богословских школах. Методы образования в Академии Петра Могилы были взяты также с западного образца. Таким ученым западной формации и явился Феофан Прокопович, автор «Духовного регламента», в котором торжественно была провозглашена церковная реформа.

В сущности, этот «Регламент» является программой русской реформации. Творцами его были Петр Великий и Феофан Прокопович. В лице Феофана Петр нашел понятливого и исполнительного истолкователя своих пожеланий, идейного помощника, который не только создал «Регламент», но и сохранил реформу и после смерти Петра.

Петр тщательно изучил церковное управление в протестантских странах и ввел его у себя по образцу скандинавских государств. Органом управления Церкви стало не церковное, а государственное учреждение. В своем объяснении «Что есть Духовное Collegиум» Феофан исходит из государственной пользы, игнорируя церковные примеры и каноны. Необходимость этой реформы Феофан аргументирует в «Регламенте» доводами от государственной безопасности: «Велико и се, что от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущений, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великаго, высочайшаго пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то вторый Государь, самодержцу равносильный или больший его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство»*.

Феофан желает подорвать в народе «высшее представление о первосвятителе», для этого показывает народу подчиненное положение духовного сана: «А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским

* Ю. Ф. Самарин. Том V. Москва, 1880 г., стр. 288. «Ст. Яворский и Ф. Прокопович».

приговором установлено есть, то и паче пребудет в кротости своей, и весьма отложит надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовнаго»*.

В своей брошюре «исторический розыск» Феофан называет царя епископом, играя софистически на буквальном переводе этого слова, что значит «надзиратель»: «И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов», как будто епископы так называются по своей должности, а не по своему сану. «Так Феофан и думал в действительности», замечает по этому поводу проф. Флоровский. «Существует только власть и нет никакой особой духовной власти – «папешский се дух»**.

Эта доктрина была типична для той эпохи и вытекала из реформатского принципа: «Cuius regio, eius religio».

Государю принадлежала вся полнота власти над его страной и над всем, что там находится, а, следовательно, и над Церковью.

Этим регламентом канонический статут монархов, как сынов Церкви, подменяется немецким еретическим правом, которое поглощает свободу Церкви, т.к. монарх становится уже главою ее и деспотом.

«Духовный регламент» был направлен не только против патриаршества, но и против монашества.

В России издавна монашество пользовалось высоким авторитетом: в монастырях спасались прославленные подвижники Земли Русской, монастыри были очагами веры и патриотизма, несокрушимыми твердынями против нашествия врагов, рассадниками просвещения, воспитателями народа, русские цари перед смертью принимали схиму.

На Западе монашество развивалось у католиков в связи с учением об оправдании личными заслугами. Протестанты отвергали монашество, т.к. по их учению, не дела оправдывают человека, а вера.

* Там же, стр. 289.

** Прот. Флоровский. «Пути русского Богословия», стр. 87.

Феофан Прокопович о монашестве рассуждал по-протестантски, считая, что вести богоугодную жизнь можно и в миру, и часто указывая на лицемерие, суеверие, гордость, связанные, по его мнению, с монашеством. В этом отрицательном отношении к монашеству Феофан вполне сходиллся с Петром. «Можно сказать, что Петр в каждом монахе склонен был видеть праздного человека, готового при удобном случае сделаться бунтовщиком, Феофан – католика, возлагающего упование на свои личные заслуги»*.

В изданном в 1724 г. пространном «Объявлении о звании монашеском», написанном Феофаном, содержится резкое осуждение монашества.

В духе этого «Объявления» написаны Феофаном Прокоповичем постановления о монашестве, содержащиеся во 2-й части прибавления к «Духовному Регламенту» и сводящиеся к значительным стеснениям монашества.

Приведем некоторые из них: «Не принимать в монахи ниже тридесятого году возраста. Женщин моложе 50 не постригать. Скитков пустынных строити не попускати. Монахам никаких писем как и выписок из книг не писать, чернил и бумаги не держать».

По поводу этого последнего Гиляров-Платонов говорит: «Когда Петр I издал указ, запрещавший монаху держать у себя в келье перо и чернила, духовенство должно было почувствовать, что отселе государственная власть становится между ним и народом и старается разрушить то взаимное доверие, какое были между пастырями и паствою».

В дополнение к постановлениям о монашестве, был издан в 1723 г. следующий указ: «Во всех монастырях учинить ведомость, колико в них монахов и монахинь обретаются, и впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат»**.

Двумя указами управление монастырскими вотчинами было передано особому Приказу, а монахам было повелено

* Ю. Ф. Самарин. «Стефан Яворский и Ф. Прокопович». Москва, 1880.

** Там же, стр. 325.

выдавать жалование. «Указы Петра I (П. С. 3. т. VII 4455, 4456, 4572), Анны Иоанновны (П.С. 3. т. IX 6585) и Екатерины II (П.С. 3. XVI 12060) ограничивали число поступающих в монашество. Монастыри обезлюдели с отнятием земель и вотчин. Богатые обитатели обеднели до крайности, а средние закрылись. Во многих монастырях церкви нередко стояли без глав и крестов, крыши их прорастали мхом, кельи, подкосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными» (Чт. Общ. люб. дух. просв. 1893, Сент. 166). Отсутствовали иеромонахи, и приходилось приглашать белого священника. В монастырях доживали престарелые и больные, а иногда все «разбродились розно» и монастырь закрывался. В одном синодальном донесении говорится: «В монастырях монахов весьма недостаточно, в числе же наличных многие к употреблению в священнослужение и прочия монашеския послушания совершенно неспособные. Как в мужских, так и в девичьих монастырях таков же недостаток» (П.С. 3. т. XI 8303).

Теперь монашество перестало являться идеалом общества как было в Древней Руси, когда оно привлекало к себе одухотворенные элементы. Высшие слои общества увлекались идеями, принесенными с Запада, среди простонародья распространились всевозможные секты. Монашество же, обескровленное и обездоленное, в большинстве являет собою картину распада. Так, назначенный благочинным игумен Валаамского монастыря Назарий в 1795 г. жалуется на общее бродяжничество монашествующих. Но еще в 1786 г. и сам м. Гавриил делает распоряжение, чтобы монашествующие по дворам не шлялись. Настоятели смотрят на свою должность как на источник дохода. Пьянство является общим бичом*.

Но вместе с тем, в середине XVIII столетия при этом полном упадке и вымирании неожиданно наступают признаки весны. Так после строгой и суровой зимы вдруг начинают пробиваться из недр земли новые, молодые побеги свежей растительности. Пролился теплый благодатный дождь. По-

* Сведения взяты из «Христианского Чтения» за 1901 г., ч. 2-я, стр. 500 и др.

веяло духом. Началось Воскресение. И яркая, благоуханная весна вступила в свои права.

Две сильные личности дали толчок этому возрождению: один – архимандрит Паисий Величковский за пределами России возобновляет учение о духовной молитве, другой – преосвященный Гавриил, митрополит С.-Петербургский, создает питомники, откуда это учение могло распространяться. Переведенное Паисием Величковским и изданное митрополитом Гавриилом «Добротолюбие» послужило основанием этому движению.

Настоящий труд позволяет нам вкратце коснуться того великого значения, какое имел Паисий Величковский для жизни всей религиозной России за два последних столетия. Повторим слова оптинского составителя его жизнеописания: «Мы, россияне, должны чувствовать излившую на нас Промыслом Божиим через него духовную пользу, не для одного монашества, но и для укрепления всей Православной Церкви»*.

Схиархимандрит Паисий, в миру Петр Иванович Величковский, сын священника был, как он сам любил выражаться, «родимец Полтавский» (1722–1794).

«Старец Паисий, – говорит проф. прот. Флоровский, – не был самостоятельным мыслителем, а был вообще скорее только переводчиком, чем даже писателем. Однако в истории русской мысли у него есть свое место, и видное место... Есть что-то символическое в том, что, совсем юноша, он уходит из Киевской Академии, где учился, странствует и идет в молдавские скиты, и дальше на Афон. В Киеве он твердо отказывается и перестает учиться, ибо не хочет учиться той языческой мудрости, какой только и учили в Академии: «Слыша бо в нем часто воспоминаемых богов и богинь еллинских и басни пиетическия, возненавидех от души таковое учение» (здесь разумеется, очевидно, просто чтение древних авторов). Паисий не пошел в Академии дальше синтаксисы: «Точию грамматическому учению латинского языка научился бех». Это было в ректорство Сильвестра Кулябки. По преданию, Паисий упрекал его за то, что в Академии мало читают отцов... Из латинской школы Паисий уходит в

* Житие и писания молдавского старца Паисия Велич. Москва 1847 г.

греческий монастырь. Это не был уход или отказ от знания. Это был возврат к живым источникам отеческого богословия и богомыслия... Паисий был прежде всего устройтелем монастырей на Афоне и в Молдавии. И в них он восстанавливает лучшие заветы Византийского монашества. Он как бы возвращается в XV век. И не случайно так близок был старец Паисий к преп. Нилу Сорскому: он возобновляет и продолжает именно его прерванное дело (литературная зависимость старца Паисия от преп. Нила вполне очевидна). Это было возвратное движение русского духа к Византийским отцам... Еще на Афоне Паисий начал собирать и проверять славянские переводы аскетических памятников. Это оказалось трудной работой, по неискусству древних переводителей и еще более по нерадению переписчиков. Очень нелегко оказалось собрать и греческие рукописи. Нашел Паисий нужные ему книги не в больших обителях или скитах, но в небольшом и отдаленном уединенном ските св. Василия, недавно пред тем устроенном пришельцами из Кесарии Каппадокийской. И там ему объяснили, «яко книги сия самым чистым еллино-греческим языком суть написаны, егоже ныне кроме ученых лиц, едва кто от греков, мало что разумеет, множайши же отнюдь не разумеют, того ради и книги таковые мало не в всесовершенное приидоша забвение»... С переселением в Молдавию переводческая работа старца Паисия становится планомерной, особенно в Нямецком монастыре (с 1779). Паисий очень ясно понимал все трудности переводческого дела и всю необходимость знания языков для этого. В первое время он опирался на молдавские переводы. Он собирает у себя большой кружок писцов и переводчиков, посылает своих учеников учиться по-гречески даже в Бухарест. И сам с большим увлечением входит в эту литературную работу. «Како же пишаше удивлятися подобает: немощен бо телом отнюд бяше, и во всем правом боку бяху ему раны: на одре убо, идеже почиваше, окрест облагаше себе книгами: ту положени бяху словари разнаязычнии, Библия Греческая и Словенская, Грамматика Греческая и Словенская, книга из нея же превод творяше, посреди же свещи: сам же аки малое отроча, седея согнувшесе всю ночь пишаше, забывая и немощь тела и тяжкия болезни и труд».

Старец был очень строг к своим переводам, боялся их широко распространять – «аки по всему храмлющи и несовершенни»... Переводили у него и с латинского... Немецкий м-рь становится при старце Паисии большим литературным центром, очагом богословски-аскетического просвещения. Литературная деятельность органически здесь сочеталась с духовным и «умным деланием». О старце Паисии писатель жития замечает: «Ум же его всегда соединяем бе любовию с Богом, свидетель сему – слезы»... И в тот век душевной раздвоенности и разорванности проповедь духовного собирания и цельности получала особую значительность. Издание словено-русского «Добротолубия» было событием не только в истории русского монашества, но и в истории русской культуры вообще. Это был сдвиг и толчок... Интересно сравнить: Феофан Прокопович был весь в ожиданиях и в новизне, в будущем, прогрессе; а старец Паисий, – он весь в прошлом, в преданиях, в предании. Но именно он был пророком и предтечей... Возврат к истокам был открытием новых путей, был обретением новых кругозоров...»*

«Подвиги, наставления и писания Молдавского Старца Паисия, – говорит оптинский издатель его жития, – соотечественника нашего и по месту рождения и по союзу любви, имели великое влияние на российские монастыри, пример жизни и свет учения его пролился обильно на российское монашество. Ибо многие из россиян, ищущих спасения и отрехшихся мира и яже в мире, странствуя в Палестине, Афонской горе и Молдо-Валахии, и собирая, подобно пчелам с цветов, мед спасительного учения от обитавших в тамошних местах подвижников, находили особенно в обители старца Паисия величайшую духовную пользу, научаясь примером его высокой жизни и медоточивыми наставлениями, подвигам монашеским и внутреннему деланию умной молитвы. По возвращению в Россию, они передавали приобретенное ими там духовное сокровище и другим ищущим спасения, некоторые начальствуя над обителями, а другие находясь в числе братства»**.

* Прот. Флоровский. «Пути Русского Богословия». Париж 1937 г., стр. 127.

** Житие молдавского старца Паисия Велич. Москва 1847 г. Предисловие стр. 1.

Предварительный обзор

Прот. о. Сергей Четвериков в жизнеописании своем старца Паисия Величковского (т. II) разделяет сферу проникновения и распространения его учения на три округа: 1) северный, 2) центральный и 3) южный. В северном он отмечает следующие центры: Соловки, Валаам и Александро-Невскую Лавру, которая, собственно, и была главнейшим средоточием всего. В Соловках насадителем Паисиевых преданий был иеросхимонах Феофан. По смерти киевского старца Досифея, Феофан переселился на Соловки, куда и перенес заветы старца Паисия. На Валааме и в Александро-Свирском м-ре трудились ученики старца Паисия – схимонах Феофор и иеросхимонах Клеопа. От них учение перешло в Оптину Пустынь через старца Леонида. Но вся душа северного движения сосредоточена в Петербурге. Оттуда исходит назначение настоятелей-возобновителей. Так, например, на Валаам выписан из Сарова игумен Назарий и из иных мест и другие настоятели. В руках митрополита Гавриила соединились все нити, и он дает нужный толчок и направление. У него же в Лавре первоначально появляется Филарет (впоследствии Новоспасского монастыря старец), который в дальнейшем руководил братьями Путиловыми, из которых схиархимандрит Моисей был великим Оптинским настоятелем. Тот же Филарет руководит в Москве четой Киреевских – сотрудников старца Макария Оптинского по изданию святоотеческой литературы. Наконец, в А. Н. Лавре пребывает о. Афанасий (из сенатских секретарей), принесший м. Гавриилу «Добротолюбие» от старца Паисия.

Теперь бегло рассмотрим центральный округ: главные пункты его – Москва, Владимирская и Калужская епархии и Брянский монастырь Орловской епархии, Рославльские леса. Наиболее выдающейся здесь личностью является о. Клеопа, настоятель Введенской пустыни Владимирской епархии. Этот о. Клеопа жил долгое время со старцем Паисием, сначала на Афоне, затем в Драгомирском м-ре и, м. б., в Секуле, и вышел в Россию

еще до 1778 года. Мы приведем ниже о нем подлинный рассказ его ученика – архимандрита Феофана Новоезерского, входящий в автобиографию последнего. Учениками о. Клеопы были: упомянутый арх. Феофан, друг его арх. Игнатий, полагавший с ним начало в Санаксарской обители. Арх. Игнатий был после о. Клеопы строителем Введенской пустыни, позднее Песношской и в 1788 году он возобновляет Тихвинский м-рь в Новгородской епархии. Кончает жизнь он свою в 1796 г. в Симоновом м-ре, будучи также его возобновителем. Другой ученик старца Клеопы – Макарий Песношский, (заместитель Игнатия после его перевода в Тихвин) Его монастырь был рассадником, откуда было взято 24 настоятеля в разные монастыри и, между прочим, оттуда взят был Авраамий, – возсоздатель Оптиной пустыни. Макарий Песношский был в духовной переписке со старцем Паисием. Другим важным пунктом, откуда развилось Паисиевское движение была Москва, и в ней Симонов и Новоспасский м-ри. В первом подвизался ученик Паисия монах Павел, пострадавший от французов в 1812 г., и другой ученик Паисия – Арсений. Настоятелем был, как мы упоминали, – арх. Игнатий, ученик старца Клеопы. В Новоспасском м-ре жили иеромонахи Филарет и Александр – ученики Паисиева ученика Афанасия (Захарова) бывшего ротмистра гусарского полка (не надо смешивать с другим о. Афанасием, принесшим «Добротолубие»).

Иеромонах Афанасий (Захаров) жил при старце Паисии более семи лет и принял от него монашеский образ. Занимался выписками из отеческих книг о молитве, смирении, послушании, терпении и любви. И сам преуспевал в этих добродетелях. В 1777 г. о. Афанасий вернулся в Россию и жил во Флорищевой пустыни, откуда ездил в Москву, где и общался с иеромонахами Филаретом и Александром (последний был в переписке с самим старцем Паисием). Скончался о. Александр в 1823 г. в Площанской пустыни Орловской епархии. Другим важным местом, где переплетаются духовные нити, шедшие от старца Паисия, был Брянский Свенский м-рь. Там подвизался схимонах Афанасий из сенатских секретарей (тот самый, который доставил митрополиту Гавриилу «Добротолубие»). Схимо-

нах Афанасий, оставив мир, странствовал по святой Афонской горе и Молдавии, был у старца Паисия, который поручил его своему ученику Софронию. В оптинском жизнеописании старца Паисия имеется замечательное письмо старца Софрония к о. Афанасию о том, как хранить мир душевный*. Он скончался в 1811 г. на руках о. Афанасия (Захарова). Первый о. Афанасий руководил братьями Путиловыми (настоятель оптинский Моисей), а второй о. Афанасий (Захаров) руководил в бытность в Площанской пустыни будущим старцем оптинским Макарием. От первого о. Афанасия в Свенском м-ре имел возможность узнать о духовном делании и настоятель м-ря, впоследствии ректор Московской Дух. Акад. Калужский епископ и Киевский митрополит, покровитель монашества и старчества знаменитый Филарет, который был создателем оптинского скита в 1822 году. Он убедил подвижников, живших в Рославльских лесах, основать скит при Оптиной пустыни. Таким образом, прибыли в Оптину пустынь о. **Моисей с братом своим Антонием** и пустынники Иларион и Дорофей. Оптина явилась как бы чашей, куда сливалось все драгоценное духовное вино.

Теперь скажем о третьем Южном центре. Из непосредственных учеников старца Паисия известны на юге: монах Герасим, постриженник старца Паисия и др. В Екатеринославской епархии подвизался иеросхимонах Ливерий. Его учеником был инспектор духовной семинарии инок Макарий (Глухарев), впоследствии знаменитый начальник алтайской миссии. Широкое влияние на юге России имел известный иеросхимонах Василий (Кишкин). Он имел счастье слушать беседы Тихона Задонского и был другом Антония Воронежского. Его учеником был также Моисей Оптинский. Другим его учеником (и одновременно арх. Феодосия, пришедшего из Молдавии в Сафрониеву пустынь), был знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет. От него идет Глинская линия старчества. Там был после него не менее известный арх. Илиодор, имевший пророческие видения о судьбах России и последним там старцем был Иассон, в схиме Иоанн, «списатель» жития схиархим. Илиодора.

* Житие молдавского старца Паисия Велич. Москва, 1847 г., стр. 312.

Такова схема: север, центр и юг. Но главным нервом, откуда шел двигательный ток распространения Паисиева движения, был север: Ал.-Нев. Лавра в Петербурге, где пребывал великий митрополит Гавриил, который планировал, насаждал, укреплял и возвращал свой духовный сад, принесший столь блистательные плоды.

Поэтому мы коснемся в своем повествовании главным образом северного округа и попутно тех лиц, которые входили в соприкосновение с его главными деятелями.

Вот краткая биография митрополита Гавриила: он был сыном синодального иподиакона (в миру Петр Летров). Родился в Москве 18 мая 1730 г. Обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. Кончил курс в 1750 г. В следующем поступил справщиком в московскую синодальную типографскую контору. В 1758 г. принял монашество и назначен учителем в Лаврскую семинарию. Затем последовательно проходит должности: ректора этой семинарии, наместника Лавры и ректора Славяно-греко-латинской академии. В 1763 г. назначен на Тверскую кафедру, где и оставался до 1770 г., когда он был переведен архиепископом в Петербург. 1 января 1775 г. его ведению была подчинена и Новгородская епархия. В 1783 г. ему дан был титул митрополита. Обеими епархиями управлял до 1799 года, когда назначен был митрополитом Новгородским и Олонецким с увольнением от управления петербургской епархии. 19 декабря 1800 г. уволен на покой по болезни. Скончался 26 января 1801 года в Новгороде.

Личность митрополита Гавриила носила, в силу обстоятельств, двойственный характер. Великий аскет и подвижник, он для внешних был пышный сановник екатерининского времени, кавалер ордена Андрея Первозванного. Однажды, сопровождая крестный ход из Казанского Собора в Александро-Невскую Лавру (около 3 верст), Екатерина всю дорогу провела в разговоре с митрополитом и нашла, что он «муж острый и резонабельный». Она ему посвящает перевод Мармонтелева Велизария и заказывает его портретный мраморный барельеф для лаврского собора, которого он был строителем.

Митрополит несет еще на себе и чисто светское почетное звание: он состоит вице-президентом Академии Наук, где часто председательствует в отсутствие Дашковой. Он много потрудился и при издании словаря, куда вложил и свой личный труд. Он охраняет церковные древности и археологические ценности. Спасает древние книги. Но с другой стороны – в своей келейной жизни – этот пышный вельможа и ученый муж является смиренным подвижником, «все молится в землю», питается гретыми щами, говоря, что, быть может, скоро и этого не будет. Он не вступает в открытую борьбу с правительством, не пытается переубедить власть имущих и внушать им свою точку зрения, но он твердо ведет свою линию: созидает, возрождает и обновляет церковную жизнь. Мы здесь не будем входить во все детали его широкой деятельности, его забот по созданию Невской Академии, которую он поставил на должную высоту, его заботу о семинариях и низших школах. Скажем только, что он не только занимался учебной программой, но входил сам во все мельчайшие подробности быта подведомственных ему учебных заведений. Церковная проповедь, раскол, богослужение, духовенство – все было предметом его величайших забот.

Келейник митрополита Гавриила, арх. Феофан, приводит случай обращения в Православие ожесточенного раскольника. Случай этот дает понятие о духоносности и силе молитвы преосвященного Гавриила.

«Видя, что никакими убеждениями нет возможности вразумить раскольника, митрополит Гавриил обратился к образу Божьей Матери с такою молитвою: «Не могу это жестокое сердце привести в чувство. Ты уже, ими же веши судьбами, обрати его». Тот смягчился и стал просить посмотреть, как служат литургию. Старичок игумен Нифонт служил. Вдруг превеличайшее благоухание услышал Ксенофонт и видит свет, а этот свет явился и опустился в потир. После этого обратился, а прежде и слышать не хотел, – сядет и шапку нахлобучит. Пошел на Валаам и там постригся».

Кроме внешней деятельности м. Гавриил трудился еще как проповедник и церковный писатель. В проповедях он дей-

ствовал на разум слушателей в отличие от м. Платона, который действовал на чувствительность и воображение. Однажды в день тезоименитства Екатерины м. Гавриил имел смелость говорить против крепостного права в ее присутствии, разумеется, всей придворной знати. Он был плодотворным писателем, и труды его имели большое значение в его эпоху. Но главным детищем м. Гавриила было монашество, на восстановление которого он и положил все свои силы.

Митрополит Гавриил бесспорно является центральной фигурой в эту эпоху возрождения. Расцвет монашества обязан ему в большой степени. Его келейник, старец Феофан метко о нем выразился: «Монашество, даром что все по школам учился, знает лучше нашего». Это был святой подвижник и аскет. Путь святости был ему оттого не чужд, что этим путем шел он сам. Из автобиографии его келейника мы узнаем подробности его домашнего быта. «Вот и преосвященный Гавриил муж был добродетельный, премудрый, богослов и философ, а больше всего то, что угоден Господу Богу. Я сподобился послужить ему недостойный. Господь Бог привел меня послужить такому великому мужу. Десять лет жил я у него. Преосвященный Гавриил прозорлив был и великий святитель был». И далее он говорит о своем Владыке: «Преосвященный Гавриил был все в слезах, все плакал. Когда служил, все со слезами служил». – «У преосв. Гавриила положено было раздавать нищим каждый день 50 рубл., это медных только, а ассигнациями и золотом сам раздавал, да по 300 рублей каждый месяц на тюрьмы. Медные деньги раздавал я, и по всем тюрьмам я же развозил. А как был воздержан преосвященный, то это видно из следующего: когда он кушал один, то всегда было два блюда – кусок свежепросоленной осетрины и уха, а когда архимандриты обедали, то четыре блюда и не более. В каждый постный день ел только однажды. Раз приехал к преосвященному Псковский Иринея, а у преосвященного рыбного-то кушанья не было приготовлено. Подают пироги с горохом, тот говорит: “Что это такое?” Преосвященный смеется: “Пироги с горохом. Ты, я думаю, едал. Что, разве забыл?” Ну перекрестился преосв. Иринея: “Благо-

слова, Господи, есть нового изобретения кушанье – пирожки с горошком”. В постный день стол был: щи с грибами и с постным маслом. Я говорю преосвященному: “У нас есть всякия масла, даже миндальное – не угодно ли с теми готовить кушанья?” Преосвященный изволил сказать: “Надобно, брат, привыкать к этому, может быть, со временем и этого не будет”. Однажды говорит: “Навари-ка ты мне щей на неделю, только можно было разогреть”. А я говорю: “Чтоб заморозить – ведь это не так хорошо”. “То-то я примечаю, нет уже вкусу-то никакого”. После ранней обедни никогда не кушал. В 9 часов уедет в Синод, а в 3-м приедет. К вечерне и утрени всегда ходил. Он любил строиться. Троицкий собор в Лавре при нем украшен. Когда в дворец ездил, то прежде всего молился Богу, все в землю. Однажды кладет поклоны земные, – я пришел, он говорит мне: “Дай Бог, чтоб сегодняшней день так прошел”. Перед смертью своей в Новгороде так говорил: “О, это столетие-то страшное начинается”. Умер он без меня, в то время послал меня с Лаврою рассчитаться. Умер сидя. Секретные письма перед этим все я писал: он не доверял никому другому. Я за неделю до кончины был у него с о. Назарием, сидел с нами за столом, только уже мало кушал. За год предчувствовал свою кончину и, когда я был у него, говорил мне: “Близка моя кончина”. Приобщался перед смертью почти каждый день. Перед смертью послал за преосв. Антонием – тогда бывшим викарным в Новгороде – и за другим кем-то из консистории, призвал их и говорит: “Ведь у меня ничего спрятанного нет – не ищите”. Отставлен он был 24 декабря 1800 года, а 1801 г., января 28-го, скончался, а император Павел на 12 марта того же года скончался, только что 6 недель прошло после смерти Митрополита*.

Надо сказать несколько слов об архимандрите Феофане, записки которого мы только что приводили. Феофан – это талантливая и даровитая русская натура. Речь его простонародная, но вместе с тем крайне образная, остроумная и живописная, она дает нам живые портреты и верные картины тог-

* «Старческие советы XVIII и XIX веков». 1913 г., стр. 208, 214, 215, 222, 223. Москва.

дашнего быта. Меткими и мастерскими штрихами рисует он свои наброски. Где он только не был и кого он только не встречал. Начиная с Святителя Тихона Задонского он имел близкие отношения ко всем многочисленным подвижникам своей эпохи. Поэтому м. Гавриил, – человек книжный и не имевший случая путешествовать и общаться с разнообразными людьми, очень ценил его в этом отношении и пользовался связями своего келейника с миром истинных подвижников. При воссоздании обителей Феофан оказывал неоценимые услуги, рекомендуя в соответственное место соответственного человека. Таким образом все тайные рабы Божии, укрывавшиеся по глухим захолустьям, были выдвинуты вперед и поставлены на свещнице «да светят всем в доме».

Вот подлинный рассказ арх. Феофана о возобновлении Тихвинского монастыря. «Малороссы меня не любили – и вот за что: прежде монастыри вверялись им – все малороссиян определяли в архимандриты, – и все монастыри опустели. Преосвященный тужил о сем и пекся о их исправлении, спрашивал меня о духовных старцах, нет ли мне известных, годных для сего, а я говорил ему о всех своих знакомых, с которыми вместе жил у старцев в послушании, в Петербург перетаскивал их, например: вот отца Назария, отца Игнатия, отца Иоу и прочих.

В Новгородской епархии все монастыри опустели. Клопский монастырь упразднить хотели, в Тихвинский монастырь приехал преосвященный (и я был с ним), посмотрел, увидел его в великом упадке и сказал: «О! Как запустел». Архимандрит тут был старичок Евфимий. Преосвященный, возвратясь из сего монастыря в Петербург, спрашивает меня: «Кого бы сделать архимандритом в Тихвин?» Я отвечал: «Ежели угодно будет вашему преосвященству, то песношского строителя отца Игнатия». Изволил спросить меня: «Ты знаешь его?» Я сказал, что вместе жили в Санаксарской пустыни. Он приказал написать в Синод доклад, взял его с собою и предложил Синоду, что нужно Тихвин монастырь поправить, как сам лично видел, в каком он великом упадке, и находит способным к тому песношского строителя Игнатия. Но как он не

учился богословию и прочим наукам, хотя с великими природными дарованиями был, то Синод не соглашался неученого в архимандриты произвести. Так продолжалось это с полгода. Напоследок, приехавши из Синода, преосвященный был весел и сказал мне: «Ну, слава Богу! Синод согласился». Итак, первый неученый, о. Игнатий, произведен был в архимандриты, и с того времени началось производство в архимандриты неученых. Он завел порядок в Тихвине, при нем началось стенное росписание живописью соборной Тихвинской церкви. Потом о. Игнатий переведен в московский Симонов монастырь, который был упразднен, и стоял в нем конный полк. Он его возобновил попечением именитого московского гражданина А. И. Долгова»*.

Другой выдающейся личностью, выдвинутой архимандритом Феофаном, был о. игумен Назарий – Саровский подвижник. М. Гавриил поручил ему восстановление Валаамской обители. Из епархии и Саровской пустыни, не желая его отпускать, дали отзыв, что он человек малоумный. Митрополит ответил: «У меня много умников, пришлите своего глупца». В 1782 г. он вступил в должность строителя Валаамского монастыря.

Отец Назарий, в миру Николай Кондратьевич, сын причетника села Аносова Тамбовской губ., родился в 1735 г. На 17 году ушел в Саровскую пустынь, в 1760 г. пострижен и в 1776 посвящен в иеромонахи. О. Назарий строжайшим образом соблюдал устав. Чтение священное было пищею его души. Его мысль настолько была проникнута божественным, что для дел мирских он не знал и слов, как говорить о них. Когда же говорил он о Боге, то слушатели забывали время. Все свои беседы он основывал всегда на изречении Св. Писания. Слово его было прямо, право и резко. С виду он был строг и как бы неприступен, но сила его слов привлекала к нему сердца. Одежда его была близка к рубищу. Обитель Валаамская, куда был назначен строителем о. Назарий, расположенная на острове среди Ладожского озера, представляла особое удобство для иноческой жизни. Эта обитель на протяжении своей истории дала немало

* Там же, стр. 212–213

великих угодников, как Герман и Савватий, и Александр Свирский. Теперь она пришла в полный упадок. Обитель состояла за штатом, средств к содержанию не было, здания рушились, немногочисленное братство состояло из престарелых людей. Некому было служить, некому петь на клиросе.

В день закладки собора с церковью в нижнем этаже во имя преп. Сергия и Германа, было следующее видение иноку Иннокентию: «В монастыре необычайное стечение разного народа, и все ожидают прибытия м. Гавриила для положения основного камня. Вскоре явился сам Владыка, облеченный в мантию и с жезлом архиерейским в руке, по обе его стороны шли два светолепных схимника. Приблизились к месту, где почивают многоцелебные мощи преп. Сергия и Германа; они остановились, осенили крестным знамением святую могилу и все пространство, назначенное под строение и стали невидимы»^{*}.

При о. Назарии возник внутренний четырехугольник обители, состоящий из каменных сооружений: собора, двух церквей, ризницы, трапезы и келий. Монастырь включен в число штатных монастырей, и штат определен в 30 человек, строитель возведен в сан игумена. Императором Павлом пожалованы монастырю Кюменские рыбные ловли, главный источник его содержания. По воле митр. Гавриила, о. Назарий ввел на Валааме общежительный устав Саровской пустыни и установил три рода жизни: общежительный, скитский и пустынный. Слава о Валааме стала расходиться по православному миру, даже приходившие туда афонские иноки смотрели на него с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских мокастырей.

Отец Назарий подавал всем пример своей жизнью. Строгий исполнитель устава, он во всех трудах общежития подвизался впереди всех. Особенно любил он безмолвие и удалялся на целые недели в уединенную пустыню. Кроме восстановления древнего Валаама, о. Назарий оказал великую услугу делу православной проповеди в русских североамериканских владениях. По благословению Синода, он избрал из братии Ва-

^{*} «Сказание о жизни преп. Сергия и Германа». СПб. 1908 г., стр. 26.

лаама десять человек миссионеров. Из них особенно памятливы: архимандрит Иоасаф, начальник миссии, возведенный в сан архиерея и утонувший, иеромонах Ювеналий, принявший мученическую кончину, и монах Герман. Последний был ярким носителем Паисиевской традиции; несмотря на все трудности миссионерской работы среди дикой Аляски, идя путем «внутреннего делания» и уча этому других, он достиг святости в такой мере, что был в общении с миром духов и с природой: молитвой останавливал наводнение, пожар, кормил из рук диких зверей, творил чудеса и даром прозорливости видел на десятки и сотни лет вперед.

Вот два случая из жизни о. Назария. В царствование Екатерины II у Петербурга произошло морское сражение со шведами. Весь город был в страхе, митрополит молился, заключившись в келию. В это время о. Назарий настоятельно потребовал свидания с митрополитом и уверил его в победе и безопасности. В подтверждение своих слов показал на стороне моря души убитых воинов, восходящих на облаках к небу.

Другой случай такой. Сановник К. подвергся царской немилости. Его жена умоляла о. Назария молиться за мужа. Тот обещал попросить царских приближенных. «Всех уж просила», – отвечала жена опального. «Да не тех, кого надо», – ответил о. Назарий и, взяв у К. много мелких денег, отправился раздавать их бедным. Только к вечеру он роздал все и вернулся в обеспокоенную семью со словами: «Ну, слава Богу, обещали все приближенные царские просить за вас». Вслед за тем пришло известие, что дело кончилось благополучно. Тогда, отвечая на вопрос, объяснил о. Назарий, кто те приближенные, которых он просил, и какого Царя.

Когда был предпринят перевод-пересмотр перевода «Добротолюбия», присланного м. Гавриилу старцем Паисием, проверяли таковой учителя, знающие греческий язык, Александро-Невской Академии. Митрополит предписал ученым переводчикам во всем советоваться с духовными старцами и, прежде всего указал на о. Назария. «Они из опыта лучше вас понимают духовные истины», – сказал Митрополит. В 1801

г. о. Назарий испросил себе увольнение на покой. Он вернулся в Саров, где полагал начало монашеству. Там он устроил себе пустынную келью в лесу при речке Саровке. Когда хватало сил, он в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие 12 псалмов, и к рассвету возвращался в келью. Не раз встречался он с медведями, которые его не трогали – и он их не боялся. Многие отшельники поверяли ему свои помыслы*.

В Тамбовском и Нижегородском краю образовалось под руководством о. Назария много женских общежитий. Имея дар прозорливости, о. Назарий видел обнаженными человеческие мысли и грехи. Делатель умной молитвы, так писал о ней старец: «Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: “Хочу рещи лучше пять слов умом, нежели тысячу языком”. Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сии пять слов удостоилися говорить. Что за радость. Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного. Вообрази-ка: Господи, Кого я называю. Создателя, Творца всего, Кого вся силы небесные трепещут. Ум и сердце собрать воедино, глаза закрыть, мысленные очи возвести к Господу. О сладчайший и дражайший, Господи, Иисусе Христе Сыне Божий».

После пятилетнего пребывания в Сарове о. Назарий скончался, 74 лет – 23 февраля 1809 г. и погребен у алтаря теплой церкви**.

Вернемся к архимандриту Феофану Новоезерскому, так много способствовавшему возрождению древних обителей.

В мире Феодор Соколов (1752–1832), из мелкопоместных дворянской семьи. По тому времени образования большого он не получил, кроме простой грамотности. Он читает духовные книги и с детства стремится к монашеству. 19 лет сначала уходит в Саров, где знакомится с о. Назарием, на которого он впослед-

* Одним из таковых был и преп. Серафим. Эти годы соответствовали центральному периоду подвига преп. Серафима, когда он жил в лесу пустыником. Можно с уверенностью предположить, что не без участия о. Назария познакомился преп. Серафим с «Добротолубием», на которое он многократно впоследствии ссылается. В одном жизнеописании преп. Серафима есть прямое указание на их близость с о. Назарием.

** Е. Поселянин. «Подвижники 19-го века». СПб. 1910 г., стр. 120.

ствии указывает м. Гавриилу для возобновления Валаамской обители. Саров показался молодому послушнику еще недостаточно «жестоким», и он поступает к о. Феодору в Санаксар.

Вот что рассказывает о ней арх. Феофан: «Мы искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали – в Саровской пустыни... Нет, еще слабо; пошли к о. Феодору в Санаксар. Обитель без ограды, забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви. И платье-то какое носили! Балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал. Начало-то недостаточное и трудное. В лаптях ходили, – одни были мелко плетены, другие крупно; так и лежали: одна куча маленькие, другая – крупные. Ноги обертывали онучами из самых толстых изгребней, а босиком не ходили. Придут к о. Феодору: «Что благословите взять ступни». И велит самому выбрать – из маленьких и выберут. Отец Феодор позовет: «Поди-ка сюда», – и возьмет у него. Случалось это с о. Игнатием: и у него отбирал частые ступни, и бранивал за то, что на лапти прельстился, а Игнатий был из придворных. Начнут (братия) говорить: «Живи, живи, а и в этом утешения не сделают, в каких-нибудь ступнях». Услышит это о. Феодор, призовет: «Что там?» – «Да вот, батюшка, какое смущение, и в этом-то утешения не сделаете». Начнет представлять:

«Что вы из эдакой безделицы теряете спасение».

Да! Мы жили у старцев духовных. Я с Макарием в одной келье жил. Ему больше всех искушения было от о. Феодора. О. Феодор нарочно искушал, давал балахоны худо сшитые, с долгою спиною или и заплатами. Один из таких балахонов о. Феодор и дает о. Макарию, – тот смущается, придет к о. Феодору, показывает, как на нем сидит балахон, какая спина несоразмерная. О. Феодор начнет увещевать: «Зачем пришел в монастырь? Да есть ли разум? Что вы! Чем занимаетесь! Лишаетесь милости Божией. Что вы занимаетесь тряпками! А надобно заниматься, душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не прирастаться». А после и привыкли. А чтобы при себе что-нибудь иметь – ничего уж не было. Огня в келье никогда не бывало. А

послушание было такое, что я сам и полы мыл, и пищу варил и щепки собирал и ложки мыл; сами караулили по ночам, ходим, да поклонов несколько земных и положим – помолимся. А всеобщая продолжалась в Санаксаре 7 часов. Когда закладывали в Санаксаре церковь, где алтарю-то быть, вдруг прилетел рой пчел. О. Феодор велел о. Герасиму огрести в улей, с тех пор все пчелы в монастыре. Смущались некоторые, что о. Феодор двумя монастырями управлял: своим и женским Алексеевским, который он завел. Ходили к знаменитому схимнику Досифею в Киев, говорили, что о. Феодор два монастыря – мужской и женский – имеет под своим управлением. «Вы слабости какие в нем заметили?» – «Нет, он строгой жизни». – «Недостатки что-ли какие есть?» – «Нет никаких». – «За кого вы его почитаете?» – «За святого». – «Что он грамоте знает?» – «Ученый». – «Что вы сомневаетесь, не сомневайтесь. Умная голова не только два стада, и десять может пасти». Так и успокоились.

А отец-то Игнатий раза два к преосвященному при мне уже бегал, и когда был поставлен иеродиаконем, то с вечера примочил волосы, заплел, да после и расчесал, надел парчовый стихарь, а в лаптях. Как стал на амвон, о. Феодор его подозвал: «Ты, – говорит, – павлин, хвост-то распустил, посмотри на ноги-то. Подиними стихарь-то». Тот оскорбился и убежал ночью к преосвященному Иерониму жаловаться, что пристыдил, посрамил меня, а преосвященный и прислал его к о. Феодору, чтобы на поклоны поставил. О. Феодор никого из братий не удерживал в монастыре силою, и говорил: «У меня ворота открыты для всех, кто хочет выходить». А уж не терпел слова «не хочу», и слышать не мог.

Взгляды о. Феодора характеризует и следующий случай: «Однажды о. Феодору необходимо было, по монастырским нуждам своим, поехать в Москву, где и пробыл он месяца два. В это время приходили к нему усердствующие люди, ради совета и пользы душевной, а благородные господа почти каждый день приглашали его к себе кушать, присылая за ним своих лошадей. У одного господина случилось о. Феодору таким образом встретиться и кушать вместе с другими настоятелями и игуменами

московских монастырей. Зашел между ними разговор о монашеских одеждах. Вероятно, старец, как пустынный, одет был скудно, и тем невольно как бы укорял московских отцов, одетых не по-пустыннически. Московские отцы говорили, что им, в столичном городе, нельзя носить одежды из простой и дешевой материи, и спрашивали у о. Феодора мнения его об этом. Отец Феодор сказал: «Могли бы вы, святые отцы, иметь благословенное себе оправдание, если бы при пострижении, пред св. Евангелием, давали свои обеты о претерпении нищеты по другим каким правилам, но как чин пострижения один и обеты одни, то не много требуется толкования. По страстям же толковать и послаблять себе, это в свое время послужит только в осуждение таковым себе потакателям. Неприлично духовным людям иметь богатое платье, келейных служителей светских с пуклями, также богатые кареты, как знак любви к пышности»*.

Между тем в 1774 г. случилось обстоятельство, имевшее важное значение для всего братства Санаксарской обители: о. Феодора неожиданно постигло тяжкое испытание. Виновником его бедствия был тогдашний Темниковский воевода Нилов. За несколько лет перед этим он упросил о. Феодора быть его духовным отцом, на что последний согласился, но не иначе, как под условием, чтобы духовный сын повиновался ему во всем, что касается спасения души. Сначала он действительно был послушен духовному отцу, но потом стал нарушать посты, делать притеснения городским жителям и при каждом удобном случае брать с них поборы. Все увещания и обличения о. Феодора были тщетны. Наконец, одно обстоятельство до крайности огорчило старца: в самую горячую пору полевых работ воевода заставил крестьян строить ему покои. Крестьяне пришли к о. Феодору с просьбой заступиться за них перед воеводой, выпросить им позволение убрать поля, чтобы не погибнуть с голода. Тронутый их бедствием, старец поехал в Темников. Воевода, давно наскучив его наставлениями и упреками, велел позвать его в канцелярию: здесь старец не затруднился высказать ему все, что считал своим долгом сказать, по поводу беззаконных поступков

* «Старческие советы». Москва. 1913 г, стр. 420

своего духовного сына, а этот последний приказал немедленно составить протокол, что настоятель Санакарской пустыни перед зеркалом называл его грабителем и другими оскорбительными именами. Началось дело, по которому состоялось определение – Санакарского настоятеля как человека беспокойного отправить в Соловецкий монастырь в число братства. В виде снисхождения к виновному приказано было отпустить с ним в сундуках его имение, сделав ему предварительно опись. Когда явился чиновник для описания имущества, о. Феодор показал ему шерстяной войлок с жесткой подушкой, овчинную шубу, мантию, рясу и сказал: «Описывайте». В этом состояло все его богатство*. В Соловках о. Феодору пришлось пробыть лет 10, пока о. Феофан не попал в келейнику к м. Гавриилу, который добился пересмотра этого дела и реабилитации о. Феодора.

Вернемся теперь к прерванному рассказу об арх. Феофане. После того, как был сослан о. Феодор, обитель Санакарская совсем сиротеет: ее оставляют о. Игнатий и Макарий, перейдя в Введенскую пустынь к знаменитому старцу Клеопе. К ним решился присоединиться и Феофан. Настоятель о. Клеопа получил воспитание иноческое на Афоне, упражняясь в умной молитве и духовном делании вместе с великим старцем Паисием Величковским. Здесь юный послушник – будущий арх. Феофан – получил новые, еще более совершенные уроки монашеской жизни. Это тот же чисто евангельский дух, который мы наблюдали в XV и XVI вв. у созерцательных подвижников Северной Фиваиды. Вот подлинный рассказ самого архим. Феофана о своем тогдашнем настоятеле:

«Сколько случалось мне знать мужей добродетельных! Великие старцы были, от которых я учился: Тихон Воронежский, о. Феодор, о. Клеопа, можно сказать, что чудотворцы. Да, о. Клеопа жизни подлинно святой был... Он всегда был в молитве и читал книги Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника. Общее правило о. Клеопы полтора часа поклонов поутру и после вечерни полтора часа поклонов. Клеопа скончался более 70 лет. Виду он был такого: лицом кругловат, сед, сух, всегда плакал. Он сам за-

* «Жизнеописания подвиж. 18 и 19 в.». Декабрь. Москва, 1910, стр. 107.

писался в синодик и сказал, в какое время умрет. Он любил день 40 мучеников, – в этот день и умер. Жизнь он презестокою вел, был из малороссиян, из Киева, жил на Афонской горе. О себе сказывал, что в юности чистоту соблюл и никаких плотских грехов не знал, потому исполнен был благодати Божией.

В Введенской пустыни однажды случилось вот что: один послушник сказал, что он видел очевидно явление. О. Клеопа велел искутить его, немножко пожурить со стороны, тот смутился, почел за оскорбление, пришел к о. Клеопе и говорит:

“Я не могу жить, – меня оскорбляют”. – “Как же ты говоришь, что удостоился видения, а не можешь терпеть. Следовательно, это прелесть. В голову камень класть, поститься, на голой земле спать, – это пустое, – “научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем”, сказал Господь, а не чудес и явлений каких-нибудь обещал”...

У о. Клеопы позволялось с белым хлебом, кто мог, на трапезу ходить, и сам идет на трапезу с белым хлебом, другие не роптали, и блины у него пекли. Одинаково нельзя вести всех, иных грубая пища может привести в изнеможение. Одни пришли из бедности, от трудов в покой, другие от богатства, от нежного воспитаний, для последних и то за велико вменится, что они оставили богатство. А брашно и питье не поставит нас пред Богом.

Преосвященный Сильвестр, когда был у Потемкина в Москве, тогда тот рассказывал: “В Молдавии какие отцы! Высокой жизни! Почтенные! Здесь таких нет”. Преосв. Сильвестр говорит: “Нет, есть, да только они не видны”. – “Кто такой?” – “А вот Клеопа”. Светлейший говорит: “Представьте мне”. Преосвященный сказал ему, где его искать – у купца Матвеева квартирует. У Матвеева стол открытый был для всех странных. Светлейший карету послал, они обедали. Спрашивают: “Который тут из вас Клеопа”. – “Я. На что?” – “Да Светлейший прислал за Вами”. Удивляется, почему узнал Светлейший. “Хорошо, говорит, я приеду, у меня есть своя повозка”. – “Нет, без вас не велено приезжать”. Принужден был ехать. Увидел преосвященного. “Это вы, ваше преосвященство, затащили сюда

старика?” Начали говорить, – понравился Потемкину. Светлейший хотел его представить Государыне, а он скорее убрался во Введенскую пустыню. На дороге, когда он ехал туда, солдат жестоко бил его. Офицер, знакомый Клеопе, это увидел и спрашивает: “За что он бьет?” – хотел этого солдата наказывать, но о. Клеопа, упросил его: “Не троньте, – Бог приказал. Клеопа не тщеслався! Ездил в карете! Был во дворце”.

Отец Клеопа в лесу жил, было с ним двое учеников: один Лука, в Давидовской пустыни живущий, а другой Матфей, – после удалился на Афонскую гору. Хлеба не достало, – стали проситься ученики: “Батюшка, отпустите нас в деревню попросить хлеба”. – “Подождите”. День прошел, другой, и третий настал, просят опять, чтобы отпустил их. “Подождите, завтра отпущу вас”. На третий день к вечеру на паре лошадей приезжает человек и спрашивает: “Где это Клеопа?” Всего навез: и пшеничной муки, и ржаной, и масла коровьего, и постного, и крупы. Смотрят, каким образом он приехал – дороги-то нет, лес превеличайший, частый, по зарубам ходили.

Да много на него (о. Клеопу) и искушений-то было. Был иеромонах Паисий, – такой простой, препростой был. Поехал он в Москву покупать, лошадей-то у него и увели. Да вор-то и приезжает на них в монастырь, увидели, узнали их, – спрашивают: где вы их взяли? Ведь это монастырские лошади. Привели их к о. Клеопе. “Где вы их взяли?” – спрашивает их о. Клеопа. “Виноваты: увели”. – “Ведь вот вас теперь надобно под суд отдать. Да что вы нужные, что ли?” – “Недостаточные”. – “Ну, так возьмите себе одну”. В другой раз в полночь пришли воры в церковь, но как только они вступили, то как будто гром какой сделался, и они все попадали и лежали так до рассвету, а поутру приходят и раскаиваются о. Клеопе, и говорят: “Нечего нам делать”.

Воронцов, генерал-губернатор, прислал спрашивать о. Клеопу*, чего ему надобно – земли, рыбных ловлей? “Кланяйтесь господину генерал-губернатору, благодарю за усердие, скажите, что для меня нужно земли три аршина – более не надобно, так у нас столько-то есть, а рыбу мы у мужиков покупаем”.

* «Старческие сов. подвиж. 18–19 столетия». Москва, 1913 г., стр. 204–207.

Хотел им один купец строить каменную ограду, 30 тысяч давал. “Кланяйтесь, благодарю за усердие. Если ему угодно, пускай строит”. Тому показалось обидно, в Сарову пустынь и отдал»*.

Вот рассказы, которые подлинно переносят нас к преп. Кириллу Белозерскому и Корнилию Комельскому – эпохе расцвета нестяжателей.

Если в Санакарской обители молодой послушник – будущий архим. Феофан научился терпению, трудолюбию, строгому исполнению монашеских правил и беспрекословному послушанию, то жизнь в Введенской пустыни имела для него важное значение: здесь он вступает в духовное общение с великой семьей иноков, средоточием которых был в то время великий старец Паисий Величковский. Рассказы настоятеля об Афоне, о старце Паисии возбудили в молодом послушнике желание лично побывать в этих местах, особенно он имел желание посетить Святую Землю. С 15 спутниками в 1776 г.

* Рассказывает о случайном нахождении мощей о. Клеопы игумен Уссурийский о. Сергей: «13 октября 1893 г., вступив на священный остров Валаам, я вскоре был принят на послушание в скит Всех Святых. Прежде меня поступившие братья-послушники рассказали мне, что незадолго до моего прихода в скит скончался там о. Арсений фотограф. Когда они рыли для него могилу за алтарем храма, примерно на двух аршинах глубины начали ощущать некое благоухание. Не доверяя своему чувству, они сначала не говорили об этом друг другу, но по мере углубления могилы благоухание усиливалось и, наконец, стало настолько ясным, что ощущалось всеми, о чем они тогда и заговорили между собой. Когда работа их близилась к концу, то сбоку из соседней могилы выпал человеческий череп. Благоухание еще больше увеличилось. Братья послали за старцем о. Феофилом, управлявшим в то время скитом. Последний пришел и распорядился позвать о. Алексея и других скитских старцев.

О. Алексей, подойдя к могиле, взял благоухавшую главу в руки и, осенив себя крестным знаменем, благоговейно облобызал ее, причем сообщил всем присутствующим, что это глава свято почившего старца о. Клеопы, ученика знаменитого подвижника XVIII-го века схиархимандрита Паисия Величковского.

Тут же по блаженном старце была отслужена панихида, после которой глава с благоговением была возложена на свое место. Иеросхимонах Клеопа, как известно, поселился на Валааме в 1811 г., а почил о Господе в 1816 г. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего иеросхимонаха Клеопы и его святыми молитвами помилуй меня грешного. Иг. Сергей. (М. Янсон. Большой Скит на Валааме. – Таллин, 1940 г. – стр. 70–71).

отправляется он сначала в Молдо-Валахию. Но дальше ему ехать не пришлось. За святое послушание игумену Феодосию, настоятелю Тисманского монастыря, остается он там в числе братии. На третий день вступления его в Тисманскую обитель его постригают в монашество и нарекают Феофаном. Настоятель Тисманского монастыря о. Феодосий был одновременно со старцем Паисием, учеником великого старца схимонаха Василия Поляно-Мерульского и потому о. Феодосий мог быть для Феофана достойным заместителем старца Паисия, и тот факт, что он остался в Тисманской обители, не явился для него духовной потерей. Однако настоятель был вынужден вскоре отправить Феофана в Россию, чтобы хлопотать о перемещении всей обители туда. Они не могли оставаться в Валахии из-за изменившихся политических обстоятельств: «Нам в Валахии нельзя было жить, как с турками замирье сделалось». Вскоре удалось перевести Тисманский монастырь в Россию, в Софроньеву пустынь. Там пробыл Феофан только полтора года. Потребовались строгие и надежные иноки для Александроневской Лавры. В их число попал и Феофан. Вскоре он делается келейником м. Гавриила и на этом скромном поприще оказывает величайшие услуги всему русскому монашеству, содействуя воссозданию запустевших монастырей, указывая на опытных настоятелей лично ему известных. Таким образом был восстановлен Валаам, Тихвин, Песношский и Клопский монастыри. Сам о. Феофан возобновил сначала Моденский монастырь, а потом в течение 36-ти лет управлял Новоезерским. Обитель он нашел в крайнем упадке. И за время своего игуменства он создал чудеса в смысле возведения новых построек, ограды, сооруженной на сваях. Был создан многолюдный, благоустроенный, подвижнический монастырь. Он получал при украшении храмов пожертвования от всех царствовавших царей: Екатерины, Павла, но более всех его почитал Александр I, который ценил его заслуги. Архимандрит Феофан являлся старцем и для многих мирских лиц. Он вел со многими переписку. Кроме того, он духовно руководил монахинями Горицкого женского монастыря. Вышедшая оттуда его

духовная дочь мать Феофания (Готовцева) была основательницей С. П. Б. Новодевичьего монастыря. В 1829 г. арх. Феофан вышел на покой и предался всецело молитве и приготовлению к смерти. 1832 г. был последним в его жизни. Когда келейник его монах Антоний, 30 лет ему верно служивший, говорил, что ему необходим отдых, «А вот скоро отдохну», – отвечал ему старец. С Иисусовой молитвой на устах тихо и мирно предал он дух Богу, 3 декабря 1832 г.*

Наставления архимандрита Феофана

§ 118. Нам тщеславиться и гордиться нечем: что имеем, то все Божие, а только одна наша собственность: грехи. А что на первый случай, вступя в духовную жизнь, ни в чем не успевае-те, пример нам новосаждение: сперва только покажется, потом произрастает лист, цвет и плод. То же и в духовной жизни. Не ужасайтесь, что не успеваете. Должно прилагать только по-печение ко исправлению и просить Господа Бога: «Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой».

§ 171. Духовная жизнь должна быть проста, чистосердечна, кротка, благопокорлива и паче смиренна.

§ 187. Ежели пожелаешь смириться, проси Господа: Господи, даждь ми смирение. Потом себя укори, себя уничижи, тогда удостоишься и милости Божией. Смирение столь велико, что может благодать Божию в душу привлещи.

§ 192. Не надобно думать: любят ли нас, или не любят. А лучше думать, что недостойна быть любимой, сама же люби всех: потому что нам не сказано быть любимыми, но велено всех любить. Даже не надобно и замечать, кто сердится или кто как посмотрел. Не нужно даже проникать в их намерения.

§ 218. Иные уходят в затворы, другие носили тяжелые вери-ги, но этого не взыщется от нас, а надобно смиряться, тер-петь, иметь послушание, вот чего требуется. Скорбное слово претерпишь – вот и вериги твои.

* Е. Поселянин. «Русск. подвижники». СПб., 1910 г., стр. 136–145.

§ 251. Не мысли, «что некому вразумлять нас». Да Евангелие, разве не учение? Это глас Божий. А Апостол? Это дух Божий. По ним должны наставлять себя.

§ 383. Небесную мысль с нуждою приобрести можно, а дурная сама приходит, и отогнать ее можно только молитвою.

§ 393. Мы бегаем скорбей, а святые-то скорбели о том, что нет скорбей: можно ли, говорили, спастись без них?

§ 400. Праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца небесного: какое воздаяние за малое терпение.

§ 408. Если Господь на одну минуту оставит нас, куда мы годимся?

§ 441. О. Клеопа говаривал: мысль одну надобно иметь, что я только один на земле да Бог, – никого больше не воображать. Не с кем ссориться, когда один я на земли. Были такие, которые это и исполняли.

§ 466. Кто на земли лежит, тому нет опасности, что упадет и разобьется, а вот кто по верхам-то лазит, тому угрожает такая опасность.

§ 473. Вся сила в смирении. Сколько поклонов ни клади, а будешь мечтать о себе, что я жестокою жизнь веду, так в этих трудах никакой пользы нет. «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). Нестяжание, раздаяние милостыни, пост и молитва – без смирения – ничто. Без смирения хотя бы власяницу носил, хотя бы вериги, хотя бы чрезмерный пост имели, все не принесет никакой пользы: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем». А кто учитель-то?

§ 535. Если кому, ради послушания и придется не быть в церкви, Господь не взыщет. Изю ста человек, – кто на послушании, кто на молитве. Если пяток, десяток соблюдают себя в чистых мыслях, оне восполняют недостаток других. Кто обленился, тот исправится, кто бодрствовал, может впасть в леность: общий-то недостаток и восполняется за общие молитвы.

§ 536. Надобно думать, что я на земном небе, на руках Божией Матери. «Десною Твоею рукою приим, Ты, Слове, сохрани мя, соблюди да не огонь мя опалит греховный». Видите ли: грехи-то огонь!

§ 549. Вот я передаю вам то, что сам слышал, как сам научился: слышанное от старцев простых и неученых, и говорит вам неученый*.

В приведенных нами наставлениях архим. Феофана мы видим как бы отраженным весь дух древнего заволжского монашества. Евангельский дух любви, кротости и смирения являются как там, так и тут основным мотивом, ибо это плод того же «умного делания».

Преподобный Серафим Саровский

Преподобный Серафим Саровский (1759–1833 г.г.) был самым ярким и самым современным представителем вновь возрожденной подвижнической школы внутреннего делания.

Какими путями достигло до него это новое веяние?

Хотя школа умного делания к тому времени почти всюду была забыта, но живая струя, ведущая начало от древнего времени, окончательно не иссякла. Сведения о духовном делании передавались в виде поучений из поколения в поколение. Во многих монастырях должны были уцелеть и древние рукописи отеческих творений. Пример киевского старца Досифея и духовных столпов Саровских отцов Назария и Пахомия показывает, что такие опытные подвижники существовали и тогда. По преданию о. Досифей дает юному Прохору наставление о творении непрестанной умно-сердечной молитвы. Когда последовало явление Богоматери преп. Серафиму и монахине Евпраксии, ей было сказано, что она удостоилась этого видения за молитвы отцов Серафима, Марка, Назария и Пахомия, представлявших собою единую духовную семью. Как мы уже упоминали в жизнеописании о. Назария, оба подвижника, – преп. Серафим и о. Назарий – одновременно отшельничают в Саровском

* Старческие советы XVIII–XIX веков. Москва. 1913. Стр. 1–199.

лесу. Преп. Серафим возвращается в 1810 г. в монастырь, т.е. на следующий год после кончины о. Назария. В лесу они пробыли одновременно 8 лет. О. Назарий был одним из тех, к кому обращались за разъяснением темных мест при печатании «Добротолюбия». Митр. Гавриил сказал: «Подвижники лучше вас (ученых) понимают духовные истины». Зная касание о. Назария к делу печатания «Добротолюбия», можно с уверенностью сказать, что не без его участия стала известна эта книга и преп. Серафиму. Привез ли он ее в Саров в 1801 г., – прислал ли он ее ранее, – об этом можно только гадать. Утверждать можно лишь одно, – что в лице преп. Серафима книга эта встретила добрую, подготовленную почву. Преп. Серафим всецело проникается духом «Добротолюбия» и многие его наставления и советы взяты оттуда. Он осуществляет на деле весь путь «умного делания» и в достижениях своих превосходит многих святых. «Сей от роду нашего», – говорит о нем Божия Матерь. Преп. Серафим – это живое откровение того совершенства, к которому может придти земнородный. И путь его тот же, что и у древних отцов и у наших отечественных подвижников, описанных нами в предшествующей главе, занимавшихся «умным деланием». Вот что он сам говорит о подвижническом пути: «Путь деятельной жизни (πρᾶξις) составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который по слову Божию вводит в живот вечный (Мф. 5, 14). Путь умосозерцательной жизни (θεωρία) состоит в возношении ума ко Господу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных». И далее следует ценнейший аскетический совет: «Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы в умозрительную: ибо она содействует умозрительной и ее возвышает»*. Так толковал подвижническую жизнь преп. Серафим.

Но сам он был духовным наследником и отцов Пахомия и Назария, не бывших типичными представителями саровского духа. Их нужно отнести к тем редким единицам, понимавшим

* Летопись С. Д. Мря. СПб. 1903. Стр. 146.

и практиковавшим внутреннее делание, которое сохранилось в глубине монашества с древних времен. Величавый же Саров воплощал в себе всецело ту суровую школу аскетического внешнего делания, которая господствовала до Паисия Величковского: уставной строгой службы и жестокой жизни, но без истинного понимания внутреннего делания.

Серафим Саровский был, м. б., самым ярким и самым совершенным представителем, как мы только что сказали, вновь возрожденного внутреннего делания, настолько ярким, что за ним как бы даже скрываются величайшие аскетические подвиги, предпринятые им, как например, 1000-дневно-нощное стояние на камне, невероятный пост и др. подвиги (все виды подвигов древних отцов-пустынников). Наиболее типичное и характерное столкновение этих двух течений, старого и нового, мы видим в том непонимании и в том непризнании преподобного Серафима братией монастыря и его настоятелями, которые, несмотря на всю парадоксальность, продолжались не только при жизни Преподобного, но и по его смерти.

В Дивеевской Летописи* многократно упоминается о недоверчивом и неприязненном отношении к Преподобному со стороны монастырского начальства. К нему вторгаются ночью с обысками. Такие же обыски постигают и приходящих к нему дивеевских сестер. Характерен случай (уже после смерти Преподобного), когда батюшка Серафим является в видении исцеленной им монахине Магдалине, приехавшей в Саров на богомолье. В видении он говорит ей: «Теперь иди в Дивеев». — «Зачем же идти мне туда, там нечего делать». Но батюшка несколько раз повторил приказание идти в Дивеев и добавил: «Все мое там, и я сам постоянно и более всего там пребываю». Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала Саровскому пещернику, о. Парфению, прося записать все случившееся исцеление. Он решительно отказался, говоря: «Ступайте в Дивеев, там запишут непременно, иди, иди в Дивеев, это великая благодать, тебе и сам о. **Серафим на то указал. Там запишут, потому что там более всего почитают его. И Бог знает,**

* Летопись С. Д. Мря СПб. 1903. Стр. 187 и 248.

что еще будет из нас и из Дивеева. У нас вот три раза видели горящие свечи на могиле его, да и то мы не верим, пока на гробе его разве что-либо ясно случится»*.

Читатель невольно спросит нас: как же это так – господствующая школа ставит во главу угла внешние аскетические подвиги, устав, быт, но ведь преп. Серафим превосходит их всех своими подвигами? Да, это все так. Но никто из представителей господствовавшего в то время уклада еще не дорос до понимания умозрительного подвига. Потому все, касающееся преп. Серафима, для них остается загадкой и вызывает у них одно лишь подозрение и полное недоверие. Самый взгляд на подвиг у старого и нового течения не совпадает. Возрожденная школа не против подвигов, а только не переоценивает их: это не цель, а средство; сами по себе они – ничто. Неправильно же применяемые и ставимые как цель, они могут только повредить, явившись причиной духовной прелести. Но, кроме того, по лестнице духовного восхождения у подвижника могут встретиться величайшие испытания. Это борьба с духом злобы, обычно людьми не аскетами даже и не подозреваемая. Тогда подвижник прибегает к величайшим подвигам соразмерно с силою борьбы.

Здесь можно привести случай из жизни схимонахини Платониды (род. в 1802 г., Ставрополь) со слов ее духовника: – «Засуха или сухость сердца – это самое тяжелое положение в подвижнической жизни». Но это испытание застало Платониду не врасплох: она встретила его благодушно. Когда почувствовала у себя сухость сердца и некоторое расстройство духовной жизни, она не опустила рук, не впала в уныние. Напротив, она порешила в душе своей поститься и молиться до толе, пока Господь снова не коснется ее сердца Своею благодатью и не устроит по-прежнему ее духовную жизнь. Подвиг этого нарочитого поста (неядения) и молитвы начался. День за днем повторилось уже 10 раз. Старица постилась и молилась, но душа ее все еще, яко земля безводная... Иссохли у ней язык и гортань, грудь надрывалась от стонов и воздыханий, но на очах все еще ни слезинки. На сердце лежит словно камень ка-

* Там же, стр. 581.

кой, а в нем ожесточение и страх, уж не действительно ли Господь отринул ее от лица Своего и отверг навсегда?.. Вот и враг издевается над нею, открыто говорит ей: «Где же Бог твой?» Так шло до 14 ночи, но тут положен был и конец испытанию. Не допускающий искушений сверх сил наших, Господь явил рабе Своей знамение Своего благоволения и благоугодности Ему подвигов ея. Когда в полуночный час в растерзанном сердце своем произнесла она слова: «Слышишь ли Ты меня, Господи, слышишь ли стоны мои и страдания сердца моего?», в это мгновение она почувствовала некую теплоту в сердце и во всем существе своем. В это же мгновение отверзлись и ее духовные очи. Она увидела двух ангелов, из которых один стоял по правую, а другой по левую ее сторону. Оба они писали, каждый в своей книге. «Смотри, – сказал один из них, указывая на книги, – мы записали каждый вздох твой, каждый стон и слово твое». Позади же себя увидела толпу демонов. Ближе других стоявший к ней был в изорванной одежде. Когда стоявшие поодаль хотели подойти к нему на помощь, он закричал: «Куда лезете! Смотрите, как я изорван». Ангелы стали невидимы, демоны бежали. С тех пор, до самой кончины своей блаженная Платонида не знала уже искушений и наслаждалась всегда невозмутимым миром души, радуясь о Господе*.

Серафимово стояние на камне – столпничество – бесконечно превосходящее по суровости и долговременности только что описанный подвиг Платониды (по времени в 70 раз более продолжительный). Подвиг этот превышает человеческое разумение. По поводу его можем мы лишь заметить, что некоторые биографы неправильно понимают и по-своему истолковывают это боренье – то полагают, что здесь была брань с плотью, то с помыслами честолюбия и т.д. Но такие гадания не вяжутся с той духовной высотой преп. Серафима, на которой он уже находился в то время (1804–1807). Здесь только могло быть место борьбе не против плоти и крови, а непосредственно с духами злобы поднебесной. Из беседы с Мотовиловым выясняется эта тайна: «Как-то раз в беседе с преп. Серафимом коснулся разговор о

* Жизнеоп. подв. благочестия. Декабрь. Москва 1910. Стр. 34–243.

вражбых нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1000 ночей и 1000 дней с бесами и силою своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности».

Выйдя победителем из этой страшной борьбы, преп. Серафим вознесся на высоту древних величайших подвижников.

Итак, мы видим, что тот ключ живой воды, который сохранился в глубине монашества с древних времен и почти уже совсем иссякавший, в преп. Серафиме, сливается с вешними водами возрожденного Паисием Величковским учения Св. Отцов о внутреннем делании и обращается в его лице в такой мощный и сильный поток, который поражает и до наших дней своим величием и державностью весь духовный мир.

Проф. прот. о. Г. Флоровский в немногих словах охватывает всю неизмеримую глубину значения преп. Серафима: «Начало прошлого века в судьбах Русской Церкви ознаменовано каким-то внутренним и таинственным сдвигом. Об этом свидетельствует пророческий образ преп. Серафима Саровского (1759–1833), его подвиг, его радость, его учение. Образ вновь явленной святости оставался долго неразгаданным. В этом образе так дивно смыкаются подвиги и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешняго света». Он «с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа». Преп. Серафим весьма напоминает древних тайновидцев, преп. Симеона больше других, с его дерзновенным призывом искать даров Духа. Преп. Серафим был начитан в отцах. В его опыте обновляется исконная традиция взыскания Духа, истинная цель жизни нашей и христианской состоит в «стяжании Духа Святого Божия». Все другое должно быть только средством. Под елеем, которого недоставало у юродивых дев Евангельской притчи, преп. Серафим подразумевает не добрые дела, но именно благодать Св. Духа;

«творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в этом-то и дело лишь христианское, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достойны ли оне ея, им и дела не было»*. Так со властью противопоставляется морализму духовность. «Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг стяжания. И подаваемая благодать открывается в некоем неизреченном свете. Беседа с Мотовиловым преп. Серафима внутренне принадлежит византийской традиции и в нем она становится вполне живой»**. В своем исследовании «Духовные предки Св. Григория Паламы» проф. арх. Киприан тоже говорит о непрерывной преемственности православной мистики: «Путь православной мистики и цель ее – стяжание Св. Духа, а не подражание страдающему Христу и не жертвенное самоистязание. В этом совершается для него личная встреча с Параклитом и заключается им его личный завет со Св. Духом, почему ему и чуждо ожидание Третьего Завета и Третьего Откровения всему человечеству. Это откровение совершается на его личном пути, личным стяжанием благодати. Эта традиция нашей мистики идет от древнейших духовидцев Востока, эта линия тянется от Псевдодионисия через Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Паламу к подвижникам и мистикам наших дней, когда еще раз расцветает в лице Пр. Серафима Саровского и опытно раскрывает в его беседе с Мотовиловым то, что было драгоценным сокровищем в мистической ризнице Востока: видение обоженной полноты человеческого существа»***.

* Толкование притчи о десяти девах взято преп. Серафимом у преп. Макария Египетского, который двукратно разбирает эту притчу и под елеем подразумевает благодать Св. Духа. Макарий Египетский. Троицкая Лавра. 1904 стр. 25 и 405.

** Прот. о. Флоровский. «Пути Русского Богословия». Париж 1937. Стр. 391.

*** Арх. Киприан. «Духовные предки Св. Григория Паламы». Бог. Мысль. Париж. 1942. Стр. 130.

ГЛАВА III. ИСТОРИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ

Оптина Пустынь — ее значение в духовной и культурной жизни России

ВВЕДЕНИЕ

Оптина Пустынь находится в нескольких верстах от Козельска Калужской губернии. Она расположена на берегу быстрой речки Жиздры, отрезающей ее от остального мира, и окружена девственным бором. Оптинский монастырь представляет собой величественный белый кремль с 4 храмами, крепостными стенами и башнями.

Высокая духовная жизнь Оптиной гармонирует с ее внешней красотой. Гоголь после посещения Оптиной описывает ее исключительную духовность и благотворное ее влияние на все, с ней соприкасающееся.

Из Долбина от И. В. Киреевского Гоголь с М. А. Максимовичем съездил в соседнюю обитель Оптину. За две версты Гоголь со своим спутником вышли из экипажа и пошли пешком до самой обители. На дороге встретили они девочку с миской земляники и хотели купить у нее землянику, но девочка, видя, что они люди дорожные, не захотела взять от них денег и отдала им свои ягоды даром, отговариваясь тем, что «как можно брать с дорожных, т.е. странствующих людей?» — «Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — заметил Гоголь, удивленный

этим трогательным проявлением ребенка, – и я не раз, – продолжал он, – замечал подобное влияние таких обителей».

О посещении своем Оптиной Пустыни (в июне 1800) вот что писал Гоголь графу А. П. Толстому: «Я заехал по дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится и в самом наружном служении... Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышим ее благоуханье: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малом Ярославце к тамошнему игумену, который родной брат Оптинскому игумену и славится также своею жизнью; третий же их брат игуменом Саровской обители и тоже, говорят, очень достойный настоятель» («Жизнь и труды М. Н. Погодина», Николая Барсукова, XI книга, стр. 145–146).

Теперь хочу перейти от исторических воспоминаний к своим личным и изобразить читателю ту картину, которая однажды раскрылась передо мной на пути при приближении к монастырю: каждый раз, когда я подъезжал к Оптиной Пустыни, уже издали она производила на меня своим видом неотразимое впечатление, но был такой случай, когда я увидел нечто необыкновенное и незабываемое: я ехал с вокзала к монастырю и вдруг за поворотом увидел я как бы в воздухе белый город-кремль: белые крепостные стены с башнями, белые храмы, над которыми господствовала, уходя далеко ввысь, белая колокольня. И все это высилось на фоне зубчатой стены многовекового девственного бора.

Белое облако-туман расстиралось у подножия стен монастыря, символически отделяя его от земли и унося в «горняя». А другое белое облако далеко на горизонте вздымалось над

монастырем и в нем, этом облаке, непрестанно сверкали беззвучные зарницы, прообраз того небесного, нетварного света фаворского, носительницей которого была Оптина Пустынь.

То было внешнее впечатление. А когда я поселился внутри стен и стал оптинским богомольцем, мои внутренние ощущения превзошли все мои ожидания, несмотря на то, что я был достаточно подготовлен к этому и уже знал многое из книг и слышал рассказы о старцах от очевидцев!

Передать это впечатление тому, кто не испытал его лично, невозможно!

Вот раннее летнее утро! Вы идете в церковь. Прохлада. Кругом чудный шум вековых сосен. Их аромат разливается повсюду. А перед вами на фоне девственного бора красуется величественный белый кремль: это Оптина с ее крепостными стенами, башнями, церквами.

И в то же время вы испытываете реальное ощущение присутствия Божия, а отсюда страх за каждую мысль, действие, чувство и одновременно ощущаете непостижимый мир на душе и радость, которая так дивно гармонирует с внешней обстановкой.

ЗНАЧЕНИЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Значение Оптиной Пустыни очень велико в духовной жизни России. Она является лучшим представителем того духовного возрождения, возникшего в конце XVIII века в России.

Расположенная у опушки девственного соснового бора, отрезанная от мира рекой Жиздрой, она была превосходным местом для отшельнической созерцательной жизни. Это был чудный духовный оазис, где повторялись благодатные дары первых веков монашества. Они – эти дары, получили полное выражение в особом служении – старчестве. Действительно, оптинские старцы отличались высшим из всех даров – даром рассудительности, а также прозорливостью, даром исцелений и чудотворений. Это служение пророческое – как в апостоль-

ские времена это творили пророки, так и теперь старцы утешали страждущих, возвещали по воле Божией будущее*.

Старчество в Оптиной Пустыни берет начало от схииерхимандрита Паисия Величковского, молдавского старца, возродителя «духовного делания» в монашестве, выходца из Полтавской губернии. Из Рославльских лесов в Оптину переселились его последователи во главе с иеросхимонахом Львом. Старец Лев, могучий и властный, открывает ряд старцев. Его ученик и сотаинник о. Макарий возглавляет группу ученых и литераторов – монахов и мирских лиц, которые обрабатывают и перекладывают на литературный язык переводы, сделанные старцем о. Паисием с греческого языка писаний величайших аскетов древности как Исаак Сирий, Макарий Великий, Иоанн Лествичник. Под влиянием о. Макария русский философ И. В. Киреевский закладывает основание философии «цельности духа», которая должна была лечь в основу русской самобытной культуры.

При старце о. Амвросии, – ученике о. Льва и о. Макария, Оптина достигает расцвета. Слава о Старце гремит по всей России. К нему устремляются со всех концов ее. Необычайно сострадательный и благодатно одаренный, он умеет скрыть свою прозорливость и благодатную помощь под покровом шуток. Он всегда говорит краткими афоризмами стихотворной формы.

Во время расцвета России и Оптиной Пустыни тысячи и тысячи людей находили у него поддержку и наставление. Следующие старцы: о. Анатолий (Зерцалов), ученик старца Амвросия – Иосиф, старец Варсонофий, – в миру полковник генерального штаба, по благодатной одаренности подобны своим учителям. Последние старцы: Феодосий-мудрец, Анатолий-утешитель (Потапов) и дивный Нектарий продолжают ту же традицию.

Последний из них – старец Нектарий, во дни огненного испытания Родины утоляет духовную жажду верующих, сам находясь в изгнании.

* Смотри в начале определение понятия старчества.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Когда возникла Оптина – точно неизвестно. По преданию, ее основал в древние времена покаявшийся разбойник Опта.

Во время гонений на монастыри она была закрыта. Восстановлена вновь Оптина в 1821 г. Но расцвет ее начинается с введением старчества.

В 1829 году там поселился старец Леонид (1768–1841). Он в схиме носил имя Льва и был учредителем старчества. Сильный и властный, он царственно открывает собою ряд великих старцев. К нему в 1834 г. присоединяется старец Макарий, знаменитый своей издательской и переводческой деятельностью. Под его руководством переводятся на русский язык и издаются святоотеческие творения. Но зенита своей славы Оптина достигла при старце Амвросии, ученике старцев Льва и Макария.

От древнейших времен местность, где расположены город Козельск и Оптина Пустынь, была уже обитаема. Так, археологические раскопки 1899 года обнаружили здесь предметы каменного века. В исторические времена ее населяли племена вятичей, просвещенные св. Кукшей (пострадавшим в Мценске в 1213 году).

Город Козельск впервые упоминается в летописи под 1146 годом. В 1238 г. он был взят татарами. Город мужественно сопротивлялся в течение 7 недель. Все жители были перебиты. По преданию, 2-летний князь Василий утонул в крови. Татары прозвали Козельск «злым городом».

В начале XV века Козельск перешел в руки Литвы, и в течение полувека переходил из рук в руки, пока окончательно не утвердился за Москвой.

Время основания Оптиной неизвестно. Есть предположение, что она была основана монахолюбивым князем Вла-

димиром Храбрым или ближайшими его наследниками. Но вероятнее всего, что основателями ее стали неизвестные отшельники, избравшие для своих подвигов глухое место в лесу, вдали от всякого жилья, у пограничной засеки с Польшей, место неудобное для хлебопашества, никому не нужное и никому не принадлежащее. Таким образом, Оптиная принадлежит к числу древнейших монастырей. Известно, что в 1625 году ее игуменом был Сергей. В 1630 г. там была деревянная церковь, шесть келий и 12 человек братий, и управлял ею иеромонах Феодор. Царь Михаил Феодорович пожаловал Оптиной мельницу и землю в Козельске под огороды. В 1689 году братья Шепелевы (местные бояре) построили Введенский собор. Вскоре наступило время реформ Петра I. В 1704 г. отобрали в казну мельницу, перевоз через Жиздру и рыбные ловли, а в 1724 г. обедневшая обитель указом Синода и совсем была упразднена, как «малобратный монастырь». Но уже в 1726 г. по ходатайству стольника Андрея Шепелева она была восстановлена. При закрытии совершенно разоренная, она теперь медленно восстанавливалась. Указом 1727 года ей была возвращена мельница.

Но ее полное восстановление началось лишь с 1795 года, когда на нее обратил внимание московский митрополит Платон и назначил туда строителем иеромонаха Иосифа, а через год был назначен вместо него строителем о. Авраамий. Произошло это так: м. Платон решил устроить в Оптиной общежительный монастырь наподобие Песношского монастыря и просил его настоятеля о. Макария выбрать из своей братии для этой цели способного человека. О. Макарий ответил: «Да у меня нет таких, владыко, – а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» Авраамий был представлен митрополиту. Болезненный и смиренный, он пробовал отказаться, но старцы Самуил Голутвенский и Иоанн Песношский сказали, что это зов Божий, и о. Авраамий отправился в Оптину.

Обитель нашел в крайнем запустении: «Не было полотна руки обтереть служащему». Братий было 3 престарелых монаха. В скорби своей о. строитель отправился к своему старцу в Песношь. О. Макарий повез его с собой по окрестным

помещикам-благотворителям и о. Авраамий привез в Оптину два воза разных вещей. Кроме того с благословения о. Макария, из его монастыря в Оптину перешло 12 братий. Число монашествующих стало быстро возрастать. Отец Макарий все время ободрял и руководил о. Авраамием. Вскоре о. Авраамий привел в порядок хозяйство, огородил обитель, закончил судебные дела в пользу обители. Построил колокольню, Казанскую больничную церковь, братские кельи, развел сад. В 1812 году он в ожидании неприятеля скрыл церковное имущество в земле под церковью и приискал для братии в дремучем лесу недоступный овраг с пещерой. Но враг не дошел до Оптиной. Скончался о. Авраамий в 1817 году. После него настоятелем был Маркелл, а затем Даниил.

Но расцветом своим и славой Оптина Пустынь обязана следующему своему настоятелю архимандриту Моисею. При нем перестроены были и увеличены храмы, построены и новые. Старые братские корпуса надстроены, прибавлено семь новых корпусов, каменная ограда с семью башнями, новый большой корпус для братской трапезы, библиотека, гостиницы (8 корпусов с тремя флигелями), два конных двора, скотный двор, заводы черепичный и кирпичный, мельница близ монастыря выстроена вновь, братское кладбище, весь скит с его церковью, келиями и службами: все это возникло при о. Моисее. Кроме того разведены огромные огороды, фруктовые сады и земельные владения Оптиной увеличены вдвое, причем лес занимал 188 десятин. Приток средств шел со стороны богомольцев, которых привлекала Оптина Пустынь с ее особым духом, напоминающим времена древнего подвижничества.

АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ

Отец архимандрит Моисей родился 15 января 1782 г. в благочестивой семье Путиловых в гор. Борисоглебске. Он и его два брата приняли монашество и были настоятелями обителей. На могильном памятнике их отца начертаны имена его

строителей: «Путиловы дети: Моисей, игумен Оптинской Пустыни; Исаия, игумен Саровской Пустыни; Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского Монастыря». Все три брата были великие подвижники христианского духа*.

Значение о. Моисея не только в том, что он создал внешний расцвет Оптиной Пустыни, но и возможность ее духовного расцвета создалась благодаря его сотрудничеству со старцами Львом и Макарием. Сам он с молодых лет понял сущность и глубину духовной жизни. С ним беседует в Москве прозорливая старица Досифея и направляет его в Саровскую обитель, где он принимает духовные наставления от самого преп. Серафима. Далее о. Моисей подвизался среди пустынников в Рославльских лесах наподобие древних египетских отцов, проводя 6 дней в одиночестве, в вычитывании ежедневного круга богослужений и в умной молитве, и сходясь в Воскресный день с другими старцами для совместной молитвы. На Пасху, Рождество и др. великие праздники приходил священник и приобщал всех запасными дарами. В 1812 году нашествие французов прерывает пустынножительство о. Моисея, который поступает в Белобережскую пустынь и здесь встречает трех выдающихся подвижников: о. Феодора, Клеопу (учеников Паисия Величковского) и их спостника о. Леонида, незадолго перед этим бывшего строителем этой обители. Это три великих имени в истории русского монашества. Встреча с о. Леонидом была промыслительна. Когда о. Моисей после основания им оптинского скита (в 1825) сделался настоятелем всей обители (1826), в скит прибыл о. Леонид (1829) и положил начало старчеству. Благодаря тому, что о. Моисей прошел тот же духовный путь внутреннего делания, что

* В г. Мологе Ярославской губернии, на городском кладбище, близ алтаря церкви во имя «Всех Святых» стоит скромный, осененный крестом, мраморный памятник, на котором с одной стороны такая надпись: «Под сим камнем погребено тело Московского купца Ивана Григоревича Путилова. Жития его было 57 лет; скончался 1809 года января 2-го дня», а с другой стороны написаны имена его детей, воздвигнувших памятник: «Путиловы дети: Моисей, игумен Оптиной Пустыни, Исаия, игумен Саровской Пустыни, Антоний, Игумен Малоярославецкого Никольского Монастыря.» (Жизнеописание Настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пуст. Архимандрита Моисея. Москва, 1882 стр. 1)

и о. Леонид, между обоими строгими подвижниками было глубокое взаимное понимание, полное единодушие в полном смысле этого слова. И если епархиальное начальство не понимало сущности старчества и преследовало старца Леонида (в схиме Льва), то о. Моисей, бывший и сам на одинаковом духовном уровне со старцем Львом, понимал великое значение старчества и между Старцем и Настоятелем никогда не бывало малейшего трения. Таким образом старчество, процветавшее в Оптиной, обязано всецело своим существованием отцу Моисею.

Сам строгий постник и подвижник, о. Моисей преисполнен был самой нежной любовью к людям и был сострадательен к их погрешностям. Вот один из множества примеров: в обители работал печник, плутовавший и неисправно работавший. О. архимандрит решил его расчитать, но печник просил прощенья и обещал исправиться. О. архимандрит простил его и снова нанял. Эконом, узнав об этом, говорит о. Моисею: «Батюшка! Вы опять того печника наняли, ведь он плут, как и Вам хорошо известно». – «Да, ведь он бедный человек, я видел, что на нем и рубашки-то нет, а только кафтан, надобно ему помочь, притом он обещал исправиться». – «Батюшка, когда же он исправится? Он известный негодяй!» – «Как! Человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй. Сам ты негодяй! Ступай!» Так эконом и ушел.

Неподражаемо было искусство о. архимандрита говорить с каждым в его тоне; с образованными на их языке, а с средними сообразно с их понятиями и их образом речи. Он хорошо понимал потребность каждого. С удивительным искусством старался он всегда избегать среди бесед разговора о людях в смысле их осуждения. «Да, кто же может это одобрить», – скажет он мягко.

«Слово его было сладко, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, так всегда было обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа ни перед кем не оставалась в долгу» (Игумен Антоний Бочков).

Сострадание к бедным о. Моисея не имело предела. Разорившийся торговец привез продавать негодную сбрую. О.

Моисей ее купил и на упрек эконома: «Все гнилье, на что вы это купили?» – ответил: «Экой ты, брат, какой, ведь продавал-то человек бедный и у него пятеро детей, все равно надобно ему и так помочь». Таких случаев множество. Не отказывая бедным в помощи, питая множество странников и в трапезе и на гостинице и все бесплатно, когда монастырь сам нуждался в средствах, о. архимандрит нередко предпринимал и новые постройки с целью прокормить бедных людей из окрестных жителей. Он построил огромную ограду вокруг монастыря. «Ничего нет, хлеба даже у братий нет, а он такую огромную постройку ведет. И повел, и повел, да так без перерыва и довел ее до конца, а ограда-то какая, несколько домов каменных можно из нее выстроить».

Однажды был пожар, сделавший убыток на 2 тысячи. Вынесли на пожар чудотворную икону Казанской Божией Матери. Стали с ней против ветра, и последний изменил свое направление, обратился в лес и пожар был потушен. О. Моисей после выразился о пожаре так: «Да, уж нельзя не подумать, что это плоды моих грехов. Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятен Богу человек в печи смирения. И так благо мне, что смирил меня Господь». Иоанн Лествичник говорит: «Где не присутствует свет, там все мрачно, и где нет смиренномудрия, там все нечисто и суетно».

Всю жизнь о. архимандрита можно выразить такими словами: он жил сокровенно в Боге. Среди непрестанных забот и попечений внешних, в нем был «потаенный сердца человек в неистлении кроткого и молчаливого духа» (I Петр. 3, 4)*.

* После кончины о. Моисея были найдены отрывки его дневника, написанного в его молодости в бытность его отшельничества в Рославльских лесах: «Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожительствующих со мною братьев, чтобы их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Равномерно и им мои погрешности должно принимать на себя, с исповеданием перед Богом. И так да даст Господь разум и силы друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов, любовь и мир. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои» («Жизнеоп. Наст. Опт. Пуст. Архим. Моисея», Москва 1882, стр. 33).

Одна игумения, окруженная сестрами, встретила о. Моисея на дороге. Все они ему поклонились, прося благословения, но он, всегда приветливый, шел, не замечая никого. Игуменья громко назвала его имя, он очнулся, удивился, что около него целая толпа людей, стал извиняться. Но выражение лица его, орошенное слезами, свидетельствовало, в каком состоянии его застигли. Он настолько углубился в молитву, что не заметил монахинь.

«Сам-то я хуже всех», – часто повторял о. архимандрит; «другие, может быть, только думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознался, что я хуже всех». Сбывались на нем слова Пр. Аввы Дорофея: «Как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви к низу и нагибают их, так и душа, когда смиряется, тогда приносит плоды и чем более приносит плода, тем более смиряется, ибо и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными». На вопрос одного иеромонаха о келейном правиле о. Моисей сказал: «Да, я прежде различные правила исполнял, а теперь мне осталось одно только правило – мытарево: «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк. 18, 13).

Так смиренно выражался о себе старец, но близко знавшим и понимавшим его жизнь было очевидно в нем не только «деяние», но в «видении восход», т.е. созерцательная молитва и богатство дарований.

О. архимандрит Моисей успел благополучно скрыть себя от людей, почему при жизни его многие, не знавшие его близко, считали его хотя и хорошим, но обыкновенным человеком: только духовные мужи, «востязующие вся» по слову Апостола (I Кор. 2, 15), ощущали благоухание добродетелей о. Моисея и считали его высокодуховным Старцем, не напрасно проведшем жизнь свою в трудах и подвигах. На нем исполнились слова Св. Епископа Нифонта: «В последнее время те, которые по истине будут служить Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся больше Отцев, прославившихся знамениями» (Варсануфий Великий, Москва 1855 г., стр. 654).

ПИСЬМО ОТЦА АРХИМАНДРИТА МОИСЕЯ
ОПТИНСКОГО К СЕСТРЕ СВОЕЙ М. МАКСИМИЛЛЕ

Отец архимандрит Моисей писал письмо к двоюродной сестре своей Максимилле, монахине Московского Вознесенского монастыря.

«Пречестнейшая в монахинях, любезнейшая сестрица, Максимилла Ивановна. Возмогай о Господе.

К удовольствию моему, ваше приятное для меня писание получил исправно. Усерднейше за все благодарю. Не оставляйте впредь писывать ко мне и не затрудняйтесь в том: пишите ко мне просто, что только чувствуете и таким образом, как говорите. Не нужно мне изъяснений о расположении вашем и любви ко мне: я об этом и без того давно знаю. Мне пишите больше всего о себе, в каких вы немощах и злостраданиях бываете по духу, чтобы и я мог со своей стороны оказать вам участие, единственно ради пользы душевной вашей, а не в тщетное ласкание.

Нам с вами, немощным, о крепких подвигах и высокоотворных добродетелях, видно, нечего разговаривать, разве только что о немощах и злострадательной жизни. Нынешним письмом вашим я доволен: оно самое то, каким и всегда быть должно. Вы пишете с искреннею прямою и доверенностию ко мне о вашем немоществовании. Сие изъяснение ваше приятно для меня, потому что и Апостол Павел пред целым светом изъяснился за себя, что он ежели силен, то благодатию Христовою, о себе же немощен. «Сладце, – говорит, – похвалюся паче в немощех моих и, окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея, яко не живет в теле моем доброе».

Послушайте, сестрица. Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может статься, и не имеете, однако уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они, по-видимому, не велики, будто ничего не значат,

однако могут быть ко спасению не только не малы, но и довольны. Я вам, хоть отчасти перечту те самые, которых вы не чужды, но они точно бывают в вас при случаях:

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете – за что помилованы будете.

Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие) – с мученики счисляетесь.

Если простите обидающего, и за сие не только все грехи ваши простятся, но дщерью Отца Небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении – хотя и мало – и спасешься*.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестию чувствуемые, и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом – и за сие вам прощение и мзда.

Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезись или воздохнешь, – и воздыхание твое не утаится от Него: «Не таится бо от Него, – глаголет св. Симеон, – капля слезная, ниже капли часть некая». А св. Златоуст глаголет: «Аще посетуеши точию о гресех – и то примет Он в вину твоего спасения».

Видите ли, сколько дел вы исправили, о которых и не знаете. Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их праведный Мздовоздаятель, а мы только на грехи свои смотреть будем и о них каяться во все дни, и о прощении их пецися».

* Так! БФ

ГЛАВА IV. ОСНОВАНИЕ СКИТА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Игумен Антоний

Основание скита Оптиной Пустыни. 1821 г.

Сердцем Оптиной Пустыни – местом, где бился пульс ее жизни, откуда исходила та благодатная сила, которая освящала жизнь насельников монастыря, – был знаменитый оптинский скит – местопребывание святых оптинских старцев. Скит создал историческую славу Оптиной Пустыни.

Основание скита произошло следующим образом: о. Моисей, в то время пустынножитель Рославльских лесов, ездил по делу в Москву и оттуда на обратном пути заехал в Оптину Пустынь. Настоятель – о. Даниил, зная желание преосвященного Филарета, тогда епископа Калужского, основать вблизи Оптиной Пустыни лесной скит, представил ему о. Моисея, который в это время был далек от мысли расстаться с пустынноческой жизнью в Рославльских лесах. Владыка и о. Даниил усердно его убеждали о преимуществе жизни вблизи монастыря, и он уехал, увезя с собой письмо вл. Филарета к рославльским пустынноикам, приглашавшее их перебраться в Калужскую епархию под его воскрылие. Прибыв на место, о. Моисей рассказал своим сопостникам свои впечатления. Отшельники, выслушав его, одобрили план переселения, тем более что в этот момент им угрожали неприятности от земской власти. С о. Моисеем отбыли в Оптину Пустынь его брат о. Антоний и два монаха: Иларион и Савватий. О. Афанасий, ученик о. Паисия Велич-

ковского, и о. Досифей должны были прибыть в скит после его устройства. О. Досифей прибыл только в 1827 году и вскоре скончался, а о. Афанасий кончил свои дни в Свенском монастыре в 1844 году. Другие отшельники продолжали оставаться в Рославльских лесах.

По прибытии в Оптину Пустынь, в 1821 г. о. Моисею с братией предстоял огромный труд: надо было расчистить от вековых сосен огромную площадь для постройки скита. Оба брата – о. Моисей и Антоний, вместе с наемными рабочими валили сосны и корчевали пни. Скит был расположен в 170 сажнях от Обители. План скита был одобрен вл. Филаретом, который начертал: «1821 г., Июня 17-го. Строить скит да благословит Бог благодатию Своею, да поможет совершить».

Благочестивые местные граждане помогли деньгами. Сначала поставили дом, в котором поселились начальные насельники. 26 октября о. Моисей писал родственнику, что они 3 месяца трудились около строения келий и св. храма. «Благодарю Бога, что Он нас привел сюда», закончил этими словами свое письмо о. Моисей. В другом письме, написанном вскоре после этого, о. Моисей извещает одного иеромонаха, что «выстроены уже 3 келии и храм во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня». Но средства оскудевали, и о. Моисей поехал за сборами в Москву. Он вернулся с переполненным возком поклажею, которая состояла из церковной утвари. 5 февраля 1822 г. состоялось освящение храма.

Епископ Филарет предложил о. Моисею принять сан священника. О. Моисей наотрез отказался. Но Владыка ему пригрозил, что в случае отказа он будет с ним судиться на Страшном Суде, и о. Моисею пришлось уступить. После сего о. Моисей был назначен духовником скитской братии. Постепенно возникали по сторонам храма отдельные домики братских келий. Были посажены плодовые деревья, кедровые орехи, которые превратились в стройные деревья и дали плоды через 25 лет. Также было посажено множество ягодных кустарников. Было выкопано 2 пруда. О. Моисей был вынужден сделать долги и поехал вторично в Москву за сбором для погашения их,

но был вскоре вызван назад, т.к. Владыка Филарет, принимая Киевскую епархию и покидая Калужскую, назначил его настоятелем Оптинского монастыря и он должен был к нему явиться для принятия прощального благословения. Это знаменательное событие совершилось в 1825 году.

После о. Моисея скитоначальником стал его младший брат о. Антоний.

Новый начальник скита о. Антоний родился в 1795 г. С юных лет подобно братьям стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 г. он оказался в Москве и жестоко пострадал от них. Еле спасся. После многих мытарств он присоединился к о. Моисею, жившему пустынником в Рославльских лесах. Здесь он навыв истинному подвижничеству, смирению, послушанию. Он вместе с братом, как было уже сказано, собственными руками выстроил скит в Оптиной Пустыни. Начальником скита он стал в тридцатилетнем возрасте.

В Оптиной Пустыни в скитском братстве не было такого смиренного послушника, каким был молодой скитоначальник о. Антоний, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения своего старца и брата о. Моисея. В сохранившихся его помянниках мы читаем: «Помяни, Господи, господина моего духовного отца и благодетеля всечестнейшего игумена иеромонаха (в других игумена, схиархимандрита) Моисея». Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью и каким тактом надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений. Ввиду малочисленности братства сам начальник исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, который исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. «Как самый бедный бобыль, – писал о. Антоний в 1832 г. одному родственнику, – живу в келье один: сам и по воду, сам и по дрова... Чином священства почтенных тепер у нас в скиту собралось пять человек; но все они престарелы и много-немощны, почему и тяготу служения за всех несусь один».

Он жил «всем бых вся, да всяко некия спасу» (I Кор. 9, 22). Этот текст в прямом смысле относится к старческому служе-

нию. Однако ни о. Антоний, ни о. Моисей не брали на себя прямой обязанности душепопечения лиц монастырской братии. Но будучи сами духоносными старцами, они понимали значение старчества и представили тем великим старцам, которых они привлекли в Оптинский скит, самое широкое поле деятельности. Таким образом насаждение в Оптиной Пустыни старчества было всецело обязано этим двум братьям. И не только насаждение, но и процветание.

Вот какое впечатление оставил по себе скит в воспоминании лица, бывавшего там в юности при скитоначальнике о. Антонии:

«Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором вспоминаю и теперь с благоговением, и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати, невольно заставляло забывать все, что вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратности его. С каким умиленным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита о. Антоний, было тихое, стройное, и вместе с тем величественное и правильное, подобно которому после того и нигде уже не слышал, за всем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, – а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита о. Ан-

тонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия.

Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквях*.

О. Антоний пробыл начальником скита 14 лет, когда епископ Калужский Николай, враждебно относившийся к старчеству и причинивший много горя о. Моисею, назначил его родного брата о. Антония настоятелем Ярославецкого Николаевского монастыря. В это время о. Антоний переступил сорокалетний возраст и на ногах его открылись раны, как последствие его подвигов и трудов. Ему было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами уединенным Оптинским скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем. Начальствование в чуждых ему условиях жизни являлось для него тяжчайшим и величайшим крестом. Однажды, пишет он, «сильно уны во мне дух мой, и воздремавшись вижу в тонком сне лик отцов, и один из них, якобы первосвятитель, благословляя меня, сказал: ведь ты был в раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись! И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи! Даруй мне конец благий!»

Больной настоятель игумен Антоний часто мог только лежа давать приказания и не был в состоянии следить за точным исполнением своих распоряжений. Он многократно просился отпустить его на покой, но еп. Николай был неумолим. 14 лет продолжалось его злострадание. Иногда он должен был ездить в Москву за сборами пожертвований на окончание монастырских построек. В Москве о. Антоний пользовался особым вниманием со стороны митрополита Филарета, который понимал духовное устройство смиренного подвижника-страдальца. Он полюбил его и приглашал его к сослужению с собой, оказывал ему знаки отеческой милости и утешал его беседами. Наконец, митрополит вступился за него перед епархиальным архиереем, который, наконец, согласился его отпустить на по-

* «Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря Игумена Антония». Москва, 1870 г., стр. 27.

кой в Оптину Пустынь, что состоялось в 1853. Возвратившись в Оптину Пустынь, о. Антоний прожил еще 12 лет.

В течение этого времени он жил в Оптиной Пустыни как лицо, находящееся «на покое», и не вмешивался во внутренние дела монастыря и скита и даже избегал давать советы. Только утешал в скорбях, приходивших к нему.

Ему пришлось пережить кончину брата своего схиархимандрита Моисея, что было для него тяжелой потерей. Два месяца провел он в затворе в непрестанной молитве за усопшего. Он не мог говорить о брате без слез и потому отказывался сообщить сведения, ему известные, о сокровенной, внутренней жизни покойного. Это осталось нераскрытым.

У о. игумена Антония было много духовных чад среди мирян, многие знали его в бытность его настоятелем Малоярославецкого монастыря. После кончины удалось собрать и издать сборник его писем к этим лицам. Выбраны были письма, содержавшие общее назидание. «Письма эти, – говорит его жизнеописатель, – отличались теми же достоинствами, как и устные его беседы, тем же естественным красноречием и сладкоречием, тою же назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слог его совершенно особенный, свойственный одному о. Антонию. В них ясно отпечатлелись все высокие душевные свойства любвеобильного старца. Читая их, как будто слышишь самую его беседу». О. Антоний обладал даром прозорливости и часто, не ожидая получения писем, писал утешения и наставления. О. Макарий – оптинский старец – называл о. Антония «и по сану и по разуму старшим и мудрейшим себя».

В жизнеописании о. Антония приведено немало совершенных им чудес. Приведем один случай: одна девица, не пожелавшая выйти замуж за определенного человека, подверглась влиянию чар от колдуна. Отец Антоний, не будучи приглашенным, явился в этот дом. «Когда пришел час воле Божией быть мне у вас, – пишет он этой девице, – то в начале целую толпу бесов встретил я, с бранью воспрещающих вход, но Господь разогнал их». О. Антоний вошел в дом совершенно бледный. Молитвами о. Антония девица получила облегчение

и поступила в монастырь, но окончательное освобождение от недуга получила от преосв. митрополита Филарета Московского, к молитвам которого, вероятно, прибегал о. Антоний, ибо между этими подвижниками существовала связь и близость. Митрополит явился страждущей в сонном видении, прочел псалом 60-й и приказал читать его ежедневно. С тех пор монахиня Р. освободилась от вражеских нападений*.

О. Антоний непрерывно почти всю жизнь жестоко страдал от ран на ногах. День преставления старца о. Антония 7 августа 1865 года. Он погребен рядом с братом о. Моисеем.

* «Жизнеоп. иг. Антония», стр. 103. Москва, 1870.

ГЛАВА V. НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА

Иеросхимонах Лев. Начало оптинского старчества

Приступая к истории оптинского старчества, мы еще раз повторим: «Оптина явилась как бы чашей, куда сливалось все драгоценное духовное вино». Или другими словами напомним читателю о той предварительной связи, которая существовала между братьями Путиловыми – отцами Моисеем и Антонием с теми старцами, которых они призвали старчествовать в построенный ими скит. Все они были «одного поля ягода» – люди одного и того же духовного воспитания и закала. И именно этим и объясняется то полное единодушие и взаимное понимание, которое царило между ними. Как во всей церковной истории, между святыми отцами не случалось идеологического разномыслия, таким же образом не существовало такового и между этими святыми подвижниками. На этом согласии и взаимном понимании между строителями скита и прибывшими старцами и могла установиться прочно жизнь скита. И это согласие явилось как бы фундаментом и твердым цементом, крепко скреплявшим духовное здание.

Мы знаем, что о. Моисей в течение 14 лет проводил пустынническую жизнь в Рославльских лесах. Нашествие французов в 1812 г. заставило его перебраться в Свенскую обитель, откуда он перешел в Белобережскую пустынь, и здесь он встретился с бывшим строителем этой пустыни о. Леонидом – в схи-

ме Львом – и его сопостниками отцами Клеопой и Феодором. «А потом я перешел, – пишет игумен Моисей, – в монастырь, где ходил за добродетельным старцем схимонахом Афанасием, учеником Молдавского старца Паисия, скончавшегося в Площанской пустыни в 1823 г. на руках иеромонаха Макария» (второго оптинского старца).

Житие старца Клеопы уже известно читателю из предыдущего, нам остается его теперь познакомить с кратким жизнеописанием старца Феодора, неразрывно связанным с житием старца Льва.

Схимонах Феодор (1756–1822)

Одним из родоначальников старчества Оптиной Пустыни надо считать после старца Паисия Величковского его ученика старца схимонаха Феодора.

Родился он в Карачеве Орловской губ. в 1756 г. Лишившись рано отца, он был дан в обучение местному протоиерею. Феодор обладал чудным голосом, любил чтение свв. отцов и церковные службы. В юношеском возрасте стал заниматься вместе с матерью небольшой торговлей. Но его тянуло к монашеству. Дважды он уходил в монастырь, но каждый раз мать возвращала его домой. Вернувшись в мир, он не избежал и падений. Хотя он и женился, но вкусивши в юности от сладости духовного жития, он уже не был в состоянии найти удовлетворения в миру и умиротворения своей совести.

Вскоре, оставив жену и младенца-дочь, он уходит на богомолье в Киев. А оттуда направляется к старцу Паисию в Молдавию. Истощенный долгим путем без денег и без теплой одежды, глубокой осенью прибыл Феодор в Нямецкий монастырь, в котором в то время имел пребывание старец Паисий со своей братией. Но ему отказывают в приеме из-за недостатка места и скудости монастыря. Феодор умоляет разрешить повидать старца Паисия, дабы принять его благословение. Увидев Феодора, о. Паисий глубоко пожалел его и принял в монастырь.

Тяжкими физическими подвигами и безропотным послушанием суровому старцу на пчельнике Феодор искупает свои падения. Затем он переселился к пустынникам Онуфрию и Николаю, ученикам старца Паисия, монахам высокой духовной жизни. К Онуфрию, благодаря его дару рассудительности, стекались монахи за наставлением и руководством. Феодор ухаживал за престарелым Онуфрием до самой его смерти.

Вернувшись после этого к старцу Паисию, Феодор помогал ему, переписывая книги его переводов, пел на клиросе, и под руководством великого старца обучился «искусству всех искусств» – умному деланию, умносердечной непрестанной молитве. С этого времени его всю жизнь преследовала страшная клевета и зависть.

Феодор присутствовал при кончине старца Паисия в 1794 г.

В 1801 г. был издан манифест имп. Александра I, разрешивший вернуться всем бежавшим из России. Старец Софроний, преемник старца Паисия, посоветовал Феодору вернуться на родину. Перед отъездом он постриг его в схиму.

По возвращении в Россию Феодору, вследствие клевет и зависти, приходилось вести жизнь скитальческую, переходя из одного монастыря в другой, много терпя от злобы людской.

Сначала он поселился в Челнском м-ре, оттуда перешел в Белобережский м-рь, но и здесь не укрылся он от зависти, ибо, по словам людей духоносных, «возвышался духовным совершенством, не имеющим пределов духовной высоты!». Беспрестанно стекались в его келию братия, отягощенные бременем страстей и от него как от искусного врача получали исцеления и руководство в призывании «страшного имени Иисусова, которым христианин испепеляет сперва терние страстей, потом разжигает себя любовью к Богу и вступает в океан видений». Самым ревностным учеником старца Феодора был строитель Белобережский о. Леонид, будущий основатель старчества в Оптиной.

Здесь старца Феодора постигла болезнь (горячка), которая проявлялась жаром в теле и слабостью. Феодор был в памяти, и на лице его обнаруживалось действие внутренней сердечной молитвы. С ним началось состояние иступления, и он высту-

пил из самого себя. Тогда ему явился некий безвидный юноша, осязаемый и зримый одним сердечным чувством, который повел его узкою стезею в левую сторону. Сам о. Феодор, как потом рассказывал, испытывал чувство, что уже умер, и говорил себе: я скончался. Неизвестно, спасусь ли или погибну. «Ты спасен!» – сказал ему на эти помыслы незримый голос. И вдруг какая-то сила, подобная стремительному вихрю, восхитила его и перенесла на правую сторону.

«Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня», – провещал невидимый голос. С этими словами о. Феодору показалось, что Сам Спаситель положил десницу Свою на его сердце, и он был восхищен в неизреченно приятную как бы обитель, совершенно безвидную, неизъяснимую словами земного языка.

От этого чувства он перешел к другому, еще превосходящему, затем к третьему; но все эти чувства, по собственным его словам, он мог помнить только сердцем, но не мог понимать умом. Потом он увидел храм и в нем близ алтаря как бы шалаш, в котором было 5 или 6 человек.

«Вот, для этих людей, – сказал мысленный голос, – отменяется смерть твоя. Для них ты будешь жить». Феодору даже были показаны те великие скорби, которые ему предстояли на земле.

Феодору устроили келью в лесу, где с ним жили иеросхимонах Клеопа, вышедший, как и он, из Молдавии. Вскоре к ним присоединился и о. Леонид, сложивший с себя настоятельство (будущий оптинский старец).

Но и там они не обрели тишины и решили перебраться на север. Но здесь начались те великие скорби, которые были предсказаны Феодору в его видении. В Палеостровской пустыни его держали взаперти, как в тюрьме. Два года он жил без одежды и обуви, и ему еще грозили посадить в погреб и кормить травой. На эту угрозу Феодор отвечал: «Верую милосердному Богу моему: мне сделать могут только то, что Он попустит за грехи мои».

Далее Феодор попал на Валаам, где его ждали его ученики Клеопа и Леонид. Валаам посетил министр князь Голицын,

который все внимание свое уделил старцам и даже доложил о них Государю Александру I. Это возбудило зависть и злобу, тем более, что к их руководству устремились и монахи и мирские. Старцам бы было несдобровать, если бы за них не вступились Филарет Московский и Иннокентий Пензенский. Хотя старцы и были оправданы, но они предпочли перебраться в Александро-Свирский монастырь, где Феодор после тяжелой полуторалетней болезни скончался. «За день до кончины он имел видение: он видел себя в некоей великолепной церкви, исполненной бело-ризцев, и из их среды, с правого клироса, услышал торжественный голос покойного друга своего, иеросхимонаха Николая: «Феодор, настало время твоего отдохновения прийти к нам».

Это совершилось в пятницу Светлой седмицы 1822 года. В девятом часу вечера заиграла на устах Феодора радостная улыбка, лицо его просветилось, черты изменились божественным изменением. Ученики, окружавшие одр старца, забыли слезы и сетования и погрузились в созерцание величественной необыкновенной кончины. Благоговейный страх, печаль, радость, удивление овладели вдруг их чувствами: они ясно прочитали на лице отца своего, что душа его с восторгом излетела в объятия светоносных Ангелов».

Рукописное житие так кончается: «Отче святой, Ты ныне обитаешь в райских чертогах и ненасытимо наслаждаешься хлебом небесным, пролей о нас молитву перед Царем царей, не предай чад твоих челюстям вражиим, будь нам помощником в страшные смертные минуты и представь нас Лицу Всевышняго, да и мы соединим с ликующим гласом твоим наши слабые гласы и удостоимся с трепетом прославлять в вечные веки Триипостасного Бога, славимого всею вселенною. Аминь».

Иеросхимонах Лев — великий старец (1768–1841)

Первый приснопамятный Оптинский старец родился в г. Карачеве Орловской губ., и в святом крещении наречен был Львом. В миру он вращался в купеческом быту и служил при-

казчиком в пеньковом деле. Он возил пеньку для сбыта на дальние расстояния, делая большие разъезды. Однажды он подвергся нападению от волка, который вырвал у него из ноги огромный кусок тела. Будучи необычайно сильным и смелым, юноша Лев засунул кулак в глотку волка, а другой рукой сдавил ему горло. Обессиленный волк упал с воза. О. Лев прихрамывал после этого всю жизнь.

Сметливый и в высшей степени способный приказчик во время этих переездов сталкивался с представителями всех классов общества, он хорошо освоился с манерами и бытом каждого из них. Этот опыт пригодился ему в годы его старчества, когда к нему приходили и раскрывали ему душу самые разнообразные люди, знатные и незнатные.

Начало монашеской жизни о. Лев положил в Оптиной Пустыни, но потом перешел в Белобережскую пустынь, где в то время настоятельством известной Афонский подвижник о. Василий Кишкин. Вскоре о. Лев принял монашеский постриг с именем Леонида. Здесь он прошел искус обучения монашеским добродетелям: послушанию, терпению и всем внешним подвигам. В 1804 году о. Леонид стал преемником о. Василия. Еще до назначения своего настоятелем о. Леонид временно прожил некоторое время в Чолнском монастыре, где встретился с учеником старца Паисия Величковского – о. Феодором, и стал его преданным последователем. Старец Феодор стал обучать о. Леонида высшему монашескому деланию, этой «науке из наук и искусству из искусств», как зовется подвиг непрестанной молитвы и посредством которой происходит очищение сердца от страстей. В описываемое время о. Леонид также встретился с инспектором Орловской семинарии игуменом Филаретом, будущим митрополитом Киевским, и имел с ним духовное общение. Это обстоятельство имело для старца значение в его последующей жизни.

Как только о. Леонид был назначен настоятелем Белобережской пустыни, о. Феодор перешел к нему на жительство. Впоследствии оба подвижника во многих скитаниях прожили совместно от 15 до 20 лет. Под руководством о. Феодора о. Леонид достиг высоких духовных дарований.

В Белых Берегах о. Феодора постигла продолжительная болезнь, после которой построили ему уединенную келию в лесной глуши, в 2 верстах от обители, где он и поселился с о. Клеопой, о котором читатель знает из предыдущего. К этим великим подвижникам вскоре присоединился и сам о. Леонид, сложивший с себя звание настоятеля – 1808 г. Здесь в пустынном безмолвии он принял келейно пострижение в схиму и наречен был Львом. Как уже известно из предыдущего жизнеописания о. Феодора, он перешел в Новоезерский монастырь, откуда его митроп. Амвросий перевел в Палеостровскую пустынь. Там он провел 3 скорбных года и в 1812 году переселился в Валаамский монастырь. Здесь его встретили отцы Клеопа и Леонид, которые ранее его переселились туда же.

Около шести лет прожили великие старцы в Валаамском скиту, где им вначале жилось хорошо, как об этом писал о. Феодор: «Взаправду можно похвалиться милосердием Божиим на нас недостойных явленным: привел нас в место безмолвное, спокойное, от человеков удаленное, молвы свободженное». Тамошний юродивый Антон Иванович сказал: «торговали хорошо». То есть привлекли мудростью и смирением многих братьев, которые к ним стали ходить за духовным руководством. Им удалось спасти от глубокого отчаяния келиарха о. Евдокима, который, исполняя внешние подвиги, не мог справиться со страстями, как гнев и проч. Старцы указали ему истинный путь к отвержению сердца, и он принял смиренную науку отцов, начал смиряться, возрождаться и впоследствии сам стал учителем братии. Имена Феодора и Леонида всегда были на его устах. Игумен монастыря о. Иннокентий вознегодовал, что старцы отняли у него его ученика, и обратился с жалобой к Петербургскому Митрополиту Амвросию. В результате старцы были оправданы, и игумену было сделано строгое внушение. Но зная человеческую природу, старцы побоялись оставаться на Валааме, в особенности после посещения монастыря князем Голицыным, который оказал им особое внимание. После этого старцы перебрались в Александро-Свирский монастырь. В 1820 г. Государь объ-

езжал северные свои владения. Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря. Жившие там старцы о. Феодор и о. Леонид почтительно предложили своему настоятелю о. архимандриту приготовиться к встрече Государя, хотя в маршруте монастырь этот не был обозначен. О. настоятель принял это предложение, и в часы, назначенные для проезда Императора, ожидал его у ворот. Между тем Государь на пути по своему обыкновению расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков иногда сам, иногда через кучера Илью, неизменно своего возницу. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест в знак близости монастыря и для указания к нему пути, Государь спросил: «Что это за крест?» Узнав же, что недалеко Свирский монастырь, он велел туда ехать. При этом он начал расспрашивать, – каково в монастыре и каковы братия. Ямщик, нередко туда ходивший, отвечал, что ныне стало лучше прежнего. «Отчего?» – спросил Государь. «Недавно поселились там старцы о. Феодор и о. Леонид; теперь и на клиросе поют получше, и во всем более порядка». Государь, слышавший от кн. Голицына эти имена, пожелал со старцами познакомиться. Между тем ожидавшие Царя испытанные скорбями старцы сотворили между собою краткое совещание – как поступить, если Государю угодно будет обратить на них внимание. «Если из-за Голицына было нам искушение, – сказал о. Феодор, – то что будет из-за Государя?» – «Потому, о. Леонид, не будь велеречив, а всячески помалкивай и не выставляйся». Подъехав к монастырю, Государь удивился встрече. «Разве ждали меня?» Настоятель сказал, что вышел навстречу по совету старцев. Приложившись к мощам, Царь спросил: «Где здесь о. Феодор и о. Леонид?» Старцы несколько выдались, но на все вопросы Императора отвечали сдержанно и отрывисто. Государь это заметил и прекратил вопросы, но пожелал принять благословение от о. Феодора. «Я монах непосвященный, – сказал смиренный старец, – я просто мужик». Царь вежливо откланялся и поехал в дальнейший путь.

Во время пребывания в Александро-Свирском монастыре о. Лев однажды ездил по делам в Петербург и из рассказа

о его пребывании в столице видно, что уже тогда он был истинным «старцем», обладателем духовных дарований и между ними прозорливостью. Он посещал одну духовную дочь, которую он спас от неправильного духовного состояния, именуемого «прелестью». Однажды он пришел к ней и потребовал, чтобы она немедленно переехала на новую квартиру, которую ей предлагали и от которой она отказывалась. Старец настоял на своем. Ночью в старую ее квартиру забрался ее бывший слуга с целью ограбления и убийства. Его намерение было потом доказано.

Когда скончался великий старец о. Феодор, о. Лев не сразу прибыл в Оптину Пустынь, куда его призывали еп. Филарет Калужский и о. Моисей – настоятель обители. Сначала старца удерживали в Александро-Свирском монастыре, потом он пробыл некоторое время в Площанской пустыни, где находился о. Макарий – его будущий помощник во время старчества в Оптинском скиту и впоследствии его заместитель. Можно сказать, там подготовил он себе преемника.

Наконец в Оптину Пустынь (1829) прибыл основатель знаменитого ее старчества, той духовной школы, откуда вышла вся плеяда последующих старцев. Но заслуга о. Льва не ограничивается только основанием старчества, но им был дан тот импульс, который вдохновлял последующие поколения старцев в течение целых ста лет до самого конца жизни и процветания знаменитой Оптиной Пустыни.

Последующие старцы о. Макарий и о. Амвросий, будучи также великими старцами, были его присными учениками.

О. Лев прибыл в Оптину Пустынь уже на склоне лет. Он был большого роста, величественный, в молодости обладавший баснословной силой, сохранивший до старости лет, несмотря на полноту, грацию и плавность в движениях. Вместе с тем его исключительный ум, соединенный с прозорливостью, давал ему видеть людей насквозь. Душа старца была преисполнена великой любви и жалости к человечеству. Но действия его иногда были резки и стремительны. Старца Льва нельзя обсуждать, как обыкновенного человека, потому что он достиг той

духовной высоты, когда подвижник действует, повинуюсь голо-су Божию. Вместо долгих уговоров он иногда сразу выбивал у человека почву из-под ног и давал ему сознать и почувствовать свою несостоятельность и неправоту и таким образом своим духовным скальпелем он вскрывал гнойник, образовавшийся в огрубевшем сердце человека. В результате лились слезы покаяния. Старец, как психолог, знал, каким способом достигнуть своей цели. Вот пример. Жил недалеко от Оптиной один барин, который хвастался, что как взглянет на о. Леонида, так его насквозь и увидит. Приезжает раз к старцу, когда у него было много народа. Был он высокий, тучный. А у старца о. Леонида был обычай, когда он хотел произвести на кого особое впечатление, то загородит глаза левой рукой, точно от солнца, приставив ее козырьком ко лбу. Так поступил он при входе этого барина и сказал: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Льва, а сам, шельма, 17 лет не был у исповеди и св. причащения». Барин затрясся, как лист, и после каюлся и плакал, что грешник неверующий и действительно 17 лет не исповедовался и не причащался св. Христовых Таин. Другой случай: приехал в Оптину помещик П. и, увидев старца, подумал про себя: «Что же это говорят, что он необыкновенный человек! Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно». Вдруг старец говорит ему: «Тебе все дома строить. Здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо такое-то!» Нужно заметить, что П. по пути в Оптину увидел такую красивую местность, что вздумал выстроить там дом и составлял в уме план, какой он должен быть и сколько окон, в чем и обличил его старец. Когда же П. стал исповедоваться, о. Лев напомнил ему забытый им грех, который он даже за грех не считал. Тогда П. признал старца за необыкновенного человека.

Еще однажды был случай, когда один приезжий господин объявил старцу, что приехал на него «посмотреть». Старец встал с места и стал поворачиваться перед ним: «вот извольте посмотреть меня». Господин пожаловался на старца настоятелю, который ему возразил, что старец святой, но по его словам был ему и ответ. Приезжий после этого немедленно вернулся

к старцу, кланяясь ему земно и говоря: «Простите, батюшка, я не сумел вам объяснить о себе». Старец выслаз из келии присутствующих и беседовал с приезжим 2 часа. После этого последний прожил в Оптиной месяц, часто ходил к старцу, потом писал ему письма, объясняя, что он был в отчаянном положении и что старец оживил и воскресил его.

Славный и знаменитый герой Отечественной войны, находясь по пути со своей частью поблизости от Оптиной Пустыни, заглянул в скит к старцу отцу Льву. Старец спросил у него его фамилию. «Кульнев, – отвечал генерал, – я остался после отца малолетним, поступил в учебное заведение, окончил курс наук и с того времени нахожусь на службе». Старец: «А где же ваша матушка?» Кульнев: «Право не знаю, в живых ли она находится, или нет. Для меня, впрочем, это все равно». Старец: «Как так? Хорош же вы сыночек». Кульнев: «А что же? Она мне ничего не доставила, все имение раздала, потому я и потерял ее из виду». Старец: «Ах, генерал, генерал! Что мелешь? Мать тебе ничего не доставила, а все прожила. И как это ты говоришь, что все она раздала? А вот об этом-то ты и не подумаешь, что она едва могла перенести удар лишения твоего родителя, а своего супруга: и с этого времени и до настоящего стоит перед Богом, как неугасимая свеча, и как чистая жертва посвятила свою жизнь на всякое злострадание и нищету за благо своего единственного сына Николушки. Вот уже около тридцати лет она проходит такой самоотверженный подвиг. Неужели же эти ее молитвы для своего Николушки не наследство? У многих генералов при всех изысканных средствах дети не лучше прохвостов, а Николушка и без средств, да вот генерал!» Глубоко потрясли Кульнева эти простые, но и правдивые старческие слова. Обратившись к св. иконам он зарыдал. Затем генерал при бесчисленных благодарностях спросил адрес своей матери. А прибывши к ней, он пал на колени и на коленях подполз к ее кровати и расцеловал у нее руки и ноги... Старушка чуть не умерла от радости...

Очень характерен рассказ одного афонского монаха, посетившего старца Льва. Монах был одет в мирскую одежду,

однако старец, называя его афонским монахом, запретил ему становиться перед собой на колени, как это делали миряне. Среди присутствующих был человек, который сознался, что не исполнил старческое приказание. Он не бросил курение, как приказал ему старец. О. Лев грозно приказал вывести этого человека вон из его келии. Потом пришли 3 женщины в слезах. Они привели одну, ума и рассудка лишившуюся... Они просили о больной помолиться. Старец надел на себя эпитрахиль, возложил конец эпитрахили и свои руки на главу болящей и, прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестил и приказал отвести ее на гостиницу. «Сие делал он сидя; что уже не мог встать, был болен и доживал последние свои дни». Когда о. Парфений пришел к старцу на другой день, вчерашняя больная пришла совершенно здоровой, выгнанный господин пришел просить прощение. Старец его простил, но повторил свое приказание. Афонский монах ужаснулся, что старец, не боясь вреда для себя, творит исцеления. Старец ответил: «Я сие сотворил не своей властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святого Духа, данная мне при рукоположении; а сам я человек грешный». Чудеса, совершаемые старцем, были бесчисленны: толпы обездоленных стекались к нему, окружали его. «Случилось мне однажды, – писал иеромонах Леонид – Кавелин (будущий наместник Троице-Сергиевой Лавры) – проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. По дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об о. Леониде. На вопрос, почему вы его знаете, они отвечали: «Помилуй, кормилец, как нам не знать о. Леонида? Да он для нас бедных, неразумных пуще отца родного. Мы без него почитай сироты круглые».

Но совсем иначе относились к старцу некоторые духовные лица, в том числе калужский епархиальный архиерей преосв. Николай, который творил много неприятностей Оптиной Пустыни. Этот епископ имел твердое намерение сослать старца Льва в Соловецкий монастырь для заключения. И если бы не сильное заступничество митрополитов Филаретов – Ки-

евского и Московского, старцу Льву было бы несдобровать. Но не все епископы мыслили одинаково. Были между ними и духовные. Однажды в бытность о. Льва в Калуге встречные лица, узнав его, становились на колени и кланялись ему в ноги. Увидев это, начальник полиции решил, что дело нечисто, и сделал соответствующее донесение еп. Никанору, будущему митрополиту С.-Петербургскому. Владыка вызвал к себе старца и на вопрос, как он верует, старец спел ему «Верую» по-киевски, т.е. начиная с низкой ноты и повышая тон до самой высокой. По пословице «рыбак рыбака видит издалека», добрый Владыка понял, кого он видит перед собой и почему старцу кланяются в землю. Он задержал старца у себя в течение нескольких дней, ухаживал за ним, угощал его, так что старец два дня не ел, вернувшись домой. К сожалению, этот добрый архипастырь правил недолго, тогда как еп. Николай правил долго и даже пережил старца.

Здесь надо сделать некоторое отступление для тех, кто незнаком с первой частью нашей работы*. Нами было показано, что вскоре после крещения Руси и до падения Византии бесчисленные толпы паломников устремлялись на Восток, воспринимая там дух и традиции подлинного Православия и привозя с собой святоотеческую литературу. Так было до Флорентийской унии, когда поколебался греческий авторитет, и до скоро последовавшего затем падения Византии. По справедливому выражению английского ученого Дональда Николь, в его книге «Метеоры»**: «Исихазм не был доктриной XIV века – его происхождение исходит из подлинных корней византийской духовности». Этой духовностью и питались наши древние святые. Когда же прекратилась связь с православным Востоком, русское подвижничество замкнулось само в себе. Духовных школ тогда не существовало. После светлой эпохи XIV и XV столетий, связанных с преп. Сергием и плеядой его учеников, наступил период духовного застоя. Вместо подвига, указанного Св. Отцами, состоявшего в очищении

* И. М. Концевич. Стяжание Духа Св. в путях древней Руси. Париж, 1952.

** Дональд Николь. «Метеоры». Лондон. 1963 г., стр. 39.

сердца от страстей с помощью непрестанной молитвы, настало время внешних подвигов, время железных цепей и пудовых вериг. Число святых уменьшилось. После же царствования императора Петра в течение ста пятидесяти лет монашество вообще подверглось преследованию со стороны правительства. Наступил полный упадок. Когда же вначале XIX столетия ученики схиархимандрита Паисия Величковского вновь насадили на Руси святоотеческую традицию, плодом которой является благодатное старчество, число святых умножилось необычайно. Жития этих неканонизованных подвижников собрал в 14 объемистых томах еп. Никодим незадолго до Первой мировой войны, Многократно в житиях этих упоминается о преследовании подвижника полицией. Пустынникам приходилось скрываться. Игумен оптинский Моисей с братом о. Антонием, как было выше сказано, скрывались с другими пустынниками в Брянских лесах. Чисто духовное начало встречало полное непризнание со стороны гражданской власти. Также и молодая наша богословская наука еще не вышла на самостоятельный, независимый православный путь и находилась под влиянием западной науки. А потому и старчество не было изучено с православной точки зрения. Естественно, что многие архиереи гнали старчество, не постигая его сущности и значения. Такова была судьба преп. Серафима, старца Льва, старца Амвросия, старца Анатолия, старца Варсонофия. Блаженный о. Иоанн Кронштадтский, яркий представитель старчества, также встречал непонимание со стороны Санкт-Петербургского митрополита.

Теперь вернемся к старцу Льву. Старчествование его продолжалось в Оптиной Пустыни с 1829 и до года его кончины – 1841 г., т.е. всего 12 лет. Этот промежуток времени старец переживал как почти непрерывное гонение. Когда о. Лев прибыл в Оптину Пустынь, игумен Моисей передал ему духовное руководство братией, а сам занялся исключитель-

но хозяйственной частью и сам ничего не предпринимал без старческого благословения. Так же относился к о. Льву и брат игумена скитоначальник о. Антоний.

Против старца восстал некто о. Вассиан, который себя считал старожилом в монастыре и не признавал старческого руководства. Этот о. Вассиан был крайне неразвитый и грубый человек. Подобный ему инок описан Достоевским в романе «Братья Карамазовы» под именем Ферапонта. Отсюда пошли интриги, доносы. Однако в течение первых шести лет гонения на старца еще не принимали крутого характера. Но с течением времени дело стало принимать более угрожающий оборот. Так, еще к начальному периоду относится запись некой Паши Труновой, сестры Павла Трунова, старцева ученика. Она рассказывает, что однажды в бытность ее в Оптиной Пустыни старец запретил ей придти к нему на завтрашний день, т.к. «будет суд» «Кого же будут судить?» – спросила Паша. «Да меня же», – ответил старец. На другой день следовательно допрашивали весь монастырь, но все показания благоприятствовали старцу. Это было начало. Но с 1835 г. и особенно до 1836 г. гонения усилились. Кроме всех ложных донесений, калужский преосвященный получил еще через московскую тайную полицию анонимный донос с обвинениями по адресу старца и настоятеля. Говорилось, что последний несправедливо оказывает скитским старцам предпочтение перед живущими в монастыре и что скит причиняет монастырю большой подрыв; и если он не уничтожится, то древняя обитель разорится и т.д. Следствием этого доноса было то, что настоятель был вызван для объяснений. А старцу было запрещено носить схиму, т.к. он был пострижен келейно, и строжайше запрещено принимать посетителей.

Старца перевели из скита в монастырь и там переселяли из кельи в келью. Старец относился к этим невзгодам с полным благодушием и с пением «Достойно есть» он переносил на новое место самолично икону Владимирской Божьей Матери – благословение о. Паисия Величковского старцу Феодору. «Однажды игумен Моисей, – говорит жизнеописатель стар-

ца, – проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед кельей старца, между тем как последовало из Калуги повеление никого не пускать к нему. О. игумен вошел к старцу в келью и сказал: «О. Леонид! Как же вы принимаете народ? Ведь владыка запретил принимать». Вместо ответа старец отпустил тех, с кем занимался, и велел келейникам внести к себе в келью калеку, который в это время лежал у дверей его кельи. Они принесли и положили перед ним. О. игумен в недоумении смотрел на него. «Вот, – начал старец свою речь, – посмотрите на этого человека. Видите, как у него все члены телесные поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то-то и то-то, и за все это он теперь страдает – он живой в аду. Но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли его не принимать? Что вы на это скажите?» Слушая о. Леонида и смотря на лежащего перед ним страдальца, о. игумен содрогнулся. «Но преосвященный, – промолвил он, – грозит послать вас под начал». – «Ну так что ж – ответил старец, – хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародье многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу призреть их вопиющие духовные нужды?»

О. игумен Моисей ничего на это не мог возразить и молча удалился, предоставляя старцу жить и действовать, «как укажет ему Сам Бог».

Старцу, как уже сказано, не удалось бы сдобровать, если бы не заступничество обоих митрополитов Филаретов. Митрополит Киевский заступился за старца, находясь на чреде в Синоде, а также посетил Оптину Пустынь, где оказывал о. Льву в присутствии епархиального архиерея особые знаки уважения. К митрополиту Филарету Московскому прибег письменно старец о. Макарий через епископа Игнатия Брянчанинова. Митрополит Филарет написал калужскому епископу: «Ересь предполагать в о. Леониде нет причины».

Незадолго до смерти старца опять возникли гонения на него и на монашествующих женских обителей, где находились духовные дщери оптинских старцев. Монахини были изгнаны.

Это гонение было основано на невероятном невежестве. Старца называли масоном, а святоотеческие книги, такие, как Авва Дорофей, им данные монашествующим, «чернокнижием». Однако перед самой кончиной старца монахини были оправданы, так что старец вздохнул свободно. Впоследствии выдающиеся ученицы о. Льва заняли начальственные должности.

С первых чисел сентября 1841 г. старец стал ослабевать и проболел пять недель. Молодой келейник старца о. Иаков слышал его молитву: «Благодарю Тебя, милостивый Создатель мой, Господи, что я избежал тех бед и скорбей, которых ожидает грядущее время, но не знаю избежите ли вы их». — «Поди сюда, Яша!» Я подошел. Старец благословил меня и еще повторил те самые слова. Я как был в то время млад и неопытен, не спросил батюшку, какие это беды и скорби. А после его кончины и желал бы знать, да уж было поздно». Такова была запись келейника Иакова, впоследствии иеромонаха Иоакима Киево-Печерской Лавры.

После жестоких страданий великий старец отец Лев отошел ко Господу 11 октября 1841 года. Общая скорбь была неопишима, и велико было стечение народных масс у гроба усопшего.

Послесловие

Образ великого старца иеросхимонаха отца Льва менее знаком русскому боголюбивому читателю, чем образ старца о. Амвросия. Автор книги «Оптина Пустынь»* о. прот. Сергей Четвериков различает в жизни скита три периода: весну при жизни о. Льва, лето при жизни о. Макария и, наконец, плодотворную осень при о. Амвросии. С его легкой руки проф. Смоллич в своем труде «*Leben und Lehre der Startzen. Wien 1936*»

* Прот. Сергей Четвериков. Оптина Пустынь. Париж, 1926 г.

повторил подразделение прот. Четверикова, причем изобразил старца Льва как человека почти что невежественного.

Но, между тем, если о. Лев и употреблял простонародные выражения, то ими он попадал в цель и совершал переводы в человеческих душах. Старцы Лев и Амвросий жили, вернее сказать, действовали, в разные эпохи. При жизни о. Льва не было регулярного почтового и телеграфного сообщения, не было железных дорог, как позднее во время жизни о. Амвросия, о котором еще при его жизни были сообщения в печати. При этом доступ к нему народный не бывал никогда закрытым. Тогда как о. Лев был гоним еще в первые годы XIX столетия, когда братия Белобережского монастыря была недовольна его простотой в жизни, по их мнению не соответствующей сану игумена. Когда же он удалился в лесной скит к о. Феодору, новый настоятель изгнал обоих старцев из-за стечения к ним народа. Мы знаем о гонении на Валааме и в Оптиной Пустыни. Доступ к отцу Льву далеко не всегда был для всех открыт, и слава о нем не могла греметь повсеместно. Образ же старца Амвросия достойно сиял, как солнце по просторам русского царства. Но не нам судить, кто был выше из них. Это известно одному Богу.

ГЛАВА VI. МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ (1782–1867)

Митрополит Филарет – в миру Василий Дроздов, родился 26 декабря 1782 г. в семье диакона московского пригорода Коломны. Это было чуть позднее полувекового периода после смерти Петра I. Было еще свежо упразднение патриаршества, обезглавившее Церковь, и недавнее учреждение на протестантский манер Синода, ломка православного быта и учреждения духовных школ по католическому образцу. Это было смутное, переходное, неустойчивое время. Нужен был новый Моисей, который бы мог вывести народ Божий на истинный путь, закрепить истинные православные устои, не дать им исказиться на не должный лад, как это легко могло случиться в этих создавшихся условиях.

В такой критический момент Богом был послан духовный вождь, соединивший в себе и гений и святость. «Такого другого Филарета не было и не будет», – возгласила о нем народная молва!

Мы здесь не в состоянии коснуться, хотя бы даже кратко, жизнеописания Митрополита. Мы только можем попытаться отметить его значение касательно интересующей нас темы, т.е. распространения святоотеческого учения о внутреннем делании в России. Мы скажем предварительно только несколько слов о том, какое выдающееся место занимал м. Филарет в церковной жизни своего времени.

С 24 марта 1821 г., еще в сане архиепископа, Филарет занял московскую кафедру. Ему было тогда 39 лет. Здесь он пробыл до самого гроба. В течение этих 36 лет лет (1821–1867), как

утверждает его жизнеописатель Н. И. Барсов, «ни один вопрос догматический, канонический, церковнозаконодательный, ни одно административное распоряжение Св. Синода, имевшее значение для Церкви, не решались и не воспроизводились без предварительной справки о том, как думает об этом вопросе или решении Филарет, и редко что-нибудь делалось в Синоде иначе, нежели думал Филарет». И это положение существовало даже несмотря на то, что вследствие несогласий с 1843 г. митрополит раз навсегда отказался от присутствия в Синоде. Но, по верному замечанию проф. архим. Константина, «в этой обособленности и мог возвыситься м. Филарет до значения, близкого к положению главы Церкви, с которым надо было договориться обо всем значительном в области церковного». Из Синода ему посылались на рассмотрение все затруднительные дела. Он рассмотрел до 1000 таких дел и дал на них свое решение. Эти решения по церковным и общегосударственным вопросам были отпечатаны в 1885–87 гг. в восьми томах и служили образцами для дальнейших решений. Единственно, что м. Филарет, несмотря на свое желание, не мог провести в жизнь, — это восстановление живого единства поместного епископата, осуществляемого в постоянном совещательном общении сопастырей и епископов, и закрепляемом по временам малыми съездами и соборами. Как известно, в синодальный период Церковь не имела до самого конца свободы действия.

«Авторитет Филарета, — говорит проф. Сумароков, — особенно ценен в тех случаях, когда погрешности в учении исходят от лиц священного сана. Тот или другой отрывок из Филарета обнаружит всякую ошибку. И вот почему лица, имеющие более пристрастия к самочинию, чем к мнениям Церкви, относятся к Филарету с трудно скрываемым озлоблением, чувствуя в нем вечного и строгого судью, стоящего на страже Православия».

«Бог послал Филарета Русской Церкви, чтобы пред теми днями, когда умножатся лжеучения, отлить содержание Православия в металлические незыблемые формы, ясности очертания которых нельзя закрыть никакими чуждыми придатками, от глаз тех, кто прежде всего станет искать в жизни верности своей

Церкви». «В своих бесчисленных трудах, – продолжает Сумароков, – м. Филарет выразил в полноте все истины Православия, дав современной и будущей России основанный на многовековом опыте церковной жизни и в творениях всей совокупности учителей церковных совершенный кодекс того «како веровати»*. Таким образом, отрезок времени, проведенный митрополитом Филаретом на кафедре московской, может быть назван «Филаретовским веком». И если в свое время Санкт-Петербургский митрополит Гавриил, возобновитель монастырей, последователь святоотеческого учения о внутреннем делании, посеял повсюду семена этого учения, то содействие и внимание со стороны митрополита Московского Филарета во многом благоприятствовало произрастанию этих семян. Мы здесь пытались обрисовать Филарета как гениального церковного деятеля, но мы оставили в стороне его столь же великий дар церковного оратора и проповедника. Вот как Владимир Николаевич Лосский в кратких и сжатых словах касается этой темы:

«Не будучи до сих пор канонизованным, Филарет Московский (1782–1867) принадлежит к великой линии епископов-богословов, которых церковь прославляет, именуя их «Отцами». Действительно, можно сказать, что он был отцом богословской мысли в России.

После Екатерининского века «просвещения», после смущения от «религии сердца пиетистов», Филарет обращается к мысли, призывая ее исследовать бездонные тайны Откровения. «Христианство не есть юродство, или невежество, но Премудрость Божия». Подобно самым величайшим между Отцами Церкви, он настаивает над необходимостью богословского рассуждения, над бдительностью мысли, которая должна приступать без страха к разрешению умственных затруднений. Проповеди Филарета напоминают гомилии св. Григория Назианзина своим богословским богатством, также св. Василия – безупречным мастерством, которым он сдерживает полет своей мысли, требуя от нее точной меры. В классической своей проповеди на Великий Пяток (1816) Филарет развивает свою любимую тему:

* Сумароков. Лекции по Истории Русск. Церкви. том 2-й, стр. 356–357.

Искупление. После рассуждения о кресте, воздвигнутом «ненавистью иудеев и буйством язычников», он переходит к поклонению кресту, как символу Божественной любви, укорененной в предвечном святилище Св. Троицы. Это «Тайна сокрытая от веков и родов» (Кол. 1, 26). Тайна «Агнца, закланного от создания мира» (Ап. 13, 8). «Так Бог возлюбил мир».

Обычный день митрополита рисует нам Сушков: «День его был насыщен до отказа. Когда он отгоняет сон, когда уступает сну, т.е. в каком часу прерывает труды, молитвы, бдение, и в каком покидает ночное ложе, этого никто не знает. После утрени и обедни чай. После чая служебные занятия, доклады письмоводителя, объяснения с просителями и т.д.; к двум или трем час. пополудни кончен труд питания: легкий, не изысканный обед. После обеда час-два отдыха, а отдыхом называется чтение книг, газет, журналов. После такого отдохновения – опять дела, переписка, доклады. Два дня в неделю – вторник и пятница – работа с обоими викариями, независимая от частых с ними занятий и утром и вечером по другим дням. Если бы возможно было исчислить время, которое употребляется им на личные и письменные сношения по епархии и консистории с духовенством, с ректорами и инспекторами духовной академии и семинарии, с начальствующими в мужских и женских обителях, с благочинными и членами разных учреждений, не говоря о переписке с Синодом, с заместителем Троице-Сергиевой Лавры, с епископами и частными лицами, да если присовокупить к этому частое служение, соборное и домашнее, освящение церквей, приготовление проповедей, встречи царственных посетителей, испытания воспитанников академии и семинарии, посещение светских училищ и т.д., то сколько же остается досуга на успокоение от забот, на пищу, сон и редкие беседы с посетителями. Как кратка его ночь!»

Внешний облик митрополита Филарета рисует нам его викарий еп. Леонид Краснопевков: «Вчера долго молча смотрел на него, когда он рассматривал каталоги, и стоял перед ним. Пройдут века: имя его вырастет необыкновенно. Мысль будет искать в прошедшем его великого образа, и счастлив

тот, кто увидит его несовершенный портрет, а я, недостойный, стою от него в полуаршине и смотрю на эту чудноправильную, кругленькую головку, покрытую редкими, мягкими темно-русыми волосами, на это высокое, выпуклое чело, этот резко очертанный нос и дивноправильные губы, на эти бледные, худые, осанистой бородой покрытые щеки. Под прекрасно очеркнутыми бровями не вижу его глаз, но замечаю, что какую-то особенную выразительность придает его благородному лицу эта черепаховая оправа очков*.

Обозначив кратко то высокое место, которое занимал м. Филарет в церковной истории своего времени, справедливо именуемым «Филаретовским» веком», мы теперь перейдем к его значению касательно нашей теме о старчестве.

Нашей целью будет раскрыть то содействие, которое оказывал митрополит в процветании «умного делания» и связанного с ним старчества. Для этого нам нужно показать принадлежность самого Филарета к этому духовному движению.

Митрополит Филарет был необычайно скрытным во всем, что касалось его лично. Вот отрывок из письма к его духовнику наместнику Троице-Сергиевой Лавры: «Нужно, чтобы борьба и отвлечения, которые нам доставляют дела, не мешали бы нам уединяться в нашу внутреннюю клеть и втайне молиться Отцу. Да, дела внешнего мира нас расстраивают, нас преследуют, и кто входит в свою клеть, недостаточно закрывает за собою дверь. Но Ты, Который сказал «Я есмь дверь», дай нам войти во внутрь и закрой за нами дверь» (Т. I. Стр. 168).

Дверь, за которой хранились тайники его души, была действительно закрыта, но плодом его внутренней жизни на склоне лет был дар чудотворений и дар пророческий, т.е. святость. Где же и как было положено начало этой святости?

Некоторый ключ нам дают жития близких ему людей, а именно: старца Филарета Новоспасского, также его школьного сверстника и близкого друга еп. Иннокентия Пензенского – человека исключительной святости – и, наконец, архим. Макария – Алтайского миссионера – его ближайшего ученика. Эти

* Душеп. Чт., ч. II, кн. 7, стр. 347.

три жития являются среди лучших украшений 14-томного собрания житий русских подвижников XIX столетия.

Василий Дроздов, как уже сказано, родился 26 дек. 1782 г. в гор. Коломне – пригороде Москвы, и как мы знаем из предыдущего, Москва являлась одним из центральных округов по распространению учения об «умном делании». Новоспаский монастырь являлся средоточием откуда исходило это учение. Здесь жили отцы Филарет и Александр. Сюда приезжал о. Афанасий Захаров, ротмистр гусарского полка, семь лет живший при старце Паисии. Он имел беседы с отцами Филаретом и Александром об «умном делании», которые имели великую любовь к духовному вождю – старцу Паисию. О. Афанасий переписывал творения Св. Отцов, впоследствии переданные в Оптину Пустынь.

О. Филарет, в миру Феодор (1758–1842) начал в юности монашескую жизнь в Александро-Невской Лавре, но его старец, видя его рвение к монашеским подвигам, направил его в Саровскую Пустынь. В то же самое время там же начал свою подвижническую жизнь будущее светило Церкви Русской – преп. Серафим. Через некоторое время о. Филарета затребовал в Невскую Лавру митр. Гавриил в качестве примерного подвижника.

Из Петербурга о. Филарет перебрался в Москву, где тогда подвизался его брат Аполлинарий в Симоновом монастыре. Когда же Симонов монастырь обратили в больницу, о. Филарет окончательно обосновался в Новоспасском монастыре. После ряда подвигов сосредоточенной жизни он принял на себя подвиг старчества. К нему устремились толпы людей. Нередко случалось, что старец не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдыха. Каждая человеческая душа была ему несравненно дорога. Он обладал исключительной прозорливостью и той духовной любовью, которая является венцом совершенства. И. В. Киреевский, знавший его лично, пишет о нем*: «Никто страждущий не оставлял его порога, не получив отрады: недоумевающий находил у него спасительный совет, ищущий поучения – высокое назидание, ожесточенный – умиление, отчаянный – молитву, ма-

* Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Стр. XII, Москва.

ловверный – прояснение истины, слабодушный – подкрепление сил. В беседе его особенно ясно выражалась удивительная кро-тость его души, крайнее смирение, горячая любовь к ближнему, сострадательность, терпение, и красота и сила глубокого духовного ведения». В его «житии» приведено несколько фраз, им произнесенных: «Сядь, друг, – говорит он плачущей старушке, – полно плакать, твой сын не пропал, он в хорошем месте...» А когда этот пропадавший юноша пришел просить благословение на поступление в монастырь, он говорит ему: «Погоди, дитя мое, погоди... ты не вынесешь». Девушке, пришедшей просить благо-словение на брак, он тихо сказал, что ее ждет жених лучший: она простудилась и через 3 дня умерла.

Он же – старец Филарет, был ангелом-утешителем и на-ставником августейшей затворницы Ивановского монастыря монахини Досифеи. Блаженная Досифея (1746–1810), затворни-ца Ивановского монастыря, в миру княжна Разумовская, закон-ная дочь Императрицы Елисаветы насильно была пострижена в 1785 г. В житии ее сказано, что духовник ей был назначен по вы-бору митрополита Платона. И, очевидно, выбран им из лучших священников в Москве. Сам митрополит был другом отца ее и бывал у него в доме во дни молодости, будучи еще дьяконом. Оба были любителями церковного пения и вместе певали. Ми-трополит сочувствовал невинной страдальце и считал долгом являться к ней с поздравлением в праздничные дни. Когда же со смертью Екатерины II затвор узницы был ослаблен, в ее жизнь возможно очень скоро вошел старец Филарет Новоспасский. Как и когда это произошло – мы не знаем. Знаем только, что блаженная Досифея пожелала быть похороненной в Новоспас-ском монастыре, чтобы старец видел ее могилу из окна своей кельи. Только общением с таким дивным подвижником и можно объяснить те высокие духовные дары, которыми обладала сми-ренная затворница. К ней потянулся народ за наставлениями и утешениями, которые она подавала через окно своей кельи. Не-кто г. К. овдовела и была безутешной. Она хотела непременно быть принятой м. Досифеей, но та уже прекратила прием людей, ввиду своей близкой кончины. Однако о. Филарет все же посо-

ветовал г. К. добиваться приема у затворницы. Она простояла у дверей ее кельи с утра до вечера. Наконец двери отворились, и горестная вдова получила желаемое утешение. Когда г-жа К. упомянула, что знает о Филарета, она поклонилась до земли и велела передать о Филарету, что скоро и он поклонится ей. Это вскоре сбылось при погребении Блаженной. Г-жа К. увидела о. Филарета в клобуке, кланяющимся останкам умершей. Но когда она тут же вошла в сени о. Филарета, то он сам открыл ей двери. Оказалось, что он не выходил наружу.

На погребении была вся московская сановная знать и родня по отцу почившей. Хоронил м. Досифею еп. Августин, так как митр. Платон был болен.

Мы уже упоминали в житии старца Моисея, что он с братом Ионой был у м. Досифеи, которая приняла их у себя в келии и их направила к Новоспасским старцам Филарету и Александру, провидя в них своей прозорливостью будущих светильников Церкви. Юношам тогда было 20 и 14 лет. Она вела переписку с о. Моисеем.

Так было заложено духовное начало Оптиной Пустыни.

Как от одной свечки загорается другая, пока не загорится целое море света, подобно сему распространилось и разгоралось духовное влияние о. Филарета Новоспасского. Благодаря многим собранным им рукописям святоотеческой литературы, возникла у его духовных чад Ивана Васильевича и Наталии Петровны Киреевских мысль об их издании в Оптиной Пустыни, что осуществилось, благодаря содействию и помощи митрополита Филарета.

Между двумя соименными Филаретами существовала несомненная духовная связь. Когда Василий Дроздов был студентом, старец Филарет шагал уже к полувековому возрасту. Глубоко религиозный юноша не мог не знать того, кого почитала вся верующая Москва. Когда же наступила кончина старца Филарета (1842), его посетил сам митрополит Московский. Его приход вызвал слезы радости у умирающего подвижника. Обильными слезами проводил старца погребавший его митрополит. Он так плакал, что вызвал общий плач всех присутствующих.

Рядом с именем старца Филарета стоит имя о. Александра Арзамасского. Он был уроженцем Малороссии. Род. в 1758 г. Учился светским наукам в Киевской Дух. Академии и поступил пономарем в Новоспасский монастырь. В 1793 г. настоятель монастыря взял его в качестве секретаря в Петербург. Здесь митр. Гавриил, прозрев его высокое духовное устройство, постриг его в монашество и рукоположил в иеромонахи. Это был год выхода в свет «Добротолюбия». «Митрополит Гавриил, – говорит о себе о. Александр, – сверх всех любимцев любил меня по духу». О. Александр, еще будучи мирянином, был истинным подвижником и делателем молитвы Иисусовой. Он был в переписке с самим старцем Паисием и впоследствии с его учениками. Митрополит Гавриил предлагал ему архимандритство в Новгородской епархии, но о. Александр вернулся в свой монастырь, и когда настоятель получил епископство, он был назначен наместником Новоспасского монастыря. Но через год он по болезни уволился на покой и причислился к больничным иеромонахам. Он вел сосредоточенный, подвижнический образ жизни и пребывал в непрестанной молитве Иисусовой. О. Феодор и о. Александр в теплые летние вечера обходили стены монастыря, ведя между собой боговдохновенную беседу. Позже о. Александр был переведен в Арзамас, где он посвятил свое служение воспитанию молодежи духовного звания. Мы здесь касаемся только его жизни в Москве, чтобы передать ту Московскую атмосферу, среди которой слагалась духовная жизнь будущего Митрополита Филарета, а также его школьного товарища Иннокентия, будущего епископа Пензенского Иннокентия. Они оба в Петербургский их период жизни были не только коллегами по своей педагогической деятельности, но были соединены единомыслием и дружбою. О. Иннокентий был назначен настоятелем Сергиевой Пустыни, преподавателем в Академии, а также духовным цензором. Александровская эпоха того времени была прообразом нынешнего экуменизма, когда было общим стремлением уравнивать все религии, чтобы создать некую общую ложнохристианскую религию. В начале XIX в. был издан следующий указ: «Всякое творение (книга), в котором под предлогом защи-

ты или оправдания одной из церквей христианских порицается другая, яко нарушающая союз любви всех христиан, единым духом во Христе связующим, подвергается запрещению». Следовательно, каралась защита Православия против еретиков. Никто Станевич осмелился нарушить это запрещение, выступив на защиту Православия. Арх. Иннокентий, несмотря на совет митрополита Филарета, дал разрешение на выход в свет этой книги. Последовала высылка автора из столицы и опала цензора арх. Иннокентия. Он был выслан в Пензу епископом. Сломленное аскетическими подвигами, петербургским нездоровым климатом и душевными потрясениями, слабое здоровье еп. Иннокентия не выдержало и ранняя смерть унесла этого земного ангела. Еще ранее арх. Филарет говорил своему другу: «Мы оба архимандрита не можем изменить положение». Но арх. Иннокентий не признавал компромиссов. В первых годах XIX стол. оба друга – влиятельные столичные архимандриты, как было сказано, спасли гонимых на Валааме старцев: отцов Феодора, Клеопу и Леонида. Им обоим несомненно было вполне ясно духовное значение гонимых.

Третьим житием, проливающим свет на духовную сущность тогда еще весьма молодого ректора духовной академии о. Филарета – это жизнеописание о. Макария Глухарева, будущего знаменитого миссионера Алтайского. В академии он был под духовным влиянием своего ректора – человека волевого и блестящего лектора, которому он ежедневно исповедовал свои помыслы. Арх. Филарет, будучи чуждым господствовавшей в столице ложномистической литературы, запретил юноше Глухареву чтение духовно-нездоровых книг и тем спас его от сетей сектантских обществ, царивших в столице. Он внушил своему ученику чтение «Добротолюбия».

Окончив курс наук, молодой Глухарев был послан в Екатеринбург наставником в семинарию. Здесь он встретился с еп. Иовом Потемкиным, постриженником молдавских старцев, и через него сблизился с отцами Каллиником и Ливерием, монахами из Молдавии. Под их влиянием он принял постриг и вошел в круг последователей старца Паисия. О. Макарий известен

как великий Алтайский миссионер. На Алтае он пробыл около 15 лет и был вынужден из-за болезни вернуться в европейскую Россию. Здесь он был назначен настоятелем Болховского монастыря Орловской губ. Будучи благодатным и прозорливым старцем, он целыми днями принимал народ, обо всех молясь, бедным помогая, печальных утешая, больных исцеляя. Для этой цели он пользовался св. водой, освященным маслом, антидотом. Преставился 19 мая 1847 г. со словами: «Свет Христов просвещает всех». «Осуществленное Евангелие», – говорил о нем архиеп. Смарагд. «Макарий был истинный слуга Христа Бога», – писал о нем после его смерти в 1847 г. м. Филарет*.

Важной проблемой того времени было печатание и распространение в народе Слова Божия.

В допетровской Руси духовное воспитание народных масс шло от скитов, пустынь, монастырей, густо покрывавших широкие просторы земли Русской. Но после того, как все эти источники народного образования были пресечены, прошло более полутора веков. Простой народ оказался в крепостной зависимости, а столичные господа – подражателями европейской культуры. Со стороны государственной власти не проявлялось и малейшей заботы о духовном просвещении народа**. Православие, хотя и было господствующей религией, однако терпело немало унижений. Такое положение видели иностранцы, готовые вмешаться в народное просвещение с коварной целью: «В нескрываемом намерении привести греко-российскую Церковь к своеобразной «реформе», к безразличному объединению со всеми другими исповеданиями и сектами»***. Библейское общество было откры-

* Прот. Г. Флоровский. Пути Р. Бог. Париж 1937., стр. 169, а также «Новое об арх. Макарии Глухарева», К. Харлампович. Приб. к Цер. Вед. № 25.

** Относительно заботы правительства о народном просвещении м. Филарет выразил мысль, что это дело обоюдоострое. Он ссылается на Гизо, который писал, что в Голландии, где царила Библия – там явился полезный результат, а в безбожной Франции получается обратное действие. «У нас, – дополняет митрополит, – запрещено издавать переводы житий святых, и с тех пор стали появляться сказки и глупые романы» (Душ. Чт. 1905 г., ч. III, стр. 37). Ту же самую мысль высказывал в своих письмах и оптинский старец о. Макарий.

*** В. Маевский. «Новое Русское Слово», 8 декабря 1968 г.

то в 1813 г. В следующем году была напечатана славянская Библия. Одним из видных деятелей Библейского о-ва был Лабзин, открывший в С.-П-бурге ложу «Умирающий Сфинкс». Это был кружок розенкрейцеров. Вместе с изданиями Св. Писания они высылали свою собственную литературу. Кн. Голицын был во главе главного почтового департамента, где редкий чиновник не был масоном. Таким образом литература Лабзина была обеспечена своим распространением вместе со Св. Писанием, что впоследствии и послужило закрытию Библейского общества. Это Общество почитало себя всеконфессиональным – все конфессии были представлены, как равно владеющие словом Божиим. Члены его участвовали в кружке Татариновой, где происходили хлыстовские радения. Они декламировали против церковности и читали Штиллинга, который писал о «тме нелепостей и суеверий, называемым греко-восточным исповеданием».

В 1816 г. был постановлен перевод Св. Писания на русский язык, «дабы предложить свят. Синоду искреннее желание Его Величества доставить россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Свящ. Писания у нас издаются»*.

Однако Синод не принял на себя руководства над переводом и не принял ответственности на себя. Перевод был отдан в ведомство комиссии духовных училищ, которой надлежало избрать надлежащих переводчиков. Ведение перевода от комиссий духовных училищ было поручено Филарету, тогда архимандриту и ректору С. П. Б. Академии. Филарет взял Евангелие от Иоанна, от Матфея – прот. Павский, от Марка – арх. Поликарп – вскоре ректор московской дух. семинарии, от Луки – Моисей – ректор Киевской дух.**семинарии, вскоре экзарх Грузии. Евангелие было отпечатано в 1819 г. в числе 18 тыс. экземпляров. После этого началась работа над Пятикнижием Моисея, которое в отпечатанном виде при «обратном ходе» было сожжено на кирпичном заводе Александро-Невской Лавры.

* Прот. Г. Флоровский. «Пути Р. Бог.», Париж 1937 г., стр. 134.

** Там же, стр. 154.

«Обратный ход» – это выражение самого митр. Филарета, оно обозначает то обратное движение, которое сменило увлечение Библейским обществом после того, как архимандрит Фотий раскрыл глаза Императору Александру I на коварные цели этого общества. Князь Голицын был замещен другим министром – адмиралом Шишковым, который оказался ярым противником перевода Св. Писания на русский язык под предлогом, что якобы русский язык, господствовавший тогда по всей Империи и уже успевший стать языком прекрасной нашей литературы, достигшей в это время своей высшей точки расцвета, является языком пошлым, непригодным для перевода на него Св. Писания. Шишков и его сторонники считали достаточным для мирян слышание Евангелия на церковных богослужениях, опасаясь, что в домашнем быту священные книги могут подвергнуться неблагоговейному обращению и также, что при знакомстве с Евангелием могут возникнуть ереси. Такая точка зрения является чисто католической. Этим путем Евангельская проповедь была исключена из домашнего быта русских людей, и это при наличии вредной для души западной литературы, наводнявшей беспрепятственно книжный рынок. Печатание житий святых было также запрещено. Но еще в XVIII веке свят. Тихон Задонский находил необходимым распространение Св. Писания на общепонятном языке. И чем дальше, тем более в этом была нужда... В результате немудрено, что часть духовно одичавшего русского общества вылилась в атеистически настроенное поколение «шестидесятников». И выступила соответствующая светская литература в лице Чернышевского и подобных ему... Раздвоение в русском обществе мешало к объединению всех сил страны, чтобы общим усилием стремиться к осуществлению духовных и государственных целей и заданий, и в особенности в те моменты, когда в истории представлялись к этому благоприятные условия. Она же, эта двойственность, расшатывала наши древние государственные устои.

Мудрость Филарета охватывала все значение распространения Св. Писания среди русского народа, тогда еще не отравленного ядом ложного просвещения, кроме высших его классов.

И по этой причине он принял участие в работах Библейского общества, ибо ему казалось, что за библейское дело должны взяться церковные силы, «да не отимется хлеб чадом». В обновляющую силу Слова Божия он твердо верил. С библейским делом он неразрывно и самоотверженно связал свою жизнь и свое имя. Его библейский подвиг трудно оценить в должной мере. Для него лично он был связан с великими испытаниями и скорбями... «В каждой черте Слова Божия, – говорил он, – скрывается свет, в каждом звуке – премудрость. Достоверность Священного Писания простирается далее нашего разумения»*.

Но прошло почти полвека, и только стареющему м. Филарету удалось увидеть осуществление заветного желания всей своей жизни: выхода в свет Свящ. Писания на русском языке.

Это событие совершилось уже в царствование Императора Александра II. Государь этот был с ним в переписке, и в его царствование митрополит пользовался всегда неизменным почетом. М. Филарет редактировал по поручению Государя манифест об освобождении крестьян.

В 1824 г. (через 3 года после вступления м. Филарета на Московскую кафедру) произошло значительное событие в его жизни: ему представился иеромонах Антоний (Медведев), который в качестве богомольца объезжал святые места в России и прибыл для поклонения в Сергиеву Лавру. Беседа с о. Антонием произвела на м. Филарета глубокое впечатление, и ровно через 7 лет он вызвал его для того, чтобы его назначить наместником Тр.-Сергиевой Лавры. Архимандрит Антоний пробыл на этой должности 46 лет.

Митрополита и наместника связывала всю их жизнь совершенно исключительная духовная близость. Это объясняется тем, что оба они были истинными монахами в самом глубоком смысле этого слова и, кроме того, оба были последователями святоотеческого учения о внутреннем делании. В письме митрополита к наместнику (Т. И., №95, 7 февр. 1834) мы читаем: «Суждениям старца Паисия и старца Серафима покоряюсь – прекрасный совет о. Серафима не бранить за порок,

* Там же, стр. 178.

а только показывать его срам и последствие. Молитвы старца да помогут нам научиться исполнением».

«Как нередко встречается в особенных натурах, – писал проф. Казанцев в своем «Очерке жизни архимандрита Антония», – в митрополите Филарете совмещались, по-видимому, несовместимые свойства. При глубоком критическом уме он от детства до могилы сохранил детскую веру; при строгости и малодоступности к подчиненным, при величавости в официальных отношениях, был прост в домашней жизни и искренно смирен в мнении о себе; при сухости и холодности внешнего обращения он имел любящее, доверчивое сердце. Тонкий политик в делах, он мало знал практическую жизнь и жил в своего рода идеальном мире. В заветной черте, которой он оградил себя от подчиненных, была тропа, которою можно было пройти прямо до его сердца – он был монах. В своей частной нравственно-религиозной жизни он охотно становился в ряды последних послушников; с благоговением внимал словам лиц, которых считал высокими в духовной жизни; счастьем считал их молитвенную память о нем; юродивые, блаженные находили у него свободный доступ. Образы древнего иночества постоянно носились пред его духовным взором, и сердце его стремилось к общению с миром патериков и древних житий. С этой стороны нашел близкий и скорый доступ к сердцу м. Филарета арх. Антоний, именно как к монаху!.. Порывами духа своего о. Антоний и сам стремился сблизиться с этим миром избранных подвижников, идти их путем к царству небесному... Внимательно следил он за особыми опытами духовной жизни и проявлениями благодати Божией в Сергиевой Лавре и делился своими наблюдениями с м. Филаретом, сочувствовавшим глубоко всем таким явлениям». Для ищущих пустыни и безмолвия о. Антоний устроил в трех верстах от лавры Гефсиманский скит. Одна за другой возникали уединенные келии в лесу, и в них совершались подвиги поста, молитвы, молчания...

Обмен мыслей о близком для их сердца предмете, постоянные их сношения так сблизили святителя Филарета с о. Антонием, что помимо дружбы он избрал его своим ду-

ховником. В переписке между ними, изданной в двух томах (Москва. 1878–1885), всюду явствует со стороны митрополита выражение глубокого уважения и смирения по отношению к подчиненному ему лицу: «Благодарю за утешение, – пишет он от 27 июня 1835 г., – не лучше было бы, если вы сделали мне наставление...» «Благодарю за искренние слова, я нуждаюсь в поучении» (4 авг. 1842)... «Скажите, как поступить в этом случае...» «Поспешите сказать мне ваши мысли...» «Тя рекох друга давно в расположении сердца моего, – писал святитель к о. Антонию, – когда же Провидение Божие устроило, что ты нарекох и отца в таинстве, то уже твоей душе остается рещи, до какой степени она не чуждается уничиженной души моей».

Из этой переписки видно, что ни одно важное решение, как в деле управления епархией, или в государственных делах ему порученных, или касавшихся его личной жизни не было предпринято и не обходилось без обсуждения с о. Антонием.

Вот случай из жизни митрополита, характеризующий взаимные отношения между ним и наместником Лавры. Вопреки мнению большинства, м. Филарет следует совету своего духовника, как это ему дорого ни стоит:

Готовилось освящение триумфальных ворот в Москве. На них были изображения языческих богов, и м. Филарет отказался их освящать. Царь решил приехать в Москву на торжество. Флигель-адъютант отправился к митрополиту передать желание Государя видеть лично его на торжестве. Выслушав сообщение, митрополит произнес только одно слово: «Слышу». Посланец повторил свое сообщение. Ничего в ответ не последовало, кроме того же слова: «Слышу». На вопрос, что же передать Государю, пришедший в полное недоумение посланец получил ответ: «А что слышите». Когда посланец, доложив о своем недоумении, передал точно сказанное митрополитом Государю, тот сказал: «А, так я понимаю. Приготовьте лошадей: я сегодня уезжаю». Государь уехал. Но вот что по сему поводу, как тайну, сообщил епископу Леониду наместник Лавры о. Антоний:

...«Когда Владыке Филарету объявлено было, чтобы святил ворота (триумфальные со статуями языческими) Влады-

ка приехал в Лавру и передал мне, – говорит о. Антоний, – что он в борьбе помыслов. Ему говорит совесть: не святи, а все говорят: святи!

– Ты что скажешь?

– Не святить.

– Будет скорбь.

– Потерпите.

После этого возвратился Владыка в Лавру крайне смущенный.

– Вот какая скорбь пришла!

– Это и прежде видно было.

– Да уж хорошо ли я поступил: раздражил Государя. Я не имею достоинств св. Митрофана.

– Да не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно: разойтись с волею Иисуса Христа.

До глубокой ночи толковали; но Владыка остался в смущении. Поутру рано присылает за мной. Я испугался, ибо знал, что смущение уже перешло в телесную болезнь. Однако прихожу и невольно улыбнулся, взглянув на Владыку.

– Что ты?

– Да, виден орел по полету.

Владыка, уже сияющий, сказал мне: “Пойдем, поблагодарим преп. Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чуток проснулся, привстал: дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась и вошел Преподобный, старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили и, наклонясь к кровати, сказал мне: “Не смущайся, все пройдет”... И скрылся. “Спасибо, – сказал мне Владыка. – Ты говорил мне против всех”. И оправдались слова Преподобного! (Слышал от о. наместника за тайну 16 авг. 1853 г. в скиту за всенощной в алтаре)»*.

Еще за два месяца до назначения строителя Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонаха Антония наместником

* Душеп. Чт., 1905 г., ч. III, кн. 9-я, стр. 35.

Сергиевой Лавры, когда жив был прежний наместник, архимандрит Афанасий, и не было речи о его замещении, о. Серафим предсказал это назначение. Рассказ об этом предсказании записан самим о. Антонием.

В январе 1831 г. о. Антоний отправился к преп. Серафиму для совета по случаю сильно смущавших его неотвязчивых мыслей о смерти.

Приехавши в Саров вечером и никуда не заходя, Антоний пошел прямо к келии старца Серафима. Не доходя до нее, он встретил некоторых из братьев Саровской пустыни, которые сказали ему, что о. Серафим в монастырь не возвратился еще из своей пустыни. Было уже около пяти часов вечера и темно. Приехавший остановился в раздумье: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоящая с ним братия, увидев издали грядущего старца, известила: вот о. Серафим идет. Старец шел в обыкновенной своей одежде с мешком за плечами, опираясь на топор. О. Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

– Что ты? – спросил его старец.

– К вам, батюшка, со скорбной душой, – отвечал Антоний.

– Пойдем, радость моя, в келию, – приветливо сказал старец.

В келии наедине Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно: совершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы? Не приближается ли в самом деле смерть его? «Сижу ли я в келии, – говорил Антоний, – выйду на монастырь, мне представляется, что последний раз вижу обитель. Из сего заключаю, что скоро умру, и потому указал уже и место могилы для себя. Желая знать о смерти единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию. Извещение о смерти не будет страшно для меня».

О. Серафим слушал рассказ, не изменяя положения и держа за руку о. Антония. Когда же тот окончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал: «Не так ты думаешь, радость моя, не так: Промысел Божий вверяет тебе обширную лавру».

О. Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей, поэтому, прерывая речь его, сказал: «Батюшка, это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов: я умоляю вас, скажите прямо: мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением».

О. Серафим с ангельской улыбкой отвечал: «Неверны твои мысли, я говорю тебе, что Промысел Божий вверяет тебе лавру обширную». Строитель же сказал на это: «Где же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит».

К большому удивлению Антония, старец Серафим, не переменив своих мыслей, стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, кто придет в лавру, или он придет. Оставаясь в прежнем впечатлении, Антоний продолжал: «Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал, или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно: да на деле сего не может быть».

О. Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал: «Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время».

Не выдержал строитель Антоний и в порыве беспредельной любви и уважении к старцу бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове «сирот»: ему казалось, что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал: поминай моих родителей Исидора и Агафию. Затем стал советовать покоряться во всем воле Господней, быть прилежным к молитве. Строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии, и вообще ко всем быть милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность, говорил он, есть красота добродетелей. Потом о. Серафим несколько раз обнял строителя, благословил висевшим на груди его крестом и сказал: теперь гряди во имя Господне. Время уже тебе: тебя ждут.

Во время возвратного пути Антоний слышит, что едущий с ним монах начал плакать. «О чем ты плачешь?» – спросил Антоний. В Сарове он встретил о. Серафима, возвращающегося из пустыни в монастырскую свою келию, который сказал ему: «Ну вот и вам предстоит разлука с вашим строителем».

Между тем время шло: прошел январь, февраль, наступил март и великий пост. На второй день марта месяца, в понедельник 1-й недели поста, отправив чреду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель встал на свое место. Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. О. Антоний пошел в свою келию. При письме, приглашающем Антония в наместника Сергиевой Лавры, приложен был конверт к Нижегородскому преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении о. Антония от должности строителя Высокогорской пустыни и отправлении его в Москву.

По получении письма митрополита Филарета, о. Антоний немедленно отправился в Нижний, и, представив преосвященному Афанасию отношение митрополита Московского, 4-го числа получил увольнение от должности настоятеля Высокогорской пустыни; 5-го и 6-го сдал монастырь казначею; в субботу первой недели совершил литургию и, причастив Св. Таин братию, простился с нею и, проездом посетив Арзамас, простился с знакомыми; 10-го числа прибыл в Москву и остановился в Симоновом монастыре и в тот же день явился митрополиту. В домово́й церкви митрополита приведен был к присяге на служение в должности наместника; 15-го посвящен в сан архимандрита Вифанского монастыря; 19-го числа в Четверток во время часов приехал в Лавру и прямо вошел в алтарь без всякой встречи, одетый по-пустынному в монатейную рясу, с которой не скоро расстался и на новом месте служения*.

Кем же был новоприбывший в Лавру ее новый наместник? Архимандрит Антоний, в миру Андрей Гаврилович Медведев, был сыном крестьянина Нижегородской губернии. Родился в

* См.: П. Казанский. Очерк жизни арх. Антония, наместника Св. Тр.-С. Лав. Москва, 1878 г.

1792 г. В молодости был аптекарским учеником и певчим, а в 1812 получил право на врачебную практику. Был принят в Саровский монастырь в 1818 г. В 1820 г. перешел в Высокогорскую пустынь. Пострижен в монашество в 1822 г. и рукоположен во иеромонахи. Путешествовал по святым местам и в 1826 г. назначен строителем означенной пустыни. Привел таковую в благоустройство. В 1831 г. назначен м. Филаретом в наместники Троице-Сергиевой Лавры, где пробыл 46 лет и привел Лавру в цветущее состояние: расширил здания, украсил церкви, устроил гостиницы и больницы, дом призрения, училище для детей, иконописную мастерскую, поднял уровень монашеской жизни, много издал аскетических и духовно-нравственных книг. Скончался в 1877 г. (Пр. Бог. Энциклопедия С. П. Б. 1900, стр. 906). В бытность свою в Сарове о. **Антоний был почитателем** преп. Серафима и посещал его. В Дивеевской Летописи рассказывается случай, когда в келию преп. Серафима одновременно вошли строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и владимирский купец.

О. Антония о. Серафим попросил сесть обождать, а с купцом начал разговаривать.

– Все твои недостатки и скорби, – сказал он, – суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее – исправь пути твои.

И затем кротко и ласково начал обличать его в пороках, но с такой теплотой сердца, что оба его слушатели заливались слезами. В заключение велел купцу ответить в Сарове, обнадеживая его, что в случае искреннего покаяния Господь не отнимет от него Своей благодати и милости. Купец с умилением поклонился ему в ноги, обещаясь исполнить все его советы, и в слезах, но с облегченной душой вышел от него.

Удивленный прозорливостью старца, о. Антоний сказал потом:

– Батюшка! душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале в моих глазах: не выслушавши духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы ему все высказали.

О. Серафим не сказал ни слова.

Строитель продолжал:

– Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничего не сокрыто в сердце ближнего.

О. Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

– Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог – сердцеведец: а «человек приступит и сердце глубоко» (Пс. 63, 7).

Засим рассказал он, как некоторые укоряли Св. Григория Богослова за то, что он приблизил к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого; а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня – велико».

Строитель опять спросил:

– Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию. Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий: что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе; а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство; и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решив умом: в таких случаях всегда делаются ошибки.

Еп. Леонид, викарий, записывает (1849): «Замечательный рассказ, слышанный о Феодором от наместника и ему переданный».

О. Антоний рассказывает, что когда постригся он в монахи, было у него пламенное желание того жития, образец которого встречал он в книгах отеческих, им прочитанных: ему хотелось, по примеру древних, начать с того, чтобы волю свою бросить в горн послушания, совершенно отречься от себя и предать волю свою в волю избранного старца. С этой

мыслию пошел он к о. Серафиму (это было в Сарове). Выслушав его, о. Серафим взял его за руку и вложил в руку старца, который случился в его келии. “Я так и обмер”, – говорит о. наместник, п.ч., как нарочно, судьба свела его в келии о. Серафима в такую важную минуту с человеком, которого слабости были ему известны и которого особенно не хотелось бы ему иметь своим наставником, что было бы делом неизбежным, если бы так решил о. Серафим, ибо о. Антоний решил во всем повиноваться его воле. “Если бы знал о. Серафим, – был помысл Антония, – что этот, впрочем, добрый старец так часто приглашает меня к себе, чтобы только полакомиться со мною, между тем, как я, оставив в мире и то, что было гораздо поважнее, так мало имел расположения ввязываться в эти пустяки; или, если бы о. Серафим заметил теперь, как одобряет он движение о. Серафима соединить меня с ним, конечно, узами послушания”. Все эти мысли толпились в голове о. Антония, возмутили его. Но скоро дело выяснилось. Отец Серафим сказал старцу: “Возьми ты этого молодого брата, введи его в церковь, поставь перед местным образом Спасителя, вели сделать три земных поклона и скажи: “Вот тебе наставник и покровитель: все, что Он скажет тебе, делай и спасешься”. Так и к местному образу Божией Матери и скажи: “Вот тебе наставница и покровительница – иных тебе не нужно”. После этого распоряжения он сделал о. Антонию как бы пояснение следующего содержания: “Ты хорошую взял мысль всецело подчинить свою волю воле другого, но посмотри, чего ты хочешь: хочешь ты, чтобы тебя, как свечу поставили в светлый, крепкий фонарь, где ты безопасен от ветра и несли тебя бережно; или хочешь ты, чтобы через реку перевез тебя надежный челн?... Сам умеи укрываться от ветра, чтобы не потух пламень; сам борись с волнами, чтобы перебраться за реку”. И указал только кого можно выбрать в советники».

Духовное общение с преп. Серафимом, «любезнейшим его сердцу», не прерывалось о. Антонием до самого конца. Однажды, идучи по лаврскому сосновому лесу, о. Антоний нашел плоский и гладкий камень, наподобие аспидной дощечки,

велел написать на нем явление Божией Матери преподобному Сергию, освятил этот образ на мощах угодника Божия и послал в благословение о. Серафиму. Подвижник за неделю до смерти вручил его одному из монахов с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу: он прислан мне честным архимандритом Антонием, наместником святой лавры, от мощей преподобного Сергия». Завещание старца было исполнено.

О. Антоний, который духом и жизнью подражал древним подвижникам и всегда носил в сердце слова преп. Серафима: «Будьте милостивы, к милости прибегайте и в словах и в делах, и в помышлениях, ибо милость есть жизнь души», неоднократно был сподоблен благодатных явлений: причащая братию, он увидел, как два старца-инока, со страхом приступившие к Чаше со Св. Тайнами, причастились из нее небесного огня. Умирая 85 лет и лежа в тяжком недуге, о. Антоний увидел наяву своего покойного друга м. Филарета: «Тяжко тебе?» – спросил он его. «Да, владыка святой». – «Читай пять раз Христос Воскресе и один раз Отче наш», – сказал иерарх и стал невидим. О. Антоний почил 12 мая 1877 г. Посмертным явлением о. Антоний исцелил одну монахиню, жестоко страдавшую судорожными припадками. Это засвидетельствовано священником, начальницей обители и доктором. И было напечатано в «Нижегородских епар. вед.» в 1888 г., №16.

В 1833 преставился преп. Серафим и стало вскоре сбываться его пророчество о Дивееве. Его ложный ученик о. Иоасаф вмешался в жизнь обители и стал отменять заповеди Преподобного, данные ему Самой Царицей Небесной. Обитель стала принимать другой характер. Он отстранил «Серафимовых сирот» и возвысил группу своих последовательниц, Н. А. Мотовилов, которому преп. Серафимом было поручено попечение о сестрах, поехал в Москву и обратился к наместнику лавры, которому, в свою очередь, было поручено заступление за сирот. Вследствие этого между наместником и митрополитом последовал ряд писем, посвященных этому делу. Митрополит откликнулся самым горячим образом. Он помогал «сиротам»

из своих средств. Дело тянулось годами. Но митрополит в конце настоял, чтобы Иоасафовские сестры были удалены. Они основали собственный Понетаевский монастырь. Дивеевская обитель была отчислена в Тамбовскую епархию, где тогда епископом был Феофан, будущий затворник Вышенский. Игуменьей Дивеевской стала Елисавета, родом Ушакова, согласно предсказанию Преподобного, в монастыре игуменья Мария. В Дивееве спасалось единовременно до 1000 монахинь. Игуменья Мария дожила до прославления Преподобного.

Другой заботой митрополита было издание житий отцов Марка, Серафима и Георгия Затворника, а также отдельное издание наставлений старца Серафима Саровского. Митрополиту пришлось пройти через бесконечный ряд препятствий, чинимых синодальными архиереями. Их пугал присущий этим писаниям элемент чудес.

Как известно, чисто православной богословской науки во времена митр. Филарета не существовало. Недавно возникшие Академии пользовались иностранными, иноверными учебниками. Чистое Восточное Православное учение хранилось, главным образом, в незатронутых ученостью недрах народных, разумеется, среди монашествующих, и прежде всего среди обителей, куда успели проникнуть ученики старца Паисия и занести учение Св. Отцов о внутреннем делании. Поэтому совершенно не удивительно, что среди образованных архиереев господствовал протестантский образ мышления.

По поводу этого дела тоже возникла переписка между митрополитом и наместником. Пишет митрополит от 28 июля 1838 г. за № 199: «А я хотя через порог смотрел в безмолвие, прочитав житие о. Серафима, и, как вам хотелось, поправил несколько слов, где они казались поставлены не совсем правильно. Если думать о напечатании, то затруднение представить некоторые сказания о видениях. Цензура едва ли согласится пустить в свет чудесное в жизнеописании без высшего свидетельства Церкви. Но исключить из жизнеописания сказания сего рода, мне кажется, было бы похоже на святотатство. Если хотите, поговорите с цензурой»...

От авг. 2 1838 г. митрополит пишет: «Посылаю вам, о. наместник, просмотренные мною поучения, или духовные наставления о. Серафима. Я позволил себе переменить или дополнить некоторые выражения, частью, чтобы язык был правильнее, частью, чтоб мысли, недовольно полно, или недовольно обыкновенно выраженные, оградить от неправильного разумения или от прекословия. Посмотрите и скажите мне: можно ли подумать, что я не переиначил, или не повредил где-либо мысли старца»... От авг. 11 1838 г. он пишет: «Духовные наставления лучше цензуровать отдельно, чтобы в случае затруднений в житии не затруднить и им дорогу»... От 20 ноября 1838 г. он пишет: «Сказание о онемевшем диаконе едва ли не останется в архиве. Я опасался быть неуступчивым в части, чтобы не испортить целого дела». От дек. 31, 1839 г.: «Дело о житиях о. Серафима и затворника Георгия молчит: я не напоминаю о сем в ожидании Преосв. Киевского, которого мнение благоприятно сему делу». Наконец, в письме от дек. 6 1840 г. митр. жалуется, что: «Владыка Новгородский опять восстал со своими недоумениями о чудесных событиях». Также восстал митр. Иона. «Видно, согрешил саровский игумен, написав к митр. Ионе свои несветлые мысли». Однако, по милости Божией и благодаря настойчивости митрополита Филарета, эти драгоценные документы, наконец, увидели свет.

М. Филарету также принадлежала другая великая заслуга: его «усердием и старанием» дважды было переиздано в 1822 г. и в 1852 г. «Добротолюбие», впервые напечатанное в 1793 г. митр. Гавриилом (см. «Житие и писание Молдавского старца Паисия Величковского». Москва. 1847. 111 стр.). Это «усердие и старание» Филарета являются неоспоримым доказательством его приверженности с ранних пор к святоотеческому учению о внутреннем делании.

Кроме попечения о Серафимовом наследии, митр. Филарет не меньше усердия вкладывал в покровительство Оптиной Пустыни. Мы уже говорили, что Оптинскому старцу Льву угрожала ссылка в Соловки за его подвиг старчества, причем скиту грозило закрытие. По этому случаю м. Филарет

написал Калужскому архиерею, что о. Лев отнюдь не является еретиком. С другой стороны, митрополит Киевский Филарет в бытность свою в Оптиной Пустыни оказал старцу Льву знаки глубокого уважения в присутствии враждебно настроенного епископа и тем заставил его смириться, так что старчество в Оптиной не было нарушено. Известно, что м. Филарет Московский имел личную встречу со старцем Львом в бытность его в Москве. О. Лев остановился в Симоновом монастыре, где настоятелем был о. Мельхиседек, бывший казначей Белобережской пустыни, благодаря интригам которого о. Лев уступил ему настоятельскую должность. Арх. Мельхиседек повез о. Льва, чтобы его представить митрополиту. Владыка охотно принял о. Льва, а о. Мельхиседеку сказал, что он ему не нужен и может, если понадобится, прийти в другой раз. Кроме о. Льва расположением митрополита пользовался о. Макарий, который по его приглашению приезжал в Москву. С ним митрополит имел постоянные сношения во время печатания святоотеческой литературы. Но особой любовью митрополита пользовался о. Антоний Малоярославецкий, брат игумена Моисея – поистине святой старец. Отношения с Оптиной пустыней поддерживались также через о. наместника Троицкой лавры о. Антония. О посещении им Оптиной пустыни в первой половине XIX в. сохранилась запись в Оптинском дневнике*:

«21 октября. Пяток. Пополудни в 8 часов вечера неожиданно прибыл в монастырь наш о. наместник Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит и кавалер Антоний с Малоярославецким о. игум. Антонием**.

22 октября. Храмовый праздник явления иконы Богоматери Казанской. Божественную службу совершал о. игумен М. со-

* См. С. А. Нилус. «Святыня под спудом». Изд. Св. Тр. Лавры, стр. 39-41.

** Не из числа обыкновенных смертных были эти оба посетителя: наместник Лавры архимандрит Антоний и Малоярославецкий игумен Антоний. Первый был близок к преподобному Серафиму и к великому митрополиту Московскому, Филарету; второй – родной брат великого Оптинского игумена (впоследствии архимандрита) Моисея и Саровского игумена Исаии, отличался великим подвигом личной духовной жизни. Оба были яркими представителями духовной силы истинного монашества первой половины XIX века.

борне. Высокие гости – о. архимандрит Антоний с о. игуменом Антонием утром посетили все монастырские службы: братскую трапезу, хлебопекарню, рухольную и проч.; потом слушали позднюю литургию. Трапезовали обще с братией. О. архимандрит Антоний, по смирению своему, не согласился в трапезе сесть на приготовленном стуле возле настоятеля, но сидел вместе с братией, почитая себя странником и ничтоже глаголаше.

Пополудни, в 3 часа о. наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит, посетили скитона начальника, о. М., церковь и прочие в Скиту места.

23 октября. Воскресенье. О. наместник с о. игуменом Антонием паки отправились в Скит к обедне в 7 часов утра и до 11 часов время проводили в духовной беседе со скитона начальником – старцем о. М. Оттуда все трое прибыли в обитель к настоятелю о. игумену М. и трапезовали четверо. Отец наместник при трапезе, казалось, более насыщал – питал своею любвеобильною, смиренномудрою беседою души слушающих, нежели пища – тело: так он сладкоглаголив, что, слушая его, не почувствуешь усталости и в целые сутки.

Пополудни, в 3 часа, паки о. наместник с о. иг. Антонием отправились в Скит; отправили панихиду в скитской церкви по иеросхимонахе Иоанне и прочих почивших старцах, записанных о. наместником, и вновь продолжали беседу со скитона начальником о. М. о душевной пользе. Вечером же в настоятельских келиях продолжали духовную беседу до 12 ч. ночи.

24 октября. Понедельник. Наместник и старцы были у ранней Литургии, после которой назначен отъезд из обители. Беседуя в последний раз в настоятельских келиях, о. наместник сказал:

– Время, старцы Божии, расстаться нам!

Трогательны были минуты прощания их. О. наместник прочитал молитвы с отпуском на путешествие, все четверо поверглись смиренно друг другу в ноги, плакали и просили взаимных молитв друг о друге.

До монастырского паромы шли все пеши. На берегу, прощившись со старцем о. М., убедили его не входить в паром,

опасаясь для него простуды, ибо он, забыв свою недавнюю болезнь и старость, *проводил* легко одетый. Когда паром двинулся от берега, о. наместник сказал с поклоном старцу о. М., стоявшему на берегу:

– Простите, батюшка о. М., перекрестите нас!

Батюшка, в свою очередь, поклонился и, смиренно повинуясь, осенил знаменем крестным плывших на пароме и сказал:

– Не пойду, пока не увижу благополучной переправы вашей.

Когда же паром пристал к другому берегу, старец о. М. сказал:

– Теперь радуюсь, видя благополучно достигших берега. Благословите же и меня, о. архимандрит!

Повинуясь старцу, и о. наместник сделал на старца знамение креста и умиленно сказал:

– Буди с вами благословение Божие. Простите, батюшка, и помолитесь.

И оба они на разных берегах низко поклонились друг другу.

О. игумен М. проводил о. наместника с о. игуменом Антонием до сельца Кожемякина за 20 верст от обители, где посетили помещика. Николая Ивановича Хлюстина, который нарочито приезжал в нашу обитель и убедительно просил заехать к нему в дом. Там расстались и с о. игуменом М., который возвратился в монастырь в 9-м часу вечера, а о. наместник с о. игуменом Антонием отправились до Перемышля на обительских лошадях; из Перемышля того же вечера, в 8 ч., отправились в Калугу, поспешая из опасения осенней ненастной погоды.

Посещение достоуважаемого о. архимандрита Антония, изъявленное им архипастырское благословение высокопреосвященнейшего митрополита Филарета Московского и доставленные неоцененные дары на благословение монастырю и скиту пребудут неизгладимо в памяти. Трогательно видеть обращение между собою таких соединенных духовным союзом

любви о Христе мужей; еще более назидательно и утешительно было слышать духовную их друг с другом беседу.

Вот, как о сем посещении выразился батюшка, старец наш, о. М., в письме от 25 октября к знакомым.

“Все эти дни были мы в приятных хлопотах: в пятницу вечером, т.е. 21-го числа, утешили нас своим посещением почтеннолюбезные гости – лаврский наместник, о. архимандрит Антоний с Малоярославским игуменом о. Антонием. Ласковому, приятному его обращению с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоящим, надо было удивляться. Кажется, он любовью дышал, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово его любвеобильной беседы запечатлевалось в сердцах наших, а описать оные тупое мое перо с таким же умом не имеет способности. Наградил Скит наш святынею и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие Скита нашего – ложечки и точеные штучки – надо было удивляться! И хотел представить оные митрополиту. Ну, словом, оставил память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его, Господи!»

В жизни Оптиной важной страницей в истории ее является работа скита по изданию святоотеческих творений. Участие в этом деле митрополита московского имело решающее значение. Без этого участия оно оказалось бы невысказано. Филарет даже лично работал над переводами, и Киреевский к нему обращался в случаях недоумений. Прот. Ф. А. Голубинский, профессор Академии, был цензором, и благодаря этому печатание совершалось без вмешательства со стороны Св. Синода и могло безболезненно осуществиться. Это издательство в жизни Церкви имело беспримерное значение.

Мы видим из всего выше изложенного, что век м. Филарета был веком, когда лучшие церковные силы пытались, вопреки светскому модернизму и европеизму вернуть сердца русских людей к прежней Святой Руси, к «стяжанию Духа Святого», по выражению преп. Серафима. Центральным лицом в этом деле был московский митрополит Филарет, покровитель Серафимо-

ва наследия и Оптиной Пустыни. В его время и его век возрос и созрел другой великий пророк и деятель на ниве Христовой – о. Иоанн Кронштадтский – истинный сосуд Духа Святого, преисполненный благодати Божией, также бывший последователем святоотеческого учения о внутреннем делании.

«Хотя о. Иоанн священствовал в миру и не имел монашеского пострижения, но внутренняя жизнь его была вся в монашеском подвиге, согласно святоотеческой традиции. Он постоянно говорит о внутреннем духовном делании, о “невидимой брани” – не только против страстей, но и против «духов злобы поднебесных», говорит об «умно сердечной молитве» и силе и действенности “Имени Иисусова”»*.

Как уже было ранее сказано, внутренняя духовная жизнь м. Филарета была глубоко сокрыта от его современников; дверь его спальни запиралась на замок, так что никто не знал, когда он ложился или вставал, как провел ночь. Тем не менее «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5, 14), так и святость м. Филарета открылась в его исцелениях, пророчествованиях, откровениях, ему бывших и также из бывших ему явлений из потустороннего мира. В письмах к наместнику он неоднократно упоминает об откровениях «в сонном бдении». В письме от апр. 1-го 1838 он пишет: «Молитва без любви не бывает услышана, сказал некто во сне наяву». В письме от дек. 30-ого 1836 г. он пишет: «В прошедшем ноябре около дня Михаила Архангела сказано кем-то кому-то во сне: земля празднует их дни, и они горькую обязанность имеют быть на земли. Потому надобно с ними соединяться. Они просят наших молитв и говорят: мы принесем ваши молитвы уже очищенные в нашем предстательстве перед Престолом Всевышнего. Предстательство Святых есть звено, соединяющее слабое существо земных с небом... О, если и все со вниманием, а не по памяти только именовали дневного Святого». (Прим. в сохранившейся после м. Филарета памятной книжке под 11 ноября 1836 г. записано: «1836. По случаю недовольного внимания к празднику

* И. М. Концевич. О. Иоанн Кр. и дух. кризис России. 50-летие преставления приснопам. Иоанна Кроншт. Нью-Йорк, 1958 г., стр. 95.

Михаила Архангела сказано во сне». Далее следуют переписанные в сем письме слова). В письме от 25 февр. 1843 г. на вопрос своего духовника-наместника, знавшего о том, что многие тайны духовного мира ему открыты, м. Филарет отвечает: «Не умею говорить не только о светлом небесном, но и о темном, о чем спрашиваете. Что-нибудь скажу, а вы рассуждайте. Что степени духов тьмы различны, в том нет сомнения. Приметно, что между ними есть низшие роды, подобные тому, что между людьми малосмысленные и дикие, или как будто скот духовного мира. Входя в соприкосновение с здешним миром, они делают ребячества и глупости, но едва ли можно сказать, что вреда не сделают... но какой вред могло бы сделать другому подобное привидение, трудно определить. Посему искушаемому не то должно говорить, что совсем не могут сделать вреда, но что Бог не попустил повредить верующему, призывающему Имя Божие и крестом ограждающемся. Для ободрения можно присовокупить, что по признакам действий видно уже хранение Божие в том, что попущено не сильным врагам нападать, а незначущим». Далее говорится о том, что человек должен испытывать себя, не удерживает ли он в совести «страстного помысла, или чего темного в совести, что открывает дорогу и доступ обитателям тьмы», а также «волнение и раздражение нервов усиливает способность принимать впечатление темного невидимого». В письме от 28 окт. 1846 г. сказано: «Апостол говорит о духах злобы поднебесных и что духам свойственно быть в аде, то не придется ли заключить, что наш бедный мир с одной стороны по дару творения и благодати искупления пронизываемый благодатною светлою атмосферою, а с другой – по бедственному греховному повреждению не совсем заперт для расширившейся в нем темной атмосферы ада? Души благодатствованные и совершившиеся отражают сию атмосферу вселившимся в них благодатным светом и, не ощущая ее, идут на небо; к душам менее очистившимся, менее сильным в свете она приражается – вот мытарства. Слава же Божией Матери есть боголепная и беспримерная. С сим сообразно будет представить, что когда слава ее открылась в духовном мире,

преизобильный свет ее не только прошел до пределов чистого духовного мира, но может быть молнией проторгся и в некую часть атмосферы темной».

Как нами выше упомянуто, митрополит, особенно в последние годы своей жизни, обрел дар пророческого предвидения. «Однажды, – говорит еп. Леонид (Краснопевков), – я сказал м. Филарету (1865), что было бы желательно закрепить письменно его взгляды, касающиеся до расхождения со старообрядцами, Филарет ответил: “Для чего?” – “Для будущего”, – был мой ответ. Митрополит отвечив горячо и волнуясь, что он чувствует, что будущее покрыто темным облаком и что когда буря разразится, люди, потрясенные громовыми ударами, забудут обо всем, что было до этой бури» (Русский Архив. 1901) Тот же еп. Леонид пишет: «Муравьев говорил, что печален взгляд Владыки на будущее, и передал его подлинными словами: “Когда я смотрю на малолетних детей, я не могу остаться равнодушным от мысли, что они должны будут, бедные, вытерпеть в сию пору”», и при этих словах – заплакал. Так говорил Андрей Николаевич (Еп. Леонид. Душ. чт. ч. I, кн. 4). «За два месяца до его смерти (1867) он сказал наместнику Лавры, что он стал видеть свое собственное прошлое яснее, чем раньше. Архимандрит ему сказал: “А будущее тоже?” – “Будущее тоже”, – ответил митрополит. “Что видите в будущем?” – “Ужасную бурю, которая к нам идет с Запада”». (К. Arscnief. La Sainte Moscou).

Другое пророчество, подобное сему, встречается в словах старца Оптинского Амвросия: «Не хлопочи о ризе, я передумал и решил, что лучше теперь не делать ризу на Калужскую икону Божией Матери. Первое, у нас денег мало... Второе, запомнил я слова покойного митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, п.ч. “приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон”». (Письма о. Амвросия к мирским особам. Тр.-Серг. Лавра. 1908 №225. стр. 207).

Каковы же были те потрясающие видения, если митрополит Филарет узрел во всех подробностях то, что последовало ровно через 50 лет после его кончины? Великий старец и ве-

ликий пророк Божий не мог не обладать и даром исцелений. Не будучи в состоянии вместить весь материал, касающийся сего, в нашу работу, мы отсылаем читателя к книге Поселянина: «Русские подвижники XIX-го и XX-го века», СПб., 1910 г., а также к «Жизнеописаниям отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков», ноябрь, стр. 483–488. В этой книге кратко упомянуты 4 случая: «Одна восьмилетняя девочка, бывшая в полном расслаблении, тотчас стала ходить, как только мать поднесла ее под благословение святителя Филарета. Девица, бывшая в продолжении 13 лет немой, тотчас заговорила, как только святитель, благословив, спросил ее: “Как тебя зовут?” И заставил ее тут же прочитать молитву Господню. У одного купца появился на руке антонов огонь; доктора уже решились отнять руку; но болящий через своего приходского священника, попросил с верою молитв у святителя Филарета, и вслед за тем увидел во сне, что владыка благословил его; проснувшись, он почувствовал себя лучше, и когда явились врачи для операции, то рука, к их изумлению, оказалась совершенно белой, так что ни в какой операции не было надобности. Один купец, заблудившийся в киргизской степи во время страшного бурана, призвал в молитве святителя, задремал и в дремоте увидел святителя, который, благословив его, промолвил: “Бог благословит тебя, продолжай путь благополучно”, и купец был спасен. Много и других было случаев с благоговейными чителями памяти святителя Филарета».

Но есть исключительное чудо, которое не вошло в общеизвестные книги. Это исцеление митрополитом девицы-монахини Р., духовной дочери игумена о. Антония Малоярославецкого, у которого была особая духовная близость с митрополитом, желавшим его иметь старцем в одной из пустынь в Лавре. Юная монахиня страдала от чар, наведенных на нее, подобно тому, как от таких же чар страдала св. мученица Иустина. Митрополит исцелил ее, явившись ей во сне. Он прочитал 60 псалом и велел ей повторять за ним каждый стих и затем читать этот псалом ежедневно*.

* Жизнеоп. иг. Антония Малоярославецкого. Москва 1870 г., стр. 101–110.

Вот как говорил о последних днях митрополита его духовник арх. Антоний: Владыка ему сказал 17 сентября: «Я ныне видел сон и мне сказано: “береги 19 число”». На это о. Антоний ответил: «Владыка святой, разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения?» Выслушав это, он с чувством сердечной уверенности сказал мне: «Не сон я видел: мне явился родитель мой и сказал те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таин». «Я сказал, что это желание доброе. Митрополит служил литургии 19 сентября и 19 октября, а также в ноябре. В это роковое 19-е число он скончался». «Лицо м. Филарета, – рассказывает еп. Леонид, – всегда сияло и дух его ликовал при совершении Литургии. Все знали, и особенно кому это было нужно, что после обедни он был кроток и доступен; когда же он сам совершал св. Литургию, он обыкновенно плакал. Но при освящении Св. Даров в день своей кончины его умиление было исключительное и слезы его были обильны»*.

В этот день митрополит совершал литургию так бодро и громогласно, как давно уже не служил, потом принимал в покоях своих нового московского губернатора. Перед обедом писал, как говорят, ответ Антиохийскому патриарху на его приветствие по случаю юбилея. Через 10 минут пришли напомнить ему об обеде и нашли его на полу в коленопреклонном положении с опершимися в пол руками. Он уже не мог говорить и в исходе второго часа в Бозе почил. И когда торжественно переносили его тело из Троицкого подворья в Чудов монастырь – народ собирал с пути можжевеловый и притом с таким усердием, что опоздавшие не могли уже найти для себя ни одной ветки.

Так любила своего святителя и так благоговела перед ним его паства.

* Р. Архив, 1901 г., кн. 8, ст. 523.

ГЛАВА VII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ

I.

Иеросхимонах Макарий – старец Оптиной Пустыни, в миру Михаил Николаевич Иванов, из дворян Дмитровского уезда Орловской губ., родился 20 ноября 1788 г. и скончался 7 сент. 1860 г. Он старчествовал в Оптиной Пустыни совместно со старцем Леонидом, в схиме Львом, а затем до самой смерти нес единолично великий и святой подвиг старчества в обители.

Начнем с описания первой встречи одного инока со старцем. Она происходила в ранней его юности, когда жаждал он монашеского жития.

«В те времена скитский лес был гуще и величественнее, чем теперь, и в вечном полусумраке его святой тайны Божьего девственного создания догорающий день быстро сменялся мраком ночи, и ночная тень ложилась плотнее и гуще, чем на просторе обширного Оптинского монастырского двора. Красотой был в то время скитский лес, когда в благоговейном трепете подходил я со своим путеводителем к св. воротам, скрывавшим за собой, казалось мне, истинных небожителей, временно и только для назидания спешивших с горнего неба на грешную землю. Вспомнил я по дороге, что о. Герасим, прощаясь со мной в Сергиевой Лавре, сказал мне: «А ты постарайся найти, как придешь в Оптину, в скиту двух рясофорных монахов, отца с сыном – они ваши, саратовские.

Зовут отца Никитой, а сына Родионом; они наверное к тебе будут ближе других».

И, вот, идя дорожкой по лесу в скит, я и думал: ах, если бы мне найти своих земляков – все бы было лучше...

Когда ушел мой старец путеводитель, я, еще не входя в святые ворота, бросился на колени перед изображением свв. Отцев на стенах св. входа и слезно им помолился, чтобы они меня приняли в скитскую братию, и затем трепетно переступил порог скита, осенив себя крестным знаменем... Меня сразу обдал густой, чудный запах резеды и всей роскоши скитских цветов благовонной вечерней зари догоравшего знойного летнего дня. А прямо передо мною, пересекая мне дорогу, смотрю, идут два инока. В скитском храме звонили во все колокола... Я поклонился инокам в землю.

– Откуда, брат?

Я назвал свою родину. Иноки переглянулись между собой...

– Не знаете ли, – спросил я, – где мне здесь найти двух монахов, отца с сыном из Саратовской губернии, по фамилии, кажется, Пономаревых?

– А что ж, они родственники тебе, что ли?

– Нет, – говорю, – не родственники, а как у меня здесь никого нет, то я ищу хоть земляков.

– Ну и слава Богу: твои земляки с тобой-то и разговаривают – я отец, а это – мой сын.

При этом они мне дали братское целование. Это были Никита и Родион Пономаревы, в монашестве Нифонт и Иларион. Сильно обрадовался я этой встрече, в которой не мог, конечно, не усмотреть промыслительного о мне грешном Божьего усмотрения. Скит мне сразу сделался родным.

– А, где бы мне увидеть старца Макария? – спросил я земляков. Отец Родион, сын старика Никиты, сказал мне:

– Пойдем за мной в церковь – он там, и я тебя поведу к нему под благословение.

Батюшку Макария мы действительно застали на молитве в церкви. Шло бдение.

Доложили ему обо мне:

– Какой-то странник, батюшка, Вас спрашивает. Желает Вас видеть и рассказывает, что наш земляк, – доложил старцу о. Родион.

Надо сказать, что Пономаревым я при встрече не успел ничего другого объяснить, кроме того, что я ихний земляк: ни имени моего, ни фамилии они не знали, да и во всей Оптиной меня никто знать не мог.

– Где он? – спросил старец.

– Стоит у церкви.

– Приведите его сюда ко мне...

И меня ввели в церковь к старцу. Я упал ему в ноги с замирающим от волнения сердцем и когда встал, старец, благословляя меня, сказал: «Э, да это, знать, Феодор!» Дивное прозрение... «Откуда ты сегодня пришел?»

«Прямо из Калуги», – ответил я вне себя от изумленной радости, представ перед дивным старцем.

«Так веди же его скорей в трапезу, – сказал батюшка отцу Родиону. – Да скажи повару, чтобы он хорошенько, чем Бог послал, его накормил... Да, ты уж, – обратился ко мне старец, – после ужина-то не ходи ко бдению, а ложись спать, а то ты устал, голодный!»*.

Старец среднего роста, лицом не красив, со следами оспы, но было оно белое, светлое. Взгляд был тих и полон смирения. Нрав его был чрезвычайно живой и подвижной. Память прекрасная: после первой исповеди на всю жизнь запоминал он человека. Был он косноязычен: не хватало дыхания при разговоре. Это его смущало всю жизнь. Одет был всегда бедно.

С тех пор, как появился в скиту о. Макарий, где его возвели в настоятели, жизнь его приняла характер, не изменявшийся до самой смерти. Она была полна попечений, как чисто пастырских, так и о внешнем благоустройении, с раннего утра до поздней ночи. В церкви им было установлено пение киевского распева, введена должность канонарха, плавное чтение и пение «на подобны». Вокруг храма благоухали массы цветов,

* С. Нилус. «Сила Божия и немощь человеческая», записки игумена Феодосия. Сергиев Посад, 1908 г.

расходясь по бокам многочисленных скитских дорожек. Внутренность скита, превращенная в плодовый сад ее основателем отцом Моисеем, усердно поддерживалась заботами о. Макария, и нередко зимою городские и сельские жители просили плов для болящих. Сам о. Макарий, хотя и был иеромонахом, не служил по физическому недостатку косноязычия, но более по глубокому своему смирению. Но зато с усердием певал он часто и со слезами. Особенно любил он «Чертог Твой».

Об его внешности так говорит жизнеописатель:

«Лицо – ничем не поражающее с первого взгляда, вовсе некрасивое по обыкновенным понятиям о красоте физической, даже неправильное, по недостатку в глазах, с печатью постоянного углубления в себя, следовательно на вид более строгое, нежели ласковое, но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркалом чистой, любвеобильной и смиренной души, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека, плодов духа, исчисленных Апостолом. Вообще в нем было редкое соединение детской простоты, тихости и смирения, делавшее его приступным всем и каждому*.

А вот что пишет один светский человек, как мы узнаем из дневника иеромонаха Евфимия:

«Первая наша встреча со старцем против нашего ожидания не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказ о. К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами: оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же косноязычный. Я положительно был разочарован; но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей душой.

В следующую осень мы опять посетили Оптину Пустынь. О. Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он

* «Жизнеописания отеческих подвижников благочестия XVIII и XIX веков». Москва, 1909 г. Книга за сентябрь, стр. 120.

подробно расспрашивал о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, о. Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходе его, советуя друг другу, записали чудную речь старца Божия...

Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии; в груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали! И сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах. О. Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Во все время приготовления нашего к исповеди и Св. Причащению старец ежедневно навещал нас и назидал духовно*.

Иеросхимонах Макарий родился 20 ноября 1788 года. Он происходил из дворянской семьи Орловской губернии. Семья отличалась благочестием. Прадед его, Иоанн, стал иноком. Родители, коллежский асессор Николай Михайлович Иванов и мать Елизавета Алексеевна, нарекли старшего сына Михаилом, в честь св. князя Тверского, память которого 22 ноября; после было еще трое сыновей и одна дочь. Жили они в окрестностях Калуги, весьма красивом месте, близ Лаврентиева монастыря, архимандрит которого, Феофан, духовно окормлял их. «Среди впечатлений, приятных для зрения и отрадно мирных для сердца видов сельской природы, имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился до слуха обитателей Ж. звон колоколов, призывающий иноков к молитве, возрастал будущий инок и молитвенник, еще тогда неведомый миру» – так описывает жизнеописатель первые впечатления мальчика.

* С. Нилус. «Святыня под спудом». Тайна православного монашеского духа. Сергиев Посад 1911 г

Когда Михаилу было пять лет, скончалась любившая его больше других детей мать, не раз говорившая про тихого и кроткого сына: «Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное!» В связи с болезнью матери семья меняла место жительства. В городе Карачеве он начал и окончил школьное образование, а уж на 14 году поступил на не легкую службу бухгалтера, с чем отлично справился, обратив на себя внимание. Однако Михаил продолжал жить своим мирком. Много читал, ища разрешения важнейших вопросов ума и сердца. Любил музыку, отлично играл на скрипке, находя в ней большую отраду. На 24-м году жизни, уже по смерти отца, вышел в отставку и поселился в деревне. Управлял хозяйством плохо. Однажды мужики покрали множество гречихи. Михаил их долго вразумлял, ссылаясь на Св. Писание. В результате мужики пали на колени в искреннем раскаянии на посрамление родным Михаила, которые над ним смеялись. Была сделана попытка его женить, но как и лицом он был непригляден, да и стремления не имел, то так это и осталось. Съездил он на Коренную ярмарку, купил там книг духовного содержания и в них зарылся. Изредка выходил в столярню, там работал до усталости, покоряя юную плоть духу.

В 1810 г. осенью он поехал на богомолье в Площанскую пустынь, где познал свое давнишнее влечение и решился посвятить жизнь Богу. Он там и остался. Прислав братьям отречение от имения, он одно лишь просил: построить на тысячу рублей часовню на могиле родителя.

В то время в Площанской пустыни находился ученик великого старца Паисия Величковского Афанасий, который не мог не заинтересовать юного молитвенника. Под его полное руководство он и отдал себя, получив тем правильное начальное направление. К сожалению, почти нет материалов, проливающих свет на эту дивную личность. У него было много переводов аскетических творений древних отцов монашества, сделанных о. Паисием. Они потом перешли в Оптину и были изданы в переводе со славянского на русский.

Тут послушник Михаил изучил церковный устав и нотное пение. Помогал в письмоводстве. 7 марта 1815 г. был пострижен в мантию с именем Макария в честь преп. Макария Великого. Пешком, с посохом, ходил в Киев. На обратном пути был в Глинской пустыни, где познакомился со старцем Филаретом, игуменом. В 1824 г. ездил в Ростов на поклонение мощам Св. Димитрия Ростовского, после чего впервые был в Оптине. На другой год умирает его старец. Макария назначают духовником Севского девичьего монастыря. Так начинается его духовническая деятельность.

Трудно было Макарию без своего учителя. Но вот происходит замечательная встреча. В его обитель приезжает со своими учениками отец Леонид, который был под руководством у схимонаха Феодора, ученика того же Молдавского архимандрита Паисия, О. Макарий вновь обрел себе руководителя. Это был ответ на его молитвы, ибо духовное сиротство тяжелее плотского. Хотя о. Леонид считал о. Макария сотоварищем в деле монашеском, но, уступая просьбам и смирению его, решился с ним обращаться как с учеником, Впрочем, их совместное пребывание скоро прекратилось: о. Леонид был отправлен в Оптину. Шла переписка, кончившаяся переездом о. Макария в Оптину, что стоило немалых затруднений. К Площанской пустыни он долго хранил любовь.

Старец Леонид был необыкновенный человек. Он вел постоянную внутреннюю борьбу, творил Иисусову молитву, имел дар прозрения и исцеления. Чтоб укрыться от суетной славы, слегка юродствовал. Он не терпел неискренности, самомнения, теплохладности. О. Макарий был постоянно при нем до самой его смерти. Оба они «вынынчили» великого старца Амвросия, прозорливца и чудотворца. Это была атмосфера, насыщенная благодатью, совершающая чудеса. Стопами страждущих и убогих, физически и духовно, была истоптана тропинка к Оптине еще с большей силой, чем к обычным монастырям. Старец Леонид принимал всех с огромной любовью, он научил и учеников своих целить недуги приходящих, не гнушаясь ничем, но презирая один лишь грех. Под его

руководством они отдавались всецело к ним приходящим: выслушивали все, что открывали им возмущенные грехом души, принимали откровение помыслов, отвечали и на письменные вопрошения. Старец нередко прозревал, где кроется что недоброе, обличал их, но для того лишь, чтоб потом таким теплом любовным обдать их, что им особо запоминалась радость обретения чистой совести. Отец Макарий был более мягкого склада души. Он занимался много корреспонденцией. По смерти о. Леонида вся тяжесть подвига духовного руководства легла на него. Тихая радость о Господе никогда не покидала этого святого делания, целившего и души, и тела. «Помазуя елеем из лампы, горевшей в его келии перед чтимой им Владимирскою иконою, старец приносил великую пользу больным телом, и случаи таких исцелений немалочисленны. Особенно часты были исцеления бесноватых»*.

Старец жил в келии, с левой стороны у самых скитских врат, разделенной коридором на две половины, для него и келейника. Старцева половина состояла из приемной и спальни, т.е. маленькой келии с одним окном на юг, откуда открывался вид на дорожку, ведущую от скитских врат к церкви, а перед ним стол. На нем в полном порядке лежали кучами письма, спешные и неспешные, письменный прибор, новые духовные журналы и всегда две-три святоотеческие книги на главном месте. Перед ним кресло с подушкой. В восточном углу – иконы, виды монастырей и т.д. Главная тут была икона Владимирской Божией Матери с неугасаемой лампадой, а под ней деревянный угольник вместо аналогия для совершения правила, со Следованной Псалтирью и Св. Евангелием и другими книгами. Вдоль западной стены – узкое ложе с Распятием у изголовья, а выше образ Спасителя с овцой на руках. Вдоль стены портреты: Св. Тихона Задонского, Симеона Белобережской пусты-

* «Русские подвижники XIX века». Е. Поселянин. С.- Петербург. 1910 г., стр. 240.

ни, иеромонаха Филарета Новоспасского монастыря, старцев Афанасия, Феодора, Леонида. В этой келье он пробыл 20 лет. Все свидетельствовало о его тайных воздыханиях и о духе, отрешенном от уделов земли. Тут проводил он частые бессонные ночи и вставал на правило при ударе скитского колокола в 2 часа утра; часто сам будил своих келейников. Прочитывали: утренние молитвы, 12 псалмов, 1-й час, Богородичный канон с акафистом. Ирмосы пел он сам. В 6 часов ему вычитывали «часы с изобразительными», и он выпивал одну-две чашки чаю. Скрипела затем дверь в переднюю, и появлялись посетители. Женщин принимал за воротами скита в особой келье. Тут внимал он горю людскому. У него явно был дар духовного рассуждения, а также сила смирения и любви, что делало его слово особенно властным. После беседы с ним люди обновлялись. Приемная была увешана портретами святителей и подвижников, живых еще или недавно минувших дней.

В 11 часов звонили к трапезе, и старец туда шел, после чего отдыхал, а затем опять принимал посетителей. В два часа старец с костью в одной руке и четками в другой шел в гостиницу, где его ждали иногда сотни народа, каждый со своими нуждами, духовными и житейскими. Всех он с любовью выслушивал: одних вразумлял, других возводил от рва отчаяния. Он понимал и разрешал современные вопросы: об улучшении народного быта, грамотности, воспитании. Когда ему сообщили о безнадежном состоянии Севастополя, он зарыдал и упал на колени с мольбой пред образом Владычицы. Он был глубоко тронут кончиной Государя Николая Павловича.

Следующий случай стоит внимания:

«Один образованный человек подвергся припадкам бешености, проявлявшимся при приближении к священным предметам; долго родные, не хотевшие признать сущность болезни, лечили его за границей, у докторов и на водах; пользы не было. Один верующий товарищ привез его в Оптину, и из гостиницы послал потихоньку просить старца. Больной, не слыхавший о нем никогда, стал беспокоиться и заговорил: «Макарий идет, Макарий идет!» – и едва вошел старец, бро-

сился на него с неистовым криком, зашил его. Великий подвижник, познав козни врага, употребил сильнейшее орудие – смирение, и быстро подставил ему другую ланиту. Опаленный смирением, бес вышел из страждущего, который в оцепенении лежал долго у ног старца, а потом, не помня о своем поступке, встал исцеленным»*.

Измученный, едва переводя дыхание, возвращался он с ежедневного подвига. Время подходило слушать правило, состоявшее из 9-го часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу Хранителю. Звонят к вечерней трапезе. Иногда ее ему приносят. Но и в это время он принимает монастырскую и скитскую братию, если кто из последних не успел побывать днем на ежедневном откровении помыслов. Если долго не бывает кто-либо из относящихся к нему постоянно – он беспокоивается, сам приходит к тому в келью и притом всегда вовремя, оставляя после себя успокоение и веселие. Он же давал послушание: чтение святоотеческих книг, назначая это по мере духовного возраста каждого. Начинал он с книги аввы Доротея, называя ее «Монашеской Азбукой». Праздности не терпел. Завел он поэтому в скиту рукоделья: токарное, переплетное и др. Каждый из братии знал и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей разделяется любвеобильным и мудрым отцом. Он так умел утешать и ободрять, что виновный выходил из кельи его, себя не помня от радости.

Поэтому подвижническая жизнь казалась легкой.

Заканчивая день, выслушивали правила: малое повечерие, молитвы на сон грядущий, две главы Апостола, одну Евангелия, потом краткое исповедание, старец благословлял и отпускал. Было уже поздно. Старец входил в свою келью, где мерцала лампада перед образом Заступницы. На столе лежала кипа писем, требующих ответа. Тело ныло от изнеможения, а сердце от впечатлений обильно открывавшегося человеческого страдания. Глаза орошались слезами, а в уме звучало дивное песнопение:

* «Русские подвижники XIX века». Е. Поселянин. С.- Петербург, 1910 г., стр. 240.

«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние Души моя, Светодавче, и спаси мя».

За окном огоньки скитских келий давно уже потухли. Воцарилась молитвенная ночь. Старец опускался к столу. Он писал. Вот одно письмо:

«Как можно мимолетное чувство умиления и слез считать уже любовью Божией? Ум тайно увлекается сам и стяжает высокоумие и гордость, и всего оно лишается, а смирения тут не бывало. Бог показал вам, что есть благодать Его с нами и отнял, да не превозносимся; впрочем, не лишил совершенно, но скрыл от нас, чтобы мы смиренно к Нему припадали. Ему угодно иногда попускать на нас протяжную тьму и мрак духовный, холодность и окаменение, чтобы мы считали себя последними и худшими всех и не искали бы духовных утешений, считая себя оных недостойными; в этом-то и состоит совершенная, смиренная преданность Спасителю. Он шел скорбным путем и даже в молитве Своей к Отцу Своему произнес: прискорбна есть душа Моя до смерти (Матф. 26, 38), но предавался воле Его и нам повелел идти путем креста, а не отрады. Вы, думая найти в утешительных чувствах любовь Божию, ищите не Бога, а себя, т.е. своего утешения, а прискорбного пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими, не имея духовных утешений; напротив, лишение оных нас смиряет, а не возвышает»*.

Потухла свеча. Старец стал на молитву... Молитва в нем не прекращалась, будь он в многолюдствии, за трапезой, в беседе или в тиши ночи. Она источала елей его смиренномудрия.

За год до своей смерти старец предсказал одной тяжело больной помещице: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе». Она скончалась 23 августа 1860 г. Спустя три дня старец внезапно заболел. 30 его соборовали. Он раздавал свои вещи, прощаясь

* «Старец Макарий Оптинский». Харбин, 1940 г., стр. 100.

и наставляя. Народ стекался. За два дня до смерти, по его желанию, его вынесли в переднюю и положили на пол, чтоб посетители смогли видеть его через окно. «К вечеру больному сделалось значительно хуже, и он вновь пожелал приобщиться Св. Таин, что и исполнил в 8 часов, сидя в креслах. Около полуночи старец потребовал к себе духовника и после получасовой беседы с ним попросил читать отходную. “Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!” – восклицал Старец при чтении отходной, обращая свои взоры то на стоявшую у его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, то на особенно чтимую им икону Владимирской Божией Матери. ”Матерь Божия, помози мне!” – так молился Ей, отходящий в путь вся земля батюшка, прося скорейшего разрешения от уз тела»*.

Ночь была очень тяжелой, но и тут через пожатие рук, благословение и взглядами – выражал он свою благодарность ухаживающим за ним. В 6 часов 7 сентября он приобщился Св. Христовых Таин в полном сознании и умилении, а через час, на 9 песне канона на разлучение души от тела – Великий Старец Макарий тихо и безболезненно отошел ко Господу в Чертог Небесный.

Такова краткая история, миру чуждого, великого смиренного мудрца**.

II.

Оптинское книгоиздательство

Отцу Макарию принадлежит неоценимая заслуга и подвиг его в издании святоотеческой литературы.

Дело этого издания было событием первостепенной важности и вот почему: в силу Духовного регламента Петра I и указами 1787 и 1808 гг. печатание книг духовного содержания предоставлено было на усмотрение св. Синода, а согласно цензурному уставу 1804 г., они могли печататься только в духовной

* «Старец Макарий Оптинский». Харбин, 1940 г., стр. 49.

** Глеб Подмошенский, «Прав. Жизнь», 1960 г., № 9.

типографии. Всего лишь одна аскетическая книга – «Добротолюбие» – была напечатана в 1793 г. по распоряжению св. Синода. Таким образом, читатель был лишен духовной литературы. Например, Исаака Сирского можно было достать лишь в рукописи или в заграничном издании Паисия Величковского, и тоже как редкость. Тогда как светская печать породила большое количество переводных произведений западного лжемистического направления, и многие из них, печатавшиеся с дозволения гражданской цензуры, были прямо враждебны Православию. При таком положении вещей начало издательства святоотеческих творений было делом, имеющим историческое значение. Совершилось оно только благодаря покровительству мудрого митрополита Филарета Московского. Эта работа объединила вокруг себя духовно-устремленные интеллектуальные силы. В ней участвовали профессора: Шевырев, Погодин, Максимович, писатель Гоголь, братья Киреевские, издатель «Маяка» Бурачек, Аскоченский, Норов, А. Н. Муравьев и впоследствии Л. Кавелин (арх. Леонид), Карл Зедергольм (о. Климент), и Т. И. Филиппов. Но центром этого дела была Оптиная Пустынь, душою же всего и инициатором и возглавителем был старец Макарий при ближайшем участии И. В. Киреевского, который служил и знанием греческого языка и философских терминов. Он и жена держали корректуру, причем издания делались большею частью на их средства.

Все эти лица, помимо литературных отношений, многие пользовались и духовным руководством старцев. Гоголь писал в Оптину: «Ради Самого Христа, молитесь: мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу и на месте своего странствования быть духом в Оптиной Пустыне» (Ист. опис. Оп. Пуст., Троиц. Лавра, 1902 г., стр. 102).

Началось это дело при следующих обстоятельствах: Ив. Вас. Киреевский – редактор учено-литературного журнала «Москвитянин», предложил старцу Макарию напечатать статью духовного содержания. О. Макарий пожелал поместить жизнеописание старца Паисия. Таковая статья появилась в 12 книге «Москвитянина» за 1845 г. и была украшена портретом старца Паисия.

В следующем 1847 г. о. Макарий гостил у Киреевских в их имении Долбино, где, обсуждая общее духовное положение, старец коснулся о недостатке духовных книг, руководствующих в деятельной христианской жизни. Он упомянул, что у него имеются рукописи творений Св. Отцов, переведенные с греческого старцем Паисием. Н. П. Киреевская сказала, что и она хранит рукописи, доставшиеся ей в наследство от ее покойного старца Филарета Новоспасского. Супруги Киреевские тут выразили пришедшую им на сердце мысль: «Что мешает явить миру эти духовные сокровища?» Старец с обычным смирением отвечал, что он никогда таким делом не занимался и что, может быть, не пришло еще время и нет воли Божией... Киреевские предложили попробовать просить о сем Владыку митрополита, и если не будет удачи, то тогда и они готовы признать, что нет воли Божией. И с этими словами великое дело Божие и было начато: было постановлено, что прежде всего необходимо написать предисловие. Принесена была бумага и прочее, и все трое помолились Богу. Хозяева удалились, оставив старца одного в комнате. Через час он позвал их к себе: первая страница была написана и прочтена. Киреевские, близко знавшие старца Филарета Новоспасского, присоединили сведения о нем. Макарий взял этот листок и показал о. игумену Моисею, который присоединил сведения об архимандрите Александре.

Игумен Моисей и брат его о. Антоний также представили для издания свои рукописи, списанные ими во время их подвижнической жизни в Рославльских лесах, где они подвизались совместно с прямыми учениками старца Паисия, доставившими в Россию списки его переводов. Это были: схимонах Феофан, иеросхимонах Афанасий и его сопостник Досифей, с ними-то, и даже в одной келии поселился Тимофей, как звали до пострига о. Моисея.

Собрав все рукописи, их начали переписывать и готовить для печати.

Киреевские написали профессору Московского университета С. П. Шевыреву, прося его взять на это дело благословение митрополита Филарета. Митрополит не только благосло-

вил, но обещал свое покровительство. Чтобы иметь некоторое представление о том, как м. Филарет принимал близко к сердцу дело оптинского издания, мы приведем выдержку из письма Н. П. Киреевской к старцу Макарию, которая подносила митрополиту только что вышедший печатный экземпляр Варсануфия и Иоанна: «Владыка с большим удовольствием принял книгу, – пишет она, – и сказал: “У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен”. Я просила Владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и Владыка все очень, очень одобрил. Любезно говорил. Я подала Владыке (экземпляр) 3-й сотницы перевода Фалассия. Владыка спросил: “Что это?” – “Остальная сотница Фалассия – самые последние главы 4 сотницы батюшка о. Макарий не перевел, потому что боялся погрешить в изложении сих высоких предметов и оставил это на волю В. В-а, и как Вам Господь возвестит”. – “Напрасно, лучше бы перевели и мне бы помогли. Погодите, сейчас”, – пошел Владыка в другую комнату.

Владыка возвратился, держа в руках 1 сотницу св. Фалассия. “Вот 1 сотница, я ее прочитал, некоторое изменил, в одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что я ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно потому, что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки? Я озабочивался и не знал, как мне им переслать эту сотницу, очень рад, что могу Вам отдать ее!” Потом я спросила: “Когда старцы переписут, то позвольте к Вам обратно доставить?” – “Можно и в цензуру отдать, – как хотите”».

Великое дело издательства творений Св. Отцов началось с выпуском в свет книги «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского». К материалу, напечатанному перед этим в «Москвитянине», было прибавлено: А) предисловие, заключающее в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых ему современных старцев духовной жизни, с которыми он был в духовном и единомысленном общении и Б) всех известных писаний старца Паисия.

Это святое дело продолжалось и при преемнике старца Макария – старце Амвросии.

Бог, как говорил о. Макарий, посылал средства на благое дело через добрых людей, и одно за другим было издано большое количество книг.

Занятия о. Макария состояли в приготовлении к печатанию славянских переводов (снабжение примечаниями малопонятных мест) и перевод некоторых на русский язык. Деятельность в этом отношении о. Макария была изумительна. Он жертвовал для этого дела своим кратким отдыхом, и, не отказываясь от своего старческого подвига в отношении приходящего народа, он неотступно следил за своими помощниками из скитской братии. Всякое слово взвешивалось, обсуждалось и без благословения старца ни одно не вписывалось в рукопись, приготовляемую для типографии. Сотрудниками старца были: о. Ювеналий, о. Леонид и о. Амвросий. Впоследствии – о. Климент (Зедергольм), магистр греческой словесности.

Ввиду того, что издания эти совершались на средства благотворителей, старец Макарий и игумен Моисей щедро рассылали книги во все библиотеки, как академические, так и семинарские, почти всем архиереям, ректорам, инспекторам семинарий и академий, а также во все общежительные монастыри на Афоне.

Вот заглавия изданий, вышедших с 1847 до 1860 года.

1. «Житие и писание Молдавского-го старца Паисия Величковского».
2. «Четыре огласительных слова к монахине».
3. «Преподобного отца нашего Нила Сорского, предание ученикам своим о жительстве скитском».
4. «Восторгнутые класы в пищу души».
5. «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответ на вопрошание учеников» (по-славянски).
6. «Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена, слова весьма полезные (12 слов)».

7. «Оглашение преподобного Феодора Студита».
8. «Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву “Отче наш” и его же слово постническое по вопросу и ответу».
9. «Книга преп. отцов Варсануфия и Иоанна, руководство к духовной жизни» (в русском переводе).
10. «Преп. отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни».
11. «Преподобного отца нашего аввы Дорофея, душеполезные поучения и послания».
12. «Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова».
13. «Преподобного и богоносного отца нашего Марка подвижника, нравственно-подвижнические слова».
14. «Преп. отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, учение об устройении монашеского жительства».
15. «Преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова».

Просветительная деятельность Оптиной Пустыни была значительна. В XIX веке ею выпущено свыше 125 изданий в количестве 225 тыс. экземпляров. Библиотека, собранная о. Моисеем, состояла из 5 тыс. книг.

III.

Письма Оптинского Старца Иеросхимонаха Макария

Старец Макарий великий учитель смирения. «Ибо, – как говорит преп. Исаак Сирский, – смирение и без дел многие прегрешения делает простительными, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание (Слово 46, стр. 202, Серг. Посад 1893).

Старец Макарий не сказал ничего нового от себя, но в его учении, как в тихой водной глади, отразилось все звездное небо святоотеческого учения.

Его духовное учение главным образом запечатлелось в сборниках его писем. Интересно отметить его личные взгляды на современность. Эти взгляды можно назвать «Оптинскими». Их разделяли духовные лица «оптинского духа», как, напр., о. Антоний (Бочков), так думали и мирские «оптинцы», как братья Киреевские и многие другие. В письмах к монашествующим (письмо № 165) Старец пишет: «Сердце обливается кровию, при рассуждении о нашем любезном отечестве России, нашей матушке, куда она мчится, чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения св. нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом; и долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто по неизреченной Его премудрости. А кажется, настает то время, по предречению отеческому: “Спасай да спасет свою душу!”» В письме № 172 Старец говорит: «Нам надобно, оставя европейские обычаи, возлюбить святую Русь и каяться о прошедшем увлечении во оные, быть твердым в православной вере, молиться Богу, приносить покаяние о прошедшем». В следующем письме он пишет: «Благодетельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает, и колеблет православную веру; деньги к себе притягивает».

Подобное неодобрение старцем погони за европейскими обычаями и презрения обществом добрых нравов прежней Св. Руси можно не раз встретить в письмах о. Макария.

Что касается до Алексея Степановича Хомякова, который неизвестно, бывал ли в Оптиной Пустыни и, во всяком случае, не может считаться послушником оптинских старцев, о нем, или о его мировоззрении не встречается никаких отзывов в старческих письмах.

Славянофилы относились отрицательно к византизму. Для Оптиной же Пустыни святые византийские служили базой и основой ее веры и идеологии. Киреевский, который был совершенно единомыслен со старцами и был одного духа с

ними, принимал личное и деятельное участие в издательстве святоотеческой литературы, не может быть назван «славянофилом». Это доказывает незнание истории Оптиной Пустыни и ее значения.

Письма старца Макария вышли в двух книгах: 1) «Собрание писем блаженные памяти опт. старца иеросхимонаха Макария к монашествующим лицам». И приложение: «Две статьи сост. старцем на основании Слова Божия и писаний Св. Отцов и его же выписки о смирении». Изд. Коз. Введ. Опт. Пуст. Москва 1862. 343 стр., и 2) «Собрание писем блаж. памяти опт. старца иеросхимонаха Макария к мирским особам». Изд. Коз. Введ. Опт. Пуст. Москва 1862. 700 стр.

Мы ниже предлагаем читателю семь первых писем из последнего собрания, разобранных И. М. Концевичем незадолго до смерти.

ВВЕДЕНИЕ

«Будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо голое знание надымает человека» (Марк Подвижник).

В основу всякого созидания надо класть правильное основание: от этого зависит доброкачественность и прочность творимого.

Будь это постройка дома в мире материальном, или в сфере умственной приобретение знаний, творчество, или в духовной жизни внутреннее делание, одним словом, во всем, где происходит созидание, все зависит от основания, от фундамента, на котором оно строится. Дом может быть выстроен на камне или на песке; в последнем случае падение его бывает великое, как говорит нам Евангелие.

Мы имеем намерение изучать творения святых отцов, а в ближайшее время письма старца Макария, органически связанные с этими творениями.

Что же мы должны положить в основание нашего этого изучения?

Прежде всего мы должны дать себе ясный отчет в том, что такое представляют собою творения святых отцов. Кроме канонического и литургического богатства в них заключен благодатный многовековой психологический опыт православных подвижников. На протяжении веков восточные аскеты при содействии благодати Святого Духа в совершенстве изучили душу человека, законы ее жизни и путь к духовному ее восхождению. В их творениях разработан и указан правильный и единственный путь к высшему совершенству святости и Боговедению на все времена и для всех народов.

В этих творениях дивное единомыслие, и все органически вытекает одно из другого. Святые отцы в благодати Святого Духа говорили только истину, а потому авторитет их для нас должен быть абсолютным.

Теперь разберем, с каким настроением мы должны подойти к этому делу.

Господь говорит: «Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся» (Мф. 5, 6). Здесь открывается нам закон познания высших духовных истин: целью познания должна быть истина ради самой истины, ради правды Божией в ней заключенной, ради желания ее и любви к ней; и тогда и только тогда она будет открываться нам.

Но может быть и иной подход, когда истина уже не является целью самой по себе, но средством для иных целей.

В этом случае может быть много различных побуждений: и честолюбное стремление достигнуть успеха в жизни, и простое тщеславие – блеснуть богатством своих познаний; может быть и простое любопытство – нахватать побольше всяких сведений. Может быть много еще и иных побуждений.

Во всех этих случаях знание остается поверхностным, внешним; оно не проникает в глубь души и не приносит плода подобно приточному зерну, упавшему на каменистую почву, и может причинить только вред. Истинное познание правды Божией – Евангельских заповедей – непременно влечет и к исполнению их, «будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо голое знание надымает человека» (Марк Подвижник, 4,7).

От такого поверхностного восприятия истины не спасает человека никакое его положение: он может быть и ученым богословом, и ректором Духовной академии, и высочайшим иерархом в Церкви, и подвижником в монастыре, и так далее, не говоря уже о тех, кто живет всецело мирской жизнью.

Принимая это во внимание, мы не будем удивляться тому, что и богословы и иерархи впадали в ереси и учиняли расколы и смуты в Церкви, а прославленные подвижники впадали в прелесть (прельщение) и гибли.

Все это происходит от того, что «строители отвергают камень, который должен лечь во главу угла». Камень же Христос и заповеди Его! Пренебрежение заповедей Божиих ведет к острашенности; всякая же страсть, как дым, застилает умственный взор, и он не может уже постигать истину.

Самый разительный пример этого дает нам Евангелие в лице Иуды-предателя: даже исключительная близость к Спасителю, его апостольское звание не спасло его от гибели. Иуде, как и другим апостолам, была дана власть творить чудеса, изгонять бесов; он был свидетелем бесчисленных чудес и дивных деяний Самого Господа; как апостол Иуда знал сокровенный смысл притчей и учения Христова, ему были открываемы тайны Царствия Божия. И, несмотря на все это, страсть сребролюбия осталась неизцельной; мало того, она возросла до таких чудовищных размеров, что даже подвигла Иуду на предательство своего Учителя.

ПИСЬМА СТАРЦА МАКАРИЯ

Первые сорок писем относятся к одному лицу и охватывают собою период почти в 11 лет: с мая 1840 года по январь 1851-го.

Это лицо молодой богатый помещик. Он служит чиновником, но не по нужде, а ради принесения пользы ближним. Он читает духовные книги, стремится достигнуть бесстрастия, но

оно ему не дается: постоянные «поползновения». Он унывает: «Увы мне! Раб лукавый и ленивый есмь, и потому добыча ада и смерти»; «погибшее овца аз есмь».

В душе его смущение и борьба: он никак не может решить, какой избрать путь в жизни: идти ли в монастырь или оставаться в миру.

Затем замечен в переписке некоторый пробел, может быть, по интимности содержания писем получатель не решился предать их гласности, но возможно, что писем и вовсе не было вследствие личных встреч со старцем.

После этого уже иной период жизни: он женат. Умирает сын-первенец; следуют и другие скорби, и в духовной жизни затруднения и борьба.

По поводу всего этого духовный сын старца обращается к последнему за советом и утешением. Прозорливый старец видит его устройство и дает совет, точно соответствующий нужде; но не от себя, не от своего мудрования, но от святых отцов, которых он знает в совершенстве.

Прозорливость свою старец Макарий так искусно прикрывает, что очень легко ее и вовсе не заметить.

ПИСЬМО 1 (ОТВЕТ)

Приносимая Вами малая жертва – лампада, да будет благоприятна пред Богом.

Она только символ Вашего усердия, а не Ваших благих дел, о коих надобно иметь старание, дабы исправить сердце свое по заповедям Божиим, просить же на сие Его помощи, потому что «без Него не можем творить ничесоже» (Иоанн 15, 5). Но диавол яко «лев рыкающий ходит, иский кого поглотити» (I Петр. 5, 8) сопротивляется благу нашему произволению, ведет с нами брань и привлекает к страстям.

Когда же не успеет сего, то вводит во мнение о своих добродетелях – десными и шуими ратует воина Христова.

Несомненное оружие против него смирение. О нем всемерно должно иметь попечение, как при исправлениях, так и при наших немощах душевных.

Осуждение признаков гордыни, также и гнев.

Желающие себя исправить, но побеждающиеся страстями, промыслительно искус сей приемлют, чтобы смиряли себя хотя бы невольно, и этим привлекли к себе Божию благодать.

Имейте и вы всегдашнее смирение, то и гнев Вами не пообладает; побеждаясь же оным, не смущайтесь, но кайтесь и смиряйтесь, и с помощью Божией оный от Вас отыдет.

ПИСЬМО 2

Предлагаю Вам малое рассуждение не от моего скудного разума, но уповая на Бога разумов и Господа, дающего слово и бессловесным к пользе людей Своих; от слова Его и от писаний Боговдохновенных отцов, кои после деятельной жизни оставили нам в руководство свое учение».

Вера есть основание всех благ, и без веры невозможно угодили Господу (Евр. 11, 6), она же и дар Божий (Марк. 15, 16; Матф. 28, 19–20).

Св. Ап. Иаков учит: «Кая польза, братие моя, аще веру кто глаголет имети, дел же не имать; еда может вера спасти его? Вера аще дел не имать мертва есть о себе... и якоже бо тело без духа мертво есть, тако и вера без дел мертва есть (Иак. II, 14, 17–19, 21, 22, 24, 26).

К нашему спасению нужна не одна вера, но и дела. Слова Ап. Павла: «От дел закона не оправдится всяка плоть» (Рим. 3, 20) относятся к ветхозаветным обрядовым делам, а не к новоблагодатным заповедям.

Мудрование же, что оправдание обретается одною верою, без дел, есть лютеранское, неправославное. Но кто на дела свои надеется даже при вере – заблуждается.

По крещении непременно нужно делание заповедей Божиих, коими сохраняется данная в крещении благодать и по мере успения в них умножается.

Преступая же заповеди, покаянием опять приобретаем благодать. И все это действуется чрез веру, а без веры и к делам покаяния не приступили бы. Везде вера и дела.

Но нельзя думать делами своими заслужить спасение: его доставляют нам заслуги Спасителя.

Должно делать, но не полагать на дела надежду. Полагать же на дела надежду – признак самонадеяния. Егда не подает нам Господь силы к исполнению добродетелей, но паче попускает на нас укрепиться страстям, чтобы мы познали свою немощь и смирились пред Богом, помня заповедь Божию: «Аще и сотворите вся повеленная Вам, глаголите, яко раби неключимы есмы, еже должны бехом сотворити, сотворихом» (Лук. 17, 10). Прочтите в «Добротолубии» и у Марка Подвижника о мнящихся от дел оправдаться (4, 17, 1124).

Зная, что для спасения необходимы дела, и стремясь исполнять их, не находите в себе силы и побеждаясь страстями – смущаетесь и недоумеваете, что делать? Конечно, возложение надежды на Бога и на молитвы угождающих Ему много может помогать в деле нашего спасения, но смущение при поползновениях происходит от духовной гордости. Злые духи сопротивляются нашему спасению: супостат наш диавол яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8).

«Будучи любознателен, будь и трудолюбив, ибо голое знание надмевает человека» (Марк. Подв. 4, 7).

«Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесные» (Ефес. 6, 12).

С такими-то борцами боровшись, надобно на них оружие крепкое иметь, а оно есть смирение, которому они не могут противиться. А без оногo сражаясь с ними самонадеянно и гордо, всегда бываем побеждаемы. Для того Господь и попускает нам падать, чтобы смирились (См. 58 слово Исаа-

ка Сирина; а также Добр. 4, 7 и 46 слова Иоанна Карпафийского). «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19) и «Близ Господь сокрушенным сердцем и смиренные духом спасет» (Пс. 33, 19).

ПИСЬМО 3

Отсечение своей воли и непоставление своего разума (не полагаться на свой разум) есть первое средство к стяжанию смирения, а от одного рассуждения рождается смирение. Но вы, только рассуждая об этом, возмущаетесь умом и сердцем, корень же сего есть самолюбие и гордость.

Вы до сих пор на своем мнении и разуме и своею волею основывали свое исправление и спасение от того и силы Ваши в противоборстве изнемогают, что по причине одного самомнения имеет враг свободный и сильный к Вам приступ. Что делается не рассуждая с повиновением, исполняется весьма легко и спокойно с пользою. (Как враг не терпит того, кто находится в покорении отеческом и какие совершает козни см. Добр. 4, Феодор. Эдесский, гл. 44.)

Вы пишете: «Надобно меньше рассуждать, а стараться, чтобы мысли были заняты молитвою». Но вся Ваша беда в том, что все это зная, не исполняете и при том еще чувствуете, что совершенно будете безответны на Страшном Суде. Если это последнее сильно на Вас действует и смущает, то это козни вражии и плод гордости.

Вы, сознавая себя грешным, не должны отчаяваться, а больше смиряться и дивиться человеколюбию Божию, терпящему Вас и ожидающему Вашего обращения и покаяния. (См. И. Злат. О покаянии.)

«Покаяние есть пластырь прегрешений, потребление беззаконий, отъятие слез, дерзновение к Богу, оружие на диавола, меч, главу его отсекающий, спасения надежда, отчаяния истребление. Оно человеку отверзает небо, оно в рай вводит, оно диавола одолевает.

Грешен ли ты? Не отчаявайся... Оружие Ваше против дьявола неотчаяние Ваше... Ежели во всяк день согрешаешь, во всяк день и каяться должен. Обветшал ли ты сегодня от греха? Обнови себя покаянием... Всю жизнь провел я во грехах, аще покаюся, буду ли спасен? Конечно, будешь!

Потому что с покаянием милость Божия сопряжена, а человеколюбие Божие безмерно, и благодать Его изрещи невозможно, ибо твоя злоба имеет меру, твой грех, каков бы ни был, есть грех человеческий, а милосердие Божие есть неизреченное, то и надейся, что оно одолеет злость твою; вообрази себе искру в море впадшую, может ли она устоять или являться? Сколь мала есть искра против моря, столь мал есть грех противу человеколюбия Божия. Паче же и не столький, но зело меньший поелику море хотя и велико есть, однако меру свою имеет, Божие же человеколюбие беспредельно». (См. также «Добротолюбие», т. III, Петра Дамаскина.) «Вы просите научить Вас стяжать дар молитвы. Это похоже на то, как бы у нищего кто просил богатства. Я сознаю себя в сем отношении в весьма нищенском положении. Как же могу научить тому, чего сам не имею?» Но предлагаю о сем учение Св. Отцов.

Молиться мы должны по долгу нашему, по заповеди Божией и апостольской и учению Св. Отцов о всем, как-то: о сохранении нас, о спасении нашем, о прощении грехов, о ближних наших и о прочем многом, но с великим смирением, и не искать в себе дара. Оный Сам Господь дарует, но достойным того, как пишет св. Исаак Сир., Слово 2:

«Яже Божия, само от себя проходит тебе неоощающую, но аще место будет чисто, а не скверно. Аще ли же зеница очесе души твоя чиста несть, да не посмееша воззрети на округ солнца, да не лишишися и самые тоя зари, яже есть простая вера и смирение, и исповедание сердечное и малая дела, яже по силе твоей, и отвержен будеши во едино место мысленных, еже есть тма кромешная, внешняя от Бога, образ носящая ада, якоже он, обезстудствовавший внити на брак в скверных ризах».

Макария В. (Сл. I, №9): «Глава всякия добродетели и верх исправляемых дел есть непрестанное в молитве пребывание,

чрез что и прочия добродетели испрошением у Бога ежедневно получати можем. Но если смиренномудрием, простодушием и благостью украшени не будем, образ молитвы ничтоже нас воспользует». И учит как должно надо пребывать в молитве: начать с того же, «во-первых, веровати Господу твердо, и предати всего себя глаголам заповедей Его, и отречься мира во всем, дабы ни в чем же из видимых вещей обращался ум, и выну пребывати непоколебимо в молитвах, и не отчаяваться в ожидании Господня призрения и помощи на всякое время, предложение ума своего всегда в Нем имея (Сл. 1, 13).

«Если же кто насилует себя в молитве, пока не получит дарования некоего от Бога; а к смиренномудрию, к любви, к кротости и к прочим добродетелям тем же образом насилия себе не творит, и леностию одержим есть, таковому хотя иногда по прошению его и дается благодать Божия: благ бо есть и милостив Бог, и просящим Его дает по их прошениям; но т.к. не приуготовил себе и не приобрел навыка к реченным добродетелям, то или погубляет благодать, или приемлет и снова падает, или ничтоже преуспеваает, впадая в высокоумие. Селение бо и покой Духа Святого смиренномудрие есть, любовь и кротость и прочия заповеди Господни (Сл. 1, 14).

«Если со смиренномудрием и любовию, простодушием же и благостью соединена не будет в нас молитва, то это не молитва, но только маска молитвы есть, ни единые же пользы принести нам могущая» (Сл. 3, 5).

Видите, какое должно быть приуготовление к молитве и ее прохождение и достижение ее дара. Рассмотрите же себя, на той ли степени вы стоите, и Вашей ли меры достигнуть высоты такой добродетели, которой и удалившиеся из мира и все отвергшие не многие достигли.

Исаак Сирин говорит: «Якоже едва от тем человек един обретається исполнивый заповеди и законная мало недостаточне и достиг в чистоту души; тако един от тысящи обретається сподоблься достигнути со многим охранением в чистую молитву и расторгнути предел сей и получитьи оно таинство. Зане же мнози и чистые молитвы никако сподобившася, но мали к

таинству же оному еже по оней и на об он пол достигнувый, едва обретается в роде и роде благодатию Божиею (Сл. 16)*. А о прежде времени желающих достигнути в какое-либо дарование св. Иоанн Лествичник пишет:

«Загляни в помышление неискусных послушников и обрящешь там мысль заблужденную: обрящешь в ней желание крайнего безмолвия, жесточайшего пощения, неразвлекаемой от разных помыслов молитвы, совершенного славы суетные отвержения, незабвенные смертные памяти, беспрестанного о грехах сокрушения, наикротчайшего безгневия, глубокого молчания и превосходнейшего целомудрия. Они, при вступлении в иноческий подвиг сих добродетелей по особенному Божиему промыслу не достигнув, напоследок в намерении своем обманувшись вовсе от него отпадают. Ибо враг внушает искать их прежде времени с тем, да по довольном в них обращении в настоящую пору оных не получат» (4 Степень).

Прочтите еще в «Добротолубии» 1, Григ. Синаит 8 гл., с половины «простых убо»... и «Те, о прелести», увидите, что память Божия или молитва умная выше всех деланий есть и какое бывает наказание дерзающим самочинно проходить ее.

Все это написал Вам не отводя Вас от молитвы, но предлагая, как опасно искать дара ее прежде времени и самочинно, и выше своей меры.

Видите какая бывает прелесть от сего, ибо:

«Чем кто о большем даре прилежит, тем большим усилением нападение чинит лукавый, почему и нужно пещись о плодах любви, смиренномудрия и прочих» (Макарий Великий, Слово 3, 2), а как думаю, вы сознаетесь в неимении еще смирения, то и опасно высоких искать.

* Перевод: Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты: так из тысячи разве один найдется при великой осторожности, сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство; потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие: сподобились же весьма редкие а достигшие того таинства, которое уже за сею молитвою едва по благодати Божией находятя и из рода в род (Стр. 69. Москва 1893 г. Серг. Посад).

Молитесь просто в определенное время количеством со смирением, от чего рождается и качество, понуждая себя к молитве, о чем пишет Св. Зосима: «Еже бо с нуждою молитися от произволения есть, а еже с покоем се от благодати есть» (Восторгнутые класы. Беседы Св. Зосимы, стр. 166, 184–188).

Св. Петр Дамаскин (Добр. 111, 2 книга, сл. 24): «Даяй молитву молящемуся, сиречь молящемуся добре телесною молитвою, дает Бог умную молитву...»

Рассеянностью в молитве не надо смущаться, но смирять себя и окаевать, что может нас успокаивать, в чем св. Иоанн Лествичник укрепляет, поучая: «Старайся всегда бродящие твои мысли собрать воедино. Бог не взыскивает того, чтобы ты во время молитвы совсем никаких не мог иметь других мыслей; не отчаявайся, будучи мыслями расхищаем, но благодушествуй, созывая всегда бродящие свои помыслы: никогда бо не быти расхищаему мыслями, единому ангелу свойственно» (Ст. 4).

Можно молиться и не в определенное время, а и всегда, но только, принимая меч сей против врагов, надо остерегаться, чтобы не обратить оный против себя, «не у пришедшу времени».

Хотя многие отцы пишут о молитве и действиях ее, но к тем, кто пришли в меру сию и по чину оную проходили; но между тем смотрите, какие делали и предосторожности, зная многое множество подсад вражиих, являемых в виде истины и прельщавших тех, кои дерзновенно приступают к сему священному умному деланию, желающим и ищущим в себе дарование. Исаак Сир. говорит:

«Посему умоляю тебя, святой, да не входит тебе и на помысел это, но больше всего приобрети терпение для всего, что ни бывает с тобою, и в великом смирении и сокрушении сердца о том, что в нас и о помыслах наших, будем просить отпущения грехов своих и душевного смирения.

Одним из святых написано: “Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом”. Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота, что такое здравие, что такое бесстрашие, то писали

не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени; ибо написано, что “не приидет царствие Божие с соблюдением” (Лук. 17, 20) ожидания. И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение, а мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием благогодным Богу; Господне же приидет само собою, если место в сердце будет чисто и неоскверненно. Чего же ищем с соблюдением, разумею Божии высокие дарования, то не одобряется Церковью Божией; и приемшие это приобретали себе гордость и падение, и то не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь» (Исаак Сирин, Сл. 55, стр. 258, рус. изд.).

Кто прежде совершенного обучения в первой части – а именно, полного очищения сердца от страстей внешними подвигами и исполнением заповедей Божиих, стремится перейти ко второй части, т.е. уже умозрительной, ищет высоких духовных дарований, того постигает гнев Божий за то, что не умертвил прежде уды свои «яже на земли» (Кол. 3,5) терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной.

Другими словами, сначала Голгофа подвига, а потом уже слава Воскресения: утешение в молитве и высокие дарования.

И еще: «Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей второй, привлекаемый ее сладостию, не говорю уже своею леностию, постигает гнев за то, что не умертвил прежде уды свои «яже на земли» (Кол. III, 5), т.е. не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной» (Сл. 2, стр. 20, рус. пер.). Первая часть есть «деяние, исполняемое действием яростной части души в претерпении скорбей плотских, очищающее страдательную часть души силою ревности; а вторую – видение, совершаемое тонким деланием ума и божественным принопоучением и пребыванием в молитве и прочими».

Таково учение отцов, которых молитвами да поможет Вам Господь идти путем истинным, смиренным, непрелестным и получить спасение души.

ПИСЬМО 4

Упомянув о причащении св. Таин, говорите:

«Но если на мое окаянство назрит Господь, то едва ли и когда-нибудь буду я допущен к причащению от источника бессмертия. Увы мне! Раб лукавый и ленивый есмь, и потому добыча ада и смерти!»

Ответ:

Считать себя достойным – признак недостойнства. Василий Великий, Иоанн Златоуст говорят: «Вем, Господи, яко недостойне причащаюся»... «Несмы достоин, Господи, да внидеши под кров души моя»...

ПИСЬМО 5

«Однако не подобает нам отчаяваться (не сущим яко же быти подобает). Это зло, потому что ты этим согрешил, человек. Что же ты Бога прогневлешь, и от своего неразумия немощным вменяеши Его. Разве не может спасти твою душу, сотворивший толикий мир ради тебя. Если же говоришь, что и это послужит мне к осуждению, как Его снисхождение, то покайся и примет покаяние твое, якоже блудного и блудницы. Если же и этого не можешь, но по навыковению согрешаеши, хотя бы этого и не хотел, то имей смирение, яко же мытарь, и довлеет и этого для спасения. Ибо непокаянно согрешающий и не отчаявающийся вынужден считать себя хуже всей твари и не дерзает осудить или укорить кого-либо, но больше дивится человеколюбию Божию и благодарным к Благодетелю пребывает и иная многая благая имети может. Если и диаволу в согрешении повинуется, но ради страха Божия преслушает врага, понуждающего его к отчаянию и от сего часть Божия есть». (I Добр. Петр Дамаскин), и еще о том: «О еже яко велие благо есть истинное покаяние: если кто

захочет, опять полагает начало покаянием. Пал ли, говорит, восстани; если снова пал, снова восстань, отнюдь не отчаявайся о своем спасении, если что-либо и будет. Не предавай себя волею врагу и довлеет тебе терпение сие с самоукорением во спасение».

«Ты же отнюдь не отчаявайся, не ведая Божией помощи, может бо, что захочет сотворити, но уповай на Него и одно из сих сотворит тебе: или некими искушениями, или другим образом, ими же Он весть, устроит твое исправление, или примет твое терпение и смирение вместо делания, или иным образом, его же не веси, по упованию соделает человеколюбиво, чтобы спасти бездерзновенную твою душу; но только не оставляй Врача, т.к. за оставление люто потерпишь двойную смерть за неведение сокровенного Божьего намерения».

Кажется, сие должно Вас восставить от рва отчаяния. Я напомнил Вам, что смущение Ваше происходит от духовной гордости. Св. Дорофей говорит: «Если страсть и досаждает нам, мы этим не должны смущаться, потому что это смущение происходит от безумия и превозношения, а также от неведения (незнания) своего устройства и от уклонения от труда, как сказали отцы» (Авва Дорофей).

Желаю Вам умудряться в духовных бранях, познавать козни врагия, и более всего смиряться. Смирение есть сильнейшее оружие против врага и его стрел.

Да укрепит Вас Господь на брани сей, и да увенчает в день он, а теперь не ищите в себе воздаяний: смиренный не видит себя того достойным, а пред Богом велик.

Святые имели себя хуже всей твари в своих помыслах, а Бог их прославил.

ПИСЬМО 6

Слава Богу, даровавшему Вам с жизнью и возможность пользоваться благами оной. Чувствуя неисповедимую благодать к щедротам Его, должны стараться исполнением святых

Его заповедей стяжать любовь Его по слову святых уст Его: «Любуй Мя, заповеди Моя соблюдает» (Иоанн 14, 23).

Вы жалуетесь на недосуги, на волны житейского моря и на невозможность как бы следовало заняться своею душою. Но в житейских волнах при общении с людьми дается нам средство к занятию своею душою, т.е. исполнению заповедей Божиих. Как же мы их исполним, не имея с людьми общения?

Вы еще не такой меры, чтобы могли вести жизнь совершенно отшельническую и уединенную и бороться с одними бесами или наслаждаться умозрением сокровенных таинств, об этом вы уже читали в 55 и 2 словах Исаака Сирина, а Иоанн Лествичник даже след безмолвия не позволяет видеть имеющему о себе мнение.

За исполнение заповедей Божиих должно много потерпеть от мира, плоти и диавола, ибо «хотящие благочестно жити, гоними будут» (II Тим. 3, 12), говорит Апостол Павел, и «хотящий быти друг мира, враг Божий бывает» (Иоанн, 4, 4). «Мудрование плотское вражда на Бога есть» (Рим. 8, 7). «Диавол же, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (I Петр. 5, 8). Вот препятствия нам от сих 3-х врагов к исполнению заповедей Божиих. Враги эти – мир, т.е. страсти, плоть наша и диавол.

Они и в монастыре противятся нам, но в монастыре меньше соблазнов, и в малолюдстве удобнее исполнить заповеди Божии (см. Авву Дорофея об отвержении мира).

Но вы еще не находите себя в силах оставить житейские вещи. Что же Вам делать? Подражать св. Петру, утопавшему в волнах: «Господи, спаси мя, погибаю» (Мф. 14, 31) и св. Давиду вопиющему: «Скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду» (Пс. 142, 8) и «путь неправды отстави от мене» (Пс. 118, 29).

Причина всех Ваших поползновений – гордость: отрасли ее – превозношение, о себе мнение, зазрение людей и осуждение их. Как бы мы ни старались делать добродетели, но при сих действиях они мрачны и не приносят пользу, потому что они-то и суть преступление и сопротивление воле Божией.

Учение Господа и самая жизнь есть кротость и смирение, чему и заповедал нам поучаться от Него. Всех наших зол причина гордость, а всех благ ходатай смирение!

Если даже при исполнении благих дел должны мы иметь сердце сокрушено и смиренно и дух сокрушен, коих Бог не уничижит (Пс. 50, 19), кольми же паче в нищете нашего устроения должны повергать себя в бездну смирения.

Читайте отеческие книги, но более деятельные, потому что при Вашем устроении умозрительные могут принести больше вреда, чем пользы. А из деятельных вы будете познавать свою немощь и смирять свое сердце, и тогда Бог призрит на Вас и пошлет Свою помощь к исполнению Его воли.

А то хоть весь разум Писания будете иметь, но с сомнением никакой пользы не обрящете. Ибо враг умеет строить подсады и прельщать таковых мнимым утешением, как он является и во образе Ангела светла (II Кор. 11, 14), так и в мысленных и душевных деланиях производит свои действия, от которых да избавит Вас Господь (И Тим. 2, 4).

Господь печется о тварях Своих и промышляет по премудрому Своему промыслу и предведению, кого наказует и кого награждает. Судьбы Его нам непостижимы.

ПИСЬМО 7

Вы пишете, что при чтении духовных книг вы приходите в уныние чрез то, что понуждая себя на пост, бдение, молитву, думаете, что делаете это, сами не зная для чего, а надо делать это из любви к Богу, а этой любви в себе не ощущаете. Когда мысль сия отходит и занимает другая, и

страсти одна другой передают Ваше бедное сердце, и просите моего совета.

Ответ: Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией, ибо отцы исполнили Слово Божие, переданное нам в Писании, и прошли его деятельной жизнью и оставили пример в своих учениях.

Если вы читаете только слово Божие, не читая отцов, то, не зная образа жизни и борьбы, думаете, что можете его исполнить и не смиряетесь.

А читая отцов, вы стремитесь исполнить написанное, но, не достигая их меры, познаете свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается.

В «Отечнике» написано:

«Брат, вопроси старца, глаголя: что сотворю, яко чту писания отец и не творю? Отвеща старец: Чтя словеса отеческия и не творя, смиряется и получает милость Божию, а не чтя не смиряется и не получает милости Божией».

Посему не малая польза читать деятельные их поучения.

Исполняемые Вами телесные делания, «сами не зная для чего» – неверно, а совершаете это из любви к Богу, но несовершенной, но как зародыш малый в сердце имея, от веры происходящий.

Читая слово Божие и примеры жизни отцов, победивших страсти и достигших любви Божией, веруем сему и по-нуждаемся исполнять прежде деяния телесные и показать делом любовь к ближнему.

Когда совершаем это правильно, со смирением, то переходим к видению, получаем душевное утешение и любовь Божия (к Богу) показывается нам явственней.

ГЛАВА VIII. И. В. КИРЕЕВСКИЙ (1806–1856)

I.

Ивану Васильевичу Киреевскому одновременно со старцем Макарием принадлежит инициатива великого предприятия – издания Святоотеческих писаний. Благодаря этому начинанию и смогло произойти снабжение этими книгами академий, семинарий, правящих епископов, ректоров и инспекторов, и чтение этой доселе недоступной аскетической литературы могло стать доступным монашествующим и всем духовно настроенным русским людям. Истина Православия воссияла, утвердилась и укрепилась в противовес западным книгам ложного направления. Явление миру этих рукописей – событие, не поддающееся оценке простыми словами.

Другая заслуга Киреевского, как признано в истории русской философии, – это положенное им начало независимой мысли в русской философии и, как утверждает проф. Н. О. Лосский, Киреевский и Хомяков «хотя не выработали системы в философии, но они установили духовное философское движение, которое составляет самое оригинальное и ценное достижение в русской мысли»*.

Основное положение философии Киреевского было следующее: «Учение о Святой Троице не потому только привлекает ум, что является ему, как высшее средоточие всех святых истин, нам откровением сообщенных, но и потому еще, что, за-

* Н. О. Лосский. Лондон, 1952 г., стр. 13 (по английски).

нимаясь сочинением о философии, я дошел до того убеждения, что направление философии зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»*.

Иван Васильевич Киреевский был сыном прекрасных русских людей. Его отец, Василий Иванович, секунд-майор гвардии, был крупным помещиком, владельцем села Долбино в 40 верстах от Оптиной Пустыни. Он отличался необыкновенной добротой. То была истинная, горячая любовь к людям, готовая всегда делить чужое горе, помогать чужой нужде. Всю свою недолгую жизнь В. И. положил на дела милосердия. В 1812 г. он приехал в Орел, близ которого у него была деревня, и оба свои дома – городской и деревенский, отдал под больницы для раненых, приютив, кроме того, многие семейства, бежавшие от неприятеля со Смоленской дороги. Он сам ходил за больными, заразился тифом и умер в Орле 1 ноября 1812 г., в день бессребренников Косьмы и Дамиана, исполнив до конца заповедь Христову.

При всей своей добродетели В. И. был большой оригинал: он был англофил, занимался химией и медициной, сочинения Вольтера он покупал и сжигал. Любил читать, лежа на полу, и мало заботился о своей внешности. Когда они жили в Москве из-за родов его молоденькой жены, он целыми днями пропадал в книжных лавках, оставляя по рассеянности жену без денег, не знавшую, как накормить многочисленную дворню.

Своих крепостных крестьян он наказывал не иначе, как ставил их на поклоны. То же он делал по отношению городских чиновников, когда исправлял должность судьи по выборам. «Нерадение в должности – вина перед Богом», – говорил он.

Его жена, Авдотья Петровна, рожденная Юшкова, была родовитой дворянкой, культурной и образованной. Если он представлял тип моральный, то она – тип эстетический. Одаренная литературным дарованием, она писала, переводила. Любила цветы, поэзию, живопись и сама рисовала. Она помогала Жуковскому в переводах. С ним ее соединяло родство: она была дочерью его старшей сводной сестры – крестной его ма-

* Пол. собр. соч. И. В. Киреевского, том I, стр. 100, Москва 1861.

тери и отчасти его воспитательницы, и была подругой детства Жуковского. Овдовев и выйдя за Елагина, она создала в своем московском доме знаменитый салон, где объединялись для обмена мыслей все выдающиеся и замечательные лица. Это продолжалось многие десятки лет, вплоть до ее смерти.

После смерти Василия Ивановича Киреевского Жуковский прожил более года у своей племянницы. Его личность оставила глубокий след в душе осиротевшего отрока – Вани. Близость между ними сохранилась на всю жизнь.

Отчим – Елагин, дал прекрасное образование своим пацанкам. Они основательно изучили математику, языки – французский и немецкий, и перечитали множество книг по словесности, истории, философии из библиотеки, собранной их отцом. В 1822 г. вся семья для окончания их учения переехала в Москву, где профессора университета давали им частные уроки. Кроме того, Иван слушал публичные лекции по природоведению, читанные М. Г. Павловым, последователем Шеллинга. Товарищем его по учению был А. И. Кошелев. В это время братья Киреевские выучились английскому языку и древним языкам. Но знание таковых было не столь велико, так что Иван Васильевич доучивался впоследствии, когда начались в Оптиной Пустыни переводы Св. Отцов, в чем он принимал деятельное участие. Вскоре Киреевский сдал государственный экзамен, как тогда говорилось, «при комитете» и поступил на службу в Архив Иностранной Коллегии.

Первое литературное выступление Киреевского началось с статьи о Пушкине в «Московском Вестнике» в 1828 г. под заглавием «Нечто о характере поэзии Пушкина». Статья его была едва ли не первой в России попыткой критики серьезной и строго художественной, вызвавшей одобрение Жуковского. В следующем 1829 г. он напечатал в альманахе Максимовича «Денница» «Обозрение Русской Словесности за 1829 год».

В том же году, сделав предложение Н. П. Арбениной и получив отказ, он заболел и поехал доучиваться за границу, где слушал лекции в Берлине и Мюнхене по богословию, философии и истории. В числе профессоров были Гегель и Шеллинг,

с которыми он лично познакомился. Вернувшись через год на родину, он издает журнал «Европеец». Вышло два номера. Журнал был самый благонамеренный, но был заподозрен правительством в скрытой революционной пропаганде. Жуковский едва спас И. В. от административной высылки. С тех пор на Киреевского легла черная тень подозрения в неблагонадежности, которая в течение всей его жизни не дала ему возможности проявлять свои таланты и силы. В 1834 г. он женится, наконец, на любимой им девушке.

После женитьбы Киреевский в течение 12 лет своей жизни в Долбине ограничил свою общественную деятельность исполнением обязанности почетного смотрителя Белевского народного училища, добросовестно относясь к этому делу. Эта жизнь в деревенской тиши казалась одному недоброжелательному «биографу» каким-то сном и бездействием. Но эти годы для него не были потерянными, они прошли в духовном и умственном самоуглублении. Если в юные годы он верил в европейский прогресс и был западником (журнал «Европеец»), то теперь его мировоззрение круто изменилось. Иван Васильевич стал самим собой, тем «Киреевским», образ которого запечатлен в истории нашей духовной культуры. Годы, проведенные в чтении научных книг, расширили его познания. В сороковых годах он делает попытку вновь выступить на арену общественной деятельности, но опять неудачно. Он ищет кафедры при Московском университете и получает отказ. Желание высказать вполне созревшие и глубоко продуманные в деревенской тиши философские убеждения в нем было, однако, настолько настойчиво, что он решается взяться за редактирование журнала «Москвитянин», издаваемого Погодиным (1844). Цензура и тяжелый характер издателя, впрочем, заставляют И. В. К. отказать от этого дела после трех первых книжек журнала.

Здесь надо сказать несколько слов по поводу тех воздействий, которые способствовали и помогли окончательному образованию мировоззрения Ивана Васильевича. С одной стороны, то был брат его Петр Васильевич, с которым его соединяла самая тесная дружба, а с другой – его жена Наталья Петровна.

Петр Васильевич был борцом за сохранение черт русскости в русских людях. В этом был весь смысл его существования – личной жизни у него не было. Он был собирателем древних духовных стихов и народных песен. Поэт Языков называл его: «Великий печальник древней Руси» и «Своенародности подвижник просвещенный».

«Полнота национальной жизни может быть только там, – говорит Петр Киреевский, – где уважено предание и где простор преданию, следовательно и простор жизни...» Всякое «подражание уже средоточит безжизненность. Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем лицо его выразительнее, не похоже на других. То, что называется общечеловеческой физиономией, значит не что иное, как одно лицо со всеми, т.е. физиономия пошлая». Из этого видно, как глубоко сознавал П. В. К. важность сохранения русскими людьми своего своеобразия, своих отличительных черт, чтобы не быть «на одно лицо со всеми» и не утратить своего национального характера. Он глубоко сознавал, какая тяжелая травма была нанесена полтора века перед этим всему русскому народу во внезапной и насильственной европеизации всего его быта.

Мысли Петра Васильевича не прошли даром для его старшего брата. Что касается религиозного отношения, здесь было влияние Наталии Петровны. Иван Киреевский никогда не был неверующим. Еще в бытность в Германии в 1830 г. он советует в письме своей сестре, чтобы она ежедневно читала Евангелие. Но, будучи христианином, Иван Васильевич не был православным церковником. Он был далек от Церкви, как почти и вся среда тогдашнего передового образованного общества. Другое дело была его супруга – духовная дочь о. Филарета Новоспасского. Она в юности ездила в Саровскую Пустынь и имела общение с преп. Серафимом. Поэтому наместник Троицкой Лавры, архимандрит Антоний, в своем письме к ней именует ее «сестрой». Встреча с о. Филаретом Новоспасским была решающим моментом в жизни Киреевского: он стал его преданным духовным сыном. Но дни жизни старца были уже сочтены. После его кончины старцем четы Киреевских стал о.

Макарий Оптинский. Киреевский пишет своему другу Кошелеву: «Существеннее всяких книг и всякого мышления, найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение Св. Отцов». Такое исключительное счастье он имел в лице о. Макария!

Из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной Пустыни, Киреевский ближе всех других подошел к ее духу и понял, как никто иной, ее значение, как духовной вершины, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемой изобилием благодати даров стяжания Святого Духа, и одновременно служение миру во всей полноте, как в его духовных, так и житейских нуждах. Он видел в Оптиной претворение в жизнь мудрости святоотеческой. Будучи философом, он почувствовал, что и высшее познание истины связано с цельностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека. Но это восстановление достигается внутренним подвигом, духовным деланием. И Киреевский в своих философских исследованиях, а именно в учении о познании (гносеология), указал на внутреннюю зависимость (функциональную связь) познавательных способностей человека от духовного подвига, претворяющего естественное, низшее состояние сил человека в духовный высший разум (связал философию с аскетикой)...

При своем служении делу оптинского издательства Иван Васильевич имел возможность в совершенстве изучить святоотеческую литературу, а ранее, получив прекрасное домашнее философское образование и еще дополнив его во время пребывания в Германии, он таким образом был также в совершенстве знаком и с западной культурой. В его лице встретились западная философская традиция с традицией Восточной Церкви. Чем же разрешилась эта встреча двух враждебных начал?

Ответ на этот вопрос дает статья «О характере просвещения Европы по его отношению к просвещению России», напечатанная в 1852 г. в «Московском Сборнике», издаваемом славянофильским кружком. Эта статья навлекла цензурное за-

прещение на сборник; но ничего антиправительственного в ней не было. Смысл статьи таков:

Будучи выученником Запада, зная его в совершенстве, он сурово критикует его культуру. Запад зашел в духовный тупик. Духовная болезнь западной культуры – это «торжество рационализма». В этом ее сущность, как свидетельствует проф. В. Зеньковский: «Обвинение в рационализме всего Запада возникло еще в XVIII в. на Западе же, как во Франции, так и в Германии»*. Киреевский об этой болезни Запада говорит подробно: «Европейское просвещение достигло ныне полного развития, но результатом этой полноты было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Самое торжество европейского ума обнаружило односторонность коренных его стремлений. Жизнь была лишена своего существенного смысла»**. «Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что его собственные коренные начала, из которых оно выросло (т.е. христианство), сделалось для него посторонними и чужими, а прямой его собственностью оказался этот самый разрушивший его анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластный рас судок, эта логическая деятельность, отрешенная от всех познавательных сил человека» (II, 232). Но «Запад, как и Восток, изначала жил верой, но произошло повреждение в самой вере, когда Рим поставил силлогизмы выше сознания всего христианства» (II, 285). Киреевский показал, что из этого повреждения «развилась сперва схоластическая философия вне веры, потом реформация в вере и, наконец, философия вне веры» (II, 284). Западная Церковь подменила внутренний авторитет истины внешним авторитетом иерархии (когда самовольно, без согласия с Востоком изменила символ веры), что «привело к... рационализму, т.е. торжеству автономного разума»***, «повлек-

* Прот. В. В. Зеньковский. Ист. Русск. Философии. Том II, стр. 200. Париж.

** Киреевский. Т. II. Москва 1861, стр. 231.

*** Прот. В. В. Зеньковский, том I, стр. 230.

шему неизбежно распад духовной цельности. Раздвоение и рассудочность – последнее выражение западной культуры»*.

Запад просмотрел восточную мудрость. Его ученые до тонкости изучили все философии с древнейших времен: египетскую, персидскую, китайскую, индусскую и т.д. Но мистика православного Востока для них была закрыта. Мы же унаследовали от Византии сокровища этой духовной мудрости, заключенной в творениях Св. Отцов. И наша историческая задача была построить на богатом византийском наследии новую духовную культуру, которая бы оплодотворила весь мир. Киреевский поставил проблему во всей ее полноте. Он указывает, что русская философия должна строиться на «глубоком, живом и чистом любомудрии святых отцов, представляющих зародыши высшего философского начала» (II, 332). «Путь русской философии лежит не в отрицании западной мысли, а в воспитании ее тем, что раскрывается в высшем знании, где достигается вновь целостность духа, утерянная в грехопадении, но восстановленная в христианстве, а затем ущербленная в западном христианстве торжеством логического мышления»**.

Статья Киреевского, как сказано, была напечатана в славянофильском «Московском Сборнике», и хотя сам Иван Васильевич, отойдя от западников, очутился в окружении славянофилов, из которых Хомяков и особенно Кошелев были его близкими друзьями, но тем не менее, на наш взгляд, причисление Киреевского к «ранним славянофилам» является ошибкой. Во всем собрании его сочинений нет ни единого слова, дающего право на такое наименование. Он боролся, как и его брат, за сохранение черт русской самобытности. Ему, подобно К. Н. Леонтьеву, дороги византийские наши корни, на которых основано Православие. В той же статье им сказано: «Учения Св. Отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола, под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежа-

* Там же, стр. 232.

** Там же, стр. 230.

щий в основе русского быта»*. А в более ранней статье («Ответ Хомякову», 1838) он пишет: «Эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущелиях изучившие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший». Это созвучно словам К. Н. Леонтьева: «Византийский дух, византийские начала и влияния как сложная ткань нервной системы проникает насквозь великорусский общественный организм. Им обязана Русь своим прошлым...» (Византизм и славянство). Неудивительно, что западники считали Киреевского славянофилом по недоразумению. «Я от всей души уважаю Киреевского, – пишет Грановский, – несмотря на совершенную противоположность наших убеждений. В них так много святости, прямоты, веры, как я не видел ни в ком». Герцен с грустью выразился по поводу Киреевского: «Между нами были церковные стены»... Братья Киреевские не примыкали всецело ни к одному из существовавших тогда идеологических течений. Об этом свидетельствует тот же Герцен: «Совершенной близости у него (И. В. К.) не было ни с его друзьями, ни с нами. Возле него стоит его брат и друг Петр. Грустно, как будто слеза еще не обсохла, будто вчера посетило несчастье, появлялись оба брата на беседы и сходки». Печаль эта понятна: ни тогда, ни после Киреевские не были должным образом понятны и оценены. Они до сих пор ждут своего беспристрастного исследователя... Оба они желали обновления национальной жизни. «Что такое национальная жизнь? – спрашивает Петр Киреевский. – Она, как и все живое, неуловима ни в какие формулы. Предание нужно». Это предание понималось ими, как закрепление подлинной русской культуры и преображение ее духом Православия.

В 1856 г. в славянофильском сборнике «Русская Беседа» вышла в свет последняя статья Киреевского: «О возможности и необходимости новых начал для философии». Это и была та статья, которая положила начало независимой мысли в русской философии. Поэт Хомяков посвятил И. В. К. еще в 1848 г. следующие стихи:

* О харак. просв. Европы. Полн. Собр. Соч. т. II, стр. 259. Москва 1861 г.

Ты сказал нам: «За волною
Ваших мысленных морей
Есть земля – над той землею
Блещет дивной красотою
Новой мысли эмпирей.
Распусти ж твой парус белый
Лебединое крыло,
Где тебе, наш путник смелый,
Солнце новое взошло.
И с богатством многоценным
Возвратися снова к нам,
Дай покой душам смятенным.
Крепость волям утомленным
Пищу алчущим сердцам”.

Через несколько месяцев после выхода в свет этой статьи последовала неожиданная кончина (11 июня 1856) ее автора. Иван Васильевич умер от холеры в Петербурге, куда он поехал навестить своего сына, окончившего лицей. Смерть его сильно потрясла всех, его близко знавших. Петр Васильевич умер в том же году.

Французский писатель Грасье, биограф Хомякова, заканчивает свою книгу такими словами: «Он, так же, как Иван Киреевский, скончался внезапно от холеры, так же, как и он, оставил неоконченным труд, им унаследованный, и эта двойная судьба, прерванная тем же случаем, в преследовании той же цели, – должна была бы показать, что истинное величие человека состоит скорее в искании, чем в нахождении, более в попытках, чем в завершении, более в начинании, чем в окончании. Забота о дальнейшем – дело самого Хозяина. И это должно служить утешением доброму труженику, который отходит, чтобы заснуть в мире»*.

Тело Ивана Васильевича Киреевского было погребено в Оптиной Пустыни в скиту у ног могилы старца Льва. Узнав

* A. Gratieux. A. S. Khomiakov et le mouvement Slavophile des Hommes. Paris, 1939, p. 194.

об этом, митрополит Филарет оценил ту великую честь, какая была оказана Оптиной Пустынью ее преданному сыну.

На могильном памятнике И. В. К. выгравировано: «Узрят кончину премудрого и не разумеют, что усовети о нем Господь. Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познав же яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу» (Прем. 8. 2, 21).

II.

Антропология и гносеология философии Киреевского

(Это учение должно быть рассматриваемо в связи с аскетикой, как имеющее непосредственное отношение к ней, связывающее ее с философией и утверждающее вековечное значение аскетического подвига.)

В своем учении о душе Киреевский указывает на ее иерархический строй. В основу учения он кладет «исконный христианский антропологический дуализм»*, различие «внешнего» и «внутреннего» человека. Он различает, выражаясь современными психологическими терминами, «эмпирическую сферу души» с ее многочисленными функциями от ее глубинной сферы, лежащей ниже порога сознания, центральное средоточие которой можно назвать «глубинным Я». Это те силы духа, которые отодвинуты внутрь человека (за порог сознания) грехом, и благодаря чему нарушена та исконная цельность, в которой таится корень индивидуальности и ее своеобразия. Эти силы, этот внутренний человек, закрыт от сознания властью греха. Преодолением греха и «собираaniem» сил души надо стремиться связать эмпирическую сферу с глубинным центром, этим «внутренним средоточием», подчиняя ему эту сферу. «Главный характер верующего мышления, – говорит Киреевский в этом замечательном отрывке, – заключается в стремлении собрать все силы души в одну силу; надо отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть,

* Прот. В. Зеньковский, том I, стр. 222.

прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство и, таким образом, восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости» (II, 337). В этой восстановленной цельности сил иерархический примат принадлежит моральной сфере, от здоровья которой зависит здоровье всех других сторон, или свойств души*.

Основное положение в своем учении о познании (гносеология) Киреевский выражает так: «Тот смысл, которым человек понимает Божественное, служит ему к разумению истины вообще» (II, 306). Другими словами, «познание реальности есть функция Богопознания»**.

Это чрезвычайной важности свойство познавательной способности души лежит в основе гносеологических построений Киреевского и дает ключ к разумению последних. «В основной глубине человеческого разума, в самой природе его, заложена возможность сознания его коренных отношений к Богу» (II 322), т.е. к вере. **Вера, Богопознание – это есть глубокое таинственное единение не только духа человека, но и всей его личности в ее цельности с Богом – этой высшей единственно истинной реальности.**

Подобно этому и познание реальности вторичной, тварной должно касаться не только одного разума, но и «всем существом своим в его целом приобщаться реальности». Глубина познания «овладение реальностью», той истиной, которая в ней скрыта, совершается не одним умственным познанием, но «свечением смысла, его осуществлением во внутреннем средоточии человека»***. Это возможно только в цельности духа, собранности всех его сил.

Но в грехопадении строй души поврежден, и хотя ущерблена также и вера и отодвинута вглубь души, но ей все же осталась присуща та сила, которая может восстановить утерянную цельность духа и в той мере, в какой вера сохранилась

* Прот. В. Зеньковский, том I, стр. 222.

** Там же, стр. 228.

*** Там же.

во внутреннем средоточии духа, она восполняет естественную работу ума и «вразумляет ум, что он отклонился от своей первоестественной цельности, и этим вразумлением побуждает к возвращению на степень высшей деятельности», т.е. подняться выше своего «естественного» состояния. «Ибо православно верующий знает, что для цельности истины нужна цельность разума, и искание этой цельности составляет постоянную задачу его мышления» (II, 311)... «Таким образом, в мышлении верующего происходит двойная работа: следя за развитием своего разумения, он вместе с тем следит и за самым способом своего мышления» (II, 312) (контролирует правильность его деятельности), «постоянно стремясь возвысить разум до того уровня, на котором бы он мог сочувствовать вере» (II, 312), и благодаря этому поврежденность нашего ума по причине распада цельности восполняется тем, что вносит в наш дух вера. Здесь нет места насилию над разумом, которое подрывало бы его свободу и творческие силы, но возведение разума с низшей ступени на высшую.

«Живые истины не те, которые составляют мертвый капитал в уме человека, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и по природе своей не могут быть явными общими для всех, ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного соприкосновения». Познание истины должно быть пребыванием в истине, т.е. делом не одного лишь ума, а всей жизни. Знание «живое» приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в душе одну наружность своей формы». Таким образом, «духовное просвещение» в противоположность логическому знанию связано с нравственным состоянием души и потому требует подвига и нравственного напряжения. «Его можно погасить в себе, если не поддерживать постоянно того огня, которым оно загорелось» (II, 327).

Одно лишь отвлеченное познание влечет за собой «отрыв от реальности» и обращает самого человека в «отвлеченное существо» (II, 305). Разрыв с реальностью начинается в области веры: заболевание духа, распад его сил отражается прежде всего в области веры и вызывает как следствие возникновение «отвлеченного мышления». «Логическое мышление, отделенное от других познавательных сил, составляет естественный характер ума, отпавшего от своей цельности» (I, 276). Это отпадение разума вызывает и утерю высшей познавательной способности, связанной с верой, и «естественный разум» неизбежно опускается ниже своего первоестественного уровня». Разрыв с духовными силами, эта «аморальность» западного просвещения, сообщает ему своеобразную устойчивость, тогда как знание духовное по природе своей динамично, как непосредственно зависящее от все время меняющегося состояния моральной сферы.

Таким образом, Киреевский разрешает основную проблему в гносеологии – согласования веры и разума. Как уже говорилось, вдохновения свои он черпал у святых отцов. Приведем их учение о степенях разума в изложении св. Димитрия Ростовского, чтобы еще полнее осветить это учение о познании.

«§ 1. Разум невозделанный и долгим временем не очищенный есть разум неразумный – неправый и неистинный разум. В разуме бывает различие, как и во всех внешних вещах. Бывает разум совершенный – духовный, бывает разум посредственный – душевный, бывает и разум весьма грубый – плотский.

§ 2. Кто не позаботится самолично пройти тесным путем Евангельским, и будет иметь небрежение об очищении ума, – тот слеп душою, хотя бы и всю внешнюю мудрость изучил, он держится только буквы убивающей, а оживляющего духа не принимает.

§ 3. Правый и истинный разум не может быть удобно углублен в душу без великого и долговременного труда и подвига, а насколько умерщвляется похоть, настолько возрастает и процветает истинный разум. Но подвиг у всех должен быть

сугубый, состоящий из внешнего труда и умного делания: один без другого не совершается.

§ 4. Все те, которые научились внешнему наставлению, о внутреннем же духовном делании – о просвещении и очищении разума вознерадели, – совершенно обезумели, развратились различными страстями, или впали в пагубные ереси». «Не искусиша, не познаша Бога имети в своем разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная» (Рим. 1, 28).

§ 9. Ум, будучи очищен и просвещен, может разуметь все внешнее и внутреннее, ибо он духовен, и судит обо всем, а о нем самом судить никто не может (I Кор. 2, 15)*.

Философия это наука о познании истины. Но истина лишь одна. «Аз есмь Путь, Истина и Живот», – говорит Господь (Иоанн 14, 6). Этот путь и для философской мысли единственный, кто идет иным – «прелазит инуде».

Нагруженный верблюд только на коленях с трудом мог протискиваться сквозь низкие, тесные иерусалимские врата, именуемые «Игольные уши», но еще труднее, несмотря на все усилия, мыслителю, богатящемуся «лжеименным разумом» (I Тим. 6, 20), **войти в Царствие Божие истины и духовной свободы**: «Господь есть Дух, а где Дух, там свобода» (II Кор. 3, 17). «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоанн 8, 31-32).

Основываясь на законе динамичности знания по причине его органической связи с духовной сферой, Киреевский предпологает, что и упадок «самобытной русской образованности», хотя произошел и при неблагоприятных внешних условиях, но и «не без внутренней вины человека». «Стремление к внешней формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках, дает повод думать, что в первоначальном направлении русской

* Дух. Алфавит свят. Димитрия Рост. Москва 1909 г., стр. 38-43.

образованности произошло некоторое ослабление еще прежде петровского переворота» (II, 327). Здесь важно отметить, что начало упадка Киреевский относит к **XV и XVI векам, что совпадает с началом упадка духовного делания, согласно и нашему исследованию.**

Итак, Киреевский положил начало новой одухотворенной философии «цельности духа», которая могла бы стать основанием для развития самобытной русской культуры.

В его лице русское самосознание достигает уже своего полного раскрытия. Русская мысль освобождается от многовекового плена чуждых ей начал, выходит на самостоятельный истинный путь, обращаясь к истокам своего возникновения. Она возвращается в «отчий дом». Но Киреевский не успел совершить задуманный им труд – написать философию, он положил лишь ее основание и указал путь. Смерть унесла его в расцвете его сил. Он погребен в Оптиной Пустыни рядом со старцем Львом. Старец Макарий лег здесь же вскоре. Все, что совершалось в Оптиной, имеет таинственный смысл. Сам митрополит Филарет удивился, какой чести удостоился Киреевский*.

* Жизнь К-го была подтверждением его учения. «Сердце, исполненное нежности и любви, – говорит о нем близко его знавший Хомяков, – ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи, прозрачная чистота кроткой и беззлобной души, какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору, горячее стремление к истине, необычайная тонкость в диалектике в споре, сопряженная с самою добросовестною уступчивостью, когда противник был прав, и с какой-то нежною пощадою, когда слабость противника была явною, тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращение от всего грубого и оскорбительного в жизни, в выражении мысли, или в отношениях к другим людям, верность и преданность в дружбе, готовность всегда прощать врагам и мириться с ними искренно, глубокая ненависть к пороку и крайнее снисхождение в суде о порочных людях, наконец, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрения на себя, но искренно страдавшее от всякого неблагородства, замеченного в других людях, таковы были редкие и неоцененные качества И. В. Киреевского»... (Русский Биограф. Словарь. СПб. 1897, стр. 695).

Писатели и философы следующего поколения хотя и посещали Оптину, но подлинного ее духа уже не охватывали.

Могло казаться, что продолжателем дела Киреевского был В. Соловьев. И действительно, в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии» он взял у Киреевского целиком его мировоззрение: «Синтез философии и религии, взгляд на западную философию, как на развитие рационализма, идеи о цельности жизни, о метафизическом познании. Но он исключил все русские мессианские мотивы и западной мысли противопоставил не русское православие, а туманные умозрения (не христианского) Востока». И в дальнейшем творчестве Вл. Соловьев остается не только вне «любомудрия Св. Отцов», но и вне Православия: он мнил себя выше исповедных разделений и говорил о себе, что он скорее протестант, чем католик. Он приемлет идею спасения по-протестантски: не от дел, а от веры. Отсюда отрицание духовного делания: «грехи постоянно и не кайся никогда»*. Естественно, что познание истины уже не связывается с состоянием моральной сферы и с цельностью духа, как у Киреевского. И Соловьев, благодаря исключительному своему влиянию на современников, использовав вначале идеологию Киреевского, отвел затем пробуждающуюся русскую религиозную мысль от того пути, который указывал ей этот последний.

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» мы находим лишь внешнее описание, сходное с виденным им в Оптиной Пустыни. Старец Зосима вовсе не списан со старца Амвросия, как полагали некоторые.

Сердцем ближе других к Оптиной был Леонтьев, тайный постриженник ее. Там жил он несколько лет, там сложил бремя ошибок и грехов молодости, которые он искупал болезнями и искреннейшим покаянием. Леонтьев – художник слова и один из выдающихся русских мыслителей, о чем свидетельствует его глубокое понимание современной ему жизни и ее проблем, и прозрение судеб России. В своей идеологии он отстаивает греко-российское православие, утверждая, что сущность рус-

* К. Мочульский. Вл. Соловьев. II изд., Париж 1951 г., стр. 52 и 254.

ского православия ничем не отличается от византийского. Те выводы о русской святости, к которым мы пришли в нашем исследовании, находят подтверждение и в словах Леонтьева: «Византийской культуре вообще принадлежат все главные типы той святости, которой образцами пользовались русские люди...» «Афонская жизнь, созданная творческим гением византийских греков, послужила образцом нашим первым киевским угодникам Антонию и Феодосию», «возгоревшейся сердечной верой, еще и долгою политическою деятельностью в среде восточных христиан, я понял почти сразу и то, что я сам лично вне православия спасен быть не могу, и то, что государственная Россия без строжайшего охранения православной дисциплины разрушится еще скорее многих других держав, и то, наконец, что культурной самобытности нашей мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших...»*

Из мыслителей, общавшихся со старцами, дальше всех от оптинского духа был Лев Толстой. По причине его крайней гордости о. Амвросию было всегда трудно вести с ним беседу, которая сильно утомляла старца. После своего отлучения Толстой больше со старцами не виделся. Так однажды, подойдя к скиту, он остановился: какая-то невидимая сила задерживала его у святых ворот. Ясно было, что в нем шла сильная борьба со страстью гордости; он повернулся обратно, но нерешительно вернулся опять. Вернулся он и в третий раз уже совсем нерешительно и затем, резко повернувшись, быстро ушел оттуда и уже больше никогда не делал попыток войти в скит. Только в последние дни своей жизни, можно думать, почувствовав близость конца, и что ему не уйти от суда Божия, Толстой рванулся в Оптину, бежав от своего ближайшего окружения, но был настигнут. И когда оптинский старец о. Варсонофий по поручению св. Синода прибыл на станцию Астапово, дабы принести примирение и умирение умирающему, он не был допущен к нему теми же лицами. Отец Варсонофий до конца своей жизни без боли и волнения не мог вспомнить об этой поездке.

* К. Леонтьев. Москва 1902, т. 6. Письма к Вл. Соловьеву, стр. 332–333, 337.

III.

Письмо И. В. Киреевского к старцу Макарию

(Из пропущенной главы книги С. А. Нилуса

«На берегу Божией Реки», т. II)

«1855 года. 6 июля. Полночь. Искренне-любимый и уважаемый батюшка! Сейчас прочел я ваше письмо из Калуги к Наталье Петровне и теперь же хочу поздравить вас с получением наперсного креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличие не составляют для вас ничего существенного, и что не такие отличия вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали их, однако же все почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому, что это будет приятно для всех любящих вас. Мы всегда видели, как вы внутри сердца вашего носите Крест Господень и сострадаете Ему в любви к грешникам. Теперь та святыня, которая внутри любящего сердца вашего, будет очевидна для всех на груди вашей. Дай, Боже, чтобы на многие, многие и благополучные лета! Дай, Боже, многие лета за то и благочестивому архиерею нашему!

Другая часть письма вашего произвела на меня совсем противоположное действие. Вы пишете, что страдаете от бессонницы и что уже четыре ночи не могли заснуть. Это, кроме того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Думаю, что сон ваш отнимает забота о всех нас грешных, которые с нашими страданиями и грехами к вам относимся: вы думаете, как и чем пособить требующим вашей помощи, и это отнимает у вас спокойствие сердечное. Но подумайте, милостивый батюшка, что душевное здоровье всех нас зависит от вашего телесного. Смотрите на себя, как на ближнего. Одного вздоха вашего обо всех нас вообще к милосердному Богу довольно для того, чтобы Он всех нас прикрыл Своим теплым крылом. На этой истинной вере почивайте, милостивый батюшка, на здоровье всем нам. Отгоните от себя заботные мысли, как врагов не только вашего, но и нашего спокойствия и, ложась на подушку,

поручите заботы о нас Господу, Который не спит. Ваша любовь, не знающая границ, разрушает тело ваше».

Знакомство И. В. Киреевского с благостным старцем нашим, о. Макарием, произошло, по словам супруги Ивана Васильевича, Натальи Петровны, при следующих обстоятельствах.

«Сама я, – так поведала нам Наталья Петровна, – познакомилась с о. Макарием в 1833 году через другого приснопамятного старца, его предшественника, о. Леонида; тогда же сделалась его духовною дочерью и с тех пор находилась с ним в постоянном духовном общении. Иван Васильевич мало был с ним знаком до 1846 года. В марте того года старец был у нас в Долбине*, и Иван Вас. в первый раз исповедовался у него; писал же к батюшке в первый раз из Москвы в конце октября 1846 года, сказав мне:

«Я писал к батюшке, сделал ему много вопросов, особенно для меня важных; нарочно не сказал тебе прежде, боясь, что по любви твоей к нему ты как бы нибудь чего не написала ему. Мне любопытно будет получить его ответ. Сознаюсь, что ему трудно будет отвечать мне».

Я поблагодарила Ивана Васильевича, что он мне сказал, что решился написать к старцу, и уверена была, что будет от старца действие разительное для Ивана Васильевича.

Не прошло часа времени, как приносят письма с почты и два, надписанные рукою старца – одно на имя мое, другое на имя Ивана Васильевича. Не распечатывая, он спрашивает:

– Что это значит? Отец Макарий ко мне никогда не писал!

Читает письмо, меняясь в лице и говоря:

– Удивительно! Разительно! Как это? В письме этом ответы на все мои вопросы, сейчас только посланные.

С этой минуты замечен стал зародыш духовного доверия в Иване Васильевиче к старцу, обратившийся впоследствии в усердную и беспредельную любовь к нему, и принес плоды в 60 и во 100, ибо, познав, «яко не инако одержится премудрость, аще не даст Господь», он, при пособии опытного руководителя, «шел к Господу».

* Имение Киреевского, в Белевском уезде, Тульской губернии.

Иван Васильевич Киреевский и брат его, Петр, вместе с супругой Ивана Васильевича, Наталией Петровной, погребены у Введенского храма Оптиной Пустыни, рядом с могилами великих старцев: Леонида (в схиме Льва), Макария и Амвросия. На памятнике Ивана Васильевича начертана надпись:

«Надворный Советник Иван Васильевич Киреевский. Родился 1806-го года, марта 22-го дня. Скончался 1856-го года июня 12-го дня».

«Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу».

«Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь».

«Господи, прими дух мой!»

Какую премудрость возлюбил Иван Васильевич, ясно видно из слов его старца:

«Сердце обливается кровию, – так писал старец одному своему духовному чаду, – при рассуждении о нашем любезном отечестве, России, нашей матушке: куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое – оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения Святой Православной нашей Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли этому продолжаться? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А кажется, настанет то время, когда, по предречению отеческому, «спасаяй, да спасет свою душу».

Очевидно, не премудрость века сего возлюбленна была и Ивану Васильевичу Киреевскому.

ГЛАВА IX. ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ – ПРАВЕДНИК В МИРУ (1808–1858)

Собиратель древних духовных стихов, былин и народных песен Петр Васильевич Киреевский родился 11 февраля 1808 года.

Тем, кому дорога наша русская сущность, русския черты, русская душа, – тем должна быть дорога память того, кто беззаветно любил Россию и отдал ей все свои силы. Петр Васильевич был борцом за сохранение черт русскости в русских людях. В этом был весь смысл его существования; личной жизни у него не было: как его характеризовал поэт Языков, это был «Ветхо-пещерник», или «Своенародности подвижник просвещенный».

«Полнота национальной жизни может быть только там, – говорит Петр Киреевский, – где уважено предание и где простор преданию, следовательно, и простор жизни. У нас она парализована нашим пристрастием к иностранному. Большая часть из нас в детстве воспитываются иностранцами, в обществе говорят не иначе как по-французски, и когда читают, то исключительно книги иностранные. А потому не удивительно ли, если все родное больше или меньше становится нам чуждым? Кто не слышал русской песни еще над своей колыбелью, и кого ее звуки не провожали во всех переходах жизни, у того, разумеется, сердце не встрепенется при ее звуках. Она не похожа на те звуки, на которых душа его выросла. Либо она будет ему неприятна, как отголоски грубой черни, с которой он

в себе не чувствует ничего общего; либо, если уже в нем есть особенный музыкальный талант, она ему будет любопытна, как нечто самобытное и странное: как пустынная песнь араба; как грустная, м. б., последняя песнь горного кельта в роскошной гостинной Англии. Она ему ничего не напомнит. Подражание уже средоточит безжизненность. Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем лицо его выразительнее, не похоже на других. То, что называется общечеловеческой физиономией, значит не что иное, как одно лицо со всеми, т.е. физиономия пошлая».

Из этого видно, как глубоко сознавал П. Киреевский важность сохранения русскими людьми черт своего своеобразия, своих отличительных черт, чтобы не быть «на одно лицо со всеми» и не утратить своего национального характера.

После Петровских реформ все иностранное предпочиталось русскому, русский быт ушел в глубокую провинцию, сохраняясь в низших слоях общества. Но Пушкинская эпоха была эрой возрождения национального самосознания. Это сознание возникло на почве патриотических чувств, вызванных войною 1812 года. Характерен рассказ Гоголя, видевшего слезы на лице Пушкина при чтении стихотворения Языкова, посвященного Денису Давыдову, герою войны 1812 года, в котором описывается пожар Москвы. Пушкин крепко сознавал себя русским. Он был много обязан русской деревне и старушке няне. По мере роста и зрелости его таланта создаются его чудесные, несравненные русские сказки и «Повести Белкина». В «Капитанской дочке», по словам Гоголя, «в первый раз выступили истиннорусские характеры: простой комендант крепости, комендантша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей...» Пушкин высоко ценил подлинный народный русский язык: «Альфieri изучал итальянский язык на Флорентийском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям: они говорят удивительно чистым и правильным языком», – замечает он. В то же время Лермонтов творит бесмертную «Песнь о купце Калашникове», Крылов – свои един-

ственные в своем роде басни. Гоголь сказал о нем: «Всюду у него Русь и пахнет Русью... даже осел, несмотря на свою принадлежность климату других земель, явился у него русским человеком». В музыкальном мире раздались чарующие звуки русской музыки, творцом которых был Глинка. Но эпоха, в которой рождались русские гении, не была им благоприятна. После декабрьского восстания русское дворянство погубило себя в глазах правительства и возбудило недоверие. Опорой государственности явилась остзейская знать. Такие лица, как граф Бенкендорф, были всемогущи. Пушкин по неосторожности вызвал вражду со стороны надменного шефа жандармов и сделался жертвой подстроенной интриги. Потрясенный смертью Пушкина, Лермонтов за стихотворение «На смерть Пушкина» угодил на Кавказ, где, тоскуя в глухом гарнизоне, погубил себя на дуэли. Лермонтов не был сочувствующим декабристам. Наоборот, он был одним из пророков, предвидевших ужас революции. Но как русский националист вознегодовал против иностранца – Дантеса, дерзнувшего поднять руку на великого русского гения. Между тем, в то время всякое слово против иностранцев вменялось в преступление. Цензура была свирепа и придирчива и читала часто между строк даже то, что не снилось авторам. Как пример строгости можно привести случай с Погодиным, который был оштрафован и посажен на год в тюрьму за то, что по случаю смерти Гоголя выпустил журнал с траурной каймой.

В следующем царствовании наступила сразу без всякой постепенности эра широких свобод, для восприятия которых общество еще не созрело. Это привело к цареубийству и заставило Государя Александра III **могучей рукою удержать русскую «тройку»**, бешено мчавшуюся в пропасть.

Последние два Государя воплощали в себе все чисто русские черты. Мученик-император Николай II любил все русское до самозабвения.

Бывший преображенец А. Ф. Гирс рассказывает в своих мемуарах, что когда профессор С. Ф. Платонов в речи своей офицерам Преображенского полка «стал говорить об основа-

теле полка царе Петре, как о величайшем преобразователе, не имевшем в мире себе равного, Наследник (Имп. Николай II) заметил: «Царь Петр, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадил и здоровые ростки, укреплявшие народное самосознание. Не все в допетровской Руси было плохо, не все на Западе было достойно подражания. Это почувствовала Императрица Елисавета Петровна и с помощью такого замечательного саморodka, каким был Разумовский, ею было кое-что восстановлено»».

Любимым предком Императора Николая II был царь Алексей Михайлович, в память которого было дано имя Царевичу. Перед японской войной графом Шереметевым был устроен бал, на котором вся знать явилась в боярских одеяниях XVII века. Государь и Императрица были одеты в царские одеяния царя Алексея Михайловича и царицы. Государь любил древние иконы, соборы и всю старину. Необычайной красоты в смысле архитектуры и внутреннего убранства был построен в Царском Селе Феодоровский Собор Сводно-гвардейского полка, который одновременно служил и придворным храмом. До этого, зная вкус Государя, походный иконостас этого полка был написан в древнем стиле. Увидев его, Государь сказал: «Вот, наконец, где можно молиться!» Вслед за этим был воздвигнут упомянутый собор в владими́ро-суздальском стиле. Это чудо архитектурной красоты со своим золотым куполом отражалось в прозрачных водах большого пруда. Поодаль находилось здание военного музея в стиле псковско-новгородском XV века и здания казарм Сводно-гвардейского полка в стиле XVI века.

Генерал Спиридович в своих воспоминаниях говорит, что редкий из людей так горячо любил русское искусство, как покойный Государь. «Много раз он выражал сожаление, что русские художники пренебрегали своим национальным искусством и русским стилем, который открывает дорогу творческим возможностям к сокровищу дивной, неистощимой красоты».

Только незадолго до Первой мировой войны, благодаря изучению археологами древнего церковного искусства Ближ-

него Востока, проникло в Россию понимание красоты и значения старых икон. Профессора братья кн. Трубецкие читали свои знаменитые лекции о древней русской иконописи. До этого стенописи в церквах забеливались известкой, и только старообрядцы были ценителями древнего иконописания.

Кроме старины, Государь ничего так не любил, как русские народные песни, и когда он обедал в полковых собраниях, туда приглашались исполнители русских народных песен. Государь любил общение с народом и при удобном случае (напр. Полтавские торжества) по несколько часов беседовал с окружающими его крестьянами, обнаруживая дар простоты и сердечности, вызывавшей доверие и откровенность со стороны народа. Восстановление патриаршества в России было делом только времени, и сам Государь был готов, пожертвовав своей семейной жизнью, взять на себя это высокое служение.

Из вышесказанного легко заключить, как были бы оценены братья Киреевские, живи они при последних двух государях. Но, к несчастью, в их времена – реакции против декабризма, – все факты проявления национального самосознания принимались за бунт против существующего порядка вещей. И всякая личная инициатива заранее была обречена на гибель.

Такая участь постигла при жизни Петра Васильевича его многотысячное собрание народного творчества. Из всего количества только 55 духовных стихов и десятка два песен при нем увидели свет. Очень многое вовсе пропало. Былины позже издал Бессонов со своими комментариями и уже в конце прошлого века случайно обрели в архивном шкафу забытые народные песни, те, что уцелели. Они вошли в позднейшие издания народных песен и то, по-видимому, далеко не все.

«Великий печальник древней Руси» – духовный сын оптинских старцев, Петр Васильевич Киреевский унаследовал черты своего своеобразного характера от своих замечательных родителей. Особенно много общего у него с отцом: как и отец, Петр Васильевич представлял собою яркий моральный тип, та же внутренняя цельность, та же верность долгу. Поэтому, говоря о сыне, нельзя обойти молчанием личности отца.

Василий Иванович Киреевский в молодости служил при Павле, вышел в отставку с чином секунд-майора и поселился в родном Долбине, где выстроил себе новый дом – огромный, на высоком фундаменте, с мраморной облицовкой стен внутри, со множеством надворных строений и великолепными садами. Это был, по-видимому, сильный и оригинальный человек, нравственно из одного куска. Его образованность надо признать редкой для его времени: он знал 5 языков, любил естественные науки, имел у себя лабораторию, занимался медициной и довольно успешно лечил; на смертном одре он говорил старшему сыну о необходимости заниматься химией, и называл ее «божественной наукой».

Он много читал, и знания его, говорят, были очень многосторонни. Пробовал он и писать, и переводил повести и романы, и даже сам сочинял. Он был англоман – любил английскую литературу и английскую свободу. Вместе с тем был очень набожен, ненавидел энциклопедистов и скупал в Москве сочинения Вольтера с тем, чтобы жечь их. Свой дом он вел строго по заветам старины; занятия химией и англоманство несколько не поколебали в нем патриархального духа и не заставили с пренебрежением отвернуться от народного быта; напротив, он сохранил во всей силе ту близость усадьбы с народом, тот открытый приток народного элемента в господскую жизнь, который отличали помещичий быт старого времени. Из 15 человек комнатной прислуги (мужской), 6 были грамотны и охотники до чтения; книг и времени у них было достаточно, слушателей много. Во время домовых богослужений, которые бывали очень часто (молебны, всенощные и т.д.) они заменяли дьячков, читали и пели стройно старым напевом: нового Василия Иванович у себя не терпел, ни даже в церкви. В летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня деревенских и сенных девушек, кружевниц и швей водили хороводы и разные игры: в коршуньи, в горелки, «Заплетись плетень, заплетися, ты завейся труба золотая», или «А мы просо сеяли», «Я еду в Китай-город гуляти, привезу ли молодой жене покупку» и др.; а нянюшки,

мамушки, сидя на крыльце, любовались и внушали чинность и приличие. В известные праздники все бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то в роще крестить кукушек, завивать венки, пускать их на воду и пр. Вообще народу жилось весело, телесных наказаний никаких не было. Главные наказания в Долбине были земные поклоны перед образами До 40 и более, смотря по вине, да стул (дубовая колода, к которой приковывали виновного на цепь). Крестьяне были достаточны, многие зажиточны. К утехам деревенской жизни надо еще прибавить, что сюда к Успеньеву дню (в церкви села Долбина, при которой было два священника, имелась чудотворная икона Божией Матери) стекалось множество народа из окрестных сел и городов, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палаток с красным и всяким товаром, шли длинные густые ряды с фруктами и ягодами; не были забыты и горячие оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василий Иванович не допускал у себя. Даже на этот ярмарочный день откупщик не мог сладить с ним и отстоять свое право «по цареву кабаку». Никакая полиция не присутствовала, но все шло порядком и благополучно. Накануне праздника смоляные бочки горели по дороге, ведшей в Долбино, и освещали путь, а в самый день Успенья длинные, широкие, высокие, тенистые аллеи при церкви были освещены площадками, фонариками, и в конце этого сада сжигались потешные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночке и снопами, наконец, бурак. Все это приготавливал и этим распоряжался Зюсьбир (немец из Любека, управлявший сахарным заводом Киреевского). Несмотря на все эти великолепия, «постромки у карет, вожжи у кучера и поводья у фрейтора были веревочные».

Семейные предания изображают Василия Ивановича человеком твердой воли и непреклонных убеждений. Рассказывают, что вскоре после его женитьбы в 1805 году заехал в Долбино губернатор Яковлев, объезжавший губернию и пожелавший в Долбине переночевать; с ним была многочисленная свита, в том числе его возлюбленная: Василий Иванович не впустил ее

в свой дом, и губернатор принужден был уехать дальше искать ночлега, и потом он не решился мстить Киреевскому.

Одно время Василий Иванович был судьей в своем уезде по выборам; он и здесь внушил к себе уважение своей справедливостью и страх своей строгостью; «Нерадение в должности – вина перед Богом», – говорил он – и назначал неисправным чиновникам земные поклоны, как и своим дворовым. В его записной книжке есть две записи: в одной он упрекает себя в несправедливости однажды по отношению дворового, которого разбранил, другой раз к крестьянину, которому запретил ехать лугом. Это непоколебимое сознание нравственного долга простиралось в нем далеко за пределы семейного и помещичьего обихода: он чувствовал себя гражданином и при случае умел поступать как гражданин. Сохранилось его черновое прошение на имя Государя, где он предлагал способы борьбы с повальными болезнями. В 1812 году, переехав с семьей для безопасности в другую свою вотчину под Орлом, он самовольно принял на себя заведывание городской больницей в Орле, куда во множестве свозили раненых французов. В госпитале царили вопиющие неурядицы и злоупотребления; не щадя сил и денег, всех подчиняя своей твердой воле, Киреевский улучшил содержание раненых, увеличил число кроватей, сам руководил лечением, словом, работал неутомимо; попутно он обращал якобинцев на христианский путь, говорил им о будущей жизни, о Христе, молился за них. Здесь, в госпитале, он и заразился тифом, который свел его в могилу (в ноябре 1812).

Если Иван Васильевич представлял собою моральный тип, – супруга его Авдотья Петровна (рожденная Юшкова) олицетворяла собою тип эстетический. Она принадлежала к родовитой семье и воспитывалась у бабушки – вдовы Бельского воеводы, дамы богатой, важной, начитанной и культурной.

Внучке своей она дала прекрасное образование: с одной стороны, благодаря гувернантке, французской эмигрантке, она освоилась с французской классической литературой. С другой стороны, живя зимой в Москве и вращаясь в дружеском кружке Тургеневых и Соковниных, она разделяла восторг перед Дми-

триевым и Карамзиным. Последний на правах родства бывал в доме ее бабушки. Но главное литературное влияние исходило от В. А. Жуковского – побочного сына ее деда. Они выросли вместе, и он руководил ею в занятиях.

16 лет она вышла за В. И. Киреевского, которому было более 30 лет. Муж внушил ей глубокую религиозность, которую она сохранила всю жизнь. Но до глубокой старости она сохранила свой светлый, живой нрав. Она любила цветы, рисовала и вышивала их, любила поэзию, живопись, обладала юмором и остроумием, ее письма к сыновьям и друзьям очаровательны. Кроме того, она занималась переводами с иностранных языков, которые составили бы много томов, если бы были напечатаны полностью.

Петр Васильевич унаследовал черты характера от обоих своих родителей: от отца его глубокую натуру, а от матери влечение к прекрасному, поэтическое чувство. Сам он рисовал, вырезывал силуэты, играл на рояле. В молодости он любил шутку, но впоследствии потерял жизнерадостность.

Петр Васильевич остался 5-летним сиротой после смерти отца. Он воспитывался со старшим братом Иваном и сестрой Марией. Им было дано блестящее образование их матерью и отчимом Елагиным. Они прекрасно изучили математику, иностранные языки и перечитали множество книг по словесности, истории и философии из библиотеки, собранной их отцом. В 1822 году для окончания их учения семья переехала в Москву. Братья брали уроки у профессоров университета Мерзлякова, Снегирева и др. Оба брата за это время выучились английскому языку, греческому и латыни.

По окончании образования старший брат поступил служить в Московский Архив Иностранных Дел. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят», сказал Пушкин об этой золотой московской молодежи. В ее среде нашлось немало высококультурных и идеалистически настроенных молодых людей, из которых некоторые остались на всю жизнь друзьями Киреевских, как, напр., Веневитинов и Титов. Образовался кружок молодежи, куда вошли Кошелев, Максимович – со-

биратель малороссийских песен, кн. Одоевский, гр. Комаров и братья Хомяковы. С последними на религиозной почве особенно сблизился Петр Васильевич.

В 1828 г. Петр Киреевский поехал за границу слушать лекции знаменитых немецких профессоров. В Мюнхене он застал Тирша, Окена и др., а также знаменитого Шеллинга, у которого Киреевский бывал на дому. Шеллинг отзывался с похвалой о молодом студенте, как о многообещающем юноше. Петр Васильевич также в это время посещал дом поэта Тютчева, который был тогда посланником в Баварии.

Между тем, оставшийся в Москве старший брат Иван Васильевич, человек, обладавший столь же горячим и глубоким сердцем, подвергся душевной ране: любимая девушка, ставшая позднее его женой, отказала ему в своей руке. Замечательно письмо, написанное по этому случаю Петром Васильевичем к старшему брату, которое характеризует внутренний мир писавшего: «С какой гордостью я тебя узнал в той высокой твердости, с которой ты принял этот первый, тяжелый удар судьбы! Так! Мы родились не в Германии, у нас есть Отечество. И, может быть, отдаление от всего родного особенно развило во мне глубокое религиозное чувство, – может быть, и этот жестокий удар был даром неба. Оно тебе дало тяжелое мучительное чувство, но вместе чувство глубокое, живое, оно тебя вынесло из вялого круга вседневных впечатлений обыкновенной жизни, которая быть может еще мучительнее. Оно вложило в твою грудь пылающий уголь; и тот внутренний голос, который в минуту решительную дал тебе силы, сохранил тебя от отчаяния, был голос Бога:

Восстань пророк! И виждь и внемли:
Исполнишь волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Ты хорошо знаешь все нравственные силы России: уже давно она ждет живительного слова, – и среди всеобщего мертвого молчания, – какие имена оскверняют нашу литературу!

Тебе суждено горячим энергическим словом оживить умы русские, свежие, полные сил, но зачерствелые в тесноте нравственной жизни. Только побывавши в Германии, вполне понимаешь великое значение Русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоит поговорить с любым немецким простолудином, стоит сходить раза четыре на лекции Мюнхенского Университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы их опередим в образовании...» Затем он описывает немецких студентов, спящих на лекциях великих ученых профессоров, или читающих романы. «И это тот университет, где читают Окены, Герресы, Тирши! Что если бы один из них был в Москве! Какая жизнь кипела бы в Университете!»

Далее Петр Васильевич говорит о себе: «Что тебе сказать о том, что я делаю в Мюнхене? Я хотя и занимаюсь довольно деятельно, но сделал очень немного; главные мои занятия: философия и латинский язык и отчасти история; но медленность моего чтения не переменилась, и я прочел очень немного: больше пользы получил от виденного и слышанного, и вообще от испытанного.

Самым значительным из моих впечатлений в Мюнхене было свидание с Шеллингом и Океном и три концерта Паганини, который уехал отсюда на прошедшей неделе. Действие, которое производит Паганини, невыразимо: я ничего не слышал подобного, и хотя, когда шел его слушать, готовился ко всему необыкновеннейшему, но он далеко превзошел все, что я мог вообразить, и это воспоминание останется на всю жизнь. Довольно взглянуть на него, чтобы сказать, что это человек необыкновенный, и хотя черты совсем другие, – в выражении глаз его много сходного с Мицкевичем».

Из письма этого виден характер 23-летнего Петра Васильевича, таким он остался до гроба: религиозность, непоколебимая вера в Россию, горячая любовь к брату и убежденность в его высоком призвании и собственная скромность, трудолюбие, постоянство в работе, любовь к музыке.

Старший брат вскоре присоединился к младшему. В сентябре 1830 г. Петр Васильевич с общим их приятелем Рожали-

ным уехал в Вену, где они весело провели время в осмотре произведений искусства и толкотне по городу и его окрестностям. Между тем до них дошла весть об эпидемии холеры в средней России. Иван Васильевич первым бросил свои занятия в Мюнхене и поскакал домой, опасаясь за участь своих родных. Возвратясь в Мюнхен, Петр Васильевич уже не застал там брата и помчался вслед за ним. Еще из Вены, перед отъездом домой, пишет он матери: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался! Это говорится недаром: и я в полноте узнал это вместе и возвышающее, и греющее чувство молитвы только здесь, вне России, вдалеке от вас. Только здесь, где я раздвоен, где лучшая часть меня за тысячи верст, вполне чувствуешь, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою и перед которой благоговеешь, чувствуя полную бессмысленность мысли, чтобы она была без значения, без разума, и остается только один выбор, между верою и сумасшествием. Что до меня касается, то я спокоен, как только можно быть, и делаю все, что могу, чтобы вытеснить из сердца всякое бесплодное беспокойство, оставя одну молитву».

Всех родных по приезде Киреевский застал здоровыми.

Вернувшись в Москву, Петр Васильевич поступил на службу в Архив, где ранее служил его брат. Порученное ему дело (свидетельство иностранных паспортов) его увлечь не могло. Но зато в то же время он имел возможность знакомиться с историческими документами прошлого России, и он постепенно начинает втягиваться в изучение русских исторических памятников и становится глубоким знатоком в области истории Древней Руси.

Начало собирания Киреевским былин, духовных стихов и народных песен относится к 30-м годам, т.е. сразу после возвращения из заграницы. И это навсегда осталось делом его жизни.

Он глубоко верил, что в жизни Древней Руси заложены те начала, которые могут служить залогом для славной будущности России. Он искал эти черты прошлого, еще не совсем исчезнувшие среди народного быта.

Горячо любя русскую народность во всей ее первобытности и простоте, он не гнушался ее в нищенской одежде и относился к простому нищему брату точно так же, как к ученому и богатому, сильному. С палкой в руке и котомкой на плечах странствовал Киреевский пешком по селам и деревням, вдали от больших дорог, туда, где следы старины сохранились живее и ярче, неутомимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей русской жизни. В феврале 1832 г. Авдотья Петровна (мать его) пишет Жуковскому о своем сыне Петре, что он издаст «собрание песен, какого ни в одной земле еще не существовало, около 800 одних легенд, то есть стихов по-ихнему... Когда он в нынешнее лето собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушивание их не райских песен, то городничему показался он весьма подозрительным, он послал рапорт губернатору; то же сделали многие помещики, удивленные поступками слишком скромного такого чудака, который, по несчастью, называется студентом».

После поездок 1831 и 1832 гг. для собирания песен, Киреевский летом 1834 г. предпринял еще одну, последнюю такую поездку, в больших размерах: исходным пунктом был, по-видимому, опять Осташков, уже знакомый ему по прежним розыскам; отсюда он неутомимо разъезжал по ближним и дальним местам, с мая до осени. Дошел до него слух о ярмарке, где-то в Новгородской губернии, которая должна продолжаться целых четыре дня, — «стало быть, можно надеяться на добычу», — он отправляется туда, плывет 40 верст по Селигеру, потом едет 25 верст на лошадях; вернувшись из этого похода, оказавшегося неудачным, он через два дня плывет верст за 12 от Осташкова на какой-то сельский праздник, проводит там три дня и вывозит оттуда 20 свадебных песен, и т.д. В конце июля, оставив Осташков, он пустился по Старорусской дороге, свернул в сторону, чтобы посмотреть верховье Волги, заехал в Старую Руссу и оттуда на пароходе добрался до Новгорода. Здесь он не искал ни песен, ни преданий: «Здесь

только одне могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже тень поэзии несовместна»; но он хотел познакомиться с богатой каменной поэзией Новгорода. И как он умел чувствовать поэзию прошлого! Он сам становится поэтом, когда описывает впечатление, произведенное на него Новгородом. Он увидел его с Волховского моста, в первый раз при заходе солнца; верст за 40 в окрестностях горели леса, и дым от пожарища доходил до города. «В этом дыме, соединившимся с Волховскими туманами, пропали все промежутки между теперешним городом и окрестными монастырями, бывшими прежде также в городе, так что город мне показался во всей своей прежней огромности; а заходящее солнце, как история, светило только на городские башни, монастыри и соборы и на белые стены значительных зданий; все мелкое сливалось в одну безличную массу, и в этой массе, соединенной туманом, было также что-то огромное. На другой день все было опять в настоящем виде, как будто в одну ночь прошли 300 лет, разрушивших Новгород». Он и комнату себе нанял в Новгороде, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, с видом на Кремль и Софийский собор, «самое прекрасное здание, какое я видел в России».

Дело собирания народных песен нашло живой отклик в среде лучших людей того времени: Пушкин прислал песни из Псковской губернии, Гоголь из разных мест России, Кольцов из Воронежа, Снегирев из Тверской и Костромской губерний, Шевырев из Саратовской губ., Попов из Рязанской губ., Кавелин из Тульской и Нижегородской, Вельтман из Калужской, Даль из Приуралья, Якушкин из разных мест, Ознобишин свадебные песни из Псковской губ. Таким образом, собрание Киреевского обнимало почти все великорусские губернии и захватывало часть южных, кроме того, в состав его вошло значительное количество песен белорусских. Киреевский своим личным трудом, или за плату из своих личных средств при помощи местных сил собрал и записал до 500 народных песен из белорусских областей: «От Чудского озера до Волыни и Сурожа (Крым), от Литовского Берестья до Вязьмы и под Можайск».

Еще в 1833 г. пишет Петр Васильевич поэту Языкову: «Знаешь ли ты, что готовящееся собрание русских песен будет не только лучшая книга нашей литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени и будет ими понято, то должно их ошеломить так, как они ошеломлены быть не ожидают!» Далее он говорит, что «в большей части западных государств живая литература преданий почти изгладилась». Он перечисляет европейские сборники народных песен: Вальтер Скотт собрал 77 №-ов шотландских песен. Шведских собрано и переведено на немецкий язык 100 №-ов. Датский сборник не превосходит этого количества. Французских песен не существует. Итальянский беден в поэтическом отношении и включает 100 №-ов; испанских существует два: в одном 68 №-ов, в другом 80. Англия известна своей бедностью и немецкий сборник ничтожен. А «у нас, если выбрать самоцветные камни из всех наших песенников, загроможденных сором (а это, по моему мнению, необходимо) то будет 2000!» Здесь он не считает те песни, которые ему привезет Пушкин, кроме доставленных ему 40 номеров и других из Рыльска от некоего Якимова. Затем он сообщает, что предисловие к сборнику обещано самим Пушкиным. Издать берется Смирдин на свои средства. Цифры, указанные выше, соответствовали началу собирания. Под конец жизни Петра Васильевича число номеров увеличилось в несколько раз.

В течение 25 лет П. В. неослабевающей любовью трудился над песнями. Этот труд сопровождал его всюду; он корпел над песнями и в Симбирской деревне Языкова, и на водах за границую. А было отчего охладеть! Самый способ его работы: установление идеального текста песни с подведением всех вариантов требовал неимоверной усидчивости и крайне утомительного напряжения мысли: работа подвигалась черепашьям шагом. Добро бы еще он мог по мере накопления материала беспрепятственно выпускать его на свет, но при тогдашних цензурных условиях это оказалось невозможным. Через 12 лет после первого замысла о печатании дело не подвинулось ни на

пядь; в 1844 году брат Иван Васильевич писал ему из деревни в Москву: «Если министр будет в Москве, то тебе непременно надобно просить его о песнях, хотя бы тебе к этому времени не возвратили экземпляров из цензуры. Может быть и не возвратят, но просить о пропуске это не помешает. Главное на чем основываться, это то, что песни народные, а что весь народ поет, то не может сделаться тайной, и цензура в этом случае столь же сильна, сколько Перевозчиков над погодой. Уваров верно это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив народные песни, и еще старинные. Это будет смех во всей Германии... Лучше бы всего тебе самому повидаться с Уваровым, а если не решишься, то поговори с Погодиным». Наконец в 1848 году, после многих хлопот, удалось напечатать 55 духовных стихов в «Чтениях Общества истории и древности».

К этим «стихам» Киреевский предпослал предисловие: «Русские песни, – говорил он здесь, – можно сравнить с величественным деревом, еще полным сил, и красоты, но уже срубленным: бесчисленные ветви этого дерева еще покрыты свежей зеленью, его цветы и плоды еще благоухают полнотою жизни, но уже нет новых отпрысков, нет новых завязей для новых цветов и плодов. А между тем прежние цветы уже на некоторых ветвях начинают сохнуть. Уже много из прежних листьев и цветов начинают облетать или глхнуть под бледной зеленью паразитных растений».

Киреевский объясняет, что в его собрание вошли только песни старинные, настоящие, те, на которых сказалось влияние городской моды, исключены. Кроме того было напечатано еще в «Московском Сборнике» в 1852 г. в первом выпуске четыре песни и во втором выпуске двенадцать песен. Т. обр., при жизни Киреевского свет увидели только всего 71 песня из нескольких тысяч им собранных. Как раз после 1848 г. очень усилилась строгость в отношении печатания памятников народного творчества. «Великому печальнику за русскую землю», как называл Петра Васильевича Хомяков, не удалось завершить того дела, на которое он положил все свои силы.

После его смерти его сотрудник Якушкин приступил к разбору его бумаг и заметил страшный недочет: «По крайней мере двух, или трех стоп бумаги, исписанной песнями, не оказалось». «Потом я узнал, что сверх этой страшной потери, — пишет Якушкин, — пропало еще множество бумаг покойного Петра Васильевича, оставленных в Москве». А потом Якушкин был оттерт от этой работы, драгоценное собрание попало в бесконтрольное ведение Безсонова, и если бы Киреевский, пишет его биограф Гершензон, «мог, встав из гроба, увидеть, как издал Бессонов, он м. б. пожалел бы, что не все пропало».

Вот перечень содержания этого сборника (1860–70): «Песни собранные П. В. Киреевским». Первая часть.

Вып. 1. Песни былевые. Время Владимирово. Илья Муромец — богатырь-крестьянин.

Вып. 2. Добрыня Никитич, богатырь боярин. Богатырь Алеша Попович. Василий Казимирович — богатырь дьяк.

Вып. 3. Богатыри: Иван Гостиный сын, Иван Годинович, Данило Ловчанин, Дунай Иванович и др.

Вып. 4 (дополн.). Богатыри Илья Муромец, Никита Иванович, Поток, Ставр Годинович, Соловей Будимирович и др.

Вып. 5. Новгородские и Княжеские.

Вып. 6. Песни былевые исторические: «Москва. Грозный царь Иван Васильевич.

Вып. 7. Москва. От Грозного до Петра.

Вып. 8. Русь Петровская. Государь царь Петр Алексеевич.

Вып. 9. XVIII в. в русских исторических песнях после Петра I.

Вып. 10. Наш век в русских исторических песнях».

Кроме того в сборнике Бессонова «Калики переходящие» около одной пятой части взято из собрания Киреевского. И, как уже было сказано, в конце прошлого века были обнаружены в архивном шкафу Общества Любителей древности бытовые народные песни, собранные Киреевским, которые вошли в позднейшие издания.

Народное творчество является не только ценностью для историка, изучающего древний быт, или для поэта как источ-

ник вдохновения, но значение его, этого творчества, в том, что в нем выявляется дух народа.

В своих песнях и былинах, рассыпая, подобно сверкающим драгоценным камням, свои эпитеты, как «красное солнце», «сине море», «мать сыра земля», он недаром назвал свою родину «Святой Русью», или «Свято-русской землей».

«И то, во что излился дух, – говорит проф. И. А. Ильин, – и человек, и картина, и напев, и храм, и крепостная стена становится священным и дорогим, как открывающийся мне и нам, нашему народу и нашей стране лик Самого Божества». И он продолжает: «Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живет духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него навсегда темной загадкой и странной ненужностью. На безродность обречен тот, у которого душа закрыта для Божественного, глуха и слепа. И если религия прежде всего призвана раскрыть души для божественного, то интернационализм безродных душ коренится прежде всего в религиозном кризисе нашего времени».

Так точно мыслил и Петр Васильевич Киреевский, отдавший свою жизнь служению идеи Святой Руси.

Свои взгляды на историческое прошлое России Киреевский высказал в печати единственный раз в 1845 году в неоконченной статье в третьем выпуске «Москвитянина» под заглавием «О древней русской истории», в ответ на взволновавшую его статью Погодина – «Параллель русской истории с историей западных европейских государств». Погодин развивал здесь модную тогда на Западе теорию (Тьерри, Гизо), которая выводила все формы общественной и государственной жизни западных народов из начального факта: завоевания. Исходя, как из некоей аксиомы, что норманнские князья были пассивно призваны славянами, Погодин отсюда выводил, что древний славянин отличался покорностью и равнодушием и что климат холодный делал человека апатичным и не заботящимся о делах общественных, поэтому славяне легко отрелись от веры отцов и приняли христианство.

Такой хулы на предков Киреевский не мог снести. Он верил и видел в истории, что русский человек именно и велик между всеми народами своей нравственной горячностью, без этой веры мог ли он ждать обновления родины?

На статью Киреевского Погодин возразил: «Вы отнимаете у нашего народа терпение и смирение – две высочайшие христианские добродетели». Но терпение и смирение нельзя смешивать с равнодушием и апатией. Погодин не понимал сущности православной аскетике. «Если бы ваше изображение русского народа было верно, – говорит Киреевский Погодину, – это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства; из его среды никогда не могло бы выйти ничего великого. Если бы он был таков в первые два века своих летописных воспоминаний, то всю последующую историю мы были бы должны признать за выдумку, потому что откуда бы взялась у него энергия и благородство? Или они были привиты ему варяжскими князьями?» Далее Киреевский приводит героические моменты из русской истории: отчаянное сопротивление татарскому нашествию, Смутное время, 1812 год и борьбу за Православие на Западе. Он говорит, что национальный характер не меняется. Этого не понимали Шлецер и другие немецкие исследователи, которые изучали историю по скудным летописным сведениям без связи с предыдущим и последующим. Широко пользуясь аналогиями с древнейшей историей чехов, поляков, сербов и хорватов и пр., Киреевский рисует яркую картину первобытного устройства Руси и показывает, что и до Рюрика были князья, существовало единство племени.

Среди наших ученых большинство составляют норманисты, признающие первых князей варягами. Этот взгляд не разделял великий Ломоносов, который был всеведущ и гениален не только в области наук естественных. По словам одного писателя: «Русская история, родившаяся на односторонней почве византийских хроник и воспитанная на еще более тенденциозных взглядах немецкой исторической науки, должна черпать сведения о древнейших эпохах русской народной жизни

в богатом запасе восточных историков и писателей, которые имели с древними скифами и руссами гораздо больше общения, нежели наши западные и многопозднейшие соседи». По арабским хроникам, россы являлись смелым, воинственным и предприимчивым народом. Что же касается до «призвания князей», проф. Ключевский, рассматривая эту легенду, говорит, что это не более как «схематическая притча о происхождении государства, приспособленная к пониманию детей школьного возраста...» «Факт состоял из двух моментов, – продолжает он, – из наемного договора с иноземцами о внешней обороне и из насильственного захвата власти над туземцами». Этот «захват власти», если он и был, однако не оставил никакого отпечатка на культуре наших предков. Проф. Рязановский говорил недавно на одной из своих лекций студентам Берклейского университета, что из десяти тысяч славянских слов, какие были в обороте в Киевской Руси, нашлось всего лишь шесть слов скандинавского происхождения. Это вполне доказывает полное отсутствие скандинавского воздействия и влияния на жизнь населения Киевской Руси.

И в отношении принятия христианства дело обстояло иначе, чем утверждал Погодин: если на юге оно было принято легко, благодаря продолжительным сношениям с христианскими странами, то, наоборот, в Новгородской области Добрыня и Путята «крестили огнем и мечем», и язычество изживалось медленно. Таким образом, хотя изучение русской истории в те времена и находилось, можно сказать, в зачаточной стадии, но Петр Киреевский своим светлым умом и чистой душой прозревал дальше своих современников и пытался упорным трудом научно обосновать свою веру.

Проф. П. Н. Милюков (человек диаметрально противоположных взглядов с Киреевским) так говорит о достоинстве статьи П. В. Киреевского: «В литературе он, кроме нескольких статей, выступил только с одной значительной статьей в «Москвитянине» в 1845 г., в которой обнаружил хорошее знакомство с древней историей и на основании этого знакомства положил первое основание теории патриархального быта. К

родовой теории западников эта теория стояла ближе, чем общинная теория славянофилов».

Братья Киреевские не примыкали всецело ни к одному из существовавших тогда идеологических течений. Об этом свидетельствует Герцен: «Совершенной близости у него (И. В. К.) не было ни с его друзьями, ни с нами... Возле него стоял его брат и друг Петр. Грустно, как будто слеза еще не обсохла, будто вчера постигло несчастье, появлялись оба брата на беседы и сходки».

Печаль эта понятна: ни тогда, ни после Киреевские не были должным образом поняты и оценены. Они ждут до сих пор своего беспристрастного исследователя.

Оба брата горячо желали отмены крепостного права и необходимых реформ. Но сколь они чуждались лаического европейского либерализма, точно так же осуждали они и возвращение ко всяким отжившим формам, называя такую искусственность «китайством». Они жаждали духовного обновления национальной жизни. «Что такое национальная жизнь? – спрашивает Петр Киреевский. – Она, как и все живое, неуловима ни в какие формулы. Предание нужно...» Предание же, как понимал он, есть закрепление русской культуры и преобразование ее духом Православия.

Сделав попытку изложить в кратких чертах идеологию Петра Киреевского, перейдем теперь к его характеристике как человека и закончим его биографию.

Еще в период их общей юности Иван Киреевский писал в Москву родным (1830) по приезде своем в Мюнхен о младшем брате, который, по его словам, «остался тот же глубокий, горячий, несокрушимо-одинокий, каким был и будет во всю жизнь». Эти слова показывают проникновенное понимание старшим братом внутреннего мира Петра Васильевича. Не менее верны и другие слова его же, написанные немного ранее из Берлина: «Сегодня рождение Петра: как-то проведете вы этот день? Как грустно должно быть ему! Этот день должен быть для всех нас святым: он дал нашей семье лучшее сокровище. Понимать его возвышает душу...»

Действительно, Иван Васильевич много обязан младшему брату своим духовным обновлением. Один из биографов братьев Киреевских (В. Лясковский) говорит так о совершившемся перевороте в душе Ивана Васильевича: Этот «переворот следует назвать не обращением неверующего, а скорее удовлетворением ищущего. Рядом с изменением настроения религиозного совершилось в нем и изменение взглядов исторических. Надобно думать, что здесь вместе с Хомяковым и вероятно еще сильнее, чем он, действовал на Ивана Васильевича Киреевского его брат Петр Васильевич, с которым они постоянно и горячо спорили. Таким образом, если старец Филарет оживил в нем веру, то Петру Васильевичу принадлежит честь научного переубеждения брата, которому он сам отдавал преимущество перед собою в силе ума и дарований...» Окончательный же духовный облик Ивана Васильевича сформировался под влиянием оптинского старца отца Макария. Он созрел духовно и его богатейшая западно-философская эрудиция получила новое просветленное освещение под действием Боговдохновенных святых отцов. Как известно, в период их возмужалости – оба брата достигли полного единомыслия во всем. Петр Васильевич ежегодно гостил у брата в Долбине, находившемся всего лишь в 40 верстах от Оптиной Пустыни. Семья Киреевских была в непрерывном общении с Оптиной и в полном духовном послушании старцу.

Кроме поездок в Долбино Петр Васильевич навещал свою мать в ее имении «Петрищево» и бывал в Москве, где у него был свой небольшой дом. Зимой в Москве встречалась вся семья. «Дом Авдотьи Петровны Елагиной у Красных ворот, – пишет В. Лясковский, – в продолжение нескольких десятков лет был одним из умственных центров Москвы и, быть может, самым значительным по числу и разнообразию посетителей, по совокупности умов и талантов. Если б начать выписывать все имена, промелькнувшие за 30 лет в Елагинской гостинной, то пришлось бы назвать все, что было в Москве даровитого и просвещенного – весь цвет поэзии и науки. В этом – незабвенная заслуга Авдотьи Петровны, умевшей собрать этот блестящий круг.

Время движется своим неудержимым ходом: умирают люди, бледнеют воспоминания. Немногие страницы, написанные живым пером очевидца, сохраняют нам очерки и краски минувшего. Рассказы о Елагинских вечерах разбросаны в записках современников; а один из них сохранил нам и облик ее гостей: в числе их бывал талантливый портретист Эмануил Алекс. Дмитриев-Мамонов. В его рисунках, составляющих так называемый Елагинский альбом, оживает перед нами этот достопамятный век, эти достопамятные люди. Вот один из рисунков: в просторной комнате у круглого стола перед диваном сидит Хомяков, еще молодой и бритый, и, наклонившись что-то читает вслух. Влево от него спокойный и сосредоточенный Ив. Вас. Киреевский слушает, положив руку на стол. Еще дальше виден затылок Панова и характерный профиль Валугева. У самого края слева, отделенный перегородкой дивана, – полный Д. Н. Свербеев в жабо и в очках, засунув руки в карманы, тоже внимательно слушает – сочувствуя, но, очевидно, не вполне соглашаясь. Вправо от Хомякова старик Елагин, с трубкою в большом кресле; Шевырев в беседе с молодым Елагиным; а А. Н. Попов с видом некоторой нерешительности и рядом с ним, у правого края, Петр Вас. Киреевский – спокойно набивающий трубку, и около него огромный бульдог «Болвашка». Картина эта, как большинство мамоновских рисунков, немного карикатурна, но чрезвычайно выразительна и живописна»

Однако если Петр Васильевич ездил к брату или к матери, или бывал в Москве, то бывал он всюду ненадолго. Его постоянным местопребыванием была его деревня «Киреевская Слободка» возле г. Орла, где умер в 1882 г. его отец. Это имение досталось ему после семейного раздела в конце 1837 года. Производство этого раздела выпало на долю Петра Васильевича и стоило ему много сил и забот. «Каков Петрик, – пишет его сестра Мария Васильевна, – совсем деловой человек сделался». Действительно, он хотя и был с одной стороны человеком «не от мира сего», но с другой стороны, свойственная ему исполнительность заставляла его действовать толково и аккуратно.

Таким он был и в отношении собственных дел. «Петр Васильевич, – пишет В. Лясковский, – всей душой полюбил свою «Слободку». С первых же лет своей одинокой деревенской жизни принялся он за разведение сада и леса. И теперь еще приносят плод его яблони и мелькают в березовых перелесках с любовью посаженные им купы елок; вблизи дома еще качает длинными ветвями один из выращенных им грецких орехов... и цветут его любимые персидские сирени...» (написано в конце столетия). Но не одному саду посвящал свои заботы внимательный хозяин. Сохранилась небольшая его записка, на которой отмечен счет всех растущих в имении деревьев, дубов и берез – более 20 тысяч – с подробным указанием, в каком логу сколько чего растет. А о хозяйственной порядливости Петра Васильевича говорят приходо-расходные книги, которые он вел до копейки и до пуда хлеба в течение 20 лет.

Но в те времена вся сила и весь смысл хозяйства заключались не в счетоводстве и не в полеводстве, а в живой связи с крестьянином, в умении разумно пользоваться его трудом, и в искреннем желании, в свою очередь, отдавать свой труд на пользу ему. Немногие понимали эту задачу во всей ее широте: в числе этих немногих был Петр Васильевич. Близкий к народу с детства, он знал его, любил и привык входить в мелкие нужды крестьян. А в голодный 1840 г. он раздал не только своим, но и чужим все содержимое своих амбаров.

Здесь, в «Слободке», Киреевский ушел с головой в книжные занятия. Это был труд, напоминающий труд одинокого рудокопа, который по одному ему известным признакам отыскивает золотоносную жилу. Точно груды земли, выброшенные из глубины на поверхность лопатой, накопились целые корзины выписок и заметок – результат пристального изучения и сличения летописей, актов, исследований. Накопились огромные знания, глаз изощрялся видеть в подземной тьме прошлого, и, что главное, все явственнее обозначались пред взором основные линии этого прошлого – строй национального русского духа, чего именно и искал Киреевский. Он интуитивно знал этот строй в его целостной полноте и любил

его во всех его проявлениях, но ему нужно было еще узнать его иначе – то есть сознательно, или научно, и показать его другим и заставить их полюбить его, как он любил. Оттого он изучал летописи и оттого собирал песни, чтобы сохранить их, чтобы познакомить с ними русское общество, – именно с этой двойкой целью.

Не подлежит сомнению, что в результате этих многолетних розысков и размышлений он выработал себе определенный взгляд на прошлое русского народа, то есть по-своему ретроспективно вывел это прошлое из основных свойств русского национального духа. Но восстановить его мысль невозможно, потому что он откладывал изложение своих мыслей «в связанном виде. «Частью от свойства моих занятий, – как объясняет он Кошелеву, – т.е. раскапывания старины, причем нельзя ни шагу двинуться без тысячи справок и поверок и без ежеминутной борьбы с целой фалангой предшественников, изувечивших и загрязнивших ее донельзя». Смерть его унесла рано – в расцвете умственных и духовных сил, и не было ему суждено довести до конца кропотливых трудов своей жизни... Петр Васильевич говорил и писал на семи языках. В его библиотеке (если считать славянские наречия) заключалось 16 языков. Ни на чем так не отпечатлелся характер Петра Васильевича, как на его библиотеке, которую он старательно собирал в течение многих лет. Это огромное собрание книг, более всего исторических, тщательно подобранных, заботливо переплетенных, с надписью почти на каждой бисерным почерком: «П. Киреевский», со множеством вложенных в них листочков, исписанных замечаниями (нигде не надписанных на полях) – все это свидетельствует о щепетильной точности, о любви к порядку и изяществу, о неимоверной усидчивости и трудолюбии... «Своенародности подвижник просвещенный», как его назвал Языков, был действительным подвижником, и не только в своей работе. Тому, кто не читал его писем, невозможно дать представление об удивительной простоте и скромности этого человека, о его врожденной, так сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно, – что случайно есть, то и хорошо.

Мысль о личном счастье, вероятно, никогда не приходила ему в голову: он жил для других и для дела своей совести.

А он обладал богатыми задатками для радости и счастья не только потому, что был умственно одарен, но потому, что сердце у него было горячее и нежное. Если он кого любил, то любил безраздельно. Так любил он прежде всего брата Ивана, мать, ее детей от Елагина, слишком любил, с постоянной тревогой за них. Он никогда не был женат, и не потому, что так случилось, а потому, что он так решил. Он как-то писал брату: «Ты знаешь, что других детей, кроме твоих, я не хочу, и у меня не будет». Надо полагать, он боялся взять на себя крест новой любви, к жене и детям, потому что всякая любовь обходилась ему слишком дорого... Так любил он и друзей. Еще в молодые годы, сразу после семейного раздела (1837) он увез из Симбирской деревни больного Языкова в Москву, а оттуда за границу и там многие месяцы выхаживал его. После отъезда Киреевского, Языков писал о нем: «Итак, год жизни пожертвовал он мне, променял сладостные труды ученого на возню с больным, на хлопоты и заботы самые прозаические. За терпение, которым он побеждал скуку лазаретного странствования и пребывания со мной, за смирение, с которым он переносил все мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми я умилялся в минуты своих страданий и болезненной досадливости, за все, чем он меня бодрил, укреплял и утешал, за все да вознаградит его Бог Своею благостью».

И точно так же ухаживал он за Титовым, захворавшим в пути, и довозит его до Касселя, уклоняясь от своей дороги; нянчится с Погодиным, когда была больна жена этого последнего.

Но доброта Петра Васильевича простиралась и на совершенно чужих людей. 15 лет прожил в Слободке некий землемер, который попросился всего лишь перезимовать одну зиму. «А я, – жалуется Киреевский, – не нашел в голове благовидной причины ему отказать; и именно теперь, когда я желал не видеть ни одного человеческого лица!» Мало того, бедные родственницы этого землемера заняли помещение в московском его доме.

Впечатление, которое производил Петр Васильевич на людей, его знавших, кто бы они ни были, – друзья или политические противники, совершенно единодушно, все находились под обаянием его личности. И точно, не только Хомяков называл его «чудной и чистой душой», но и Герцен преклонялся перед его благородством. В 1840 г. Герцен писал о нем: «Странный, но замечательно умный и благородный человек». И еще в 1855 г., когда они давно разошлись и принадлежали к враждебным лагерям, Грановский еще за ним, да за И. С. Аксаковым, признавал «живую душу и бескорыстное желание добра». Другой «враг», И. С. Тургенев, в те же поздние годы дружил с Киреевским: «На днях я был в Орле, – пишет он, – и оттуда ездил к Петру Васильевичу Киреевскому и провел у него 3 часа. Это человек хрустальной чистоты и прозрачности – его нельзя не полюбить». Но еще больше выигрывал он, что редко бывает при близком знакомстве; тем людям, которые имели с ним в течение долгого времени ежедневное общение, он внушал чувство, близкое к благоговению, как это видно по воспоминаниям А. Марковича и П. И. Якушкина. В газетном некрологе К. Д. Кавелин писал о нем: «Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, беспримерное и неизменное его прямотушие и простота делали этого замечательного человека образцом, достойным всякого подражания, но которому подражать было очень трудно».

С внешней стороны Петр Васильевич был простой степной помещик – с усами, в венгерке, с трубкой в зубах и с неотступно следовавшим за ним всюду водолазом «Кипером», которого крестьяне называли «Ктитором». Он любил охоту, и к нему часто приезжали московские друзья поохотиться. Надобно было поговорить с ним, чтобы угадать ту громаду знаний, которая скрывалась за этой обыденной внешностью.

Он начал серьезно хворать уже с конца 40-х гг., а с 1853 г. у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болезни, которую врачи определяли то как ревматизм, то как болезнь печени. Он переносил эти припадки один в своей Слободке, иногда подолгу дожидаясь врача, без всякой мнитель-

ности, только досадуя каждый раз на болезнь, как на помеху, и огорчаясь, что она делает его «кислым», или «пресным». Родным он в это время писал трогательные письма, в которых заверял, что говорит всю правду о своей болезни, и умолял не беспокоиться. Его письма к родным вообще удивительно хороши, столько в них любви, нежности, доброты. В одном из них к матери есть такие строки (обращенные к Ек. Ив. Елагиной, жене его единоутробного брата Василия): «А это как же могло быть, чтобы я сердился, голубушка Катя? Хотя уже давно ты ко мне не писала, но я из этого не заключал, чтобы ты обо мне забыла, а только ждал, что авось либо дескать захочется и ей написать». Таков тон его писем.

11 июня 1856 г. внезапно умер в Петербурге И. В. Киреевский. Этой потери Петр не мог перенести.

4 ноября в «Петербургских Ведомостях» появился некролог, написанный Кавелиным: «25 октября в 5 ч. утра скончался в своей орловской деревне П. В. Киреевский, пережив своего брата И. В. Киреевского лишь несколькими месяцами. Короткое письмо, из которого заимствовано это печальное известие, содержит немногие об этом подробности: Петр Васильевич умер с горя от кончины брата, которого нежно любил. В течение двух месяцев и 4 дней он страдал разлитием желчи, страшно мучился от этой болезни и находился в мрачном состоянии духа; но до конца всегдашняя чрезвычайная кротость ему не изменяла. Он умер в совершенной памяти, с полным присутствием ума; за минуту перед смертью перекрестился и сам сложил на груди руки в том положении, как складывают их обыкновенно покойникам». Его последние слова были: «Мне очень хорошо». При нем была мать, братья Елагины и др. Похоронили его в Оптиной Пустыни, рядом с братом.

ГЛАВА X. СТАРЕЦ АМВРОСИЙ (1812–1891)

Старец иеросхимонах Амвросий родился 23 ноября 1812 года в с. Большой Липовице Тамбовской губ. и того же уезда, от пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Новорожденного назвали во св. крещении Александром в честь Благоверного В. К. Александра Невского, память которого пришлось в самый день рождения младенца. Имя это носил и благословенный царь Александр Павлович и, ввиду того, что в это самое время происходило отступление из России Наполеоновской армии, причинившей столько разрушений и горя, есть основание думать, что в этот день многострадальная Русь особо праздновала день Святого, тезоименного Царю Благословенному. Среди крестьян с. Липовицы наблюдалось большое праздничное движение. Перед рождением младенца к деду его, священнику этого села, съехалось много гостей. Родительница была переведена в баню. 23 ноября в доме о. Феодора была большая суматоха, — и в доме был народ, и перед домом толпился народ. Старец шутливо приговаривал: «Как на людях я родился, так все на людях и живу».

У причетника Михаила Федоровича всех детей было восемь человек, четыре сына и четыре дочери; Александр Михайлович был шестым из них.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смысленый мальчик. Он предан был детским забавам, так сказать, всем своим существом; и потому в доме ему не сиделось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного из младших

детей своих. Мальчик обыкновенно садился за скучную для него работу, но лишь до тех пор, пока мать, занятая домашними делами, не упускала его из виду. Тогда осторожно пробирался он к окну, так же осторожно открывал его и мгновенно исчезал из комнаты, чтобы порезвиться со своими сверстниками. Рассказывал еще сам старец и еще о некоторых своих детских проказах: как однажды он было полез под крышу за голубями, но упал и ободрал себе спину; между тем никому из домашних не посмел сказать об этом, боясь еще наказания за шалость. А в другой раз, несмотря на замечание матери, не переставал стегать у себя на дворе одну смирную лошадку, которая, выйдя из терпения, поранила его копытом в голову. Понятно, что за подобное поведение Александра не любили в семье. К нему не имели особенного расположения ни дед, ни бабка, ни даже родная мать, которая более всего любила старшего своего сына Николая и младшего Петра.

Смышленный Саша очень хорошо понимал свое неловкое положение среди не любившей его родной семьи, хотя, может быть, и не знал тому причины, а м. б. отчасти и знал, да не мог и не умел вести себя так, чтоб заслужить любовь старших членов семьи. Тем не менее по временам ему досадно было, что его младший братишка пользуется сравнительно с ним особенной всесемейной любовью. «Однажды, – так впоследствии передавал сам Старец, – очень раздосадованный этим, я решил отомстить брату. Зная, что дед мой не любит шуму, и что если мы, дети, бывало расшумимся, то он нас всех без разбора, и правого и виноватого, отдерет за чуб, я, чтобы подвести своего братишку под тяжелую руку деда, раздражил его. Тот закричал, и выведенный из терпения дед отодрал и меня, и его. А последнее мне и нужно было. Впрочем, мне и помимо деда досталось за это порядком и от матери, и от бабки». Рассказывая про свои детские проделки, смиренный старец укорял себя перед слушателями: «Покаюсь перед вами, – делал я то-то и то-то».

На самом деле, он был просто живой ребенок, как ртуть, и не был в состоянии ходить по струнке, как требовалось в строго патриархальной семье.

По обычаю того времени, учился он читать по славянскому букварю, часослову и псалтири. Каждый праздник он вместе с отцом пел и читал на клиросе. Он никогда не видел и не слышал ничего худого, т.к. воспитывался в строго церковной и религиозной среде.

При наступлении поры учения юноша был определен сначала в духовное училище, а потом в семинарию. Из строгой семейной обстановки он попал по тому времени в еще более строгую – школьную. Способности его были исключительные. Говорил его товарищ по семинарии: «Тут, бывало, на последние деньги купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же (Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать, – точно как по писанному, лучше всех». В июле 1836 года Александр Гренков прекрасно окончил курс наук при добром поведении.

Сначала Александр Михайлович служил домашним учителем, а потом поступил наставником в Липецкое духовное училище.

Вскоре он тяжело заболел. Надежды на поправление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь.

Хотя он и выздоровел, но внутренняя борьба продолжалась еще долго. Александр Михайлович был по природе жизнерадостным, веселым, душою общества. Вот как сам Старец рассказывает об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых 4 года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлять своей словоохотливости... Придешь домой – на душе непокойно; и подумаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда, – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости и опять наболтаешь. И так я мучился целых 4 года». Для облегчения душевного он стал по ночам уединяться и молиться, но это вызывало насмешки товарищей, над ним издевались.

Летом 1839 года по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру Александр Михайлович вместе с другом своим П. С. Покровским заехали в Троеруково к известному затворнику о. Илариону. Святой подвижник принял молодых

людей отечески и дал Александру Михайловичу вполне определенное указание: «Иди в Оптину, ты там нужен». Впоследствии сам старец Амвросий полагал, что о. Иларион указал на Оптину вследствие процветавшего там старчества. Как известно, у преп. Серафима, скончавшегося шесть лет до этого, не было учеников среди саровских монахов, и потому в Сарове не существовало преемственного старчества.

Покровскому о. Иларион дал разрешение еще пожить в миру. Он поступил в Оптину позднее.

Вернувшись в Липецк, Александр Михайлович, по своим словам, продолжал еще «жаться» и не сразу мог решиться порвать с миром. Случилось это, однако, после одного вечера в гостях, когда он был особенно в ударе, смешил всех присутствующих до упада. Все были веселы и довольны и в прекрасном настроении разошлись по домам. Что же касается до Александра Михайловича, если и раньше в таких случаях он чувствовал раскаяние, то теперь его воображению живо представился его обет, данный Богу, вспомнилось ему горение духа в Троицкой Лавре, и прежние долгие молитвы, воздыхания и слезы, определение Божие, переданное через о. Илариона, и наряду с этим почувствовал свою несостоятельность и шаткость своих намерений.

Наутро решимость на этот раз твердо созрела. Александр Михайлович решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства.

Будучи уже в Оптиной, он доложил о своем намерении Тамбовскому архиерею. Он опасался, что уговоры родных и знакомых поколебают его решимость, и потому ушел тайно.

Мы видим из этого рассказа, какими чертами характера обладал по натуре о. Амвросий: его невероятную живость, сметливость, выдающиеся способности все схватывать на лету, общительность, остроумие. Это была сильная, творческая, богатая натура.

Впоследствии все эти качества, составлявшие его сущность, не исчезли в нем, но по мере его духовного возрастания преобразались, одухотворялись (сублимировались), прони-

кались Божией благодатью, давая ему возможность, подобно Апостолу, стать «всем вся», чтобы приобрести многих.

Прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал при жизни самый цвет ее монашества: таких ее столпов, как игумен Моисей, старцы Лев (Леонид) и Макарий. Начальником скита был равный им по духовной высоте иеросхимонах Антоний, брат о. Моисея, подвижник и прозорливец.

Кроме них среди братии было немало выдающихся подвижников: 1. Архим. Мельхиседек, древний старец, в свое время удостоенный бесед со свят. Тихоном Задонским.

2. Флотский иеромонах Геннадий, подвижник, бывший дважды духовником Императора Александра I.

3. Иеродиакон Мефодий, прозорливый, лежавший 20 лет на одре болезни.

4. Бывший Валаамский игумен Варлаам, имевший дар слез и добродетель крайнего нестяжания. Приходили воры. «А вас, батюшка, воры обокрали?» – спросили его. «Что же красть-то? Щепки, что-ли?!» – улыбнулся старец. Он был сотаинник преп. Германа Аляскинского, в юные их годы на Валааме.

5. Иеродиакон Палладий. Тоже нестяжатель. Созерцатель. Знаток церковного чиноположения.

6. Иеросхимонах Иоанн. Из раскольников. Незлобивый. С детской простотой. С любовью давал советы. Всеми любимый.

7. Иеромонах Иннокентий – духовник старца Макария. Любитель безмолвия, и другие.

Вообще все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей: простота (нелукавство), кротость и смирение – были отличительными признаками оптинского монашества. Младшая братия старалась всячески смиряться, не только перед старшими, но и перед равными, боясь даже взглядом оскорбить другого и при малейшем поводе немедленно просили друг у друга прощение.

В такой высокого духовного уровня монашеской среде оказался новоприбывший молодой Гренков.

Сначала он жил в гостинице, переписывая для старца Льва книгу о борьбе со страстями: «Грешных Спасение».

В январе 1840 года он перешел жить в монастырь, пока еще не одеваясь в подрясник.

В это время шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения и еще не последовал от калужского архиерея указ настоятелю Оптинскому о принятии в обитель учителя Гренкова.

В апреле 1840 года Александр Михайлович Гренков был, наконец, одет в монашеское платье. Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом (правило и службы). Работал на хлебне, варил хмелины (дрожжи), пек булки и был здоров.

Затем в ноябре 1840 года его перевели в скит. Оттуда молодой послушник не переставал ходить к старцу Льву для наидания.

В скиту он был помощником повара целый год. Ему часто приходилось по службе приходиться к старцу Макарию, то благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным поводам. При этом он имел возможность сказать старцу о своем душевном состоянии и получить ответы. Цель была: чтобы не искушение побеждало человека, а чтобы человек побеждал искушение.

Старец Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных побуждений испытывал при людях его смирение. Делал вид, что гремит против него гневом. С этой целью дал ему прозвище «Химера». Под этим словом он подразумевал пустоцвет, который бывает на огурцах. Но за глаза про него говорил: «Великий будет человек».

При конце жизни старец Лев призвал батюшку о. Макария и сказал ему об о. Амвросии: «Вот человек больно ютится к нам старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь».

Думается, что эти полы великих старцев были для близкого к ним ученика подобием милоти Илииной, брошенной на Елисея.

После смерти старца Льва брат Александр стал келейником старца Макария (1841–46). В 1842 г. он был пострижен в

мантию и наречен Амвросием (память 7 декабря). Затем последовало иеродиаконство (1843), а через 2 года (1845) – рукоположение в иеромонахи.

Для этой цели (посвящения) о. Амвросий поехал в Калугу. Был сильный холод. О. Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду, отразившуюся на внутренних органах. С этих пор он уже никогда не мог поправиться по настоящему.

Вначале, когда о. Амвросий еще как-то держался, однажды приезжал в Оптину преосв. Николай Калужский. Он сказал о. Амвросию: «А ты помогай о. Макарию в духовничестве. Он уж стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». О. Амвросию было тогда 34 года. Ему часто приходилось иметь дело с посетителями, передавать старцу их вопросы и давать от старца ответы. Так было до 1846 г., когда после нового приступа своего недуга о. Амвросий был вынужден по болезни выйти за штат, будучи признан неспособным к послушаниям и стал числиться на иждивении обители как инвалид. Он с тех пор уже не мог совершать литургии; еле передвигался, страдал от испарины, так что передевался и переобувался по несколько раз в сутки. Не выносил холода и сквозняков. Пищу употреблял жидкую, перетирав теркой, вкушал очень мало.

Несмотря на болезнь, о. Амвросий остался по прежнему в полном послушании у старца, даже в малейшей вещи давал отчет ему.

Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовление к изданию святоотеческих книг. Им была переведена на легкий общепонятный славянский язык «Лествица» Иоанна, игумена Синайского.

«Можно думать, – говорит составитель его жития, – что эти книжные занятия имели для о. Амвросия и весьма воспитательное значение в жизни духовной. Один из участников этих занятий, между прочим, пишет: «Как щедро были мы награждены за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слы-

шали уши наши: это объяснения Старца Макария на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто не посмел бы и спросить его; а если бы и дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, это не моей меры; может быть ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце, тогда и поймешь».

Этот период жизни о. Амвросия являлся как самый благоприятный для прохождения им искусства из искусств – умной молитвы. Однажды старец Макарий спросил своего любимого ученика о. Амвросия: «Угадай, кто получил свое спасение без бед и скорбей?» Сам старец Амвросий приписывал такое спасение своему руководителю старцу Макарию. Но в жизнеописании этого старца сказано, что «прохождение им умной молитвы, по степени тогдашнего духовного его возраста, было преждевременным и едва не повредило ему».

Главною причиною сего было то, что о. Макарий не имел при себе постоянного руководителя в этом высоком духовном делании. Отец же Амвросий имел в лице о. Макария опытнейшего духовного наставника, возшедшего на высоту духовной жизни. Поэтому он мог обучаться умной молитве действительно «без бед», т.е. минуя козни вражия, вводящие подвижника в прелесть, и «без скорбей», приключающихся вследствие наших ложно-благовидных желаний, которыми мы себя часто обманываем. Внешние же скорби (как болезнь) считаются подвижниками полезными и душеспасительными. Да и вся, с самого начала, иноческая жизнь о. Амвросия под окормлением мудрых старцев шла ровно, без особых преткновений, направляемая к большему и большему совершенствованию духовному.

А что стяжание при помощи Божией высокой умной молитвы есть, так сказать, венец, или завершение спасения, содеваемого на земле человеком, можно видеть из слов Иоанна Лествичника, который определил молитву «пребыванием и соединением человека с Богом; ибо кто соединился с Богом и пребывает в Нем, тот, хотя еще находится в сем бренном теле, но уже спасен».

Что слова о. Макария относились к о. Амвросию, можно видеть еще и из того, что о. Амвросий в последние годы жизни своего старца достиг уже высокого совершенства в жизни духовной. Ибо как в свое время старец Лев называл о. Макария святым, так же теперь и старец Макарий относился к о. Амвросию.

Но это не мешало ему подвергать его ударам по самолюбию, воспитывая в нем строгого подвижника нищеты, смирения, терпения и др. иноческих добродетелей. Когда однажды за о. Амвросия заступились: «Батюшка, он человек больной!» – «А я разве хуже тебя знаю? – скажет старец. – Но ведь выговоры и замечания монаху это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; а без сего монах заржавеет».

Еще при жизни старца, с его благословения, некоторые из братии приходили к о. Амвросию для откровения помыслов.

Вот как об этом рассказывает о. игумен Марк (впоследствии окончивший жизнь на покое в Оптиной): «Сколько мог я заметить, – говорит он, – о. Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему ежедневно для откровения помыслов и почти всегда заставал его за чтением святоотеческих книг; если же не заставал его в келье, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в корреспонденции с духовными чадами, или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставал его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец всегда ходил перед Богом, или как бы всегда ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: «предзрех Господа предо мною выну» (Пс. 15, 8), а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Чрез сие он всегда был сетованен, боясь как чем не оскорбить Господа, – что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне по обыкновению пред ним на колена и получившему благословение, он бывало весьма тихо сделает вопрос: “Что скажешь, брате, хорошенького?” Оза-

даченный его сосредоченностью и благоумием, я бывало скажу: “Простите, Господа ради, батюшка, м. б. я не вовремя пришел?” – “Нет, – скажет старец, – говори нужное, но вкратце”. И, выслушав меня со вниманием, преподаст полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовно отнотившихся к нему, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение свв. Отцов». Если же о. Марк жаловался о. Амвросию на кого-либо обидевшего его: «Старец, бывало, скажет плачевным тоном: “Брате, брате! я человек умирающий”. Или: “Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом, – и успокоишься”. Такой ответ вызывал в душе о. Марка самоукорение и он, смиренно поклонившись Старцу и испросив прощение, уходил успокоенный и утешенный, “как на крыльях улета!”».

Кроме монахов о. Макарий сближал о. Амвросия и с своими мирскими духовными чадами. Видя его беседующего с ними, старец Макарий шуточно промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает».

Так старец Макарий постепенно готовил себе достойного преемника. Когда же старец Макарий преставился (7 сент. 1860), хотя он не был прямо назначен, но постепенно обстоятельства так складывались, что о. Амвросий стал на его место.

После смерти архимандрита о. Моисея настоятелем был избран о. Исаакий, который относился к о. Амвросию, как к своему старцу до самой его смерти. Таким образом в Оптиной Пустыни не существовало никаких трений между начальствующими лицами.

Старец перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин. И целых 30 лет (до отъезда в Шамординскую женскую общину) он простоял на Божественной страже, предавшись служению ближним.

Старец был уже тайно пострижен в схиму, очевидно, в момент, когда во время его болезни жизнь его была в опасности.

При нем было два келейника: о. Михаил и о. Иосиф (будущий старец). Главным письмоводителем был о. Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в православие, ученейший человек, магистр греческой словесности.

Для слушания утреннего правила поначалу он вставал часа в 4 утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали: утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы: третий, шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он выслушивал стоя.

После молитвы и чаепития, начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденную пору. Пища съедалась старцем в таком количестве, какое дается трехлетнему ребенку. За едой келейники продолжали ему задавать вопросы по поручению посетителей. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить отуманенную голову, старец приказывал прочесть себе одну или две басни Крылова. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся – и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнее обессиление и болезненность старца, день всегда заключался вечерним молитвенным правилом, состоявшим из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал почти без чувств. После правила старец испрашивал прощение, елика согреши делом, словом, помышлением. Келейники принимали благословение и направлялись к выходу. Зазвонят часы. «Сколько это?» – спросит старец слабым голосом; ответят – «Двенадцать». «Запоздали», – скажет.

Через два года старца постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, совсем ослабело. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и должен был причащаться в келии. В

1868 г. состояние его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на поправление. Была привезена Калужская Чудотворная Икона Божией Матери. После молебна и келейного бдения и затем соборования здоровье старца поддалось лечению, но крайняя слабость не покидала его во всю его жизнь.

Такие тяжелые ухудшения повторялись не раз; старец говорил о себе: «Иногда так прижмет, что думаю, вот конец!»

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденный к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: «Сила Божия в немощи совершается». Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой гигантский труд не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать здесь явно присутствовала и содействовала.

Таким просветленным, пронизанным насквозь Божией благодатью и был в действительности великий старец о. Амвросий. «Совершенно соединивший чувства свои с Богом, – говорит Лествичник, – тайно научается от Него словесам Его». Это живое общение с Богом и есть дар пророческий, та необыкновенная прозорливость, которой обладал о. Амвросий. Об этом свидетельствовали тысячи его духовных чад. От старца не было сокрыто, ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Приведем слова о старце одной его духовной дочери: «Как радостно забьется сердце, когда, идя по темному лесу, увидишь в конце дорожки скитскую колокольню, а с правой стороны убогую келейку смиренного подвижника! Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете. Сколько людей перебывало здесь! И приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные – утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся – верными чадами Церкви. Здесь жил «батюшка» – источник стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние – не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только

душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. С утра и до вечера, удрученный недугом, старец принимал посетителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались с верою и были законом. Благословение его, или особое внимание, считалось великим счастьем; и удостоившиеся этого выходили, крестясь и благодаря Бога за полученное утешение.

С утра и до вечера к нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъясняя его и давая ответ. Но в продолжении 10–15 минут такой беседы решался не один вопрос, в это время о. Амвросий вмещал в своем сердце всего человека – со всеми его привязанностями, желаниями – всем его миром внутренним и внешним. Из его слов и его указаний было видно, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех любимых этим человеком, его жизнь, все, что ему дорого. Предлагая свое решение, о. Амвросий имел в виду не просто одно само по себе дело, независимость могущих возникнуть от него последствий, как для лица, так и для других, но имея ввиду все стороны жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряжение, чтобы разрешать такие задачи? А такие вопросы предлагали ему десятки человек мирян, не считая монахов и полсотни писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. Слово старца было со властью, основанной на близости к Богу, давшей ему всезнание. Это было пророческое служение.

Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог придти к нему и молчать, а он знал его жизнь и его обстоятельства и зачем он сюда пришел. Отец Амвросий расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку по тому, как и какие вопросы он ставит, было ясно, что батюшке все известно. Но иногда по живости природы это знание выказывалось наружу, что всегда приводило старца в смущение.

ние. Однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У старца был еще один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить: «Болит, шибко болит», как старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?» Но сразу смутился и продолжал: «Ты ведешь-то себя хорошо ли? Хороший ли ты сын?»

Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как то весело, тепло и хорошо, без заботливого взора, который говорит, что вот он сейчас для вас придумывает и скажет что-нибудь очень хорошее, без того оживления во всем – в движениях, в горящих глазах – с которым он вас выслушивает, и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет, и что вы ему ближе, чем сами себе.

От живости батюшки выражение лица его постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами одушевленным молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление. Когда вы хотели, чтобы он сказал, как вам поступить, то решительно принимался качать головой, когда он отсоветывал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно глядя на вас – все ли вы понимаете – начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

Во все время беседы на вас зорко глядят выразительные черные глаза батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видят вас насквозь, со всем, что в вас дурного и хорошего, и вас радует, что это так, что в вас не может быть для него тайны.

Голос у батюшки был тихий, слабый, – а за последние месяцы он переходил в еле слышный шепот.

Чтоб понять хоть сколько-нибудь подвижничество о. Амвросия, надо себе представить, какой труд говорить более 12 часов в день, когда язык от усталости отказывается действовать, голос переходит в шепот, и слова вылетают с усилием, еле выговариваемые. Нельзя было спокойно смотреть на страшно изнеможенного старца, видя его голову, падающую

на подушку; слыша, как язык его еле говорит, когда он при этом старался подняться, подробно рассуждать о том, с чем к нему приходили.

Созидающая деятельность была у него в крови. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь частные люди, он с горячностью принимался обсуждать и давать свои пояснения. Он любил бодрых, сообразительных людей, соблюдающих слова: «сам не плошай» – и давал благословение, а с ним и веру в удачу самым смелым предприятиям.

Один помещик, зять оптинского монаха, часто посещавший Оптину и старца, однажды пришел к батюшке, который к нему обратился со словами: «Говорят (батюшка очень любил употреблять слово “говорят” для прикрытия своей прозорливости), около тебя выгодное имение продается, – купи».

Помещик удивился. «Продается, батюшка – и как бы хорошо купить, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами – хоть дешево, а у меня денег нет».

«Денег... – повторил тихо батюшка, – деньги-то будут». Потом они перешли к другим разговорам. На прощание о. Амвросий сказал: «Слышишь – имение-то купи». Помещик отправился домой на своих лошадях. По дороге жил его дядя, богатый, но страшно скаредный старик, избегаемый всей родней. Так случилось, что пристать было негде и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает: «Отчего ты не купишь имение, которое около тебя продается: хорошая покупка!» А тот отвечает: «Что спрашиваешь, дядюшка! Откуда мне столько денег взять?» – «А если деньги найдутся: хочешь займы дам?» Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло еще и недели, барину докладывают, что пришли купцы торговать лес. Лес этого имения они хотели купить не весь, а часть его. Стали говорить о цене: «Мы с тобой, барин, торговаться не будем – цену сразу поставим», и назвали ту цену, за которое было куплено все имение. Приходит к батюшке состоятельный орловский помещик, и между прочим

объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Батюшка уже весь охвачен этим водопроводом. «Люди говорят, – начинает он со своих обычных в подобных случаях слов, – люди говорят, что вот как всего лучше», – и подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете; оказывается, что батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной. «Ну, что водопровод?» – спрашивает батюшка. Вокруг яблоки гнили, а у этого помещика – богатый урожай яблок.

Приехала к старцу почетная женщина, о которой сочли нужным немедленно доложить ему. «У меня все равны – сказал старец, – мышка и маленькая, да пойди, поймай ее».

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет цену и свои последствия; и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однажды остановила старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то колели, и хозяйка хотела ее рассчитать. «Батюшка! – обратилась она к нему со слезами, – сил моих нет; сама над ними недоедаю, – пуще глаз берегу, а колют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый». Присутствующие смеялись над ней. А старец с участием спросил ее, как она их кормит, и дал ей совет как их содержать иначе, благословил ее и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индюшки у бабы уже не колели.

Что касается исцелений, им не было числа, и перечислить их в этом кратком очерке невозможно. Эти исцеления старец всячески прикрывал. Посылал больных в Пустынь к преп. Тихону Калужскому, где был источник. До старца Амвросия в этой Пустыни не было слышно об исцеленных. Можно думать, что преп. Тихон стал исцелять по молитве старца. Иногда о. Амвросий посылал больных к свят. Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцелялись на пути туда и возвращались назад благодарить старца. Иногда он как бы в

шутку стукнет рукой по голове, и болезнь проходит. Однажды чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец, верно, сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Зная такую повадку старца, некоторые бабы обращались к нему: «Батюшка Абросим! Побей меня, у меня голова болит».

Люди исцелялись не только от немощей, но и от неисцельных болезней.

Приведем лишь один случай. Рассказывала монахиня Шамординской общины Агриппина. «Весной 1882 года на Пасху заболело у меня горло, – образовалась в нем рана, и я не могла ни есть, ни пить. Доктор объявил, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась к батюшке. Он и говорит мне: «Из колодезя, что за скитом, бери в рот воды и ежедневно положи горло до трех раз». Через три дня он сам позвал меня к себе. Достав из-под подушки три яйца и скушав желтки, вложил белки один в другой. Потом благословил о. Иосифу, келейнику, принести воды из колодезя. Благословив воду, он велел ей растереться, вернувшись к себе в келию, а яичные белки съесть.

По приходе в келию меня растерли водой и дали мне яичные белки, которые я проглотила без боли. После этого я спала целые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болезнь моя прошла, и я совершенно выздоровела. Немедля я отправилась к старцу. Монахини меня не узнали, подумав, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же меня встретил и благословил, сказав, что меня исцелил св. Тихон Калужский. С тех пор я не страдала горлом. Когда я объявила доктору о своем исцелении, он сказал, что это совершилось надо мною чудо и что болезнь моя естественными средствами не могла быть излечена».

Автор настоящей книги Иван Михайлович Концевич во время войны в 1915 г. провел летние каникулы в Оптиной Пустыни. Ежедневное хождение в скит всегда было поучительно для молодого студента, но старцы, занятые приезжими посетителями, которые к ним приходили со всякими скорбями,

специально не уделяли времени юному пришельцу. Они отдали его «на воспитание» отцу Иосифу (Полевому), опытному в духовной жизни, прожившему в Оптиной десятки лет. В миру – директор банка, он был широкообразованным человеком. В течение двух месяцев, проведенных И. М. в Оптиной, часто после церковных служб о. Иосиф приглашал И. М. в свою келью. В беседе с ним перед молодым студентом раскрывался духовный мир.

От о. Иосифа И. М. услышал случай из жизни старца Амвросия, не попавший в его жизнеописания.

Однажды старец Амвросий согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьянском быту ведь сущая беда! Приблизившись к павшей лошади, старец стал трижды медленно ее обходить. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка!», и лошадь послушно поднялась на ноги.

Старец поучал народ народными же пословицами и поговорками с присущим ему юмором. Самую глубокую мудрость вкладывал он в меткие и остроумные слова для более легкого усвоения и запоминания.

Напр., «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного». «Не хвались горох, что ты лучше бобов: размокнешь – сам лопнешь».

«Отчего человек бывает плох? – Оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет нечто, тот потеряет».

«Благое говорить – серебро рассыпать, а благоразумное молчание – золото».

Одной особе, стыдившейся признаться в грехе, он сказал: «Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывают?» Она залилась слезами, бросилась старцу в ноги и призналась в своем грехе.

«Праведных ведет в царство Божие Апостол Петр, а грешных Сама Царица Небесная».

В День Всех Святых батюшка сказал: «Все они были, как и мы, грешные люди, но покаялись и, принявшись за дело спасения, не оглядывались назад, как жена Лотова». На замечание, что мы все смотрим назад, батюшка пояснил: «За то и подгоняют нас розгами и бичом, т.е. скорбями да неприятностями, чтобы не оглядывались».

Осуждавшей других, старец сказал: «У них, м. б., есть такое тайное добро, которое выкупает все другие в них недостатки, и которых ты не видишь. В тебе же много способности к жертве. Но Господь сказал: Милости хочу, а не жертвы. А милости-то у тебя и мало... Свои жертвы видишь и ими превозносишься. Смиряться больше духом, – смирение и дела заменяет. Терпи все невзгоды и предавайся Богу».

Такими и многими другими словами поучал и спасал приходящий к нему народ.

Но старцу, как и другим святым, было свойственно являться по мере нужды людям, находившимся в обстоянии, или наяву, или во сне, для оказания им помощи. Вот несколько случаев.

Прибыл к старцу в Шамордино человек Божий, именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, кого Господь уподобил детям, сказав, что таковых есть Царствие Божие (Лук. 18, 16). Он жил в Ливенском уезде Орловской губернии и был расслаблен, тряся всем телом и еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали; он лежал и молился Богу. Замечали, что ему многое открыто. Последнюю весну ему явился о. Амвросий, и он встал на ноги и объявил, что идет в Шамордино. Но т.к. ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать хотела его возить по железной дороге, но он пошел пешком. Старца он встретил под Шамордином. Тот тихо ехал откуда-то. Вокруг него был народ. «Батюшка! – закричал Гаврюша своим малопонятным языком, – ты меня звал, я пришел». Батюшка тотчас вышел из экипажа, подошел к нему и сказал: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тут»...

Передавал скитский иеромонах Венедикт: г-жа Карбоньер была тяжело больна и лежала на одре несколько дней, не вста-

вая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к постели, берет ее за руку и говорит: «Вставай, полно тебе болеть». Она в то же время почувствовала себя настолько крепкою, что могла встать и на следующий день отправилась пешком из г. Козельска в Шамордино, где проживал тогда батюшка, и поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил.

Другой рассказ: «Выйдя из ограды, я обратил внимание на какое-то особое движение в группе женщин. Какая-то довольно пожилая женщина с болезненным лицом, сидя на пне, рассказывала, что она шла с больными ногами пешком из Воронежа, надеясь, что старец Амвросий исцелит ее, и что, пройдя пчельник в семи верстах от монастыря, она заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно, но что к ней подошел какой-то старичок в подряснике и скуфейке, спросил о причине ее слез и указал ей клюкою направление пути. Она пошла в указанную сторону и, повернув за кусты, тотчас увидела монастырь. Все решили, что это монастырский лесник; в это время на крыльце показался келейник, который спросил: «Где тут Авдотья из Воронежа?» Все молчали, переглядываясь. Келейник повторил свой вопрос громче, прибавив, что ее зовет батюшка. «Голубушки мои! Да ведь Авдотья из Воронежа я сама и есть!» – воскликнула рассказчица с больными ногами. Все расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в его дверях.

Она вышла через 15 мин. и на вопросы, рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу, был не кто иной, как сам о. Амвросий или кто-либо уж очень похожий на него. Что ж это такое? Сам о. Амвросий зимой никогда не выходил из кельи, а похожего на него в монастыре нет. И как он мог в самый момент ее прихода к его «хибарке» знать, кто она и откуда пришла? – спрашивает себя очевидец.

О. Амвросий, явившийся наяву трижды, настойчиво будил одну сельскую матушку, говоря, что сейчас ее мужа убьют. Бросившись к мужу, ей действительно удалось по-

мешать совершиться убийству. Этот рассказ стал известен в Оптиной Пустыни от нее лично, когда она приехала благодарить старца за спасение.

А вот рассказ слепого монаха о. Иакова, взятый из дневника «На берегу Божией Реки», печатавшегося в Троице-Сергиевой Лавре.

«Было это, – говорит он, – лет двадцать пять тому назад. В то время я еще был только рясофорным послушником и нес послушание канонарха. Как-то раз случилось мне сильно смутиться духом, да так смутиться, что хоть уходи из монастыря. Как всегда бывает в таких случаях, вместо того, чтобы открыть свою душевную смуту старцу, – а тогда у нас старцем был великий батюшка о. Амвросий, – я затаил ее в своем сердце и тем дал ей такое развитие, что почти порешил в уме уйти и с послушания, и даже вовсе расстаться с обителью. День ото дня помысел этот все более и более укреплялся в моем сердце и наконец созрел в определенное решение: уйду! Здесь меня не только не ценят, но еще и преследуют: нет мне здесь места, нет и спасения! На этом решении я и остановился, а старцу, конечно, решения своего открыть и не подумал. В таких случаях, подобных моему, теряется и вера к старцам – такие ж, мол, люди, как и мы все грешные... И, вот, придя в келью от вечернего правила, – дело было летом, – я в невыразимой тоске прилег на свою койку, и сам не заметил, как задремал. И увидел я во сне, что пришел я в наш Введенский собор, а собор весь переполнен богомольцами, и все богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся к правому углу трапезной собора, туда, где у нас обычно стоит круглый год плащаница до выноса ее к Страстям Господним.

– Куда, – спрашиваю, – устремляется этот народ?

– К мощам, – отвечают, – Святителя Тихона Задонского!

Да разве, думаю я, Святитель у нас почивает? – ведь он в Задонске! Тем не менее и я направляюсь вслед за другими богомольцами к тому углу, чтобы приложиться к мощам великого Угодника Божия. Подхожу и вижу: стоит передо мною на возвышении рака; гробовая крышка закрыта и народ прикладывается к ней с великим благоговением. Дошла очередь

и до меня. Положил я перед ракой земной поклон и только стал восходить на возвышение, чтобы приложиться, смотрю – открывается передо мной гробовая крышка и во всем святительском облачении из раки подымается сам Святитель Тихон. В благоговейном ужасе падаю я ниц; и пока падаю, вижу, что это не Святитель Тихон, а наш старец Амвросий, и что он уже не стоит, а сидит и спускает ноги на землю, как бы желая встать мне навстречу...

– Ты что это? – прогремел надо мной грозный старческий голос.

– Простите, батюшка, Бога ради, – пролепетал я в страшном испуге.

– Надоел ты мне со своими “простите”! – гневно воскликнул старец.

Передать невозможно, какой объял в ту минуту ужас мое сердце, и в ужасе этом я проснулся.

Вскочил я тут со своей койки, перекрестился... В ту же минуту ударили в колокол к заутрене, и я отправился в храм, едва придя в себя от виденного и испытанного.

Отстоял я утрению, пришел в келью и все думаю: что б значил поразивший меня сон? Заблаговестили к ранней обедне, а сон у меня все не выходит из головы, – я даже и отдохнуть не прилег в междучасие между утреней и ранней обедней. Все, что таилось во мне и угнетало мое сердце столько времени, все это от меня отступило, как будто и не бывало, и только виденный мною сон один занимал все мои мысли.

После ранней обедни я отправился в скит к старцу. Народу у него в это утро было, кажется, еще более обыкновенного. Кое-как добрался я до его келейника о. Иосифа и говорю ему:

– Мне очень нужно батюшку видеть.

– Ну, – отвечает он, – вряд ли, друг, ты ныне до него доберешься: сам видишь, сколько народу! да и батюшка что-то слаб сегодня.

Но я решил просидеть хоть целый день, только бы добиться батюшки. Комнатку, в которой, изнемогая от трудов и болезней, принимал народ на благословение старец, отде-

ляла от меня непроницаемая стена богомольцев. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдет. Помысел мне стал нашептывать: уйди! все равно не дождешься!... Вдруг слышу голос батюшки:

– Иван (меня в рясофоре Иваном звали), пойдй скорей ко мне сюда!»

Толпа расступилась и дала мне дорогу. Старец лежал весь изнемогши от слабости на своем диванчике.

– Запри дверь, – сказал он мне еле слышным голосом. Я запер дверь и опустился на колени перед старцем.

– Ну, – сказал мне батюшка, – а теперь расскажи мне, что ты во сне видел!

Я обомлел: ведь о сне этом только и знали, что грудь моя и подоплека. И при этих словах изнемогший старец точно ожил, приподнялся на своем страдальческом ложе и бодрый и веселый стал спускать свои ноги с дивана на пол совсем так, как он их спускал в моем сновидении. Я до того был поражен прозорливостью батюшки, особенно тем способом, которым он открыл мне этот дар благодати Божественной, что я вновь, но уже въяве, пережил то же чувство благоговейного ужаса и упал головой в ноги старца. И над головой услышал я его голос:

– Ты что это?

– Батюшка, – чуть слышно прошептал я, – простите, Бога ради!

И вновь услышал я голос старца:

– Надоел ты мне со своими “простите”!

Но не грозным укором, как в сновидении, прозвучал надо мною голос батюшки, а той дивной лаской, на которую он один и был способен, благодатный старец.

Я поднял от земли свое мокрое от слез лицо, а рука отца Амвросия с отеческой нежностью уже опустилась на мою бедную голову и кроткий голос его ласково мне выговаривал:

– Ну и как мне было иначе вразумить тебя, дурака? – кончил такими словами свой выговор батюшка.

А сон так и остался ему не рассказанным; да что его было и рассказывать, когда он сам собою рассказался в лицах! И с

тех пор и до самой кончины великого нашего Старца я помыслам вражиим об уходе из Оптиной не давал воли».

«Батюшка, – обратился к о. Иакову слушатель его повествования, – ну, а после о. Амвросия к кому вы прибегаете со своими скорбями и помыслами?»

«Куда теперь ходить убогому Иакову? – ответил он на этот вопрос. – Храм Божий да келья, – только и есть у слепого две привычные дороги, по которым он ходит с палочкой и не спотыкается. А в больших скорбях Сам Бог не оставляет Свою милостью. Было это, скажу я вам, осенью позапрошлого года. В моей монашеской жизни совершилось нечто, что крайне расстроило весь мой духовный мир. В крайнем смущении, даже в гневе, провел этот день, когда мне эта скорбь приключилась, и в таком состоянии духа достиг я время совершения своего келейного правила. Приблизительно в девять часов вечера того памятного дня, нимало не успокоившись и не умиротворившись, я без всякого чувства, только лишь по 36-летней привычке, надел на себя полумантию, взял в руки четки и стал на молитву в святом углу, перед образницей. К тому времени, когда со мной случилась эта скорбь, я уже почти совсем ослеп – мог видеть только дневной свет, а предметов уже не видел... Так вот, стал я на молитву, чтобы совершить свое правило, хочу собраться с мыслями, хочу привести себя в молитвенное настроение, но чувствую, что никакая молитва мне не идет и не пойдет на ум. Настроение моего духа было приблизительно такое же, как тогда, двадцать пять лет тому назад, о чем я вам только что рассказывал. Но тогда жив был еще о. Амвросий, думал я, старец мой от дня моего поступления в обитель, ему была дана власть надо мной, а теперь я и убог, и совершенно одинок духовно – что мне делать? Оставалось одно: изливать свои гневные чувства в жестоких словах негодования, что я и делал. Укорял я себя в этом всячески, но остановить своего гнева не мог.

И вот совершилось тут со мною нечто странное и необычайное: стоял я перед образами, перебирая левой рукой четки, и внезапно увидел какой-то необыкновенный ослепительный

свет. Глазам моим представился ярко освещенный этим светом цветущий луг. И вижу я, что иду по этому лугу сам, и трепещет мое сердце от прилива неизведанного еще мною сладкого чувства мира души, радости, совершеннейшего покоя и восхищения от красоты и этого света, и этого неизобразимо прекрасного луга. И когда я в восторге сердечном созерцал всю радость и счастье неземной красоты этой, глазам моим в конце луга представилась невероятно крутая, высочайшая, совсем отвесная гора. И пожелало мое сердце подняться на самую вершину горы этой, но я не дал воли своему желанию, сказав себе, что человеческими усилиями не преодолеть страшной крутизны этой. И как я только помыслил, в то же мгновение очутился на вершине горы, и из вида моего пропал тот прекрасный луг, по которому я шел, а с горы мне открылось иное зрелище: насколько мог обнять мой взор открывшееся передо мной пространство, оно все было покрыто чудной рощей, красоты столь же неизобразимой человеческим языком, сколь и виденный ранее луг. И по роще этой были рассеяны храмы разной архитектуры и величины, начиная от обширных и величественных соборов и кончая маленькими часовнями, даже памятниками, увенчанными крестами. Все это сияло от блеска того же яркого, ослепительного света, при появлении которого предстало восхищенным глазам моим это зрелище. Дивясь великолепию этому, иду по горе и вижу, что предо мною вьется, прихотливо изгибаясь, узкая горная тропинка. И говорит мне внутреннее чувство сердца моего: тебе эта тропинка хорошо знакома, – иди по ней смело, не заблудишься! Я иду и вдруг на одном из поворотов вижу: сидит на камне незнакомый мне благообразный старец – таких на иконах пишут. Я подхожу и спрашиваю:

– Батюшка, благословите мне сказать, что это за удивительная такая роща и что это за храмы?

– Это, – ответил мне старец, – обители Царя Небесного, их же уготова Господь любящим Его.

И когда говорил со мною старец, я увидел, что из всех этих храмов ближе всех стоит ко мне в этой дивной роще ве-

ликолепный, огромных размеров храм, весь залитый сиянием дневного света. Я спросил старца:

– Чей это, батюшка, храм?

– Этот храм, – ответил он мне, – оптинского старца Амвросия.

В это мгновение я почувствовал, что из рук моих выпали четки и, падая, ударили меня по ноге.

Я очнулся.

И как стал я в 9 часов на молитву, в том же положении я и очнулся от бывшего мне видения: стою в полумантии пред своими иконами, только стенные часы мои мерно постукивают маятником. Заблаговестили к заутрени: был час по полуночи.

Видение мое продолжалось, таким образом, четыре часа. И отпала от меня всякая скорбь, и со слезами возблагодарил я Господа, утешившего меня за молитвы того приснопамятного, чей храм в обителях Царя Небесного стоял ко мне ближе всех остальных виденных мною храмов».

Но далеко не всем давалось видеть старца Амвросия во время его жизни в ореоле его святости и понимать все его действия, как совершаемые по наитию Свыше. Требовалась духовная восприимчивость. Но вот несколько рассказов тех лиц, которые сподобились видеть старца в состоянии благодатного озарения.

«Отец Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Читали молебный канон Богородице. Один из скитских иеромонахов решился в это время подойти к батюшке. Глаза о. Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью, яркое сияние почило на нем, так что этот священноинок не мог его вынести.

Такие случаи, когда исполненное дивной доброты лицо старца чудесно преображалось озаряясь благодатным светом, почти всегда происходили в утренние часы во время или после его молитвенного правила.

Однажды старец с вечера назначил прийти к себе двум супругам, имевшим до него важное дело, в тот час утра, когда он не начинал еще приема. Они вошли к нему в келию. Старец

сидел на постели в белом монашеском балахоне и в шапочке. В руках у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно как-то просветлело, и все в келии его приняло вид какой-то торжественности. Пришедшие почувствовали трепет, и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить слова и долго стояли в забытьи, созерцая лик старца. Вокруг было тихо, и батюшка молчал. Они подошли под благословение. Он безмолвно осенил их крестным знаменем. Они еще раз окинули взором эту картину, чтобы навсегда сохранить ее в сердце. Старец все с тем же преображенным ликом был погружен в созерцание. Так они и вышли от него, не сказав ни слова».

Другой случай. Пришел, по обычаю, к старцу в конце утреннего правила его письмоводитель, скитский иеромонах Венедикт. Старец, отслушав правило, сел на свою кровать. О. Венедикт подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо старца светящимся. Но лишь только он получил благословение, как этот дивный свет скрылся.

Спустя немного времени о. Венедикт опять подошел к старцу, когда уже тот находился в другой келье и занимался с народом, и в простоте своей спросил: «Или вы, батюшка, видели какое видение?» Старец не сказал ему ни слова, только слегка стукнул по голове его рукой: знак старческого благоволения.

Еще рассказ вышеупомянутого о. игумена Марка. «В бытность старца в Шамординской обители, – пишет он, – однажды на Страстной неделе я, как готовившийся к причастию Божественных Таин, вхожу к нему в келью для исповеди и, к изумлению моему, вижу на его лице полную сосредоточенность, глубокое внимание к чему-то, им созерцаемому, и трепетное благоговение. Лицо его при этом было покрыто радостным румянцем. Увидев сие, я подался обратно из кельи, только спустя некоторое время вошел к старцу».

А Шамординские монахины рассказывают, что им нередко приходилось видеть лицо старца прославленным неземною славою.

Преданная духовная дочь записала следующее:

«Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг я вижу, из глаз его, на кого-то устремленных, вышли два луча, как бы солнечных. Я замерла на месте. И все время так было, пока старец смотрел на кого-то».

«В келье его горели лампадки и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: “Батюшка, что сказать вам еще? В чем покаяться? – забыла”. Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей келии. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост; поднял голову и воздел свои руки кверху, как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келье как будто не было, он разошелся, а голова старца, как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: “Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай”. Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром нам подали лошадей и мы уехали. При жизни старца я никому не смела рассказать этого. Он мне раз навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: “А то лишишься моей помощи и благодати”».

Основание Шамординского монастыря и кончина старца

Шамордино расположено в восхитительной местности – на широкой луговине над крутым обрывом. Густой лиственный лес лепится по почти отвесному скату. А там, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой речка Сирена. За нею привольные луга, а дальше взбегающая кой-где холмистыми перекатами равнина сливается с горизонтом, оттенками в иных местах далекими борами или перелесками.

Усадьба Шамордино в версте от деревни того же имени и в стороне от Большой калужской дороги и принадлежала небогатому помещику Калыгину, жившему здесь со старушкой-женой. В 1871 г. имение это в 200 десятин земли было куплено послушницею старца, вдовою помещицей Ключаревою (в иночестве Амвросия); и она, и покойный ее муж, богатый помещик Ключарев, чрезвычайно уважали старца и во всем ему подчинялись. Они по благословению старца, разлучась друг с другом, проходили жизнь иноческую. Вот эта мать Амвросия и стала владельницею Шамордина. За год до продажи имения старику Калыгину было видение: ему представлялась в его имении церковь в облаках. У матери Амвросии были две внучки-близнецы от ее единственного сына. Потеряв первую жену, мать этих девочек, молодой Ключарев женился вторично, а девочки жили у бабушки. Для этих внучек мать Амвросия и отвела Шамординскую усадьбу, где все было поновлено, поставлен новый дом. Мать Амвросия часто приезжала в Шамордино из Оптиной, где она постоянно жила в особом корпусе в окрестностях монастыря. Посещал усадьбу и старец, от которого не раз слышали тут слово: «У нас здесь будет монастырь». Ходит, бывало, старец по усадьбе, осматривает все, вдруг остановится на каком-нибудь месте, велит вымерить его длину и ширину и поставит колышки. Уже тогда, зная по прозорливости своей, что здесь возникнет обитель, старец обдумывал и прикидывал, где какие будут постройки.

В Шамордине вместе с маленькими барышнями Ключаревыми поселились некоторые бывшие крепостные матери Амвросии, искавшие тишины и молитвы, так что жизнь здесь шла вроде монашеской.

Бабушка, уверенная, что внучки ее будут жить в миру, старалась дать им хорошее светское воспитание. Когда они стали подрастать, бабушка просила старца благословить ей прислать для них француженку, чтобы их обучить бегло говорить по-французски и следить, чтобы они одевались наряднее. Но старец не позволил ей этого сделать, что ее сильно огорчило.

Девочки были крестницами старца и с раннего детства отличались глубокой набожностью. Они часто молились, очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали порядок богослужения, что сами проводили всенощные. Они подвижничали, отказывались от мяса и ели лишь по убеждению отца Амвросия. Бабушка выражала опасения, что они повредят тем свое здоровье, а старец отвечал ей: «Пусть молятся – они слабого здоровья». Старушка не понимала слов прозорливого старца, который другим прямо говорил о своих крестницах: «Ничего, они знают, что готовятся туда».

Желая обеспечить благосостояние внучек и вследствие настойчивых советов старца, мать Амвросия приобрела еще три дачи: Руднево, Преображенское и Акатово, не совсем понимая, к чему покупается такое количество леса, точно собираются строить целый город. Положила она на имя внучек и капиталец, причем было оговорено, что в случае смерти их в Шамординской усадьбе должна быть устроена женская община, и для обеспечения ее дела послужат три упомянутые дачи и капитал, положенный на имя барышень Ключаревых.

13 марта 1881 г. мать Амвросия скончалась, и оставшиеся после нее еще в большем сиротстве десятилетние внучки, унаследовав эти имения, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами в Шамордине.

Так прошел год. Сиротки-сестры Вера и Любовь жили тою же тихую жизнью, горячо любя друг друга и никогда не расставались. Они не знали детских шалостей, одевались просто, ценили иноческую жизнь, монашеское богослужение. В крестницах старца все сильнее разгорался огонек любви к Богу. Не раз говорили они своим няням: «Мы не хотим жить более двенадцати лет: что хорошего в этой жизни?»

Между тем отец их не одобрял уединенную жизнь сестер и определил их в Орел в пансион; на лето 1883 года была приготовлена для них дача. Всей душой рвались сиротки из непривычного для них мира под крылышко старца Амвросия. В мае они прежде чем поселиться на даче приехали в Оптину. Тридцать первого мая обе они заболели дифтеритом. Их по-

ложили в разных комнатах, исповедовали, приобщили. Пока хватало у них сил, они часто писали к батюшке записочки, в которых просили его св. молитв и благословения.

4 июня скончалась Вера, а за нею последовала Любовь.

Теперь нужно было во исполнение воли матери Амвросии учредить в Шамордине женскую общину.

Шамординская обитель прежде всего удовлетворяла ту горячую жажду милосердия к страждущим, которою всегда полон был о. Амвросий. Сюда он посылал многих беспомощных.

Приходит к батюшке молодая женщина, оставшаяся больной вдовой в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит: «Ты, горемычная, хоть бы удавилась: тебе не грех». Старец выслушивает ее, всматриваясь в нее, и говорит: «Ступай в Шамордино». Муж бросил тяжело больную жену: ее летом привезли к старцу. Батюшка вышел к ней, благословил и шутиливо проговорил: «Ну, этот хлам-то у нас сойдет: отвезите ее в Шамордино».

Из бесприютных детей составилась обширный Шамординский приют. Старец любил, бывая в Шамордине, приходить в этот приют. Дети нежно теснились к нему, и он садился среди них на лавку. Они запевали ему сочиненную в честь его песнь: «Отец родной», или пели тропарь Казанской иконе, которой посвящена обитель. При детском пении переполненное любовью сердце старца трепетало и слезы ручьем текли по бледным, впавшим щекам его.

Число сестер старцевой обители под конец превысило пять сотен. Был воздвигнут громадный многоглавый храм, замечательная трапеза и благотворительная деятельность все более и более расширялась.

Первой настоятельницей обители была Софья Мих. Астафьева, рожденная Болотова, окончившая жизнь в подвигах. Затем игумения Евфросиния, усердная послушница старца. Последняя была м. Валентина.

Скажем несколько слов о первой шамординской игумении Софии, рожденной Болотовой, сестре оптинского иеромонаха-художника о. Даниила Болотова.

Мать София была незаменимой помощницей старца по устроению юной обители его, что называется, правой рукой. К сожалению, ее управление продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную и дела хозяйственные, всею душой преданная старцу, она, под его непосредственным руководством вступив на путь иноческой жизни и приняв самое тяжелое в обители послушание начальницы, стала подвизаться с великою ревностью. В мокрую, холодную погоду в осеннее время, случалось по целому дню, с утра и до вечера, ходила она сама по всей обители, следя за всеми монастырскими работами, и уж к ночи возвращалась в свою келию, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы в соединении с строгой подвижнической жизнью вскоре сломили ее крепкое здоровье. Кроме того, мать София несла еще личный крест: отрекшись от мира, она пожертвовала своим материнским чувством к дочери, которую теперь уже не она воспитывала. Много было ею пролито слез в ночной тиши. Она постепенно стала чахнуть и мало-помалу таяла, как свеча; наконец, 24 января 1888 г. уснула вечным сном праведницы, получив от Господа воздаяние, соответствующее ее великой ревности и трудам. Старец Амвросий при воспоминании о ней говаривал нередко с особенным чувством умиления: «Ах, мать! Обрела милость у Бога!»

Ввиду увеличивающегося все время числа сестер в обители, старец Амвросий не мог сам быть духовником каждой из них. Потому он передал многих духовничеству отца иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), который относился к ним с самой заботливой отеческой любовью, как это видно из его «Писем к монахиням».

В начале ее деятельности мать София нашла в Шамордине всего лишь очень скромные строения: деревянный дом с домашней церковью и несколько изб для жилья сестер. Вот и все! Ни денег, ни имущества, ни запасов. А между тем население обители с каждым днем увеличивалось. Старец посылал в обитель не только работоспособных сестер, но еще больше больных и калек. Кроме того, к нему приносили детей, брошенных на

произвол судьбы. Бедные дети, покрытые грязными тряпками, часто с золотушными ранами на теле – всех их он посылал в Шамордино. Население все увеличивалось, а средства уменьшались. Но мать София не падала духом. Как магнит притягивает железо, так обаятельная личность матери Софии стала привлекать в обитель самых разнообразных лиц: дворян, купцов, ремесленников, благотворительниц, занимавших всевозможное положение в обществе. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться зданиями, твердо водворился устав Оптиной Пустыни. Но увы! Как выше сказано, недолго наслаждалась обитель миром и духовной радостью под ее водительством.

По кончине матери Софии старцем была избрана настоятельницей мать Евфросиния Розова. Столь же глубоко верующая, столь же преданная старцу, она не имела блестящих талантов администратора и духовного вождя, какими отличалась м. София. И старцу пришлось взять на себя все хлопоты по устройству обители, для чего он посещал лично обитель не один раз, и где он и скончался в 1891 году 10 октября, зазимовав там по случаю болезни.

Старец отбыл в Шамордино летом 1890 г. Жизнь его там была сопряжена с многими трудностями. «Матери и сестры, я у вас здесь на кресте!» – говорил он монахиням. И, действительно, жизнь его, по словам близких лиц, была в это время невозможно трудная. Ни днем, ни ночью он не имел покоя и по неудобству помещения (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавливалось), и от множества дел и окружавшего его народа. Болело сердце его и за оптинцев, оставшихся без своего духовного руководителя. Когда являлся к нему кто-нибудь из них, батюшка уже не заставлял его долго ждать, – а с особенною любовью принимал и утешал. После Пасхи 1891 г. настоятельница обители тяжело заболела и ослепла. Она хотела подать в отставку, но старец не благословил. «Сама не подавай, а если велит подать начальство, то подай». К довершению всех скорбей епархиальное начальство негодовало на него за его отлучку из Оптиной, что особенно обострилось к концу его жизни. Были придуманы всякие кле-

веты на старца. Уже вначале 1891 г. старец знал, что ему предстоит скоро умереть. 1 января, рассказывают сестры, в самый первый день 1891 года утром, после обедни, батюшка вышел к сестрам особенно задумчивым, серьезным; сев на диван, он неожиданно начал читать стихотворенье: «Лебедь на берегах Меандра песнь последнюю поет». – «А мы, – шутливо заметил Старец, – могли бы переделать так: “Лебедь на берегах Шамандра песнь последнюю поет”», – и объяснил, что лебедь поет только одну песнь – это перед своей кончиной.

Тогда никто не понял, что он говорил о себе, о своей кончине в том году. Предчувствуя ее, он особенно поспешно старался устроить монастырь. Так было построено много новых келий в Шамордине, благоустроен хутор в Руднево, в котором старец предсказал, что будет церковь, что и совершилось после его кончины. В конце сентября старец заболел болезнью ушей, соединенной с инфлуэнцией, и постепенно начал таять... Между тем недовольный архиерей собирался лично явиться в Шамордино и в своей карете вывезти старца. К нему обращались сестры с вопросами: «Батюшка! Как нам встречать Владыку?» Старец отвечал: «Не мы его, а он нас будет встречать!» – «Что для Владыки петь?» Старец сказал: «Мы ему пропоем аллилуия». И действительно, архиерей застал старца уже в гробу и вошел в церковь под пение «аллилуия».

Траурная процессия с гробом старца сопровождалась более чем тысячной толпой. Шел дождь, но свечи не гасли. По дороге из Шамординой в Оптину Пустынь останавливались у каждой деревни и служили литию. На другой день было совершено отпевание архиерейским служением и произнесен ряд знаменательных слов. Смерть старца была всероссийским горем, но для Оптиной и Шамордина и для всех духовных чад оно было безмерно.

Шамординский монастырь со строящимся собором, с его множеством насельниц, детским приютом и призреваемыми калеками остался без своего попечителя и прилива средств. Но вот что нам стало известно из бесед с шамординской монахиней м. Александрой Гурко. Чайный торговец Перлов с семьей

были в числе духовных чад старца. Ему явилась во сне Божия Матерь и велела принять на себя попечение о Шамординской обители. Перлов отвечал, что на нем лежит бремя чайной торговли. Но Матерь Божия обещала ему взять на Себя эту торговлю. После этого Перлов уже не щадил ни сил ни средств для помощи Шамординской обители. Туда потек его капитал.

В Оптиной Пустыни было принято пить перловский чай, этому следовали и верные оптинские посетители.

Пишущие эти строки обратились к прот. о. Иоанну Григору-Клочко, который хоронил в Париже госпожу Перлову, с просьбой написать нам все, что ему о ней известно. Ответ был такой:

«Письмо от 5 сентября 1956 г. Относительно старушки Перловой (она была в тайном постриге), умершей от молниеносной грудной жабы, то она, как мне рассказывали дети, в течение получаса разговаривала с необычайной радостью на лице с оптинскими старцами, называя их поименно. Дети думали, что она бредит и всячески лаской старались успокоить ее, а она, переводя на них совершенно ясный взгляд, говорила: “Ну, как вы не понимаете, как там хорошо”. И опять взгляд в неведомую даль и продолжение восторженной беседы. Я немало видел покойниц, старых людей, но такого светлого лица, как было у покойной, не запомню, – оно точно светилось, как освещенный фарфор».

ГЛАВА XI. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ (1831–1891)

Константин Николаевич Леонтьев нашел покой и умиротворение у ног старца Амвросия, как раньше у ног старца Макария другой оптинец – Иван Васильевич Киреевский.

Это были совершенно различные люди: Киреевский был воплощением кротости и внутренней гармонии, Леонтьев, наоборот, при личной глубокой доброте был с молодых лет обуреваем многими страстями, на борьбу с которыми ушла вся его зрелая жизнь. Началом этому послужило чудо исцеления его от холеры в Салониках. Он тогда же хотел принять монашество, но афонские старцы о. Иероним и о. Макарий не согласились его постричь, находя это преждевременным. Медик, дипломат, философ, литератор и под конец – монах, К. Н. был человеком исключительной глубины и блеска ума, и, как о нем выразился Бердяев: «К. Леонтьев был необычайно свободный ум, один из самых свободных русских умов, ничем не связанный, совершенно независимый». Между тем он при жизни не встретил в русском обществе ни признания, ни понимания. «Может быть, после моей смерти обо мне заговорят, – сказал он, – а, вероятно, теперь на земле слава была бы мне не полезна, и Бог ее мне не дал». Розанов выразился о нем так: «Прошел великий муж по Руси и лег в могилу. Ни звука при нем о нем. Карканьем ворон он встречен и провожен». Какая же была тому причина? Тот же Розанов в той же статье в «Новом Времени», посвященной вышедшему тогда сборнику по случаю 20-летия со дня его смерти, говорит о нем сле-

дующее: «Вот эта нравственная чистота Леонтьева – что-то единственное в нашей литературе! Все (почти и великие!) писатели имеют несчастное и уничижительное свойство быть несколько “себе на уме”, юлить между Сциллою и Харибдою, между душой своей и массою публики, между литературным кружком, к коему принадлежат, и ночными своими думами «про себя»: ничего подобного не было у Леонтьева с его «иду на вас». Он шел сразу на всех!

По образованию он был медик и прикладывал специально патологические наблюдения и наблюдательность в явлениях мировой жизни и прежде всего, будучи эстетом, он понимал все явления пошлости и измелъчания, как симптомы конца и увядания культуры. «К. Леонтьев, – говорил в 1926 г. Бердяев*, – уже более 50 лет тому назад открыл то, что теперь на Западе по-своему открывает Шпенглер». И далее говорит Бердяев о Леонтьеве: «Он острее и яснее других почувствовал антихристову природу революционного гуманизма с его истребляющей жаждой равенства».

Знаменитая теория о «Триедином процессе развития» жизни государства блестяще изложена Леонтьевым в лучших философских публицистических произведениях его – в «Византизме и славянстве» (1875) и посмертном «Среднем европейце, как идеале и орудии всемирного разрушения».

Иногда он надеется, что после того, как человечеством будет испытана «горечь социалистического устройства», в нем начнется глубокая духовная, религиозная реакция, и тогда в самой науке явится «чувство своего практического бессилия, мужественное покаяние и смирение перед правотой сердечной мистики и веры». Но в год своей смерти, в статье «Над могилой Пазухина» он крайне пессимистически выражает взгляд на будущее: «...Русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения и – кто знает? – подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, – и мы неожиданно лет через 100 каких-нибудь из наших

* Николай Бердяев. Константин Леонтьев. YMCA PRESS (1926), стр. 268.

государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных, или уже слабо церковных, – родим... антихриста?»

Леонтьев был человеком строго православным, исповедуя византийское, филаретовское, оптинское православие. И спрашивается, может ли нечто отличное от этого православия называться по справедливости «православным»?

Леонтьев говорит: «Византийскому Православию выучили меня верить и служить знаменитые афонские духовники Иероним и Макарий... Лично хорошим, благочестивым и добродетельным христианином, конечно, можно быть и при филаретовском, и при хомяковском оттенке в Православии; и были и есть таковые... А вот уже святым несколько вернее можно стать на старой почве, филаретовской, чем на новой славянофильской почве». Приведя эти слова, Бердяев от себя добавляет: «Образ св. Серафима, – совсем не византийский и не филаретовский, опровергает Леонтьев» (стр. 238) и «своеобразия русского православия он не видел. Он (Леонтьев) не знал белого христианства св. Серафима, Христианства Воскресения» (стр. 206). Мы же в настоящем изложении достаточно показали какая живая связь существовала между м. Филаретом и преп. Серафимом через посредничество его ученика, наместника Лавры о. Антония. А еще ранее показано влияние на преп. Серафима аскетической византийской литературы.

Где же признаки «своеобразия в русском православии»? Где же расхождение между Серафимовым и Филаретовским православием?

Держась православного учения, Леонтьев отвергал хилиазм как церковную ересь. Между тем вера в Царствие Божие на земле, основанная на мечтательной любви к всечеловечеству, стала после пушкинской речи Достоевского общим модным верованием. Леонтьев назвал эту восторженную любовь – «розовой любовью». Этому ему до сих пор простить не могут. Ему приписывают, будто он вообще отвергал любовь к Богу и основывался в деле спасения, руководствуясь лишь животным страхом перед адскими мучениями. В письме к одному студенту Леонтьев пишет о своем обращении: «Пришла, наконец,

неожиданная минута, когда я, до сих пор вообще смелый, почувствовал незнакомый мне дотоле ужас, а не просто страх. Этот ужас был в одно и то же время и ужас греха и ужас смерти. А до той поры я ни того, ни другого не чувствовал. Черта заветная была пройдена. Я стал бояться и Бога, и Церкви. С течением времени физический страх прошел, духовный остался и все возрастал». Страх Божий обязателен для всех христиан. Только у великих святых совершенная любовь изгоняет страх.

Непризнанный никем, кроме нескольких ближайших друзей, измученный и больной, Леонтьев нашел душевный покой, поселившись в Оптиной Пустыни в усадьбе, построенной бывшим учеником старца Льва, составившим его жизнеописание – архиепископом Ювеналием. Годы жизни в Оптиной Пустыни были самыми мирными и покойными в его жизни и даже плодотворными в смысле его писаний. Здесь можно привести четверостишие из «Пророка» Лермонтова:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.

Здесь его духовником и руководителем был о. Климент (Зедергольм), сын пастора, магистр греческой словесности. После его кончины Леонтьев составил о нем прекрасную монографию. Лишившись друга и духовника, он стал непосредственным духовным сыном старца Амвросия. В 1891 г. старец Амвросий постриг его в монашество с именем Климента и отправил на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, зная, что о. Климент неспособен подвизаться в Оптиной Пустыни в качестве рядового оптинского монаха, выполняя все возложенные послушания. Прощаясь с о. Климентом, старец Амвросий сказал ему: «Мы скоро увидимся». Старец скончался 10-го октября 1891 г., а 12 ноября того же года последовал за ним его постриженник о. Климент. Он умер от воспаления легких.

ГЛАВА XII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ ИОСИФ

Старец Иосиф, в миру Иван, родился 2 ноября 1837 г., умер 9 мая 1911 г. Это был ближайший ученик великого старца иеросхимонаха Амвросия, – ближайший не по внешности только, но и по духу, по силе послушания, преданности и любви. Это было поистине «чадо любимое» старца Амвросия. Это чадо послушания воспитывалось в стенах смиренной, убогой «хибарки» старца Амвросия, проникнутой заветами великих старцев Льва и Макария и молитвами их продолжателя – старца Амвросия. Здесь в этой тесной келии, сделавшейся для него «училищем благочестия», он прошел делом самую высшую из наук – монашество, и стал в свое время сам наставником монахов. И как это было все просто, скромно, даже для многих незаметно...

Отличительной чертой характера о. Иосифа была необыкновенная скромность, деликатность, уступчивость; а со временем эти качества глубоко проникли все его существо и претворились в великие добродетели смирения, любви и ангельской кротости. Смирненная поступь, опущенные глаза, краткий ответ с поклоном и всегда неизменная скромно-приветливая улыбка... Еще келейником о. Амвросия все как-то безотчетно проникались к нему особым уважением, в нем чувствовалось что-то особенное.

Иван родился в Харьковской губернии. Родители его были люди простые, но благочестивые. Они очень любили читать духовные книги и ходить в храм Божий. Мать водила

детей с собой в церковь и дома заставляла их молиться. Маленький Иван пел на клиросе.

Иван рос веселым, резвым и ласковым ребенком. Своей чуткой душой он чувствовал чужое горе, но по застенчивости не мог выразить свое сочувствие. Ване было 8 лет. Однажды, играя во дворе, он вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и упал без чувств. Когда он пришел в себя, его стали спрашивать, что с ним случилось. Он ответил, что видел в воздухе Царицу Небесную, около Которой было солнце. Законоучитель Вани говорил, что из него выйдет что-то необыкновенное. Отец Вани хотел, чтобы кто-нибудь из детей пошел в монастырь. Первой ушла его старшая сестра Александра – монахиня Леонида.

Ване было 4 года, когда у него умер отец. Матери он лишился 11 лет. Она умерла от холеры. Ваня остался круглым сиротой. Он поселился у старшего брата – Семена. Но Семен страдал запоем и скоро спустил все отцовское имущество. Он должен был идти работать в чужие люди; брата Ивана он тоже определил на место. Много мест пришлось переменить юному Ивану. Он испытал и холод, и голод, иногда побои и разные опасности.

Хотя он жил в развращенной и грубой среде, ничто плохое не пристало к нему. Молитва была неизменной спутницей его скорбной жизни, а храм единственным местом утешения. Наконец ему удалось попасть на хорошее место к купцу Рафаилу, который полюбил Ивана за его кроткий нрав и даже хотел выдать за него замуж свою дочь. Но земные привязанности были далеки от Ивана. Его чистую душу влекло в монастырь. Любимым чтением его с детства было чтение житий святых. Он собирался пойти на богомолье в Киев на поклонение святым местам. Когда купец предложил ему жениться на его дочери, он повторил свою просьбу отпустить его помолиться. Остальное он предоставил воле Божией. Добрый его хозяин, видя горячее стремление юноши к Богу, не посмел его удерживать. И вот Иван отправился к святым местам. По дороге он зашел в Святые Горы, а затем в

Борисовскую женскую пустынь, где его сестра была монахиней. Эта обитель отличалась строгостью устава. Там схимонахиня Алипия посоветовала ему не ходить в Киев, а пойти в Оптину к старцам. Иван послушался ее совета и поехал в Оптину. Придя к старцу Амвросию, он рассказал ему всю свою жизнь и просил благословения на поездку в Киев. Но старец посоветовал ему остаться в Оптиной. Иван верил, что в словах старца заключается указание воли Божией, и остался. Это было 1 марта 1861 г.

Первое его послушание в Оптиной была работа на кухне. Но уже вскоре ему предложили перейти к старцу Амвросию, оценив его добрые качества: беспрекословное послушание, скромность и молчаливость. В «хибарке» старца Амвросия он прожил ровно 50 лет. Первое время близость к старцу, с одной стороны, утешала его, а с другой, постоянная суета и прием посетителей смущали и тяготили его. Он опять стал мечтать о Киеве и об Афоне. Однажды о. Амвросий застал его за такими размышлениями. Читая его мысли, он сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне, оставайся с нами». Эти слова так поразили молодого послушника, что он понял, что его помыслы были только искушением. С этих пор он стал самым преданным и любимым учеником о. Амвросия. Не только воля старца, но каждое его слово было для него законом.

Старшим келейником о. Амвросия был человек суровый и угрюмый, который не показывал новичку, как и что надо делать, а когда тот ошибался, он укорял его. Вот эта-то школа терпения и сделала старца Иосифа таким кротким и смиренным. Она же выработала в нем самоукорение. Несправедливость раздражает обыкновенно человека; но когда он через внимание к своей совести научится находить вину в себе, тогда он прежде всего осуждает себя и принимает суд ближнего как заслуженное от Бога за грехи наказание и не раздражается, но еще и благодарит ближнего.

Неизменно благодушное настроение о. Иосифа влияло на всех. Он со всеми был мирен и умел всех смирять своим смирением, кротостью и уступчивостью.

В 1872 г. он был пострижен в монашество с именем Иосифа. Его серьезное настроение с той поры стало еще более сосредоточенным и глубоким. Он сохранил полное послушание своему старцу и без его благословения ничего не делал.

Через пять лет он был посвящен в иеродиаконы. Его жизнь не изменилась после этого, наоборот, прибавилось еще работы и забот. А спал он в приемной старца Амвросия. Эта комната иногда освобождалась от приема посетителей поздно ночью, так что о. Иосиф не имел времени отдохнуть. Нередко старец Амвросий по завету св. Иоанна Лествичника испытывал терпение и смирение своего ученика; он предлагал ему показать случай монашеского безгневия.

В 1884 г. была торжественно открыта Шамординская женская обитель, находившаяся недалеко от Оптиной. За литургией о. Иосиф был посвящен в иеромонахи. С первого же дня он начал свое священнослужение твердо, внятно, неторопливо и благоговейно. Сам он в дни служения делался каким-то радостным.

По болезни о. Амвросий не выходил в церковь. О. Иосиф начинает служить в его келье всенощные. Он становится старшим келейником и получает келью вместе с другим келейником. Как старший келейник он считал своей главной обязанностью заботиться о спокойствии старца Амвросия. Поэтому он часто выходил в приемную и внимательно выслушивал посетителей. Ответ старца он передавал в точности, ничего не прибавляя от себя. Этим он заслужил уважение и любовь всех приезжающих. Прием у старца иногда затягивался до 11 часов ночи. Видя усталость старца, о. Иосиф деликатно начинал заводить часы в его комнате, напоминая этим, что пора кончать.

Несмотря на большую занятость, о. Иосиф находил время для чтения творений Св. Отцов, особенно «Добротолюбия». Он был человеком глубокого внутреннего делания, проходивший так называемую Иисусову молитву. Старец же Амвросий постепенно подготовлял его к старческому служению, уча его словом и собственным примером. Он любил его и доверял, называя его своей правой рукой и никогда не разлучался с ним

в течение 30 лет. После смерти о. Амвросия о. Иосиф остался таким же смиренным, как был. Он никогда не придавал себе никакого значения и говорил: «Что я значу без батюшки? Нуль и больше ничего».

О. Иосиф был слабого здоровья и очень воздержан в пище. Он никогда и ничем не выдавался. Тихо и скромно он делал свое дело. Он был истинным помощником старца, но держал себя так, как будто и не был так высоко поставлен. Обращение его было непринужденно и духовно-просто. Любовь о. Иосифа к старцу Амвросию была так глубока, что он готов был отдать за него свою жизнь. Ни словом, ни делом, ни мыслию он не противоречил старцу.

В последние годы жизни старца Амвросия к нему стало приходиться так много посетителей, что он не мог принять всех. Многих он посылал к о. Иосифу. В 1888 г. о. Иосиф сильно заболел и готовился к смерти. Ему уже прочитали отходную. Старец Амвросий очень скорбел о своем любимом ученике и, конечно, горячо молился о нем. Наконец, о. Иосиф поправился. После выздоровления он стал помогать о. Амвросию тем, что исповедовал народ. В этом же году, летом, о. Амвросий благословил его съездить в Киев, куда он так стремился 30 лет тому назад. Проездом туда он заехал в монастырь, где жила его сестра, монахиня Леонида. Радости ее не было конца при виде своего «братика».

Через два года о. Амвросий совсем переселился в обитель Шамордино, а о. Иосифу он велел оставаться в Оптиной. О. Иосиф сильно скучал без старца, но покорный воле Божией и старца примирился со своим новым положением. Еще через год, в 1891 г., старец Амвросий тяжело заболел и скоро умер. Все близко знавшие о. Амвросия тяжело переносили эту смерть, но тяжелее всех ее переносил о. Иосиф. Однако он не потерялся и не упал духом, а еще утешал других. После смерти о. Амвросия духовное окормление Шамординской обители перешло к о. Иосифу. А вскоре после смерти скитона начальника о. Анатолия о. Иосиф занял и эту должность и с нею стал старцем для всей братии Оптиной Пустыни.

Итак, «хибарка» о. Амвросия, свидетельница стольких молитв и подвигов, не опустела. Духовные чада о. Амвросия видели в о. Иосифе его преемника.

Распорядок дня о. Иосифа был заведен раз и навсегда. С утра он принимал посетителей. После трапезы немного отдышал, а затем опять принимал народ. К себе он был всегда строг и никогда не позволял себе никаких послаблений. В обращении он был ровен со всеми. Его краткие ответы и сжатые наставления были действительнее самых продолжительных бесед. Кроме влияния своим благодатным словом на душевное расположение человека, о. Иосиф имел еще несомненный дар исцеления болезней душевных и телесных. Случаев, в которых ясно обнаруживался его дар прозорливости, так много, что невозможно их передать. Вот два примера. Одна козловская помещица решила поехать в Оптину Пустынь и пригласила своих дочерей ее сопровождать. Младшая согласилась, а старшая предпочла остаться дома, чтобы развлекаться с ожидавшими гостями. Оптина понравилась помещице, и она собиралась здесь подольше пожить. Но о. Иосиф послал ее немедленно домой, говоря, что надо торопиться, «а то, пожалуй, и гроба не застанете». Подъезжая к дому, помещица действительно увидела гроб, который выносили из дома: ее старшая дочь убила, упав с лошади при верховой езде.

Другой пример прозорливости о. Иосифа приводится нами впервые. В книге «На Берегу Божией Реки», изданной в Тр.-Сергиевой Лавре в 1916 г., написано следующее:

«25 сентября. День Преподобного Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. День моего Ангела. Вчера с вечера у нас в доме служили всенощную, и как же это было умирительно! И весь сегодняшний день сердце праздновало какой-то особенной праздничной радостью.

Ходили к старцам. Старец о. Иосиф поразил меня некоей неожиданностью, какой я от него никогда не видел и ожидать не мог. Принял он нас в своей комнатке. Сидел он слабенький, но очень благодушный, на своем диване, одетый в теплый подрясник серого цвета из какого-то очень мягкого пушисто-

го сукна. Подрясник был опоясан довольно тонким шнурком, сплетенным из нескольких шнурков – белых и красных. Мы стали перед старцем на колени, чтобы принять его благословение. Батюшка благословил и вдруг порывистым движением снял с себя шнурок и со словами:

– Ну, вот, на – тебе!

Надел мне его на шею и ловко завязал его мне на груди узлом, на редкость красивым и искусным.

Что бы это могло значить?»

Автор С. А. Нилус недоумевал и спрашивал себя, что значит это, по-видимому, имеющее какое-то значение действие старца-пророка?

Объяснение этому связыванию пришло в голову гораздо позднее. Связывание поясом символически обозначает темничное заключение, что и произошло с Нилусом приблизительно через 20 лет. В Деяниях пророк Агав поясом Ап. Павла связал себе руки и ноги: «Мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников» (Деян. XXI. 11).

Уча других терпению, смирению, незлобию, старец Иосиф сам первый подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние не догадывались о переживаемых им испытаниях. Он призывал своих духовных чад к творению Иисусовой молитвы, указывая при этом, что при этой молитве необходимо смиренно вести себя во всем: во взгляде, в походке, в одежде. Молитвою достигается даже сама молитва.

О. Иосиф пробыл на своем посту скитоначальника и старца братии 12 лет. Последние пять лет он стал ослабевать и иногда по два дня не принимал никого. С 1905 г. он стал особенно часто прихварывать, но духом был все так же бодр и ясен. Напоследок ему пришлось отказаться от должности скитоначальника. В Шамординской обители умерла умная и способная настоятельница. Сразу усилился приток дел, вопросов и хлопот. Старец Иосиф слег и больше уже не вставал. Простившись с оптинской братией и с Шамординскими и Белевскими сестрами, он скончался 9 мая 1911 г.

В жизнеописании старца о. Иосифа (переизданном Св.Троицким монастырем в Джорданвилле в 1962 г. стр. 117–120) приведен рассказ о. прот. Павла Левашева, который сподобился видеть старца о. Иосифа, озаренного фаворским светом, сопровождающим высокую степень умносердечной молитвы, как о том пишут святые отцы в «Добротолюбии». Вот прямой текст рассказа о. Павла:

«В 1907 году я первый раз посетил Оптину пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, я же поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в скит, а там келию старца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки. Приемная – это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями Св. Отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: “Он давно ждет”. Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него молящегося. Через несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келейку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой. В это время я увидел глубокого старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; чрез мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоты, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как

и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости, – это отличительные качества старца, – стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого для меня совершенно непонятного видения. Наконец я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав: «Батюшка! Я великий грешник». Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову – скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в момент, когда вошел в келью. Так продолжалось недолго. Опять заблестал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я совета его об открытии в своем приходе попечительства и просил его св. молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину Пустынь, много раз был у батюшки о. Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т.д.; иначе подобного в видимой природе я не видел.

Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, переживаю умиление и восторг. Мой рассказ – «иудеям будет соблазн, эллинам безумие», маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере – выдумкой, фантазией, и в лучшем случае объяснят галлюцинацией. В наше время неверия, безверия и религиозного развала подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что ж? Молчать ли нам, служителям истины, – да не будет! Приснопамятный старец Иосиф поистине светильник горящий и светящий, – светильник же не ставят под спудом, а на свещнице, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой. Прошу всех верующих христиан молиться за него, чтобы и он помолился за нас пред Престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю, как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью».

Отец Павел пишет: «В 1907 г. я посетил Оптину Пустынь как-то случайно». И действительно, целью его путешествия не было намерение посетить Оптину Пустынь. Он там оказался, будучи в гостях у моей тетушки, которая в то время с мужем своим жила там постоянно. О. Павла я помню еще в детстве, когда он приезжал на праздник со святой водой к той самой моей тете Елене Александр. Озеровой, бывшей тогда попечительницей Рождественских фельдшерских женских курсов, где о. Павел был настоятелем церкви. К ней-то он и поехал погостить в Оптину Пустынь. О. Павел, будучи прекрасным священником, но, как и большинство в России белого духовенства, был противником монашества. И вот какое потрясение ожидало его по прибытии в Оптину Пустынь! Он стал тогда послушником оптинских старцев.

В 1916 г. мне пришлось зимовать в Петербурге и там я ходила на исповедь к о. Павлу. Передо мной был человек необы-

чайно углубленный, сосредоточенный, боящийся произнести лишнее слово. Это был строгий монах, хотя и без пострига. Он часто участвовал во всенощных бдениях, которые совершались ночью на Карповке в церкви-гробнице о. Иоанна Кронштадтского. Там же он служил еженедельно акафисты в странноприимнице. Во время упоминания имени Божией Матери принимались выть злые духи, сидевшие в одержимых, приходивших туда в надежде исцеления. Вой этот тончайший, мистический, не похожий на голос человеческий. Он неописуем, острый и ледяной, ледящий ужасом душу. Я еле могла удержаться от крика ужаса, когда они выпускали свой вой. Душа трепещет, как птица, слыша голос своего лютого врага.

В описываемое время о. Павел был настоятелем церкви при Главном Штабе. После революции он переехал в Москву и священствовал в Ново-Девичьем монастыре. Дальше я не знаю.

ГЛАВА XIII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ (1824–1897)

Старец иеросхимонах Анатолий родился 24 марта 1824 г. в селе Боболи Калужской губ. Он был сыном дьякона о. Моисея Копьева и его супруги Анны Сергеевны. Родители его были на редкость богобоязненными и желали видеть детей своих в иноческом звании. Они воспитывали своего единственного сына Алексея в известной строгости. С 5-летнего возраста отец обучал Алексея грамотности и хотел, чтобы его сын мог читать на клиросе. Но у мальчика был слишком слабый голос. В свое время Алексей был отдан в Боровское духовное училище, а когда окончил курс учения, был переведен в семинарию в Калугу. 14-ти лет он заболел горячкой и пропустил год учения. Здоровьем он не отличался. Стремление к монашеству в нем было развито рано, и он чуть не ушел в Рославльские леса к пустынникам. Страшная гроза, которая захватила его в дороге дала ему понять, что Господь препятствует его намерению. Окончив семинарию, Алексей Моисеевич Зерцалов, как его переименовали в семинарии, поступил на службу в казенную палату. Но вскоре чудо выздоровления от чахотки привело его навсегда в стены Оптиной Пустыни. Он пришел туда с матерью. «Благословенна ты, добрая женщина, на какой хороший путь отпустила сына», – сказал ей там старец Макарий. Он стал обучать молодого послушника Иисусовой молитве и с любовью им руководить.

Когда старец бывал занят, он благословил Алексея обращаться к о.Амвросию, объяснив свой выбор: «Он пошу-

стрее». Кроме этого бр. Алексей обращался за духовным руководством и к о. Антонию Путилову с ведома и одобрения о. Макария. Он называл в шутку будущего о. Анатолия «высочайшим» из за его высокого роста, но также имея в виду его духовное устроение. Несмотря на доброе расположение к нему его руководителей, жизнь бр. Алексея в монастыре была полна скорбей и трудностей. О. Макарий вел его тропой иноческого подвига. Сначала он работал на кухне, где приходилось ему мало спать, да еще спать на дровах. Затем его переводили из кельи в келью; не успеет он привести свое помещение в порядок, как его снова переводят. Наконец, его поселили в башне, где его собрат не признавал старчества и был с ним груб. От непривычки мало спать и тяжелого физического труда у него сильно болела голова. Целыми днями он лежал с больной головой и некому было подать ему воды, и он оставался без пищи. А внизу под башней кололи дрова. Таких и подобно этому скорбей было не перечить. Путем этих огорчений в нем вырабатывался дух смирения, терпения, кротости и твердости духа. Однажды приехал в Оптину Пустынь преосвященный Игнатий (Брянчанинов), пожелал видеть и беседовать с тем из иноков, кто бы опытно проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Ему указали на о. Анатолия. Епископ долго беседовал с иноком. Беседа инока очень ему понравилась. Прощаясь с о. Анатолием, преосвященный не мог не выразить своего уважения и удивления к иноку и говорил об удовольствии своем встретить инока образованного и опытного в духовной жизни. Был же о. Анатолий у епископа только после двукратного приглашения и по приказанию старцев. Но когда он встретил о. Макария и простосердечно все ему пересказал, старец при всем народе стал его бить палкой и говорить: «Ах ты негодяй! Вообразил, что он хороший! Ведь преосвященный аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!» Со стыдом пошел к себе инок... А о. Макарий сказал после его ухода: «Как не пробрать? Долго ли загордиться!» О. Анатолий тогда был уже иеродиакonom.

Когда умер о. Макарий, о. Анатолий и о. Амвросий особенно сблизились между собой, потеряв любимого ими обоими старца и руководителя. О. Амвросий, увидев, что о. Анатолий стал уже достигать меры высокого духовного устроения и созрел, чтобы наставлять других, постепенно стал вводить его в свой старческий труд, делая его своим сотрудником, подобно тому, как и его вел в свое время о. Макарий. Еще когда о. Анатолий был иеродиаконем, о. Амвросий посылал его на гостиницу утешать скорбных и печальных, куда о. Анатолий ходил и беседовал с ними.

В 1870 г. о. Анатолий был посвящен в иеромонахи. В следующем году он был назначен Синодом указом от 3 авг. 1871 г. настоятелем Спасо-Орловского монастыря Вятской губ. с возведением в сан архимандрита, но ради трудов старчества и послушания о. Амвросию отец Анатолий отказался от служебной карьеры.

Видя духовное возрастание о. Анатолия, о. Амвросий выпросил его сначала к себе в помощники, потом в благочинные скита. Это назначение последовало скоро по посвящении о. Анатолия во иеромонахи и наконец по просьбе о. Амвросия о. Анатолий был назначен скитона начальником (1874). Будучи таковым, он входил во все нужды скитской братии и заботился о благосостоянии каждого. Все эти назначения о. Анатолий принимал из послушания своему старцу и нес их смиренно и трудолюбиво.

Здесь мы приведем случай, отмеченный Нилусом в его оптинском дневнике, озаглавленном «На берегу Божьей реки» (изданном в 1916 г. в Тр. Серг. Лавре). Случай указывает на духовную бдительность, требуемую от скитона начальника.

«11 мая. Заходил сегодня к старцу о. Иосифу и не дозвонился. Должно быть, пришел слишком рано, и келейники старца отдыхали послеобеденным сном. Подергал я раза три за ручку дверного колокольчика, подождал, прислушался к тишине внутри кельи батюшки... Никто не отозвался на мой звонок. Я уже собрался уходить, как вдруг взгляд мой остановился на изречениях подвижников духа, развешанных по стенам

первой прихожей кельи старца. Стал читать и, к немалому для себя и даже – не скрою – соблазну, прочел написанные четким полууставом слова:

“Егда внидеси к старцу, то удержи сердце свое от соблазна. Аще даже узриши старца твоего и в блуд впадша, не ими веры и очесам твоим”.

Дословно ли так я записал эти смутившие меня слова, я не могу поручиться; за точность смысла ручаюсь.

И было мне это изречение в соблазн немалый. Хотел я позвониться к отцу своему духовному и старцу Варсонофию, но поопасался потревожить и его послеобеденный отдых. Так и ушел из скита с соблазном в сердце.

Хорош тот старец, которого глаза мои застигнут на блудодеянии!.. Очень удобное изречение для ханжей и лицемеров!.. И как только оно могло приютиться в таком месте, как келья наших чистых от всяких подозрений и праведных старцев?..

Горько мне было... И вдруг я вспомнил... Было это в прошлом октябре. На день памяти одного из великих ветхозаветных пророков были именины одного из старых почитаемых скитских монахов, сподвижника и помощника великого старца Амвросия по постройке Шамординского монастыря, отца Иоилы. Я был приглашен на чай к этому хранителю Оптиных преданий. Собралось нас в чистенькой и уютной келье именинника человек шесть монахов да я, мирской любитель их и почитатель. За весело кипящим самоварчиком, попивая чаек с медком от скитских пчелок, повели старцы, убеленные сединами, умудренные духовным опытом, свои тихие, исполненные премудрости и ведения, монашеские беседы...

Господи мой, Господи! Что за сладость была в речах тех для верующего сердца!...

И, вот тут-то, за незабвенной беседой этой, и поведал нам сам именинник о том, что было с ним в те дни, когда после кончины старца Амвросия управлял скитом и нес на себе иго старчества скитоначальник о. Анатолий:

“Призывает он меня как-то раз к себе наедине, да и говорит:

– О. Иоиль, скажи мне всю истинную правду, как перед Богом: никто не ходит к тебе по ночам из мирских в келью?

– Помилуйте, – говорю ему, – батюшка! Кому ходить ко мне, да еще ночью? Да где и пройти-то? – ведь, скит кругом заперт, и все ключи у нас в келье».

– А калитка, что в лес, на восток?

– Так что ж, что калитка? И от нее ключ у вас.

– Вот, – говорит, – то-то и беда, то-то и горе: ключ у меня, а к тебе все-таки какая-то женщина ходит.

Я чуть не упал в обморок. Батюшка увидал это, да и говорит:

– Ну, ну! Успокойся. Я тебе верю, раз ты это отвергаешь. Это, видно, поклеп на тебя. Ступай с Богом!

– Батюшка, – спрашиваю, – кто донес вам об этом?

– Ну, что там, – говорит, – кто бы ни донес, это не твое дело; будет с тебя того, что я тебе верю, а доносу не верю.

Ушел я от него, а на сердце обида и скорбь великая: жил, жил монах столько лет по-монашески, а что нажил? Нет, при батюшке Амвросии такого покаяния на меня не было бы... Горько мне было, лихо!

Прошло сколько-то времени. Опять зовут меня к скитоначальнику. Прихожу. Встречает меня гневный.

– Ты что же это? Ты так-то!

– Что, батюшка?

– Да то, что я теперь сам, своими глазами, видел, как к тебе из той калитки сегодняшней ночью приходила женщина. Сам, понимаешь ли ты, – сам!

А я чист, как младенец. Тут мне кто-то будто шепнул: да это враг был, а не женщина. И просветлело у меня сразу на сердце.

– Батюшка! Верьте Богу: невинен я! Это нас враженек хочет спутать, это он злодействует.

О. Анатолий взглянул на меня пристально-пристально, в самую душу сквозь глаза заглянул и, видимо, успокоился.

– Ну, коли так, так давай с тобой вместе помолимся Богу, чтобы Он извел правду твою, яко полудне. Давай молиться,

а ночью, часам к двенадцати, приходи ко мне: увидим, что речет о нас Господь.

Усердно помолился я в тот день Богу. Пришел близ полуночи к старцу, а уж он меня ждет одетый.

– Пойдем! – говорит.

И пошли мы к той калитке, из которой, он видел, ходит ко мне ночью женщина. Стали к сторонке; ждем. Я дрожу, как в лихорадке, и творю молитву Иисусову. И что ж вы думаете? Около полуночи смотрим, калитка в лес отворяется, и из нее выходит закутанная с головой женщина, выходит, направляется прямо к двери моей кельи, отворяет ее и скрывается за ней в моей келье.

– Видишь? – говорит батюшка. А я ни жив, ни мертв отвечаю:

– Вижу.

Подошли к двери, а она заперта. Была перед нашими глазами открыта, а тут вдруг заперта!... Отворяю своим ключом. Входим. Никого! Осмотрели всюду, все норки мышинные оглядели: нигде никого. Перекрестились тут мы оба, и оба сразу поняли, от кого нам было это наваждение. С той поры о той женщине уже не было никакого разговора”.

Этот рассказ о Иоилия вспомнил сегодня, и отошел от меня сразу соблазн на изречение, прочитанное мною в прихожей старца Иосифа.

Мне-то ясно это. Ясно ли будет тем, кому попадутся на глаза эти строки?..»

К старцу Амвросию, став скитоначальником, о. Анатолий продолжал относиться с тем же почтением, как и прочие, когда бывал у старца, становился перед ним на колени. Однажды о. Амвросий, указывая на коленопреклоненного о. Анатолия, сказал присутствующим: «Рекомендую: вот мой начальник!» Келия о. Амвросия находилась по правую сторону св. врат скита, а келия о. Анатолия по левую. К той и другой были пристроены снаружи «хибарки» для приема посторонних посетителей, в особенности женского пола. Все посещавшие о. Амвросия считали долгом посетить и о. Ана-

толия – иных сам о. Амвросий передавал для духовного руководства о. Анатолию – иные через о. Анатолия обращались к о. Амвросию. К о. Анатолию еще при жизни о. Амвросия обращались столь многие, что иногда ему приходилось сразу отвечать на полтораста и более писем, не говоря уже о том, что в хибарке у него постоянно толпились духовные дети, жаждавшие личной беседы.

Но вот наступило время основания Шамординской обители. О. Амвросий, прикованный болезненным состоянием к одру и к своей келии, особенно стал нуждаться в своем помощнике и правой руке – о. Анатолии, который и стал ему самым верным и преданным сотрудником. Его труды охватывали все стороны жизни обители и ее насельниц... О. Амвросий не раз говаривал шамординским сестрам: «Я редко вас беру к себе (на беседу) потому, что я за вас спокоен: вы с о. Анатолием».

21 год служил старец своим чадам-насельницам юной обители, и неудивительно, что все привыкли к нему. Слова и утешения имели такую силу, что многие сестры остались в монастыре и не покинули его только благодаря силе старческого влияния.

Сам пламенный молитвенник – делатель молитвы Иисусовой, о. Анатолий всегда внушал сестрам непрестанно творить эту молитву и при этом напоминал им о необходимости соблюдать чистоту сердца. О. Амвросий называл о. Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой: «Ему такая дана молитва и благодать, – говорил он, – какая единому от тысячи дается», т.е. умносердечная молитва. О. Анатолий на склоне дней своих имел те же дары духовного совета, прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, чем были так богаты его наставники, великие старцы Макарий и Амвросий. Он предузнавал о смерти близких его духовных детей, их болезни и невзгоды, и осторожно предупреждал тех, к кому приближалось испытание. Воспоминания его духовных детей полны описанием подобных событий. Одной инокине и одному иноку еще задолго он предрекал ожидавшие их настоятельства, а одной девушке приоткрыл скорую кон-

чину; монахине болезни ног. Предупреждая о готовящихся испытаниях, он внушал своим чадам принимать таковые с покорностью воле Божией.

Когда же скончался старец Амвросий, о. Анатолий тяжело почувствовал свое духовное сиротство и сам стал быстро приближаться к закату своей жизни. Со скорбью о разлуке с о. Амвросием прибавилась еще другая скорбь: ему епархиальный епископ, не расположенный к о. Амвросию и ко всему его делу, запретил въезд в Шамордино. Этот нравственный удар оставил на нем тяжелый след. Здоровье его окончательно пошатнулось. В 1892 г. он ездил в Петербург и Кронштадт повидаться с о. Иоанном, с которым они оба чувствовали взаимное уважение друг к другу. Они сослужили вместе 10 октября в день памяти о. Амвросия. Столичные врачи нашли у о. Анатолия слабость сердца и оттек легких. В следующем году болезнь эта стала принимать еще более тяжелую форму. 15 окт. 1893 г. о. Анатолий тайно принял схиму, о чем знал только его духовник о. Геронтий и самые близкие. Через три с половиной месяца после этого, 25 января 1894 г., старец о. Анатолий преставился и был погребен недалеко от могил его великих наставников.

Смерть любимого старца вызвала в его преданном ученике, будущем великом старце Варсонофии, нижеследующие бесхитростные стихи, как бы запечатлевшие надгробный плач погребавшей своего старца осиротевшей братии:

Он как ангел небесный служил,
Полный веры, пред Господом Сил,
Как светильник сияя среди нас!..
Все мы помним торжественный час,
Когда в схиму его облачили
И с слезами во гроб положили,
И почтили молитвенно память его,
Песнь воспевши над ним погребальную,
Песнь святую и грустно-прощальную:
«Упокой, Христе, душу раба Твоего,
Со святыми, где нет воздыхания,

Ни болезни, ни гласа стенания,
Всеблаженная жизнь безконечная!»
О, возлюбленный, Авва родной,
Верим мы, что чистой душой,
Совершивши путь истины правый,
Предстоишь ты пред Господом Славы
В вечном свете небесных обителей
В лице Его верных слугителей!
Нас, истомленных душевной борьбой,
Помяни ты в молитве святой.

Письма старца Анатолия

Краткое жизнеописание старца Анатолия, нами предложенное, не может охватить всего его образа и хотя бы отчасти передать тот светлый, пасхальный дух, отличительные черты которые были присущи старцу.

Благоухание этого духа сохраняют его письма, главным образом к монашествующим сестрам, подвизавшимся в целом ряде монастырей шести епархий: Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской и м.б. и других. Все эти монахини по благословению о. Амвросия обращались к о. Анатолию за духовным руководством.

Конечно, еще до возникновения переписки все эти монахини стремились лично побывать в Оптиной Пустыни, в скиту, в батюшкиной «хибарке», чтобы раскрыть перед ним свою душу, чтобы сообщить о горестях и немощах, о тягости борьбы со страстями и о несправедливости со сторон людей, но иной раз и о горечи монашеского жития. Старец все выслушает, успокоит, обласкает, добродушно пошутит, а иной раз строго, но с любовью укорит, даст нужный совет, снабдит полезной книгой и отпустит с миром восвосяи.

Но не всегда возможна поездка в Оптину Пустынь. И вот возникает письменное общение со старцем, достигавшим до 200 и больше писем в сутки, получаемых им, конечно, не

только от одних монахинь. И на них старец отвечает помимо ежедневного приема посетителей и круга церковных служб и монашеского правила. Пишет он языком в высшей степени ясным, простым, задушевым, увлекательным.

В письмах о. Анатолия каждое слово направлено к одной цели – спасение души тех, кому они писаны! При этом старец нередко входит во все подробности монашеской жизни и дает необходимые указания и бедных снабжает деньгами на почтовые марки, на поездку в Оптину и другие их нужды.

«Ты просишь наставления и назидательного урока, – пишет старец одной монахине, поздравляя ее с приятием иноческого пострига, – как бы тебе не сбиться с истинного пути? Начни со смирения – делай со смирением и кончай смирением – и вчинишься со Святыми. Этот путь смирения самый надежный и, как говорят отцы, “непадетельный”. Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех?»

«Не унывай, что ты еще не достигла (совершенства), а старайся; начинай не сверху, а с нижней ступени – т.е. со смирения и самоукорения».

«Страсти искореняются понемногу... и долгое время надо работать над собой... Страсти искоренять начинай с самоукорения, познания своих (а не сестринских) немощей».

«Ты все жалуешься на скорби, – пишет о. Анатолий одной духовной дочери, – а великий старец Серафим Саровский сказал: не имеющий скорбей не имеет спасения».

«Не унывай! Помни, что все Святые сим путем, т.е. путем скорбей, шли, и дошли до врат царствия. Другого пути нет!»

«Сказываю тебе лучшее средство приобрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть... Начни так и увидишь. Главное, ты не понимаешь, что эта-то боль, это-то самое острое жало, укалывающее чувствительность сердца, и есть настоящий источник милостей Божиих и смирения. В них-то сокровенна есть милость Божия. Отыми от тебя болезни эти, томноту твою, оскорбления, укору, недостатки, и ты останешься совсем нагая. Прощай тогда и порфира царская, и корона царская, и жемчуга, и драгоценные

камни, и древа райские, и Ангелы, и Сам Бог с Пречистою Матерью! – все это отлетит от тебя. А теперь все это с тобою».

«Что больна, – пишет старец другой монахине, – не беда; грешным людям это очищение, как огонь очищает железо от ржавчины, так и болезнь врачует душу».

Ни смирения, ни терпения нельзя достигнуть без постоянного молитвенного обращения к Богу. Молитву Иисусову он почитал главным средством ко спасению, глубже всего запечатлевающим в душе нашей постоянную память о Боге и как огонь очищающим и воспламеняющим ее. «Лучше всего, – пишет он, – вырисовывать на мягком юном сердце Сладчайшее имя – светозарную молитовку: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня грешную. Вот тогда-то будет верх радостей, бесконечное веселие! Тогда, т.е. когда утвердится в сердце Иисус, не захочешь ни Рима, ни Иерусалима. Ибо Сам Царь со всепетюю Своею Материю и всеми Ангелами и Святыми придут Сами к тебе и будут жить у тебя. Аз и Отец к нему придем и обитель у него сотворим». «Христос Воскресе! – пишет старец, – желаю тебе проводить святые дни сии в радости о Воскресшем Спасе нашем и быть достойною праздновать тот великий день, когда истая Пасха – Иисус не в гаданиях и представлениях, но ясно и существенно явится в славе Отчей. И мы узрим Его лицом к лицу. И внидем к Нему не как грешники и непотребные рабы, но как други, как дети! О, Пасха велия и священнейшая, Христе! О Мудросте!.. Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни царствия Твоего! Отчего этот день невечерний? Оттого, что его Солнце не тварь, а Иисус Христос. Взойдет это Солнце единожды и уже во веки и веки бесконечные не зайдет, не померкнет, ни облачко Его не застит, ни луч не опалит! Там немерцающий свет! Красота непостижимая. Веселие вечное. Аминь». (Душепол. Чтение, 1903).

ГЛАВА XIV. СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ († 1912)

І. Возрождение

В миру он был полковником, происходил из Оренбургского казачества, служил при штабе военного Казанского округа. Тяжко заболев однажды воспалением легких и находясь при смерти, он велел денщику читать ему вслух Евангелие. В это время ему последовало видение: отверзлись небеса, и он содрогнулся от великого страха и света. В его душе произошел переворот, у него открылось духовное зрение. По отзыву старца о. Нектария, «из блестящего военного в одну ночь по соизволению Божию он стал великим старцем». Он носил в миру имя Павла, и это чудо, с ним бывшее, напоминает чудесное призвание его небесного покровителя апостола Павла. О своем возрождении он говорит так:

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомнения,
От пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,

И светлый мир и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.

Драгоценные крупницы биографических сведений, оставшихся о великом Старце, были записаны его духовным сыном Василием Шустиним, впоследствии священником, словами которого мы и начнем нашу повесть о старце Варсонофии. Все остальные данные, собиравшиеся все эти долгие годы буквально, как говорится, «с миру по нитке», впервые появляются собранными воедино и составляют «полное» жизнеописание старца.

Отец Василий пишет:

«В миру о. Варсонофия звали Павлом Ивановичем Плеханковым. Он происходил из оренбургских казаков, кончил Полоцкий кадетский корпус и в офицерском чине вышел из Оренбургского военного училища. В Петербурге он окончил казачьи офицерские штабные курсы. Участвовал в пограничных боях в Туркестане. Служил в штабе Казанского округа.

Родился он 5 июля и считал преп. Сергия Радонежского своим покровителем. “Приходилось, – говорил батюшка, – делать по службе приемы, приглашать оркестр, устраивать танцы; были карты, вино. Меня это очень тяготило. Лучше бы те деньги, которые затрачивали на эти парадные приемы, использовать на другие цели. Но моя служба по штабу заставляла меня так поступать.

О. Варсонофий рассказал про свою встречу с о. Иоанном в Москве. “Когда я был еще офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что о. Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал

туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время о. Иоанн переносил св. Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он, вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, т.к. у меня и в мыслях не было принимать сан священника. А теперь, видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах”. При этом батюшка о. Варсонофий сказал между прочим: “Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше придти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом”.

Другой оптинский иеромонах, Варсис, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что и со мной, когда о. Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. О. Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что то важное. Вообще, старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится. “Бывало со мной несколько раз, – говорил старец, – отслужишь обедню, приобщись и затем идешь принимать народ. Выказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келию, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя худшую беду”. Это и есть невидимая Божия Благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве после приобщения Св. Тайн.

И вот заболел батюшка воспалением легких. Доктора определили положение безнадежным. Да и батюшка – а тогда полковник П. И. П. – почувствовал приближение смерти, велел своему денщику читать Евангелие, а сам забылся... И здесь ему было чудесное видение. Он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь

пронеслась мгновенно перед ним. Глубоко был он проникнут сознанием покаянности за всю свою жизнь и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину Пустынь. Здесь у него открылось духовное зрение. Он уразумел глубину слов Евангелия.

Я слышал несколько раз, как говорил старец о Нектарий: “Из блестящего военного в одну ночь по соизволению Божию он стал великим старцем”. Это была тайна батюшки. Говорить о ней стало возможным только после его смерти.

К удивлению всех большой полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину Пустынь. Старцем в Оптиной был в это время о. Амвросий. Он велел ему закончить все дела в три месяца, с тем, что если он не приедет к сроку, то погибнет.

И вот тут у батюшки начались различные препятствия. Приехал он в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задерживают отставку. Товарищи смеются над ним, уплата денег задерживается, он не может расплатиться со всем, с чем нужно, ищет денег взаймы и не находит. Но его выручает старец Варнава из Гефсиманского скита, указывает ему, где достать денег, и тоже торопит исполнить Божие повеление. Люди противятся его уходу, находят ему даже невесту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. С Божией помощью он преодолел все препятствия и явился в Оптину Пустынь в последний день своего трехмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу в церкви, и батюшка приник к его гробу.

Преемник старца Амвросия, старец Анатолий, дал батюшке послушание быть служкой при иеромонахе Нектарии (последнем великом старце Оптинском). Около о. Нектария о. Варсонофий прошел в течение десяти лет все степени иноческие, вплоть до иеромонаха, и изучил теоретически и практически Святых Отцов. В 1904 году был послан на Дальний Восток обслуживать лазарет имени преп. Серафима Саровского, а по возвращении с фронта был назначен игуменом оптинского скита. Здесь я его и застал.

Бывая на религиозных студенческих собраниях в Петербурге, мне пришлось познакомиться с одним студентом Духовной Академии Вас. Прокоп. Тарасовым. Мне чрезвычайно нравились его захватывающие душу проповеди. Один раз он в своей проповеди коснулся вопроса о старчестве. Я как раз в это время перечитывал “Братья Карамазовы”, и меня очень интересовал тип старца Зосимы. Я подошел к Тарасову и спросил, не знает ли он, существуют ли в настоящее время такие благодатные старцы. Он мне ответил, что старчество по преемственности и сейчас существует, и находятся такие старцы в Оптиной Пустыне. Об Оптиной Пустыне я не имел понятия. Для ознакомления он мне посоветовал прочитать жизнеописание старца о. Амвросия. Я прочитал, и у меня возгорелось желание непременно познакомиться с этими старцами. Это было не одно только любопытство, но и внутреннее какое-то тяготение: я чувствовал особенное сиротство духовное после смерти о. Иоанна Кронштадтского.

В одно из посещений Тарасова нашей семьи я ему предложил съездить вместе в Оптину Пустынь. Он согласился. К нам присоединился еще один студент Горного института Ив. Мих. Серов. И вот мы втроем в начале летних каникул 1910 года отправились в Оптину Пустынь.

Пустынь находится в Калужской губ., в двух верстах от гор. Козельска. Она расположена в живописной местности, на высоком берегу реки Жиздры, и окружена вековым сосновым бором. Последний подъезд к ней – на пароме, К нашему приезду, утром, свободных комнат в гостинице не оказалось, и нам монах-гостиник предложил остановиться в одной пустой даче, принадлежавшей генеральше Максимович. Это было еще удобнее для нас; здесь уже мы никого не стесним. Мальчик-подросток принес нам самовар, и мы отдохнули, напившись чаю с особыми булками из просфорного крутого теста.

Было 9 часов утра. Мы решили тотчас же идти к старцу. Сначала зашли к гостинику и спросили, где здесь живет старец. Он рассказал, как пройти в скит и где можно увидеть старца о. Иосифа, бывшего келейника о. Амвросия. Мы сначала думали, что это и есть единственный старец Оптинский. К

скиту монастыря вела извилистая дорожка среди густого бора. По дороге нам встречались послушники, монахи, и все они, опустив глаза, кланялись в пояс. Эта тишина, эти безмолвные поклоны как-то таинственно действовали на душу, подготавливая ее к чему-то большему. Вот показался и скит, обнесенный деревянной стеной. Прямо были большие глубокие ворота, над которыми высилась колокольня. В глубине ворот, по обеим сторонам были нарисованы изображения св. Иоанна Крестителя и египетских пустынножителей. С наружной стороны стены, по обеим сторонам ворот находились крылечки, через которые входили к старцам женщины. Внутри скита женщин не выпускали. Мы же через маленькую калиточку в воротах вошли внутрь скита и сразу были поражены благоуханием воздуха, оно было от кустов роз и цветников. Везде была безукоризненная чистота. К нам тотчас же из келии вышел привратник и спросил, кого мы хотим видеть. Узнав, что мы пришли к старцу Иосифу, он указал нам направо его домик. Дверь была заперта – мы постучали. К нам вышел келейник и сказал, что батюшка очень слаб и вряд ли примет, но все-таки пошел и доложил, что приехали три студента из Петербурга. Старец Иосиф разрешил нас впустить в приемную. Через некоторое время мы увидели седого, слабенького, маленького роста старца. Он вынес нам три листочка издания Троице-Сергиевской Лавры и просил его простить, что он очень слаб и не может с нами побеседовать. Он благословил нас, каждого в отдельности, и дал нам по листочку. Мы вышли, сели на скамеечку среди цветников и стали читать листочки. Мне попался листочек под заглавием: “Что такое культура”, где высказывалась мысль о вреде ложной культуры на духовное развитие человека, т.к. она действует расслабляюще на человеческую волю.

Сидя в садике, мы не видали ни одного монаха. Оказывается, по уставу скитские монахи не имеют права посещать друг друга без разрешения старца. У каждого монаха и послушника была отдельная келия, причем таких келий было по две в каждом домике. Домики были разбросаны среди фруктовых деревьев, маленькие, беленькие с зелеными крышами. Тут же было и кладбище.

Посидев на скамеечке среди полной тишины с полчаса, мы отправились к себе на дачу. На обратном пути мы встретили молодого, с интеллигентным лицом монаха, который, поздоровавшись с нами, остановился и спросил – откуда мы. “Приятно видеть, – сказал он, – таких молодых людей-студентов, стремящихся к единой Божией Истине, и поэтому хочется с вами познакомиться. Нас здесь часто посещают студенты-толстовцы. Некоторые из них закоренелые, упорные, с большим самомнением, так и остаются недоступными для благодати Божией, а люди искренние благодаря молитвам и беседам великого старца о. Варсонофия делаются истинными сынами Православной Церкви. Вы не видали этого старца?” Мы ответили, что не знали о нем, а были у старца Иосифа. “Старец Иосиф не даст вам того, он слаб очень здоровьем и руководит только сестер Шамординского монастыря, который основал старец Амвросий. Нашим же старцем, старцем братии является игумен скита о. Варсонофий. Он сейчас утром занят хозяйственными распоряжениями и письмами, а принимает с 2^{1/2} часов. Непременно посетите его, получите великое утешение”. С этими словами он пошел дальше.

Вернулись мы к себе в 11 часов, как раз к обеду. Мужчины богомольцы могут ходить на общую монашескую трапезу. Но нам для первого раза принесли обед в комнату. Обед состоял из перлового супа, вареной рыбы и гречневой каши; порции давали очень большие, вместе с черным ржаным сладковатым хлебом. Для питья принесли чудный квас. После обеда мы лежали немножко и отправились осматривать монастырь. Он занимал довольно большую площадь, обнесенную каменной стеной, на четырех углах которой были водружены металлические ангелы с трубами; ангелы при ветре вращались и издавали особый скрипящий звук, который постоянно будил внимание богомольцев.

Внутри ограды монастырской было три больших храма. Главный храм был посвящен иконе Казанской Божией Матери. Около алтаря этого храма были похоронены оптинские старцы: Макарий, Лев, Леонид, Анатолий, Амвросий (впоследствии Иосиф и Варсонофий). Над каждой могилой была воздвигнута

гробница, горели неугасимые лампы. Здесь почти в продолжение целого дня совершались панихиды очередными иеромонахами. Тут же рядом, между храмами, среди фруктовых деревьев, погребались и остальные члены монастырской братии. При осмотре монастыря меня удивило, что я не видел нигде никакой тарелки или кружки для сбора. Раньше, под влиянием суждений нашего общества, у меня укоренилось убеждение, что монахи – тунеядцы и стараются всеми мерами обирать богомольцев, страшая их будущими муками, если они не выявят своей щедрости. – Здесь же царил дух любви нестяжательности и все безмездно старались услужить тебе, хотя никто тебя не знал. Но почему то нас все спрашивали, – не толстовцы ли мы.

Осмотрев монастырь, побывав в храмах, мы через восточные ворота отправились в скит, к старцу – игумену скита о. Варсонофию. Прием у него уже начался, и двери были открыты. Через малый стеклянный балкончик мы вошли в коридор, по стенам которого стояли скамейки. Обыкновенно, по временам выходил сюда к посетителям келейник старца и спрашивал, кто они такие и откуда, и докладывал старцу. Но сейчас мы этого не увидели. Как только мы втроем вступили в коридор, дверь из келии старца отворилась, и он в необыкновенной красоте предстал пред нами, – высокого роста, статный, величественный, с головой, покрытой белыми серебристыми волосами без всякого оттенка желтизны. На лице его была ласковая улыбка. Он распростер руки и сказал: “Наконец-то давно ожидаемая мной троица ко мне явилась. Что вы так долго собирались приехать сюда? Я вас ждал. Пожалуйста, пожалуйста сюда”, и принял нас к себе в келию. Мы с трепетом подошли к нему под благословение, он потрепал каждого по голове. Сам встал в дверях, а нам велел пройти вперед и разместиться, кто где хочет. Я сел в кресло около иконостаса и стал осматривать келейку. Она была небольшая; в углу помещалось несколько образов с лампадой, перед ними стоял аналой. Обстановка комнаты состояла из стола, дивана и трех кресел. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой помещалась кровать старца. По стенкам висели портреты прежних старцев.

Как только мы разместились, старец вошел в комнату и сразу подошел ко мне: “Ишь ты какой! Я встал в дверях и смотрю, кто куда сядет, а ты взял да и сел на место старца!” Я в смущении встал и говорю: “Простите, батюшка, я не знал, сейчас пересяду”. А он положил мне руки на плечи и посадил опять, и говорит: “Старцем захотел быть, а может быть, им и будешь”, и сам поднял глаза и стал смотреть вверх... Потом посмотрел на меня и продолжает. “Болит мое сердце за тебя, ты не кончишь института. Почему – не знаю, но не кончишь”. Позже, в другие мои посещения Оптиной, он мне говорил: “Брось институт, и помогай отцу”. Но я был увлечен институтом, мне хотелось приобрести знания, я и говорю батюшке: “Дайте мне поучиться, меня интересует это”. Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал: “Ну, если хочешь, учись, только все равно не кончишь”. Так оно и сбылось: сначала болезнь моя, затем немецкая война и, наконец, гражданская не дали мне кончить института.

Батюшка позвонил в колокольчик. Явился келейник, и он велел ему поставить самовар и приготовить чай. А сам сел с нами и стал беседовать. Сначала он вспоминал о Петербурге, где он был, когда учился на офицерских курсах. “Давно это было, я тогда был прикомандирован к Преображенскому полку и все ходил в церковь, в Преображенский собор... Я каждый день ходил к ранней обедне. Так приучила меня мачеха, и как я теперь ей благодарен! Бывало, в деревне, когда мне было только пять лет, она каждый день будила меня в 6 часов утра. Мне вставать не хотелось, но она сдергивала одеяло и заставляла подниматься, и нужно было идти, какова бы ни была погода, 1^{1/2} версты – к обедне. Спасибо ей за такое воспитание! Она показала свою настойчивость благую, воспитала во мне любовь к Церкви, так как сама всегда усердно молилась”.

После этих воспоминаний он перешел к теме о Толстом. Великое зло – это толстовское учение, сколько оно губит молодых душ. Раньше Толстой действительно был светочем в литературе и светил во тьме, но впоследствии его фонарь погас, и он очутился во тьме, и как слепой он забрел в болото, где завяз и погиб. (При кончине Толстого о. Варсонофий был, по

приказанию Синода, командирован на станцию Астапово для принятия раскаяния умиравшего и сопричисления его снова в лоно Церкви, но не был допущен к Толстому в комнату окружавшими Толстого лицами). О. Варсонофию всегда трудно было рассказывать об этом, он очень волновался*.

Пока батюшка беседовал с нами, келейник принес чай в стаканах; поставил на стол мед из собственных скитских ульев, варенье и маслины. Батюшка стал угощать, как радушный хозяин, сам накладывал на тарелочки и мед и варенье. Велел принести еще добротного жертвования – паюсной икры, намазывал ее на белый хлеб толстым слоем, убеждал нас не стесняться. Сам он пошел на женскую половину, чтобы благословить собравшихся, а из мужчин больше никого не принимал для беседы, а давал только благословение. Узнав, что мы прибыли сюда недели на полторы, он распределил дни нашего гуляния и дни нашего говения. Благословил нас также съездить и в Шамординскую обитель. Затем при прощании он взял мою голову и прижал к своей груди, лаская меня с великой любовью и высказывая сожаление, что я не кончу института. Такое обращение старца со мною удивило меня и тронуло до слез; я не знал родительской ласки.

На следующий день мы опять пришли к о. Варсонофию в приемный час. Опять он нас пригласил в свою келию, велел келейнику, о. Григорию, приготовить нам чай, а сам пошел в приемную исповедовать говеющих. Мы сидели в его келии тихо, с благоговением, изредка лишь перекидываясь словами. Наконец, батюшка опять появился светлым, радостным и стал нас угощать. Потом он повел беседу насчет различных сект: хлыстов, баптистов и др. Вот баптисты-перекрещенцы, какой ужасный грех совершают против Духа Святаго, перекрещивая взрослых; они смывают первое крещение и уничтожают благодать печати дара Духа Святаго! Побеседовав с час времени, он поднялся и сказал: «Я имею обычай благословлять своих духовных детей иконами. У меня их в ящике много и самые разнообразные, и вот я с молитвою беру первую попавшую икону и смотрю, чье

* См. об этом ниже.

там изображение. Другой раз оно говорит многое”. Так старец вынул иконку и для меня и смотрит, какое там изображение. Оказывается, ему попалось изображение иконы “Утоли моя печали”. “Какие же такие великие печали у тебя будут? – и, держа икону, задумался. – Нет, Господь не открывает”. Благословил меня ею и опять с лаской прижал мою голову. И вот тут, на груди у старца чувствуешь глубину умиротворения, и добровольно отдаешься ему всем сердцем. Эта его любовь охватывает тебя и ограждает и пленяет... Завтра, говорит, воскресенье, сегодня идите ко всенощной, а утром в 6 часов приходите в скит, к обедне. Он проводил нас до крыльца, и еще раз благословил.

Придя к себе, мы услышали звон в монастырской трапезной к ужину. Вот мы и отправились туда. Трапезная занимала очень обширное помещение, т.к. монахов в монастыре было около 400 человек. Столы были расставлены большим четырехугольником; посредине, на возвышении помещался аналой. На этом возвышении монахи по очереди читают жития святых во время обеда и ужина. На столе у каждого стоял прибор из деревянной тарелки, ложки и вилки. Черный хлеб лежал у каждого на тарелке. Кроме того, на столе было поставлено много сосудов с квасом и при них лежали ковшики. По звонку настоятеля или его келейника совершалась молитва, а по второму звонку открывались двери из кухни, которая находилась рядом; целый ряд послушников разносил по столам большие миски. Каждая миска полагалась на четырех монахов. Кто хотел, тот откладывал себе на тарелку, а то большей частью четверо ели из одной миски.

После трапезы мы отправились к себе, чтобы посидеть, набраться сил для стояния во время всенощной. Всенощная началась в 6^{1/2} часов вечера и кончилась в 11^{1/2} часов ночи. Ко всенощной должны были собраться все монахи, оставляя свои работы. В церкви вдоль стен были расположены поднимающиеся сидения. Почти у каждого монаха было определенное место. Ближайшие к нам монахи уступили нам свои сидения, потому что, говорили они, служба долгая, и мы очень устанем. Как ни было нам тяжело с непривычки, но мы все-таки достоя-

ли и досидели до конца. Утром поднялись в начале шестого часа и пошли к обедне в скит. Служил как раз сам старец Варсонофий. Служил он спокойно, ровным, тихим голосом. Сама обстановка, некоторый мрак, темные позлащенные иконы, способствовали возникновению молитвы. После обедни, давая целовать нам крест, он пригласил нас тотчас же зайти к нему, испить чашку чаю. Тут он нас опять угощал, как радушный гостеприимный хозяин. Расспрашивал нас о нашей городской жизни, и с кем мы ведем знакомство. Опять с великой лаской и добротой отпустил нас, пригласив к обеду в скитскую трапезную к 11^{1/2} часам, чем мы и воспользовались.

Порядок в скитской трапезной был такой же, как и в монастыре. Только постнический устав был здесь строже. Молочное в скиту разрешалось только на масляную и светлую неделю, а в остальное время все было на постном масле; в среду и пятницу была пища вовсе без масла. О. Варсонофий присутствовал за трапезой и посадил нас троих возле себя, и ели мы с ним из одной миски. У нас здесь пища здоровая, говорил он, потому что все делается с благословения и с молитвой. Каждое утро, в пять часов, приходит повар и просит благословения растопить печь. Получив это благословение, он идет с фонариком в храм Божий, молится и берет огонь от неугасимой лампы перед чудотворной иконой Божией Матери, и затем растапливает этим огнем печь.

После обеда старец пошел к себе отдохнуть и нам велел идти отдыхать, а на следующий день благословил съездить в Шамординский монастырь. Вернувшись из Шамордина, мы приступили к говению. По монастырскому уставу, миряне должны были за два дня до св. Причастия есть пищу без масла. Там всегда специально для говеющих готовили особый стол. Во время говения нужно ходить ко всем монастырским службам. А службы там в будни распределялись таким образом. От 3^{1/2} до 5^{1/2} шла вечерня и читались каноны. Затем в 7 часов ужин, а в 8^{1/2} ч. вечерние молитвы в особом храме. Потом идут и отдыхают до 12^{1/2} ч. ночи. В половине первого раздается звон к утрени. Последняя продолжается до 4 часов утра. От 4 до 5 часов читались каноны и молитвы перед причастием. Мы так

утомились за ночь, что прямо засыпали. После ранней обедни, которая окончилась в 7 часов, мы пошли к о. Варсонофию. Он положил руку на голову, и усталость вся исчезла, и появилась бодрость. Исповедал он нас днем. Сначала перед исповедью он обыкновенно вел общие беседы. При помощи различных случаев в жизни он указывал на забытые или сомнительные грехи присутствующих.

Со мной был один случай. Наша семья имела свой абонемент в Петербурге на оперные спектакли в Мариинском театре. И вот, это было за год до моего приезда в Оптину, на наш абонемент давали “Фауста” с Шаляпиным, как раз накануне 6 декабря, дня Святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всеобщей мне не придется идти, так я встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром с опозданием отслушал утреню, а затем раннюю обедню и думал: “Ну, почтил я сегодня память угодника Божия, Святителя Николая”. Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось. И вот батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как например, вместо того, чтобы почтить память такого великого угодника Божия, как Николая Чудотворца, 6 декабря, и сходить ко всеобщей, а тут идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен.

Затем другой случай был в Голутвином уже монастыре. Там женщины и мужчины говели вместе, и батюшка беседовал в одной приемной: говело, должно быть, человек 15 мужчин и женщин. И вот батюшка говорит: полюбила одна барышня молодого человека, а он не отвечал ей своей взаимностью и ухаживал за другой. Тогда в барышне возникло чувство ревности, и она захотела отомстить молодому человеку. Она воспользовалась тем обстоятельством, что он ходил постоянно кататься на коньках на тот же каток, куда ходила и она. У нее пронеслась мысль: “Искалечу его, пускай он не достанется и моей сопернице”. И вот, когда он раскатился, она ловко подставляет ему

подножку, тот упал назад и сломал себе руку. Но это еще слава Богу, мог бы получить сотрясение мозга и умереть. И было бы смертное убийство. И такие случаи часто забываются на исповеди. Во время этого рассказа я почувствовал, что в мои плечи впились чьи-то пальцы. Я оглянулся и увидел, что ухватилась за меня одна девушка 18 лет, моя родственница, побледневшая, как полотно. Я подумал, что ей просто дурно сделалось от духоты, и поддержал ее. А она потом мне говорит: “Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!”

Такие беседы батюшка вел всегда перед исповедью, открывая души присутствующих; при этом он и не смотрел ни на кого, чтобы не смущать, и явно не указывать. После беседы старец производил общую исповедь. Давал одному из говеющих тревник, где был описан порядок исповеди и исповедальная молитва, где перечисляются общие каждому человеку грехи. При этом батюшка требовал и придавал большое значение тому, чтобы говеющий прослушивал в церкви молитву перед исповедью. Он отказывался исповедовать, если эта молитва не была выслушана. Но иногда он снисходил к человеку и сам ее читал перед исповедью, что делал и для меня грешного.

После этой общей исповеди, он уже исповедал каждого отдельно, очень внимательно и с любовью относясь к каждому, врачуя душу каждого. (Если бы, говорил он, придерживаться постановлений вселенских соборов, то на всех надо наложить эпитимию, а многих и отлучить временно от Церкви, но мы немощны, слабы духом, и поэтому надемся на бесконечное милосердие Божие.) Благословляя говеющих, он советовал после вечерни, на которой читают каноны, не вкушать ничего до причастия Св. Таин. В исключительных случаях разрешал выпить одного чая. Я рассказал старцу случай со мной у о. Иоанна Кронштадтского, когда меня, евшего днем мясо, о. Иоанн допустил на следующий день к Причастию. О. Варсонофий сказал: “Да, о. Иоанн был великий молитвенник, подвижник дерзновенный; он мог у Господа просить всего и замолить все, а я грешный человек, не имею такого дерзновения, поэтому не решаюсь допустить в монастыре нарушения устава для мирян.

Да ведь не трудно поговорить два дня, да к тому же часто это бывает и полезно. А теперь идите с миром, Господь да поможет вам приобщиться Св. Тайнам, а после обедни приходите пить чай ко мне”. И мы пошли покойные и умиротворенные в душе.

В 3^{1/2} часа пошли к вечерне, в 8 ч. на вечерние молитвы, и тотчас же легли спать, так как в 12 часов нужно было вставать к утрени. Благодаря молитвам батюшки мы отговорели легко, приобщились Св. Таин за ранней обедней и пошли пить чай прямо к старцу. Тот встретил нас с радостью и с благодарением Богу. Угощал нас и предупредил, что иногда в день причастия бывает тягостное настроение, но на это не надо обращать внимания и не надо отчаяваться, так как в этот день диавол особенно ополчается на человека и действует на него гипнозом. При этом батюшка сказал, что гипноз – злая, не христианская сила. Благодаря этому гипнозу диавол смущает нас, священнослужителей, когда мы совершаем литургию. Он не может приблизиться к жертвеннику, который окружен ангелами, вот диавол внушает мысли-сомнения и богохульные мысли. Но молитвой и Божией помощью они отгоняются. Точно так же вновь появившаяся игра футбол... Не играйте в эту игру и не ходите смотреть на нее, потому, что эта игра также введена диаволом, и последствия ее будут очень плохие. После чаю он послал нас погулять. Ложиться днем спать в день Св. Причастия не советовал. По совету батюшки, мы и отправились до обеда погулять, а в монастыре зашли еще к одному иеромонаху, Анатолию, духовнику простонародья. Это тоже дивный старец, похожий на преп. Серафима, сгорбленный и с постоянно веселым лицом, так как бы чудится, что сейчас скажет, как преп. Серафим: “радость моя”. Он принял нас очень приветливо и ввел в свою комнату. Келия его была довольно обширная, но все столы и стулья были у него заняты листочками духовного содержания и образами. Он переспросил нас, откуда мы, благословил нас и дал нам листочки. Когда он благословляет, так сразу видна его благоговейная сосредоточенность. Он обыкновенно благословляет истово, несколько раз, касаясь пальцами лба, для возбуждения к сосредоточению.

После говения мы прожили еще дня два и разъехались. Я поехал в Москву, потом в Казань и Саровскую пустынь. Перед отъездом я спрашивал у старца благословения, но он на мою просьбу молчал. Я три раза повторил свою просьбу. Тогда он нехотя сказал: ну, Бог благословит. Меня это несколько озадачило, и когда я приехал в Саров, то оказалось, что там была черная оспа, и были умирающие из паломников и монахов. Пробыл я там два дня, а в Дивееве так и не был, так как возница мой отказался везти, говоря, что дорога очень плохая. Тогда я понял нерасположенность старца к этой поездке.

Месяца через два я опять приехал в Оптину с сестрой, по ее личным делам. Я был в Оптиной не один раз. Однажды, когда я приехал туда, старец почувствовал себя нехорошо и просил меня пройти с ним по скиту. Так как он был слаб, то положил свою руку мне на плечо и, опершись на меня, вышел в сад. Тут он мне показал ряд деревьев – кедров, посаженных под какими-то углами. Эти деревья, говорил он, посажены старцем Макарием в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана при помощи деревьев великая тайна, которую прочтет последний старец скита. Затем он указывал на деревья, посаженные им самим. Наконец, он остановился перед гробницами монахов и стал благословлять могилы. “Это могилки моих духовных детей. Вот здесь похоронен приват-доцент Московского Университета Л. Он был математик и астроном! Изучая высшие науки, он преклонился перед величием творения и их Создателя. Товарищ-профессор и его жена, которая была доктором медицины, насмеялись над ним. Он был ученик знаменитого профессора Лебедева. Жена Л., работая в клинике, влюбилась в одного профессора и бежала в Париж вместе со своими детьми. Л. очень горевал и по прошествии нескольких лет приехал к нам, чтобы найти здесь облегчение своему горю, и здесь он по Божиему соизволению опасно заболел воспалением легких. Случай был очень тяжелый. Я видел, что он скоро умрет, и предложил ему удалиться совсем от мира и принять пострижение. Уже очень много времени он не имел никаких сведений о семье. Л. подумал и согласился; че-

рез несколько дней он, постригшись, скончался, приняв схиму. Теперь он среди ликов ангельских! Через несколько месяцев явилась в скит одна очень экзальтированная дама и стала кричать: “Дайте мне моего супруга!” Сначала я не понял, что она хочет, но потом разобрал, что она говорит о Л. Я сказал ей, что муж находится среди ангелов. Она с раздражением изъявила желание посмотреть на могилу своего супруга. Но я сказал, что вход в скит женщинам воспрещен, и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она начала говорить о себе, гордиться своими знаниями. “Я изучила двенадцать иностранных языков и приобрела известность своими работами за границей”. Она думала, что ее научный ценз откроет двери скита. Я ей сказал, что хотя она и знает много языков, но одного, самого главного, языка не знает, – это языка ангельского. Она иронически спросила: “Где такой язык?” – “Чтобы знать его, – сказал я, – нужно читать Священные Писания. Это и есть язык ангельский”. Она объявила, что здесь ей более нечего делать, и что она сейчас же отправляется за границу читать лекции в швейцарском университете. Я просил ее прислать мне письмо, когда жизнь ее будет для нее тяжела, и сказал, что она еще раз приедет сюда. Она засмеялась и удалилась. Через несколько месяцев она прислала мне письмо из Швейцарии, где писала, что она очень несчастна. Ее гражданский муж изменил ей и покинул ее, уведя с собой ее детей. Она уже по моему совету начала читать Евангелие и нашла много интересного. В письме она предложила мне несколько вопросов. Для разрешения их я предложил ей приехать к нам. Она приехала и прожила у нас довольно долгое время, а затем стала приезжать по несколько раз в год. И сделалась верующей, доброй. (Впоследствии я видел ее. Она сделалась очень скромною, и когда батюшка входил в приемную, она всегда подходила к нему, бросалась в ноги.) Она была очень богата, и все имущество раздала бедным. Какая перемена произошла в ней! Мудрость мира явилась безумием перед Богом.

Потом старец показал другую гробницу и сказал: “Вот здесь лежит схимонах Николай, прозванный Турком. Вот уди-

вительная судьба человека... Это был генерал, паша, командующий Турецкими войсками. Думал ли он, что будет покоиться здесь в России, да еще в монастыре, в ангельском чине! Это современный великомученик. Во время войны турок с русскими он командовал турецкой армией. Турки были фанатики и мучили русских пленных. Паша смотрел на эти мучения и удивлялся стойкости христиан, и расспрашивал солдат, почему они так радостно умирают? Он пожелал ближе познакомиться с христианской религией. Втайне призвал он православного священника и потом крестился, удалившись в Персию. Но турки, узнав о его измене мусульманству, схватили его и на груди и на спине вырезали кресты на коже и поломали кости. Паша потерял сознание. Думая, что он мертв турки бросили его на растерзание собакам. Но Бог хранил его. Он пришел в себя благодаря Богу, Которого он возлюбил от всего сердца. Русские купцы проезжали мимо и подняли его. Он рассказал им, что разбойники напали на него, ограбили и избили. Купцы, из сострадания отвезли его в Россию, на Кавказ и передали одной женщине, чтобы она выходила его. Он поправился и сделался неузнаваемым. Это был сгорбленный старик, опирающийся на палку, одетый бедно, но имеющий душу богатую, одаренную духовными способностями. Ему удалось переправиться с Кавказа в Одессу, и отсюда он пошел путешествовать по России в качестве странника по святым местам. Направляясь в Москву, он попал в Оптину. Здесь ему очень понравилось. Он здесь задержался и неожиданно заболел. Положили его в монастырскую больницу. По-русски он говорил очень плохо и спросил, не знает ли кто здесь французского языка. Я был тогда в затворе, но меня позвали его исповедовать. Турок рассказал мне свою жизнь, но запретил открывать его тайну, пока он жив. Во время болезни он принял монашество и потом выздоровел. Он поселился здесь в скиту. Однажды, гуляя со мной, он вдруг говорит: “Слышишь, батюшка, музыку ангельскую?.. – это великое блаженство слушать ее”. Я не слышал ничего, и он с простотой удивлялся моей глухоте. Действительно, этот простой монах был возносим к небу еще при земной жизни. Он

видел райские обители и слушал небесную музыку. Это была ему награда за его мучения. Через три месяца он снова заболел и умер в схиме. Только после его смерти братия увидела, как истерзано было его тело; это действительно был святой мученик и тайна его жизни была открыта. Его могила в скиту не заросла травой**.

Батюшка перекрестился и сказал: “Знай, что не должно говорить: вот если я останусь девственником и пойду в монастырь, то спасусь. В монастыре очень много соблазнов и легко можно погибнуть. Молись просто: “Спаси меня, Боже, ими же путями Сам веси!” Вот ты завтра хочешь приобщиться св. Тайнам Христовым, и не говори: я завтра буду приобщаться; а говори: если Господь сподобит приобщиться мне грешному. Иначе бойся говорить. Вот какой был случай у вас, в Петербурге. Жил на Сергиевской улице очень богатый купец. Вся жизнь его была сплошная свадьба, и в продолжение 17 лет не приобщался он **Св. Тайнам**. **Вдруг он почувствовал приближение смерти и испугался.** Тотчас же послал своего слугу к священнику сказать, чтобы он пришел приобщить больного. Когда батюшка пришел и позвонил, то открыл ему дверь сам хозяин. Батюшка знал о его безумной жизни, разгневался и сказал, зачем он так насмехается над Св. Дарами, и хотел уходить. Тогда купец со слезами на глазах стал умолять батюшку зайти к нему грешному и исповедать его, т.к. он чувствует приближение смерти. Батюшка наконец уступил его просьбе, и он с великим сокрушением в сердце рассказал ему всю свою жизнь. Батюшка дал ему разрешение грехов и хотел его приобщить, но тут произошло нечто необычайное: вдруг рот у купца сжался, и купец не мог его открыть, как он ни силился. Тогда он схватил долото и молоток и стал выбивать себе зубы, но рот сомкнулся окончательно. Мало-помалу силы его ослабели, и он скончался. Так, – заметил старец, – Господь дал ему возможность очиститься от грехов, может быть за молитвы матери, но не соединился с ним”; и с этими словами батюшка вернулся со мною в келию».

* Смотри о нем в книге «На Берегу Божьей Реки», том 2, стр. 47.

II. Прозорливость старца Варсонофия

Батюшка о. Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. В нем этот дар как-то особенно открыто выражался. Во всем его облике есть что-то подобное великим пророкам или апостолам, отражавшим ярким светом славу Божию на себе.

О внутреннем облике в двух словах сказать трудно. Истинный старец, а он был таковым, является носителем пророческого дара. Господь ему непосредственно открывает прошлое, настоящее и будущее людей. Это и есть прозорливость. Этот дар, – видеть человеческую душу – дает возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов. Все это было свойственно о. Варсонофию. Такой дар требует непрерывного пребывания в Боге, святости жизни. Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Видели и старца Варсонофия как бы в пламени во время божественной литургии. Об этом нам было передано изустно живой свидетельницей...

Поистине он уподобился своим великим предшественникам и «встал в победные ряды великой рати воинства Христова», как сам же писал в своем «Желании» еще в 1903 г., поставив под заглавием слова из тропаря Преполовению: «Жаждай да грядет ко Мне и да пиет»:

Давно в душе мое желание таится,
Все связи с миром суетным прервать,
Иную жизнь, – жизнь подвига начать:
В обитель иноков навеки удалиться,
Где мог бы я и плакать и молиться!
Избегнувши среды мятежной и суровой,
Безропотно нести там скорби и труды,
И жажду утолять духовной жизни новой,

Раскаяния принести достойные плоды,
И мужественно встать в победные ряды
Великой рати воинства Христова.

Прозорливость о. Варсонофия была исключительна. Многие случаи описаны о. Василием Шустиним в его воспоминаниях. Мария Васильевна Шустина, сестра протоиерея, прислала нам следующий рассказ, касающийся их покойной сестры:

«Моей 9-летней сестре Ане батюшка о. Варсонофий продекламировал стихотворение:

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долголетнего гнезда.

Затем он продолжал: “К старцу Амвросию приехала богатая помещица со своей красавицей дочкой, чтобы испросить его благословение на брак с гусаром. Старец Амвросий ответил: “У нее будет Жених более прекрасный, более достойный. Вот увидите. Он Сам придет в пасхальную ночь”. Наступила Пасха. Все в волнении, всего напекли, нажарили. Когда вернулись из церкви, столы ломились от яств. Мать девицы села на веранду, с которой открывался чудный вид. Солнышко начало всходить. “Вот едет тройка по дороге, – воскликнула она – наверно жених?” Но тройка промчалась мимо. За ней показалась вторая тройка, но и та мимо проехала. Дочь вышла на веранду и говорит: “Мне что-то грустно!” Послышались бубенцы. Мать бросилась распорядиться, но тут же, услышав громкий возглас дочери: “Вот мой прекрасный Жених!”, она вбежала обратно, и что же представилось ее взору: дочь ее воздела руки к Небу и упала замертво”.

Этот рассказ, как и стихи о птичке Божией, которая “не свивает долголетнего гнезда”, явились пророческими для Ани. Когда ей минуло 19 лет, ей нравился один молодой человек, затем второй, еще лучше, но счастью ее не было дано осуще-

ствиться: во время гражданской войны ей с родителями пришлось покинуть хутор в Полтавской губ. и двинуться на юг. По дороге, приближаясь к Крыму, Аня захворала брюшным тифом и скончалась. Перед смертью ей удалось приобщиться Св. Таин. Вот как сбылось предсказание о Варсонофия».

«В другой раз, – пишет та же Мария Васильевна, – старец предупредил одну молодую монахиню не быть самоуверенной. Но вскоре она сама вызвалась читать псалтирь в церкви по умершему и отказалась от сотрудничества других монахинь. В полночь она почувствовала страх, бросилась бежать и защемила дверью свою одежду. Утром ее нашли на полу в нервной горячке. Пришлось ее поместить в лечебницу, где она пробыла год и вернулась с седой головой».

Нам удалось собрать 4 случая прозорливости о. Варсонофия, обнаруженные им при исповеди его духовных чад.

Елена Александровна Нилус рассказывала нам, что в один из разов, когда они пришли с мужем исповедоваться к старцу (а он их исповедовал одновременно, зная, что у них нет тайн друг от друга), он спросил Сергея Александровича, совершил ли он такой-то грех. «Да, – ответил он, – но я это и за грех не считал». Тут старец объяснил Нилусу грешность его деяния или помысла и воскликнул: «Ну, и векселек же вы разорвали, Сергей Александрович».

Молодая девица – Софья Константиновна, приехавшая гостить к Нилусам в Оптину Пустынь, на исповеди пожаловалась старцу, что, живя в чужом доме, она лишена возможности соблюдать посты. «Ну, а зачем же вы теперь в пути в постный день соблазнились колбасой?» – спросил ее старец. С. К. ужаснулась: «Как мог это узнать старец?»

Подобный случай произошел с Софией Михайловной Лопухиной, рожденной Осоргиной. Она рассказывает, что в Оптину Пустынь она приехала 16-летней девицей. Ее поразила тысячная толпа вокруг старческой «хибарки», как там назывались деревянные домики, где жили старцы. Она встала на пень, чтобы взглянуть на старца, когда он выйдет. Вскоре старец показлся и сразу ее поманил. Он ввел ее в келию и рассказал ей всю

ее жизнь год за годом, перечисляя все ее проступки, когда и где она их совершила, и назвал действующих лиц по их именам. А потом сказал: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я захотел тебя научить как надо исповедоваться». Больше Софья Михайловна не была в Оптиной Пустыни. В следующий раз она увидела старца, когда он остановился в Москве, проездом в Голутвин. Он сильно постарел, осунулся, стал согбенным... Он сказал, что, видно, Бог его любит, если послал такое испытание. Прошел год. Она уже вышла замуж за Лопухина. Старец скончался. Неожиданно в ее квартире раздался звонок: вошел монах очень высокого роста. Он передал ей от покойного батюшки две иконы: они по его распоряжению были положены в его гроб и завещаны ей и ее двоюродной сестре С. Ф. Самариной. Со своей иконой Казанской Божией Матери Лопухина не расстается никогда. Исключительный случай был только тогда, когда она ее дала мужу, сидевшему в тюрьме.

Третий случай о столь же чудесной исповеди произошел в Голутвине с Николаем Архиповичем Жуковским, ныне преклонного возраста, но еще здравствующим и живущим во Франции, также как здравствует С. М. Лопухина, которая дала полное разрешение на обнародование бывшего с нею общения со старцем. (Сообщено монахиней Таисией.)

Отец иг. Иннокентий Павлов, положивший начало своего монашества в Оптиной с конца 1908 г., поведал нам о своей первой исповеди у Старца. В то время начальником скита и старцем был о. Варсонофий. Из Бразилии ныне покойный о. игумен писал:

«Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя пред собою не человека, а Ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лица и проч. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: “Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить”».

О своем старце, о Варсонофии, в письме от 16 сент. 1957 г. о. Иннокентий выразился еще так: «Это был гигант духа. Без его совета и благословения и сам настоятель монастыря о. Ксенофонт ничего не делал, а о его духовных качествах и великом обаянии, которое он имел на всех своих духовных чад, можно судить по краткому выражению из надгробного слова: “Гиганта малыми деревцами не заменишь”». Продолжая свою речь, о. Иннокентий говорил так: «В Оптиной во все посты, а в Великий два раза: на первой и страстной седмице, вся братия без исключения должна была говеть – исповедоваться и причащаться, а кто желает, особенно старики, и чаще. Неотразимое, благодатное действие производила на всех его исповедь, и еще так называемая исповедь-откровение помыслов, каковая в Оптиной установлена была по четвергам. Один раз в неделю, именно в четверг, старец никого из мирян не принимал, и этот день у него был назначен исключительно для монашествующей братии монастыря и скита. Ангелоподобный старец, облаченный в полумантию, в эпитрахили и поручах, с великой любовью принимал каждого, неспеша задавая вопросы, выслушивая и давая наставления. При этом он имел совершенно одинаковое отношение как к старшим, так равно и к самым последним. Все ему были беззаветной любовью преданы, и он знал до тонкости душевное устройство каждого. Бывало, после исповеди, или такого откровения помыслов, какая бы скорбь, печаль и уныние ни угнетали душу, все сменялось радостным настроением и, бывало, летишь от старца, как на крыльях от радости и утешения. И действительно, это были незабываемые минуты не только для меня лично, но, как известно, и все его духовные чада испытывали подобное».

Монахине Таисии мы также обязаны сообщению о слышанных ею еще в бытность ее в России рассказах шамординской монахини Александры Гурко – тоже духовной дочери старца о. Варсонофия. В миру она была помещицей Смоленской губернии. «Собрал однажды, – рассказывала мать Александра, – батюшка о. Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей, и повел с нами беседу о брани с духами поднебесной. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже

настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, в то время, как батюшка говорил о том, какими страхованиями подвергаются монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: “Ну, что же? Ты теперь знаешь?” Прочие же сестры ничего не видели и не понимали того, что произошло».

Другой рассказ матери Александры был такой: «Однажды я присутствовала при служении о. Варсонофием литургии. В этот раз мне пришлось увидеть и испытать нечто неопишное. Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона.

После службы, я была с другими монахинями у батюшки. Он имел очень утомленный вид. Обращаясь к одной из нас, он спросил ее: “Можешь ли ты сказать: “слава Богу?” Монахиня была озадачена этим вопросом и сказала: “Ну, слава Богу”. – “Да, разве так говорят – слава Богу!” – воскликнул батюшка. Тогда я подошла к батюшке и говорю: “А я могу сказать – “слава Богу!”” “Слава Богу! Слава Богу!” – радостно повторил батюшка».

Вникая во все эти дивные свидетельства, так и рвется из сердца – воистину «Слава Богу!»

III. Записи С. А. Нилуса

Как у ног старца Макария был И. В. Киреевский, а у старца Амвросия К. Н. Леонтьев, так у старца Варсонофия был Сергей Александрович Нилус, муж большого ума, многосторонней одаренности и пламенно любящего верующего православного сердца. Ему Господь судил больше всех потрудиться в деле увекочения просиявшей святости в бессмертной Оптине. С благословения старцев Сергей Александрович с супругой поселился

возле Оптины в доме, где ранее жил Леонтьев, и занялся исследованием неизданных агиографических материалов в монастырской библиотеке. Результатом его трудов появились дивные книги, свидетельствующие о духовной мощи подвижников на Св. Руси. А именно «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом», «Жатва жизни, пшеница и плевелы» и его оптинский дневник «На Берегу Божьей Реки» в двух частях (во второй дана его биография). В этом дневнике имя старца Варсонофия встречается нередко. Он был старцем четы Нилусов, их духовником, и они постоянно приходили к нему на благословение.

Иногда старец поручал им отвечать на те письма, ответ на которые был прост и несложен. Таким образом общение между ними не прекращалось.

В бытность Нилуса в Оптине пребывал там и вышеупомянутый о. Иннокентий, несший свое послушание и в монастырской канцелярии.

Делясь с нами своими оптинскими воспоминаниями, он упоминал и о С. А. Нилусе. «Часто приходилось мне, – писал о. Иннокентий, – помогать Нилусу упаковывать книги его сочинения и из домика, где они жили с женой, носить эти книги в иконно-книжную лавочку. Почти каждый день приходил Нилус к нам в канцелярию, беседовал, работал с нами. Помню случай, кажется, в 1909 г., во время такой беседы канцелярский послушник о. Павел Крутиков сказал ему: “Сергей Александрович, вы наводите на нас такую жуть: ведь сейчас в России ничего не ощущается, быть может, это и будет, но теперь нет основания так беспокоиться”. С. А. сказал: “Эх, отцы, отцы! Эти стены скрывают от вас ту ужасную обстановку, среди которой мы живем; и слава Богу, что вы всего не знаете, но я не пророк, а скажу вам, что вы сами на себе испытаете все то, что я вам говорю”. И действительно, не много нам пришлось мирно пожить в монастырской ограде».

В Оптиной Нилус жил в самые яркие годы старчества о. Варсонофия. Ниже приводятся несколько записей этого времени, которые освещают некоторые стороны духовности этого старца.

1. ЯЗЫК ИМЕН И ЦИФР

Как то раз о. Варсонофий спросил меня:

– Знаете ли вы, что значит «калуга»?

Я подумал на город Калугу и, не поняв хорошо вопроса, ответил незнанием.

– Калуга, – сказал батюшка, – значит огражденное место. Таков и наш город Калуга. А чем он огражден, как вы думаете?

– Скажите, батюшка!

– Святыней нашего края – монастырями, где почивают святые мощи калужских чудотворцев: преп. Тихона Калужского, праведного Лаврентия и преп. Пафнутия, игумена Боровского, нашей святой обителью с ее почившими старцами: Львом, Макарием, Амвросием и прочими сокровенными Оптинскими угодниками Божиими.

Все это – калуга, и счастливы вы, что Господь привел вас пожить в таком огражденном месте. И знайте, что очень часто название местности, в которой вы живете, фамилия лица, с которым вы встречаетесь, – словом, название или имя в самих себе носят некий таинственный смысл, уяснение которого часто бывает небесполезно. Смотрите, в Ветхом Завете почти всякое имя что-нибудь да означает: Ева – жизнь, ибо она стала матерью всех живущих; Сам Бог повелевает Авраму называться Авраамом, «ибо, – говорит, – Я сделаю тебя отцом множества народов, а Сару – Саррой, не “госпожею моею”, а “госпожею множества”»...

Итак, по всей Библии – название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл. Сам Господь преднарек Себе имя человеческое – Еммануил, что значит «с нами Бог», и Иисус, «ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Видите как это значительно и важно».

– Вижу, батюшка.

– Но кроме этого, так сказать, языка имен и названий существует еще и язык цифр, тоже сокровенный, значительный и важный, но только не всякому дано расшифровать его тайну.

На что была великая тайна воплощения Бога Слова, а и она была заключена в таинственном счислении родов потомства Авраама: «От Авраама до Давида, – говорит св. ев. Матфей, – четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов». Замечаете цифру 14? Она повторяется трижды».

– Замечаю.

– Она составлена из удвоенной цифры 7, а 7 есть число в Библии священное и означает собою век настоящий, а веку будущему усвоена цифра 8, которою век этот и обозначается. Видите, что цифры имеют свой язык?

– Вижу, батюшка.

– Ну и хорошо делаете, что видите: быть может, это вам когда-нибудь и пригодится».

2. ВСТРЕЧА В ТРАМВАЕ

«Сей пшеницу, отче Тимоне!» – сказал некогда преп. Серафим своему собеседнику.

Годовой праздник Оптиной Пустыни. Ходили поздравлять старцев с праздником. О. Варсонофий сообщил жене следующее:

«Приходит сегодня ко мне молоденькая монашенка и говорит: “Узнаете меня, батюшка?”

– Где, – говорю, – матушка, всех упомнить? Нет не узнаю.

– Вы меня, – говорит, – видели в 1905 г. в Москве на трамвае. Я тогда еще была легкомысленной девицей, и вы обратились ко мне с вопросом: что я читаю? А я в это время держала в руках книгу и читала. Я ответила: “Горького...” – Вы тогда схватились за голову, точно я уже невесть что натворила. На меня ваш жест произвел сильное впечатление, и я спросила: “Что ж мне читать?” – И тогда вы мне посоветовали читать священника Хитрова, а я и его, и его мать знала, но о том, что он что-либо писал, и не подозревала. Когда вы мне дали этот совет, я вам возразила такими словами: “Вы еще, чего доброго, скажете мне, чтобы я и в монастырь шла”. – “Да, – ответили вы мне, – идите в

монастырь!» – Я на эти слова только улыбнулась, – до чего они мне показались ни с чем не сообразными. Я спросила, кто вы и как ваше имя? Вы ответили: “Мое имя осталось в монастырской ограде”. – Помните ли вы теперь эту встречу?»

– Теперь, – говорю, – припоминаю. Как же, – спрашиваю, – ты в монастырь-то попала?

– Очень просто. Когда мы с вами простились, я почувствовала, что эта встреча неспроста, глубоко над ее смыслом задумалась. Потом я купила все книги священника Хитрова, стала читать и другие книги, а затем дала большой вклад в Х... в монастырь и теперь я там рясофорной послушницей.

– Как же, – спрашиваю, – ты меня нашла?

– И это было просто. Я про встречу с вами все рассказала своему монастырскому священнику, описала вашу наружность, а он мне сказал: “Это, должно быть, оптинский старец Варсонофий”. Вот я приехала сюда узнать – вы ли это были или другой кто? Оказывается, вы! Вот радость-то!»

И припомнились мне тут слова преподобного Серафима, сказанные им иеромонаху Надеевской пустыни – Тимону:

– Сей, отче Тимоне, пшеницу слова Божия, сей и на камени, и на песце, и при дорозе, и на тучной земле, все где-нибудь и прозябнет семя-то во славу Божию.

Вот и прозябает.

3. СМЕРТЬ ОПТИНСКОГО БЛАГОЧИННОГО О. ИЛИОДОРА

Сегодня виделся с одним из близких к покойному о. Илиодору монахов и от него узнал, что умерший благочинный за несколько дней до своей смерти был предварен о ней знаменательными сновидениями, которые под свежим впечатлением и записываю.

О. Илиодор скончался в день Рождества Христова, пришедшийся в истекшем году на четверг. В воскресенье, за четыре, стало быть, дня до смерти о. Илиодор после трапезы прилегло отдохнуть на диване в своей келье... Было это около полудня...

Не успел он еще как следует заснуть, как видит в тонком сне, что дверь его кельи открывается, и в нее входят – скитский монах Патрикий и с ним иеродиакон Георгий*. У монаха Патрикия в руках был длинный нож.

– Давай нам деньги – крикнул Патрикий.

– Что ты шутишь? – испуганно спросил его о. Илиодор. – Какие у меня деньги?

– А, когда так, – закричал на него Патрикий – так вот тебе! – и вонзил ему по рукоятку нож в самое сердце.

Видение это было так живо, что о. Илиодор вскочил со своего ложа и, уклоняясь от ножа, сильно ударился затылком о спинку дивана. От боли он тотчас проснулся и кинулся смотреть, кто входил к нему в келью. Но ни в келье, ни за дверями кельи, никого не было.

Это одно видение.

За день до смерти, в таком же полусне, о. Илиодор увидел скончавшегося летом 1908 года иеромонаха Савву, бывшего одним из трех духовников Оптиной Пустыни. О. Савва явился ему благодушный и радостный.

– А что, брат, – спросил его о. Илиодор, – страшно тебе, небось, было, когда душа разлучилась с телом?

– Да, – ответил о. Савва, – было боязно; ну, а теперь совсем хорошо!

Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший Оптинский архимандрит Исаакий, а за о. Исаакием – его преемник, тоже умерший архимандрит Досифей. О. Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей два.

– Неспроста мне это было, – говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху, – я, брат, должно быть, скоро умру.

В день смерти о. Илиодор был послан за послушание служить в одно село литургию; накануне у своего духовника, как

* Патрикий, Георгий, одни из главных бунтовщиков против архимандрита Ксенофонта. Оба монаха – и Патрикий, и Георгий – ничего общего с Оптинским духом не имеют, люди немирные, хитрые и плотские. Об этом см. ниже

служащий, исповедовался, а за литургией совершил Таинство и причастился.

Вернувшись в тот же день домой, о. Илиодор по случаю великого праздника был на так называемом «общем чае» у настоятеля, со всеми был крайне приветлив, более даже, как замечено обыкновенно, и оттуда со всеми иеромонахами пошел в скит к старцам славить Христа. В это время мы с женой выходили от старцев и у самых скитских ворот встретили и его, и все Оптинокое иеромонашеское воинство. О. Илиодор шел несколько позади и мне показался в лице чересчур красным.

– Вот жарко что-то! – сказал он при встрече и при этом засмеялся. На дворе стояли рождественские морозы.

Это была последняя моя с ним встреча в этом мире.

Говорил мне после старец о. Варсонофий:

– У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальнойностью, и то только по делу. В день же его смерти, после благословения я – не знаю почему, – обратился вдруг к нему с таким вопросом: «А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?» Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов – праздничное монашеское утешение – и сунул ему в руку со словами: – «Это тебе на дорогу!»

И подумайте, – какая ему вышла дорога!

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптинокской святыни, я многому перестал дивиться...

4. РЕСТАВРАЦИЯ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ ТИХВИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Сегодня прочел в «Колоколе», что престарелый архиепископ одной из древнейших русских епархий*, запу-

* Архиепископ Новгородский и Старорусский Гурий; офицер – Сычев, поручик, Калужского пехотного полка.

тавшись ногами в ковре своего кабинета, упал и так разбил себе голову и лицо, что все праздники не мог служить, да и теперь еще лежит с повязкой на лице и никого не принимает.

В конце октября или в начале ноября прошлого года был из епархии этого архиепископа на богомолье в Оптиной один офицер, заходил он ко мне и рассказал следующее:

– Незадолго перед отъездом моим в Оптину я был на празднике в одной обители, ближайшей к губернскому городу, где стоит мой полк, и был настоятелем ее приглашен к трапезе. Обитель эта богатая, приглашенных к трапезе было много, и возглавлял ее наш местный викарный епископ; он же и совершал в тот день литургию. В числе почетных посетителей был и некий штатский «генерал» из синодской канцелярии. Между ним и нашим викарным зашла речь о том, что получено благословение откуда следует по представлении архиепископа на реставрацию лика одной чудотворной иконы Божией Матери, находившейся в монастыре нашей епархии. Иконе этой верует и поклоняется вся православная Россия, и она, по преданию, писана при жизни на земле самой Царицы Небесной св. Апостолом и Евангелистом Лукой. Нашло, видите ли, монастырское начальство, что лик иконы стал так темен, что и разобрать на нем ничего невозможно. Тут явились откуда-то реставраторы со своими услугами, с каким то новым способом реставрации, и старенького нашего епархиального владыку уговорили дать благословение на возобновление апостольского письма новыми вапами (славянски красками).

– Как же это? – перебил я. – Неужели открыто, на глазах верующих?

– Нет, – ответил мне офицер, – реставрацию предположено было совершать по ночам, частями: выколупывать небольшими участками старые краски и на их место как мозаику вставлять новые под цвет старых, но так, чтобы восстанавливался постепенно древний рисунок.

– Да ведь это кощунство, – воскликнул я – кощунство не меньшее, чем совершил воин царя-иконоборца, ударивший копием в пречистый лик Иверской Божией Матери!

– Так на это дело, как выяснилось, смотрел и викарный епископ, но не такого о нем мнения был его собеседник – «генерал» из синодальных приказных. А между тем, слух об этой кощунственной реставрации уже теперь кое-где ходит по народу, смущая совесть последнего остатка верных... Не вступитесь ли вы, Сергей Александрович, за обреченную на поругание святыню?

Я горько улыбнулся: кто меня послушает!?

Тем не менее, по отъезде этого офицера я собрался с духом и написал письмо тоже одному из синодских «генералов», а именно Скворцову, с которым мне некогда пришлось встретиться в Орле, во дни провозглашения Стаховичем на миссионерском съезде пресловутой масонской «свободы совести». Вслед за этим письмом, составленном в довольно энергичных выражениях, я написал большое письмо к викарному епископу* той епархии, где должна была совершиться «реставрация» св. иконы. Епископа этого я знал еще архимандритом, видел от него к себе знаки расположения и думал, что письмо мое будет принято во внимание и, во всяком случае, благожелательно. Тон письма был почтительный, а содержание исполнено теплоты сердечной, поскольку она доступна моему малочувственному сердцу. Написал я епископу и вдруг вспомнил, что, приступая к делу такой важности и живя в Оптиной, я не подумал посоветоваться со старцами. Обличил я себя в этом недомыслии, пожалел о том, что письмо «генералу» уже послано, и с письмом к епископу отправился к своему духовнику и старцу о. Варсонофию в скит. Пошел я с женой в полной уверенности, что растрогаю сердце моего старца своею ревностью и уже, конечно, получу благословение выступить на защиту чудотворной иконы. Батюшка-старец не задержал меня приемом.

* Еп. Пермский Андроник (впоследствии замученный).

– Мир вам, С. А.! Что скажете? – спросил меня батюшка. Я рассказал вкратце, зачем пришел, и попросил разрешения прочесть вслух мое письмо к епископу. Батюшка выслушал внимательно и вдруг задал мне такой вопрос:

– А вы получили на это письмо благословение Царицы Небесной?

Я смутился.

– Простите, – говорю, – батюшка, я вас не понимаю?

– Ну да, – повторил он, – уполномочила разве вас Матерь Божия выступать на защиту ее святой иконы?

– Конечно нет, – ответил я, – прямого ее благословения на это дело я не имею, но мне кажется, что долг каждого ревностного христианина заключается в том, чтобы на всякий час быть готовым выступать на защиту поругаемой святости его веры.

– Это так, – сказал о. Варсонофий – но не в отношении к носителю верховной апостольской власти в Церкви Божией. Кто вы, чтобы восставать на епископа и указывать ему образ действия во вверенной его управлению Самим Богом поместной Церкви? Разве вы не знаете всей полноты власти архиерейской?... Нет, С. А., бросьте вашу затею и весь суд представьте Богу и Самой Царице Небесной – Они распорядятся, как Им Самим будет угодно. Исполните это святое послушание, и Господь, целующий даже намерения человеческие, если они направлены на благое, дарует вам сугубую награду и за послушание, и за намерение: но только не идите войной на епископский сан, а то вас накажет Сама Царица Небесная.

Что оставалось делать? Пришлось покориться.

– А как же, батюшка, – спросил я, – быть с тем письмом, которое я уже послал синодальному «генералу»?

– Ну, это уже ваше с ним частное дело: «генерал», да еще синодальный, – это в Церкви Божией не богоутвержденная власть, – это вам ровня, с которой обращаться можете, как хотите, в пределах, конечно, христианского миролюбия и доброжелательства.

– Предоставьте суд Богу! – таков был совет старца. И суд этот совершился: не прошло со дня этого совета и пол-

ных двух месяцев, а уж архиепископ получил вразумление и за лик Пречистой ответил собственным ликом, лишившись счастья совершать в великие Рождественские дни Божественную Литургию.

Призамолкли что-то и слухи о реставрации святой иконы*. Хотел было я разразиться обличительными громами по поводу кипячения воды для великой агиасмы, но после старческого внушения решил и над этим суд представить Богу.

5. АНТИХРИСТ

О видении старцем Варсонофием антихриста в книге «На Берегу Божьей Реки» на стр. 9697 старец Нектарий говорит следующее: «...Вот одно, по секрету, уж так и быть. Я вам скажу: в прошлом месяце, – точно не помню числа, – шел со мной от утрени о. игумен, да и говорит мне:

– Я, о. Нектарий, страшный сон видел, такой страшный, что еще и теперь нахожусь под его впечатлением... я его вам потом как-нибудь расскажу, – добавил, подумав, о. игумен и пошел в свою келию. Затем прошел шага два, повернулся ко мне и сказал:

– Ко мне антихрист приходил. Остальное расскажу после...

– Ну, и что же, – перебил я о. Нектария, – что же он вам рассказал?

– Да, ничего! – ответил о. Нектарий, – сам он этого вопроса уже не поднимал, а спросить его я побоялся: так и остался по днесь этот вопрос невыясненным»...

* Икона Пр. Богородицы Тихвинской была все-таки реставрирована описанным способом при архимандрите Иоанникии. Результат реставрации оказался таков, что ничего от древней святой иконы не осталось, и ее уже нельзя было выставлять для поклонения. Самого архимандрита тут же вслед разбила болезнь, и он не мог уже служить. Его удалили на покой в Валдайский Иверский монастырь, где его обокрал келейник тысяч на 40 или 60 – стяжание настоятельское, – и он умер с горя 3 июня 1913 года. «А был раньше здоров, как бык» – сказывал мне Валдайский архимандрит, впоследствии епископ Иосиф.

IV. Духовная связь между праведным отцом Иоанном Кронштадтским и старцем Варсонофием

О. Иоанн Кронштадтский провидел духом в лице о. Варсонофия истинного подвижника. В воспоминаниях о. Василия Шустина передано, как о. Иоанн поцеловал в алтаре Андреевского собора в Кронштадте руку молодому офицеру, будущему старцу и схимнику.

Далее мы узнаем из проповеди архиеп. Феофана Полтавского, произнесенной им 21 авг. 1929 г. в Болгарии, в г. Варне, о том, как о. Иоанн, явившись посмертно Павлу Ильину, посылает его для полного исцеления в Оптину Пустынь к старцу Варсонофию и этим самым прославляет его, указывая, что ему дан Богом дар чудотворения. Близкие чада старца были уже не раз свидетелями этого дара. Вот пример: чета Нилусов, придя однажды на благословение к старцу Варсонофию, присутствовали при изгнании им беса из приведенного к нему человека. В этот раз потребовалось от старца немало духовных сил. Бесноватый был в неистовой ярости, изрыгал на о. Варсонофия злейшую брань, называя его все время полковником и готовый наброситься на него. Старец потом объяснил Нилусам, что это был редкий и трудный случай, когда пришлось иметь дело с бесом полуденным, который является одним из наиболее лютых и трудно изгоняемых. Об этом бесе упоминается в 90-м псалме в славянском тексте: «и сряща и беса полуденнаго». В русском переводе текст изменен, там сказано: «и заразы, приходящей в полдень».

История же Павла Ильина такова!*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

«Позде бывшу, приведоша к Нему бесны многи, и изгна духи словом, и вся болящия исцели» (Матф. 8, 16). Такие слова присоединяет Евангелист Матфей к своему повествованию в

* «Православная Русь», Св.-Троицкий монастырь, Джорданвилль, Н. И. Январь 1952 г. стр. 7-9.

ныне чтенном Евангелии об исцелении расслабленного слуги капернаумского сотника. Могут спросить: а существуют ли “бесноватые” в настоящее время и если существуют, то возможно ли их исцеление?

На этот вопрос, – мы ответим не отвлеченными рассуждениями, а изложением того, что действительно произошло в наши не столь отдаленные времена и чему современниками и свидетелями мы сами были.

В 1909 г. по всему Петербургу разнесся слух о том, что 16-летний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к литургии в Иоанновский Петроградский монастырь на Карповке и здесь чудесно исцелился у гробницы о. Иоанна Кронштадтского. Произошло это так. Во время Херувимской песни он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, и затем пронесся по воздуху над народом к западным вратам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного его взяли и принесли к гробнице о. Иоанна. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему о. Иоанн, дал наставление, исповедал и велел ехать в Валаамский монастырь.

Что происходило во сне? Больной, проснувшись, не хотел говорить об этом, и если бы не отрывочные слова, сказанные вслух во время сна – “О. Иоанн, прости, помолись, исполню”, – то возможно, что больной все скрыл бы. Но когда он услышал от окружающих его эти слова и понял, что они знают о происшедшем, все открыл. Вот что произошло с ним. Он увидел о. Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. О. Иоанн сказал ему: “Ты видишь меня в таком виде, в каком никто меня не видел. Служи по мне панихиды, как это установлено Церковью. Но Великому Богу угодно меня прославить. Придет время, и по мне служить будут молебны”; затем дунул на больного, благословил его и добавил: “В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать для полного исцеления”. И после этих слов скрылся. Окружавшие видели в это время, как больной грыз зубами своими мраморную гробницу о. Ио-

анна и диким голосом кричал: “О, великий Угодник и Пророк Иоанн! Выхожу, выхожу... но не совсем”... Конечно, кричал это не больной, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоровел. В том же 1909 г. он переехал в Выборг, записался в послушники Валаамского монастыря и жил при архиерейском доме в г. Сердоболе (в имении Хюмпеля). Здесь он исполнял послушание на огороде и прислуживал в качестве чтеца при церкви. В 1911 г. 19 октября, в день памяти преподобного Иоанна Рыльского и тезоименитства о. Иоанна Кронштадтского, Господь благоволил явить новую милость Свою болящему Павлу чрез о. Иоанна.

На этот раз с ним произошло следующее. Вечером в этот день, после всеобщего бдения, брат Павел во время чтения акафиста Божией Матери пришел в состояние восхищения. Его духовному взору открылось дивное видение. Первоначально во славе явился о. Иоанн Кронштадтский с преподобным Иоанном Рыльским. Затем св. Павел Фивейский и св. Афанасий Афонский и множество других преподобных отцов. Все они приветствовали друг друга радостными возгласами: “Радуйся, Иоанне радуйся, Павле радуйся Афанасие!..” А наконец за ними явилась Сама Богоматерь в неопикуемой славе, при появлении Которой хор преподобных отцов торжественно воспел песнь: “Взбранной воеводе победительная”! После этого о. Иоанн Кронштадтский подошел к брату Павлу и сказал: “А теперь выйди из тела и душой последуй за нами”. Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил его и последовал за святыми отцами. “Они мне показывали, – говорил Павел, – первоначально райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных, а затем мучения грешников. Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию. Когда было все показано, о. Иоанн Кронштадтский стал наставлять меня, как жить, и для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в свое тело и отправиться в Оптину Пустынь к старцу о. Варсонофию”. Такими словами закончил

свое повествование о виденном им в состоянии восхищения брат Павел. В ноябре того же 1911 г. он ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона, именем Варсонофия же. Старец был предупрежден о приезде больного, принял его, исповедал и причастил и после этого последовало окончательное исцеление. До 1912 года исцеленный Павел, уже совершенно здоровый, жил по-прежнему в Сердоболе, а затем призван был к отбыванию воинской повинности. В 1914 г. участвовал в Великой Войне. Жив ли он в настоящее время или погиб во время этой войны и последовавшей за нею революции, – остается неизвестным. Но он через иеромонаха Валаамского Варсонофия, некогда сопровождавшего его в Оптину Пустынь, переслал мне свои записки для обнародования их через десять лет после своего исцеления. Из этих написанных им собственноручно записок видно, какую болезнью болел он и по какой причине. Во время пребывания своего в Москве Павел впал в тяжелую нужду. Нигде он не мог найти работы для себя, и все близкие и знакомые отказались от него. Тяжелая нужда доводила его до уныния и до отчаяния; неоднократно приходили ему мысли о самоубийстве. В одну из таких минут внезапно явился ему таинственный старец и сказал: “Я помогу тебе, если ты собственной кровью письменно удостоверишь, что будешь верен мне и здесь на земле, и по смерти твоей”. – “Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя и довериться тебе?” – спросил Павел. “Я тот самый, – ответил явившийся, – которого ненавидит ваша Церковь!” “Хорошо, я буду верен тебе!” – заявил ослепленный отчаянием юноша и дал требуемую подписку. “Ну, а теперь ты должен сбросить с своей шеи лишнюю обузу”, – сказал таинственный старец и указал при этом на крест. Юноша снял крест и таким образом отрекся от Христа и продал душу свою дьяволу. За это отречение от Христа и предательство дьяволу вселился в него злой дух, и с тех пор он стал бесноватым. От этого-то духа беснования и исцелил его о. Иоанн Кронштадтский, частью непосредственно, а отчасти через посредство оптинского старца Варсонофия.

Из всего сказанного видно, что бесноватые, или одержимые нечистыми духами существуют и в настоящее время. Духу беснования предаются они за нечестивую жизнь и особенно за грехи богоотречения и богохульства. Но существуют в настоящее время и праведники, угодившие Богу, которые имеют силу и власть изгонять злых духов. Величайшим из таких чудотворцев последнего времени является о. Иоанн Кронштадтский. Он настолько угодил Господу своею святою жизнью, что уже ныне числится в райских обителях в лике преподобных наряду со св. Антонием Великим, св. Павлом Фивейским, св. Афанасием Афонским и св. Иоанном Рыльским. «Великому Богу угодно, – как он сам сказал, – в скором времени прославить его и на земле, как прославлен он уже на небесах». Глубокопоучительное же повествование об отроке Павле помимо своего непосредственного значения имеет и более глубокий символический смысл. Этот бесноватый отрок прообразует собою нашу несчастную и многострадальную Россию. И она несчастная, как этот отрок Павел, предана духу беснования за свои грехи и за свое нечестие. Предана не по причинам оставления ее Богом, а по причине особенной любви Его к ней. Ибо «его же любит Господь, наказует, и бьет всякого сына, его же приемлет» (Евр. 12, 6), «да спасет дух его» (I Кор. 5, 5). Мы имеем на небесах многочисленный сонм святых чудотворцев, и древних, и новых, имеющих власть над злыми духами. Будем усердно молиться им, да избавит нашу несчастную страну от насилия демонского. Лик преподобных молитвенников на небесах возглавляет Сама Пречистая Богоматерь. Будем молиться и Ей: Пречистая Дево, яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся, Невесто Неневестная! Аминь».

Говоря о духовной связи между о. Иоанном и о. Варсонофием, нельзя не привести сон старца, переданный им Елене Андреевне Вороновой, председательнице Тюремного комитета в Санкт-Петербурге, близкой его духовной дочери. Он берется опять-таки из Оптинского дневника С. А. Нилуса:

«Ходили с женой на благословение к о. Варсонофию. Е. А. Воронова слышала от него, что он в ночь с среды 17 фев-

раля на четверг 18-го видел сон, оставивший по себе сильное впечатление на нашего батюшку.

– Не люблю я, – говорил он Елене Андреевне, – когда кто начинает мне рассказывать свои сны, да я сам своим снам не доверяю. Но бывают иногда и такие, которых нельзя не признать благодатными. Таких снов и забыть нельзя. Вот что мне приснилось в ночь с 17-го на 18 февраля. Видите, какой сон – числа даже помню!.. Снится мне, что я иду по какой то прекрасной местности, и знаю, что цель моего путешествия – получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромную как бы залу из белого мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими же площадками, устремляются, как стрела прямая в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих, ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. О. Иоанн берет меня за руку и говорит:

– Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? – ведь, о. Иоанн умер: как же это я иду с ним, как с живым? С этою мыслью я и говорю ему:

– Батюшка! Да вы ведь умерли?

– Что ты говоришь? – воскликнул он мне в ответ. – Отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом я проснулся...

– Не правда ли, какой удивительный сон? – спросил Елену Андреевну о. Варсонофий. – И какая это радость услышать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»*

* На Берегу Божьей Реки, том 2, Сан-Франциско, 1969 г., стр. 77.

V. Случаи исцелений

В той же второй части оптинских дневников мы встречаем поразительные случаи исцеления двух болящих святых подвижниц: княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой и Елены Андреевны Вороновой:

«Елена Андреевна была помощницей княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой, тоже рабы Божией, какой нечасто можно встретить на этом свете. Родная сестра бывшего наместника Кавказа, она и по происхождению своему, и по связям принадлежала к высшему обществу и, несмотря на это, оставила “вся красная мира” во имя любви к Богу и ближнему. Замуж она не пошла и всю себя отдала на служение страдающему меньшему брату. В родовом Д-ском имении она устроила лечебницу для сифилитиков, в которую преимущественно принимались так называемые “жертвы общественного темперамента”. Забывая себя, врожденную брезгливость, эта чистая, сострадательная душа сама обмывала им отвратительные гнойные раны, делала перевязки, не гнушаясь никакой черной работой около этих несчастных страдалец. Она же стояла и во главе Петербургского благотворительного тюремного комитета. Живя всем существом своим только для других, она о себе настолько забывала, что одевалась чуть не в рубище и часто бывала жертвой паразитов, которыми заражалась в местах своего благотворения. К сожалению, вращаясь с молодых лет в обществе, где проповедовали свои и заморские учителя, вроде Редстока, Пашкова и других, она заразилась ирговинизмом, сектой крайнего реформатского толка, отрицающей веру в угодников Божиих и даже в Пресвятую Богородицу. Это очень огорчало православно-верующую душу Елены Андреевны, но что ни предпринимала она для обращения княжны в Православие, ничто успеха не имело, потому главным образом, что сама княжна, несмотря на чисто сектантские свои суждения о вере, сама себя считала вполне православной, ходила в церковь, говела и при-

чащалась... Одно близкое к ней лицо, узнав, что она приступала к Святым Тайнам, и зная ее заблуждения, спросило ее:

– А исповедовали ли вы, Марья Михайловна, свое заблуждение?

– Какое?

– Да что вы – иргвинистка.

– Да, я этого, – отвечала княжна – и за грех не считаю.

Конечно, при таком образе мыслей мудро было Елене Андреевне действовать на княжну словом убеждения, и пришлось ее любви обратиться к иному способу воздействия – к помощи Свыше.

Приехала она как-то в Оптину к своему старцу о. Варсонофию и к нам, и рассказывает, что, уезжая из Петербурга, она оставила княжну опасно больною с сильнейшим воспалением легких, – а шел княжне тогда уже восьмой десяток.

– Прощаясь с ней, – говорит, – я думала, что не застану ее больше в живых.

О. Варсонофию Елена Андреевна и раньше говорила о своей скорби, что не может вдохнуть в святую душу княжны разумения ее заблуждения и потому боится за ее участь в загробном мире. О. Варсонофий обещал за нее молиться.

В этот свой приезд Елена Андреевна рассказала о том, в каком ныне состоянии оставила она княжну в Петербурге, усиленно просила старца усугубить за нее молитвы.

Перед отъездом из Оптиной обратно в Петербург приходит Елена Андреевна прощаться с о. Варсонофием и принять его благословение на путь, а батюшка выносит ей в приемную из своей келии и подает икону Божией Матери и говорит:

– Отвезите эту икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этой иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия.

– Да застану ли я ее еще в живых? – возразила Елена Андреевна.

– Бог даст, – ответил о. Варсонофий, – за молитвы Царицы Небесной не только живой, но и здоровой застанете.

Вернулась Елена Андреевна в Петербург и первым делом к княжне. Звонит. Дверь отворяется, и в ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и как не болевшая.

– Да вы ли это? – глазам своим не веря, восклицала Елена Андреевна. – Кто же это воскресил вас?

– Вы, – говорит – уехали, мне было совсем плохо, а там все хуже, и вдруг третьего дня, около десяти часов утра, мне ни с того, ни с сего стало сразу лучше, а сегодня, как видите, и совсем здорова.

– В котором часу, говорите вы, это чудо случилось?

– В десятом часу третьего дня.

Это был день и час, когда о. Варсонофий молился пред иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение.

Со слезами восторженного умиления Елена Андреевна сообщила княжне бывшее и передала ей икону Царицы Небесной. Та молча приняла икону, перекрестилась, приложила к ней и тут же повесила ее у самой своей постели. С того дня Елене Андреевне уже не было нужды обращаться княжну в православие: с верою в Пречистую и Угодников Божиих дожила княжна свой век и вскоре отошла ко Господу. Жила и умерла по-православному.

У Елены Андреевны при общем слабом состоянии здоровья было очень слабо зрение: один глаз совсем не видел, и лучшие столичные окулисты ей говорили, что не только этому глазу уже никогда не вернуть зрения, но что и другому глазу угрожает та же опасность. И бедная Елена Андреевна с ужасом стала замечать, что и здоровый ее глаз тоже начал видеть все хуже и хуже...

Стоял лютый февраль, помнится, 1911 года. Приезжает в Оптину Елена Андреевна слабенькая, чуть живая.

– Что это с вами, дорогой друг?

– Умирать к вам приехала в Оптину, – отвечает полусерьезно, полушутя, всегда и при всех случаях жизни жизнерадостный друг наш, и тут же нам рассказала, что только что перенесла жестокий плеврит (это с ее-то больными легкими!).

– Но это все пустяки! А вот нелады с глазами – это будет похуже. Боюсь ослепнуть. Ну да на все воля Божия!

На дворе снежные бури, морозы градусов на пятнадцать – Сретенские морозы, а приехала она в легком не то ваточном, не то “на рыбьем меху” пальтишке, даже без теплого платка; в руках старенькая, когда-то каракулевая муфточка, на голове такая же шапочка – все ветерком подбито... Мы с женой с разговором, а она улыбается:

– А Бог-то на что? Никто как Бог!

Пожила дня три-четыре в Оптиной, отговелась, причастилась, пособоровалась. Уезжает, прощается с нами и говорит:

– А наш батюшка (о. Варсонофий) благословил мне по пути заехать в Тихонову Пустынь и там искупаться в источнике Преподобного Тихона Калужского*.

Если бы мы не знали великого дерзновения крепкой веры Елены Андреевны, было бы с чего придти в ужас, да к тому же и Оптина от своего духа успела нас многому научить, и потому мы без всякого протеста перекрестили друг друга, распрощались, прося помянуть нас у преп. Тихона.

Вскоре после отъезда Елены Андреевны получаем от нее письмо из Петербурга, пишет:

– Дивен Бог наш и велика наша Православная вера! За молитвы нашего батюшки – отца Варсонофия, я купалась в источнике Преподобного Тихона при 10 гр. Реомюра в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги я ехала на извозчике в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои мокрые от купанья, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и – даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и Угодника Преп. Тихона, это то, что, не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами!..»

* Тихонова Пустынь Калужской епархии славится чудотворным источником подобным источнику преп. Серафима Саровского.

VI. Старец Варсонофий и Лев Толстой

БЕСЕДА СТАРЦА ВАРСОНОФИЯ С С. А. НИЛУСОМ*

«Ходили вчера вместе с женою в скит, к нашему духовнику и старцу, скитоначальнику, игумену о. Варсонофию.

Перед тем, как идти в скит, я прочел в “Московских Ведомостях” статью Киреева, в которой автор приходит к заключению, что ввиду все более учащающихся случаев отпадения от Православия в иные веры и даже в язычество, обществу верных настоят необходимость поставить между собой и отступниками резкую грань и выйти из всякого общения с ними. В конце этой статьи Киреев сообщает о слухе, будто бы один из наиболее видных наших отступников имеет намерение обратиться вновь к Церкви...

Не Толстой ли?

Я сообщил об этом о. Варсонофию.

– Вы думаете на Толстого? – спросил батюшка. – Сомнительно! Горд очень. Но если это обращение состоится, я вам расскажу тогда нечто, что только один грешный Варсонофий знает. Мне ведь одно время довелось быть духовником сестры его, Марии Николаевны, что живет монахиней в Шамординой.

– Батюшка, не то ли, что и я от нее слышал?

– А что вы слышали?

– Да про смерть брата Толстого, Сергея Николаевича, и про сон Марии Николаевны.

– А ну-ка расскажите! – сказал батюшка.

Вот что я слышал лично от Марии Николаевны Толстой осенью 1904 года:

– Когда нынешнею осенью, – говорила мне Мария Николаевна, – заболел к смерти брат наш Сергей, то о болезни его дали мне знать в Шамордино и брату Левочке, в Ясную По-

* По книге С. А. Нилуса «На Берегу Божьей Реки», т. 1-й, Сергиев Посад, 1916 г., стр. 86–90.

ляну. Когда я приехала к брату в имение, то там уже застала Льва Николаевича, не отходившего от одра больного. Больной, видимо, умирал, но сознание было совершенно ясно, и он мог говорить обо всем. Сергей всю жизнь находился под влиянием и, можно сказать, обаянием Льва Николаевича, но в атеизме и кощунстве, кажется, превосходил брата. Перед смертью же его что-то таинственное совершилось в его душе, и бедную душу эту неудержимо повлекло к Церкви. И вот у постели больного мне пришлось присутствовать при таком разговоре между братьями:

– Брат, – обращается неожиданно Сергей к Льву Николаевичу, – как думаешь ты: не причаститься ли мне?

Я со страхом взглянула на Левушку. К великому моему изумлению и радости, Лев Николаевич, не задумываясь ни минуты, ответил:

– Это ты хорошо сделаешь, и чем скорее, тем лучше!

И вслед за этим сам Лев Николаевич распорядился послать за приходским священником.

Необыкновенно трогательно и чистосердечно было покаяние брата Сергея, и он, причастившись, тут же вслед и скончался, точно одного только этого и ждала душа его, чтобы выйти из изможденного болезнью тела.

И после этого мне пришлось быть свидетельницей такой сцены: в день кончины брата Сергея вижу, из комнаты его вдовы, взволнованный и гневный, выбегает Лев Николаевич и кричит мне:

– Нет?! Ты себе представь только, до чего она ничего не понимает! Я, говорит, рада, что он причастился: по крайности от попов теперь придинок никаких не будет! В исповеди и причастии она только эту сторону и нашла!

И долго еще после этого не мог успокоиться Лев Николаевич, и как только проводил тело брата до церкви, – в церковь он, как отлученный, не вошел – тотчас же и уехал к себе в Ясную Поляну.

Когда я вернулась с похорон брата Сергея к себе в монастырь, то вскоре мне было не то сон, не то видение, кото-

рое меня поразило до глубины душевной. Совершив обычное свое келейное правило, я не то задремала, не то впала в какое-то особое состояние между сном и бодрствованием, которое у нас, монахов, зовется тонким сном. Забылась я, и вижу... Ночь. Рабочий кабинет Льва Николаевича. На письменном столе лампа под темным абажуром. За письменным столом, облокотившись, сидит Лев Николаевич, и на лице его отпечаток такого тяжкого раздумья, такого отчаяния, какого я еще никогда у него не видела... В кабинете густой, непроницаемый мрак; освещено только то место на столе и лицо Льва Николаевича, на которое падает свет лампы. Мрак в комнате так густ, так непроницаем, что кажется даже как будто чем-то наполненным, насыщенным чем-то, материализованным... И вдруг вижу я, раскрывается потолок кабинета, и откуда-то с высоты начинает литься такой ослепительно-чудный свет, какому нет на земле и не будет никакого подобия; и в свете этом является Господь Иисус Христос, в том его образе, в котором Он написан в Риме, на картине видения святого мученика архидиакона Лаврентия: пречистые руки Спасителя распростерты в воздухе над Львом Николаевичем, как бы отнимая у незримых палачей орудия пытки. Это так и на той картине написано. И льется, и льется на Льва Николаевича свет неизобразимый, но он как будто его и не видит... И хочется мне крикнуть брату: “Левушка, взгляни, да взгляни же наверх!...” И вдруг сзади Льва Николаевича, – с ужасом вижу, – из самой гущины мрака начинает вырисовываться и выделяться иная фигура, страшная, жестокая, трепет наводящая: и фигура эта, простирая сзади обе свои руки на глаза Льва Николаевича, закрывает от них свет этот дивный. И вижу я, что Левушка мой делает отчаянные усилия, чтобы отстранить от себя эти жестокие, безжалостные руки...

...На этом я очнулась и, как очнулась, услышала как бы внутри меня говорящий голос: “Свет Христов, просвещает всех!”

Таков рассказ, который я лично слышал из уст графини Марии Николаевны Толстой, в схимонахинях Марии.

– Не это ли вы мне хотели рассказать, батюшка? – спросил я о. Варсонофия. Батюшка сидел, задумавшись, и ничего мне не ответил. Вдруг он поднял голову и заговорил:

– Толстой–Толстым! Что будет с ним, один Господь веда-ет. Покойный великий старец Амвросий говорил той же Марье Николаевне в ответ на скорбь ее о брате: “У Бога милости много: Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен. Но когда говорят о милости Божией люди, то о правосудии Его забывают, а между тем Бог не только милостив, но и правосуден”.

Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари, во исполнения правосудия отдал! Ведь тайне этой преславной и предивной не только земнородные дивятся, но и все воинство небесное постичь глубины этого правосудия и соединенной с ним любви и милости не может. Но страшно впасть в руце Бога Живого! Вот сейчас перед Вами был у меня один священник из Жиздринского уезда и сказывал, что у него на этих днях в приходе произошло. Был собран у него сельский сход; на нем священник с прихожанами своими обсуждал вопрос о постройке церкви-школы. Вопрос этот обсуждался мирно, и уже было пришли к соглашению, по скольку обложить прихожан на это дело. Как вдруг один из членов схода, зараженный революционными идеями, стал кощунственно и дерзко поносить Церковь, духовенство, и даже произнес хулу на Самого Бога. Один из стариков, бывших на сходе, остановил богохульника словами:

– Что ты сказал-то! Иди скорее к батюшке, кайся, чтобы не покарал тебя Господь за твой нечестивый язык: Бог поругаем не бывает.

– Много мне твой Бог сделает, – ответил безумец, – если бы Он был, то Он бы мне за такие слова язык вырвал. А я – смотри – цел, и язык мой цел. Эх вы, дурачье, дурачье! Оттого, что глупы вы, оттого-то попы и всякий, кому не лень, и ездят на вашей шее.

– Говорю тебе, – возразил ему старик, – ступай к батюшке каяться, пока не поздно, а то плохо тебе будет!

Плюнул на эти речи кощунник, выругался скверным словом и ушел со сходки домой. Путь ему лежал через полотно железной дороги. Задумался он что ли, или отвлечено было чем-нибудь его внимание, только не успел он перешагнуть первого рельса, как на него налетел поезд, и прошел через него всеми вагонами. Труп кощунника нашли с отрезанной головой, и из обезображенной головы этой торчал, свесившись на сторону, огромный, непомерно длинный язык.

Так покарал Господь кощунника... И сколько таких случаев, – добавил к своему рассказу батюшка, – проходят как бы незамеченными для так называемой большой публики, той, что только одни газеты читает: но их слышит и им внимает простое народное сердце и сердце тех, – увы, немногих! – кто рожден от одного с ним духа. Это истинные знамения и чудеса православной живой веры; их знает народ, и ими во все времена поддерживалась и укреплялась народная вера. То, что отступники зовут христианскими легендами, на самом деле суть факты ежедневной жизни. Умей, душа, примечать только эти факты и пользоваться ими, как маяками бурного житейского моря по пути в царство небесное. Примечайте их и вы, Сергей Александрович” – сказал мне наш старец, провожая меня из кельи и напутствуя своим благословением.

О, река моя Божья! О, источники воды живой, гремучим ключом бьющие из-под камня Оптинской старческой веры!..

ИСТОКИ ДУШЕВНОЙ КАТАСТРОФЫ Л. Н. ТОЛСТОГО (Выдержка из книги Ив. Мих. Концевича)

Эта книга была написана с целью противостать клеветникам старца о. Варсонофия, утверждавшим, будто он был отправлен в Астапово к умиравшему Толстому не в качестве доброго пастыря, а как правительственный агент с целью вынудить Толстого принести церковное покаяние. Вот как

пишет Маклаков в 31 тетради журнала «Возрождение» за январь-февраль 1954 г.: «Когда в Астапове Толстой умирал, и к нему приезжали туда представители Церкви, как будто для того, чтобы его в лоно Церкви вернуть, они им не были приняты... Из постановления Синода об “отлучении” для всех было ясно, что к умиравшему их приводило не христианское чувство, а желание представить свое посещение как покаяние Толстого, то есть то же самое чувство, которое теперь диктует советским властям их старания добиваться от подсудимых признания. От Толстого такого притворства ожидать было нельзя» (стр. 154).

Толстой покидает Шамордино в конце октября 1910 года...

«Вся жизнь Толстого, – пишет И. М. Концевич, – прошла в скитаниях по бесплодным пустыням отвлеченного разума, в напрасных поисках истины, и теперь, в последние минуты он надеялся почерпнуть из этого благодатного источника той живой воды, которой так жаждала истомившаяся, мятущаяся его душа. Но не сбылись эти последние надежды.

Еще 30 октября вечером в Шамординой Л. Н. Толстой “жаловался на некоторую слабость и недомогание, но тем не менее 31-го утром, несмотря на дурную погоду, в сопровождении своей дочери и ее подруги В. М. Феоктистовой, приехавших к нему накануне, и Д. П. Маковицкого, который его сопровождал все время, уехал на лошадях в Козельск (18 верст оттуда по Рязанско-Уральской железной дороге по направлению на Богоявленск), чтобы далее следовать в Ростов-на-Дону... Ввиду лихорадочного состояния Льва Николаевича решено было оставить поезд и высадиться на ближайшей большой станции. Этой станцией оказалось Астапово”. (Выписка из «Протокола» за подписью врачей, «Новое Время» № 12454, 12 ноября 1910)

Согласно этому же протоколу Толстой был уже так слаб, что с трудом дошел до кровати. Здесь он сделал разные распоряжения, и затем с ним произошел непродолжительный, около минуты, припадок судороги в левой руке и левой половине лица, сопровождавшийся обморочным состоянием.

По всем данным, те “распоряжения”, о которых упоминает рапорт врачей, включает в себя и отправку телеграммы в Оптину с вызовом старца Иосифа. Но вызов Толстым старца был скрыт толстовцами от русской общественности. Открылось это только в 1956 году, когда на страницах “Владимирского Вестника” игумен Иннокентий рассказал подробно об этом. Как работающему в канцелярии, ему было известно все, что через нее проходило. Вот что он рассказывает:

“Спустя немного времени по отъезде графа из Шамордина в Оптиной была получена телеграмма со станции Астапово с просьбой немедленно прислать к больному графу старца Иосифа. По получении телеграммы был собран совет старшей братии монастыря: настоятель – архимандрит Ксенофонт, настоятель скита, он же старец и духовник всего братства монастыря, – игумен Варсонофий, казначей – иеромонах Иннокентий, эконо́м – иеромонах Палладий, благочинный – иеромонах Феодот, ризничий – иеромонах Феодосий, уставщик – иеромонах Исаакий, впоследствии настоятель, иеромонах Сергей, иеромонах Исаия – бывший келейник старца Амвросия, заведующий больницей, монастырский врач иеромонах Пантелеимон, письмоводитель – монах Эраст и другие. На этом совете решено было вместо старца Иосифа, который в это время по слабости сил не мог выходить из келии, командировать старца игумена Варсонофия в сопровождении иеромонаха Пантелеимона. Но, как известно, окружением Толстого они не были допущены к больному, несмотря на все усилия с их стороны. Когда старца Варсонофия окружили корреспонденты газет и журналов и просили: “Ваше интервью, батюшка!”, старец им ответил: “Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана”.

Вызов Толстым старца подтверждается и воспоминаниями служащего Рязано-Уральской железной дороги Павлова, напечатанными в “Православной Руси” (№ 11, 1956). Он рассказывает, что на станции Астапово служил буфетчиком добрый знакомый семьи Павловых – Сергей Мореви́ч, человек пожилой, обликом похожий на Толстого и сам ярый толстовец,

организатор кружка, ездивший с этим кружком ежегодно на сенокос в Ясную Поляну. Вот слова Сергея Моревича: “Факт посещения Толстым Оптиной Пустыни и вызова старца был взрывом бомбы в толстовском кружке, который не мог выдержать этого удара и распался”. Из этого вытекает, что телеграмма Толстого о вызове старца стала общеизвестной среди служащих в Астапове, а затем и среди прочих служащих-толстовцев по всей линии железной дороги.

Не могла этого не знать и вся газетная пресса, но очевидно, левая цензура решила это замолчать, как факт, развенчивающий их божество...

Присланный властями на станцию Астапово жандармский ротмистр Савицкий совсем не разобрался в обстановке, и его донесения страдают ошибками и вымыслами... Не соответствует ни облику оптинского старца Варсонофия, ни другим историческим данным и то, что Савицкий приписывает ему в своем рапорте.

По его словам, о. Варсонофий написал письмо Александре Львовне, в котором он предупредил, что никаких способных волновать Толстого разговоров о религии не будет, и что если бы он услышал от Толстого только одно слово «каюсь», то в силу своих полномочий считал бы его отказавшимся от своего «лжеучения» и напутствовал бы его перед смертью как православного. Все это неверно.

В действительности о. Варсонофий приехал именно для беседы с Толстым, на чем он и настаивал в своем письме к Александре Львовне, после того, как он получил от нее отказ в просьбе допустить его к больному. Приведем его слова: “Почтительно благодарю Ваше Сиятельство за письмо ваше, в котором пишете, что воля родителя вашего и для всей семьи вашей поставляется на первом плане. Но вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами”.

Беседа была необходима, потому что “когда человек вознамерится оставить богохульное учение и принять учение, содержимое Православной Церковью, то он обязан по правилам

Православной Церкви предать анафеме лжеучение, которое он доселе содержал во вражде к Богу, в хуле на Святого Духа, в общении с сатаной”. (Еп. Игнатий Брянчанинов, т. III, стр. 85).

Таковы были взгляды о. Варсонофия на условия покаяния Толстого. Он их выразил в беседе с С. А. Нилусом, приводя слова старца Амвросия: «Как грешил на весь свет, так и каяться перед ним должен».

Как видно из этих слов, а также из приведенного письма, о. Варсонофий не мог и не собирался ограничиться одним словом “каюсь” в силу каких-то полномочий – очевидно Синода, – как приписывает ему Савицкий.

Что касается свидетельства Савицкого, будто о. игумен «по секрету» сообщил ему, что он прислан Синодом, то теперь уже окончательно выяснилось, что это выдумка. По свидетельству Ксюнина в его книжке “Уход Толстого”, изданной в Берлине после революции, сам о. Варсонофий в Оптиной Пустыни в 1910 г. говорил ему о неправильности утверждения многих, будто старец ездил в Астапово по распоряжению Синода. Того же мнения придерживался и писатель Бунин в своем “Освобождении Толстого”: “Приказ из Петербурга, выходит, таким образом, “выдумкой”, – выводит он свое заключение после разбора этого вопроса. “Но что было бы, если бы Александра Львовна допустила его (старца) к отцу?” – спрашивает дальше Бунин. “Можно предположить примирение с Церковью”, – полагает он. Будучи вольнодумцем, Бунин все же готов рассуждать беспристрастно. Иначе толкует В. М. Маклаков (“Возрождение”, январь-февраль 1954) – мотивы присутствия священника в Астапове, когда умирал Толстой. В этой статье Маклаков не останавливается перед извращением всем известных обстоятельств и событий, сопровождавших смерть Толстого. Окружение скрыло от умирающего прибытие о. Варсонофия из боязни, что Толстой отречется от своего учения. Между тем Маклаков утверждает будто сам Толстой отказал в приеме: “Он – Толстой – не принял их” – представителей Церкви.

Ненависть к Церкви настолько ослепляет Маклакова, что он уже переходит границы здравого смысла и своей явной

ложью и клеветой желает унижить Церковь, а ее врага – толстовство – реабилитировать, так как этому последнему бегство Толстого в Оптину и в особенности телеграмма, нанесли непоправимый удар.

«Тайна» вызова старца Толстым была крепко запечатана, и кто бы мог подумать, что через пятьдесят лет она раскроется.

Итак, пастырь добрый, истинный служитель Христов стоял у дверей Толстого в Астапове. Неудачу, постигшую его, он пережил тяжело: «О. Варсонофию всегда было трудно рассказывать об этом, он очень волновался», – вспоминает его ученик – о. Василий Шустин в своих воспоминаниях.

В заключение приводим отрывок из книги Ксюнина «Уход Толстого», передающий беседу старца об этом: «Меня проводили к о. Варсонофию, ездившему в Астапово с о. Пантелеимоном, которого сестра Толстого называла «хорошим врачом». Вот низкая калитка скита, около которой в последний раз стоял Толстой. Два раза подходил: думал, войти, или не войти, Толстой, приехавший в скит за тишиной. За палисадником домик с крытой галереей, а в домике комната с низким потолком. В углу большой образ Спасителя в терновом венце. Перед образом лампада, наполняющая келию бледным светом. О. Варсонофий, теперешний скитоначальник, глубокий старец с длинной белой бородой, с бескровным лицом и бездонными, светлыми, отрешенными от мира глазами...

Келейник объяснил старцу, зачем я приехал. Старец стоял на молитве. Он по двенадцати часов сряду стоит на коленях. Поднялся и вышел, несмотря на поздний час. «Ездил я в Астапово, – говорит тихим голосом о. Варсонофий, – не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло... Железным кольцом сковало покойного Толстого, хотя и Лев был, но ни разорвать кольца, ни выйти из него не мог... Приезду его в Оптину мы, признаться, удивились. Гостиник пришел ко мне и говорит, что приехал Лев Николаевич Толстой и хочет поведаться со старцами. «Кто тебе сказал?» – спрашиваю. «Сам сказал». Что же, если так, примем его с почтением и радостью. Иначе нельзя. Хоть Толстой был отлучен, но раз пришел

в скит, иначе нельзя. У калитки стоял, а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал... А жалко... Как я понимаю, Толстой искал выхода, мучился, чувствовал, что перед ним вырастает стена". Старец Варсонофий помолчал, потом добавил?: "А что из Петербурга меня посылали в Астапово, это неверно. Хотел напутствовать Толстого: ведь сам он приезжал в Оптину, никто его не тянул" (Ксюнин)».

VII. «Осень». Оптинская смута и кончина Старца

Ветер, дождь и холод
И мятеж души и голод,
И былого думы и мечты
Как с деревьев спадшие листья...
Грустна эта жизнь земная!
Но за это же есть другая –
Область вечного блаженства – рая,
Царства не вечерней красоты!

Приступая к последней главе жития старца Варсонофия – осени его жизненного пути, – невольно напрашивается предварить оную этими простыми стихами, написанными им еще в годы его затвора в 1902 г. Будучи человеком одаренным, он не был лишен способности писать стихи. Но только малая доля посмертного издания (1914) находится в нашем распоряжении. Однако, применяя лирический образ багряной осени к последним грустным годам жизни старца, мы отнюдь никак не разделяем мнения автора «Оптина Пустынь» издание УМСА, чтобы якобы после кончины старца Амвросия наступает осеннее увядание благодати старчества в Оптиной Пустыне.

Прот. Четвериков ошибается, когда говорит, что после о. Амвросия «старчество хотя и не угасло, но не имело прежней силы и славы». Эту ошибку повторяют с его слов и современные агиографы, в том числе и проф. Игорь Смо-

лич в своем обширном труде на немецком языке: Russisches Moenschtum. 1953. Wurzburg.

Всю силу и полноту благодатных дарований имели и последующие старцы. К этому убеждению приходишь хотя бы при ознакомлении с жизнеописанием старца Иосифа, непосредственного ученика и преемника о. Амвросия. Всею полнотою «славы» и незаблемого авторитета пользовались среди верующих также и другие старцы, например, о. Варсонофий, которого почти замолчали наши агиографы, также о. Нектарий. Уменьшились не «сила и слава» старцев, а число верующих.

Возникновение оптинской смуты берет начало с далеких времен, а именно с момента кончины великого старца о. Амвросия.

Калужский еп. Виталий был враждебно настроен по отношению к покойному старцу Амвросию из-за своего непонимания сущности старчества. Как было сказано, он намеревался вывести насильно из Шамордина о. Амвросия, который там отдавал свои последние силы на созидание этой обители. И застал старца в гробу.

Такое непонимание постигло и старца о. Анатолия. Это было делом «ревностных» лиц из мирян, которые опасались за судьбу о. Иосифа.

Действительно, в эту минуту положение о. Иосифа не имело той твердой почвы под ногами, подобно той, какой пользовался о. Амвросий, несмотря на то, что считался по болезни «на покое». Его «начальник» о. Анатолий с благоговением стоял перед ним на коленях и считал себя его учеником. Теперь же отношение к о. Иосифу во многом зависело от о. Анатолия — начальника скита.

Тихий, смиренный, скромный о. Иосиф казался своим защитникам неспособным сам себя отстаивать. В его жизнеописании указано, что еще при жизни старца Амвросия в бытность его в Шамордине «прошел слух», будто о. Иосифа хотят выселить из хибарки о. Амвросия. Ему советовали поехать жаловаться старцу. Однако о. Иосиф отнесся к этим «слухам»

бесстрастно. Эти советы и были началом последующих интриг против скитоначальника о. Анатолия.

Когда же скончался о. Амвросий, эти защитники о. Иосифа нашли способ восстановить епархиального архиерея против о. Анатолия. Из-за того же непонимания природы старчества еп. Виталий не мог судить о духовности о. Анатолия и испытывать к нему уважение, подобно еп. Игнатию Брянчанинову, беседовавшему с ним об умносердечной молитве. Он поверил клевете и отстранил о. Анатолия от старчества в Шамордине и даже запретил ему въезд в обитель.

Батюшка о. Анатолий очень тяжело переживал это запрещение. Выедет, бывало, на большую дорогу до того места, откуда видна Шамординская обитель, и велит кучеру остановиться, посмотрит в ту сторону, слезы потекут из глаз, и велит ехать обратно. О. Анатолий преставился вскоре после о. Амвросия (1894).

Когда старца Анатолия не стало, положение его ближайших учеников оказалось нелегким. О. Варсонофий ушел в затвор. В течение десяти лет он занимался изучением святоотеческой литературы и молитвой Иисусовой. В это время его духовником был о. Нектарий, который, так же, как и он, в свое время был духовным сыном старца Анатолия. Об этом о. Нектарий свидетельствует сам в жизнеописании о. Амвросия (Москва. 1900. стр. 134). Между ним и о. Варсонофием сохранилась близость до конца жизни.

Когда началась японская война о. Варсонофий был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете имени преп. Серафима. Как довелось слышать, в скиту опасались этого умного, образованного и способного быть властным человеком. Другой ученик о. Анатолия, о. Венедикт, из белого духовства, был назначен настоятелем Боровского монастыря.

Сохранилось в «Прибавлении к Церковным Ведомостям» «Письмо Оптинского иеромонаха Варсонофия с Дальнего Востока на имя преосвященного Вениамина, епископа Калужского»:

«Охраняемые Божественною благодатию и покрываемые вашими святительскими молитвами и архипастырским благо-

словением, все мы, пятеро калужских иеромонахов, благополучно прибыли 1 мая в город Харбин и ожидаем указаний о дальнейшем нашем назначении из главной квартиры в Ляояне.

В Москве мы все явились к г. Прокурору Московской Синодальной конторы и, получивши деньги на путевые расходы, а также и документы, выехали из Москвы 13 апреля. Каждому из нас выдан был ящик с церковною утварью и облачением – походные церкви. Выдали также святые антиминсы, миро и освященный елей.

Нас разместили в вагоне второго класса и разрешили иметь при себе ящики с ризницами, ибо мы заявили, что признаем неудобным помещать их в багаже.

В пути нигде не останавливались, следуя таким образом безостановочно с 13 апреля по 2 мая, – 19 суток. Только пришлось переждать несколько часов при переправе чрез озеро Байкал – на пароходах. Там мы встретили министра путей сообщений, князя Хилкова, временно проживающего в Иркутске. 25 апреля наш поезд повстречался с другим, на котором отправляли в Россию пленных японцев в числе 182 нижних чинов и 18 офицеров. Видели их мы только на ходу, в окна вагонов. Почти одновременно следовал с нами воинский поезд с сибирскими казаками. Нам сказали, что за ними следуют оренбургские и уральские казаки в числе 8 полков и 2 конно-артиллерийских батарей (две дивизии). Донесся слух о первом нашем сражении на реке Ялу.

28 апреля прибыли в Манчжурию. На границе станция, и называется также Манчжурия. Здесь также встретили задержку, совершалась пересадка. В первый раз мы увидели китайцев. Это все – рабочие. С русскими китайцы живут мирно, и русские им нравятся. От станции Манчжурия дорога на всем протяжении ее до города Харбина, 85 верст, уже охраняется войсками, – разъезжают конные солдаты и казаки. Незадолго до нас, изловили японцев, которые хотели взорвать туннель железной дороги у Хингана, во время хода поезда в 40 вагонов с войсками. Бог спас, – взрыв последовал после проследования поезда. Всех их судили военным судом и повесили в Ляояне.

На станции Манчжурия обрадовала нас весточка о удачном нападении на японцев генерала Ренненкампа с двумя полками казаков, причем японцы понесли страшные потери (7 т.).

Первый китайский город на пути нашем был Хайлар; но мы его не видели, ибо поезд стоял часа два, не более, а до города было – 7 верст. Около него строится русский город, – пока небольшое селение. Все китайские власти остались в городе, и до сих пор там живет губернатор (“дзянь-дзюнь”). Но войска все выведены внутрь Китая.

Утешил нас вид русских церквей на станциях сибирской железной дороги. Кругом пустыня. Но вот – церковь, и вокруг нее группируется несколько, десятка два-три, домиков. Это Русь Святая в маленьком виде. И светло и отрадно становится на душе. В Харбине с вокзала мы все проехали в здание Красного Креста, где нас приютили и оказали радушный прием. Разместили в номерах и согласились давать рыбную и молочную пищу. Жизнь в Харбине вообще не дорога. Рыбы в изобилии, но только дорога. Русский Харбин расширяется и его можно сравнить с любым небольшим уездным городом. Есть в нем три церкви, деревянные, служба совершается ежедневно».

Когда же по окончании войны о. Варсонофий вернулся обратно в Оптину Пустынь, о. Иосиф уже настолько состарился и ослабел, что управлять внешними делами скита был уже не в состоянии. К тому же некоторые люди делали злоупотребления, пользуясь его добротой и мягкостью, и на скиту оказались долги. От Синода была прислана ревизия. Он подал на покой, зная, что того желают епархиальные власти. А на его место скитона начальником был назначен о. Варсонофий, возведенный в сан игумена.

Но какой мудростью должны были бы обладать духовные чада о. Иосифа, чтобы взглянуть на эту перемену беспристрастным оком? Ведь о. Иосиф был столпом старчества, непосредственным преемником и учеником о. Амвросия, продолжателем традиции великих старцев. А о. Варсонофий, поступивший уже после кончины о. Амвросия, казался им человеком пришлым, чужим. Почувствовали себя обиженными

за своего старца и Шамординские сестры, хотя о. Иосиф продолжал старчествовать и руководить ими. В Оптиной снова стало два старца... Понятно, что при создавшемся положении у о. Варсонофия со многими из старшей братии были лишь официальные отношения, как было с о. Илиодором, которому он дал «на дорогу» горсть леденцов в день его смерти.

Между тем новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в скиту: он внес в его казну 60 тысяч рублей личного своего капитала, уплатил долги, ремонтировал скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допускавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии, был полон о них забот. Он не стеснялся смирать, когда это требовалось. Но к кающимся о. Варсонофий был милостив и говорил, что тех, кто не хочет спастись по доброй воле, тех надо спасать силой и силу эту применять умел. И многие из числа братии, не говоря о тех, которые поступили уже во время его управления, были всецело под его влиянием, испытав на себе всю пользу от его мудрого, благодатного руководства. В Шамордино, куда поступали его духовные дочки, им приходилось смиряться перед иосифовскими «дочками», которые имели над ними старшинство.

Особенно много занимался о. Варсонофий с интеллигентной молодежью, посещавшей Оптину Пустынь, и был единственным старцем оптинского скитского братства. До сих пор дело ограничивалось только натянутыми отношениями между варсонофиевскими и иосифовскими учениками и ученицами. У коренных оптинцев все же царил в конце концов дух смирения, да и влияние оптинских духовников отцов Анатолия (Потапова), Феодосия и Нектария, употреблявших все силы для поддержания мира, делало свое дело. Например, когда о. Варсонофий опасно заболел и послал к о. Иосифу просить благословения на принятие схимы, в этот момент в келии о. Иосифа оказался его духовник о. Нектарий, который и настоял на том, чтобы это благословение было дано.

Много было у о. Варсонофия неприятностей после кончины о. Иосифа. Разные лица предъявляли свои претензии, кто относительно своих процентных бумаг, кто – вещей, якобы оставленных на хранение у о. Иосифа и т.п. Были и личные обиды на о. Варсонофия. Напр. в скиту скончался о. Даниил (Болотов), родной брат Шамординской игумении Софии (Шамординские сестры звали его «Дядюшкой»). Он много потрудился в деле христианской проповеди среди интеллигенции. С целью проповеди его часто отпускали из монастыря в мир. Перед смертью он хотел принять схиму. Но о. Варсонофий указал ему несовместимость его апостольского подвига с обетами схимы, требующими полного отречения от мира. Он спросил его, согласен ли он отказаться от своей апостольской проповеди в случае выздоровления. Подумав, о. Даниил отказался от схимы и так скончался простым иеромонахом. Родственники его не могли простить этого о. Варсонофию.

Между тем подземная работа врага рода человеческого не ослабевала. Им подготовлялась катастрофа. С целью добиться упразднения старчества и закрытия скита новые монахи являлись из упадочного предреволюционного мира. Им дела не было ни до о. Варсонофия, ни до о. Иосифа. Им нужно было свергнуть существующую власть и захватить в свои руки начальственные должности.

Таковыми людьми оказались иеромонах Патрикий и монах Георгий. Они затеяли бунт, вещь доселе неслыханную в Оптиной Пустыни. Конечно, это была лишь небольшая горсточка братьев. (В Оптиной Пустыни до войны было 300 человек братьев). Настоятель архимандрит Ксенофонт, строгий монах, но несколько слабый в управлении, послал за скитона начальником о. Варсонофием, который сразу усмирил бунт, умиротворил братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта. Последные не сложили оружия и подали жалобу в Синод и одновременно донос на о. Ксенофонта, будто он неправильно ведет лесное хозяйство. Их жалоба и донос нашли в Синоде благоприятную почву. Уже давно находились люди недовольные о. Варсонофием пока некая Мария Михайловна Булгак, рожденная

Бартенева, начальница Гродненской гимназии и крайне-правая политическая деятельница, не произвела того взрыва, который был причиной отъезда о. Варсонофия из Оптиной Пустыни.

Произошло это так. Сначала эта особа проявила обожание к о. Варсонофию. Она обещала завещать скиту Оптиной Пустыни свой капитал в сто тысяч рублей*. Но на этом основании она решила, что ей дозволено распоряжаться в скиту. Произошел конфликт, и Мария Михайловна возненавидела о. Варсонофия. Одно время она собиралась поступить в Шамординскую обитель. Узнав об этом, о. Варсонофий покачал головой и сказал: «Ох! И набулгачит же там Булгак!» Желая отомстить о. Варсонофию, Булгак явилась в политический петербургский салон графини Игнатъевой, где можно было встретить епископов-членов Синода, и выложила там весь багаж, привезенный из Оптиной, клевет и сплетен. Проверять слухи поехала в Оптину Пустынь сама гр. Игнатъева. Она сделала визит настоятелю о. Ксенофону и заявила, что также сделает визит и о. Варсонофию, но как скитона начальнику, а не как к старцу. О. Варсонофий попросил М. Н. Максимович, супругу варшавского генерал-губернатора, присутствовать при приеме графини. Последняя почти безвыездно жила в Оптиной Пустыни и была тихая и смиренная старушка. Она вела разговор с графиней, а о. Варсонофий молчал. Вернувшись в Петербург, графиня доложила членам Синода, посещавшим ее салон, что в келье скитона начальника стояли цветы и что чай разливала дама.

В результате всех этих жалоб и слухов Святейший Синод назначил ревизию. Для ведения следствия был назначен Епископ Серафим Чичагов. Он прибыл в Оптину пустынь под 1 января 1911 г. и после всенощного бдения выступил для произнесения проповеди. Он начал с того, что монахи бывают послушными и непослушными. Все ожидали, что речь коснется удаленных за бунтарство монахов, их своеволия и непокорности. Но каково было всеобщее горестное изумление, когда он начал громить и поносить о.о. настоятеля и скитона начальника,

* М. М. Булгак оставила свой капитал на содержание и пропитание своих двух собак, о чем, как о курьезе, было написано в газете «Новое Время».

двух старцев, склонивших перед ним свои убеленные головы и поддерживавших его под руки. «Какой ты старец?» – крикнул епископ на о. Варсонофия. Смиренный о. игумен ответил кротко: «Я не самовольно старчествую, Владыко, меня Синод назначил». Народ, свидетель этого, покидал собор возмущенный и взволнованный.

На другой день епископ Серафим собрал братию и поставил вопрос о принятии обратно удаленных за бунт монахов. О. архим. Ксенофонт соглашался их принять, «если покаются». Но старец о. Варсонофий отнесся отрицательно, говоря, что он не верит в их покаяние. Но монастырская братия, видя, что обратный прием этих бунтовщиков епископу желателен, стали давать со страху ответы уклончиво. К сожалению, столпы оптинские, отцы иеромонахи Анатолий, Нектарий и Феодосий отсутствовали... Смутьяны были не только приняты, но даже один из них был сделан казначеем.

После этого твердая и непоколебимая жизнь в Оптиной Пустыни была нарушена. Старец о. Варсонофий был назначен настоятелем монастыря в Голутвине. Мирянам, жившим вокруг обители, было предложено выехать, и пребывание богомольцев было ограничено 10 днями. Был даже поднят вопрос о закрытии скита и о прекращении в Оптиной Пустыни старчества. К счастью, это не было исполнено. Отец архим. Ксенофонт оправдался от обвинений, но вскоре умер от пережитых огорчений. Его заместителем стал о. Исаакий Второй. Скитоначальником был назначен о. Феодосий, духовный сын старца Варсонофия. С ним вместе старчествовали в скиту о. Нектарий и бывший келейник старца Амвросия о. Анатолий (Потапов). Между тремя старцами царило братолюбие и согласие. Но отголосок смуты между братии не был изжит до конца существования Оптиной Пустыни.

О судьбе старца Варсонофия, о возведении его в сан архимандрита и назначении в заброшенный Голутвинский монастырь подробно рассказывает о. В. Шустин: «О. Варсонофий должен был покинуть скит... Я как раз к этому времени приехал в Оптину. Батюшка встретил меня с радостью, поведал

мне о своих обстоятельствах и рассказал, как накануне дьявол ополчился не только на его имя, но и на его жизнь.

Приехал сюда один офицер и стал требовать от меня записку в том, что я согласен на его брак с одной девушкой, очень религиозной, но мне незнакомой. Он хотел обманом жениться. Я категорически отказался дать такую записку. Даже надписать св. Евангелие. Тогда тот начал кричать на меня, наконец выхватил шашку из ножен и стал ею размахивать, наступая на меня, а я, – говорит батюшка – скрестив руки, стою перед ним. Он махал, махал, но никак не мог меня задеть. С ругательством вложил шашку в ножны и побежал, но в безумии своем не мог найти выход из скита. Встретив одного монаха, он велел вывести его из скита и проводить до гостиницы; тот сказал, что не имеет права выходить без благословения старца. Тогда офицер выхватил револьвер и заставил его идти с ним. Конечно, я мог бы возбудить дело против него, я знаю, какого он полка, и мог бы написать в офицерский суд, но это не наше дело, это не монашеское дело, мы должны сказать: да будет воля Божия.

Потом батюшка сказал: “Пойди в келию отца Нектария и скажи, что я прислал тебя”.

В день отъезда батюшка служил в скиту литургию и затем прощался с братией у себя. Прощание было трогательное, почти всем он кланялся в ноги, а некоторым поклонившись, не хотел и вставать. Много было слез. В три часа совершил напутственный молебен и отправился на вокзал: вещей у него было – один маленький ручной саквояжик. Погода была отчаянная, поднялась страшная вьюга с мокрым снегом. Прямым путем на вокзал нельзя было ехать, т.к. река Жиздра разлилась. С большой опасностью перебрались мы через реку. С батюшкой до вокзала провозить на маленьком пароме поехал его духовник и о. Нектарий. Я ехал вместе с духовником батюшки, о. Феодосием. Он был поражен смирением отца Варсонофия и всю дорогу умилялся. Ехали мы до вокзала вместо обычного часа три с половиною часа. Дорогою батюшка совсем околел. Благодарение Богу, что поезд опоздал, и батюшка мог согреться чаем. Билеты по распоряжению батюшки были взяты третьего

класса. Но при пересадке я уговорился с обер-кондуктором и не дал батюшке войти в третий класс, и вместе с двумя келейниками поместились мы в купе 2-го класса. Дорогой батюшка почти не спал, но при этом почти не говорил ничего. По приезде в Москву батюшка направился на подворье, в котором жил епископ Анастасий*. При встрече с епископом батюшка поклонился ему в ноги. В этом подворье батюшка прожил шесть-семь дней, пока епископ не возвел его в сан архимандрита.

Я жил в Москве у своих родных и каждый день приходил к батюшке. Вместе с ним и келейниками мы обошли и приложились ко всем святыням города Москвы. Однажды, возвращаясь от часовенки св. Пантелеимона, батюшка шел впереди, а я сзади. Вдруг меня останавливает одна незнакомая барышня, очень хорошо одетая, и спрашивает, не отец ли это Варсонофий. Я сказал, да; она была удивлена, как батюшка мог очутиться в Москве. Я в кратких словах рассказал ей, как это случилось. Она забежала вперед и приняла от него благословение и затем проводила до квартиры. Тут, возле ворот, батюшка велел ей подождать, сам же вошел в столовую, выбрал лучший апельсин и велел мне отнести барышне, но прежде спросил меня: “Кто эта барышня?” Я ответил, что не знаю. Но батюшка сказал: ты должен это знать, отнеси апельсин и проводи ее домой. Я вышел из ворот, передал апельсин и желание батюшки. Она меня спросила, где я живу. “Ну, – сказала она, – это и мне по дороге”. Сели мы в один трамвай, он довез меня до моего места, а она поехала дальше. При прощании дала мне номер телефона и просила сообщить ей, когда батюшку будут возводить в сан архимандрита. Я обещал ей все это сделать и в точности исполнил. Она была в церкви и просила меня передать батюшке фрукты. На следующий день батюшка поехал на новое место служения в город Коломну, в Голутвин монастырь.

Когда подъезжали к Коломне, то из окон вагона был виден монастырь. И батюшка, смотря на монастырь, перекрестившись, сказал: “Вот здесь мое место упокоения, мне недолго осталось жить, т.к. приходится нести последние испытания.

* Впоследствии Митрополит, Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

Исполняется последняя заповедь блаженства: “Блажены вы есте, егда поносят вам и изженут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради”. При этих словах что то острое кольнуло в сердце, и стало тяжело; но батюшка смотрел бодро. На вокзале были уже монастырские лошади. Нас встретил эконом монастыря с золотым наперсным крестом. Он сел с батюшкой, а я в следующий тарантас с батюшкиным келейником. Еще было далеко до монастыря, как там уже начали перезванивать во все колокола. Батюшка сразу пошел в церковь. Тут собралась вся братия. После молебна батюшка приветствовал всех и пошел осматривать помещение. При осмотре он везде нашел упущения и даже разорение. Гостиница была не устроена. “Что же мне делать, – говорит батюшка, – где же я помещу приезжающих богомольцев?” И вот он велел мне и келейникам ехать в город и купить кроватей, материала для матрацев и подушек и сшить их. “Денег, – говорит батюшка, – у меня нет, но найдутся добрые люди, поезжайте”. И вот – дивное дело. Мне, человеку в студенческой форме, дают и кровати, и материал без всякого разговора, с полной готовностью, и без копейки денег. Правда, был со мной келейник батюшкин, но его и меня никто не знал. По приезде в монастырь я принялся шить матрацы и набивать их волосом и работал целый день. Так как гостиница была не устроена, то я помещался в квартире батюшки. Батюшка сам был вместо будильника: в 12^{1/2} ч. ночи он приходил и будил меня и заставлял вместе с келейником читать полунощницу и монашеские правила. Это продолжалось часа два. Потом я опять ложился. Но в 5^{1/2} часов батюшка опять меня будил, чтобы я собирался с ним вместе к ранней обедне. Так продолжалось около недели. В первое время было очень много работы, и я исполнял роль келейника, убирал комнаты, проветривал. Большие реформы произвел батюшка и во внутреннем строении монастыря. Установил обязательное посещение церковных служб, и сам являлся примером. Раньше и в трапезную не все ходили, а иеромонахи и не заглядывали. Имели при келиях свои кухни. Эконом, так имел повара. Батюшка запретил готовить что-либо на дому, и должны были

все есть общую пищу и в определенное время. Когда батюшка пришел по звонку в трапезную, все простые монахи удивились, что он так близок к ним. Пища была невозможная. Щи были из прелой капусты и рыбы с запахом. Эконом не пришел в трапезную, но батюшка послал за ним послушника и заставил его есть обед из тех продуктов, которые тот покупал. Эконом отворачивался, а батюшка его уличал. Недаром эконом носил шелковые рясы, и в его комнате можно было увидеть золотых рыбок. “Как можно, – говорил батюшка, – давать такую пищу, такую заразу”... Сразу весь дух монастыря переменялся. Батюшка позаботился об одежде и пище монахов, и монахи, увидя такое отеческое отношение настоятеля, не чуждались его, но приходили, с любовью и доверием открывали ему свои души; а он начал их врачевать. Был там один алкоголик иеродиакон; благодаря любви и стараниям батюшки он умер как великий христианин. Батюшка своим смирением его возродил. И вообще через два месяца монастырь стал неузнаваем. Много рабочих из Коломенского завода стали приходиться к батюшке искать утешения. [Батюшка хотел открыть в] монастыре школу и обучать детей рабочих христианской жизни. Но не суждено было этому осуществиться.

Меня одолевали все разные болезни. В начале 1913 года приехал я в Голутвин с больным горлом. Батюшка посмотрел на меня и говорит: “Жениться тебе надо, и пройдут все твои болезни”. Я посмотрел на него удивленно. Я совсем не думал о женитьбе. “Есть у тебя невеста?” – спросил он. “Нет, батюшка” – “Ну, так вот я тебе посватаю одну девушку, чудную. Она в монастырь собирается. Ты видел ее, должно быть. Она так смиренно в темном платочке ходит. Нужно, чтобы она в миру жила и воспитывала благочестивых и честных людей... Нравится ли она тебе? Ведь ты с ней виделся в Москве”. – “Да, батюшка, она мне в Москве понравилась, а здесь я ее не узнал!” – “Подвигом постным она себя изнурила. И вот я решил так: завтра утром,

* Здесь и далее в квадратных скобках приводятся слова, которые в оригинальном издании отсутствуют из-за дефектов набора и даны предположительно – для восстановления смысла. – *Прим. ред.*

за ранней обедней, я буду молиться о вас перед жертвенником, и – что Господь мне откроет. Если угодно Ему мое желание, то я призову ее на клирос и поговорю с ней относительно тебя и ее самой, а пока ничего не буду говорить”... Такое решение батюшки меня ошеломило, и я взволнованный ушел к себе в гостиницу, намереваясь на следующий день сходить к ранней обедне. Велел гостинику разбудить меня вовремя. Когда стали благовестить, тот постучал ко мне. Я вскочил, скорее начал одеваться... И что же? Мне казалось, что я оделся тотчас же, и пошел в церковь. Подхожу к церковным дверям, а те заперты. Спрашиваю первого монаха, почему церковь заперта. Потому, говорит, что служба отошла. А который час сейчас? Одиннадцать часов! Как? Я сейчас только одевался к ранней обедне! Я чуть с ума не сошел, потерял чувство времени и тотчас же побежал к батюшке. Я мог входить к нему во всякое время. Келейник впустил меня и сказал, что батюшка сейчас отдыхает, но скоро выйдет. Я сел в приемной и волнуясь, не знаю как. Спустя минут двадцать вышел батюшка. Помолился, благословил меня и посадил рядом. Я с испугом говорю батюшке, что потерял чувство времени. Уснул ли я, потерял ли я сознание, никак понять не мог. А батюшка и говорит: “Так и должно быть, в таких вещах любопытствовать нельзя”, и начал мне рассказывать про Серафима Саровского. Я волнуясь, хочу узнать результат, беседовал ли он с этой девушкой, а он испытующе посмотрит на меня и продолжает говорить про Серафима Саровского. “Пришел к преп. Серафиму один молодой человек и просит благословения у преподобного на брак с девушкой, которая осталась в деревне... А преподобный Серафим говорит: “Твоя невеста здесь в монастыре, ты ее встретишь при входе в гостиницу”. Тот был удивлен и говорит, что ее здесь нет. – “Твоя невеста сделалась невестой Христовой, а ты женишься на другой”. Придя в гостиницу, он действительно встретился с одной девушкой, которая пристально на него посмотрела. Войдя в комнату, он нашел на столе письмо, где сообщали, что невеста его нервно заболела и умерла. Он побежал к преп. Серафиму и со слезами поведал свое горе. И батюшка

устроил новый брак. Вот как воля Божия исполняется. Теперь я скажу относительно тебя: как я говорил, я молился перед жертвенником и после обедни позвал А. С. на клирос. Я охарактеризовал ей тебя, сказал, что я ручаюсь за тебя и хочу вас обоих познакомить ближе. Она и слышать не хочет о замужестве, я ее долго убеждал и предупреждал, что в монастыре она погибнет. Тогда она смирилась и сказала: “Ваша воля, батюшка, вы знаете лучше”. Я ей назначил час свидания в приемный час, в три часа, так же и тебе заповедаю придти в три часа”.

Пошел я к себе в гостиницу и при входе столкнулся с А. С. Она сразу вся покраснела, наклонила голову и прошла мимо меня; и сейчас же вспомнились мне слова батюшки, как бы от преп. Серафима: “А при входе в гостиницу, ты встретишь свою невесту”. И вот оно так сбывалось. И для чего она, думаю я, пошла в гостиницу (ибо она жила в поселках близ монастыря). Оказалось, что как раз и ее брат со своей невестой приехал просить у батюшки благословения.

В три часа я пошел в батюшкину приемную. Народу собралось там довольно много. Я сел подальше, в уголок. Пришла и будущая моя невеста с братом, и сели далеко от меня. Посредине стояла женщина с юношей лет 17. С большой печалью на лице она ожидала батюшку. Наконец батюшка показался в дверях. Прежде всего, как он имел обыкновение делать, подошел к образу, помолился, а потом стал всех обходить и благословлять. Благословил меня по очереди и пошел дальше. Тут женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась к батюшке со словами: “Батюшка, помолитесь! Измучилась я со своим сыном, излечила на него все состояние, а он все остается глухонемым, и так сделалось с ним с 12 лет”. Батюшка благословил, посмотрел на него и говорит: “Согрешил он одним великим грехом, и ему покаяться и говеть нужно, и снова он будет слышать и говорить”. Мать даже огорчилась тут за сына, – как, ведь он примерный мальчик, мог ли он согрешить в 12 лет! Батюшка обратился к юноше и спросил: “Ты помнишь, что ты сделал?” Тот в недоумении качал головой. “Да ведь он, батюшка, не слышит”, говорит мать. “Да, тебя не слышит, а

меня слышит”. Тогда батюшка наклонился и шепнул ему что-то на ухо, и у него широко раскрылись глаза, – он вспомнил. Через неделю юноша был здоров.

После разговора с женщиной батюшка подошел ко мне, взял меня за руку и повел, подошел к моей невесте, взял ее другой рукой и повел обоих в исповедальню. Она очень стеснялась, а он ее подбадривал. Брат ее глазам своим не верил. (Он знал, что она бесповоротно собралась в монастырь.) Поставил нас батюшка перед аналоем, соединил наши руки, покрыл епитрахилью своей, и стал про себя молиться. Потом он обернулся к нам и сказал: “Вот вам мое желание, познакомьтесь поближе, и если вы друг другу подойдете, то Бог да благословит ваш брак”; и затем, обратившись к моей невесте, сказал: “А тебе заповедаю каждый день в 5 часов приходиться к В. В. и угощать его чаем. И вы открывайте души свои друг другу”. Потом он нас отпустил, призвал ее брата, который в этот же день уезжал обратно в Москву.

День, в который совершился этот сговор, был для меня замечателен. Это был день смерти моей родной матери, 1 февраля. Ровно за год до этого я был в Оптиной и сказал батюшке, что сегодня день смерти моей матери. Он встал тогда перед образом и начал молиться. Потом, повернувшись ко мне, говорит: «Смотри, как она кивает головой и как благодарит за то, что ее сын не забыл ее, а вспомнил и помолился. Ты видишь ее радость?» – “Батюшка, я ничего не вижу”, – а батюшка смотрит на образ, и будто разговаривает. Так вот, прошел год после этого случая, и опять у меня событие. Безусловно тут было и благословение матери.

В продолжение нескольких дней Ан. Серг. приходила ко мне в 5 ч. Беседуя друг с другом, мы срослись душой. Беседа продолжалась до 10 ч. вечера, и я ее провожал домой. Каждый день мы сообщали батюшке о своей беседе, а он мне говорит: “Как у меня душа радуется, что так случилось. Но надо все-таки тебе познакомиться с ее родителями. Там будет скоро свадьба у брата Ан. Серг., пускай они пришлют тебе приглашение”. Потом батюшка велел отвезти ее в Москву, и после

свадьбы брата съездить вместе с нею к преподобному Сергию в Троице-Сергиевскую лавру. Батюшка очень почитал преподобного Сергия*.

Я исполнил батюшкино желание, отвез свою невесту в Москву и по получении приглашения приехал на свадьбу... После этого я каждую неделю стал ездить из Петербурга в Москву. Наша помолвка была объявлена. Мы побывали с невестой в Троице-Сергиевской лавре. И тут во время молебна так близко чувствовалось присутствие живого преп. Сергия, что меня охватила жуть. То же самое чувствовала и моя невеста. Чувствовалось особое единение. Недаром батюшка направил нас сюда. Настроение было мое радостное. Вдруг получаю телеграмму в Петербург, что батюшка очень серьезно заболел. Я тотчас же бросил дела, выехал в Голутвин. Батюшка был плох. Он лежал на кровати; при моем приходе сел и меня посадил рядом с собой, обняв рукой. С большим интересом он начал меня расспрашивать о приготовлениях к свадьбе. “А были ли у преподобного Сергия?” – “Да, батюшка, были, и я ощущал трепет”. – “Ну, теперь, значит, все благословено, и вот через три дня, на Благовещение, пускай будет у вас обручение, а на красной горке свадьба, в Петербурге. А после свадьбы первый визит ко мне”. Тут он задумался, видимо чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества... “Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству, – это *дар рассуждения*. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь... Когда у тебя будут дети, учи их музыке. Но, конечно, настоящей музыке,

* И земная жизнь о. Варсонофия закончилась в обители, основанной Преподобным.

ангельской, а не танцам и песням. Музыка способствует развитию восприятия духовной жизни. Душа утончается. Она начинает понимать и духовную музыку. Вот у нас в церкви читают шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из церкви. А ведь не понимают и не чувствуют они, что шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение. Не понимают люди этого. Сердце их каменно. Но музыка помогает почувствовать всю красоту шестопсалмия”. Тут батюшка опять задумался. “И вот как я рад, что пристроил тебя. Да поможет вам Господь и да укрепит вас. Болезнь моя мешает мне очень...” Я видел, что батюшка очень устал, пожелал ему здоровья и попросил благословения на отъезд.

Я не знал, что он так близок к смерти, и думал, что он еще поправится, а его через шесть дней не стало. Только я успел после обручения вернуться в Петербург, как поехал обратно на похороны батюшки. Все наше свадебное радостное настроение расстроилось. Стоял батюшка в храме восемь дней. Он заповедал, пока не появится запах тления, не хоронить его. Отпевал его еп. Анастасий, который поклонился перед гробом в землю и заплакал, что земля лишилась мудрого наставника. Вместе с епископом плакал и весь храм. После отпевания батюшку повезли на похороны в Оптину Пустынь. Желание батюшки исполнилось. Прах его упокоился в Оптиной Пустыне. Я проводил батюшку только до Москвы; мне надо было держать экзамен, и я отправился в Петербург. На красной горке, по завещанию батюшки, состоялась наша свадьба. По случаю траура о батюшке никаких танцев не было, и в тот же день, вечером, я с женой отправился в Оптину, на могилу батюшки, отдать ему первый свадебный визит.

Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, погоревали, и спрашиваем служившего иеромонаха: “Кто теперь старчествует?” – “О. Нектарий”, – ответил тот. Тут-то я и понял, почему о. Варсонофий, покидая скит, послал меня к о. Нектарию: чтобы я с ним познакомился поближе – он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти».

На этом заканчиваются записки о Василия, касающиеся старца Варсонофия. Духовная связь их продолжалась и продолжается, как мы увидим ниже.

Итак, угас великий старец и упокоился в своей любимой Оптиной Пустыни. Когда-то, восхищаясь Оптиной, он писал:

...Наследие веков, темный бор
По сторонам ее раскинулся дремучий;
В нем тишина, безмолвию простор,
Свобода полная для чувств святых и дум;
Лишь слышен там порой деревьев шум,
Когда вершины их колеблет ветр летучий.
Ясней здесь небеса и чище их лазурь...
Мирской ярем нося, и скорбный совершая,
Средь мрака и стремнин тернистый жизни путь,
Сподобился я видеть отблеск рая.

Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль,
Страны живых, страны обетованья...

ГЛАВА XV. СТАРЕЦ ФЕОДОСИЙ († 1920)

Ближайшим учеником о. Варсонофия, назначенным на его место скитона начальником и старцем оптинской братии, был о. Феодосий, сведения о житии которого немногочисленны.

Из книги «Немногочеловек» архим. Антония (Медведева), ныне архиеп. Сан-Францисского и Западноамериканского, мы узнаем некоторые черты из жизни о. Феодосия: «...Про него рассказывали, что он, любя читать акафист Божией Матери, желал знать его наизусть. И когда скончался его наставник, старец Феодосий, завернувшись в его одеяло, вдруг стал читать на память Богородичный акафист, получив этот дар как Елисей с милотью Илииною». Из той же книги мы узнаем, что о. Варсонофий в день своего ухода в монастырь был произведен в генералы. Кроме того, там говорится о даре, который был присущ о. Варсонофию – это дар исповедовать «так, что ни одна душа не отходила от него, не открывшись ему вполне, не оставив чего-либо невыясненным по недоумению высказаться, или по забывчивости». Это мы выше показали на примере нескольких лиц. То был дар необычайной прозорливости.

Несколько кратких черт из жизни о. Феодосия мы почерпаем из устных рассказов шамординской монахини м. Александры Гурко, как, например, о вере о. Феодосия в святость его покойного старца: Собрался он как-то раз в Калугу по делам к архиерею. Второпях он не обратил внимание на рясу, которую ему подал его келейник, и тот уже в пути сознался, что подал ему рваную рясу. О. Феодосий не только не огорчился, но даже

обрадовался: ряса принадлежала его старцу, и о. Феодосий счел этот случай за доброе предзнаменование. И действительно, дело его окончилось так, как он хотел.

О. Феодосий, будучи духовным сыном о. Варсонофия, был его же духовником. Однажды приходит о. Феодосий к старцу: «Батюшка, вот к вам ваш сынок пришел!» – «Какой он мне сынок, – возразил, улыбаясь старец, – мы с ним ровня», Улыбнулся и сам о. Феодосий. Оба они знали, что он был именно «сынком» и относился к старцу с младенческим смирением.

После кончины о. Варсонофий являлся многим из живших в скиту монахам. О. Феодосий сильно огорчился, что не удостоен был такого видения. Однажды он прилег на койку днем во время послеобеденного отдыха и вдруг увидел, что прямо против него сидит покойный старец и пристально на него смотрит. О. Феодосий не мог пошевелиться от чувства благоговейной радости. Видение продолжалось довольно долго и оставило надолго в келии ощущение благодати, которое сопровождало чудесное видение.

Подобно своему старцу, о. Феодосий обладал редким даром рассуждения. Так же, как и он, о. Феодосий отдавал много времени интеллигентной молодежи. И. М. Концевич присутствовал при том, как о. Феодосий поучал молодых художников, наставляя их против модернизма в живописи. Среди них был молодой Бруни.

Следующие рассказы характеризуют отношение старца о. Феодосия к подчиненным ему скитским братьям. Надо сказать, что мать его, схимонахиня Анна, была похоронена на скитском кладбище. У братии сложилась вера, что мать Анна имеет дар смягчать гнев своего сына на милость в случае всяких провинностей... Поэтому они ходили на кладбище молиться на ее могилу. Однажды скитоначальник сильно пробрал за какую-то вину одного из братьев. Тот бросился на кладбище просить заступничества у м. Анны. Возвращаясь оттуда, он встретил своего только что прогневанного начальника. «Где ты был?» – строго спросил его о. Феодосий. «У матуш-

ки Анны», – пробормотал испуганный брат. О. игумен зорко на него посмотрел, осенил его крестным знамением и прошел молча дальше. О провинности брата он больше не упоминал и вернул ему прежнее благоволение.

В другой раз сильно провинился другой скитский монах. О. Феодосий сделал ему строгое внушение. Винаватый брат всю ночь не спал, размышляя, как бы ему вымолить прощение. Вдруг под утро дверь его келии открывается, и к нему входит сам скитоначальник. Не успел перепуганный монах вскочить со своей койки, как старец упал ему в ноги, прося у него прощение. Монах так и обомлел! Оказалось, что батюшка о. Феодосий, заметив его горе и раскаяние, сам не спал всю ночь, жалея его и упрекая себя в чрезмерной строгости.

Из жизни о. Феодосия известен единственный случай, когда он не поладил с новым оптинским настоятелем о. Исаакием Вторым. Продолжалось это недолго. Приходит батюшка о. Феодосий к настоятелю и сообщает ему виденный им сон: оба они стояли на коленях перед покойным схимонахом Николаем – отцом настоятеля, причем умерший на них грозит. Задумался о. Исаакий и произнес одно слово: «Чует». Больше недоразумений между ними не было никогда.

С виду высокого роста, полный, тихий и сосредоточенный, о. Феодосий слыл мудрецом. Говорил басом, был смуглый с проседью. Когда-то, говорят, был келейником у старца Нектария. К нему мало людей ходило. Тяжело переживая революционное лихолетье, доставшееся на его долю скитоначальничества, он скончался в 1920 г.

ГЛАВА XVI. СТАРЕЦ АНАТОЛИЙ «МЛАДШИЙ» († 1922)

Старчество о. Анатолия до революции

«В 1903 году я должен был ехать на призыв в воинское звание из Петербурга на родину, в Белев Тульской губ. Поехал я со своим сверстником и товарищем Илюшей Картошкиным. Добрый он был юноша, но не знал духовной жизни, а тем паче монашеской. Говорю ему:

– Илюша, хочешь со мною заехать в Оптину Пустынь, посмотреть монастырь, монашество, великих старцев?

Тот отвечает:

– Да я ничего ни о монашестве, ни о старцах не знаю, я готов.

Прибыв в город Козельск Калужской губ. в пяти верстах от Оптиной, мы пошли пешком чрез прекрасный, покрытый зеленью, луг. Он раскинулся перед нашим взором как прекрасный ковер, украшенный разноцветными цветами. А на склоне горы над рекой Жиздрой виднелась Оптина – эта великая Пустынь, Фиваида наша, Заиорданье...

Подожли к Жиздре. Там паром нас ждал, готовый переправить нас чрез реку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вот вступаем на почву святой обители, где все оваяно трудами, подвигами оптинских пустынножителей, их слезами и молитвой – непрестанной... Сойдя с парома, идем по шоссе к гостиницам, их было шесть. Все было занято, но так как у нас было рекомендательное письмо от баронессы О. П. Менг-

ден, почитательницы старцев, то отвели нам скромный номер, на всякий случай оставленный. Спрашиваем – как пройти в скит к старцу Анатолию. Тогда он был еще иеродиаконем, но к нему уже ходили за советами и указаниями. Идем к старцу чрез монастырский фруктовый сад, минуем ограду монастырскую, попадаем в монастырский лес – сосновый, величественный, деревья в два-три обхвата. Идем дорожкой, ведущей прямо в скит.

Вот, наконец, подходим. Видим колокольню скита. Направо – хибарка. Это – дом, где жили великие старцы Оптиные. Еще направо – домик скитоначальника. Подходим к воротам. Стучим. Выходит согбенный монах: “Что вам надо?” Отвечаем, что пришли передать письмо от О. П. Менгден старцу Анатолию.

Последний принял нас с любовью. В беседе с ним открылся нам дар его прозорливости... На всю жизнь осталась память об этой беседе...

После сего я каждый год посещал Оптину и старцев пустыни. И память об этих посещениях до сего времени укрепляет и утверждает меня грешного в вере и благочестии».

От этого радостного впечатления будущего канадского миссионера архимандрита Амвросия (Коновалова) веет свежестью полевых цветов, солнцем юности и жизнерадостности. Таков и духовный облик великого оптинского подвижника – старца Анатолия, по прозванию Младшего, в отличие от скитоначальника Анатолия Старшего Зерцалова. Хотя он и вошел в историю оптинского старчества как один из самых известных и любимых старцев, однако биографических сведений о нем почти нет. Но и то малое, что ныне предлагается, чуткому сердцу должно указать на великое.

С юных лет возжелал Александр Потапов стать монахом и уйти в монастырь. Но мать его этого не хотела, и он, подобно Преп. Сергию Радонежскому, поступил в монастырь только после ее смерти. Многие годы он провел в скиту келейником у великого Амвросия и после его смерти, будучи еще иеродиаконем, уже старчествовал в скиту и вскоре стал общепризнанным старцем Оптиной Пустыни.

Прот. Сергей Четвериков в своей книге об Оптине пишет об о. Анатолии: «Мне пришлось быть у него в 1905 г. в его маленькой, тесной келии в глубине скита. Рядом с ним, в другой келии, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем за самоваром у о. Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрой речью, увлекающийся, любовный, о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в скиту, а в монастыре, при церкви Владимирской иконы Божией Матери, и пользовался уже большой известностью как общепризнанный старец. Около него уже создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преп. Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять, с удержанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число посетителей».

С юных лет впитал он дух оптинского подвижничества – суровое напряженное бодрствование духа, скрытого в своей келии, той «расселины в скале, где Господь говорил к Моисею», по выражению преп. Исаака Сирина, с одной стороны, и с другой – простое искреннее отношение ко всему внешнему, видимому, как к братии, посетителям, природе, свету Божию. Уставной ход жизни обители с ее богослужением, старцами, насыщенной духовно-просветительной деятельностью воспитали в нем внутренне великого аскета, делателя Иисусовой молитвы, проводившего ночи напролет в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, а внешне выдающегося общественного деятеля, воспитавшего тысячи русских душ в основе истинно христианского благочестия. Неспроста он вы-

соко ценил святителя Тихона Задонского и как величайшую драгоценность дарил людям его книгу «Об Истинном Христианстве»; уже почти полвека спустя один его духовный сын с трепетом вспоминает: «Еще в 1921 году, благословляя меня на пастырство, старец Анатолий сказал мне: «Возьми «Истинное Христианство» Тихона Задонского и живи по его указанию»^{*}.

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, отец Анатолий властно руководил монашеской внутренней жизнью. Откровение помыслов – самое сильное оружие в руках духовника и старца. Пишущему эти строки не раз приходилось присутствовать в Оптиной Пустыни, когда старец иеросхимонах Анатолий принимал от монахов исповедание помыслов. Эта сцена производила сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивое приращение помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось 2 раза в день, утром и вечером. Поистине – «житие» в Оптиной было беспечальное, и действительно, все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять все его значение. Настроение святой радости, охватывающее все существо принесшего исповедь старцу, описывает один древний инок в таких словах: «Я исполнился неизглаголанной радости, чувствуя свой рассудок очищенным от всякой скверной похоти. Я наслаждался толикой чистотой, что невозможно сказать. Свидетельствует об этом сама истина, и я укрепился твердой верой в Бога и многою любовью... Я был бесстрастным и бесплотным, осененным Божиим просвещением и созданным Его велением» (Палест. Патер., вып. II, 95–96).

* «Православная Русь», 1969, № 18.

С посетителями обход был такой. Обычно о. Анатолий выходил в сени и благословлял каждого коротким, быстрым крестным знаменем, слегка ударяя вначале несколько раз по лбу пальцами, как бы внедряя и запечатлевая крестное знамение. Маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях, он, обходя всех, отвечал на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых отдельно для беседы у себя в келии. Любовь и ласковость обращения привлекали всегда к о. Анатолию толпы людей. Помню, как во время своей болезни о. Анатолий, не выходя из келии, только подошел к окну и сквозь стекло благословлял стечение народа, сосредоточенное снаружи у окна. Увидев его, вся толпа припала к земле.

У него была грыжа, и часто он принимал, сидя на маленькой скамеечке, а люди наклонялись, подходя вроде очереди. Батюшка постучит по лбу – «цок, цок, цок» – и благословит. Тем временем на дворе опять набралось народу, ждут благословения. Ему келейники говорят: «Батюшка, отпустите людей». Встанет к окошку своей келии и благословит. Народ молча и чинно с благоговением расходится. И на сердце тихо, тихо и мирно.

«Подле келии о. Анатолия толпился народ, – описывает князь Н. Д. Жевахов, посетивший Оптину Пустынь почти накануне революции в связи со своим назначением товарища обер-прокурора св. Синода. – Там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собой своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на лечение... Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит у Господа здравие неповинным.

С болью в сердце смотрел я на этих действительно неповинных, несчастных детей с запущенными болезнями, горбатых, искалеченных, слепых... Все они были жертвами недосмотра родительского, все они росли без присмотра со стороны старших, являлись живым укором темноте, косности и невежеству деревни... В некотором отдалении от них стояла другая группа крестьян, человек восемнадцать, с зажженными

ми свечами в руках. Они ждали «собороваться» и были одеты по-праздничному. Я был несколько удивлен, видя перед собой молодых и здоровых людей, и искал среди них больного. Но больных не было: все оказались здоровыми. Только позднее я узнал, что в Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духом люди, придавленные горем, житейскими невзгодами, страдающие запоем. Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где Истинный Врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовные лечебницы, и никогда их вера не посрамляла их, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвою и беседами со старцами. Вдруг толпа заволновалась; все бросились к дверям келии. У порога показался о. Анатолий. Маленький сторбленный старичок с удивительно юным лицом, чистыми, ясными детскими глазами, о. Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Я давно уже знал батюшку и любил его. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы о. Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старичок Божий не вывел своею опытною рукою заблудившихся в дебрях жизни, запутавшихся в сетях сатанинских... Это был воистину «старец», великий учитель жизни. При виде о. Анатолия толпа бросилась к нему за благословением, и старец медленно, протискиваясь сквозь толпу народа, направился к крестьянам, ожидавшим соборования, и приступил к таинству елеосвящения. Я улучил момент, чтобы просить о. Анатолия принять меня наедине.

“Сегодня, в 4 часа, пред вечерней,” – ответил на ходу о. Анатолий».

В начале беседы князь сказал старцу: «Иной раз так тяжело от всяких противоречий и перекрестных вопросов, что я боюсь даже думать... Так и кажется, что сойду сума от своих тяжелых дум.

– А это от гордости, – ответил о. Анатолий.

– Какая там гордость, батюшка, – возразил я, – кажется мне, что я сам себя боюсь; всегда я старался быть везде последним, боялся людей, сторонился и прятался от них...

– **Это ничего; и гордость бывает разная. Есть гордость мирская** – это мудрование, а есть гордость духовная – это самолюбие. Оно и точно, люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагают да от него всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дело. Бери от него то, что он может дать, а большего не требуй... Наш учитель – смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. А благодать Божия это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смиришься и скажи себе: “Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мной воля Божия”. Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как подобает истинному христианину, положишься на Господа с твердым намерением безропотно подчиняться воле Божией, какова бы она ни была, тогда рассеются пред тобою тучи и выльнет солнышко, и осветит тебя, и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе.

Я почувствовал, как затрепетало мое сердце от этих слов... Как глубоко и как просто, подумал я.

О. Анатолий между тем продолжал:

– Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же нам бояться да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать да разгадывать... Чем сложнее и труднее жизнь, тем меньше нужно это делать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами... Оттого и трудною стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что вместо того, чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму да на него полагаться... Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких испытаний: все это посещения Божии, тебе же на пользу... Пред кончиною своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и

страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу».

Великий старец «Тихого приюта для отдыха страдающей души»*

Помимо главных трех храмов, Введенского, Преп. Марии Египетской и Казанской Божьей Матери, есть еще один храм в Оптиной Пустыни – храм Владимирской Богоматери. Он представляет собой для мирских людей главный интерес тем, что при этом храме находится келья самого популярного из старцев нашего времени, о. Анатолия. Так как этот старец принимает почти без ограничения времени всех, то этот храм бывает почти всегда открыт и постоянно переполнен народом. Бывает нередко так, что в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а около храма Владимирской Богоматери, где келья старца Анатолия, сидит много народу и ожидают очереди приема. Принимает он, кажется, до глубокой полуночи, так что приходится удивляться, как управляется со своей тяжелой обязанностью этот маленький, тщедушный, Богоугодный старичок.

Отличительной чертой этого поистине Божьего человека служит его изумительно любовное отношение к людям.

И глядя на него, невольно хочется воскликнуть: «Какое это великое вместилище любви!»

Вечно приветливый, постоянно ласковый, изумительно сердечный, готовый, кажется, всего самого себя, всю свою душу, всю свою жизнь отдать тому, кто приходит к нему с той или другой нуждой, с той или другой скорбью.

Когда я приехал к старцу, у него была как всегда масса народу. Здесь я встретил совершенно случайно одного своего доброго знакомого.

Разговорились, оказывается, он иногда посещает этого «святейшего из святых при жизни» старца. Старец Ана-

* Из книги В. П. Быкова «Тихие приюты для отдыха страдающей души». Москва, 1913 г., стр. 125, 226–231.

толий помимо слов назидания, привета, любви, очень часто дает посетителям книжечки, которые почти всегда или своим названием, или своим внутренним назиданием отвечают на какой-либо запрос, на какую-либо нужду посетителя, и приглядываясь к этой раздаче, можно наблюдать феномены провидения старца в даль грядущего.

Среди никогда не прерывающейся цепи ожидающих приема посетителей всегда идет живой обмен впечатлениями, мыслями по поводу какого-либо предсказания или указания старца.

Вот направо, вслушиваемся в рассказ одного крестьянина. Рассказчик, очевидно, здешний ямщик.

«Вот всегда обращаюсь к этому дорогому батюшке. Он мне в трудные минуты все равно, что ангел хранитель, как скажет, так уж точно обрежет. Все правильно, по его так и бывает. Я никогда не забуду такой случай. Отделился я от отца, вышел из дому. Всего в кармане денег 50 руб. Жена, ребятишки, а сам не знаю, куда и голову приклонить. Пошел к эконому здешнего монастыря, леску на срок попросить; обитель-то здешняя, дай им Бог доброго здоровья, все-таки поддерживает нас. Возьму, думаю, у него это леску, да кое-как и построюсь. Пришел, но экономом оказывается, не тут-то было. Что ему попритчилось, Господь его знает. Не могу – да и только. Я было и так, и сяк, ничего не выходит. Ну, знамо дело, пришел домой, говорю жене: “Одно нам теперь бесплатное удовольствие предоставлено, ложись и умирай”. Сильно я закручинился, и первым это делом по нашему, по деревенскому, рассчитал пропить все эти деньги, оставив бабу с ребятами в деревне, а самому в Москву – в работники. Но недаром говорят, – утро вечера мудренее. На утро встал, и первая мысль в голову: «Сходи к старцу Анатолию, да и только». Делать нечего, встал, оделся, иду. Прихожу вот так, как сейчас, народу видимо и невидимо. Где, думаю, тут добратся, да побеседовать; хоть бы под благословение-то подойти. Только это я подумал, ан, глядь, открывается дверь из кельи, и выходит старец Анатолий. Все двинулись к нему под благословение. Протискиваюсь и я. А у него, у старца-то, такой уже обычай – когда он осеняет святым благословением, то он в лобик-то, так,

как будто, два раза ударяет и кладет благословение медленно, чинно, так что иногда за это время несколько словечек ему сказать можно. Так я решил сделать и здесь. Он благословляет, а я говорю в это время: “Погибаю я, батюшка, совсем, хоть умирай”. – “Что так?” – “Да вот так и так, – говорю, – насчет дома”. Покаялся ему, что и деньги пропить решил. Ведь сами знаете, если хочешь правильный ответ от старца получить, должен все ему сказать по порядку. Остановился это старец как будто, задумался, а потом и говорит: не падай духом, через три недели в свой дом войдешь. Еще раз благословил меня, и верите ли, вышел я от него как встрепанный. Совсем другим человеком стал. Ожил. Откуда и как это может случиться, что я через три недели в свой дом войду? Я и не раздумывал, а знал, что это непременно будет, потому что старец Анатолий так сказал. Так, что же бы вы думали: вечером этого дня нанимает меня седок в Шамордино. Еду через деревню (следует название деревни), и вдруг меня окликает чей-то голос: “Слушай, скажи там своим в деревне, что не хочет ли кто сруб у меня купить... Хороший сруб, отдам за четвертную и деньги в рассрочку”.

Понимаете, чудо-то какое?

Конечно, сруб я оставил за собою, а на другой день опять к отцу эконому; тот на этот раз был помягче, согласился. И через три недели на четвертую-то мы с женою ходили уж благодарить старца Анатолия из своего собственного дома... Вот он какой, старец Анатолий-то!..»

И много таких рассказов раздается вокруг святой кельи этого подвижника духа.

Наконец после долгого ожидания распахнулась дверь кельи, вышел старец и начал благословлять всех, находившихся здесь. Когда дошла очередь до меня, я со своей спутницей испросил разрешения побеседовать с ним несколько минут. Старец тотчас же принял меня. Мы вошли в большую светлую комнату, украшенную, конечно, образами, портретами иноков. Старец вступил с нами в беседу.

Он, оказывается, уроженец Москвы, где у него и сейчас имеются родственники. Я ему рассказал все свое прошлое,

деятельность своего последнего времени, переживания. Он благословил меня на дальнейшую работу в том же направлении, а затем преподал очень много удивительно ценных советов и назиданий для будущего. Во-первых, меня поразило то, что все эти советы и назидания его с поразительной точностью совпали с назиданиями и советами других старцев в прошлом году; а затем меня тронула та изумительная любовность, теплота и мягкость в обращении, которых я действительно нигде и никогда не встречал.

Какое-то чудное, неотразимое влияние оказывает он этими своими духовными качествами на человека, прямо не хочется уходить из его кельи; отрываться от упоительного созерцания той духовной красоты, находясь под влиянием которой, мне кажется, можно из самого закоренелого грешника превратиться в хорошего чистого человека.

Каждый его поступок, каждое его движение, каждый его шаг, – все как будто говорит само собою за непреодолимое желание его чем-нибудь утешить человека, что-нибудь доставить ему большое, приятное.

Если так можно выразиться, у того старца в Оптиной пустыни преизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то *материнской* любви.

В желании сделать приятное и мне старец подарил мне деревянную чашу работы оптинских монахов с весьма знаменательной надписью на ней: «Бог Господь простирает тебе Свою руку, дай Ему свою». Затем дал мне книжечку: «Некоторые черты из жизни приснопамятного основателя Алтайской духовной миссии архимандрита Макария Глухарева»; потом: «Учение о благих делах, необходимое для вечного спасения»; далее: «Не осуждать, а молчать труда мало, а пользы много»; «Как живет и работает Государь Император Николай Александрович»; «Молитвы ко Пресвятой Богородице, Нила Сорского».

И все эти книги, когда я их потом просмотрел, действительно оказались чрезвычайно полезными и безусловно необходимыми *именно* мне. Как для примера, укажу на следующее: имея страшную массу работы по переписке, по подготовке к

лекциям, к беседам частного характера, благодаря почти беспрерывным посещениям людей, интересующихся совершившимся во мне переворотом, равно как и другими вопросами, — я всегда затруднялся, как распределять свое рабочее время и свою работу; и нигде не мог найти на этот предмет прямого указания. Каково же было мое удовольствие, когда в книжке «Как живет и работает Государь Император» я увидел способ равномерного распределения работ в виде записи в начале дня их распорядка. Это сразу устроило меня и избавило от чрезвычайно неприятных затруднений.

Прозорливость старца Анатолия

1. РАССКАЗ М. НИКОЛАИ

Мать Матрона (Зайцева), в пострижении в мантию с именем Николаи, ныне здравствующая в Бар-Граде в Италии, сообщила нам следующее:

«Восьми лет я осиротела, 14 я ушла в монастырь по благословию одного прозорливого старца — о. Афанасия. Монастырь был бедный, а я еще беднее. Там прожила 5 лет. Поехала в Оптину Пустынь за благословением переменить обитель. В то время был еще жив о. Иосиф. Я спросила его, как и куда лучше, а батюшка Иосиф сидел на диване в белом подряснике, как ангел, и смотрел в крест своих четок и говорит, что нет благословения менять обитель, а надо продолжать жить на месте. И я успокоилась, получив благословение и у о. Анатолия.

Потом поехала в 1909 году и от радости сказала: «Видите, батюшка, я опять приехала?» А батюшка мне ответил: «Это что, что приехала к нам, вот через 4 года поедешь в Италию». Вот тут я ничего не ответила, решив хранить это как тайну, спросить не смела, а думать еще больше. Вот прошло 2 года. Поехала опять. Заехала в Калугу, там встретила блаженного Никитушку, который мне сказал, что я два года как-нибудь проживу, и велел сказать батюшке Анатолию, что я его встре-

тила. Батюшка удивился и сказал, что он великий человек. А я говорю: “Вот блаженный Никитушка мне сказал, что я проживу 2 года, видимо я умру”, а батюшка Анатолий отвечает: “Нет, это не к смерти, а к перемене, через два года будет перемена. Вот наш архимандрит Варсонофий прожил 11 лет и его перевели в Голутвин. Так и тебе будет перемена”. Но и тут я не смела спросить, так ведь я помнила о четырех годах, как было ранее сказано, терпела и ждала.

Вот в 1913 году комитет решил приступить к постройке подворья в Бари. Решили взять меня туда. В это время одна семья поехала в Оптину Пустынь, с нею батюшка о. Анатолий прислал мне иконку и говорит: “Скажите ей: ведь не верила, а вот Бог благословит, пусть едет”. Батюшка показал мне адрес, где я буду жить, но я, конечно, не помню.

Прожила год с большим трудом, пишу: “Батюшка, благословите приехать. Здесь очень трудно, ведь я привыкла быть в монастыре”. Батюшка мне ответил: “Бог благословит, приезжай”. Я так обрадовалась, и даже не стала ждать разрешения от Палестинского Общества, так думаю – зачем? Ведь я больше не вернусь в Бари. В то время были наши Тульские паломники, я уехала в Иерусалим, а потом домой.

Через три дня была уже в Оптиной Пустыни. Прихожу к батюшке Анатолию, первое его слово: “Ну, что, побывала в Иерусалиме?” – “Да, батюшка, Вашими святыми молитвами”. – “Ну, вот побудешь у нас, а потом обратно”. – “Обратно? Нет, батюшка, я больше не поеду в Бари. Я уже сдала свой паспорт, да я теперь больше не состою на службе. Ведь я уехала, не получив разрешения”. Батюшка ответил: “Это ничего, все будет хорошо”. Прожила я в Оптиной почти две недели, и все время батюшка говорил: “Ведь твой дом в Бари”. А я все говорю: “Нет, нет! Я не поеду в Бари!” Наконец, решила сказать: “Батюшка, ведь вы меня благословили приехать, а теперь вот надо обратно ехать”. Батюшка ответил: “Да, очень хорошо, что приехала, – нас повидеешь и своих родных. Ведь ничего не знаешь, что будет”. И батюшка сказал, подойдя к образу Божией Матери: “Матерь Божия! Тебе ее поручаю. Управь Ты

Сама”. После этих слов я не смела ничего говорить, а только слушала, и я стала просить благословения уехать. Батюшка спрашивает: “Куда?” – Я отвечаю: “В Тулу”. – “Не в Тулу, а в Бари. Но теперь вот я скажу день, когда надо ехать в Москву к моим духовным детям, войти в три дома, но только не заезжая в Тулу”. Я, конечно, по неопытности заехала на один день в Тулу, а когда приехала в Москву, мне говорят: “А как жалко, что не приехали вчера, так как был ваш председатель тут”. Ну, ничего, стали спрашивать, как и что. Я сказала, что не хотела возвращаться в Бари, тут, конечно, детки батюшки стали уговаривать, и что они все устроят, по-старому все будет. Хорошо. Пришлось взять обратно паспорт и ехать. Батюшка говорил, что там Князь поможет во всем. “Где, батюшка, Князь? Ведь Князь в Петербурге, а я еду в Бари!” И мы приехали в один день, как будто сговорились».

На этом мы прерываем рассказ матери Николаи и продолжим его в жизнеописании старца Нектария, ибо речь будет идти о нем.

2. РАССКАЗ ЕЛЕНЫ КАРЦОВОЙ (1916 Г., ОСЕНЬ)

Написали мне, что старец Анатолий Оптинский собирается в Петербург и остановится у купца Усова.

Все мы втроем – брат, сестра и я – в положенный день отправились к Усовым. Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником оптинских старцев. Когда мы вошли в дом Усовых, мы увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице до квартиры Усовых и по залам и комнатам их дома. Все ждали выхода старца. Ожидало приема и семейство Волжиных – Обер-прокурора св. Синода. В числе ожидающих стоял один еще молодой архимандрит, который имел очень представительный и в себе уверенный вид. Скоро его позвали к старцу. Там он оставался довольно долго. Кое-кто из публики возроптал по сему поводу, но кто-то из здесь же стоящих воз-

разил, что старец не без причины его так долго держит. Когда архимандрит вышел, – он был неузнаваем: вошел к старцу один человек, а вышел совсем другой! Он был низко согнутый и весь в слезах, куда девалась гордая осанка! Их тайный разговор одному Богу известен! Вскоре показался сам старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов. Отец Анатолий внешнею очень походил на иконы преп. Серафима: такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая непередаваемая словами любовь. Нужно видеть, а выразить в словах – нельзя! Когда мы шли к Усовым, брат и сестра заявили, что им нужно от старца только его благословение. Я же сказала им, что очень бы хотела с ним поговорить. Когда до нас дошла очередь, старец благословил брата и сестру, а мне говорит: «А ведь ты поговорить со мной хотела? Я сейчас не могу – приходи вечером». Старец уразумел мое горячее желание, хотя я не выразила его словами! Вечером я снова вернулась к Усовым. Много лиц сидело и дожидалось очереди быть принятыми старцем. Члены семьи Усовых стали упрекать сидевшую публику в том, что люди чрезмерно обременяют слабого и болезненного старца. Принимает он людей все ночи напролет. Ноги его в ранах, страдает он грыжей, он чуть живой. Мне стало стыдно отнимать время у старца, и я ушла домой, не повидавши его. Но теперь думаю, что если прозорливый старец сказал придти, надо было не уходить, а дожидаться приема. Как мне потом рассказывала моя тетьа Елена Александровна, близко знавшая весь оптинский быт, старец о. Анатолий вообще почти не спал, весь себя отдавая молитве и служению людям. Единственно, когда он себе позволял отдых – это было на утрени во время чтения кафизм, когда все в церкви садились. Тогда старец позволял себе вздремнуть. Некоторые, не знавшие его повседневной жизни, удивлялись, что старец спит в церкви, но ведь это были единственные минуты его отдыха за все сутки.

Недаром ноги его были в ранах от стояния и было страдание грыжей от земных поклонов. У меня до сих пор хранится присланный мне в 1907 г. через тетю образ святителя Николая – моего небесного покровителя.

3. РАССКАЗ О. Н. Т. ИЗ АВСТРАЛИИ

Одна молодая девица, давши слово своему жениху тайно от родных, рвется на курсы сестер милосердия, чтобы попасть на войну. Мать решила поехать к старцам, дабы поступить так, как они посоветуют. Осенью 1915 года они приехали в Оптину. «Отдохнувши с дороги, – говорит О. Н. Т., – я подошла к келье батюшки; взшла и села в приемной, а в душе думаю: как хорошо, что я одна попаду к старцу без мамы. Старец, конечно, меня благословит идти на войну, когда я попрошу его, а мама поневоле отпустит меня». Вижу, дверь из кельи в приемную открывается и входит маленький старичок-монах в подряснике и кожаном широком поясе и прямо направляется ко мне со словами: «А ну-ка, иди ко мне». У меня, что называется, «душа в пятки ушла» при этих словах батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видеть! Я пошла за ним в келью. Он закрыл за нами дверь, посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрыть что-либо я не могу, он видит меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А он все также ласково улыбается и говорит: «А ты почему мать не слушаешься?» Я продолжаю молчать. «Вот что я тебе скажу, мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры, это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?» – Молчу. «Ты сейчас любишь его за его красоту! Выходи за него замуж тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи». С этими словами старец взял стул, влез на него и достал с верхней полки деревянную иконку, так с четверть аршина в квадрате, Казанской Божией Матери; поставил меня на колени и благословил. Потом сказал: «Когда приедешь

в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать – будешь занята*». Слова батюшки точно оправдались. В первый день по приезде ей предложили работать в госпитале для солдата, и вышла замуж она за адъютанта штаба дивизии.

4. ИЗ ЧАСТНЫХ ПИСЕМ И. М. КОНЦЕВИЧА

«В 22-м году, когда мы с мамочкой в первый раз были в Оптиной, – рассказывал О., – жив был еще старец о. Анатолий. О тебе мы еще не имели никаких сведений, и мамочка спросила у о. Анатолия, как о тебе молиться: о здравии, или о упокоении? О. Анатолий спросил маму, не снился ли ты ей как-нибудь? Мама ответила, что видела во сне сыновей едущими на конях: сначала покойного Володю, а потом тебя. Но кони были разных мастей. О. Анатолий сказал: “Ну, что-ж! Бог милостив, молись о здравии, Бог милостив!” Мама подумала, что о. Анатолий только утешает.

После посещения о. Анатолия мы были у батюшки о. Нектария. Мамочка задает старцу ряд вопросов о дочерях, о себе, обо мне, а о тебе ничего не говорит, так как знает, что нельзя по одному и тому же вопросу обращаться к двум старцам. Я этого не знал и полагая, что мамочка забыла о тебе спросить, все время тереблю мамочку и говорю ей: “А Ваня? А Ваня?” Мамочка продолжает не спрашивать. Тогда батюшка ей и говорит после одного из моих: “А Ваня?” – “Он жив. Молись о здравии. Скоро получишь о нем известие. Тебе было бесполезно о нем знать”. Приезжаем домой, и мамочка спешит к о. Николаю Загоровскому сообщить, что Ваня жив. Матушка же Екатерина Ивановна, увидев мамочку в окно, выходит к ней навстречу со словами: “Вам письмо от Ваночки”.

“Слава Творцу Небесному! Ты жив! – пишет монахиня Нектария сыну. – О твоей жизни мы узнали за 3 дня до получения твоего письма от о. Нектария. 14-го июля мы вернулись из Оптиной, а 15-го получили твое письмо к Деме. О. Нектарий

* См. подробности этого рассказа в жизнеописании старца Нектария.

сказал: “Он жив, молитесь о здравии, о нем узнаете. Пока не полезно было о нем знать – покоритесь необходимости”.

5. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МАТУШКИ ЕВГЕНИИ ГРИГОРЬЕВНЫ РЫМАРЕНКО

Перед своим рукоположением во священники, в 1921 году, о. Адриан тоже побывал в Оптине. О. Анатолий сказал ему: «Тебе надо будет поступить на курсы», и действительно, ему архиепископ Парфений (Полтавский) сказал: «У Вас хотя и высшее образование, но светское, и потому надо держать экзамен». О. Адриан жил в Полтаве один месяц, готовясь к экзамену и занимаясь у профессоров.

О. Адриан спрашивал у батюшки благословения на приход в одно село – Евлоши – под Ромнами, где была чудотворная икона Божией Матери Казанской.

Батюшка же дал ему яичко для меня, на нем с одной стороны был нарисован храм, а с другой икона Божией Матери. Батюшка спросил: «Какая это иконка?» О. Адриан сказал: «Смоленская, кажется», а батюшка ответил: «Нет, Иверская».

Первый приход о. Адриана был в Ромнах, в храме, в котором был очень чтимый всеми, в большой дорогой ризе под балдахином образ Иверской Божией Матери.

«Пустите детей приходить ко мне» (Из оптинского дневника Нилуса*)

Сегодня уехала из Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ее пребывания в обители ставшая нам близкой, как сестра родная, ближе еще – как сестра по духу Христову.

Назову ее Верой, по вере ее великой.

В начале января нынешнего года я получил из города Т. письмо, в котором чья-то женская христианская душа написа-

* «На Берегу Божией Реки», часть 1-я, 1916 г.

ла мне несколько теплых слов в ободрение моей деятельности на ниве Христовой. Письмо было подписано полным именем, но имя это было мне совершенно неизвестно.

25 мая стояли мы с женой у обедни. Перед Херувимской мимо нашего места прошла какая-то дама, скромно одетая, и вела за руку мальчика лет пяти. Мы с женой почему-то обратили на нее внимание. По окончании Литургии, перед началом Царского молебна* мы ее вновь увидели, когда она мимо нас прошла к свечному ящику. Было заметно, что она «в интересном положении», как говорили в старину люди прежнего воспитания.

«Вот раба-то Божия! – подумалось мне. – Один ее ребенок с детских лет, а другой еще и в утробной жизни, – оба освящаются молитвами и святыми впечатлениями матери, – умница! Благослови ее Господь и Матерь Божия!»

В эту минуту она подошла к иконе Божией Матери Скоропослушницы, перед которой мы обычно стоим во Введенском храме, и стала перед ней на коленях молиться. Я нечаянно увидел ее взгляд, устремленный на икону. Что это был за взгляд, что за вера излучалась из этого взгляда, какая любовь к Богу, к божественному, к святыне!... О, когда бы я так мог молиться!.. «Матерь Божия! – помолилось за нее мое сердце. – Сотвори ей по вере ея!»

При выходе из храма северными воротами, у иконы «Споручницы грешных», мы опять встретили незнакомку. В руках у нее была просфора...

– Вы не Сергей ли Александрович Нилус? – обратилась она ко мне с застенчивой улыбкой.

– Да... с кем имею честь?

Оказалось, что это была та, которая мне в январе писала из Тамбова (Серафима Николаевна Вишневская).

Эта и была Вера с пятилетним сыном, Сережей, которых мы сегодня провожали из Оптиной.

На этой христоролюбивой парочке стоит остановить свое внимание, воздать за любовь любовью, сохранить благодар-

* 25 мая – день рождения Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

ной памятью их чистый образ, отсвечивающий зарями иного, нездешнего света...

– Сегодня, – сказала нам Вера, – мы с Сержиком подготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а после соборования позвольте навестить вас. Теперь так отраднo и радостно найти людей по духу, так хочется отдохнуть от тягостных мирских впечатлений: не откажите нам в своем гостеприимстве!

И в какую же нам радость было это новое знакомство!..

В тот же день, когда у иконы «Споручницы грешных» мы познакомились с Верой, мы проходили с женой мимо заветных могил великих оптинских старцев и по обычаю зашли им поклониться. Входим в часовенку над могилкой старца Амвросия и застаем Веру и ее Сережу: Сережа выставил свои ручки вперед, ладошками кверху, и говорит:

– Батюшка Амвросий, благослови!

В эту минуту мать ребенка нас заметила...

– Это тут мы с моим Сержиком так привыкли: ведь батюшка-то Амвросий жив и невидимо здесь с нами присутствует, – так надо же и благословения у него испросить, как у иеромонаха!

Я едва удержал слезы...

На другой день я заходил к батюшке о. Анатолию в то время, когда он соборовал Веру с ее мальчиком. Кроме них соборовалось еще душ двенадцать Божьих рабов разного звания и состояния, собравшихся в Оптину с разных концов России. Надо было видеть, с какой серьезной сосредоточенной важностью пятилетний ребенок относился к совершаемому над ним таинству Елеосвящения!

Вот как благодатные матери от молока своего начинают готовить душу дитяти к Царству небесному! Не так ли благодетельные бояре Кирилл и Мария воспитывали душу того, кого Господь поставил светильником всея России, столпом Православия, – Преподобного Сергия?..

– Когда я бываю беременна, – говорила нам впоследствии по этому поводу Вера, – я часто причащаюсь и молюсь тому

угоднику, чье имя мне хотелось бы дать будущему своему ребенку, если он родится его пола. На четвертый день Рождества 1905 года у меня скончался первенец мой, Николай, родившийся в субботу на Пасхе 1900-го года. Когда я его носила еще под сердцем, я молилась дивному Святителю Николаю, прося его принять под свое покровительство моего ребенка. Родился мальчик и был назван в честь Святителя. Вот этот, Сержик, родился на первый день Рождества Христова, в 1903-м году. О нем я молилась Преподобному Сергию... С ним у меня произошло много странного по его рождению и, пожалуй, даже знаменательного. Родился он на 8-м месяце беременности. Крестины из-за его крестного пришлось отложить до Крещения Господня, а обряд воцерковления пришелся на Сретение. И с именем его у меня произошло тоже нечто необычное, чего с другими моими детьми не бывало. Молилась я о нем Преподобному Сергию, а при молитве, когда меня батюшка спросил, какое бы я желала дать ребенку имя, у меня мысли раздвоились, и я ответила: «Скажу при крещении».

А произошло это оттого, что в том году состоялось прославление св. мощей Преподобного Серафима, которому я всегда очень веровала. К могилке его я еще девушкой ходила пешком в Саров из своего города. А тут еще и первое движение ребенка я почувствовала в себе как раз во время всенощной под 19 июля. И было мне все это в недоумение, и не знала я, как быть: назвать ли его Сергием, как ранее хотела, или же Серафимом? Стала я молиться, чтобы Господь открыл мне Свою волю: и в ночь под Крещение, когда были назначены крестины, я увидела сон, что будто я с моим новорожденным поехала в Троице-Сергиеву Лавру. Из этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя Преподобного Сергия. Это меня успокоило, тем более, что и батюшка Преподобный Серафим очень любил великого этого Угодника Божия, и с его иконочкой и сам-то был во гроб свой положен.

Я внимал этим милым речам, журчащим тихим ручейком живой воды святой детской веры, и в сердце моем стучались глаголы великого обетования Господня святой Его Церкви:

– И врата ада не одолеют ей!

Не одолеют! Истинно, не одолеют, если даже и в такое, как наше, время у Церкви Божией могут быть еще подобные чада.

И опять полилась, вдохновенная речь Веры:

– Вам понравился мой Сержик; что бы сказали вы, если бы видели моего покойного Колю! Тот еще и на земле был уже небожитель... Уложила я как-то раз Колюсика своего спать вместе с прочими детишками. Было около восьми часов вечера. Слышу зовет он меня из спальни.

– Что тебе, деточка? – спрашиваю.

А он сидит в своей кроватке и восторженно мне шепчет:

– Мамочка моя, мамочка! Посмотри-ка, сколько тут ангелов летает.

– Что ты, – говорю, – Колюсик! Где ты их видишь?

А у самой сердце так ходуном и ходит.

– Да, всюду, – шепчет, – мамочка; они кругом летают...

Они мне сейчас головку помазали. Пощупай мою головку – видишь, она помазана!

Я ощупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредит ли ребенок; нет! – жару нет, глазенки спокойные, радостные, но не лихорадочные: здоровенький, веселехонький, улыбается... Попробовала головки других детей – у всех сухонькие; и спят себе детки, не просыпаются. А он мне говорит:

– Да как же ты, мамочка, не видишь ангелов? Их тут так много... У меня, мамочка, и Спаситель сидел на постельке и говорил со мною...

О чем говорил Господь ребенку, я не знаю. Или я не слышал ничего об этом от рабы Божией Веры, или слышал, да не удержал в памяти: немудрено было захлебнуться в этом потоке нахлынувшей на нас живой веры, чудес ее, нарушивших, казалось, грань между земным и небесным...

– Колюсик и смерть свою мне предсказал, – продолжала Вера, радуясь, что может излить свое сердце людям, внимающим ей открытой душой. – Умер он на четвертый день Рождества Христова, а о своей смерти сказал мне в сентябре. Подошел ко мне как-то раз мой мальчик да и говорит ни с того, ни с сего:

– Мамочка! Я скоро от вас уйду.

– Куда, – спрашиваю, – деточка?

– К Богу.

– Как же это будет? Кто тебе сказал об этом?

– Я умру, мамочка! – сказал он, ласкаясь ко мне. – Только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду с ангелами, и мне там очень хорошо будет.

Сердце мое упало, но я сейчас же себя успокоила: можно ли, мол, придавать такое значение словам ребенка?! Но, нет! Прошло немного времени, мой Колюсик опять среди игры ни с того ни с сего подходит, смотрю, ко мне и опять заводит речь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда он умрет...

– Мне там будет так хорошо, так хорошо, дорогая моя мамочка! – все твердил, утешая меня, мой мальчик. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такие мысли, и кто ему сказал об этом, он мне ответа не дал, как-то особенно искусно уклоняясь от этих вопросов...

Не об этом ли и говорил Спаситель маленькому Коле, когда у детской кроватки его летали небесные Ангелы?..

– А какой удивительный был этот ребенок, – продолжала Вера, – судите хотя бы по такому случаю. В нашем доме работал старик-плотник ворота и повредил себе нечаянно топором палец. Старец прибежал на кухню, где я была в то время, показывает мне свой палец, а кровь из него так и течет ручьем. В кухне был и Коля. Увидел он окровавленный палец плотника и с громким плачем кинулся бежать в столовую к иконе Пресвятой Троицы. Упал он на коленки пред иконою и, захлебываясь от слез, стал молиться:

– Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

На эту молитву с плотником вошли в столовую, а Коля, не оглядываясь на нас, весь ушедший в молитву, продолжал со слезами твердить свое:

– Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!

Я пошла за лекарством и за перевязкой, а плотник остался в столовой. Возвращаюсь и вижу. Колюсик уже слазил в лампадку за маслом и маслом от иконы помазывает рану, а старик-

плотник доверчиво держит перед ним свою пораненую руку и плачет от умиления, приговаривая:

– И что ж это за ребенок, что это за ребенок!

Я, думая, что он плачет от боли, говорю:

– Чего ты, старик, плачешь? На войне был, не плакал, а тут плачешь!

– Ваш, – говорит, – ребенок хоть кремень, и тот заставит плакать!

И что ж вы думаете? Ведь остановилось сразу кровотечение, и рана зажила без лекарств, с одной перевязки. Таков был общий любимец, мой Колюсик, дорогой, несравненный мой мальчик... Перед Рождеством мой отчим, а его крестный, выпросил его у меня погостить в свою деревню, – Коля был его любимец, и эта поездка стала для ребенка роковой: он там заболел скарлатиной и умер. О болезни Коли я получила известие через нарочного (тогда были повсеместные забастовки, и посланной телеграммы мне не доставили), и я едва за сутки до его смерти успела застать в живых мое сокровище. Когда я с мужем приехала в деревню к отчиму, то Колю застала еще довольно бодреньким; скарлатина, казалось, прошла, и никому из нас и в голову не приходило, что уже на счету последние часы ребенка. Заказали мы служить молебен о его выздоровлении. Когда его служили, Коля усердно молился сам и все просил давать ему целовать иконы. После молебна он чувствовал себя настолько хорошо, что священник не стал его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что он здоров, и причащать его нет надобности. Все мы повеселели. Кое-кто, закусив после молебна, лег отдыхать; заснул и мой муж. Я сидела у постельки Коли, далекая от мысли, что уже наступают последние его минуты. Вдруг он мне говорит:

– Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокруг церкви...

– Что ты, – говорю, – Бог с тобой, деточка! Мы еще с тобой, Бог даст, живы будем.

– И крестный скоро после меня пойдет за мной, – продолжал, не слушая моего возражения Коля.

Потом помолчал немного и говорит:

– Мамочка, прости меня.

– За что, – говорю, – простить тебя, деточка?

– За все, за все прости меня, мамочка!

– Бог тебя простит, Колюсик, – отвечаю ему, – ты меня прости: я строга бывала с тобою.

Так говорю, а у самой и в мыслях нет, что это мое последнее прощание с умирающим ребенком.

– Нет, – возражает Коля, – мне тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая моя мамочка!

Тут мне что-то жутко стало; я побудила мужа.

– Вставай, – говорю, – Колюсик, кажется, умирает!

– Что ты, – отвечает муж, – ему лучше – он спит.

Коля в это время лежал с закрытыми глазами. На слова мужа он открыл глаза и с радостной улыбкой сказал:

– Нет, я не сплю – я умираю. Молитесь за меня!

И стал креститься и молиться сам:

– Пресвятая Троица, спаси меня! Святитель Николай, Преподобный Сергей, Преподобный Серафим, молитесь за меня!.. Крестите меня! Помажьте меня маслицем! Молитесь за меня все!

И с этими словами кончилась на земле жизнь моего дорогого, ненаглядного мальчика: личико расцветилось улыбкой, и он умер.

И в первый раз в моей жизни возмутилось мое сердце едва не до ропота. Так было велико мое горе, что я и у постельки его, и у его гробика не хотела и мысли допустить, чтобы Господь решил снять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Он, Которому все возможно, оживил моего ребенка; я не могла примириться с тем, что Господь может не пожелать исполнить по моей молитве. Накануне погребения, видя, что тело моего ребенка продолжает, несмотря на мои горячие молитвы, оставаться бездыханным, я было дошла до отчаяния. И вдруг у изголовья гробика, где я стояла в тяжелом раздумьи, меня потянуло взять Евангелие и прочитать в нем первое, что откроется. И открылся мне 16-й стих 18-й главы Евангелия от Луки, и в нем я прочла: «...пусти-

те детей приходите ко Мне, и не возбраняйте им, ибо таковых есть царствие Божие».

Для меня эти слова были ответом на мою скорбь Самого Спасителя, и они мгновенно смирили мое сердце: я покорилась Божией воле.

При погребении тела Колюсика исполнилось его слово: у церкви намело большие сугробы снега, и чтобы гробик пронести на паперть, его надо было обнести кругом всей церкви. Это было мне и в знамение, и в радость. Но когда моего мальчика закопали в мерзлую землю, и на его могилку лег холодный покров суровой зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое сердце, и вновь я стала вымаливать у Господа своего сына, не зная покоя душе своей ни днем, ни ночью, все выпрашивая отдать мне мое утешение. К сороковому дню я готовилась быть причастницей Святых Таин и тут в безумии своем дошла до того, что стала требовать от Бога чуда воскрешения. И – вот, на самый сороковой день я увидела своего Колю во сне как живого. Пришел он ко мне светленький и радостный, озаренный каким-то сиянием и три раза сказал мне:

– Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!

– Отчего нельзя? – воскликнула я с отчаянием.

– Не надо этого, не проси этого, мамочка!

– Да почему же?

– Ах, мамочка! – ответил мне Коля. – Ты бы и сама не подумала просить об этом, если бы только знала, как хорошо мне там, у Бога. Там лучше, там несравненно лучше, дорогая моя мамочка!

Я проснулась, и с этого сна все горе мое как рукой сняло.

Прошло три месяца, – исполнилось и второе слово моего Коли: за ним в обители Царя Небесного следом ушел к Богу и его крестный.

Много мне рассказывала дивного из своей жизни раба Божия Вера, но не все поведать можно даже и своим запискам: живы еще люди, которых может задеть мое слово... В молчании еще никто не раскаивался: помолчим на этот раз лучше!..

Пошел я провожать Веру с ее Сержиком через наш сад по направлению к монастырской больнице. Это было в день их отъезда из Оптиной. Смотрю: идет к нам навстречу один из наиболее почетных наших старцев, отец А., живущий на покое в больнице. Подошли мы под его благословение, протянул и Сержик свои ручонки...

– Благослови, – говорит, – батюшка!

А тот сам взял да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился в пояс Сержику...

– Нет, – возразил старец, – ты сам сперва – благослови!

И к общему удивлению ребенок начал складывать свою ручку в именованное перстосложение и иерейским благословением благословил старца.

Что-то выйдет из этого мальчика?

Таким вопросом заканчивает Сергей Александрович Нилус свою запись 1909 года. И вот, спустя полвека, на этот вопрос судил Господь явиться ответу. Узнав, что составляется книга об Оптиной, одна истинная раба Божья прислала свидетельство своей веры и этим снова пролила свет о «невидимой» Руси нашей, находящейся под видимым игом безбожья. По своему складу души, уже покойная Наталия Владимировна Урусова была глубоко верующей, цельной и любящей натурой, настоящей христианкой; матерью сыновей мучеников. Ее повесть написана кровью.

«Господи благослови.

Когда мои сыновья были в 1937 г. арестованы и по сообщению ГПУ были высланы на 10 лет без права переписки, то о моем материнском горе и говорить нечего. Много, много горьких слез пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утешения в Церкви, а оно могло быть только в катакомбной Церкви, которую я везде искала, и милостью Божией всегда находила очень скоро; и горе свое изливала истинным – Богу угодным священникам, которые там

совершали тайные богослужения. Так было, когда после ареста сыновей я из Сибири уехала в Москву. Сестра моя, которая к ужасу моему признавала советскую церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мне указала на одну бывшую нашу подругу детства, с которой она расходилась в вопросах Церкви, т.к. та принимала горячее участие в тайных богослужениях. Меня встретила эта дама и другие члены этой тайной святой Церкви с распростертыми объятиями. Жить в Москве я не имела права и поселилась за 100 верст в городе Можайске... Абсолютно без денег я взяла патент на право продажи искусственных цветов на московском базаре. Мне разрешалось проживать у сестры не более одних суток, но мне помог дворник. Все дворники назначались от ГПУ для доклада обо всем, что делалось в доме. Дворник того дома жил в сыром подвальном помещении с семьей крайне бедно. Он пришел ко мне и спросил: “Хочешь ли ты, чтобы я тебе помог? А ты помоги мне! Я обязан по приезде кого-нибудь немедленно сообщать, а ты приезжай и живи хоть по две недели, да сколько хочешь, а я сообщать не буду. Если же придут с обыском или проверкой, то покажу, что ты приехала сегодня утром; а ты мне помогай понемногу от продажи своих цветов”. Я, конечно, согласилась, и так оно и было до 1941 г., когда неожиданно немцы перешли границу, и в тот же день никому, кроме, конечно, слуг сатаны, не был разрешен въезд в Москву. И так, проживая у сестры подолгу, я посещала все богослужения, которые производились у частных лиц в разных районах Москвы. Был у нас священнослужителем и духовником о. Антоний, уже немолодой иеромонах. Постоянно слышу: “Как велит старец; что скажет старец и т.д.” Я спросила отца Антония, где могла бы я увидеть этого старца, чтобы излить свое горе и получить утешение! Когда о нем упоминали, то с необычайным благоговением, и называли святым необычайным. “Нет, – сказал о. Антоний, – этого никак нельзя, и все, что Вам потребуется от него, я буду ему передавать”. В 1941 г. в Можайске я познакомилась с одной дамой, высланной из Москвы за арест мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членом катакомбной Церкви и была с самых первых лет

священства старца его духовной дочерью. Она мне сообщила, что старец (имени не называла) живет сейчас в деревне в двух верстах от Можайска, и она тайно посещает его богослужения. На мой вопрос, нельзя ли ей попросить его принять меня, она ответила: “Нет, это невозможно, т.к. все молящиеся лишены этого, т.к. ГПУ его 25 лет разыскивает, и он переходит по всей России с одного места на другое, будучи Духом Святым, как видно, оповещен, когда надо уйти”. Конечно, я скорбела, но делать было нечего. День Св. Троицы в том году был 7 июня. Как ничего не бывает случайным, так было и тут: я не могла быть в Москве и с грустью сидела вечером накануне одна у себя в комнате. Слышу легкий стук в окошко; взглянула и поразились. Стучит немолодая монахиня, одетая по-монашески, несмотря на строжайшее запрещение носить такую одежду. Дело было под вечер. Я отворила дверь, и она вошла ко мне со словами: “Батюшка старец о. Серафим приглашает вас завтра рано утром к себе, и если желаете, то можете исповедаться и причаститься Св. Тайн. Она указала мне, какой дорогой идти и быть осторожной. Перед самой деревней было поле ржи, уже колосившейся, и советовала идти согнувшись. Дорога через это поле как раз упиралась в избу, где жил старец, а прямо напротив через дорогу был исполком. Нечего и говорить о моем чувстве, когда монахиня, крайне приветливая своим светлым лицом, ушла. Звали ее мать Н. При старце были две монахини, другую звали мать В. Они неразлучно были с ним. Старец жил иногда даже месяца два спокойно и совершенно неожиданно в разные часы дня и ночи вдруг говорил: “Ну, пора собираться!” Он с монахинями надевали рюкзаки, где были все богослужебные предметы, и немедля уходили, куда глаза глядят, пока старец не остановится и не войдет в чью-нибудь избу, очевидно, по наитию Свыше. Рано утром я пошла. Вхожу не с улицы, а, как было указано, с проселочной дороги в заднюю дверь. Передо мной – дивный, еще совсем не старый монах. Описать его святую наружность не найду слов. Чувство благоговения было непередаваемо. Я исповедовалась, и дивно было. После совершения богослужения и принятия мною Св. Тайн он пригласил меня пообедать. Кроме

меня была та дама, о которой я писала выше, обе монахини и еще одна его духовная дочь, приехавшая из Москвы. О, милость Божия: я никогда не забуду той беседы, которой он удостоил меня, не отпуская в течение нескольких часов.

Через день после того счастья духовного, что я испытала при посещении о. Серафима, я узнала от той дамы, что на другой день, когда сидели за чаем, о. Серафим встал и говорит монахиням: “Ну, пора идти!” Они мгновенно собрались и ушли, и через полчаса, не более, пришло ГПУ, ища его, но Господь его укрыв.

Прошло три месяца, немцы уже были в Можайске, когда вдруг опять легкий стук в окно, и та же монахиня Н. пришла ко мне со словами: “О. Серафим в г. Боровске, который сутки был занят немцами (40 верст от Москвы) и прислал меня к Вам передать свое благословение и велел открыть Вам, что он тот Сережа, которому поклонился иеромонах А.”».

Не есть ли это луч света на то скрытое от разумных мира сего, что разумели дети духовные, откликнувшись на зов Христа, когда Он изрек «Пустите детей приходите ко Мне»?

Блаженная кончина Старца Анатолия

Последние годы о. Анатолий жил недалеко от церкви, почти напротив, в ограде монастырской. Много народу ходило к нему. О. Нектарий, живший в скиту, завидит народ издалека и спрашивает: «Вы к кому?», а сам ведет к о. Анатолию. Тот был помоложе, еще не был «седенький».

Смятение в народе, вызванное революционным безбожьем, устремляло верующих к старцам за духовной поддержкой. Начались гонения на монахов со стороны властей. В Оптиной устроили музей, позднее советский «Дом отдыха». Монахов ссылали, арестовывали, издевались над религией.

Трогательна повесть об о. Никоне, что пел в хоре. У него была небольшая рыжая бородка. Приехала комиссия; его арестовали и сослали и там предавали мукам и пыткам за веру. Через некоторое время получили его друзья по духу от него радостное, восторженное письмо. «Счастью нет предела, – писал он приблизительно так, – я захлебываюсь от счастья. Только подумать, слова моего Спасителя сказаны мне лично – блаженни есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех. И я это испытываю. Жду не дождусь, когда Господь мой решит Свой суд».

Пришла чреда и к о. Анатолию. Его красноармейцы обрили, мучили и издевались над ним. Он много страдал, но когда возможно было, принимал своих чад. К вечеру 29 июля приехала комиссия, долго расспрашивали и должны были старца арестовать. Но старец, не противясь, скромно попросил себе отсрочку на сутки, дабы приготовиться. Келейнику, горбатенькому о. Варнаве, грозно сказали, чтобы приготовил старца к отъезду, т.к. завтра увезут, и на этом уехали. Воцарилась тишина, и старец начал готовиться в путь. На другой день утром приезжает комиссия. Выходят из машины и спрашивают келейника о. Варнаву: «Старец готов?» «Да, – отвечает келейник, – готов», – и, отворив дверь, вводит в покои старца. Каково же было удивление их, когда их взору предстала такая картина. Посреди келии в гробу лежал «приготовившийся» мертвый старец! Не попустил Господь надругаться над Своим верным рабом, и в ту же ночь принял Своего готового раба, что было 30 июля 1922 года, в память перенесения мощей преп. Германа Чудотворца Соловецкого.

Его духовная дочь, Е. Г. Р., свидетельствует: «В 1922 году, перед Успенским постом, получаю от батюшки о. Анатолия письмо, которое оканчивается так: “Хорошо бы было тебе приехать отдохнуть в нашей Обители”. Сразу не собралась, не поняла, почему батюшка зовет приехать; а когда приехала в Оптину – было уже поздно: на другой день был 9-й день со дня смерти дорогого батюшки. Батюшка о. Анатолий скончался 30

июля 1922 года. Грустно было; чувствовалась потеря близкого человека, которого никто заменить не может. К 9-му дню съехались различные лица, в разговоре с которыми, я узнала, что не я одна опоздала, были и другие опоздания, которых батюшка вызывал или письмом, или явившись во сне. Но были и такие, кто застал еще батюшку живым».

О погребении старца Анатолия сведений у нас нет, но известно, что его положили рядом с могилой Старца Макария. Притом когда копали, то могила старца Макария обвалилась, гроб приоткрылся и тело блаженного старца обнаружилось совсем сохранившимся.

В заключение приведем несколько строчек другой духовной дочери Старца Анатолия, Монахини Марии, писавшей в Бар-Град:

«Как хочется вернуть хоть на месяц то блаженное времечко дорогой и незабвенной духовной моей родины – Оптиной. Когда будучи уже взрослой, гостя там месяца по два с половиной, чувствовала себя безмятежно счастливой, как ребенок под нежно любящей опекой старца-отца, заменяющего одновременно и мать, и брата, и друга, и няню, с тою лишь разницею, что в нем, в этом старце-отце, все скреплено и покрыто неземной любовью.

Вспомните, родная, вспомните Владимирскую церковь, а в ней толпу богомольцев, 80–70 человек. Кто не был утешен его словом, отеческой улыбкой, взглядом, истовым преподаванием св. благословения, его смиренным видом. Кто?.. Только вышел батюшка – у всех уже лица просияли, несмотря на гнетущее настроение – с радостью редко кто приезжал туда. Ушел батюшка – все то же сияние у всех. Крестьясь с сердечным успокоенным вздохом с благодарностью к Богу, уходят богомольцы в путь часто далекий, приходя к нему иногда только лишь затем, чтобы принять благословение и получить в наставление что-нибудь, сказанное на ходу. 16 лет жила под руководством незабвенного батюшки Анатолия. 16 лет сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мне неземную радость здесь еще на земле, видеть небесного ангела. В этой тяжелой

скорбной жизни часто воспоминания живые хоть на минуту дают успокоение и за то благодарение Создателю».

**Отец протоиерей Николай Михайлович Сангушко-
Загоровский (в монашестве Серафим)**

(Родился 27 июля 1872 г. — Скончался 30 сентября 1943 г.)

При жизни великого старца Амвросия было несколько смиренных иереев Божиих, на которых Господь пролил особую благодать «пророчества», или старчества вне монастыря. Старец Амвросий несколько таких подвижников провидел, даже на расстоянии и благословил старчествовать. Особенно выдавался иерей Егор* из села Спас-Чекряка Болховского уезда, который, будучи кротким, простым сельским батюшкой, умел так «утешать» страждущие души, что люди за сотни верст шли к нему, как к духоносному старцу. Сам старец Амвросий отсылал к нему людей.

Известно, что старец Анатолий, следуя своему старцу, благословлял некоторых принимать на себя этот редчайший путь подвига: духовно окормлять, наставлять и врачевать. Одним из них был отец Николай, жизнеописание которого ниже повествуется.

И. М. Концевич поступил в Киевский университет перед войной 1914 г., и когда этот университет был во время войны эвакуирован далеко в глубь России, он предпочел перейти в Харьковский. В г. Харькове при содействии коллеги, знакомого семьи Загоровских, он нанял в их доме комнату.

Здесь уместно упомянуть об облике о. Николая, каким его застал И. М. Батюшка был невысокого роста, широкоплечий и скорее полный. У него была окладистая борода, но волос почти не было. Чертами лица он напоминал греческого философа Сократа. Но выражение его лица было не сравнимым ни с кем. Оно дышало лаской, приветливостью, сияло и светилось необычайной добротой и привлекало всех и каждого.

* Смотри о нем в «Великое в малом» С. А. Нилуса, 1903 г.

Живя у Загоровских, Иван Михайлович часто прислуживал о. Николаю в церкви и сопровождал его, когда о. Николай служил молебны в частных домах, ограждая его от стекавшегося и теснившего его народа. Был он участником одного из паломничеств, какие от времени до времени организовывал батюшка.

Таким образом И. М. знали почитатели о. Николая как церковника-студента, что в те времена являлось исключением. Эти почитатели о. Николая, встретив И. М. во время Гражданской войны и узнав его, оказали ему ценные услуги. Одним из них он был даже спасен от смерти.

И. М. Концевич читал в Сан-Франциско два раза лекцию об о. Н. Загоровском. Материалом для этого ему послужили прежде всего его личные воспоминания. Пользовался И. М. также сведениями, полученными им от дочери покойного о. Николая – Лидии Николаевны Бобрищевой, умершей в Париже в 1964 г. Но главное, – это рассказы бывшей послушницы Ульяши Ноздриной, сопровождавшей о. протоиерея в его изгнании и постриженной им с именем Магдалины.

Лекция И. М. Концевича была в свое время записана, и мы здесь представляем ее содержание.

Отец Николай происходил из древнего княжеского рода, обедневшего и перешедшего в духовное сословие. Отец его, о. диакон Михаил Феоктистович, жил на окраине Ахтырки, называвшейся Гусыницей. Он был человеком мягкого характера, не от мира сего. Кроме церкви ничего для него не существовало, он не входил в вопросы, касающиеся дома и семьи. Зато жена его, Параскева. Андреевна, рожд. Роменская, была властной женщиной. Она отличалась исключительным природным умом и большими способностями. Оставшись очень рано вдовою, она поставила на ноги троих детей: Михаила, Анну и самого младшего – Николая. Мать-дьяконица была безграмотной, однако понимала значение образования и старалась всеми силами дать таковое детям. Старший сын, Михаил, очень ода-

ренный, окончив семинарию, поступил в Академию, но по бедности не окончил таковой и рано умер от чахотки. Младший рос на лоне природы на Гусынице, среди крестьянских детей. Его лучший приятель назывался Яшко. С ним они потихоньку курили и чуть не устроили пожар на сеновале. Летом ловили раков и рыбу в реке Ворскле. В лесу собирали ягоды и грибы. Коля Загоровский был чрезвычайно живой, веселый, подвижный. С детства любил народные песни, а также свой родной малороссийский язык, на котором впоследствии охотно изъяснялся в домашней обстановке.

Поступив в семинарию, он стал писать стихи. Но учиться не любил, особенно ненавидел математику. И еще в детстве, вместо того, чтобы идти в школу, он «ховался», забравшись на грушу или в колоду, которая по-украински называется «жлукто», куда ссыпали золу для стирки белья. Мать, изловив его, накидывала ему веревку на шею и вела с позором по всей деревне в школу. Когда пришло время учиться в семинарии, Коля все же там оказался среди самых лучших учеников, одаренным литературным талантом. В старших классах преподаватель русского языка устраивал спектакли. Молодой Загоровский при этом обнаружил исключительный талант комика. Стоило ему появиться на сцене – это вызывало бурю смеха в рядах публики. Однажды местный архиерей, заинтересованный такой необыкновенной способностью семинариста, пожелал увидеть его игру. Как полагается, Владыку усадили в первом ряду, в кресле. На сцене появился комик, и сразу же зала разразилась сплошным хохотом. Архиерей смеялся со всеми. Чем дальше продолжалась игра, тем общий смех возрастал. Владыка смеялся и смеялся без удержу, пока его смех не превратился в настоящую истерику. Пришлось его вынести из зала на кресле.

Слава Загоровского как комического актера распространилась далеко за пределами семинарии. Знаменитый на Украине артист-предприниматель приглашал его в состав своей труппы, предлагая ему завидный оклад. Но Параскева Андреевна слышать не хотела об этом: «Я хочу тебя видеть в золотых ризах, иначе прокляну!» – заявила она сыну. При-

шлось покориться. Супруга отца Николая, Екатерина Ивановна, была образованная, как полагалось, епархиалка. Было у них двое детей. Село, где протекало его пастырство, называлось Малыжино. Это была непроходимая глушь. Отцу Николаю там негде было проявить свою богато одаренную натуру. Драму, которую пережил молодой священник, легко себе представить. Икона Божией Матери, им столь прославляемая, была несомненно свидетельницей его горьких слез и душевного страдания. Действительно, как могла такая кипучая натура примириться с прозябанием в глухом и диком захолустье? И как должна была быть глубока внутренняя борьба этого человека, чтобы смогло совершиться превращение артиста-комика в знаменитого духовного проповедника и народного пастыря! Но такое перерождение совершилось в действительности: блестящие душевные таланты преобразились в духовные. Явное чудо было налицо. Икона Божией Матери, почитаемая о. Николаем как чудотворная, написана в итальянском стиле и вообще не является копией древней иконы «Взыскание погибших». А между тем о. Николай дал ей именно такое наименование! Последнее наводит на мысль, что юный иерей был на краю отчаяния, и Сама Божия Мать поставила его на правильный путь. Икону «Взыскание погибших» о. Николай впоследствии украсил драгоценными камнями.

Народ полюбил о. Николая и окружил его тесным кольцом, но когда пришло время дать детям образование, он переехал в Харьков и стал настоятелем городского больничного храма. Здесь о. Николай продолжал, как и в деревне, служить перед иконой акафисты и произносить проповеди. Его не смущало, что вначале присутствовали одна или две старушки, но, конечно, ему не могло не быть грустно видеть отсутствие народа. Такое положение, однако, длилось недолго: очень скоро народ повалил валом. Слава о нем, как о Златоусте, распространилась по всему Харькову. Маленький больничный храм стал набиваться так туго, что стены от людского дыхания становились мокрыми. За обедней о. Николай произносил две проповеди, одну из которых посвящал Евангелию дня. Кто-то

сказал: «Батюнечка говорил сегодня недолго, только полтора часа». Уходил он из храма чуть ли не в 3 часа дня.

При батюшке образовался особый хор, с которым он посещал частные дома для служения молебнов. Его приглашали нарасхват. После молебна пили чай и общим хором пели «псалмы» – духовные стихи. Многие из них были написаны самим батюшкой. И. М. Концевич и молодой человек, которого звали Демочкой, иногда сопровождали батюшку.

Вокруг о. Николая стал собираться женский монастырь. Устройство его шло полным ходом, и все приготовления были закончены, когда разразилась революция. Официально монастырь так и не был никогда открыт, но существовал тайно. Одной из будущих монахинь была Уляша Ноздрина. Она было собиралась выйти замуж, но однажды вошла в церковь в то время, когда произносил проповедь о. Николай. Это решило навсегда ее судьбу: жениху она отказала и избрала монашеский путь. Уляшу выбрал о. Николай в спутницы, когда настало время изгнания.

Как уже было выше сказано, о. Николай устраивал народные паломничества. В одном из них принимал участие И. М. Концевич. В этом паломничестве участвовало несколько тысяч человек. Шли группами, и перед каждой несли крест, иконы, хоругви. Шли с пением, но так, чтобы следующая группа не могла слышать пения ей предшествовавшей. Перед ней несли другой крест, иконы, хоругви, и шло уже свое пение. Таких крестных ходов было множество, сколько их следовало – И. М. не мог сказать. Незадолго до конца пути о. Николай поднялся на пригорок и обратился к народу со словом. Он сказал, что предстоит моление о дожде, ибо царила злейшая засуха.

Когда пришли на место, народ расположился в лесу вокруг Куражского монастыря. Так как храмы не могли вместить всех пришедших, всенощная служилась всю ночь на возвышении в лесу. Все это время, до самого рассвета, иеромонахи исповедовали пришедших людей. Когда утром служилась Литургия, причастники причащались из всех чаш, имевшихся в монастыре. Это заняло полдня. Когда причащение окончилось, о. Николай

произнес следующее слово: «Теперь мы будем служить молебен о дожде. Падите все ниц и молитесь Бога до тех пор, пока не закапают на землю небесные слезы». Народ упал на землю. И вдруг на чистом небе стали появляться тучи, и на пыльную землю действительно стали капать тяжелые, как слезы, крупные капли дождя, вздымавшие пыль на дороге... Когда начался дождь, народ было кинулся к о. Николаю, но монахи его окружили и увели в монастырь. Все бросились кто куда мог, чтобы укрыться. Когда все укрылись, разразился сильнейший ливень.

После трапезы пришел к о. Николаю звонарь и спрашивает: «Прикажете ли звонить сбор?» О. Николай задумался, опустил голову. Потом сказал: «Звоните!»

Дождь продолжал лить как из ведра... Но как только стал раздаваться звон на обратный путь, дождь сразу прекратился. Возвращаясь домой, в Харьков, толпа богомольцев шла по улицам с ветвями в руках и с восторженным пением «Христос Воскресе!». Жители города открывали окна, пораженные недоумением при виде такого ликования двигавшейся толпы людей.

Популярность о. Николая среди простого народа была необычайна. В Харькове после японской войны развелось особенно много злоумышленников. Знаменита была Соня-Золотая ручка. Жили воры на Холодной горе. Но вот кто-то из них смертельно заболевает. Были случаи, что посылали за о. Николаем, которого тогда вели ночью по глухим тропинкам. Псаломщик дрожал и трясся от страха. В пещере, куда их приводили, лежали в углу награбленные шубы. Но никто из грабителей не обижал о. Николая. Только после революции какой-то революционер-бандит сорвал с него золотой крест.

Еще в период жизни в Харькове от стояния на ногах во время долгих служб и молений у о. Николая образовались на ногах раны. Но он над собой острил, говоря, что, если ноги его не несут, то ему приходится самому их нести.

С годами о. Николай начал старчествовать по благословению оптинского старца о. Анатолия (Потапова).

Началась революция. Массы людей, группировавшихся вокруг о. Николая, не были, надо думать, революционно

настроены. Влияние о. Николая было очень велико и далеко простиралось. Еще в самом начале, учитывая все это, большевики призвали о. Загоровского и предложили ему войти с ними в известное соглашение. От него требовалось только одно: не произносить против коммунистов проповедей. Они даже предлагали ему субсидию золотом на его благотворительность. На это предложение о. Николай ответил, что он служит Единому Богу и никому больше. Вскоре его арестовали и посадили в тюрьму*. Как только весть об аресте о. Николая распространилась, площадь перед тюрьмой покрылась вся крестьянскими подводами, полными деревенской провизией. Пока о. Николай содержался в тюрьме – все узники кормились привезенным ему питанием.

Видя такую великую народную любовь к о. Николаю, власти решили, что спокойнее будет, если его удалить из Харькова. Ему было предложено покинуть город и уехать подальше. О. Николай, взяв с собой Уляшу, уехал в Петербург. Многие монахини хотели его сопровождать, но выбор его мудро остановился на Уляше – прежде всего из-за ее беззаветной преданности и крепкого здоровья. В шутку он говорил ей: «У тебя не голова, а котел». Правда, она много не рассуждала, зато была предана не на словах, а на деле. Кто бы мог перенести все то, что она перенесла!

Итак, о. Николай и Уляша оказались в Петербурге. Это было время, когда появилась так называемая Живая Церковь. Ходя по городу, о. Николай с Уляшей кругом обходили, где стояли живоцерковные храмы. Оба они с интересом осматривали дворцы, и это не только в Петербурге, но ездили в Царское Село, Петергоф, и проч. Однажды они вошли в церковь, близкую от их жилья. Тут на о. Николая с криком гневно набросилась бесноватая: «Ах ты, плешивый, ах ты, плаксивый – и сюда ты явился мучить нас?» Кругом стоявшие люди недоумевали, глядя на

* Возможно, что арест о. Николая последовал после того, как он с толпой народа отстоял от разгрома монастырь, где находилось местопребывание харьковского архиерея, каким в то время был владыка митрополит Антоний Храповицкий.

скромную фигуру о. Николая, одетого в простое крестьянское платье. Но скоро люди почувствовали, что перед ними находится не совсем обыкновенный человек, как ни старались изгнанники держаться в тени. Вот пример. О. Николай лежал в тот день больной. Раздался звонок. Уляша открывает дверь и видит – на пороге стоят цыгане. «Здесь живет батька, который гадает?» – спрашивают они. «Нет», отвечает Уляша. «Как же, – говорят цыгане, – нам ведь дали адрес: Боровая, 46. Скажите батьке, что у нас украли лошадь». Уляша идет к о. Николаю и говорит: «Пришли цыгане, но вы их принять не можете. У них украли лошадь. Если вы их примете – мы пропали. Нам же нельзя никого принимать». – «Хорошо, – говорит о. Николай, – принять их нельзя, но все же скажи им, чтобы искали лошадь у соседа». Через несколько дней цыгане снова явились, но теперь с кулками провизии. Лошадь была найдена у соседа.

Другой случай был такой. О. Николай никогда никуда не ходил, – только в церковь. Вдруг пришла женщина и умоляет его напутствовать умирающую. Против всех своих правил о. Николай собрался и пошел, взяв с собой им почитаемую икону Божией Матери «Взыскание погибших». В мансарде на кровати лежала молодая женщина без памяти. Из уст ее струилась окровавленная пена. Двое детей горько плакали. «Деточки, – сказал о. Николай, – молитесь Божией Матери – Она услышит детскую молитву». Батюшка начал молебен с акафистом перед принесенным им образом. Слезы текли ручьями по лицу о. Николая, он буквально обливался слезами. После молебна ему говорят: «Батюшка, вы же не прочли отходной!» – «Не нужно», – ответил он. Вскоре пришли к о. Николаю благодарные дети и принесли ему цветы и вышитый пояс, какой носило духовенство в России. После этого пришла и сама выздоровевшая женщина. Она, хотя и была без сознания во время молебна, но чувствовала, как в нее вливается живая сила. Она стала преданной духовной дочерью о. Николая, пока он жил в Петербурге.

Вот еще достопамятный случай прозорливости о. Николая. Пришлось батюшке с Уляшей искать новую квартиру, т.к. к ним стало ходить чересчур много народа. Они нашли пре-

красное помещение. Ульяша обрадовалась и весело заговорила: «Вот хорошо! Здесь, батюшка, поставим вашу кровать, здесь стол». Но о. Николай стоит бледный и ничего не говорит. Наконец, он обратился к хозяйке: «Скажите, что тут у вас произошло?» Оказалось, что здесь повесился чекист. Конечно, это помещение они не наняли.

Пребывание в Петербурге, по теперешнему в Ленинграде, окончилось для о. Николая знаменитой «Святой Ночью» – по выражению верующих петербуржцев, когда в одну ночь арестовали 5 тысяч человек из тех лиц, кто особо был предан Церкви.

Тюрьма, куда заключили о. Николая, была настолько переполнена, что несчастный иерей Божий простоял на ногах 9 дней, пока один урка не сжалился и не уступил ему место под столом, где он мог лечь на пол. После этого о. Николая сослали в Соловки. Матушка Екатерина Ивановна в сопровождении верной Ульяши предприняла далекий путь, чтобы навестить батюшку. Когда они обе прибыли и им разрешили его увидеть, он вышел к ним бритый, исхудавший. Это было время поста. Но при передаче провизии требовалось, чтобы продукты непременно были мясными. Ульяша состряпала котлеты из чечевицы, которые сошли за мясные.

После пребывания на Соловках о. Николай с другими узниками был отправлен на Крайний север на поселение. Шли они пешком по тундре, переступая с кочки на кочку. Донимала мошкара. В одном месте путники заночевали в покинутой часовне. Проснувшись, о. Николай увидел, что он спал под образом «Взыскания погибших». Это его обрадовало несказанно, он почувствовал, что находится под покровом Царицы Небесной. Он лишь один дошел до места назначения: остальные не выдержали и умерли в пути.

Ульяша, жертвенная как всегда, и здесь не оставила батюшку. Она приехала к нему на телеге одна, везя корзину с провизией. Проехала тысячи верст. Путь шел тайгой. Часто она бывала поражена зрелищем колыхающегося на небе северного сияния. Сам Бог ее хранил, и она добралась благополучно. Батюшка охранялся часовыми. Ульяша не потерялась. Солдат она

называла Петькой или Ванькой, хлопала их по спине, вспоминала им их собственную мамку. «Это мой дядька, – говорила она им, – он взял меня к себе, сиротку, и воспитал. У тебя тоже есть мамка – вспомни о ней! Отпусти ко мне дядьку обедать!» Разрешение давалось, и батюшка ходил обедать к Ульяше.

Наконец о. Николай отбыл свой срок наказания. Его отпустили жить, где он захочет, кроме Харьковской губернии. Взглянув на карту, он увидел, что ближайшим городом к Харькову будет Обоянь Курской губернии. Вот они едут в поезде и уже приближаются к цели. Они говорят между собой о том, что, выгрузившись из вагона, совсем не знают, что дальше делать. Их разговор услышала ехавшая с ними просто одетая особа, оказавшаяся женой ссыльного священника, которого она ездила навестить. Зорко всмотревшись, она признала в лице о. Николая духовное лицо. Матушка сообщила своим спутникам, что в Обояни существует тайный женский монастырь. Она дала им его адрес. Добравшись туда, путешественники позвонили. Им открыла двери мать привратница. Узнав, что они просят их приютить на ночь, монахиня категорически им заявила, что это невозможно: они сами скрываются и если начнут пускать к себе посторонних, это сейчас же привлечет к ним внимание. «Все же доложите о нас игумении», – попросил о. Николай. Мать игумении не заставила себя ждать, она скоро вышла и приветливо их пригласила разделить с монахинями трапезу. Что же оказалось? В ночь их приезда явился игумении во сне преп. Серафим и сказал: «К тебе прибудет харьковский Серафим, ты его приими». Батюшка заплакал и сказал: «Я о. Николай». Но в действительности он был в Соловках тайно пострижен и назван Серафимом. Он не ожидал, что еще вернется в мир и что жизнь его продолжится, и принял тайно монашество. В то время Ульяша этого не знала, но впоследствии, уже живя в Обояни, при служении о. Николаем Литургии она слышала, как он, причащаясь, именовал себя иеромонахом Серафимом.

Квартиру в Обояни они не замедлили найти. О. Николай днем никогда не выходил на улицу. Только глубокой ночью он

выходил на двор подышать свежим воздухом. Он ежедневно служил Литургию. Проскомидия с бесконечным поминовением живых и умерших тянулась часами. Иногда ночью являлись к нему его харьковские монахины, и он так руководил их тайным монастырем.

Ульяша жила в Обояни в полном послушании у батюшки. Она была им пострижена в монашество и названа Магдалиной. Поступила она работать в госпиталь в качестве санитарки. Неожиданно пришло распоряжение: все малограмотные обязаны сдать экзамен по программе десятилетки – иначе увольнение. На несчастье, учитель русского языка на курсах при госпитале сделал предложение Ульяше: она ему отказала, и он люто ее возненавидел. О. Николай стал Ульяше давать уроки. Наступили экзамены. Батюшка написал сочинение под заглавием «Утро в поселке» и приказал Ульяше взять его с собой на письменный экзамен и переписать, когда объявят тему. Заданной темой было действительно «Утро в поселке». К устному экзамену о. Николай порекомендовал Ульяше выучить наизусть одно стихотворение. «Когда спросят, кто его знает, – ты подыми руку». О нем действительно спросили, и одна Ульяша знала эти стихи наизусть. Так удалось миновать злобу учителя русского языка. С математикой было сложнее. Сам о. Николай был очень плохим математиком. Он пригласил учителя и, раскрыв учебник по алгебре, указал ту страницу, которую Ульяша должна была усвоить. Спросили на экзамене именно это самое. Ульяша сдала десятилетку и из санитарки стала медсестрой.

Наступило время Второй мировой войны. Из госпиталя г. Обояни отправлялся на фронт отряд медицинского персонала. В нем была и Ульяша. О. Николай должен был остаться один – старый, больной, неработоспособный, измученный тюрьмами и ссылками... На железнодорожной платформе происходила посадка медицинского персонала. Поименно всех вызывали и сажали в поезд. Осталась не вызванной одна Ульяша. Поезд ушел... Ульяша поспешила домой. И что же она увидела? О. Николай стоял на молитве. Коврик, на котором он стоял, был весь мокрым от слез.

Город Обоянь заняли немцы. Солдаты были размещены по всем домам. Захватили они и домик, где помещался о. Николай. Ему было предложено спать на полу. Однако солдаты были так поражены видом старца, непрестанно пребывающего на молитве, что не только не заняли его ложа, но даже снимали обувь, входя в его комнату, чтобы не потревожить молящегося.

Вскоре на санитарном автомобиле он был перевезен домой, в Харьков. Здесь о. Николай совершал в своем доме богослужения при большом стечении народа. Война кончалась. Началось немецкое отступление. О. Николай решил двинуться на Запад, ибо, как он говорил, большевиков он не был в силах снова увидеть. Когда он переезжал границу своего отечества, то горько заплакал. Но его уже ожидало отечество небесное. Жизнь его оборвалась при приезде в г. Перемышль. С ним случился удар. Его положили в больницу, где он прожил несколько дней. Умер он накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

Все произошло точь-в-точь, как он описал свою смерть в одном стихотворении, написанном лет 20 перед этим, в бытность его в Петербурге, еще в начале революции.

В этом стихотворении описаны последние теплые дни ранней осени. Цветы отцветают. Падают на землю, шурша, осенние листья. Кротко улыбается умирающая природа, и с ней вместе кончат свои земные дни и сам священно-поэт. Как он описал, так все и произошло в действительности: стояла именно такая осень. Батюшка, который не отличался особой красотой при жизни, на смертном одре был более чем прекрасен. Лик его носил отпечаток нездешнего мира, непередаваемой словами красоты. Приоткрылась как бы дверь в желанную, нездешнюю страну, где «праведницы сияют, яко светила»

ГЛАВА XVII. СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ († 1928)

Предуведомление

Первым старцем в Оптиной был иеросхимонах Лев, сильный и властный: он царственно открывает собою ряд великих старцев. В расцвете жизненных сил России старец Амвросий питает всех духовно божественной пищей – амброзией; а последний старец Нектарий, любимый ученик о. Амвросия, в нестерпимый зной страшных искушений, переживаемых родиной, утоляет жажду и подкрепляет верующих духовными утешениями – божественным питием, нектаром.

«В Библии название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл, – говорит старец Варсонофий Оптинский, – но и в жизни часто название местности, фамилия лица, словом, всякое имя имеют некий таинственный смысл, уяснение которого иногда бывает не бесполезно».

Жития предшественников о. Нектария составлялись сразу же после их смерти их близкими и их учениками, в мирной обстановке, когда все было свежо в памяти современников, когда легко можно было добыть любое сведение. Мы находимся в иных условиях, вдали от родины, и располагаем немногочисленными источниками, отрывочными сведениями.

Пусть этот труд и послужит материалом будущему составителю жития этого великого старца.

Кроме того, приступая к жизнеописанию батюшки отца Нектария, предупреждаем читателя: кто не видел лично батюшку, тот по рассказам не сможет ясно представить его образ.

Трудно будет судить ему о характере, о качествах батюшки: смирении, кротости, скромности.

По некоторым рассказам не видевший батюшку может вынести неправильное впечатление о нем, как о весельчаке и балагуре, чего в действительности не было, да и не могло быть: редкие случаи его «веселости» были весьма своеобразны и трудно передаваемы; их можно воспроизвести только относительно, так как на бумаге не передать ни интонации голоса, ни взгляда его слезящихся глазок, ни скромной улыбки или другого благодатного выражения его лица, свойственного только ему одному, нашему дорогому батюшке.

Невозможно передать его дивные качества: воплощенного смирения, необычайных кротости и скромности, любви и всего непередаваемого обаяния его благодатной личности.

І. Юные годы о. Нектария и период до старчества

Прямых указаний на год рождения о. Нектария нет. Можно полагать, что родился он около 1856 г. Скончался о. Нектарий 29 апреля (12 мая) 1928 г. в селе Холмищи, достигнув 72-летнего возраста.

Родители его, Василий и Елена Тихоновы, были жителями города Ливны Орловской губ. Там родился и будущий старец. Отец его был приказчиком; по другой версии, рабочим на мельнице. Он рано умер; сам о. Нектарий говорил о себе: «Было это в ребячестве моем, когда я дома жил сам-друг с маменькой. Нас ведь с маменькой двое только и было на белом свете, да еще кот жил с нами... Мы низкого были звания и при том бедные: кому нужны такие-то?»

Похоронив мать в юношеском возрасте и оставшись круглым сиротой, Николай (так звали в миру о. Нектария) потянулся в Оптину Пустынь, находившуюся сравнительно близко от его родных мест и тогда уже славную во всех концах России. Вышел он в путь в 1876 г., 20 лет, неся с собой одно лишь Евангелие в котомке за плечами.

Вот приближается молодой Николай Тихонов к Оптинскому монастырю, расположенному на правом берегу красавицы-реки Жиздры, у опушки векового бора. Один вид обители успокаивает, умиротворяет душу, отрывает ее от суеты мирской жизни. Еще большее впечатление производит скит, куда приходится идти по лесной тропинке среди многовековых сосен. В скиту Николая ждет встреча со старцем Амвросием, который в то время находился в зените своей славы.

Приведем тут слова Е. Поселянина, пусть много позже посещал он Оптинский скит, но еще застал он старца Амвросия, а потому передает подобие того, что должен был видеть и чувствовать Николай Тихонов в описываемый нами момент.

«В скитской ограде встретят суровые лики великих преподобных пустынножителей, держащие в руках развернутые хартии с каким-нибудь изречением из своих аскетических творений... Вы идете по выложенной плитняком дорожке к деревянной скитской церкви. С обеих сторон от вас цветут, красуются, благоухают на высоких стеблях заботливо выращенные, цветы.

Направо и налево от входа, вкрапленные в ограду, стоят два почти одинаковых домика, имеющие по два крылечка, и с внутренней стороны скита, и с наружной стороны. В одном из них жил великий старец Амвросий, в другом скитоначальник Анатолий.

Скит представляет из себя просторный отрядный сад с приютившимися в нем там, поближе к ограде, деревянными, большей частью отштукатуренными белыми домиками келий.

Хорошо тут в скиту в хлопотливый летний полдень, когда тянутся к солнцу и шибче благоухают цветы, и заботливо вьется над ними торопливая пчела, а солнечное тепло льется, льется волнами на тихий скит.

Хорошо в лунную ночь, когда звезды с неба точно говорят неслышно со скитом, посылая ему весть о Боге. И скит безмолвно отвечает им воздыханием к небу, вечному обетованному жилищу.

Хорошо и в ясный зимний день, когда все блестит непорочным снегом, и на этом снегу так ярко вырезывается зелень невянущих хвойных деревьев...

Вспоминаются дальние счастливые годы, летний вечер первой встречи со старцем Амвросием.

Вот бродит согбенный, опираясь на костыль, быстро подходит к нему народ. Короткие объяснения:

– Батюшка, хочу в Одессу ехать, там у меня родные, работа очень хорошо оплачивается.

– Не дорога тебе в Одессу. Туда не езд.

– Батюшка, да ведь я уже совсем собрался.

– Не езд в Одессу, а вот в Киев или в Харьков.

И все, кончено. Если человек послушается – жизнь его направлена.

Стоят какие-то дальние мужики.

– Кто вы такие? – спрашивает старец своим слабым ласковым голосом.

– К тебе, батюшка, с подарочком, – отвечают они, кланяясь. – Костромские мы, прослышали, что у тебя ножки болят, вот тебе мягкие лапотки сплели...

С каким радостным, восторженным чувством войдешь, бывало, в тесную келию, увешанную образами, портретами духовных лиц и лампадами, и видишь лежащего на твердой койке, покрытым белым тканевым одеялом, отца Амвросия. Ласково кивнет головой, улыбнется, скажет какую-нибудь шутку, и что-то чудотворное творится в душе от одного его взгляда. Словно перед тобой какое-то живое могучее солнце, которое греет тебя, лучи которого забрались в глубь души, в тайные злые уголки твоего существа, и гонят оттуда все темное и грязное, и сугубят в тебе все хорошее и чистое. И часто в каком-нибудь как бы вскользь сказанном слове чувствуешь, как он глубоко постиг всю твою природу. И часто потом, через долгие годы, вспоминаешь предостерегающее мудрое слово старца. А как умел смотреть, как без слов умел заглядывать одним взглядом во все существо... Чудеса творил невидимо, неслышно. Посылал больных к какому-нибудь целебному ко-

лодцу или указывал отслужить какому-нибудь святому молебн, и выздоравливали... И вспоминается он, тихий, ясный, простой и радостный в своем неустанном страдании, как бы отлагающий лучи своей святости, чтобы не смущать нас, пришедших к нему со своими тяготами и грехами. Ведь он стоял в те дни уже на такой высоте, что являлся людям в видениях за сотни верст, зовя их к себе, что временами, когда он слушал богослужение, смотря на иконы, и к нему случайно подходили с каким-нибудь неотложным вопросом, бывали ослеплены тем благодатным светом, каким сияло его лицо.

И такой человек старался быть только ласковым, приветливым дедушкой, бесхитростно толкуя с тобой о твоих больших вопросах и маленьких делишках!..»

Так должен был воспринять и вновь пришедший юноша Николай святость и духовную красоту Амвросия. Как цельная и прямая натура, он отдался ему всем своим существом. Весь мир для него сосредоточился в отце Амвросии.

О первых шагах молодого послушника Николая мы можем сказать лишь очень немногое со слов монахини Нектарии, записями которой мы располагаем.

«Пришел Николай в скит с одним лишь Евангелием в руках, 20-летним юношей, отличался красотой; у него был прекрасный ярко-красный рот. Для смирения старец стал называть его “Губошлепом”. В скиту он прожил около 50 лет (с 1876 г. по 1923). Он нес различные послушания, в том числе на клиросе. У него был чудный голос, и когда однажды ему пришлось петь “Разбойника благоразумного”, он спел так прекрасно, что сам удивился – он ли это поет (это сам старец монахиням рассказывал). Хороших певчих из скита переводили в монастырь – вот он, спевши Разбойника, испугался и принялся фальшивить. Его сперва перевели с правого клироса на левый, потом и совсем сместили и дали другое послушание.

Был очень застенчив: когда его назначили заведовать цветами, и старец послал его вместе с монахинями плести венки на иконы, он очень краснел и не смотрел на них. Была у него маленькая слабость: любил сладенькое. Старец разрешил ему

приходить в его келью и брать из шкафа нарочно положенные для него сладости. Однажды келейник спрятал в это условленное место обед старца. Старец потребовал свой обед, а в шкафу пусто! “Это Губошлеп съел мой обед”, – объяснил старец удивленному келейнику. Однажды молодому послушнику взгрустилось, что вот все монахи от родных получают посылки, а ему некому послать. Узнали об этом монахини, наварили варенья, накупили сластей и послали ему посылочку по почте. Николай чрезвычайно обрадовался, схватил повестку и бегал в восторге по келиям, всем показывал, что и ему есть посылка.

Года через два по поступлении Николая в скит вышло распоряжение начальства о высылке из обители всех неуказанных послушников, подлежащих военному призыву. “И мне, – рассказывает сам о. Нектарий, – вместе с другими монастырский письмоводитель объявил о высылке меня из скита. Но к счастью моему, по святым молитвам старца (о. Амвросия), опасность эта миновала. Письмоводитель вскоре объявил мне, что я отошел от воинской повинности только на двадцать пять дней. Прихожу к батюшке и благодарю его за его молитвенную помощь; а он мне сказал: “Если будешь жить по-монашески, то и на будущее время никто тебя не потревожит, и ты останешься в обители навсегда”. И слова старца оправдались.

Когда о. Нектарий был на пономарском послушании, у него была келия, выходящая дверью в церковь. В этой келии он прожил 25 лет, не разговаривая ни с кем из монахов: только сбегает к старцу или к своему духовнику и обратно. Дело свое вел идеально, на каком бы ни был послушании: всегда все у него было в исправности. По ночам постоянно виднелся у него свет: читал или молился. А днем часто его заставляли спать, и мнение о нем составили, как о сонливом, медлительном. Это он, конечно, делал из смирения».

Итак, о. Нектарий провел 25 лет в подвиге почти полного молчания. Кто же был его прямым старцем? Отец ли Амвросий, или, как утверждает ныне покойный прот. С. Четвериков («Оптина Пустынь») – о. Анатолий Зерцалов? На этот вопрос отвечает сам о. Нектарий. Из нижеприведенных его слов рису-

ется его отношение к этим великим людям: о. Анатолия именует он «духовным отцом», а «Старец» – это исключительно о. Амвросий. «В скит я поступил в 1876 г. Через год после этого батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться, как духовному отцу, к начальнику скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины сего последнего в 1894 г. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких моих слов обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне недостойному со стороны старца изумляли меня, ибо я сознавал, что я их недостоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой иеромонах Анатолий отвечал, что причиной сему – моя вера и любовь к старцу; и что если он относится к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу, и что таков общий закон: как кто относится к старцу, так точно и старец относится к нему»*.

Старец и его действия не подлежат суду ученика. Его указания должны приниматься без всяких рассуждений. Поэтому даже защита старца воспрещается, т.к. это уже в каком-то смысле является обсуждением или судом. По неопытности своей о. Нектарий защищал в спорах своего старца, о. Амвросия, от нападок некоторых неразумных и дерзких братий. После одного из таких споров явился ему во сне его прозорливый духовник о. Анатолий (еще при жизни своей) и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью; старец за свои действия даст отчет Богу; значения их мы не постигаем»**.

Скажем несколько слов о скитоначальнике о. Анатолии. По словам о. Пимена, настоятеля Николо-Угрешского

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Москва. 1900 г. стр. 134.

** Воспоминания Архим. Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. Москва, 1877 г., стр. 57.

м-ря (оставившего после себя ценные записки*), о. Анатолий Зерцалов разделял еще при жизни о. Амвросия его труды по старчеству. Он был из студентов семинарии, трудившихся в переводах святоотеческих книг при о. Макарии, совместно с о. Амвросием и о. Климентом Зедергольмом. «С 1894 года о. Анатолий состоял духовником всего братства и скитона начальником. Почти все посетители, бывшие у старца Амвросия на благословении, приходили за благословением и советами также к о. Анатолию; он был старцем и некоторых братий Пустыни и скита, и у большинства сестер Шамординской Общины», – так повествует о. Пимен. И добавляет: «Он настолько предан был умной молитве, что оставлял всякие заботы о вещественном, хотя и нес звание скитона начальника». После кончины о. Амвросия (1891) о. Анатолий был старцем всего братства. Скончался 25 января 1894 г. семидесяти двух лет.

Прямым учеником о. Анатолия был старец о. Варсонофий († 1912), в миру полковник, прибывший в Оптину, когда о. Амвросий был уже в гробу. Старец Варсонофий обладал высокими духовными дарованиями, провел немало лет в затворе.

По вступлении о. Варсонофия в Оптину в 1891 г. о. Анатолий назначил его келейником к о. Нектарию, тогда иеромонаху. Под руководством последнего в течение десяти лет о. Варсонофий изучал теоретически и практически Св. Отцов и прошел все монашеские степени вплоть до иеромонашества.

Но вернемся к о. Нектарию, который, пробыв два с половиною десятка лет в уединении и молчании, ослабил, наконец, свой затвор. Дневник С. А. Нилуса «На берегу Божьей реки» (1909) дает нам облик будущего старца, когда он начал изредка появляться среди людей. Мы видим о. Нектария, говорящего притчами, загадками, с оттенком юродства, часто не без прозорливости. «Младенствующий друг наш», называет его Нилус. Эта манера о. Нектария была формой его вящей скрытности из-за боязни обнажить свои благодатные дары.

Многие страницы этого оптинского дневника (1909) содержат записи общения автора с будущим старцем.

* С. А. Нилус. На берегу Божьей реки. Сергиев Посад. Часть 1-я.

Из этих записей восстает живой облик отца Нектария, выявляются его взгляды и воззрения, а также тут немало есть и его личных рассказов о своем детстве. Поэтому записи его ценны в качестве биографического материала*.

«Готовимся к 8 июня быть причастниками Святых Христовых Таин. Враг не дремлет и сегодня перед исповедью хотел было угостить меня крупной неприятностью, подав повод к недоразумению с отцом настоятелем, которого я глубоко почитаю и люблю. Но не даром прошли для меня два года жизни бок о бок с монашеским смирением Оптинских подвижников – смирился и я, как ни было то моему мирскому самолюбию трудно. Было это искушение за поздней обедней, после которой мы должны были с женой идти на исповедь к нашему духовному старцу, о. Варсонофию. Вернулись после исповеди домой, вхожу на подъезд, смотрю, – а на свеженанписанном небе моего этюда масляными красками кто-то углем крупными буквами во все небо написал пофранцузски – *le nuee* (туча).

Я сразу догадался, что виновником этого “озорства” не мог быть никто другой, кроме нашего друга, отца Нектария: это было так похоже на склонность его к некоторому как бы юродству, под которым для меня часто скрывались назидательные уроки той или иной христианской добродетели. Это он, несомненно он, прозревший появление тучки на моем духовном небе; он, мой дорогой батюшка, любящий иногда к общему изумлению вставить в речь свою неожиданное французское слово!... Заглянул я на нашу террасу, а он, любимец наш, сидит себе в уголку и благодушно посмеивается, выжидая, что выйдет из его шутки.

– Ах, батюшка, батюшка! – смеюсь я вместе с ним. – Ну и проказник!

А “проказник” встал, подошел к этюду, смахнул рукавом своего подрясника надпись и с улыбкой объявил:

– Видите, – ничего не осталось!

Ничего и в сердце моем не осталось от утренней смуты. Несомненно, у друга нашего есть второе зрение, которым он видит

* С. А. Нилус. На Берегу Божьей реки. Часть 1-я. Сергиев Посад. 1916 г.

то, что скрыто для глаз обыкновенного человека. Недаром же и благочестного жития его в монастыре без малого сорок лет.

Сегодня первый день церковного нового года. Погода сегодня дивная. Солнце по-весеннему греет и заливает веселыми лучами наш садик и чудный Оптинский бор, с востока и юга подступивший почти вплотную к нашему уединению. Я вышел на террасу и чуть не задохнулся от наплыва радостно благодарных чувств к Богу, от той благодати и красоты, которыми без числа и без меры одарил нас Господь, поселив нас в этом раю монашеском. Что за мир, что за безмятежие нашего здесь отшельничества; что за несравненное великолепие окружающей нас почти девственной природы! Ведь соснам нашим, величаво склоняющим к нам свои пышнозеленые могучия вершины, не по полтысячи ли лет будет? Не помнят ли некоторые из них тех лютых дней, когда злые татарове шли на Козельск, под стенами и бойницами которого грозный их Батый задержан был на целые семь недель доблестью отцов теперешних соседей Оптинских?.. И стою я, смотрю на всю эту радость, дышу и не надыхусь, не налюбуюсь, не нарадуюсь...

“И вспомнил Иаков, – слышу я за спиной своей знакомый голос, – что из страны своей он вышел и перешел через Иордан только с одним посохом, и вот – перед ним его два стана. И сказал в умилении Иаков Богу: Господи, как же я мал пред Тобою”.

Я обернулся, уже зная, что это он, друг наш. И заплакало тут мое окаянное и грешное сердце умиленными слезами к Богу отцов моих, и [sic]:

– Господи, как же я мал пред Тобою!

А мой батюшка, смотрю, стоит тут же рядом со мной и радуется.

– Любуюсь я, – говорит, – на ваше общежитие, батюшка барин, и дивуюсь, как это вы благоразумно изволили поступить, что не пренебрегли нашей худостью.

– Нет, не так, – возразил я, – это не мы, а обитель ваша святая не пренебрегла нами, нашим, как вы его называете, общезитием.

Он как будто не слышал моего возражения, вдруг улыбнувшись своей тонкой улыбкой, обратился ко мне с таким вопросом:

– А известно ли вам, сколько от сотворения мира и до нынешнего дня было истинных общезитий?

Я стал соображать.

– Вы лучше не трудитесь думать, я сам вам отвечу – три!

– Какие?

– Первое – в Эдеме, второе – в христианской общине во дни апостольские, а третье...

Он приостановился...

– А третье – в Оптиной при наших великих старцах.

Я вздумал возразить:

– А Ноев ковчег-то?

– Ну, – засмеялся он, – какое же это общезитие? Сто лет звал Ной к себе людей, а пришли одни скоты. Какое же это общезитие?!

Сегодня, точно подарок к церковному новому году, батюшка наш преподнес нам новый камень самоцветный из неисчерпаемого ларца, где хранятся драгоценные сокровища его памяти.

– Вот у нас в моем детстве тоже было нечто вроде Ноева ковчега, только людишечки мы были маленькие, и ковчезек нам был по росту, тоже малюсенький: маменька, я – ползунок, да котик наш серенький. Ах, скажу я вам, какой расчудесный был у нас этот котик!... Послушайте-ка, что я вам про него и про себя расскажу!

Я был еще совсем маленьким ребенком, – так начал свое повествование о Нектарий, – таким маленьким, что не столько ходил, сколько елозил* по полу, а больше сиживал на своем седалище, хотя кое-как уже мог говорить и выражать свои мысли. Был я ребенок кроткий, в достаточной мере послуш-

* «Ползал», по орловскому говору.

ливый, так что матери моей редко приходилось меня наказывать. Помню, что на ту пору мы с маменькой жили еще только вдвоем, и kota у нас не было. И вот, в одно прекрасное время мать обзавелась котенком для нашего скромного хозяйства. Удивительно прекрасный был этот кругленький и веселенький котик, и мы с ним быстро сдружились, так, что, можно сказать, стали неразлучны. Елозию ли я по полу, – он уж тут как тут и об меня трется, выгибая свою спинку; сию ли я за миской с приготовленной для меня пищей, – он приспособится сесть со мной рядышком, ждет своей порции от моих щедрот; а сяду, – он лезет ко мне на колени и тянется мордочкой к моему лицу, норовя, чтобы я его погладил. И я глажу его по шелковистой шерстке своей ручонкой, а он себе уляжется на моих коленках, зажмурит глазки и тихо поет-мурлычет свою песенку...

Долго длилась между нами дружба, пока едва не омрачилась таким событием, о котором даже и теперь жутко вспомнить.

Место мое, у которого я обыкновенно сживал, помещалось у стола, где, бывало, шитьем занималась маменька, а около моего седалища на стенке была прибита подушечка, куда маменька вкалывала свои иголки и булавки. На меня был наложен, конечно, запрет касаться их под каким бы то ни было предлогом, а тем паче вынимать их из подушки, и я запрету этому подчинялся беспрекословно.

Но вот, как-то раз залез я на обычное свое местечко, а вслед за мной вспрыгнул ко мне на колени и котенок. Мать в это время куда-то отлучилась по хозяйству. Вспрыгнул ко мне мой приятель и ну ко мне ластиться, толкаясь к моему лицу своим розовым носиком. Я глажу его по спинке, смотрю на него, и вдруг глазами своими впервые близко-близко встречаюсь с его глазками. Ах, какие это были милые глазки! Чистенькие, яркие, доверчивые... Меня они поразили: до этого случая я не подозревал, что у моего котика есть такое блестящее украшение на мордочке... И вот смотрим мы с ним друг на друга в глаза, и оба радуемся, что так нам хорошо вместе. И пришла мне вдруг в голову мысль попробовать пальчиком, из чего сделаны под

лобиком у котика эти блестящие бисеринки, которые так весело на меня поглядывают. Поднес я к ним свой пальчик, – котенок зажмурился, и спрятались глазки; отнял пальчик, – они опять выглянули. Очень меня это забавило. Я опять в них, – тык пальчиком, а глазки – нырь под бровки... Ах как это было весело! А что у меня самого были такие же глазки, и что они так же бы жмурились, если бы кто к ним подносил пальчик, того мне и в голову не приходило... Долго ли, коротко ли я так забавлялся с котенком – уже не помню, но только вдруг мне в голову пришло разнообразить свою забаву. Не успела мысль мелькнуть в голове, а уж ручонки принялись тут же приводить ее в исполнение. “Что будет, – подумалось мне, – если из материнской подушки я достану иголку и воткну ее в одну из котиковых бисеринок?” Потянулся я к подушке и вынул иголку... В эту минуту в горницу вошла маменька и, не глядя на меня, стала заниматься какой-то приборкой. Я невольно воздержался от придуманной забавы. Держу в одной руке иголку, а другой ласкаю котенка...

– Маменька, – говорю, – какой у нас котенок-то хорошенький?

– Какому же и быть, – отвечает маменька, – плохого и брать было бы не для чего.

– А что у него под лобиком, или глазки?

– Глазки и есть: и у тебя такие же.

– А что, – говорю, – будет, маменька, если я котенку воткну в глазик иголку?

Мать и приборку бросила, как обернется ко мне, да как крикнет:

– Боже тебя сохрани!

И вырвала из рук иголку.

Лицо у маменьки было такое испуганное, что его выражение до сих пор помню. Но еще более врезалось в мою память восклицание:

– Боже тебя сохрани!

Не наказала меня тогда мать, не отшлепала, а только вырвала с гневом из рук иголку и погрозила:

– Если ты еще раз вытащишь иголку из подушки, то я ею тебе поколю руку.

С той поры я и глядеть даже боялся на запретную подушку.

Прошло много лет. Я уже был иеромонахом. Стояла зима. Хороший, ясный выдался денек. Отдохнув после обеденной трапезы, я рассудил поставить себе самоварчик и поблагодарить за ароматическим чайком. В келии у меня была вода, да несвежая... Вылил я из кувшина эту воду, взял кувшин и побрел с ним по воду к бочке, которая у нас в скиту стоит обычно у черного крыльца трапезной. Иду себе мирно и не без удовольствия предвкушаю радости у кипящего самоварчика за ароматной китайской травкой. В скитском саду ни души. Тихо, пустынно... Подхожу к бочке, а на нее, вижу, взобрался один из наших старых монахов и тоже на самоварчик достает себе черпаком воду. Бочка стояла так, что из-за бугра снега к ней можно было подойти только с одной стороны, по одной стежке. По этой-то стежечке я тихонько и подошел сзади к черпавшему в бочке воду монаху. Занятый своим делом да еще несколько глуховатый, он и не заметил моего прихода. Я жду, когда он кончит, и думаю: зачем нужна для черпака такая безобразно длинная рукоятка, да еще с таким острым расщепленным концом? Чего доброго, еще угодит и в глаз кому-нибудь!.. Только это я подумал, а мой монах резким движением руки вдруг как взмахнет этим черпаком, да как двинет концом его рукоятки в мою сторону! Я едва успел отшатнуться. И еще бы на волосок, и быть бы мне с проткнутым глазом; а невольный виновник грозившей мне опасности слезает с бочки, оборачивается, видит меня и, ничего не подозревая, подходит ко мне с кувшином под благословение.

– Благословите, батюшка!

Благословить-то его я благословил, а в сердце досаду: экий, думаю, невежа! Однако, поборол я в себе это чувство, – не виноват же он, в самом деле, в том, что у него на спине глаз нет, – и на этом умиротворился. И стало у меня вдруг на сердце так легко и радостно, что и передать не могу. Иду я в келию с

кувшином, наливши воды, и чуть не прыгаю от радости, что избежал такой страшной опасности.

Пришел домой, согрел самоварчик, заварил “ароматический чайк”, присел за столик... и вдруг как бы ярким лучом осветился в моей памяти давно забытый случай из поры моего раннего детства: котенок, иголка и восклицание матери:

– Боже тебя сохрани!

Тогда оно сохранило глаз котенку, а много лет спустя и самому сыну...

– И подумайте, – добавил к своей повести о Нектарий, – что после этого случая рукоять у черпака наполовину срезали, хотя я никому и не жаловался: видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни нашей от колыбели и до могилы находится у Бога на самом строгом отчете».

(25 июня 19...)

На этих днях наши аввы – о. архимандрит и о. игумен – уезжают в Троице-Сергиеву Лавру на монашеский съезд.

Виделся сегодня с о. Нектарием.

– Каковы, – спрашиваю, – мысли ваши о предстоящем монашеском съезде?

– Мои мысли? – переспросил он меня с улыбкой. – Какие мысли у человека, который утром скорбен, а к вечеру уныл? Вы, батюшка барин, сто книг прочли: вам, стало быть, и книги в руки.

Мне было знакомо это присловие о. Нектария, и потому я не отчаялся добиться от него ответа, хотя бы и притчей, любимой формой его мудрой речи. Я не ошибся.

– Помните вы свое детство? – спросил он меня, когда я стал настаивать на ответе.

– Как не помнить, – помню.

– Вот и я, – говорит, – тоже помню. Набегаемся мы, бывало, ребятенки, наиграемся; вот и присядем или приляжем

где-нибудь там, в укромном местечке, на вольном воздухе, да и давай смотреть на Божие небушко. А по небу-то, глядишь, плывут-бегут легкие облачка, бегут – друг дружку догоняют. Куда, задумаешься, бывало, путь они свой держат по голубой необъятной дали?.. Эх, хорошо было бы на облачках этих прокатиться!..

– Высоко дуже – нельзя! – со вздохом решает кампания, – не взберешься... А хорошо бы!

И вот среди нас выискивается один, наиболее смысленный:

– Эхва, – говорит, – уж и раскисли! Как так нельзя? Здесь нельзя – над нами высоко, а там, – показывает на горизонте, – там рукой их достать можно. Бегим скорейча туда, взлезем, да и покатым!

И видим все мы, что “смысленный” наш говорит дело, да к тому же он и коновод наш: ну что ж? Бежим! И уж готова от слов к делу перейти стайка неоперившихся птенцов-затейников, да вспомнишь про овраг, через который бежать надобно, а в овраге, небось, разбойники, – про дом свой вспомнишь, – а в доме у кого отец, у кого мать, да бабушка: еще вспомют чего доброго!.. Вспомнишь, да и махнешь рукой на свою затею: чем по небу-то летать, давайте-ка лучше по земле еще побегаем!

Сказал батюшка свою притчу и улыбнулся своей загадочной улыбкой: понимай, мол, как знаешь!

Я не удовлетворился таким ответом.

– Вы мне, – говорю, – батюшка, скажите прямее: неужели толку не выйдет из съезда?

– Осердится на них Преподобный Сергей, – ответил о. Нектарий.

– На кого – на них?

– Да на наших, что туда едут. Чего “собираться скопом”? Ведь это запрещено монашеским уставом. Монашеский устав дан Ангелом: не людям же его менять, стать, да дополнять своими измышлениями... Плакать надо да каяться у себя в келии наедине с Богом, а не на позор собираться.

– Как на позор? Что вы говорите, батюшка?

– На позор – на публику, значит, на вид всем, кому не лень смеяться над монахом, забывшим, что есть монах... Какие там могут быть вопросы? Все дано, все определено первыми учредителями монашеского жития. Выше богоносных отцов пустынных кто может быть?.. Каяться нужно, да в келии сидеть и носу не высовывать – вот что одно и нужно!

– Что бы, – говорю, – вам сказать все это аввам?

– А вы, – вместо ответа сказал мне батюшка, – не поспучаете ли еще послушать сказочку?

И батюшка продолжал:

– Жил был на свете один вельможа. Богат он был и знатен, и было у него много всяких друзей, ловивших каждое его слово и всячески ему угождавших. А вельможа тот был характера крутенького и любил, чтобы ему все подчинялись... Вот как-то раз на охоте с друзьями отошел к сторонке тот вельможа, да в виду всех взял и лег на землю, приник к ней одним ухом, послушал, повернулся на другой бок, другим ухом послушал, да и кричит своим приспешникам:

– Идите-ка все сюда!

Те подбежали.

– Лягте – слушайте!

Легли, слушают.

– Слышите? Земля трещит: грибы лезут.

И все закричали в один голос:

– Слышим! Слышим!

Только один из друзей встал с земли молча.

– Чего же ты молчишь? – спрашивает вельможа. – Или не слышишь?

– Нет, – отвечает, – не слышу.

И сказал вельможа:

– Э, братец, ты, видно тово – туговат на ухо!

И все засмеялись над ним и с хохотом подхватили слова вельможи:

– Да он не только туговат: он просто-напросто глухой!

Сказал свою сказочку батюшка и замолк.

– И все тут? – спрашиваю.

– Все. Чего же вам больше?
И то правда: чего же мне больше?*

Продолжаю свою мысленную брань с пороком куренья, но пока все еще безуспешно. А бросать это скверное и глупое занятие надо: оно чувствительно для меня разрушает здоровье – дар Божий, и это уже грех.

Приснопамятный старец батюшка Амвросий как-то раз услышал от одной своей духовной дочери признание:

– Батюшка! Я курю, и это меня мучит.

– Ну, – ответил ей старец, – это беда невелика, коли можешь бросить.

– В том-то, – говорит, – и горе, что бросить не могу!

– Тогда это грех, – сказал старец, – и в нем надо каяться и надо от него отстать.

Надо отстать и мне; но как это сделать? Утешаюсь словами наших старцев, обещавших мне освобождение от этого греха, “когда придет время”.

Покойный доброхот Оптиной Пустыни и духовный друг ее великих старцев, архиепископ Калужский Григорий, не переносил этого порока в духовенстве, но к курящим мирским и даже своим семинаристам, пока они не вступали в состав клира, относился снисходительно. От ставленников же, готовящихся к рукоположению, он категорически требовал оставления этой скверной привычки и курильщиков не рукополагал.

Об этом мне сообщил друг наш, о. Нектарий, которому я не раз жаловался на свою слабость.

– Ведь вы, – утешал он меня, – батюшка-барин, мирские: что с вас взять? А вот...

И он мне рассказал следующее:

* Какое дивное прозрение и поучение заключаются в этом сказании: как не вспомнить исход вышеизложенной «Оптинской смуты»? Не «осердился» ли преп. Сергей?

– Во дни архиепископа Григория, мужа духоносного и монахолюбивого, был такой случай: один калужский семинарист, кончавший курс первым студентом и по своим выдающимся дарованиям лично известный владыке, должен был готовиться к посвящению на одно из лучших мест епархии. Явился он к архиепископу за благословением и указанием срока посвящения. Тот принял его отменно ласково, милостиво с ним беседовал и, обласкав отечески, отпустил, указав день посвящения. Отпуская от себя ставленника, он, однако, не преминул спросить:

– А что ты, брате, куревом-то занимаешься, или нет?

– Нет, высокопреосвященнейший владыка, – ответил ставленник, – я этим делом не занимаюсь.

– Ну, и добре, – радостно воскликнул владыка, – вот молодец ты у меня!... Ну-ну, готовься, и да благословит тебя Господь!

Ставленник архиерею, по обычаю, – в ноги; сюртук распахнулся, из-за пазухи так и посыпались на пол одна за другой папиросы.

Владыка вспыхнул от негодования.

– Кто тянул тебя за язык лгать мне? – воскликнул он в великом гневе. – Кому солгал? Когда солгал? Готовься служить Богу в преподобии и правде?.. Ступай вон! Нет тебе места и не будет...»

– С тем и прогнал лгуна с глаз своих долой... Так-то, батюшка-барин, – добавил о. Нектарий, глядя на меня своим всегда смеющимся добротой и лаской взглядом – а вам чего унывать, что не афонским ладаном из уст ваших пахнет? Пред кем вы обязаны?... А знаете что? – воскликнул он, и лицо его расцветилось милой улыбкой! – Вы не поверите! Я ведь и сам едва не записался в курильщики. Было это еще в ребячестве моем, когда я дома жил сам-друг с маменькой... Нас ведь с маменькой двое только и было на свете, да еще кот жил с нами... Мы низкого звания были и притом бедные: кому нужны такие-то? Так, вот-с, не уследила как-то за мной маменька, а я возьми, да и позаимствуйся от одного-то из богатеньких сверстников

табачком. А у тех табачок был без перевода, и они им охотно, бывало, угощают всех желающих. Скрутят себе вертушку, подымят, подымят, да мне в рот и сунут: “На – покури!” Ну, за ними задымишь и сам. Первый раз попробовал: голова закружилась, а все-таки понравилось. Окурок за окурком – и стал я уже привыкать к баловству этому: начал попрошайничать, а там и занимать стал в долг, надеясь как-нибудь выплатить... А чем было выплачивать-то, когда сама мать перебивалась, что называется, с хлеба на квас, да и хлеба-то не всегда вдоволь было... И вот, стала маменька за мной примечать, что от меня как будто табачком припахивает...

– Ты что это, Коля (меня в миру Николаем звали), никак курить стал поваживаться? – нет-нет, да и спросит меня матушка.

– Что вы, – говорю, – маменька? И не думаю! – а сам скорей к сторонке, будто по делу. Сошло так раз, другой, а там и попался: не успел я раз как-то тайком заемным табачком затянуться, а маменька – шась! – тут как тут:

– Ты сейчас курил? – спрашивает.

Я опять: “Нет, маменька!”

А где там – нет? – от меня чуть не за версту разит – табачищем... Ни слова маменька тут не сказала, но таким на меня взглянула скорбным взглядом, что можно сказать, всю душу во мне перевернула. Отошла она от меня куда-то по хозяйству, а я забрался в укромный уголок и стал неутешно плакать, что огорчил маменьку, мало – огорчил, обманул и солгал вдобавок. Не могу выразить, как было-то мне больно!.. Прошел день, настала ночь, мне и сон на ум нейдет: лежу в своей кроватке и все хлюпаю (орловский говор), лежу и хлюпаю... Маменька услышала.

– Ты что это, Коля? Никак плачешь?

– Нет, маменька.

– Чего ж ты не спишь?

И с этими словами матушка встала, засветила огоньюшка и подошла ко мне; и у меня все лицо от слез мокрое, и подушка мокрехонька...

И что у нас тут между нами было... И наплакались мы оба, и помирились мы, наплакавшись с родимой, хорошо помирились!

Так и кончилось баловство мое с куреньем.

Заходил проведать давно бывавший у нас друг наш, о. Нектарий.

– Что давно не видать было вас, батюшка? – встретили мы таким вопросом этого полузатворника, известного всем Оптинским монахам сосредоточенностью своей жизни.

– А я думаю, – ответил он с улыбкой, – что грешному Нектарию довольно было видеть вас и единожды в год, а я который уже раз в году у вас бываю!.. Монаху – три выхода: в храм, в келию и в могилу; вот закон для монаха.

– А если дело апостольской проповеди потребует? – возразил я.

– Ну, – ответил он мне, – для этого ученые академисты существуют, а я необразованный человек низкого звания.

А между тем тот «человек низкого звания» начитанностью своей поражал не одного меня, а многих, кому только удавалось приходиться с ним в соприкосновение.

Я рассказывал батюшке о небесном знамении, бывшем на Москве в начале месяца. (Ложные солнца и луна.)

– Как вы на эти явления смотрите?

– Э, батюшка барин, – о. Нектарий иногда меня так называет, – как моему невежеству отвечать на такие вопросы? Мне их задавать, а вам отвечать: ведь вы сто книг прочли; а я человек темный.

– Да вы не уклоняйтесь, батюшка, от ответа, – возразил я. – В моих ста книгах, что я прочел, быть может, тьма одна, а в вашей одной монашеской, которую вы всю жизнь читаете, свету на весь мир хватит.

Отец Нектарий взглянул на меня серьезно, испытующе.

– Вам, собственно, какого от меня ответа нужно? – спросил он.

– Да такого, который бы ответил на мою душевную тревогу: таковы ли будут знамения на небе, на солнце и луне и звездах, которым, по словам Спасителя, и надлежит быть пред кончиной мира?

– Видите ли, чего захотели от моего худоумия! Нет, батюшка-барин, не моей это меры, – ответил на мой вопрос о Нектарий, – а вот одно, по секрету, уж так и быть, я вам скажу: в прошлом месяце, – точно не упомяну числа, – шел со мной от утрени отец игумен (старец Варсонофий), да и говорит мне:

– Я, о. Нектарий, страшный сон видел, такой страшный, что еще и доселе нахожусь под его впечатлением... я его потом как-нибудь расскажу, – добавил, подумав, о. игумен, пошел в свою келью.

Затем прошел шага два, повернулся ко мне и сказал:

– Ко мне антихрист приходил. Остальное расскажу после.

– Ну и что же, – перебил я о. Нектария, – что же он вам рассказал?

– Да, ничего! – ответил о. Нектарий. – Сам он этого вопроса уж более не поднимал, а спросить его я побоялся: так и остался поднесь этот вопрос невыясненным... Что же касается до небесных знамений и до того, как относиться к ним и к другим явлениям природы, выходящим из ряда обыкновенных, то сам я открывать их тайны власти не имею. Помнится, что около 1885 года, при скитоначальнике отце Анатолии (Зерцалове), выдался среди зимы такой необыкновенный солнечный закат, что по всей Оптиной снег около часу казался кровью. Покойный отец Анатолий был муж высокой духовной жизни, и истинный делатель умной молитвы, и прозорливец: ему, должно быть, что-нибудь об этом явлении было открыто, и он указывал на него, как на знамение вскоре имеющих быть кровавых событий, предвещающих близкую кончину мира.

– Не говорил ли он вам в то время, что антихрист уже родился?

– Так определенно он, помнится, не высказывался, но прикровенно о близости его явления он говорил часто. В Беллевском женском монастыре у о. Анатолия было немало духовных дочек. Одной из них, жившей с матерью, монахиней, он говорил: “Мать-то твоя не доживет, а ты доживешь до самого антихриста”. Мать теперь умерла, а дочка все еще живет, хоть ей теперь уж под восемьдесят лет.

– Неужели, батюшка, так близка развязка? – О. Нектарий улыбнулся и из серьезного тона сразу перешел в шутливый:

– Это вы, – ответил он, смеясь, – в какой-нибудь из своих ста книг прочтите.

И с этими словами о. Нектарий перевел разговор на какую-то обыденную тему».

То была запись от конца марта, а вот запись от 1 июля:
«Зашел о. Нектарий. Преподав мне благословение, задержал мою руку в своей и говорит серьезно, с какой-то торжественной расстановкой:

– В дому Давидову страх велик.

И засмеялся – куда вся серьезность девалась!

– Что это – спрашиваю, – значит?

Отец Нектарий опять стал серьезен.

– Некто из наших скитян, – ответил он мне, – сон на днях такой видел: будто он [огля]дывается в сторону царских врат и к ужасу своему видит, что там стоит изображение зверя...

– Какого зверя?..

– Апокалипсического. Вид его был столь страшен, что не поддается описанию. Образ этот на глазах имевшего видение трижды изменил свой вид, оставаясь все тем же зверем.

Сказал это отец Нектарий, махнул рукой и добавил:

– Впрочем, мало ли что монашескому художеству может присниться или привидеться!

Не придавайте, мол, значения речам моим...

16 июня. Заходил о. Нектарий и ни с того, ни с сего завел речь о какой-то знатной даме, которую нам нужно ждать к себе – что это была за дама? Наш друг просто не говорит.

19 июня. К нам просится Олимпиада Феодоровна, давнишний наш друг и большая наша любимица. Сегодня от нее получили письмо, – она давно нам не писала, – и в этом письме она умоляет принять ее в общение с нашей жизнью. Пишет, что готова жить хоть в Козельске, лишь бы поближе быть к тому источнику, из которого мы черпаем живую воду, жить тем, чем жива душа наша.

Не наша ли Липочка та знатная дама, которую нам предвозвестил о. Нектарий? Не знатна она родовитостью и богатством, но душа ее поистине знатная – добрая, любящая, кроткая... Головка вот только у нас путаная: живя постоянно в Петербурге в общении с людьми нового толка, не исключая духовных лиц обновленческого направления, наша Липочка соскочила с оси подлинного Православия и теперь мечется из стороны в сторону, нигде не обретая себе покоя.

7 июня. Приехала к нам наша любимица и друг наш О. Ф. Р-на, о которой я уже упоминал раньше, предполагая видеть в ней “знатную даму”, предсказанную о. Нектарием... Ну и измочалил же ее, бедную, мир...

Давно не бывавший у нас о. Нектарий сегодня пожаловал, – точно предвидел приезд своей “знатной дамы”, и с места завел разговор о звездах, уверяя, что на карте звездного неба он нашел свою “счастливую звезду”.

Наша Липочка слушала его речи не без удивления, затем отвела меня в сторону и тихонько спросила:

– К чему это он все говорит?

– Не знаю.

– Вы ничего ему про меня не рассказывали?

– Нет.

– Странно.

– Что ж странного?

– Да, то странно, я, – именно я, – всю жизнь искала свою “счастливую звезду” и не нашла ее до сих пор.

– А он, – говорю, – видите, нашел!

– Рассказывайте!/?

– Присмотритесь поближе к Оптиной, к нашей жизни, к нашим интересам: быть может, и вы свою звезду найдете...

– А вы, – спросила Липочка, – вашу нашли?

– Видите, – говорю, – не ищем, – стало быть, нашли!

Липочка задумалась, но, кажется, речам моим не очень поверила».

«Дошло до моего слуха, что один довольно мне близкий по прежним моим связям в Орловской губернии человек желает по смерти своей оставить значительный капитал на учреждение при одной из духовных академий кафедры церковного ораторского искусства.

Скорбно стало мне такое извращение понимания хорошим человеком источника церковного проповедничества. Беседовали мы на эту тему с отцом Нектарием. Говорил-то, правда, больше я, а он помалкивал да блестел тонкой усмешкой в глубине зрачков и в углах своих ярких светящихся глаз.

– Ну, а вы, – спрашиваю, – батюшка, что об этом думаете?

– Мне, – отвечает он с улыбкой, – к вам приникать надобно, а не вам заимствоваться от меня. Простите меня великодушно: вы ведь сто книг прочли, а я-то? – утром скорбен и к вечеру уныл...

А у самого глаза так и заливаются детским смехом.

– Ну-те хорошо! (это у о. Нектария такое присловье) Ну-те, хорошо! Кафедру, вы говорите, красноречия хотят завести при академии. Может быть, и к добру. А не слышали ли вы о том, как некий деревенский иерей, не обучившись ни в какой академии, пронзил словом своего Царя? Да еще Царя-то какого? Спасителя всей Европы – Александра Благословенного!

– Не слышал, батюшка.

– Так не поскучайте послушать. Было это в одну из поездок царских по России, чуть ли не тогда, когда он из Петер-

бурга в Таганрог ехал. В те времена, изволите знать, железных дорог не было, и цари по царству своему ездили на конях. И вот случилось Государю проезжать через одно бедное село. Село стояло на царском пути, и проезжать его Царю приходилось днем, но остановки в нем царскому поезду по маршруту не было показано. Местный священник это знал, но по царелюбию своему все-таки пожелал царский поезд встретить и проводить достойно. Созвал он своих прихожан к часу проезда ко храму, расположенному у самой дороги царской. Собрались все в праздничных нарядах, – вышел батюшка в светлых ризах с крестом в руках, а обок его дьячок со святой водой и с кропилом – и стали ждать, когда запылит дорога и покажется государев поезд. И вот, когда показался в виду царский экипаж, поднял священник крест высоко над головой и стал им осенять грядущего в путь Самодержца. Заметил это Государь и велел своему поезду остановиться, вышел из экипажа и направился к священнику. Дал ему иерей Божий приложиться ко кресту, окропил его святой водою, перекрестился сам и сказал такое слово:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Царь земный! Вниди в дом Царя Небеснаго, яко твое есть царство, и Его сила и слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

И что ж вы, мой батюшка С. А., думаете? Ведь так пронзило слово это сердце царское, что тут же Царь велел адъютанту выдать священнику на церковные нужды пятьдесят рублей. Мало того: заставил повторить слово и еще пятьдесят рублей пожертвовал. Во сто целковых оценил Государь краткое слово сельского батюшки...

Прервал свой рассказ о Нектарий и засмеялся своим детским смехом...

– Впрочем, – добавил он с серьезным видом, – вы, батюшка-барин, изволили сто книг прочесть – вам и книги в руки.

Потом помолчал немного и сказал:

– Когда посвящал меня в иеромонахи бывший наш благостнейший владыка Макарий, то он, святительским своим

прозрением проникнув в мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем тоже краткое и тоже сильное слово, и настолько было сильно это, что я его до конца дней моих не забуду. И много ль всего-то и сказал он мне? Подозвал к себе в алтарь да и говорит: Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл, и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: “Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего – иеромонаха Нектария!”. Только всего ведь и сказал мне владыка, но слово его спасало меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властью. Власть эту можно получить только от Бога.

Сегодня тот же о. Нектарий в беседе о тесноте монашеского пути вспомнил об одном своем собрате по скиту, некоем о. Стефане, проводившем благочестное житие в обители 25 лет и все-таки не устоявшем до конца в своем подвиге.

Дело было в том, что о. Стефан без благословения обители издал сделанные им выписки из творений св. Иоанна Златоустого. Издание это, к слову сказал, в свое время среди мирян имело успех немалый, рассказывал о. Нектарий:

– Дошло и до рук Оптинского настоятеля архимандрита Исаакия. Позвал он к себе Стефана, да и говорит, показывая на книжку:

– Это чье?

– Мое.

– А где ты живешь?

– В скиту.

– Знаю, что в скиту. А у кого благословлялся это печатать?

– Сам напечатал.

– Ну когда «сам», так чтоб твоей книжкой у нас и не пахло. Понял? Ступай!

Только и было у них разговору. И жестоко оскорбился Стефан на архимандрита, но обиду затаил в своем сердце и даже старцу о ней не сказал ни слова. Когда пришло время пострига, – его и обошли за самочиние мантией: взял Стефан, да и вышел в мир, ни во что вменив весь свой двадцатилетний

подвиг. Прожил он на родине в своем двухэтажном доме что-то лет с пять, да так в миру и помер.

Рассказывал мне о. Нектарий скорбную эту повесть, взглянув мне в глаза, усмехнулся и сказал:

– Вот что может иногда творить авторское самолюбие!

А у меня и недоразумение-то мое с о. архимандритом чуть не возникло на почве моего авторского самолюбия.

И откуда о. Нектарий это знает? А знает, и нет-нет да преподаст мне соответственное назидание.

Уходя от нас и благословив меня, о. Нектарий задержал мою руку в своей руке и засмеялся своим детским смехом.

– А вы все это запишите!

Вот и записываю».

II. Старчество о. Нектария в Оптиной Пустыни (1911–1923)

С 1905 г. старец Иосиф, преемник о. Амвросия, стал часто прихварывать и видимо ослабевать. В мае месяце, после серьезной болезни, он сложил с себя должность скитоначальника, и св. Синод назначил о. Варсонофия на эту должность, связанную, по Оптиным обычаям, и со старчеством. О. Варсонофий, волевая, яркая личность, являлся также носителем особой благодати Божией.

О. Нектарий, всегда стремившийся жить незаметно, уступил ему – своему в действительности ученику – первенство.

Через пять-шесть лет старец Варсонофий вследствие интриг и клевет был переведен из Оптиной Пустыни настоятелем Голутвинского монастыря, находившегося в полном упадке. Через год схиархимандрит о. Варсонофий преставился (1912).

На нем исполнились слова апостола Павла о том, что во все времена, как и в древности, так и теперь, «рожденные по плоти» гонят «рожденных по духу» (Галат. 5, 25).

С уходом из Оптиной о. Варсонофия о. Нектарий не мог уклониться от старчества и волей-неволей должен был его

принять. Он, надо думать, пытался достигнуть того, чтобы его освободили от этого послушания. Вот как об этом повествует, со слов очевидцев, монахиня Нектария:

«Когда его назначили старцем, он так скоморошничал (юродствовал), что даже его хотели сместить, но один высокой духовной жизни монах сказал: “Вы его оставьте, это он пророчествует”».

«Теперь все то сбывается, что он тогда прообразовывал. Например, оденет халатик на голое тело, и на ходу сверкают у него голые ноги: в 20–22 гг. у нас даже студенты, курсистки и служащие ходили на службу босые, без белья, или пальто на рваном белье. Насобирает разного хламу: камешков, стеклышек, глины и т.д., устроил крохотный шкафчик и всем показывает, говоря: “Это – мой музей”. Теперь там музей. Взял фонарик электрический, спрятал его под рясу, ходил по комнате и от времени до времени сверкает им: “Это я кусочек молнии с неба схватил и под рясу спрятал”. – “Да это же не молния, а просто фонарь!”, – говорили ему. “А, догадались!” Вот и теперь, время от времени делает он нам свои небесные откровения, но по великому своему смирению весьма редко и по великой нужде».

О первых шагах старчества о. Нектария записала монахиня Таисия со слов Елены Александровны Нилус, жившей несколько лет в Оптиной Пустыни и хорошо знавшей о. Нектария.

«Батюшка о. Нектарий был духовным сыном старца о. Иосифа, преемника батюшки о. Амвросия и его же, – о. Иосифа, духовником.

Принимал он в хибарке покойных своих старцев, отцов Амвросия и Иосифа, где и стал жить сам. Но по глубокому своему смирению старцем себя не считал, а говорил, что посетители приходят собственно к батюшке о. Амвросию в его келию, и пусть келия его сама говорит с ними вместо него. Сам же о. Нектарий говорил мало и редко, и притом часто индифферентно, как бы полуюродствуя. Часто давал что-нибудь, а сам уходил, оставляя посетителя одного со своими мысля-

ми. Но этот молчаливый прием в обвеянной благодатью келии величайшего из оптинских старцев, где так живо ощущалось его личное присутствие, как живого, эти немногие слова его смиренного заместителя, унаследовавшего с даром старчества и его дар прозорливости и любви к душе человеческой, это одинокое чтение и размышление оставляли в душе посетители неизгладимое впечатление.

Был случай, когда посетил о. Нектария один протоиерей-академик. “Что же я мог ему сказать? Ведь он ученый, – рассказывал после сам старец. – Я и оставил его одного в батюшкиной келии. Пусть сам батюшка его и научит”. Протоиерей же, в свою очередь, горячо благодарил старца за его прием. Он говорил, что, оставшись один, обдумал всю прошлую свою жизнь и многое понял и пережил по-новому в этой тихой старческой келии.

Но не всех принимал старец таким образом. С некоторыми он много и очень оживленно говорил, поражая собеседника своими многими и всесторонними знаниями. В этих случаях он оставлял свою манеру немного юродствовать. После одной из таких бесед, его собеседник, также протоиерей с академическим образованием, поинтересовался: “Какой батюшка Академии?” Еще в другой раз о. Нектарий имел разговор с одним студентом об астрономии. “Где же старец окончил Университет?” – любопытствовал этот последний».

К началу старчества относится запись инокини М., духовной дочери митрополита Макария, к которому ее направили оптинские старцы. Митрополит же переслал ее рукопись в редакцию Троицкого Слова (1917)*.

Воспроизводим эту запись.

«Судьба кидала меня из стороны в сторону. Причин описывать не буду: но я вела веселую, рассеянную жизнь. Я не добилась того, чего хотела; душа моя болела всегда об этом, и я, чтобы найти самозабвенье, искала шумную, веселую компанию, где бы можно было заглушить эту боль души. Наконец это перешло в привычку, и так осталось, пока, наконец, в

* «Троицкое Слово» № 354 и 355, 22 и 29 янв. 1917 г.

силу некоторых обстоятельств мне не пришлось вести жизнь в семье, – с год до того времени, как мне поехать в Оптину Пустынь. За этот год я отвыкла от кутежей и поездок в увеселительные места, но не могла свыкнуться с семейной обстановкой, а надо было на что-нибудь решиться и окончательно повести жизнь по одному пути. Я была на распутье – не знала, какой выбрать образ жизни.

У меня была хорошая знакомая, религиозная барышня; и вот однажды она мне сказала, что ей попала в руки книга «Тихая пристань для отдыха страдающей души» Вл. П. Быкова. В ней говорится про Оптину Пустынь Калужской губ.; какие прекрасные там старцы, – духовные руководители, как они принимают на советы к себе всех, желающих о чем-либо поговорить с ними, и как они сами собою представляют пример христианской жизни.

Мы заинтересовались этой пустыней и решили обе туда съездить. Первой едет на масляной неделе моя знакомая и возвращается оттуда какая-то особенная. Она рассказывает мне, что ничего подобного, что она там увидела и услышала, и представить себе не могла. Она говорит мне о старцах. Первый, к которому она попала, это о. Нектарий, живший в скиту. Он принимает мало народу в день, но подолгу держит у себя каждого. Сам говорит мало, а больше дает читать, хотя ответы часто не соответствуют вопросам; но читающий, разобравшись хорошенько в прочитанном, найдет в себе то, о чем заставили его читать, и видит, что действительно это, пожалуй, важнее того, о чем он настойчиво спрашивал. Но бывают с ним и такие случаи, когда долго сидят молча и старец, и посетитель, и, не сказав ни слова друг другу, старец назначает ему придти к нему в другое время.

Другой старец, о. Анатолий, с иными приемами. Этот успеваает в день принять иногда по несколько сот человек. Говорит очень быстро, долго у себя не держит, но в несколько минут говорит то, что особенно важно для вопрошающего. Также часто выходит на общие благословения, и в это время быстро отвечает некоторым на вопросы, а иногда просто

кому-нибудь делает замечания. Она у него была не более 5 минут. Но он указал ей на главные ее душевные недостатки, которых, как она говорит, никто не знал, – она была поражена. Она бы хотела его еще раз увидеть, дольше поговорить с ним, но не могла, так как у ней уже нанят был ямщик, и она должна была ехать домой. Вот какое впечатление вынесла моя знакомая и рассказала мне. Мне, конечно, по рассказам ее более нравился о. Анатолий, с ним, мне казалось, лучше можно было поговорить о своей жизни. Хотелось скорее, скорее ехать туда. Но постом ехать бесполезно, так как в это время в Оптиной трудно новенькому человеку добиться беседы со старцем, потому я отложила до Пасхи. Наконец, в Страстную пятницу я выехала, а в субботу рано утром приехала в Козельск. Наняла ямщика и через час подъехала к “благодатному уголку России”. Остановилась я в гостинице около святых ворот у о. Алексея. Привела себя в порядок, выпила наскоро чашку чаю и скорее побежала к о. Анатолию. Дорогой мне кто-то указал могилку почитаемого батюшки о. Амвросия, я припала к холодной мраморной плите и просила его устроить на пользу мне эту поездку. Вот вхожу на паперть храма. Мне указывают на дверь направо, – в приемную о. Анатолия. Вхожу туда и вижу, что стоит кучка народу, окружив кого-то, но кто стоит в центре ее – не видать. Только что я хотела перекреститься и не успела еще положить на себе крестное знамение, как вдруг толпу кто-то раздвигает, и маленький старичок с милой улыбкой и добрыми, добрыми глазами вдруг кричит мне: “Иди, иди скорей сюда, давно ли приехала-то?” Я подбегаю к нему под благословение и отвечаю: “Только сейчас, батюшка, приехала, да вот и тороплюсь сюда к вам”.

– Ведь у тебя здесь родные, да, да? – спрашивает о. Анатолий.

– Нет, батюшка, у меня родных нигде нет, не только здесь, – отвечаю я.

– Что ты, что ты, ну пойдём-ка сюда ко мне, – и о. Анатолий, взяв меня за руку, ввел к себе в келию. Келия его была необычайно светла, солнце ее всю заливало своим ярким

светом. Здесь батюшка сел на стул около икон, а я встала пред ним на колени и стала рассказывать ему о своей жизни. Долго рассказывала я, а батюшка в это время или держал меня руками за голову, или вставал и ходил по комнате, или уходил в другую комнату, как бы чего ища, и все время тихонько напевал: “Пресвятая Богородице, спаси нас”. Когда я окончила свою повесть, батюшка ничего определенного не сказал, что надо делать мне дальше, а на вопрос мой, когда он может исповедовать меня, он сказал, что сейчас же. Тут же произошла и исповедь сначала по книге, а потом так. Но что это была за исповедь! Ничего подобного раньше я и представить себе не могла.

Ведь я не исповедовалась и не причащалась уже 8 лет. Теперь я, по неведению своему, не думала, что надо все так подробно говорить, я поражалась, когда сам старец задавал мне вопросы, вынуждая меня отвечать на них, и тем самым произносить грехи своими устами. Исповедь окончилась. Молитву разрешительную он прочел, но велел пойти еще подумать, не забыла ли еще чего, и в 2 часа опять придти к нему на исповедь. При этом он дал мне несколько книжечек и отпустил меня. Пришла я в номер свой, как говорят, сама не своя, и стала все вспоминать с самого начала. И тут только подумала я, как странно встретил меня о. Анатолий, словно мы были давно знакомы.

В 12 час. была обедня. Отстояв ее, я опять пошла к о. Анатолию. Сказала ему кое-что из того, что припомнила; но он опять велел подумать и вечером после вечерни еще придти на исповедь. Видно было, что он что-то знал, чего я не говорила, но и вечером я не вспомнила и не сказала того, что было нужно. От о. Анатолия я отправилась в скит к о. Нектарию, чтобы принять только благословение. Но как только увидела я его, так сразу почувствовала, что он мне роднее, ближе. Тихие движения, кроткий голос при благословении: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа” – все у него так священно. Келейник о. Стефан провел меня в келью к батюшке. Я не могла удержаться, чтобы не рассказать ему о своей жизни и о цели поездки.

Батюшка все время сидел с закрытыми глазами. Не успела еще я закончить свой рассказ, как к батюшке постучался его келейник и сказал, что пришла братия к батюшке на исповедь. Батюшка встал и сказал мне: “Вы придите завтра часов в 6, и я с вами могу поговорить часа два. Завтра я буду посвободнее”. Я приняла благословение и ушла.

В 12 час. ночи началась полунощница и утренняя. Я все это простояла. После утрени говеющим читали правило. Обедня должна быть в 5 часов. После правила я пошла в номер немного отдохнуть, так как сильно устала, во-первых, от бессонной ночи в поезде, а во-вторых, от всех волнений, пережитых за день. Ни звона к обедне, ни стука в дверь будильщика – ничего не слыхала я и когда проснулась и побежала в церковь, то там в это время только что причастились и Св. Дары уносили в алтарь. Ах! Как страшно мне стало в эту минуту и я, стоя на паперти, горько заплакала. Тут только я вспомнила, что приехала говеть без должного к сему приготовления... Тут я почувствовала, что Господь Сам показал на деле, что нельзя к этому великому таинству приступать небрежно, не очистив себя и духовно, и телесно. Весь день плакала я, несмотря на то, что это был день Светлого Христова Воскресения. Днем я пошла к о. Анатолию со своим горем и спрашивала, можно ли причаститься на второй или третий день праздника? Но о. Анатолий не позволил, а посоветовал поговеть в Москве на Фоминой неделе. На мои вопросы о дальнейшей жизни о. Анатолий отвечал уклончиво: то говорил, что хорошо сделаться доброю матерью чужим детям, то говорил, что лучше этого не делать и жить одной, так как в противном случае будет очень трудно. Затем батюшка посоветовал мне со своими вопросами обратиться в Москве к указанному им старцу Макарию и все, что он посоветует, исполнить. Так на этом беседа была окончена. Вечером я пошла к о. Нектарию. Там три приемные были заняты народом. Ровно в 6 часов батюшка вышел на благословение. Я стояла в переднем углу во второй комнате. Батюшка, по благословении всех возвращаясь из третьей приемной, вторично благословил меня и тут же,

обратясь к прочим, сказал: “Простите, сегодня я не могу принять”, и сам пошел к себе в келию. Я за ним. Народ стал расходиться. Долго разговаривала я с батюшкой. Батюшка сказал мне: “Если бы вы имели и весь мир в своей власти, все же вам не было бы покоя и вы чувствовали бы себя несчастной. Ваша душа мечется, страдает, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внешними вещами или наружным самозабвением. Нет! Все это не то, от этого она никогда не успокоится... Нужно оставить все...”

После этого батюшка долго сидел, склонив на грудь голову, потом говорит:

– Я вижу около тебя благодать Божию; ты будешь в монастыре...

– Что вы, батюшка?! Я-то в монастыре? Да я совсем не гожусь туда! Да я не в силах там жить.

– Я не знаю, когда это будет, может быть скоро, а может быть лет через десять, но вы обязательно будете в монастыре.

Тут я сказала, что о. Анатолий посоветовал мне сходить в Москве к сказанному старцу митрополиту Макарию за советом. “Ну что же, сходите к нему, и все, все исполните, что батюшка о. Анатолий вам сказал и что скажет старец”, – и тут батюшка опять начал говорить о монастыре и как я должна буду там себя вести. В девятом часу вечера я ушла от батюшки. Со мной происходило что-то необычайное. То, что казалось мне таким важным до сего времени, то теперь я считала за пустяки. Я чувствовала, что-то должно совершиться помимо меня, и мне теперь незачем спрашивать о своей дальнейшей жизни. Золото, которое было на мне, жгло мне и руки, и пальцы, и уши и, придя в номер, я все снимала с себя. Мне было стыдно самой себя. Батюшка о. Нектарий произвел на меня такое впечатление, что я готова была на всю жизнь остаться здесь около него и не возвращаться в Москву, – готова терпеть все лишения, но лишь бы быть здесь. Но сделать это сразу было невозможно. Город с его шумом, семья, которая несколько часов тому назад для меня была дорога, – все это стало теперь далеким, чужим... На третий день праздни-

ка, во вторник, по благословению о. Нектария я ездила смотреть Шамординскую женскую пустынь, находящуюся в 12 верстах от Оптиной. Познакомилась с матушкой игуменьей Валентиной. Посмотрела келию батюшки о. Амвросия. Здесь все стоит в том виде, как было при батюшке. На столе лежит пачка листков для раздачи, издания их Шамординской пустыни. Монахиня, которая все это мне показывала, сказала мне, что почитающие батюшку кладут иногда эту пачку листков к нему под подушку, потом помолятся и, вынув один листок из-под подушки, принимают его как от батюшки. Я сделала то же и вынула листок: “О. Амвросий руководитель монашествующих”. Монахиня взглянула на листок и говорит мне: “Должно быть, вы будете в монастыре?” Я отвечаю: “Не знаю, едва ли?” – “А вот увидите, что будете, – такой листок вышел”. Я не обратила на это внимания, а листочек все-таки припрятала. Все мне понравилось в Шамордине. Вернувшись в тот же день в Оптину, рассказала батюшке о своем впечатлении и сказала, что буду у старца митрополита Макария просить благословения поступить в Шамордино, чтобы и к батюшке быть ближе.

В четверг вечером, совершенно изменившаяся, как бы воскресшая духовно, я поехала домой. Тут я вспомнила разъяснение одной дамы – духовной дочери о. Анатолия, – что и в святых вратах Оптиной *при выходе* висит икона Воскресения Христова, – как бы знамение того, что все, побывавшие в Оптиной, выходят оттуда как бы воскресшие.

Через две недели по приезде из Оптиной я собралась идти к указанному старцу. Перед этим я молилась и говорила: “Господи, скажи мне волю Свою устами этого старца”. И вот я услышала от него то, чего и предположить не могла. Он сказал, что в Шамординской пустыни мне будет трудно, но чтобы я ехала лучше на Алтай, и я там буду нужна для миссии. Так как раньше я решила исполнить все, что он мне скажет, то я тут и ответила ему, что я согласна.

Я стала готовиться к отъезду и ликвидировать свои дела. Через две недели я была уже готова к отъезду, но старец задер-

жал поездку, хотел дать мне попутчицу. В это время я еще раз успела побывать в дорогой Оптиной пустыни.

Батюшка о. Нектарий сильно обрадовался моему решению и перемене, происшедшей во мне, а о. Анатолий сначала даже не узнал: так переменялась я и в лице, и одежде.

О. Анатолий на мои вопросы о дурных помыслах, могущих приходиться ко мне, живя в монастыре, ответил: “Помыслы – это спасение для вас, если будете сознавать, что они худы и бороться с ними и не приводить их в исполнение”.

О. Нектарий говорил: “Во всякое время, что бы вы ни делали: сидите ли, идете ли, работаете ли, читайте сердцем: “Господи, помилуй”. Живя в монастыре, вы увидите и познаете весь смысл жизни. В отношении ко всем наблюдать надо скромность и середину. Когда будут скорби и не в силах перенести их, тогда от всего сердца обратитесь к Господу, Матери Божией, святителю Николаю и своему Ангелу, имя которого носите от св. крещения, и по времени и терпению скорбь облегчится”.

На вопрос: “Можно ли не пускать в свою душу никого?” – батюшка ответил: “Чтобы никаких отношений не иметь, этого нельзя, – ибо тогда в вашей душе будет отсутствие простоты, а сказано: мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа. Святыня – это простота, рассудительно являемая пред людьми. Рассуждение выше всех добродетелей. Серьезность и приветливость можно совместить, за исключением некоторых обстоятельств, которые сами в свое время объявляются и заставляют быть или серьезнее, или приветливее.

В трудные минуты, когда явно вспоминается легкая мирская жизнь, лучше почаще вспоминать имя Божие святое и просить помощи, а то, что грешно, то, следовательно, и опасно для души. Лучше хотя и мысленно стараться не возвращаться вспять.

Не всякому по неисповедимым судьбам Божиим полезно жить в миру. А кто побеждает свои наклонности, удалившись в обитель, ибо там легче спастись, тот слышит глас откровения Божия: “Побеждающему дам сесть на престоле Моем”.

Эта поездка в Оптину еще более укрепила меня.

Через несколько дней я уехала на Алтай и поступила в монастырь, указанный мне старцем митрополитом Макарием.

Вот как дивно исполнились слова, сказанные батюшкой о. Нектарием: “Я вижу около вас благодать Божию, вы будете в монастыре”. Я тогда удивилась и не поверила, а через два месяца после этого разговора я действительно уже надела на себя иноческую одежду. Благодарю Господа, вразумившего меня съездить в этот благодатный уголок – Оптину Пустынь.

Не поехала бы туда – и до сих пор не была бы в монастыре и до сих пор носилась бы в бурных волнах житейского моря. Слава Богу за все».

К самому началу периода старчества о. Нектария относится и запись протоиерея о. Василия Шустина, изданная в бытность его в Сербии в 1929 г.*

Это личные воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском, о старцах Варсонофии и Нектарии, к которым о. Василий, а тогда Василий Васильевич, студент технологического института, был необычайно близок.

О. Варсонофий познакомил его с девушкой, собиравшейся в монастырь, и велел ей выйти за него замуж. Для Василия Васильевича это тоже было полной неожиданностью. Вскоре после этого о. Варсонофий умер. Повенчавшись, молодые в тот же день отправились в Оптину, чтобы первый свадебный визит, по завещанию старца, сделать ему, на его могилку. Приведем полностью рассказ об этой поездке.

«Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, погоревали и спрашиваем служившего иеромонаха: кто теперь старчествует? “О. Нектарий”, – отвечает тот. Тут-то я и понял, почему о. Варсонофий, покидая скит, послал меня

* О. В. Ш. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах. Белая Церковь, 1927 г.

к отцу Нектарию: чтобы я с ним познакомился поближе – он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти. Мы решили после обеда пойти к нему. Все на нас с любопытством смотрели, так как весть о нашей особенной свадьбе разнеслась по Оптиной. Это ведь было предсмертное благословение батюшки. Итак, в три часа мы пошли по знакомой дорожке в скит. О. Нектарий занимал помещение отца Иосифа, с правой стороны от ворот. Я с женой разделился. Она пошла к крылечку снаружи скитских стен, а я прошел внутрь скита. Келейник, увидав меня, узнал. Он был раньше келейником у старца Иосифа. Он тотчас же доложил батюшке. Батюшка вышел минут через 10, с веселой улыбкой.

Отец Нектарий в противоположность отцу Варсонофию был небольшого роста, согбенный, с небольшой клинообразной бородой, худой, с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него всегда в руках был платок, который он, свернув уголком, прикладывал к глазам. Батюшка благословил меня и пригласил за собой. Провел он меня в исповедальную комнату, а там я уже увидел мою супругу, она встала и подошла ко мне, а батюшка поклонился нам в пояс и сказал:

– Вот радость, вот радость. Я был скорбен и уныл, а теперь радостен (и его лицо сияло детской улыбкой). Ну, как же теперь мне вас принимать. Вот садитесь рядышком на диванчик, – и батюшка сел напротив... – Ведь вас благословил великий старец... Старец Варсонофий настолько великий, что я его и кончика ноготка на мизинце не стою. Из блестящего военного в одну ночь, по благословию Божию, сделался он великим старцем. Теперь только, после смерти, я могу рассказать это дивное его обращение, которое он держал в тайне.

И о. Нектарий рассказал историю обращения о. Варсонофия.

– Вот как велик был старец Варсонофий! И удивительно был батюшка смиренный и послушный. Как-то он, будучи послушником, шел мимо моего крылечка, я ему говорю в шуточку: “Жить тебе осталось ровно двадцать лет”. Я ему говорил в шуточку, а он и послушался, и ровно через двадцать

лет в тот же день 4 апреля и скончался. Вот какого великого послушания он был.

Перед такой силой о. Нектария меня невольно передернула дрожь. А он продолжал:

– И в своих молитвах поминайте “блаженного схииерхимандрита Варсонофия”. Но только три года поминайте его блаженным, а потом прямо “схииерхимандрита Варсонофия”. Сейчас он среди блаженных... Ищите во всем великого смысла. Все события, которые происходят вокруг нас и с нами, имеют свой смысл. Ничего без причины не бывает... Вот для меня великая радость – это ваше посещение. Я был скорбен и уныл. Все приходят люди с горестями и страданиями, а вы имеете только радости. Это посещение ангела... Сейчас у меня много посетителей, я не могу вас как следует принять. Идите сейчас домой и приходите к шести часам вечера, когда начнется всенощная, и все монахи уйдут в церковь. Келейника я своего тоже ушлю, а вы и приходите, пускай другие молятся, а мы здесь проведем время.

Благословил нас, и мы опять разошлись: я пошел через скит, а жена через наружное крылечко.

Когда отзвонили ко всенощной, я с женой отправился в скит. Дверь в доме старца была заперта. Я постучал, и открыл ее мне сам о. Нектарий. Потом он впустил жену и посадил нас опять вместе в исповедальной комнате.

– Пришли ко мне молодые и я, как хозяин, должен вас встретить по вашему обычаю. Посидите здесь немножко, – сказав это, старец удалился. Через некоторое время он несет на подносе два бокала с темною жидкостью. Поднес, остановился и, поклонившись нам, сказал:

– Поздравляю вас с бракосочетанием, предлагаю вам выпить во здравие.

Мы с недоумением смотрели на старца. Потом взяли бокалы, чокнулись и стали пить. Но пригубив, я тотчас же остановился, и моя жена так же. Оказалось, что в бокалах была страшная горечь. Я говорю батюшке “горько”, и моя жена также отвернулась. И вдруг это самое мною произнесенное слово

“горько” меня ошеломило, и я представил, как на свадебных обедах кричат “горько”, и я рассмеялся. И батюшка прочитал мои мысли и смеется.

– Но, – говорит, – хотя и горько, а вы должны выпить. Все, что я делаю, вы замечайте, оно имеет скрытый смысл, который вы должны постигнуть, а теперь пейте.

И мы с гримасами, подталкивая друг друга, выпили эту жидкость. А батюшка уже приносит раскрытую коробку сардин и велит всю ее опустошить. После горького мы вкусили сардины, и батюшка все унес. Приходит снова, садится против нас и говорит:

– А я молнию поймал. Умудритесь-ка и вы ее поймать – хочешь, покажу?

Подходит к шкафу, вынимает электрический фонарик, завернутый в красную бумагу, и начинает коротко зажигать, мелькая огнем.

– Вот это разве не молния! – и он, улыбаясь, положил фонарик в шкаф и вынул оттуда деревянный грибок, положил его на стол, снял крышку, и высыпал оттуда золотые пятирублевые и говорит:

– Посмотри, как блестят! Я их вычистил. Здесь их 20 штук на 100 рублей. Ну, что? Посмотрел, как золото блестит, ну и довольно с тебя. Поглядел, и будет.

Собрал опять монеты и спрятал. И еще батюшка кое-что говорил. Потом он опять вышел. Смотрим, снова несет нам два больших бокала, на этот раз со светло-желтой жидкостью, и с той же церемонией и поклоном подносит нам. Мы взяли бокалы, смотрели на них и долго не решались пить. Старец улыбался, глядя на нас. Мы попробовали. К нашей радости, это было питье приятное, сладкое, ароматное, мы с удовольствием его выпили. Это питье было даже немного хмельное. На закуску он преподнес шоколаду миньон, очень жирного и очень много, и велел все сесть. Мы пришли прямо в ужас. Но он сам подсел к нам и начал есть. Я посмотрел на батюшку и думаю: как это он ест шоколад, а ведь по скитскому уставу молочное воспрещается. А он смотрит на меня,

ест и мне предлагает. Так я и остался в недоумении. Он велел нам обязательно доесть этот шоколад, а сам пошел ставить самовар... В 11 часов отец Нектарий проводил нас до наружного крыльца и дал нам керосиновый фонарик, чтобы мы не заблудились в лесу, а шли бы по дорожке. При прощании пригласил на следующий день в 6 часов. Кругом в лесу стояла тишина, и охватывала жуть. Мы постарались скорее добраться до гостиницы. Богомольцы шли от всенощной, и мы вместе с ними незаметно вошли в гостиницу.

На следующий день мы опять в 6 часов вечера пришли к батюшке. На этот раз келейник был дома, но батюшка не велел ему выходить из своей келии. Батюшка опять пригласил нас вместе в исповедальню, посадил и стал давать моей жене на память различные искусственные цветочки и говорит при этом:

– Когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цветочки, и соберешь целый букет, а плоды получишь потом.

Мы не поняли, на что батюшка здесь намекает, ибо он ничего праздного не делал и не говорил. Потом он мне объяснил. Цветочки – это печали и горести. И вот их нужно собирать и получится чудный букет, с которым предстанешь в день судный, и тогда получишь плоды – радости. В супружеской жизни, далее говорил он, всегда имеются два периода: один счастливый, а другой печальный, горький. И лучше всегда, когда горький период бывает раньше, в начале супружеской жизни, но потом будет счастье.

Притом батюшка обратился ко мне и говорит:

– А теперь пойдем, я тебя научу самовар ставить. Придет время, у тебя прислуги не будет, и ты будешь испытывать нужду, так что самовар придется самому тебе ставить.

Я с удивлением посмотрел на батюшку и думаю: “Что он говорит? Куда же наше состояние исчезнет?” А он взял меня за руку и провел в кладовую. Там были сложены дрова и разные вещи. Тут же стоял самовар около вытяжной трубы. Батюшка говорит мне:

– Вытряси прежде самовар, затем налей воды; а ведь часто воду забывают налить и начинают разжигать самовар, а в

результате самовар испортят и без чаю остаются. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей. Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный. Попробовал его подвинуть, нет – силы нету, – тогда я хотел поднести к нему самовар и наточить воды. Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет:

– Ты возьми кувшин и налей воду в самовар.

– Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть.

Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: “Возьми” – и я поднял, и с удивлением смотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением удивления на лице. А батюшка меня спрашивает: “Ну что, тяжелый кувшин?” – “Нет, батюшка, я удивляюсь, он совсем легкий”. – “Так вот и возьми урок, что всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание”. Но я был прямо поражен, как он уничтожил силу тяжести одним крестным знаменем! А батюшка дальше, как будто ничего не случилось, велит мне наколоть лучинок, разжечь их, и потом положил уголья. Пока самовар грелся, и я сидел возле него, батюшка зажег керосинку и стал варить в котелочке кожуру от яблок. Указывая на нее, батюшка мне сказал:

– Вот это мое кушание, я только этим и питаюсь. Когда мне приносят добролюбцы фрукты, то я прошу их съесть эти фрукты, а кожицы счистить, и вот я их варю для себя...

Чай батюшка заваривал сам, причем чай был удивительно ароматный, с сильным медовым запахом. Сам он налил нам чай в чашки и ушел. В это время к нему пришла после вечерней молитвы скитская братия, чтобы принять благословение перед сном. Это совершалось каждый день, утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом некоторые из монахов открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка как старец, руководитель

душ, одних утешал, подбодрял, другим вслед за исповеданием отпускал их прегрешения, разрешал сомнения и всех, умиротворенных, любовно отпускал. Это было умиротворяющее зрелище, и батюшка во время благословения имел вид чрезвычайно серьезный и сосредоточенный, и во всяком его слове сквозила забота и любовь к каждой мятущейся душе. После благословения батюшка удалился в свою келию и молился около часу. После долгого отсутствия батюшка вернулся к нам и молча убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину Пустынь я видел, как о. Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: “Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить”. Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма как бы случайно дал моей жене и говорит: “Вот, прочти их вслух. Это будет полезно”. Содержание одного письма забылось мною, а другое письмо было от одной курсистки Высших женских курсов. Она просила батюшку помолиться, так как мучается и никак не может совладать с собой. Полюбила она одного священника, который увлек ее зажигательными своими проповедями, и вот бросила она свои занятия и бегаёт к нему за всякими пустяками, нарочно часто говееет только для того, чтобы прикоснуться к нему. Ночи не спит. Батюшка на это письмо и говорит:

– Вы этого священника знаете и имели с ним дело. Он впоследствии будет занимать очень большой пост, о котором ему и в голову не приходило. Он еще ничего не знает об этом, но получит он эту власть вследствие того, что уклонится от истины.

“Какой же это священник, – думаю я, – хорошо известный мне?” Тогда батюшка сказал, что это тот студент Духовной Академии, который приезжал со мною в Оптину в первый раз и который сватался за мою сестру. Но Господь сохранил мою сестру через старца Варсонофия, ибо он расстроил этот

брак... (Теперь он, может быть, действительно находится в обновленческой церкви и властвует там). Перебирая письма, о. Нектарий говорит: “Вот называют меня старцем. Какой я старец? Когда буду получать каждый день больше 100 писем, как о. Варсонофий, тогда и можно называть старцем имеющего столько духовных детей...” Отобрав письма, батюшка отнес их секретарю.

О. Нектарий советовал моему отцу продать дом в Петербурге и дачу в Финляндии, а то, говорил он, все это пропадет. Но мой отец не поверил и ничего не продал. Это было в начале Великой войны.

В 1914 году мой старший брат поступил послушником в Оптинский скит и исполнял иногда должность келейника у о. Нектария. Он часто присылал отцу письма с просьбой высылать ему деньги, т.к. он покупал различные книги духовного содержания и составлял там собственную библиотеку. Я всегда возмущался этим и говорил, что раз ушел из мира по призванию, уже порви со своими страстями. А у моего брата была такая страсть: покупать книги. Я написал батюшке о. Нектарию письмо, и довольно резкое письмо, выражающее мое возмущение и удивление. Батюшка не ответил. Брат продолжал присылать свои просьбы, а иногда прямо требования. Тогда я написал батюшке еще более резкое письмо, обвиняя его, что он не сдерживает страсти брата, а потакает ей. Батюшка опять ничего не ответил. Но вот мне удалось с фронта во время отпуска съездить с женой в Оптину. Это было уже в 1917 году, при Временном Правительстве. Приезжаем в обитель, батюшка встречает нас низким-низким поклоном и говорит:

– Спасибо за искренность. Ты писал без всяких прикрас, а то, что у тебя есть на душе, что волнует. Я знал, что вслед за этими письмами ты и сам пожалуешь, а я всегда рад видеть тебя. Пиши впредь такие письма, а после них являйся и сам сюда за ответом. Вот теперь я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовной книги. Хорошо, что он собирает эту духовную библиотеку – духовное сокровище.

Она очень и очень пригодится. Тяжелое время наступает теперь. В мире теперь прошло число шесть и наступает число семь. Наступает век молчания. Молчи, молчи, – говорит батюшка, и слезы у него текут из глаз... – И вот Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелее. Государь и вся семья будут убиты, замучены. Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на престоле, а около Него двенадцать апостолов, и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: “Когда же, Господи, прекратятся эти муки?”, и отвечает ему Иисус Христос: “Даю Я сроку до 1922 года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут”. Тут же пред Престолом Божьим предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится... Наступает время молитв. Во время работы говори Иисусову молитву. Сначала губами, потом умом, а, наконец она сама перейдет в сердце...

Батюшка удалился к себе в келию, часа полтора молился там. После молитвы он, сосредоточенный, вышел к нам, сел, взял за руку меня и говорит:

– Очень многое я знаю о тебе, но не всякое знание будет тебе на пользу. Придет время голодное, будешь голодать... Наступит время, когда и монастырь наш уничтожат. И я, может быть, приду к вам на хутор. Тогда примите меня Христа ради, не откажите. Некуда будет мне деться...

Это было мое последнее свидание со старцем.

Вспоминается мне еще один случай с о. Нектарием. Моя жена в один из наших приездов в Оптину написала картину: вид из монастыря на реку и на ее низменный берег во время заката солнца, при совершенно ясном небе и яркой игре красок. Поставила она свой рисунок на открытом балконе и пошла со мной прогуляться по лесу. Дорогой мы поспорили, и серьезно, так что совершенно расстроились и не хотели друг на друга смотреть. Возвращаемся домой: нам сразу броси-

лась в глаза картина: вместо ясного неба на ней нарисованы грозные тучи и молнии. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали рассматривать. Краски – совершенно свежие, только что наложенные. Мы позвали девушку, которая у нас жила, и спросили, кто к нам приходил. Она отвечает, что какой-то небольшого роста монах, что-то здесь делал на балконе. Мы думали, думали, кто бы это мог быть, и из более подробного описания монаха и опросов других догадались, что был о. **Нектарий**. Это он, владевший кистью, символически изобразил наше духовное состояние с женой. И эта гроза с молниями произвела на нас такое впечатление, что мы забыли свой спор и помирились, ибо захотели, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистым и ясным».

Лично мне привелось быть в Оптиной Пустыни в более поздний период, чем о. Василий Шустин, а именно уже во время Первой мировой войны.

Преподаватель словесности нашей гимназии рассказывал нам на уроках, как благодаря старцам Гоголь сжег свое гениальное произведение, – вторую часть «Мертвых душ»*. Это вызвало у меня предубеждение против старцев вообще.

Но вот началась война 1914 года. Мой брат Владимир, исключительно одаренный, которого любили все без исключения знавшие его, «гордость нашей семьи», глубоко переживал испытания, постигшие нашу родину. Он ушел с благословения родителей добровольно на войну и вскоре был убит осенью 1914 г., когда ему еще не было и 19 лет.

Это была чистая жертва Богу, он «положил душу свою за други своя». Его смерть привела нашу семью в Оптину Пустынь.

Когда мы искали утешения в духовном, то «случайно» наткнулись на книгу Быкова: «Тихие приюты для отдыха страдающей души».

* Истинное объяснение этого события и его психологический анализ впервые сделал профессор-философ и доктор-психиатр И. М. Андреев («Православный Путь». Джорданвилль. 1952).

Там описывалась Оптиная Пустынь и ее старцы, о которых до тех пор мы ничего не знали.

И я при первой возможности, как только начались каникулы в университете, где я тогда учился, поехал в Оптину Пустынь. Там я прожил два месяца. Это было в 1916 г. А в следующем, 1917 году, тоже летом, пробыл там две недели.

Затем, оказавшись за границей, я имел возможность письменно общаться с о. Нектарием до его смерти.

Кроме меня духовным руководством старца пользовались и некоторые мои знакомые и друзья.

Его благословение приводило всегда к успеху, несмотря ни на какие трудности. Ослушание же никогда не проходило даром.

Монастырь и старцы произвели на меня неожиданное и неотразимое впечатление, которое словами передать нельзя: его понять можно, только пережив на личном опыте.

Здесь ясно ощущалась благодать Божия, святость места, присутствие Божие. Это вызывало чувства благоговейства и ответственности за каждую свою мысль, слово или действие, боязнь впасть в ошибку, в прелесть, боязнь всякой самости и «отсебятины».

Такое состояние можно было бы назвать «хождением перед Богом».

Здесь впервые открылся мне духовный мир, а как антитеза были мне показаны «глубины сатанинские».

Здесь я родился духовно.

В это время в Оптиной старчествовали в самом монастыре о. Анатолий, а в скиту о. Феодосий и о. Нектарий.

Анатолий – утешитель, Феодосий – мудрец и дивный Нектарий – по определению одного священника, близкого Оптиной.

Напротив, у о. Нектария посетителей было мало; он жил замкнуто в скиту в келии о. Амвросия и часто подолгу

не выходил. Благословлял он широким крестным знамением; медленный в движениях и сосредоточенный, – казалось, он несет чашу, наполненную до краев драгоценной влагой, как бы боясь ее расплескать.

На столе в его приемной часто лежала какая-нибудь книга, раскрытая на определенной странице. Редкий посетитель в долгом ожидании начинал читать эту книгу, не подозревая, что это является одним из приемов о. Нектария давать через открытую книгу предупреждение, указание или ответ на задаваемый вопрос, чтобы скрыть свою прозорливость.

И он умел окружить себя тайной, держаться в тени, быть мало заметным. Нет его фотографии: он никогда не снимался; это очень для него характерно.

III. Конец Оптиной Пустыни. Жизнь в Холмицах*

Оптина Пустынь продержалась до 1923 года, когда храмы ее официально были закрыты.

Подробная история Оптиной Пустыни со времени революции нам неизвестна. Доходили иногда отрывочные сведения. Одна очевидица рассказывала, что монахини подобно птицам из разоряемых гнезд слетались в Оптину по мере ликвидации женских обителей. Им некуда было деваться, и они тут же ютились. Свое горе несли сюда же и толпы мирян. Спрашивали, как молиться за не вернувшихся близких: ужасы революции, гражданская война нанесли потери почти каждому семейству.

После долгого перерыва в 1922 году прибыла в Оптину А. К. (впоследствии, монахиня Нектария) с сыном-подростком.

«Старец Феодосий скончался (1920); старец Анатолий жив**», он много страдал, теперь принимает в своей келийке

* Глава эта составлена преимущественно на основании писем монахини Нектарии.

** О. Анатолий скончался через 15 дней, 30 июля 1922 г.

(только в другой). В том же здании живет о. Иосиф*. Он вывихнул себе ногу и очень печалится, что уже 2 года не может служить, очень был рад нашему приезду».

26 апр. 1924 г.

«Посылаю тебе письмо о. Иосифа. Он существует положительно чудесной милостью Божией, чувствует это и преисполнен радости о Господе. Премудрый и преблагий Господь все устроил предусмотрительно о нем. И калечество послужило к его благополучию – никто его не трогает».

«У нас совершается много знамений: купола обновляются, со Св. Креста кровь потекла, богохульники столбняком наказываются и умирают. К несчастью народ в массе не вразумляется, и Господь посылает казни свои. Опять засушливая осень повела к поеданию червями засеянного хлеба. Тех же, кто непоколебимо верует в Господа и надеется на Него, Господь осыпает милостями Своими и щедротами».

С последними днями ликвидации Оптиной Пустыни связан еще такой случай: советской властью был туда прислан некий барон Михаил Михайлович Таубе, с университетским образованием, протестант. Ему было предписано разобрать оптинскую библиотеку (впоследствии распроданную большевиками заграничным книгопродавцам). Когда Таубе приехал в Оптину и стал заниматься в библиотеке, он начал ко всему присматриваться, познакомился с о. Иосифом (Полевым), затем стал все более и более интересоваться Оптинской жизнью и ее старцами. Проник и к о. Нектарию. Подробностей их свидания никто не знает. Очевидным остался только результат: Савл превратился в Павла. Старец сблизил Михаила Михайловича со своим духовником о. Досифеем – «старцем-отроком», о котором еще будет речь дальше, и с о. Агапитом (другом старца Амвросия, глубоким старцем, делателем Иисусовой молитвы, открывшим неправильное учение о молитве Иисусовой в книге схимонаха Илиодора «На горах Кавказа»). Он вошел в

* Иеросхимонах о. Иосиф Полевой, о котором не раз упоминается, родился в 1852 г., в миру был директором банка в Москве, 46 лет ушел в Оптину и пережил ее разгром.

близкое общение с о. Досифеем, принял православие. Оставаясь на службе в музее, Таубе стал послушником о. Досифея. Был пострижен в Козельске с именем Агапита. Пока еще жил в Оптиной, он помещался в башне, над той калиткой, которая вела в скит. В его келии лежала лишь одна доска – его ложе. Был делателем Иисусовой молитвы. Он был в ссылке вместе с о. Досифеем и с ним был возвращен в Орел.

М. Нектария присутствовала при закрытии Оптиной Пустыни в 1923 г. Произошло это следующим образом: «Мамочка, уезжая из Оптиной, – рассказывает О., – имела обыкновение спрашивать у батюшки, когда он благословит ей приехать в следующий раз. И вот, батюшка отвечает: «Приезжай на седьмой неделке (поста), поживешь две неделки и не пожалеешь». Батюшка, когда говорил, улыбался и был очень ласковый. Я в то время учился и поехать с мамочкой не мог, и она поехала одна, условившись, что я приеду под Пасху. Приехав в Козельск, она на вокзале узнала от какой-то женщины, что в Оптиной службы нет, что в монастыре ликвидационная комиссия, что арестованы владыка Михей, настоятель о. Исаакий, о. казначей и др., что батюшка о. Нектарий тоже арестован и находится в тюремной больнице в Козельске. Узнав все это, мамочка тем не менее решила идти в монастырь, мысленно обращаясь к старцу с просьбой направить ее и указать к кому пойти, у кого исповедоваться и т.д. Помолвившись так батюшке, она направилась к келье о. Иосифа (Полевого) – хромого иеромонаха. Мамочка постучала в дверь, которую открыл... вооруженный винтовкой комсомолец. “Вы к кому?” – “К о. Иосифу”. – “Откуда?” – “Из Н-ска” – “Чего сюда приехали?” – “В монастырь молиться Богу”. – “Узнали, что закрывается монастырь, и примчались за своим золотом! Пожалуйте сюда!” И мамочку арестовывают.

В этом корпусе были арестованы лица, которых я ранее перечислил, и др. Каждый занимал отдельную келию. Для мамочки не было свободного отдельного помещения, и ее посадили возле часового в коридоре. Был уже вечер, и маме сказали, что ее отправят в Козельск для следствия. Мамочка си-

дит и молится, веря словам батюшки, что она пробудет здесь “две недельки и не пожалеет”. Наступил поздний вечер, ночь. Комсомолец-часовой дремлет, борется со сном, ему трудно бодрствовать, он очень хочет спать. Мамочке его становится жалко, она ему ласково говорит, чтобы он прилег на лавке, и что если кто-нибудь будет идти, – она его разбудит. Почувствовав доверие, часовой засыпает богатырским сном. Мамочка его караулит. Далеко за полночь. Она молится. Вдруг тихонько открывается дверь одной из келий, показывается седой старец, владыка Михай, и знаком подзывает ее к себе, спрашивая ее, хочет ли она исповедоваться и причаститься. У Владыки с собою имеются Св. Дары. Мамочка с радостью соглашается, входит в келию, исповедуется и причащается и на седьмом небе возвращается сторожить спящего часового. О. Нектарий услышал ее молитвенную просьбу! Будучи совершенно уверенной, что “не пожалеет”, что приехала в Оптину, она спокойно дожидалась утра. Утром ее отправили в Козельскую тюрьму. Несколько раз водили на допросы, подозревая, что она приехала в Оптину по какому-то тайному делу. Собирались ее этапом отправить к месту жительства, но из-за отсутствия свободных конвоиров это отменили. Отпустили в Страстной Четверг утром, предупредив, чтобы ее ноги не было в Козельске. Мамочка пошла на базар и разговорилась с одним мужичком. Он оказался лесником. Имел избу примерно в километре от монастыря в лесу вниз по течению Жиздры. Он пригласил мамочку к себе. Мама накупила на базаре все, что необходимо к Празднику, и поехала к нему. На церковные службы приезжала в Козельск, где еще в церквах служили. Потом мамочка узнала, что ее разыскивали в Козельске и в Оптиной, но, переодевшись в одежду жены лесника, она была неузнаваема. В пятницу или в субботу, согласно нашему условию, она меня встретила на вокзале. Я ее не узнал в крестьянском облике: в сапогах, или валенках, тулупе, закутанную в большой платок. (Была ранняя Пасха.) Мы с мамочкой встретили Пасху в Козельске. Светлую неделю прожили у лесника. Было очень интересно. Волки подходили к самой избе, выли по ночам».

Таким образом, м. Нектария приобщилась чаши Оптиных исповедников, вместе с ними была вменена в «злодеи», а в результате получилось так, как сказал Батюшка: «Поживешь две недельки и не пожалеешь».

Оптина была закрыта большевиками на Красную Горку (Фомино воскресенье), в 1923 г. храмы запечатаны. О. Нектарий был арестован и вывезен в Козельск. Об этом моменте сохранились заметки м. Нектарии: «В келию свою старец никого никогда не впускал, так что келейники не знали, что там находится. Когда же пришли описывать его имущество, в первый раз вошли туда и келейники. И что же увидели? Детские игрушки! Куклы, мячики, фонарики, корзинки! Делавшие опись спрашивают: “Зачем это у вас детские игрушки?” А он отвечает: “Я сам как дитя”. Нашли у него церковное вино и консервы – он им и говорит: “Выпейте и закусите”. Они и распили вино. Во время ареста у него распух глаз, и его поместили сначала в монастырскую больницу, а потом в тюремную. Когда он выезжал из монастыря (на санях), последние слова его были: “Подсобите мне” – это, чтобы ему помогли влезть на сани; сел, благословил путь свой и уехал. Мы тогда были там, но его не видели».

Слышали мы в 1935 г. в г. Алжире от священника о. Василия Шустина случай, переданный ему кем-то из эмигрантов.

После отъезда о. Нектария из Оптиной, в его келию большевики привели некоего оккультиста для обнаружения, как они думали, скрытых здесь сокровищ. Известно, что они широко пользовались оккультными силами для своих целей. Была ночь, в келии горела керосиновая лампа. Колдун-оккультист начал свои чародейства, и хотя лампа продолжала гореть, в комнате наступила мгла. Здесь находилась одна монахиня (их было в это время много в Оптиной). Она взяла четки о. Нектария и ими начертала крестное знамение. Сразу стало светло, а чародей бился на земле в конвульсиях эпилептического припадка.

По выходе из тюрьмы о. Нектарий сначала жил в селе Плохино в близком соседстве от Козельска, а потом перебрал-

ся за 50 верст в село Холмищи. «Милость Божия бесконечна к любящим Его. Теперь ему покойнее, чем было в скиту. Последнее время к нему приходило множество народа (главным образом монахини). Он всех исповедовал, благословлял и, по видимому, очень уставал. Кроме того, был игуменом скита. Теперь ему гораздо покойнее – у него две светлые комнаты и передняя; тепло, монах варит ему обед, а хозяин читает правила. Посетители бывают очень редко. Он такой светленький, радостный, весь преисполнен благодати. Отблеск этой небесной радости изливается и на приходящих к нему, и все уходят от него утешенные, умиротворенные». Так пишет м. Нектария и далее в письме от 1 декабря, 1923 г. подтверждает: «"Дедушка" (т.е. о. Нектарий) живет в деревне у одного крестьянина. У него две хорошие комнаты: спальня и приемная, с ним живет его келейник Петр, ухаживает за ним и при этом даром работает хозяину. Домик очень хороший: потолки высокие, окна большие, светло и уютно. Дров в лесу сколько угодно: поезжай и набирай. Постоянно Дедушку посещают родные и знакомые со всех сторон. Я прожила у вдовы-матушки вблизи Дедушки два месяца, часто виделась с ним. Меня отвез туда Олежок и потом за мной приехал».

Но далеко не все время жилось старцу спокойно и хорошо. Из другого источника слышали мы, что хозяин его, грубый материалист, вскоре обнаглел (одна очевидица удивлялась, как старец поселился у такого человека!) и стал его притеснять, но еще больше стеснили власти, вымогая деньги. «Дедушку притесняют, – пишет м. Нектария, – молись о нем ежедневно. Прошлый раз, когда я у него была, он говорил: "У меня все, все плохо". Видно он предвидел, как его и его хозяина будут притеснять...» «В это лето Дедушке грозили Камчаткой, вот он шутит с О., что это за Камчатка, не встречал ли он ее в географии?» В др. письме: «Он просил помолиться о нем самом, т.к. ему не хочется ехать на Камчатку...» «Пригласил меня Дедушка на каникулах подольше погостить и разрешил на Пасху его навестить, если будем в Оптиной. На сей раз О. выхлопотал мне и себе билеты, и мы ехали в плацкартном поезде. Не

знаю, как будет на Пасху и на следующих каникулах: удастся ли получить билеты. Но во всяком случае я живу мыслью, что Дедушка еще будет жив и что я его увижу. Последнее время Дедушка очень грустит, сказал, что у него: “Все, все плохо”. Не знаю, свои ли у него душевные переживания или он страдает за мир, но знаю, что ему очень печально, и прошу тебя усердно поминать его в молитвах и подавать за него на часточку» (поминать на проскомидии)».

Осенью 1927 года большевики обложили особенно тяжелым налогом Денежкина (хозяина дома, где жил о. Нектарий). Некто дал знать об этом священнику о. А. Р., прося сделать сбор среди киевлян. Матушка Е. Г. привезла о. Нектарию очень большую клажу с провизией и собранные деньги. Это было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Ей удалось передать о. Нектарию все, ею привезенное, в тайне, – так что даже хозяин не видел. О. Нектарий тогда благословил их семейство образом преп. Серафима и передал о. А-ну наперсный крест.

Таким образом последние годы о. Нектария были сплошным крестоношением, тесним был он отовсюду. К этому прибавить надо его глубоко старческий возраст и связанные с ним болезни. Но ясность духа его не покидала и в это время. М. Нектария говорит: «У Дедушки все особенно, – никогда не знаешь, о чем спросить – вот так и заградит уста – и не спросишь при всем желании. Или же ответит шуткой. Когда мы были у него осенью, он очень долго с нами разговаривал, много шутил с О-м, называл его “подходящим для себя учителем”, хотел бы позаимствоваться у него учености, примкнуть к научности. Вообще очень много смеялся и нас смешил, а было уже три часа ночи, и вскоре благословил нас уезжать, так что я не все спросила, но это неспроста; значит, он не хотел на то ответить, потому что если иногда забудешь что-либо спросить, он вдруг сам скажет... Он достиг высочайших благодатных даров, но умеет так скрывать их, что даже окружающие совершенно не знают о них, а иногда стараются обмануть его, а он виду не подает, что все понимает».

Пробираться от станции до села Холмищи было подчас очень нелегко... Особенно это трудно было при весенней распутице. «Была у Дедушки. По случаю разлива рек и дурной погоды пробыла у него 10 дней, чему была бесконечно рада. Он уже такой хиленький, что удивительно, как он жив. Ножками чуть-чуть передвигает. Шлет тебе благословение и говорит: “Да поможет ему Благодать Божия ныне и присно и во веки”. При каждом учении пусть произносит краткое молитвословие: “Господи, отверзи ми ум на учение сие”». С одной из таких поездок связан следующий случай: «Однажды, – рассказывает О., – мамочка была в Холмищах в страшную распутицу и изорвала обувь. Узнав об этом, батюшка вынес из своей келии и дал ей пару матерчатых туфель. И сказал: “Это тебе на память, в утешение, и на Пасху будешь в них щеголять”».

Но идти в них в обратную дорогу по тающему снегу было невозможно. Пришлось пуститься в путь до ж. д. станции Думинищи (25 верст) в прежней разорванной обуви. Вскоре и ту пришлось бросить. Чулки превратились в клочья, и на станцию мамочка добралась босая. Здесь она надела батюшкины туфли, и они ей согрели промокшие и озябшие ноги.

Для того, чтобы сбылись батюшкины слова: “На Пасху будешь в них щеголять”, мамочка пошла в этих туфлях к Светлой Заутрени. Но позже, когда она дома после отдыха проснулась, то оказалось, что ее единственными ботинками пользовалась ее воспитанница Леля, которая, надев их, ушла. Таким образом, волей-неволей пришлось ей “щеголять” в день Светлого Воскресенья в батюшкином подарке. Мама потом говорила: “Не надо стремиться содействовать тому, чтобы сбылись слова старца, – это совершается само собою”. Туфли эти мы прозвали “щеголками”, они хранились на память. В них и похоронили маму».

Такие героические путешествия повторялись: «Вчера вернулись мы от Дедушки. Сегодня Вербное Воскресенье. Сейчас у нас и весна во всем разгаре: тепло, деревья зеленеют, солнышко сияет. Путешествие к Дедушке было очень трудное.

По случаю разлива рек сообщения на лошадях не было, и мы сделали 75 верст пешком (в обход). Ходили по колени в воде, месили невылазную грязь, скользили по мерзлым кочкам. Местами была и хорошая дорога, но в общем, устали настолько, что к концу пути, пройдя версту, ложились отдыхать. Зато Дедушка утешал нас все время. У него, кроме нас, никого не было. С ним мы провели полтора суток».

А вот и другого рода трудности: «У нас размножились очень волки, во многих хозяйствах поуничтожили весь скот. Когда мы с Олежком шли к Дедушке, нас тоже в лесу на дороге встретил волк. Он сидел на дороге, по которой мы шли, потом вежливо уступил нам путь, перешел на опушку леса, потом опять сел сзади нас на прежнее место. Смеркалось. Олик немножко струсил: У нас не было даже палочки, а я же не испытывала ни малейшего страха в надежде на Дедушкины молитвы. Волки – одно из стихийных бедствий крестьянина».

«От мамы получила утешительное письмо, – пишет М. – Там ей отлично живется, часто сидит у ног о. Нектария и спрашивает все, что ей хочется». Но только немного из того, чему внимала мать Нектария, сидя у ног старца, могло дойти до нас. Этим немногим мы и делимся с читателем.

IV. Наставления отца Нектария

Дедушка сказал, что замужество для женщины это есть служение Пресвятой Троице. Вся ее жизнь в замужестве – есть служение Пресвятой Троице – вот как велика для женщины ее участь быть женой и матерью. Это на мой вопрос: «Чем я бы могла послужить Господу». Дедушка ответил: «С тех пор, как ты сочеталась законным браком, ты непрерывно служила Пресв. Троице. Законный брак для женщины – есть начало ее служения Пресвятой Троице».

Дедушка сказал, что тебе лучше жить вдвоем, если найдется сожитель тихий, кроткий, небранливый: «Со избранным избран будешь»; а от дурного сожителя самому уходить надо.

Нас очень обокрали! Унесли в окно все зимние вещи и платья. О. Нектарий сказал, что когда обокрадут, то не надо скорбеть, а решить, что дали милостыню, и Господь вернет в 10 раз. Так что ты не печалься о нас.

Одной знакомой на вопрос, как Христа возлюбить, сказал: «Взять урок у Самого Христа: “Да любите друг друга, яко же Аз возлюбих вы”. Прежде всего надо стараться ближнего возлюбить, а с ближнего любовь перейдет на Христа. Но ближнего надо возлюбить искренно, а не с расчетом, – тогда только может быть успех».

От того, что душа мятеется и не знает, за что взяться, помолиться и ответить с полной верой.

Указаний как жить Дедушка не делает совсем. Я думаю оттого, чтобы не налагать ярма и чтобы вопрошающие не потерпели ответственности за неисполнение того, что он велел. Но на прямые вопросы он всегда отвечает, Напр., я спросила, что делать с помыслами дурными, а он сказал: «Повторяй “Господи, помилуй!” и увидишь, как все земное отходит». В другой раз он мне сказал: «Не обращай на них внимания». И по милости Божией, молитвами Дедушки помыслы оставили меня.

Дедушка говорил, что «раньше благодарили Господа, а теперешнее поколение перестало благодарить Господа, и вот оскудение во всем, плоды плохо рождаются и какие-то больные».

Дедушка советует, если кому удастся сделать что-либо доброе или подать милостыню, говорить: «Твоим благословением, Господи, совершил я это. “Не можете творить без Мене ничесоже”».

Насчет забытого греха Дедушка говорил, что можно его сказать после причащения, когда опять встретишься с духовником.

Еще Дедушка говорил, что очень хорошо, если Господь долго не слушает молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать: «Молитва, это – капитал: чем дольше лежит капитал, тем больше процентов приносит. Господь посылает Свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда

нам полезно принять. Если нам что-либо крайне необходимо, тогда следует два-три раза помолиться, и за исполнение просьбы надо благодарить Бога. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример брать надо с Иоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись, и какое послал Господь им утешение!»

Посылаю тебе письмо о. Иосифа (Полевого), присланное письмоводителем о. Нектария. От старца длинное письмо, в котором он отвечает на вопросы. Между прочим: можно ли с товарищами спорить о религии и читать вместе с ними религиозные и антирелигиозные книги? Он не разрешил этого, предупреждая, что может быть нанесена сердечная язва, от которой будет очень трудно избавиться. Открывать Библию, что откроется, – погрешительно. В сомнительных случаях делать этого нельзя, а нужно только помолиться трижды и что бы после того ни предпринять, все будет для души полезно, а гадать по Библии – погрешительно, и нужно только читать для поучения в слове Божиим.

Тебе велел передать, что грех забытый, хоть и вспомнится до причастия, можно потом исповедать, в другой раз. Провести с пользой дни, в которые общаешься, так: не топиться на какие-нибудь дела, дать себе льготу до половины дня, пребывать в молитве, молении и благодарении, почитать Св. Писание.

Старец еще сказал: «Наши самые тяжелые скорби подобны укусам насекомых по сравнению со скорбями будущего века».

Представь себе мое положение: знаю, что он мысли читает, а тут ужасная мразь лезет в голову – спрашиваю: «Что делать?» – говорит: «Не обращай внимания».

В Дедушке нашла поддержку своего мнения о превосходстве «царского пути» (другими словами, избегать крайностей во всем, в том числе и подвигах). Когда я там жила два месяца около него, ничего не делала и имела возможность молиться и читать Священные книги, на меня свирепо стал нападать злой дух. Наполнил ум мой такими помыслами, что я не могла взглянуть на иконы, и стыдно было у Дедушки сидеть, т.к. я

знала, что он мысли читает. Относительно помыслов он мне ответил, как я уже тебе писала: «Не обращай на них внимания». А я пожелала класть поклоны и, чтобы не самовольничать, попросила у него разрешения класть по 100 поклонов в день. Он улыбнулся и спросил: «А усердие есть?» Я говорю: «Есть». Он и разрешил, а через 23 дня послал меня гонеть за 50 верст. В пути у меня разболелась нога, и я не в состоянии была класть ни одного поклона. С тех пор я никогда не просила разрешения ни на какие подвиги.

Дедушка написал, что хорошее общение житейское можно иметь с неверующими, только молитвенного общения нельзя с ними иметь, и споров о религии нельзя заводить, чтобы Имя Божие в споре не оскорблялось.

Часто читаю из «Шестого часа» молитву: «Яко не имамы дерзновения за премногия грехи наша», т.к. думаю, что в этом и корень наших печалей. Дедушка при всяких неудачах велел говорить: «Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил, но Ты, Господи, по милосердию Твоему, прости и помилуй меня», и так советует повторять несколько раз, пока не почувствуешь мир в душе.

Дедушка как-то от себя сказал: «Молись телесно – Господь Бог пошлет Свою благодать в помощь тебе». Это значит, чтобы молиться с поясными поклонами и когда нужно то, и с земными. Дедушка даже встал перед иконами, положил медленно крестное знамение на себя и поклонился низенько, коснувшись рукой правой до земли, и мне сказал: «Молись так».

Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоём – тогда преисполнится оно великим ликованием и радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить его. Для этой цели Дедушка советовал молиться так: «Господи, отверзи двери милости Твоей».

Дедушка велел мне готовиться к постригу. Я очень обрадовалась – правда, как тебе странно это слышать от меня? Помнишь мое отношение к монахам? Как я их жалела, что у них нет своей воли, что они все должны делать так, как им прикажут и т.д. А вот теперь я постигла, что нет большого сча-

стья, как находиться на послушании, когда ты можешь быть уверенной, что исполняешь волю Божию и не отвечаешь за свои поступки.

Дал мне Дедушка маленькое келейное правило: 30 раз «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную»; 10 раз «Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя»; 10 раз «Святой Ангеле Хранителю мой, моли Бога о мне» и 10 раз «Все Святии, молитесь Бога о мне». Причем прибавил: «Как ты скажешь: “Все святии, молитесь Бога о мне” – так все святые скажут на небе: “Господи, помилуй” – и будет тебе приобретение».

Теперь я всякий раз, как говорю: «Все святии, молитесь Бога о мне» – я представляю себе, как все святые – все небо – зывают ко Господу: «Господи, помилуй».

Молись за Дедушку, он сказал: «Ваши молитвы меня утешают и мне помогают». Я живу от поездки до поездки. Какая великая милость Божия иметь возможность повидаться с ним и поговорить.

Получил ли ты письмо, в котором я восторгаюсь творением преп. Исихия? Я его всю жизнь искала, а оно, оказывается лежало у нас в кладовке, и только чудесным образом я его нашла после того, как спросила у Дедушки: как открыть дверь сердца.

Олегу сказал, что у него есть талант (но не сказал какой) и продолжал: «Это хорошо не объявлять талантов, а то могут украсть».

Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время и вес. Самое прекрасное дело, если оно будет выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры, помни эти три смысла, ими определяется вся жизнь.

– О мере и весе я понимаю, но что есть время? Эпоха ли? – он молча улыбнулся.

Но есть и большее искусство – слово. Слово воскрешающее и убивающее (псалмы Давида). Но путь к этому искусству через личный подвиг, путь жертвы. И один из многих тысяч доходит до него.

На втором Аржеронском (во Франции) съезде Христианского Движения, который имел место приблизительно в 1926 году, среди других докладчиков находился и проф. Бердяев. Преосвященный Вениамин, тогда инспектор Богословского Института в Париже, выступил с возражениями как православный епископ против некоторых положений доклада Бердяева, противоречивших православному учению. Последний обиделся, сейчас же забрал свои чемоданы и уехал. На другой день на съезд прибыл м. Евлогий и сделал еп. Вениамину строгое внушение. Вл. Вениамин, желая проверить себя, обратился к о. Нектарию (в это время мы имели возможность письменно общаться с о. Нектарием). Старец ответил: «В таких обществах (как Христианское Движение) вырабатывается философия, православному духу неприемлемая». Затем пришло подтверждение еще более точное, что он не одобряет именно то общество (т.е. Движение), на собрании которого был оскорблен вл. Вениамин.

В тот же период времени некто Г-м обратился к отцу Нектарию за указанием, можно ли ему поступить в Академию (Богословский институт в Париже), выражая опасение, что она еретическая. С последним о. Нектарий согласился, но поступить в академию благословил и сказал: «Какая бы она ни была, ученому мужу помехи не будет. Знать науку, какую будут преподавать, ему не помешает».

Тогда же произошел один прискорбный случай на Сергиевском подворье: на кухню Богословского института пришел человек, имевший сухую руку, и просил там какой-нибудь работы. Таковой не нашлось; тогда он здесь же в саду застрелился.

Владыка Вениамин очень скорбел, написали отцу Нектарию. Церковно поминать самоубийц воспрещено канонами. О. Нектарий посоветовал вл. Вениамину читать псалтирь келейно по умершем в течение сорока дней, а также найти еще двух чтецов, чтобы довести их число до трех. При этом о. Нектарий сказал: «Господь отымает разум у человека, на что скот не решается – человек решается».

Воспоминания об о. Нектарии его духовного сына, протопресвитера Адриана (Рымаренко).

«В августе 1925 г. мы с матушкой, как всегда предварительно испросив благословение старца, быстро собрались в дорогу с тем, чтобы на этот раз встретить день своего ангела у старца и вместе помолиться.

В то время старец был уже в изгнании, в с. Холмищах, и попасть туда было не так легко, да к тому же и следили тщательно за приезжающими. Но вера в молитвы батюшкины и его благословение на приезд совершенно устранили все страхи. Старец встретил нас очень приветливо, благословил поговорить и причаститься Св. Таин, а накануне моего дня ангела наказал хозяйину достать рыбки на обед и испечь хлеб.

В самый день праздника, после богослужения, нас пригласили к столу. Кроме меня и моей матушки был приглашен к столу и хозяин.

Обычно батюшка никогда не выходил на общую трапезу, но на сей раз он изменил своему обычаю.

Старец, одетый в рясу и подпоясанный поясом, вышитым золотом, вышел из своей келии, неся в руках свежеиспеченный белый хлеб.

Подавая его мне, старец сказал: «Примите этот хлеб, батюшка, в знак того, что Вы никогда в жизни не будете нуждаться в хлебе насущном; а это, – продолжал старец, вручая несколько измятый какой-то листок, – в руководство в вашей жизни».

Листок этот содержал «Правила благочестивой жизни» архиеп. Платона (Костромского).

В то время этот подарок был не совсем понятен для меня, и только уже по кончине старца я оценил всю его важность как духовного руководства.

Во время трапезы, на которой присутствовали кроме меня с матушкой и хозяин Андрей Ефимович, у которого жил старец, а также мон. Мария, батюшка сказал: «Вот в Москве был случай, когда юная девица очень хорошей жизни неожиданно скончалась. И вот когда она уже была в гробу, вдруг

она ожила и немедленно потребовала своего духовника, известного в Москве своей доброй жизнью священника. Прибывший духовник после исповеди ожившей девицы вышел весь в слезах, и когда близкие стали его расспрашивать, о чем он беседовал, то духовник только сказал, что у девицы на совести было одно только темное пятно, и Господь не допустил, чтобы этот грех ушел вместе с ней в Царство света, и через благодать священства этот грех был снят с ее души, после чего его духовная дочь мирно отошла ко Господу. Вот как важно покаяние на земле”, – закончил старец.

О важности же проскомидии вспоминал старец и другой бывший в Москве случай. Один очень большой ученый, медик, тяжело заболел. Приглашенные врачи – его друзья – нашли больного в таком состоянии, что было очень мало надежд на выздоровление.

Жил профессор одиноко, только со своей сестрой, старушкой. Был он не то, что совсем неверующий, но мало интересовался религиозными вопросами, в церковь не ходил, хотя жил очень недалеко от небольшого храма на его же улице.

После такого медицинского приговора сестра его очень заскорбела, не зная, чем помочь брату. И тут вспомнила, да рядом есть церковь, куда можно пойти и подать на проскомидию о тяжело болящем брате.

Рано утром, не говоря ни слова брату, сестра собралась на раннюю обедню, рассказала священнику о своем горе и просила вынуть частицу и помолиться о здравии брата. А в это же время ее тяжело больной брат видит, что стена его комнаты как бы исчезает и открывается внутренность храма, алтарь. Даже он видит свою сестру, о чем-то говорящей со священником. Священник подходит к жертвеннику, вынимает частицу, и эта частица ясно, со звоном, падает на дискос. И в этот же момент больной чувствует, что какая-то сила вошла в его тело, и он невольно встал с постели, чего давно уже не мог сделать.

В это же время входит и сестра и с удивлением смотрит на болящего.

“Где ты была?” – восклицает он. “Я все видел, я видел тебя в церкви, говорившей со священником, и я видел, как он вынул за меня частицу”. И тут оба они со слезами возблагодарили Господа за чудесное исцеление.

Профессор еще долго жил после этого случая, уже никогда не забывая о милосердии Божиим, бывшем к нему грешному*».

V. Случаи прозорливости и чудесной помощи

1. ПИСЬМА МОНАХИНИ НЕКТАРИИ КОНЦЕВИЧ

Чтобы не навести на человека греха непослушания, или забвения, или нерадения, Дедушка не налагает никаких правил ни на кого, но, по его молитвам, человек сам (с помощью, конечно, Господа) наталкивается на подходящие в данное время для него книги, встречает людей, могущих ему в этом помочь. Какое величие смирения и любви к людям! Как дивен Бог во Святых Своих!

Я заметила, что если только написать Дедушке просьбу о чем-либо, то в то же время приходит помощь от него. Очевидно, по милости Божией, душа его слышит все просьбы, обращенные к нему.

У Дедушки был такой случай: одна молодая девица пришла просить благословения на монашество, а он сказал: «Нет, у тебя будет жених, ты выйдешь замуж, родишь сына и он будет весить 10 фунтов...» Так и случилось в точности, и она года через два принесла прелестного бутузика к батюшке на благословение.

Лида Б. искала целый год какого-нибудь места и не могла найти, летом работала поденно на фермах за гроши: пахала, убирала воловники, одним словом, страдала невероятно, – хотела наняться кухаркой, прачкой – и нигде не могла. Я

* Вышеупомянутая матушка, Евгения Григорьевна, оставила весьма обстоятельные воспоминания, вернее, дневник всех ее посещений старца Нектария. Этот ценный материал не вошел в нынешнее издание.

посоветовала ей молиться о здравии Дедушки – и вот она через три дня получила место в деревне учительницы. Радость ее неопишима.

Ты просил написать, что говорил в последний раз Дедушка. Когда мы приехали, Олежок был болен. Температура у него была 40 градусов. Я говорю батюшке: «Олежок у меня болен», а он говорит, улыбаясь: «Хорошо поболеть в добром здоровье». На другой день дал ему яблочко и говорит: «Вот тебе лекарство». А когда благословлял нас в путь, сказал: «Когда будете лошадей кормить, пусть О. выпьет кипяточку и будет здоров». Мы так и сделали, Олежок выпил кипяточку, заснул и проснулся, говоря: «Мамочка! – я здоров».

4.13.24. Один мальчик пожаловался Дедушке, что его в школе товарищи обижают, а Дедушка сказал, улыбаясь: «А ты призови Георгия Победоносца на помощь, так ты всех их победишь, только ножками задрыгают». Так в точности и случилось. Он как ринулся на самого забияку, призвав Георгия Победоносца на помощь, так тот только ногами задрыгал, и с тех пор его никто не трогает.

Олежка он благословил хлопотать о жаловании, и вот чудесным, можно сказать, образом он получил его – и не только за этот год, а и за весь прошлый без всякой протекции, между тем в прошлом году ему отказали. Олежок благословлялся, чтобы ему хорошо учиться – и до сих пор у него по всем предметам, которые идут в аттестат, весьма удовлетворительно.

Он благословил меня заниматься уроками, и ко мне сами напросились 6 учеников и все как на подбор детки умные, способные, верующие!

Ах, как печально, что мы живем далеко от Дедушки и редко можем прибежать к его благословию.

Мать двоих из учеников м. Нектарии поручила ей спросить старца, в какое учебное заведение определить своих сыновей. «Никуда не надо отдавать их: достаточно для них и того, чему ты их учишь». М. Нектарии неловко было передавать эти слова старца, т.к. мало ей знакомая мать этих детей могла подумать, что она говорит это с целью сохранить за

собою учеников. Так и вышло: мать только пожала плечами и отослала детей в школу. Там они попали в дурное содружество, развратились, стали воровать одежду и вещи товарищей, а потом вышли грабить и на улицу и попали в число малолетних преступников.

Не помню, что тебе писала из разговора с Дедушкой, но важного для нас он сказал, что О. окончит учиться, и просил молиться о нем самом, т.к. ему не хочется ехать на Камчатку.

Дедушка был по обыкновению очень веселый, много шутил и смеялся. На прощанье нам сказал: «Милости просим, приезжайте еще, хотя вам от меня нет никакой пользы, зато мне от вас есть польза», намекая на гостинцы, которые мы ему привезли. У нас есть одна знакомая семья. Жена верующая и хорошая христианка и молитвенница, а муж насмешник над постами и слабо верующий. Вот они были в чрезвычайно бедственном положении, продавали последнее. Она усердно ходила в храм, а муж допекал ее, что она все разносит по попам и что из-за этого они погибнут с голоду. В отчаянии она была близка к самоубийству и хотела бросить мужа, не будучи в состоянии терпеть его постоянных укоров. В горе обратилась к Дедушке. Он ей через меня передал: «Пусть отслужит молебен Святителю Николаю – Господь ей поможет». Она в тот же день продала какую-то вещь и отслужила молебен Св. Николаю. Спустя два дня муж ее встречает товарища, который ему предлагает службу. Он с радостью соглашается. Но у нас (в СССР) службу нельзя получить не члену союза, а и члены союза тысячами ждут очереди. Он пошел к тому, от кого зависело его назначение. Тот говорит: «Удивляюсь даже, как вы можете ко мне обращаться, зная правила и видя тысячные очереди, а он не член». Он возвращается к товарищу, тот говорит: «Я без согласия ничего не могу сделать». Тот идет опять в союз и говорит: «Я погибаю, сделайте хоть раз в жизни доброе дело – в ваших руках моя жизнь». В результате получил место: 120 руб. (60 долл.) в месяц и 4 с половиной руб. суточных – всего около 250 руб. (а у нас старые служащие в управл. жел. дор. и в других учреждениях

получают 30–40 рублей в месяц). Притом служба разъездная, и он раз в месяц приезжает домой, как желанный гость. Всего величия этого чуда ты не можешь понять, не имея представления о том, как трудно здесь вообще попасть на службу, и не зная, что не члену союза это совершенно невозможно и что ежемесячно у нас происходят сокращения штатов, причем десятками увольняются со службы прослужившие даже по 10–15 лет. Жена достигла всего: и его нет дома, так что она беспрепятственно молится, постится, и с мужем отношения наладились, и он, уезжая, сказал: «Молись за меня». Остается воскликнуть: Дивен Бог во святых Своих!

Через шесть лет сбылось предсказание о Нектария, что Л-а не возьмут на военную службу. Л. с благословения о. Нектария занимался физкультурой и стал инструктором в этой области. И вот на призывной комиссии он произвел на всех впечатление своим атлетическим сложением и здоровьем. Казалось, призыв был неминуем. Вечером Л. должен был прийти в канцелярию за указанием места назначения. Но там ему велели явиться на другой день. И так повторялось несколько раз. Л. и все родные беспокоились, т.к., не понимая причины отсрочки, опасались, нет ли политического преследования. Наконец объявили, что Л. освобождается от воинской повинности как инструктор гимнастики. Оказалось, что в том году инструкторов не хватало, и только единственно в этом призыве их освобождали.

Дедушка разрешил в июне побывать в Саровской пустыни и на возвратном пути посетить и его. Это будет через два месяца. Пиши заранее все, что нужно узнать.

Спросила я его о кончине мира. Он мне показал письма, которые ему присылают: о видении Спасителя, Который говорил, что вскоре конец мира, о выдержке из газет, что появился Мессия в Индии, а Илия в Америке, и т.п. Много говорил, но и улыбался, а предварительно перед тем, сразу при встрече нас, обратился с такими словами: «Что это вы все обращаетесь к моему худоумию – вот обратитесь к оптинским монахам». Я улыбнулась, а он говорит: «Это я вам серьезно говорю, они вам

скажут все на пользу». Когда я повидалась с ними, они и говорят: «Если люди, которые занимаются изысканиями признаков кончины мира, а о душах своих не заботятся, это все они делают ради других» (очевидно, чтобы сообщить сенсационную новость). Так вот, монахи мне сказали, что людям не полезно знать время второго пришествия: «Бдите и молитесь», сказал Спаситель, значит не надо предугадывать событий, а в свое время верным будет все открыто. Дедушка остался доволен ответом монахов, т.к. он тоже не сторонник того, когда доверяют всяким фантазиям в этой области. Я спросила: «Батюшка, а говорят, что и Иоанн Богослов придет?» Он ответил: «Все это будет, но это великая тайна». И еще сказал: «Во дни Ноя Господь в течение ста лет говорил, что будет потоп, но Ему не верили, не каялись, и из множества людей нашелся один праведник с семейством». «Так будет и в пришествие Сына Человеческого» (Матф. 24, 37). И еще Дедушка много раз повторял: «Держитесь твердо Православия».

Во время моей исповеди Дедушка много раз повторял: «Боже, буди ко мне милостив!»

2. «ВЕЧЕР» СТАРЦА НЕКТАРИЯ

Это было летом 1915 года во время войны с немцами.

Нас было трое: мать, сестра 28 лет и я 22 лет. Сестра часто болела приступами слепоты, дурноты и чем-то вроде летаргии. Припадки почти ежемесячные. Болезнь началась, когда ей было 18 лет. За эти прошедшие десять лет ее лечили 10 докторов и 4 профессора. И кроме бесконечных денежных трат, поездок за границу и рухнувших надежд – ничего!

Мать моя, очень религиозная женщина, много слышала об оптинских старцах и решила ехать в Оптину. Она берет с собой меня. Я же рвусь на курсы сестер милосердия, чтобы попасть на войну. Мать меня не пускает и говорит: «Благословит тебя старец – отпущу, а нет – не поедешь, а пока мы по дороге еще в Троицко-Сергиевскую Лавру заедем помо-

литься». Приехали в Оптину через Москву, Козельск, откуда на извозчике в пустынь и на пароме через Жиздру. Поражает высота деревьев в лесу, окружающий монастырь. Остановились в монастырской гостинице, где узнали, что старец отец Анатолий болен, и посетителей не принимает. «А пока он поправится, сходите в скит к отцу Нектарию», – посоветовал нам гостиник, – что мы и сделали. Говорят, отец Нектарий недавно вышел из затвора и теперь принимает богомольцев у себя в келии в скиту. В приемной у старца мы застали уже человек 30 в ожидании его выхода. В толпе кто-то сказал: «Батюшка сегодня пойдет с нами гулять». Ждали мы минут 10–15. Вышел небольшого роста старичок и с ним келейник. Большинство из толпы встало на колени, в том числе и моя мать. Старец окинул всех взглядом, подошел к маме и говорит: «Ты пришла молиться о больной дочери? Она будет здорова, привези ее к нам, а пока приходи сюда под “вечер”, а сперва прогулка». Слово «вечер» всех очень удивило, а одна женщина (крестьянка) говорит моей матери: «Ты верно дочь просватанную привезла благословляться к батюшке?»

Всех по очереди батюшка благословил и ушел к себе в келию. Вышел келейник и просил всех придти в 6 часов вечера – «батюшка пойдет гулять». В 6 часов мы все снова пришли. Батюшка вышел, посмотрел на всех, подошел ко мне, взял меня за руку и повел к солдату (жандарм). Захватив его руку вместе с моей, так и повел нас к двери и дальше по дороге по лесу. Вся толпа шла за нами. Так мы гуляли минут 10–20. Солдат бедный смущался, краснел, а мне идти было довольно неудобно. Когда пришли обратно, в келии уже стоял стол под образами, чашки с чаем и пряники и конфеты в бумажках. Отец Нектарий посадил меня и солдата в передний угол под образа, а келейнику велел завести граммофон (какие-то духовные песнопения – не помню что). Я чувствовала себя неловко, как-то странно все казалось. Старец взял со стола 7 пряников (белые с розовым пояском – такие продавались по деревням в России) и передал их моей матери со словами: «Отвези их больной дочери, пусть каждый день

съедает по одному и почаще причащается. Будет здорова. Поедете в Петербург, привези ее сюда поговеть». С этими словами он от нас ушел, и мы все поднялись и ушли. А из толпы многие меня и маму поздравляли, говоря: «Батюшка-то твою дочь повенчал, увидишь, нынче замуж пойдет». Так оно и вышло!

По приезде домой в имение мы узнали, что за наше отсутствие сестра была все время здорова. Она приняла пряники с верой (их было семь). После седьмого она причастилась. Больше до самой смерти прежние припадки никогда не повторялись. Она смогла закончить консерваторию и после революции преподавать пение.

Осенью того же года мы уже втроем (мать, сестра и я) поехали на зиму в Петроград и по дороге, как велел старец Нектарий, заехали в Оптину. Отдохнувши с дороги, мама повела сестру в скит к отцу Нектарию, я же пошла бродить вокруг монастыря и узнать, принимает ли отец Анатолий, так как нам сказали, что он все еще болен и не выходит к народу. Когда я подошла к келии батюшки, я увидела в приемной уже несколько человек сидят, ждут. Все, конечно, местные крестьяне. Это будет первый выход старца после болезни, сказал келейник. Я взшла и села в приемной, а в душе думаю: «Как хорошо, что я одна попаду к старцу без мамы. Старец, конечно, меня благословит идти на войну, когда я попрошу его, а мама поневоле отпустит меня». Вижу, дверь из келии в приемную открывается и входит маленький старичок-монах в подряснике и широком кожаном поясе, и прямо направляется ко мне со словами: «А ну-ка, иди ко мне». У меня, что называется, «душа в пятки ушла» при этих словах батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видеть! Я пошла за ним в келию. Он закрыл за нами дверь, посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрыть что-либо я не могу, он видит меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А он все так же ласково улыбается и говорит: «А ты почему мать не слушаешься?» Я продолжаю молчать. «Вот что я тебе скажу,

мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры, это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: Замуж хочешь?» Молчу. «Ты сейчас любишь его за его красоту! Выходи за него замуж тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи». С этими словами старец взял стул, влез на него и достал с верхней полки деревянную иконку, так с четверть аршина в квадрате, Казанской Божьей Матери; поставил меня на колени и благословил. Потом сказал: «Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать – будешь занята».

В первый же день приезда мне позвонила одна знакомая по телефону, прося приходить ежедневно в помощь сестрам милосердия в госпиталь на 200 человек солдат, заменять сестер во время обеда. И второй телефонный звонок – работа в складе Императрицы Александры Феодоровны (укладка бинтов в медицинском отделе склада).

Слова батюшки оправдались. С утра я уходила в госпиталь до двенадцати с половиной часов (Зал Дворянского Соборания), прибегала домой и к часу ехала в склад в Зимний дворец до шести вечера.

О. Н. Т.

Австралия. Приют для престарелых.

Примечание: Автор этих записок венчалась, когда ее жених носил аксельбанты, будучи адъютантом штаба дивизии, а жандармские солдаты носили рыжие жгуты на плече вроде аксельбантов. Вот в церкви-то она и вспомнила «вечер» отца Нектария!

Она дала слово своему жениху задолго до поездки в Оптину. Никто в семье не знал об этом.

Что говорил отец Нектарий ее сестре, она никогда не знала. Сестра замуж не вышла, хотя были женихи.

3. «НЕ ГОНИТЕСЬ ЗА БОЛЬШИМ»

Впервые я услышал о существовании оптинских старцев, будучи студентом в Москве. Там я познакомился с молодежью из очень верующей и благочестивой семьи Д. из г. Козлова. Двое братьев и две сестры учились в Москве, и один из братьев был моим однокурсником. От них я узнал, что все они – восемь братьев и сестер – были духовными детьми старца Анатолия Оптинского, почти ежегодно посещали его и ничего не делали без его благословения. Они мне очень советовали побывать в Оптиной, но обстановка студенческой жизни как-то всегда мешала мне осуществить эту поездку. Занятия в специальном техническом учебном заведении требовали очень много времени, а на каникулы я всегда уезжал домой или на студенческую практику. И только после окончания курса, уже при большевиках, обстоятельства позволили мне попасть в Оптину.

Летом 1918 г., когда уже вся русская земля была потрясена до основания, передо мной, – как и перед всей интеллигенцией – стал вопрос: что делать дальше? Многие категорически отказывались поступать на службу в новые большевистские учреждения, рассчитывая на скорое падение их власти; другие ждали иностранного вмешательства и выжидали. И когда частные и общественные учреждения закрывались, то безработные интеллигенты предпочитали торговать всяким старьем или жить на продажу своих вещей, чем идти на службу к большевикам.

Наконец, наступил и для меня такой момент, когда учреждение, в котором я работал, должно было закрыться. Конечно, имея диплом инженера, я мог бы легко устроиться, но где именно? Возможностей было много, мои товарищи и профессора звали меня в различные вновь открываемые советские учебные и научно-технические учреждения. Но меня как-то мало привлекало все это, мне хотелось сохранить свою внутреннюю свободу и укреплять свою духовную жизнь, еще

такую слабую и неустойчивую. Вот в эти-то дни я особенно начал думать о необходимости поехать в Оптину, чтобы посоветоваться со старцем.

Случилось так, что наше учреждение, объявив свою ликвидацию, предложило своим служащим явиться через три дня за расчетом. Чтобы использовать эти дни, я решил поехать в Оптину со своими знакомыми; это был Миша Д., студент московского университета, и его земляк, немолодой купец, которому в связи с революцией грозило полное разорение. Словом, все мы трое стояли на распутьи и не знали, как действовать дальше в наступившей революционной неразберихе.

С большим трудом удалось нам попасть на товарный поезд, шедший в Калугу, потому что на пассажирские поезда невозможно было сесть. Чтобы иметь право посетить Оптину, надо было являться в городской исполком и получить пропуск – но на этом останавливаться не буду. К вечеру мы, наконец, добрались до монастыря и переночевали в монастырской гостинице. Там было все еще по-старому, но посетителей, ввиду тревожного времени, было немного. В скиту тогда жили два старца, Анатолий и Нектарий. Большинство приезжих стремилось попасть к старшему – о. Анатолию, но мы почему-то решили обратиться к о. Нектарию. Войдя в скит, который находился вне монастыря, мы увидели садики и домики старцев, знакомые нам по книге Быкова «Тихие пристанища», а также по описанию скита в романе «Братья Карамазовы» Достоевского.

Каждый из нас, как, вероятно, и все прочие посетители Оптиной, нес в своей душе смятение, боль и неуверенность, порожденные первыми месяцами революции. Многие из них, подобно нашему старшему спутнику, искали ответа на главный вопрос: долго ли еще продержится советская власть?.. И многие были уверены, что оптинские старцы это должны точно знать...

К сожалению, я в свое время не записал подробностей нашего посещения о. Нектария; я считал, что память моя и так сохранит эти незабываемые впечатления. Главное, конечно,

сохранилось, но далеко не все. Мы посещали монастырские службы, говели, но больше всего остались в душе впечатления от встречи со старцем. Мы вошли в приемную комнату старца в его домике. Нас было человек 10–12 мужчин разного звания. Через несколько минут ожидания из двери быстрыми неслышными шагами вышел маленький, несколько сгорбленный старичок с небольшой седенькой бородкой, в епитрахили. Помолившись на образа, он благословил всех нас и начал подходить к каждому по очереди. Мы стояли цепочкой вдоль комнаты, а старец переходил от одного к другому и беседовал. Беседы были короткие, о Нектарий редко с кем задерживался и, прерывая иногда длинные рассказы посетителя, спешил с ответом; ответы его были быстры и немногословны, после чего он сразу переходил к следующему в очереди.

Меня более всего поразила манера, с которой о Нектарий беседовал со всеми: он подходил к собеседнику не глядя на него, становился около него несколько боком, вполоборота, и наклонял к нему ухо, как будто плохо слыша или просто давая возможность говорившему не слишком громко излагать свои нужды. Слушая его, о Нектарий смотрел куда-то вниз, но создавалось впечатление, что он слушает вас не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия; что ему, собственно, важны были не самые ваши слова, а нечто другое, скрывающееся в вашей душе, что старец и старался уловить...

Когда о Нектарий подошел ко мне, то я начал как можно короче объяснять ему мое положение но как часто бывает в таких случаях, краткости и ясности у меня не получалось. Я попытался объясниться получше, но старец, уже как бы поняв меня, начал говорить сам. Как я уже упоминал, мои трудности заключались в том, какую выбрать себе службу и чем руководствоваться при этом. А о Нектарий ответил мне, примерно, так (подлинных слов не помню, но смысл их таков):

– Да, да, служите, конечно... вы ведь человек ученый. Но только не гонитесь за большим... а так, понемножку, полегоньку...

Вот и все – и он перешел к следующему. На первых порах мне даже показалось, что я не получил никакого ответа на

мои нужды; вернее, я ожидал от старца чего-то большего, чем эти простые слова... Но я вспомнил, что старцы очень часто отвечают не прямо, а иносказательно, заставляя вдумываться в истинный смысл ответа. Действительно, размышляя далее над его ответом, я вскоре убедился, что получил вполне ясный и определенный ответ на мои сомнения. А поняв это, я сразу почувствовал необыкновенную легкость, радость и покой. Вся запутанность и противоречивость окружающей революционной обстановки перестала существовать, а мои личные проблемы стали просты и ясны.

Таковы же были и ощущения моих спутников. Оба они возвращались домой спокойными и укрепленными, хотя, в сущности, они получили тоже не тот ответ, которого искали. Старец, например, никому не подал ни малейшей надежды на то, что новая власть скоро кончится. Напротив, о. Нектарий многим говорил о необходимости терпения, молитвы, подготовки к еще большим испытаниям... Но тем не менее общее состояние у всех, возвращавшихся от него, было бодрое и радостное. Мы возвращались из Оптиной, чтобы попасть опять в хаос большевистской революции, но все воспринималось нами совсем иначе. И мне вспоминались слова Евангелия: «Не бойся, малое стадо!..»

Такое впечатление от беседы со старцем еще более укрепилось во мне после возвращения в Москву и осталось чем-то прочно вошедшим в мою жизнь. Вся моя последующая жизнь послужила непрерывным доказательством мудрости совета о. Нектария. А то, что случилось со мною после возвращения в Москву, еще больше раскрыло мне все значение моей поездки в Оптину. Вот почему обо всем этом необходимо рассказать подробнее.

1 сентября 1918 года мы приехали в Москву и я расстался со своими спутниками. Они поехали к себе в Тверскую губернию, а я отправился домой, чтобы к 12 часам быть в своем учреждении для получения расчета. Но, чтобы понять дальнейшее, надо остановиться и пояснить, какова была политическая обстановка в Москве в эти дни.

Боясь нападения на Петербург, советское правительство летом этого года переехало в Москву. Но и в Москве было неспокойно. В августе месяце начался ряд антибольшевистских выступлений: восстание под Москвой так наз. «левых эсеров», убийство бомбой германского посла графа Мирбаха (которому приписывали большое влияние на политику большевиков), наконец, покушение на Ленина, произведенное эсэровкой Каплан. Озлобленные большевики в ответ на это объявили «красный террор»: в Москве и провинции свирепствовала ВЧК., всюду шли аресты, облавы и расстрелы; тюрьмы и управления чрезвычайек были переполнены. В эти-то страшные дни мне пришлось со всеми своими сослуживцами угодить в знаменитую Лубянку – во внутреннюю тюрьму ВЧК.

Произошло все очень просто. Когда мы собрались в своем учреждении для получения расчета, вдруг оказалось, что весь дом окружен чекистами – это значило, что мы попали в облаву. Всех нас, человек около 80, согнали в одну залу и стали обыскивать и отбирать документы. Затем партиями погрузили на открытые грузовики и под конвоем через всю Москву отвезли на Лубянку. Там нас перерегистрировали вновь и распределили по камерам. Всю ночь внизу во дворе трещали моторы, приезжали и уезжали машины поступали новые партии арестованных...

Не буду описывать подробно те 6 дней, которые я провел на Лубянке. Скажу лишь, что население нашей камеры ежедневно менялось: одних освобождали, других уводили на расстрелы, третьих – нуждавшихся в следствии – переводили в Бутырскую тюрьму, чтобы освободить место для вновь прибывавших. Следует отметить, что в те времена суд ВЧК был хотя и не «милостивый», но скорый, арестованных редко держали долго и часто отпускали без всяких последствий...

Среди пестрого населения нашей камеры господствовало, конечно, подавленное, тяжелое настроение. Одни, замешанные в чем-либо, молчали, замкнувшись в себе. Другие, попавшие случайно, надоедали всем своими доказательствами, что они ни в чем не виноваты. Другие, тоже не чувствовавшие за собой

вины, сильно волновались за себя и за своих близких. Среди арестованных были кадровые офицеры-интеллигенты, купцы, духовные лица, члены большевистской партии, иностранцы и даже один еврейский мальчик 13 лет, арестованный за появление на улице позже установленного часа. Но сам я был среди них, кажется, единственным, кто спокойно переносил и свой внезапный арест, и всю гнетущую обстановку Лубянки. Тот духовный мир, который я вынес из Оптиной, хранил меня от страха, и я совсем не волновался; гораздо больше волновались за меня мои друзья, остававшиеся на свободе. Я же был уверен, что все кончится для меня вполне благополучно.

Среди сидевших со мною мне особенно запомнились два епископа, еще довольно молодых, без единой седины в волосах; к сожалению, их имена я забыл. Они были оба в весьма тяжелом состоянии и больше молчали. Я несколько раз пытался заговорить с ними, рассказывал им, что сам только что вернулся из Оптиной, про свои впечатления там, но они были очень неразговорчивы. Потом я уже понял, что я им мог показаться слишком странным своим спокойствием и откровенными разговорами, так что они могли даже подумать, что я был специально к ним подослан... Дня через два их вызвали ночью на допрос – и они больше не вернулись. На следующий день в камеру явился дежурный за их «вещами» – на нарах лежали их верхние рясы. Это означало, что они были расстреляны в эту ночь. Такие случаи у нас были каждую ночь, так как особых камер для «смертников» тогда еще не было.

Меня дважды вызывали на ночной допрос. Следователем был совсем молодой и интеллигентный человек; потом я узнал, что это был один из начинающих поэтов-футуристов тех годов. Он со скучающим видом изучал мою записную книжку и расспрашивал о всех, чьи адреса там имелись, но больше всего он интересовался моими политическими убеждениями и тем, с какими политическими организациями я был связан. Я же утверждал, что никогда не имел никаких связей с партиями, а что имел знакомства только в научных и церковных кругах. Об этом в те первые годы революции еще можно было говорить

открыто, так как церковные круги еще не рассматривались как контрреволюционные. Но через два-три года этот взгляд изменился, все церковные деятели начали преследоваться.

Ввиду переполнения ВЧК меня вскоре перевели в Бутырскую тюрьму, где я пробыл около 10 дней. Она была также переполнена, в каждой камере было вдвое больше нормы. Кормили гораздо хуже, чем на Лубянке, почему лица, не получавшие передач, через несколько месяцев едва ходили. Тут я стал получать передачи от своих друзей и между прочим в первой же передаче получил от них книгу Нового Завета, которую пропустили без задержек. Впоследствии и эта льгота, принятая во всех странах, была отменена.

Когда меня снова перевезли на Лубянку, то объявили, что я освобождаюсь. На следующий день я получил документы, отобранные вещи: часы, перочинный нож и пр. – и пропуск для выхода из здания ВЧК. С чувством облегчения и благодарности Богу я вышел на Малую Лубянку. Светило сентябрьское солнце. Притихшая и плохо убранная Москва ожидала тяжелой голодной зимы. Сидевшие со мною передали мне ряд адресов для посещения их родственников. Но один из моих сослуживцев просидел еще 2 месяца в Бутырьках, хотя все другие наши служащие были выпущены. Наконец, уже в ноябре его выпустили, оказалось, что его имя пропустили в списке освобождаемых...

Мои воспоминания не были бы закончены, если бы я не сказал о том, как я осуществил на деле совет о. Нектария. Из практики старчества известно, что совет старца должен быть обязательно выполнен, иначе вас постигнут всякие несчастья. Но если вы следуете совету старца, то Бог помогает вам и как бы «все содействует ко благу». Все это я испытал на опыте своей жизни.

Вскоре после освобождения я поступил на службу. Но, помня слова секретаря при техническом совете одного из «главков» ВСНХ*[...]. Главное преимущество этого места состояло в

* Для незнакомых с советской терминологией поясню: ВСНХ это Высший Совет Народного Хозяйства, а «главки» – Главные Управления отдельных отраслей промышленности.

том, что главк помещался на той же улице, где я жил. Однако многие мои сотоварищи-инженеры и знакомые были весьма изумлены моим выбором, считая, что я мог бы устроиться гораздо лучше. Но уж всегда так бывает, что Божии пути по человеческому рассуждению кажутся по крайней мере «странными». Но как только наступила суровая зима, так сейчас же выяснились все преимущества моего выбора. Как только выпал снег, так трамвайное движение прекратилось на всю зиму: некому было расчищать пути. Люди, служившие в разных комиссариатах в центре Москвы, вынуждены были тратить массу сил и времени на хождение. Еще хуже было тем, кто имел две службы и с утра до вечера делал длинные концы пешком.

Но еще более я выиграл в чисто духовном отношении. Мои несложные секретарские обязанности не были утомительны, а потому у меня оставалось сравнительно много времени и сил, которые я вкладывал в церковную жизнь. А в этот год, благодаря мудрому руководству Святейшого Патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как Патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с туманными картинками из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия, и т.п.

Я принимал близкое участие в Братстве Святителя Алексия, Митрополита Московского, во главе которого стоял прот. Роман Медведь, бывший настоятель Севастопольского собора. К братству были приписаны еще несколько приходских церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены братства. В самом храме братства ежедневно совершалась ранняя литургия, и члены могли посещать ее еще до своей службы. Три раза

в неделю по вечерам были вечерние богослужения с беседами, члены братства старались ежемесячно приступать к Св. Причастию и активно участвовали в работе.

Благодаря моей незагруженности служебными обязанностями я имел возможность посвящать свои силы работе в братстве, а потому это время принесло мне громадную духовную пользу; здесь я окреп духовно и начал жить в ограде Православной Церкви. Тогда же было положено и начало моей проповеднической деятельности, особенно после того, как в 1919 году Святейший Патриарх Тихон посвятил нас, троих членов братства, в чтецов, с наименованием нас «благовестниками»; такие «благовестники» появились тогда во многих братствах и выступали с проповедями с церковного амвона.

Так, исполняя совет о. Нектария, я получил возможность закрепить свою связь с Православной Церковью и получить весьма ценную подготовку к моей дальнейшей миссионерской работе. И во всей моей последующей жизни в Советском Союзе его слова всегда сбывались: как только я начинал подниматься по служебной лестнице, так вскоре у меня появлялись неприятности и осложнения; когда же я довольствовался малым, то жизнь текла более спокойно. Впрочем, это уже особая тема, на которой здесь останавливаться не буду.

В заключение коснусь еще вкратце той дальнейшей духовной связи, которая совсем неожиданно установилась у меня с о. Нектарием и продолжалась до самой его кончины. Хотя моя первая и последняя встреча с ним уже связала меня невидимыми узами со старцем, но по воле Божией он до конца не оставил меня своими молитвами.

В 1920 г. я уехал из Москвы на родину, на Северный Кавказ, где жил все время. Почти в то же время уехала в Тульскую губернию одна из участниц нашего братства, г-жа Т., дочь священника, вскоре принявшая тайное иночество. Проживая недалеко от Оптиной Пустыни, она сделалась духовной дочерью о. Нектария и часто его посещала. Когда же монастырь закрыли, то она не переставала посещать старца в тех местах, где он потом проживал.

Мы изредка переписывались, и в ее письмах я всегда получал от него благословения. Зная, как я почитаю о. Нектария, она сообщала мне, что он молится за меня и мою семью, а иногда рисковала пересылать мне от него иконки или листки поучений. Таким образом я еще в течение почти восьми лет продолжал ощущать благодатную поддержку старца и чувствовал в своей жизни охраняющее действие его молитв. В 1928 г. Т. сообщила мне о смерти этого последнего оптинского старца. И как раз в последующие годы моя жизнь заметно осложнилась, и наступили весьма тяжелые годы в моей жизни. Мне кажется, что и здесь играла роль прекращение духовной молитвенной поддержки со стороны старца... Прот. С. Щукин.

4. «...УЛЕТИШЬ КАК ПТИЧКА, У ТЕБЯ БУДЕТ МНОГО ДЕТЕЙ»

Основоположницы Успенской Обители в Южной Америке, в Чили, ведут свое монашеское начало по благословию оптинских старцев. По нашей просьбе они сообщили несколько случаев явной прозорливости старца Нектария. Их игуменьей была матушка Алексия, высокой жизни, ныне уже покойница. Воспоминания матушки Ксении (в мире Клавдии) записаны матерью Иулианией.

«Мать Алексия – моя тетя по матери. Она знала всех старцев, часто посещала Оптину до отъезда в Святую Землю. Была духовной дочерью старца Иосифа. Старец наставлял, как и все старцы: иметь смирение, послушание, сидеть в келии и заниматься рукоделием, “работа в руках, молитва на устах”.

Батюшка был небольшого роста. Ходил тихо на общее благословение помолиться у Царицы Небесной “Достоинство есть”. Говорил так: “Заступи, спаси, помилуй...” и благословлял народ. Мы часто бывали в Оптиной, т.к. родом из Калуги, и жили там. Оптина от нас в 60 верстах. И пешком ходили, и поездом по железной дороге. Я была больна, и батюшка принимал ласково, всегда говорил “помолимся”.

Мне лично он благословил дорогу – говорил: “Торопись, Клава, в Св. Землю, иначе не уедешь. Не соглашайся оставаться с родными”, хотя я очень была больна и молода ехать одной. “Давай помолимся”. Я стала на колени, батюшка накрыл голову мою епитрахилью, начал молиться. Крепко, крепко сжал голову и говорит: “Клавдия, какую ты благодать получишь, ведь враг с детства не любит, а благодать борется за тебя и вырвет тебя!” Потом я ему сказала, как я одна поеду, я такая больная (с 12 до 23 лет я болела белокровием). Он сказал: “Долетишь, как птичка”, и учил, как я должна вести себя на пароходе. За его св. молитвы, я ни качки не чувствовала, хоть она и была.

В последний раз, когда мать Ксения была у старца, он дал ей клубок ниток и говорит ей: “На, намотай этот клубок, видишь, какой он спутанный”. Она помнит, что после болезни белокровия она была очень слаба, и поэтому для нее это было не под силу, а он говорит: “Ничего, ничего, вот так у тебя сложится жизнь; трудно будет тебе в начале, а потом будет хорошо”. Так оно и было.

Старец предсказал матушкам Алексии и Ксении, тогда еще молодым, что у них будет много деток. Говорил: “Вот уедешь в Святую Землю, и у тебя будет много детей”. Матушки пришли в ужас, т.к. думали посвятить свою жизнь Богу, а не иметь семью. И только в 1933 г. пророчество старца начало приходить в реальность. Привели к ним 8-летнюю девочку, впоследствии мать Иоанну, и Владыка Митрополит Анастасий сказал матери Алексии, чтобы она взяла на воспитание арабских детей. Она не хотела, так как все время писала иконы, но не посмела ослушаться Владыки Митрополита. Но когда после матери Иоанны через полгода привели ее двоюродную сестру и еще других детей, в том числе и 3-летнюю нынешнюю мать Иулианию в 1938 году, то тогда вспомнила матушка Алексия пророчество старца Нектария. Надо сказать, что в Горненской обители, где они тогда жили, устав был иной, чем на Елеоне и Гефсимании. Обитель была своекоштной, и приходилось каждой сестре зарабатывать на жизнь. Поэтому каждая сестра имела право воспитывать себе послушницу, а то и больше. Вот

и имели матушки “много детей”. Теперь же, переехав в Чили, у них организовался приют имени Св. Праведного Батюшки Иоанна Кронштадтского и школа, в которых воспитывается 89 человек, детей обоего пола.

Мою сестру Лидию он поучал и наставлял уже при большевиках, она продолжала учиться, пока была возможность; она была тайной монахиней. Из родных никто не знал, т. к., думаю, что батюшка ее научил и благословил.

Старец Нектарий говорил моей сестре Лидии: “Скоро будет книжный голод. Покупайте книги духовные, а то ни за какие деньги не купите”. Говорил также: “Боюсь красных архиереев”.

Владыка Феофан Калужский не верил в святость старца. Когда он посетил Оптину Пустынь и пришел к старцу, то старец не обращал на него никакого внимания и занимался своими куклами (которых ему давали детки как свое самое драгоценное, по любви к старцу); начал совать одну в тюрьму, что-то приговаривая, другую бил, третью наказывал. Владыка Феофан решил, что он ненормальный. Когда же Владыку взяли большевики и посадили в тюрьму, тогда он понял все и сказал: “Грешен я перед Богом и перед старцем: все, что говорил, это было про меня, а я думал, что он ненормальный”. Живя в ссылке, владыка очень страдал от хозяина, но не жаловался. Жил в семье Плохиных.

Еще старец Нектарий говорил: “Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще 7 светильников, 7 столпов”».

5. «ТЫ ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО БУДЕТ» (продолжение рассказа матери Николаи из Бар-Града)

В письме к нам от 20 августа 1955-го года мать Николая писала:

«Теперь скажу о дорогом батюшке Нектарии. В то время, как я жила в Оптиной Пустыни, я вышла за ворота, вижу,

толпа шла по дороге в скит, и я решила подойти поближе. Посреди толпы был о. Нектарий. Он увидел меня, подозвал, и я получила благословение. Батюшка стал спрашивать: “Ну, вот расскажи, как живут в Италии. А какая ты счастливая!” – “Ну, что вы, батюшка! Одно горе”. – “О, нет! Ты ничего не знаешь, что еще будет”. И вот идем за пастырем до самого скита. Батюшка нас угостил всех. По дороге батюшка сказал, что ему холодно и чтобы я дала ему мой платок. И я этот платок берегу, как память. Батюшка нас угостил сладеньким. Мне сказал, чтобы я пришла на другой день в 4 часа. Так я с радостью пошла. Приема не было. Я одна только. Келейник мне открыл. Я вошла. Батюшка сидел и писал, благословил и сказал, чтобы я окончила этот стишок, а сам ушел. Когда я окончила, батюшка сказал: “Напиши число и возьми на память”. И подарил мне четки и сказал: “Пока возьми эти, а потом будешь выбирать из 12. А в Бари надо ехать. Там твой дом и много там проживешь, а потом придет время скажут: “Теперь можно ехать и в Россию”. Но когда приедешь, тебя едва можно будет узнать”.

Вот эти слова тоже как “через 4 года” – “поедешь в Италию”, приходится держать про себя. Откровенно вам скажу – люблю говорить о том, что уже сбылось, а так говорить прямо боюсь. Батюшка Анатолий показал мне адрес, где я буду жить, но я конечно, не помню”».

Еще при жизни старца Нектария мать Николая имела общение с ним посредством ее близкого друга – матери Марии, которая, живя в тяжелых условиях Советского Союза, посещала старца в его изгнании и писала об этом в Бар-Град. Вот часть этой переписки: “...Вы при храме почти живете – это великое счастье для человека. Очень сожалею и горько оплакиваю потерянное счастье – жизнь в монастыре. Ничто не может заменить мне эту утрату. В материальном отношении я благодарю Господа Бога за Его щедрые милости ко мне недостойной. Но в духовном – я нищий, жалкий человек. Время от времени бываю у батюшки Нектария, но что это за поездки?! 1 час или 2-3 увидишь, и то с большими трудно-

стями. Конечно, и утешение получишь такое, что со страхом и радостью долго помнишь и живешь им... А поскорбеть мне есть о чем – совсем оторвана от людей, единомысленных со мною и сестер своих о Христе. Живу одна в квартире. Может быть это так тяжело для меня, что за послушание живу здесь. За послушание трудно ведь и пальцем шевельнуть. Другое дело по своей воле – и гору своротишь и горя мало.

Так вот, родная, я вижу и вам за послушание большого труда стоит выбраться на родину. Когда не было на то воли Божией, рвалась, ни с чем не считаясь, а теперь сказали “можно”, рассуждает, вперед мыслями забегаешь, что да как... Хлопочите о паспорте в Советском посольстве, как и должно быть по порядку. О каком возврате может быть речь, когда сказано: “пусть пополнит число...”^{*} Если цело письмо, прочитайте-ка! Ваше письмо будет отослано с оказией, т.к. в настоящее время у нас весенняя распутица. Попрошу ответа для вас.

Святками я видела батюшку. Слабенький, маленький стал на вид, но духовная мощь слышится в каждом произнесенном слове. Голосок при пении совсем юношеский. На мысли отвечает, страшно и подумать. Осенью частенько прихварывал батюшка. К Рождеству был лучше, а потом опять прихварывал. Скоро будет годовщина, как я пешком, в полуую воду 45 верст шла к нему. 32 версты шоссеиной дорогой, а 10 верст проселочной. Эти 10 верст шла 10 часов: одну ногу вытянешь из полуаршинной глинистой тони, другая ушла еще глубже, а то без сапог выскакивает. Ничего – дошла.

Спрашиваете о моем здорoвии? Вследствие сырой квартиры за полгода много ушло здорoвья. Боюсь нажать ревматизм. Уже побаливают руки, ноги, голова. От головной боли очень страдала до Рождества. По приезде к батюшке я умоляла его помочь мне. Взяла его ручки и положила себе на голову, а он, смеясь, говорил мне рецепты как лечить голову. Все рецепты вылетели у меня из головы, ни одного не помню, но

^{*} «Пополнить число» – значит пополнить число мучеников. Мать Николая, тогда мать Матрона, не решилась вернуться в Россию.

и голова, слава Богу, за милосердие ко мне недостойнейшей, не так уж беспокоит. Только вот чувствительна к холоду, и всегда шумит в ней.

Мое письмо Вы получите, когда у нас будет Светлое Христово Воскресение – Пасха. Буду кричать вам Христос Воскресе! Христос Воскреее! Христос Воскресе!»

6. РАССКАЗ АКТЕРА МИХАИЛА ЧЕХОВА

О своих поездках в Холмище, где пребывал старец Нектарий после своего изгнания из Оптиной Пустыни, рассказывает Михаил Чехов. «Несмотря на слезку, установленную за ним, – говорит он, – до самой смерти старца посещали ученики, знавшие его еще в Оптиной Пустыни, и не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему. Дорога к нему шла через густые леса. От маленькой станции железной дороги до первой деревни было 25 верст. Крестьяне довозили посетителя до этой деревни и там, в одной из хат, держали его до темноты. Оставшиеся несколько верст пути проезжали уже ближе к ночи.

Попал и я к Старцу, и вот как это случилось.

Русская поэтесса Н., находясь в общении с ним, сказала мне однажды, что во время ее последнего посещения Старец увидел у нее мой портрет в роли Гамлета. Посмотрев на портрет, он сказал:

– Вижу проявление духа. Привези его ко мне.

Тогда же, благодаря Н., я впервые и узнал о существовании Старца Нектария и, собравшись, поехал к нему.

Ночью поезд подошел к маленькой, темной станции, где уже ждали крестьянские розвальни, чуть прикрытые соломой и запряженные тощей, старенькой лошаденкой. Стояли жестокие морозы. Дорога была долгая и трудная. После пятнадцатого пути, уже на рассвете, в первой деревне меня ввели в избу и до темноты велели лежать на печи. В избу же Старца я прибыл только к ночи, и на следующее утро был принят им.

Он жил в маленькой комнатке за перегородкой. Не без волнения вошел я в комнатку, ожидая его появления. Ко мне вышел монах в черном одеянии. Он был мал ростом и согнут в пояснице. Лица его я не мог разобрать сразу, уж очень вся фигура старца была пригнута к земле.

– Здравствуйте, Михаил Александрович, – сказал он, кланяясь мне.

Меня поразило обращение на “вы” и по отчеству.

Он сел, и я увидел светлые, радостные голубые глаза, его реденькую, седую бородку и правильной формы нос. Видимо, о. Нектарий был красив в дни своей молодости. Прежде, чем я успел понять, как мне следует держать себя, он весело улыбнулся и сказал: “Да, много есть на свете, друг Гораций, что и во сне не снилось нашим мудрецам”. Затем, помолчав, прибавил:

– Я ведь тоже принимаю к научности. Слежу за ней. А известно ли Вам, Михаил Александрович, когда была представлена первая трагедия? – спросил меня он, лукаво глядя на меня.

Я должен был сознаться, что не знаю.

– Когда прародители наши, Адам и Ева, появились на сцене!

Он весело засмеялся и продолжал:

– Когда я был еще мальчиком, в деревню к нам заехал такой ловкий фокусник – ходит по канату, а сам шапку подкидывает да ловит.

Так занимал меня старец театральными разговорами. Он быстро снял с меня тот ненужный на мне ему налет “мистцизма”, который я привез с собою. Он встал и, еле передвигая больными ногами, ушел за перегородку. Оттуда он вынес коробку с конфетами и положил одну из конфет мне в рот. Все, что приносили ему его посетители, он раздавал им же самим, или угощал вновь приезжающих. Затем он сразу переменял тон и начал серьезный разговор со мной. Разговор имел личный характер. Окончив его, Старец благословил меня и отпустил от себя, сказав, что позовет в другой раз вечером. После меня к

нему вошли одни за другими еще несколько посетителей; когда стемнело он, опять послал за мной.

– Вы не беспокойтесь о вашей супруге, – сказал он вдруг, – она здорова, и дома у вас все благополучно.

Я действительно уже начал сильно волноваться о том, что делается дома, в Москве. Сыщики, всегда и всюду следовавшие за мной, не могли не знать, казалось мне, о моей поездке к старцу, и могли явиться в мою квартиру без меня. Я еще утром видел его прозорливость и знал, что он говорит правду.

Несколько раз удалось мне посетить Старца Нектария. Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему и проводил с ним хотя всего несколько минут. Он конкретно брал на себя грехи, тяжести и страдания других – это чувствовали все, соприкасавшиеся с ним, как почувствовал это и я. Когда спросили об этой способности его давать облегчение приходившим к нему, он, отвечая, сказал:

– Когда наберется много тяжести на спине моей, то приходит Благодать Божия и как сухие листья разметывает ее, и опять легко.

Два или три раза, уже после смерти Старца, я видел его во сне, и каждый раз давал мне советы, выводившие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами.

Однажды, когда я ночевал в избе Старца, меня положили довольно близко к той перегородке, за которой спал он сам. И я слышал, как горько плакал он ночью. Наутро же был весел и радостен как всегда.

– Наш путь, – сказал он как-то о старчестве, – как и у канатоходцев: дойдешь – хорошо, а свалишься на полпути – вот будут смеяться!

Уезжая в последний раз, я ждал разрешения и благословения Старца на отъезд. Запряженные дровни уже стояли на дворе. Времени до отхода поезда оставалось мало и я, признаюсь, стал уже нервничать, боясь опоздать. Двадцать пять верст, ночь, мороз, худая деревенская лошаденка – скоро ли довезет она! Но Старец медлил. Я попросил хозяина напомнить ему о моем от-

езде, но крестьянин с укоризной взглянул на меня, маловерного, усомнившегося. Старец тут же сидел у стола и как бы рассматривал будильник, стоявший перед ним. Я понял, что успеть на поезд уже невозможно и думал с неудовольствием о тех последствиях, которые может вызвать в Москве мое опоздание. Время все шло. Вдруг Старец взглянул на меня и ясно и твердо, как бы отвечая на мои беспокойные мысли, сказал:

– Даю вам Ангела в сопровождение. Ни о чем не беспокойтесь.

Время ли растянулось, дорога ли сократилась, но к великому моему удивлению (и стыду!) на поезд я не опоздал.

Старца я больше не видел. Он умер незадолго до моего отъезда за границу. Жене моей удалось еще послать гроб для его тела и немного денег на похороны».

7. СТАРЕЦ И ПАТРИАРХ ТИХОН

Приводим случаи прозорливости о Нектария, переданные нам профессором И. М. Андреевым.

Профессора Комарович и Аничков во время путешествия к о. Нектарию (к этому посещению мы еще вернемся в дальнейшем) спорили об имяславии, причем один из профессоров, возражая против имяславия, привел пример, когда имя Божие произносится попугаем, или грамофонной пластинкой.

Когда эти профессора прибыли к о. Нектарию с желанием выяснить этот вопрос у Старца, то последний предварил их и прежде, чем они успели спросить его об этом, предложил им выслушать «сказочку». Смысл этой сказки был такой: в одном доме в клетке жил попугай. Горничная этого дома была очень религиозная и часто повторяла краткую молитву: «Господи, помилуй!» Попугай научился тоже повторять эту молитву. Однажды, когда горничная вышла, забыв закрыть клетку, вбежала в комнату кошка и бросилась к клетке. Попугай в ней заметался и закричал голосом горничной: «Господи, помилуй!» Так как кошка очень боялась горничной, то, услышав голос послед-

ней, со страху убежала. Оба профессора были очень потрясены этим рассказом о Нектария.

Однажды в 1927 г. о. Нектарий дал указание одному своему духовному сыну прийти к своим знакомым, жившим на Аптекарском острове в Петрограде, и при этом сказал: «Там вы встретитесь с бухгалтером деревообделочного завода, который вам достанет работу». Придя к своим знакомым, этот человек действительно встретил там бухгалтера такого завода. Они познакомились, и этот последний устроил его на работу на своем заводе.

Проф. И. М. Андреев в течение 1927 года находился в переписке с о. Нектарием, через одного монаха З., жившего в Козельске. О. Нектарий, давая свои указания, предсказал профессору, что ему предстоят очень тяжкие испытания и страдания, но что в конце концов все кончится благополучно, и он выйдет на свободу и будет иметь возможность активно служить Православной Церкви. В феврале 1928 года этот профессор был арестован за участие в Катакомбной Церкви, сослан в Соловецкий концлагерь, а затем был в ссылках. Но кончилось все это благополучно, и после войны 1941–1945 г. профессор эмигрировал в Америку.

Один из постоянных посетителей о. Нектария рассказывает об этом следующее: «Патриарх Тихон не был у батюшки о. Нектария, и батюшка не был у Патриарха. Кажется, не было и переписки между ними, однако, многие вопросы решались Патриархом в соответствии с мнением старца. Это происходило через лиц близких к Патриарху и общавшихся с батюшкой. Последний на тот или иной вопрос высказывал свою точку зрения или говорил иносказательно, рассказывая о каком-либо случае. Эта беседа передавалась Патриарху, который всегда поступал по совету батюшки.

Положение Патриарха было чрезвычайно тяжелым. Власть стремилась разбить христианские устои. Организовывался раскол, выразившийся в т. наз. обновленчестве; образовывались и другие группы, основанные не на чисто христианских, а на политических соображениях. В то же время

Оптина, находясь под руководством старцев вообще и последнего старца батюшки о. Нектария в особенности, шла по твердому пути, не уклоняясь в стороны. Оптина авторитетом старца распространяла свое влияние во все уголки России, т.к. к ней текли со всех сторон преданные Церкви люди, несмотря на трудности и опасности. Архиереи, священники и миряне и лично, и письменно, и устно – через других лиц – обращались к старцу за разрешением духовных, церковных и житейских вопросов. Взгляд старца на тот, или иной вопрос был абсолютным авторитетом и быстро распространялся среди истинно верующих людей, которые и являлись опорой Патриарху во всех его начинаниях.

Совсем иное положение создалось с приходом к власти митрополита Сергия: между последним и о. Нектарием общения не было.

Еще до выхода декларации м. Сергия, тем же летом 1927 года старец Нектарий в беседе с посетившими его профессорами Комаровичем и Аничковым назвал митр. Сергия обновленцем. На их возражение, что последний покаялся, старец ответил им: «Да, покаялся, но яд в нем сидит».

С момента выхода этой декларации, предавшей Церковь в руки врагов, начался отход от митр. Сергия лучших епископов и стойких верующих.

Процесс был длителен: некоторые медлили с отходом, надеясь, что благодаря обличениям митр. Сергей образумится; но наконец процесс закончился в 1929 году, когда Катакомбную Церковь возглавил митрополит Кирилл, вознося имя митрополита Петра*.

Старец не дожил до этого события. Последний год своей жизни (1927–1928) отец Нектарий был очень слаб и почти никого не принимал. Его силы заметно угасали. В декабре 1927

* См. проф. Андреев. Краткий обзор Истории Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль. 1952 г., стр. 51. К этому времени относится предсказание о. Нектария, сделанное летом 1923 г., о закрытии всех церквей. Приводим его полностью: «19-3-1924. Летом (1923) Дедушка говорил, что Церкви на время откроют, но через 5 лет все церкви закроют. Первое сбылось у нас, так что мы наслаждаемся чудным церковным пением.

года думали, что старец умирает, однако наступило временное улучшение.

Но в конце апреля 1928 г. стало ясно, что конец приближается.

VI. Кончина отца Нектария

О последних часах жизни о. Нектария записано со слов протоиерея о. Адриана Рымаренко, ныне Епископа Андрея, лично присутствовавшего при кончине старца. По нашей просьбе о. Адриан любезно сообщил нам свои воспоминания, за что приносим ему нашу благодарность.

С 1927 года о. Нектарий стал серьезно недомогать, его силы заметно угасали. В декабре этого года в состоянии его здоровья было резкое ухудшение: думали, что старец умирает, но затем наступило некоторое улучшение.

В апреле 1928 года 27-го числа о. Адриан получил открытку от Василия Петровича Осина, что о. Нектарий теперь действительно умирает.

О. Адриан немедленно выехал и добрался до села Холмищи 29 апреля, несмотря на трудности в связи с весенней распутицей.

В доме его встретили София Александровна Энгельгард, хозяин дома – Денежкин и его дочь – Мария Ефимовна. Отец Нектарий, хотя иногда и приходил в сознание, но говорить уже не мог.

Во время вечерней трапезы на половине дома, которую занимал хозяин, о. Адриану рассказывали о ходе болезни и о последних событиях, о том, как о. Нектария спрашивали, кого вызвать для напутствования. Предлагали о. Валентина Свенцицкого. Батюшка категорически сказал: «нет».

– Кого же? – продолжали спрашивать. – Может быть о. Досифей?

– Нет, – возразил батюшка, – если вызовите отца Досифея, то в Козельске будут аресты, надо вызвать отца Сергия Мечева.

Дали знать об этом о. Сергию. Он приехал, исповедовал и причастил батюшку и уехал утром в день приезда о. Адриана. Последний уже не застал о. Сергия.

В половине девятого вечера Мария Ефимовна спешно позвала о. Адриана к больному: «Батюшка, скорее, скорее!» Когда туда вошел о. Адриан, она закрыла дверь на ключ и больше никого не пустила.

Батюшка был покрыт мантией и лежал вполоборота к стене. Перед его глазами стояли икона святителя Николая и именной образ преподобного Нектария в серебряной ризе. На столике возле кровати лежали требник и епитрахиль. В обеих комнатах этой половины горели свечи. Батюшка тяжело дышал. Мария Ефимовна резко сказала: «Читайте отходную!» О. Адриан облачился в епитрахиль и начал читать отходную. Читал медленно, вглядываясь по временам на батюшку. Казалось, будто из глаз батюшки шла слеза. Батюшка смотрел на образ: очевидно, он был в сознании. Когда кончилась отходная, батюшка еще дышал, но дыхание становилось все медленнее, все с большими промежутками. О. Адриан прочел разрешительную молитву и, став на колени, покрыл лицо умиравшего мантией. После этого дыхание продолжалось еще долго, минут сорок, может быть и час.

«Тихое, тихое дыхание с интервалами, – рассказывает о. Адриан, – но наступил момент, когда я почувствовал, что это последние вздохи, и я поднялся и положил епитрахиль на батюшкину голову. Мне были видны рот и шея. После некоторого промежутка времени полного покоя было заметно некоторое движение в горле. На губах появилась улыбка. Это был последний вздох». В это время батюшка был покрыт епитрахилью.

«Когда батюшка замер, я снял епитрахиль с его головы и закрыл ему глаза, которые были полуоткрыты. Мария Ефимовна с трепетом сказала мне: “Какой, батюшка, старец был прозорливец! Ведь батюшка начал умирать при мне, я хотела остаться совсем одна, но вспомнила, как батюшка еще в январе говорил мне: “Маня, позови отца Адриана!” И когда я объяснила, что о. Адриана здесь нет, батюшка категорически ответил:

“Позови! его забрали на другую половину!” Я вспомнила это теперь и задрожала от мысли, что нарушаю батюшкин завет, и позвала Вас!”»

Как только открыли дверь комнаты, явился агент ГПУ и отобрал у о. Адриана документы.

Вызвали о. Тихона, местного священника. Он и о. Адриан приготовили тело к облачению.

На другой день рано утром о. Тихон ушел готовиться к Литургии, а о. Адриан остался читать над батюшкой Евангелие, которое читал без перерыва до восьми вечера воскресенья, когда стали подходить из Козельска и прибывать из Москвы и Смоленска первые группы людей. Приехали и священники и начали служить парастас.

Монахи о. Севастиан и келейник о. Петр облачили батюшку по-монашески. С погребением задержались в ожидании всех вызванных, а также прибытия колоды-гроба.

Наконец, в два часа ночи с понедельника 2 мая на вторник 3-го приехала последняя группа людей из Москвы с колодой.

Вынос батюшки начался в 5 часов утра. Собралось такое количество людей, что впечатление было какого-то громадного торжества. Со всех окрестных сел собрался народ, как мы узнали потом, прибыло ГПУ из Москвы.

Перенос батюшки из квартиры в Покровскую Холмищенскую церковь продолжался не менее часа из-за непрерывных литий. Люди бросали в гроб куски полотна, клубки ниток.

Когда батюшку принесли в храм, началась соборная панихида. В погребении участвовал Плохинский благочинный о. Алексей. Он был настолько деликатен, что предстояние уступил о. Сергию Мечеву. После панихиды началась Литургия. Было очень много священников. Слово произнес местный священник о. Тихон, т.к. по обстоятельствам иначе и не могло быть. После литургии началось отпевание по монашескому чину, затем вынос на кладбище с литиями. Мы вернулись домой только в 5 часов вечера. В доме Денежкина был устроен поминальный обед, причем москвичи устроили такое изобилие, что нужно поражаться. Из Москвы, как будто, был при-

везен большой крест и поставлен у изголовья. На другой день началось мытарство с ГПУ.

Ночью же произошел интересный случай. У Старца было два келейника: отец Севастиан и простец отец Петр, пламенно любивший своего старца. Будучи лишенным своей дорогой Оптины, он скрывался в лесу. Увидав, что крест поставлен не на восток в ногах на могиле своего старца, и что батюшка лежит не лицом ко кресту, его ревность вознегодовала. Ночью пришел, сломал поставленный крест, срубил топором новый и поставил у ног старца на восток. Наутро обнаружили новый крест. Но не хотелось и прежнего удалять, а поэтому его стянули и восстановили на прежнее место. Таким образом у старца на могиле два креста.

Два креста! Два креста на месте земного упокоения того, кто всю свою многотрадальную жизнь нес не только свой иноческий крест, но и крест людской, крест ближнего, брата своего! И конечно не забыт он! Во всем его кротком облике кроется что-то, напоминающее Преображение: блистающее, но не поддающееся умственному глазу человеческому, но только сердцем ощутимое ликующее торжество! Так это ощущается и носится в себе теми, кто совершает хождение на могилку к Старцу, как это видно из писем монахини Марии, посланных ею в Бар-Град.

НА МОГИЛКЕ БАТЮШКИ НЕКТАРИЯ

Здесь сельское кладбище в 23 верстах от села. Придешь, бывало, только к дверцам оградки и чувствуешь, что без монашеского молитвословия немисливо войти. Сердцем услышишь: «Аминь». Входишь как бы в хибарку. Припадешь головой к холму могильному и не в силах оторваться от земли. Распредишь принесенные цветочки, сядешь на скамейку у холмика и вся в воспоминаниях ярких и живых – вот как будто сам батюшка стоит в своей комнатке у Андрея Ефимовича – теперь домик его сломан и перевезен в другое село. Мертвым его

никогда никак нельзя себе представить, хотя сидишь у могилки его. А природа! Тут же на кладбище красота неопиcуемая. Вековые сосны, ели и березы дают много тени и прохлады, сквозь их густые вершины нежно проглядывает солнышко. Зато поля, окружающие кладбище и деревушки, прихотливо прикорнувшие на склонах холмов, ярко залиты летним палящим солнцем, а горизонт окаймлен кругом зеленым бархатом соснового леса. В серенькую погоду весь горизонт застилается сизо-дымчатой пеленой, деревушки глядят сереньким пятнышком – здесь не встретишь белых каменных домов – все из дерева, а на могилке у батюшки за оградкою тогда становится еще теплее, еще роднее.

Приехала в Козельск 18 июля под праздник преп. Серафима. Погода не давала нам выйти на дорогу: был дождь, были лужи. Через 3-4 дня установилась погода, и мы вчетвером отправились с сумочками за 45 верст к дорожному батюшке о. Нектарию. После Козельской пыли, грохота всевозможных машин деревенская тишина особенно была приятна. Природа в Калужской губернии отличается особенной красотой. Горизонт весь окаймлен лесами. Тропинки по песчаной почве очень мило выются по зеленой травке. Помнишь дорогу через Оптинский луг к парому? Благодаря песчаной почве она всюду ласкают взор. Вышли мы в 4 часа вечера с тем расчетом, чтобы пройти 13 верст и переночевать.

Так оно и вышло. Остановились у знакомых и родных по духу – все дети одного отца, а потому воспоминаниям и разговорам не было конца. Отдохнули, часиков в 10 утра мы вышли в дальнейший путь. Я по слабости не могла идти быстро, и одна из спутниц по чрезмерной полноте не могла идти быстро, словом, благодумствовали и прошли еще 13 верст во второй день. Переночевали в той местности, где одна из спутниц учительствовала по благословиению батюшки. Опять воспоминания о далеком прошлом. Наконец последние 19 верст, и мы достигли желаемой цели, т.е. пришли в село, где жил наш родной. Побросав дорожные сумочки, не отдохнув с дороги, мы побежали на кладбище. Было уже 9 ч. вечера. К нам

присоединилась по дороге молодая барышня, которая два дня тому назад была на могилке. Она вызвалась показать нам дорогу. Идем... оставалось еще 3 версты. Мы отпустили провожатую. Уже стало темнеть. Небо заволокло тучами, и мы потеряли правильную дорогу. Бежали, бежали, а кладбище от нас убежало. Решили было вернуться домой, но сердце горело желанием скорее прильнуть к дорожному холмику. Наконец, мы у цели. В темноте рельефно выделялась четырехугольная площадь, заросшая вековыми елями, соснами и березами. Обойдя кладбище с северной стороны, мы повернули на западную. Сейчас же по дороге нужно свернуть влево, и мы у дорогой оградки. Непередаваемые словом чувства нахлынули на каждую из нас. Мы, не сговорившись, остановились у оградки, не решаясь войти без благословения, как бывало прежде. Как-то не верилось – неужели уже у дорогого? Испросив благословения, не хотели оторваться от дорогой могилки; собрались переночевать на ней, но устали, и ночная свежесть напомнила о благоразумии. Была уже глухая полночь, ни звука, кроме топота наших шагов.

...Всем существом своим я отдохнула в эту поездку. Глядя на окружающую природу этого края, сердцем восклицаешь: “Господи, недостойна я видеть земными очами красоту Твоего творения. И если у Тебя так хорошо на земле, то каково же у Тебя в раю?! И невольно вспомнишь стихиру на прощальное воскресение “Плач Адама”: “Седе Адам прямо рая и свою наготу рыдаше...О, раю!..”

Из села от батюшки нам указали кратчайший путь, вместо 12 верст – 6-7. Для меня это было великим благом. Правда, устала нога. Я старалась делать большие привалы. Расстелю непромокаемое пальто, вытянусь во весь рост – только так отдыхала нога, – полежу долго-долго, поедим. Со мной была все время одна из моих оптинских подруг. Я ее возила на свой счет, – да с палочкой в путь потихоньку. 7 верст шли с 1 ч. дня до 8-ми веч. Вся дорога ничего особенного не представляла, окружающая красота стала привычна нашему взору. Вот подходим мы к одному большому селу. Золотые кресты двух

колоколен церковных ярко блестели в лучах заходящего солнца. Грандиозный, вчерне отстроенный храм формой корабля выпукло рисовался на фоне золотисто-красных закатных лучей. Он как-то сквозил своими еще не застекленными узкими оконными нишами. Невысокий купол над трапезой представлял собою корону, увенчанную крестом. Я насчитала 16 окон, над ними кружевной бордюры из сточенных красных кирпичей. Эта незаурядная архитектура для деревенского храма заставила нас долго любоваться. Как вдруг глазам нашим, сразу под ногами, открылась целая картина: влево овраг, переходящий в долину. Мы должны были забрать вправо, чтобы пройти на противоположный край этого оврага, который широкой выпуклостью поднимался вверх, устланный яркой изумрудной зеленью при нежном освещении заходящего солнца и манил нас к себе. Не успели мы пройти и ста шагов, как картина еще более живописная привела нас в еще большее изумление. Сейчас же под ногами, с севера на юг, показался овраг, поросший кое-где кустарником, а большей частью только травой. Сверху восточные края этого оврага все еще освещались прощальными лучами заходящего солнца, а внизу уже ложились вечерние тени. Совсем козы тропинки вели на дно этого оврага. На мое счастье я вскоре увидела ложбинку, вероятно, оставшуюся после весеннего водопада; по ней я благополучно и сошла на дно оврага. Здесь под ногами протекала чистенькая светленькая водичка, но очень узенькой полоской, которую без всяких затруднений мы и перешагнули. Сейчас же начался крутой подъем, и мы стали подниматься узенькой извилистой тропинкой. Нам пришлось раза 2-3 остановиться передохнуть, пока мы поднялись. Но что это за вода в огражденных водоемах, откуда она может быть на высоком косогоре?!

Смотрим, а перед нами бежит тоненькой струйкой один ручеек, другой, а там третий, а вот здесь образовался крошечный водопад. Оказалась прекрасная родниковая вода, чистая, как хрусталь, вкусная-вкусная, без всякой примеси или какого-либо запаха. Мы поднялись наверх, оглянулись назад. Солнце ушло за горизонт, пурпурные облака догорали, и на землю

тихо спускались вечерние сумерки. Господи, Господи, думалось мне, если бы эта земная красота навсегда приковала мое сердце к созерцанию вечной, невянущей красоты! В уме проносились картины священной истории одна за другой. И долина Иорданская, и гора Фавор. Не выдержала и запела: «На Фавор возшел еси... – Поят три Своя ученики, на Фавор возшел еси...» Благодарные Господу всей душой и сердцем мы повернулись, чтобы продолжать свой путь. Но он уже близился к концу, т.к. околица села началась и своими прихотливыми зигзагами ввела нас в центр селения. Околица простая – изгородь из жердей, за которыми высоко-высоко подымались верхушки душистой конопли. Раскаленный дневным солнцем воздух не успел еще остыть, а потому весь был насыщен сладко-душистым запахом конопли, которую, кстати сказать, я очень люблю.

Описывая виденную красоту, я вновь переживаю и ощущаю ту радость и ту благодарность Господу за доставленное мне великое утешение. И все это по заботе о мне дорогих моих отцов. Царствие им небесное! Два года тому назад случайно была раскопана могилка батюшки Нектария. Белье и чулочки истлели, а тело белое. Мир праху Твоему, дорогой батюшка!

ОБРАЩЕНИЕ СПИРИТА

(Из книги В. П. Быкова, бывшего редактора одного из самых влиятельных спиритических журналов в России в начале XX века «Тихие приюты для отдыха страдающей души». Москва, 1913)

В настоящее время Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни, как мы говорили выше, представляет собою центральный пункт для оптинских богомольцев.

И действительно; и по внешнему виду, и по внутреннему укладу эта святыня является поистине красотой всей России.

Достаточно выйти из пустыни на ту очаровательную дорожку, которая идет к скиту, чтобы вашу душу охватило какое-то исключительное по своему настроению чувство.

Перед вами разворачивается с обеих сторон чудная, густая сосновая аллея, и вы сразу чувствуете, что переходите в какой-то совершенно иной мир.

Обыкновенно поразительная тишина. Святая тишина в самом точном смысле этого слова. Такой тишины, я уверен, многие не наблюдали нигде.

По обеим сторонам в начале аллеи стройно стоят фруктовые деревья. Если вы приехали во второй половине июля, то ваш взгляд падает на необычайное изобилие яблок и других фруктов. Если же вы приехали ранней весной, вы идете под сенью какого-то неземного сада, покрытого белом цветом фруктовых деревьев.

Наконец как-то незаметно эта аллея соединяется с просеком обыкновенного леса, обильного стройно вытянувшими свои вершины богатырями-деревьями, которые как стражи-исполины доброго старого времени мирно пропускают вас к скиту. То тут, то там в глубоком безмолвии, с каким-то очевидно исключительным благоговением тянутся длинные вереницы богомольцев, направляющихся к старцам.

Сто семьдесят сажений, расстояние между пустынью и скитом, пройти, само собою разумеется, очень скоро. И вы сожалеете, что эта чудная дорога не выросла в 170 верст.

Перед вами направо сначала показывается колодезь во имя Амвросия Медиоланского, куда два раза в день выходят с небольшими глиняными кувшинами из скитских ворот скитонасельники, очевидно, за водой для утреннего и вечернего чая.

Еще несколько шагов, и перед вашими глазами разворачиваются святые ворота Предтечева скита, по обеим сторонам которых вы видите два домика с выходящими наружу маленькими крыльцами, в отворенные двери которых почти беспрерывно то входят, то выходят пришедшие богомольцы.

И у келии направо, на длинной скамейке, которая рядом с входом, а иногда и на ступенях крыльца, сидит большая группа ожидающих очередного входа в келию.

Эти два домика – келии старцев, куда является свободным доступ снаружи скита только лишь для женщин. Мужчины же входят к старцам через святые ворота, через внутренний вход.

Если вы оглянетесь в сторону леса, по направлению от правой келии, то вы увидите в хорошую ясную погоду массу самой разнородной публики, которая находится в ожидании очередного входа в келии.

С этой же стороны помещается длинная скамья.

Главная масса богомольцев тягнет в келию направо.

Такое изобилие народа вблизи правой келии объясняется тем, что в этой келии на протяжении многих лет сряду помещались два великих старца: Амвросий и Иосиф.

Удивительным свойством обладает это место перед святыми воротами скита.

Не говоря уже о своих личных переживаниях около этих святых стен, когда я, преисполненный чувством великого благоговения к тем, кто живет за стенами этой обители, а в особенности к тем, кто живет в этих выбеленных, чистеньких двух домиках у ворот, – целыми днями просиживал здесь, – я знаю очень многих людей, которые приходили сюда для того, чтобы в этой изумительной, святой, безмолвной тишине, я даже не скажу, отдохнуть, а чтобы совершенно забыть обо всем, оставленном там, далеко за этим дивным лесом, за этой дивной дорожкой, в тлетворном мире со всеми его заботами.

Здесь переживается человеком какой-то особенный процесс внутреннего умиротворения и самоанализа.

Здесь, мне кажется, впервые из прикованных к этому месту распознают «самого себя», свое внутреннее «я», и здесь, у этих самых святых келий, у порога этих великих ворот, совершался великий процесс обновления тех душ, которые навсегда оставили здесь свое прежнее, безобразное, уродливое, отвратительное «я» и ушли отсюда совершенно другими людьми.

Не знаю почему, но мне в этом месте, у стен этой обители, стал понятен великий евангельский факт возрождения Закхея.

Только здесь я понял, какую огромную роль в человеческой жизни вообще и в Православии – в особенности, играют великие подвижники, праведные и святые.

Помимо молитв за грешный мир, помимо великого значения как живой иллюстрации возможного проведения в жизнь евангельских истин Божественного Спасителя мира, – эти святые, эти подвижники, эти яркие светильники, на наших глазах горящие огнем Божественной правды, не только они сами, но и их великие уюты, хижины, обители – дороги и неоценимы для нас тем, что в их присутствии, около тех мест пребывания великих подвижников, которые иллюстрируют и их образ жизни, и их взгляды и привычки, – как яркое зеркало мгновенно ослепляют нас таким лучистым светом, что на фоне его проецируются сразу все наши отрицательные стороны, все наши недостатки, весь позор и вся неприглядность наших внутренних привязанностей к миру и к похотям его.

Как Закхей, который влезал на дерево ради простого любопытства, как только лишь увидел Божественного Спасителя мира, – от Которого ему ничего не было нужно, к Которому привлекали его только лишь слухи о Его великой святости, о Его неземной правде; к Которому его влекло только лишь одно человеческое желание подивиться людскому удивлению, поблагоговеть с благоговением массы, наконец, просто, чтобы самому иметь понятие, Кто Он, Что Он, получилось совершенно неожиданное для Закхея; и как достаточно было Закхею увидеть это воплощенное смирение, эту идеальную кротость, чтобы на фоне яркого света, излучаемого Им, он мгновенно увидел все свое несовершенство, всю свою греховность и пораженный всем этим мгновенно воскликнул: «Господи, половину имения моего я отдам нищим, и если кого чем обидел, воздам вчетверо; а Иисус сказал ему: “Ныне пришло спасение дому сему”^{*}. Точно такой же психологический процесс совершился у этих скитских стен и с душами Гоголя, Киреевского и др.

И как только я узнал Оптину пустынь, – когда Господь помог мне здесь, недостойному, под сенью обители этих

^{*} Лук. 19, 9.

молитвенников-старцев увидеть святую правду и смысл жизни; когда в течение нескольких дней созерцательного многочасового пребывания здесь, у этих небольших по величине, но не ограниченных по вмещаемой ими духовности хибарок-келий старцев, мне пришлось увидеть самому в себе то, на что у меня раньше никогда не открывались глаза; покаяться самому перед собой в самых мелких и в самых крупных греховных деяниях, — я сразу разрешил ту психологическую загадку, которую ставило перед моим умом какое-то странное, необъяснимое состояние даже во время моего неверия; которое всегда охватывало мою душу при чтении высоких мест Божественного слова; при трогательной молитве кого-нибудь из встречающихся в храме, в часовне; при посещении жилищ таких великих подвижников духа, как Серафим Саровский чудотворец; при встрече с великими иноками, полными удивительной кротости, какого-то нечеловеческого смирения и любви.

Тотчас же по прибытии, как только я узнал о том, что в Оптиной старчествоуют три старца: Феодосий (скитоначальник), о. Нектарий и о. Анатолий, я решил прежде всего отправиться к о. Феодосию.

Как я сказал уже выше, прием старцами мужского элемента производится изнутри скита. Я вошел в святые ворота, отворил их, и предо мной открылась чудная картина роскошного, обильного цветами сада, которые доходили своим ростом до полного роста человека и насыщали воздух таким ароматом, что можно забыть в буквальном смысле слова все окружающее.

Прямо против меня стояла небольшая деревянная, но чрезвычайно своеобразной архитектуры церковь — это храм Предтечева скита, отличительная особенность которого заключается в том, что внутри его все решительно сделано из дерева, и, как говорят, самими монахами. Кроме того, все иконы в церкви не имеют на себе так называемых риз, а открыты всей своей живописью.

По обеим сторонам дорожки от святых ворот к скитской церкви, в начале ее, на одной стороне, — направо ке-

лия о. Нектария, а налево – келия скитоначальника, старца Феодосия. Направившись к последнему, я позвонил. Выходит келейник и просит меня войти. Когда я вошел, передо мною был длинный, очень чистый коридор, увешанный всевозможными текстами из Св. Писания, поучений монахам и приходящим мирянам. Направо была большая комната. Я вошел в нее. Передний угол наполнен образами, налево у стены большой, кожаный диван, над ним портреты: большой старца Амвросия, лежащего на кровати, затем Варсонофия, а дальше различных епископов и вообще лиц известных, как в Оптиной пустыни, так и в других обителях. Через короткий промежуток времени ко мне вошел старец Феодосий, человек высокого роста, с очень густыми, с большой проседью, волосами, с небольшой бородкой и очень красивыми глубокими, вдумчивыми глазами.

Необходимо заметить, как я сказал раньше, я и здесь из ложного опасения и считая для себя вопрос о спиритизме уже законченным, приступил к старцу, ничего не говоря о своей деятельности по спиритизму, с вопросами, тесно связанными с моей литературной и лекционной деятельностью.

И здесь я, как и у старца Герасима*, снова самолично наблюдал поразительную силу духовного опыта и провидения старцев.

Передо мной был человек огромного духовного опыта и широко образованный. Благословляя меня на работу популяризации христианско-нравственной этики, он преподавал мне чрезвычайно много ценных советов; снабдил меня указаниями, которые, как уже я вижу теперь, были так необходимы, так нужны мне.

А когда я предложил ему целый ряд вопросов, касающихся переустройства моей личной жизни, то чувствовалось, – по крайней мере, у меня осталось такое впечатление, – что старец какими-то внутренними импульсами проник в мое прошлое, оценил мое настоящее и, преподавая советы для будущего, из чувства деликатности, а быть мо-

* Прозорливый старец – основатель Сергиева скита Калужской губ.

жет и сожаления, не хочет касаться больных вопросов моей сущности. Преподав мне свое благословение, он предложил мне побывать у старца Нектария.

Я сначала было отказывался от этого; во-первых, из опасения, чтобы не нарушить то впечатление, которое создалось у меня от этой беседы, а во-вторых, опять-таки, в силу указанного выше разъяснения преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна, что переспрашивать по два раза старцев об одном и том же, равно как и переходить от одного старца к другому, не следует; ибо в первом случае старец несомненно говорит по наитию свыше, а во втором примешивается работа рассудка.

Тем более, что я из беседы старца Феодосия, по его ответам на чрезвычайно сжатые вопросы; на вопросы, в которых хотя я тщательно обходил все, что касается моей бывшей постыдной деятельности, этот широко развитой, озаренный благодатною силою Христа ум дал мне то, что не мог дать простой человек.

И я был умиротворен, поражен и изумлен.

Но старец Феодосий как будто даже настаивал на том, чтобы я непременно побывал у старца Нектария.

— Знаете, если вы даже побудете на порожке у этого великого по смирению старца, то и это, кроме Божьего благословения, ничего не даст вам.

Я решил исполнить то, на чем настаивал старец.

Перейдя через дорожку, я направился к подъезду старца Нектария. Позвонил. Передо мной тотчас же отворилась дверь. Когда я вошел в коридор, я увидел много мужчин, сидевших и стоявших, очевидно, в ожидании старца.

Необходимо заметить, что в это время был особенно большой наплыв посетителей у старцев, поэтому, как говорится, все было переполнено.

Келейник провел меня в особую комнату, где я сел в ожидании о. Нектария.

Я ожидал очень недолго. Через какие-нибудь 10–15 минут я услышал, как в передней все зашевелились. Встал и я, приблизился к двери и вижу, как, направляясь ко мне, идет старец,

человек очень невысокого роста, в таком клобуке на голове, в каком обыкновенно пишется и рисуется старец Амвросий.

Это был старец Нектарий.

Благословивши всех, он подошел ко мне и со словами: «пожалуйста» ввел меня в свою келию.

Точно такая же обстановка как и в келии старца Феодосия: иконы, портреты, направо большой старинный развалистый диван, накрытый чехлом. Неподалеку столик, на котором лежат несколько книг духовной литературы. Старец Нектарий усадил меня на диван, а сам сел со мной рядом в кресло.

По виду старцу Нектарию нельзя дать много лет. Небольшая бородка почти не изменила своего природного цвета.

Странное впечатление на посетителей производят глаза старца, в особенности во время беседы. Они у него очень маленькие – вероятно, он страдает большой близорукостью, но вам часто кажется, в особенности когда он сосредоточенно вдумывается, что он как будто впадает в забытие. По крайней мере, таково было мое личное впечатление.

В то время, как старец Феодосий вырисовывается в ваших глазах человеком живым, чрезвычайно скоро реагирующим на все ваши личные переживания, – о. Нектарий производит впечатление человека более флегматичного, более спокойного и, если хотите, медлительного.

Так как посещение этого старца послужило окончательным разрешением всех моих переживаний, я постараюсь по возможности точно *воспроизвести смысл* моей беседы с ним.

– Откуда вы изволили пожаловать к нам? – начал медленно, тихо, спокойно говорить о. Нектарий.

– Из Москвы, дорогой батюшка!

– Из Москвы?..

В это время келейник старца подал ему чай и белый хлеб:

– Не хотите ли со мной выкушать стаканчик чайку? Дайка еще стаканчик!.. – обратился он к уходившему келейнику.

Я было начал отказываться, говоря, что ему нужно отдохнуть. Что я не смею нарушать его отдыха. Но батюшка, очевидно, вовсе не имел в виду отпустить меня, и со словами:

«Ничего, ничего, мы с вами побеседуем», – придвинул ко мне принесенный стакан чая, разломил надвое булку и начал так просто, ровно, спокойно вести со мной беседу, как со своим старым знакомым.

– Ну как у вас в Москве? – было первым его вопросом.

Я, не зная, что ответить, сказал ему громкую фразу:

– Да как вам сказать, батюшка; все находимся под взаимным гипнозом.

– Да, да... Ужасное дело этот гипноз. Было время, когда люди страшились этого деяния, бегали от него, а теперь им увлекаются... извлекают из него пользу...

И о. Нектарий в самых популярных выражениях прочитал мне целую лекцию, в самом точном смысле этого слова, о гипнотизме, ни на одно мгновение не отклоняясь от сущности этого учения в его новейших исследованиях.

Если бы я пришел к старцу хотя бы второй раз и если бы я умышленно сказал ему, что я – спирит и оккультист, что я интересуюсь, между прочим, и гипнотизмом, я, выслушавши эту речь, мог бы с спокойной душой заключить, что старец так подготовился к этому вопросу, что за эту подготовку не покраснел бы и я, человек вдвое почти моложе его.

–... И ведь вся беда в том, что это знание входит в нашу жизнь под прикрытием как будто могущего дать человечеству огромную пользу... – закончил о. Нектарий.

В это время отворилась дверь, вошел келейник и заявил: «Батюшка, вас очень ждут там».

– Хорошо, хорошо, сейчас, – проговорил старец, а затем, немножко помедлив, продолжал, обращаясь лично ко мне:

– А вот еще более ужасное, еще более пагубное для души да и для тела увлечение – это увлечение спиритизмом...

Если бы в этой келии, где перебивал целый ряд подвижников-старцев Оптиной пустыни, раздался сухой, металлический, знаете, – бывает иногда такой в жаркие летние июньские грозовые дни, – раскат оглушающего удара грома, он бы не произвел на меня такого впечатления, как эти слова Боговдохновенного старца.

Я почувствовал, как у меня к лицу прилила горячая волна крови, сердце начало страшно усиленными ударами давать знать и голове, и рукам, и ногам, и этому дивану, и даже, кажется, самому старцу о своем существовании. Я превратился в одно сплошное внимание. Замер от неожиданности. И мой привыкший к подобного рода экстравагантностям рассудок, учтя все те физиологические и психологические импульсы, которые мгновенно дали себя знать при первых словах старца, сказал мне: «Слушай, это для тебя».

И, действительно, – это было для меня.

А старец продолжал:

– О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь!

Под прикрытием великого христианского учения и появляется на спиритических сеансах, – незаметно для человека, – он, сатана, сатанинскою лестью древнего змия заводит его в такие ухабы, в такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил не только выйти самому, а даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает через это Богом проклятое деяние человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным и естественным...

В моей голове с быстротою молнии встал целый ряд моих личных деяний и деяний других, отдавшихся этому учению, которые именно прошли при указанном старцем освещении.

Что может быть, с точки зрения истинного, неповрежденного христианина более преступным такого деяния, как, например, да простят меня очень многие спириты, – поблажка такого страшного греха в семье между супругами, как прелюбодеяние и уклонение одной из сторон для сожительства с третьим? Проникшие же сатанинским учением в спиритизме «о перевоплощении душ», по которому человек появляется на земле неоднократное число раз, будто бы для искупления грехов своего минувшего существования, *оправдывают* это явное нарушение седьмой заповеди, – скрепленной Божественными словами Христа: «Что Бог сочел, того человек да не

разлучает»* и узаконенное Самим Творцом вселенной на первых страницах Библии: «Посему, оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью»**, – тем ни на чем не основанном доводом, что вновь сходящиеся были в прежнем перевоплощении мужем и женой, и вспыхнувшая между ними любовь *сейчас* только лишь доказывает, что они недокончили в прошлом существовании какую-то возложенную на них задачу и должны ее кончить совместно теперь?..

Или что может быть противозаконнее, – я знаю, и это не простят мне мои бывшие коллеги по несчастью, – с христианской точки зрения, безбрачного сожителства, а оно введено почти в догмат в целой массе спиритических организаций только лишь потому, что эротизм в спиритизме считается самым верным импульсом для проявления медиумических способностей.

И т.д., и т.д. – без конца.

– Ведь стоит только поближе всмотреться во многих спиритов, – продолжал старец, – прежде всего на них лежит какой-то отпечаток, по которому так и явствует, что этот человек разговаривает со столами; потом у них появляется страшная гордыня и чисто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им...

И это удивительно точно и верно подмечено. *Злоба отчаянная, нетерпимость поразительная, а уж гордыня* – о ней очень много говорит даже известный спиритический ересиарх и апостол спиритизма Кардек как об одной из ужасных и пагубных особенностей спиритических пророков (медиумов).

Ведь одна эта злоба и гордыня, кажется, могли бы служить лучшим доказательством того, что все это учение от сатаны, ибо то же Слово Божие указывает на эти два качества, а особенно на злобу, как на явные признаки указанного сейчас источника их происхождения: «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец»***; «Всякий, ненавидящий

* Матф. 19, 6

** Быт. 2, 24.

*** 1 Иоанн 4, 2а

брата своего, есть человекоубийца»*; «Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза»**; «Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, *равно* (курсив в подлиннике) и не любящий брата своего»***. Но, увы, сами спириты как зачумленные не хотят видеть этого.

А о нетерпимости спиритов и говорить нечего: когда меня обличал, быть может, очень резкий; быть может, тоже страдающий нетерпимостью, но человек безусловно ревностный и искренний в своем служении, известный миссионер, И. Г. Айвазов, – я готов был, как говорится, уничтожить его, и только теперь с уважением и признательностью отношусь к нему, т.к. он эту свою резкостью намного ближе подвинул меня к правде. Далее, когда выступил с обличением меня, ныне почивший С. Д. Волков-Давыдов под псевдонимом Серапион Волкович, правда, с обличением, довольно утрированным, в своей брошюре «Спиритизм – яд интеллекта», я дал ему такую отповедь, что мне за нее сейчас более чем стыдно. Наконец, когда выступил в борьбу против распространяемой мною ереси известный миссионер о. Черкасов в журнале «Кормчий» в деликатной и высокохристианской форме, – о, как я резко отвечал ему и как недостойно защищал сатану!

А, между тем до вступления в сферу спиритизма я был человек очень деликатный и терпимый по отношению к людям.

– И таким образом незаметно, – медленно, с большими паузами, продолжал свою обличительную, обращенную ко мне, *именно ко мне*, святую речь этот великий прозорливец, – последовательно, сам того не замечая, – уж очень тонко, нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме, – отходит человек от Бога, от Церкви, хотя заметьте, в то же время дух тьмы настойчиво через своих духов посылает запутываемого им человека в храмы Божии, служить панихиды, молебны, ака-

* 1 Иоанн 3, 15

** 1 Иоанн 2, 11

*** 1 Иоанн 3, 10

фисты, приобщаться Святых Христовых Таин, и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли: “Ведь все это мог бы сделать ты сам, в своей домашней обстановке, и с большим усердием, с большим благоговением и даже с большей продуктивностью в смысле получения исполнения прошений!”

Мне пришел на память неоднократно слышанный мною в Петербурге из чрезвычайно достоверных источников, с указанием имен и фамилий, рассказ о трех оккультистах и спиритах, которые по отношению к духовенству стоят на совершенно диаметрально противоположном конце и которые, тем не менее, со своим собственным священническим облачением, кадилами, крестом и евангелием, церковными книгами самолично совершают различные церковные служения и даже ездят по домам для совершения молебных песнопений.

– И по мере того, как не вдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих падений, – продолжал о. Нектарий, – все больше и больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Его преследуют неудачи. У него расшатывается благосостояние. Если бы он был еще неповрежденный сатанюю, он бы прибег за помощью к Богу, к святым Божиим Угодникам, к Царице Небесной, к Святой Апостольской Церкви, к священнослужителям, и они бы помогли ему своими святыми молитвами, а он со своими скорбями, идет к тем же духам, – к бесам, и последние еще больше запутывают его; еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия...

О, как правдивы были и эти слова! Старец как по книге читал скорбные страницы моей жизни, а мои воспоминания в это время только лишь иллюстрировали его слова.

По мере того, как все у меня валялось из рук, когда я везде и во всем сразу как из рога изобилия несчастий стал получать только лишь одни неудачи и разочарования, – я вместо того, чтобы усилить свои прошения к Господу, усиливал свои общения с духами. И как коварно, как дипломатично эти псевдо-отошедшие друзья и покровители старались за-

воевать мои дурные наклонности, говоря, что огонь этих испытаний имеет своей целью *еще более усовершенствовать* меня, *еще более улучшить* мою душу, чтобы еще ближе подвести ее к Творцу вселенной и потом вознаградить благами мира сего. При этом предлагались такие советы, которые еще больше разрушали мое благосостояние, и когда я искал у них оправдания этой лжи, они объясняли, что это произошло не по их вине, а по вине низших духов, которые начинают боятся *моего духовного роста*. И все это скреплялось какими-нибудь поразительными феноменами физического и психического свойства.

– Наконец от человека отходит совершенно Божие благословение. Гангрена его гибели начинает разрушающе влиять на всю его семью, у него начинается необычайный, ничем не мотивируемый, развал семьи. От него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди!..

Мурашки забегали у меня по спине. Мучительный холод охватил всю мою душу и все мое тело, потому что я почувствовал, что стою накануне этого страшного, этого мучительного переживания.

В этот момент я был готов броситься к ногам старца, пролить на его груди обильные слезы, покаяться ему во всем, и просить его помощи, но отворилась дверь, и снова вошел келейник и уже с видимым нетерпением в голосе повторил: «Батюшка, ведь там масса народа, вас страшно ждут». Старец смиренно и спокойно сказал: «Хорошо, хорошо, я сейчас», а потом продолжал:

–... Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней степени своего с помощью сатаны самозапугивания, она или теряет рассудок, делается человеком невменяемым в самом точном смысле этого слова, или же кончает с собою. И хотя и говорят спириты, что среди них самоубийств нет, но это неправда; самый первый вызыватель духов, царь Саул, окончил жизнь самоубийством за то, что он «не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице»*.

* 1 Царств. 10, 13.

И здесь живая правда, и здесь святая истина: я лично знаю одну спиритку с юга, человека очень культурного, широко образованного занимавшего видное место в педагогическом мире, которая, увлекшись спиритизмом, сначала получала от духа в высокой степени красивые и глубокие по мысли откровения, а потом прислала мне для издания, по указанию духа, целых два тома философского трактата, из которого вытекало, что диавол и Бог – одна сущность.

Несомненно, бедняга сделалась не совсем нормальной.

В другом случае один казачий офицер, занимавший хорошее положение и в обществе, и по службе, после восьмилетнего усиленного общения с духами совершенно сошел с ума и два года назад скончался в одной из московских психиатрических лечебниц.

Дышали глубокою правдивостью слова старца и о самоубийствах от спиритизма. Немало есть таких, как я уже говорил в самом начале этой лекции, и среди спиритов, и хотя спириты особенно тщательно, вероятно, тоже под воздействием духа тьмы, скрывают все такие случаи, мотивируя охранение этой тайны тем, что-де «единственно только спиритическое учение о самоубийцах, состоящее из загробных сообщений самих самоубийц, и может служить истинным противодействием этому распространяющемуся по земле злу, и потому говорить “о самоубийстве – в спиритизме”, значит уничтожить единственное средство в борьбе с этим бичом человечества»*. Так как когда я ближе и беспристрастнее стал всматриваться в спиритическое учение за последние три-четыре года, мне лично пришлось зарегистрировать пять случаев самоубийства спиритов, из которых один был совершен председателем петербургского кружка спиритов, О. Ю. Стано, много лет работавшим в области спиритизма.

–...Словом, совершается с человеком, вызывающим духов, которые пророчествуют именем Божиим, а Господь не посылает

* Новый факт, свидетельствующий о том, что спиритическое учение само в себе носит начало, аннулирующее и могущество, и милосердие Божие, и любовь к человечеству искупившего его Христа.

ет их, то, что предрекал когда-то пророк Иеремия: «Мечом и голодом будут истреблены эти пророки; и народ, которому они пророчествуют, разбросан будет по улицам города от голода и меча... и Я изолью на них зло их»*.

После этих слов старец закрыл глаза, тихо склонил на грудь голову. Я же не могу даже сейчас подыскать подходящего слова, был в каком-то непривычном для меня, непонятном мне состоянии.

Да и не удивительно – вероятно, это состояние испытывал бы всякий человек, которому перед его глазами выложили бы всю его душу, все его затаенные мысли и желания. Нарисовали бы перед ним картину всего его печального будущего. В особенности, если принять во внимание, что я многого из того, что говорил мне старец на протяжении трех-четырех часов, не мог запомнить и выше приведенную беседу передаю конспективно.

Словом, я решительно не могу сейчас ясно, сознательно сказать, что я пережил, о чем я думал в эту небольшую паузу. Помню только одно, что я инстинктивно предчувствовал, что это еще не все, что будет еще что-то «последнее», «самое большое» и «самое сильное» для меня.

И я не ошибся.

Старец, не открывая глаз, как-то особенно тихо, особенно нежно нагнулся ко мне и, поглаживая меня по коленам, тихо, тихо, смиренно, любовно проговорил:

– Оставь... брось все это. Еще не поздно... иначе можешь погибнуть... мне жаль тебя..

Великий Боже! Я никогда не забуду этого поразившего мою душу и сердце момента. Я не могу спокойно говорить об этом без слез, без дрожи и волнения в голосе, когда бы, где бы и при ком бы я не вспоминал этого великого момента духовного возрождения в моей жизни...

Если Савл, увидевши свет Христа, упал на землю; Савл, который шел и открыто вязал и отдавал в темницы исповедующих Христа; от которого могли при его приближении

* Иерем. 14, 15–16.

прятаться, бежать, то что должен был чувствовать я, который предательски духовно грабил и убивал человеческие души, пользуясь их доверием, их жаждой правды, которым в раскрытые уста, ожидавшие благотворной росы от источника живой воды, медленно вливал капли страшного яда; что должно было быть со мной при этом поразившем мою душу и сердце, озарившем меня неземном свете, я предоставляю судить каждому из вас, милостивые государыни и милостивые государи, так как пытаться передать это словами – значит исказить этот великий и серьезный факт.

Когда я пришел в себя, первым моим вопросом к старцу было: что мне делать? Старец тихо встал и говорит:

– На это я тебе скажу то же, что Господь Иисус Христос сказал исцеленному Гадаринскому бесноватому:

«Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог». Иди и борись против того, чему ты работал. Энергично и усиленно, выдергивай те плевелы, которые ты сеял. Против тебя будет много вражды, много зла, много козней сатаны, в особенности из того лагеря, откуда ты ушел, и это вполне понятно и естественно... но ты иди, не бойся... не смущайся... делай свое дело, что бы ни лежало на твоём пути... и да благословит тебя Бог!..

Когда я вышел, к очевидному удовольствию келейника и ожидавших старца посетителей, я уже был другим человеком.

Со старым все порвано. Передо мною стояла одна задача: скорее, как можно скорее ликвидировать все прошлое.

Я чувствовал и знал, чувствую и знаю это и сейчас, что все мои ошибки, все заблуждения и грехи прошлого, как бы я, с помощью Господа, не силился уничтожить их, будут как сорная трава долго еще встречаться на моем пути и иногда случайно спутывать мои ноги.

Будут вылезать на поверхность моей работы против того, чему служил я на протяжении многих лет и будут всячески тормозить мне мою новую деятельность.

Я знал и знаю, что родоначальник этого учения, дух тьмы, через армию его несчастных воинов будет всеми силами пре-

пятствовать моему служению правде, дискредитировать меня моими же прошлыми грехами и заблуждениями. Люди не скоро поймут, что то была ужасная, мучительная школа.

Когда я вышел из скита, когда за мной затворились его святые ворота, я понял, что теперь все, что нужно было для меня, дано мне.

ПРАВИЛА БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ

Эти правила благочестивой жизни преподал мне в день моего Св. Ангела великий оптинский старец иеромонах Нектарий с такими словами: «Это тебе мой именной дар». Преподдал его батюшка, держа листок приподнятым в руках. На этом листке начертан крест со словами: «Господи, помилуй». Это было 26 августа 1925 года. Я в первый момент не понял значения для меня этого святого листка, и только после кончины старца, скончавшегося 9 апреля 1928 года, мне стало ясно значение этого батюшкиного мне дара. Когда скончался Старец, я остался одинок, без старческих указаний, и в тот момент, когда мне была необходима старческая помощь, я нашел этот листок и, перечитав его вторично, понял значение батюшкиного дара: «Правила благочестивой жизни», в сущности, были для меня живым старцем.

Протопр. Адриан.

(Из сочинений Платона, архиепископа Костромского)

Принуждай себя всегда вставать рано и в определенное время. Без особенной причины не спи более семи часов. Как скоро пробудишься от сна, тотчас вознеси мысль свою к Богу и сделай на себе с благоговением крестное знамение, помышляя о распятом Господе Иисусе Христе, умершем для нашего спасения на кресте. Немедленно встань с постели, оденься и не позволяй себе долго нежиться на постели. Одеваясь, пом-

ни, что ты находишься в присутствии Господа Бога и Ангела-Хранителя и вспоминай о падении Адама, который грехом лишил себя одежды невинности, и проси у Господа Иисуса благодати облечься в Него. Потом немедленно начни молитвы утренние; преклонив колена, молись внимательно, благоговейно и с глубочайшим смирением, как должно пред взором Всемогущего; испрашивай у Него веры, надежды и любви, благословения на наступающий день, также сил к благодушному принятию всего того, что Ему будет благоугодно в тот день послать или попустить, и к перенесению всех тягостей, бедствий, смущений, напастей, скорбей и болезней души и тела, из любви к Иисусу Христу. Приими твердое намерение все делать для Господа Бога, все принимать от отеческой руки Его, и особенную решимость делать именно такое-то добро или избегать именно такого-то зла. В каждое утро хотя четверть часа посвящай на краткое размышление об истинах веры, особенно о непостижимом таинстве воплощения Сына Божия и о страшном втором пришествии Его, об аде и рае. Размышляй так: может быть, этот день есть последний день моей жизни, — и все так делай, как бы ты захотел делать, готовясь предстать теперь же на суд Божий. Благодарю Господа Бога за сохранение тебя в прошедшую ночь, и что ты еще жив и не умер в грехах. Сколько людей в прошедшую ночь предстали пред страшное судилище Господа! Также возблагодари Бога, что еще есть для тебя время благодати и милосердия и средства для покаяния и приобретения неба. Каждое утро думай о себе, что только теперь начинаешь и хочешь быть христианином; а прошедшее время напрасно погибло. После молитвы и размышления, если позволяет время, почитай какую-нибудь книгу духовную, напр. св. Димитрия «Алфавит духовный» и святителя Тихона Задонского: «Сокровище духовное от мира собираемое», и читай до тех пор, пока сердце твое придет в умиление. Довольно подумав об одном месте, читай далее и внимай тщательно тому, что Господь говорит твоему сердцу.

После сего займись делами твоими, и все занятия и дела твои да будут во славу Божию, — помни, что Бог везде видит

тебя, зрит все действия, занятия, чувствования, помышления и желания твои и щедро воздаст тебе за все добрые дела. Не начинай ни одного дела, не помолясь Господу Богу, ибо то, что мы делаем или говорим без молитвы, после оказывается или погрешительным, или вредным, и обличает нас чрез дела неведомым для нас образом. Сам Господь сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже». Среди трудов твоих всегда благодушествуй, успех оных поручая благословиению Господа. Исполняй все тяжкое для тебя, как епитимию за грехи твои – в духе послушания и смирения; в продолжение трудов произноси краткие молитвы, особенно молитву Иисусову, и представляй себе Иисуса, Который в поте лица Своего ел хлеб Свой, трудясь с Иосифом.

Если твои труды совершаются успешно по желанию сердца твоего: то благодари Господа Бога; если же неуспешно: то помни, что и это Бог попускает, а Бог делает все хорошо.

Во время обеда представляй, что Отец Небесный отверзает руку Свою, чтобы напитать тебя; никогда не оставляй молитвы пред обедом, уделяй от своего стола и нищим. После обеда считай себя как бы одним из тех, которых в числе пяти тысяч напитал чудесно Иисус Христос; и возблаговари Его от сердца и моли, чтобы Он не лишил тебя небесной пищи, слова Своего и пречистых Тела и Крови Своих. Если желаешь жизни мирной, то предай всего себя Богу. До тех пор ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в едином Боге, любя Его единого. Всегда и во всем поминай Господа Бога и святую любовь Его к нам грешным. Во всем старайся исполнить волю Божию и угождать только единому Богу, делай и терпи все для Бога. Заботься не о том, чтобы уважали и любили тебя люди века сего, но о том, чтобы угодить Господу Богу и чтобы совесть твоя не обличала тебя во грехах. Бодрствуй тщательно над самим собою, над чувствами, помышлениями, движениями сердца и страстями: ничего не почитай маловажным, когда дело идет о твоём спасении вечном. Во время памятования о Боге умножай молитвы твои, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда ты забудешь о Нем. Во всем да будет твоим

учителем Господь Иисус Христос, на Которого взирая оком ума своего, спрашивай себя самого чаще: что в этом случае помыслил бы и сделал бы Иисус Христос. Будь кроток, тих, смирен; молчи и терпи по примеру Иисуса. Он не возложит на тебя креста, которого ты не можешь понести; Он Сам поможет тебе нести крест. Не думай приобрести какую-либо добродетель без скорби и болезней души. Проси у Господа Бога благодати исполнять как можно лучше святейшие заповеди Его, хотя бы они казались для тебя весьма трудными. Исполнив какую-либо заповедь Божию, ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается чрез преодоление препятствий. И на малое время не оставайся в праздности, а пребудь всегда в трудах и занятиях, ибо не трудящийся недостоин имени человека. Уединяйся по примеру Иисуса, Который, удаляясь от прочих людей, молился Отцу Небесному. Во время тягости душевной или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям не оставляй дел благочестия, так Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти. Делай все во имя Господа Иисуса и таким образом всякое дело твое будет делом благочестия.

Убегай даже самых малых грехов, ибо не удаляющийся от малых непременно впадет в большие и тяжкие. Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничижение души и скорбь телесную, не в одно какое-либо, но во всякое время, во всяком месте и во всяком деле. Всякий помысл, удаляющий тебя от Господа, особенно скверный плотский помысл, изгоняй из сердца как можно скорее, как сбрасываешь с одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда придет такой помысл, то молись крепко: Господи помилуй, Господи помоги мне, Господи не оставь меня, избавь от искушений, или иначе как. Но среди искушений не смущайся. Кто посылает случай к сражению, тот даст и силы к победе. Будь спокоен духом, уповай на Бога: если Бог за тебя, то кто против тебя? Испрашивай у Бога, чтобы Он отнял у тебя все, что питает твое самолюбие, хотя бы это для тебя было и очень горько. Желай жить и умереть для одного Господа Бога и все-

цело принадлежать Ему. Когда потерпишь какое-либо бесчестье от людей, то подумай, что это послано от Бога к славе твоей, и таким образом в бесчестьи будешь без печали и смущения и в славе. Если имеешь пищу и одежду, то и сим будь доволен по примеру Иисуса, нас ради обнищавшего. Никогда не спорь и слишком много не защищай себя и не извиняйся; ничего не говори против начальников или ближних без нужды или обязанности. Будь искренен и прост сердцем, с любовью принимай наставления, увещания и обличения от других, хотя бы ты был и очень умен.

Не будь ненавистником, завистливым, чрезмерно строгим в слове и делах. Чего не хочешь себе, того не делай другому, и чего себе от других желаешь, то прежде сам сделай для других. Если кто посетит тебя, то возвысь сердце твое к Господу Богу и моли даровать тебе дух кроткий, смиренный, собранный; и будь ласков, скромн, осторожен, благоразумен, слеп и глух, смотря по обстоятельствам. Помышляй, что Иисус находится среди тех, с которыми ты находишься и беседуешь. Не говори ничего необдуманно, твердо помни, что время кратко и что человек должен дать отчет во всяком бесполезном слове; разговору назначай определенную цель: и старайся направлять его к спасению души. Более слушай, нежели говори: во многоглаголании не спасешься от греха. Испрашивай у Господа благодати благовременно и молчать, и говорить. Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух. Если же кому принесешь пользу словами своими, то признай в этом благодать Божию. Когда ты находишься наедине с собою, то испытывай себя, не сделался ли ты хуже прежнего, не впал ли в какие грехи, которые прежде не делал? Если согрешишь, то немедленно проси прощения у Бога со смирением, сокрушением и упованием на Его благость, и поспеши принести покаяние пред отцом духовным; ибо всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти. Притом если не будешь сокрушаться во грехе, сделанном тобою, то опять в него скоро впадешь. Старайся делать всякому добро, какое и когда только можешь, не думая о том, оценит или не оценит он его, будет тебе благодарен. И радуйся

не тогда, когда сделаешь кому-либо добро, но когда без злопамятства перенесешь оскорбления от другого, особенно от облагодетельствованного тобою. Если кто от одного слова не оказывается послушным, того не понуждай чрез прение, сам воспользуйся благом, которое он потерял. Ибо незлобие принесет тебе великую пользу. Но когда вред от одного распространяется на многих, то не терпи его, ищи пользы не своей, но многих. Общее благо важнее частного.

Во время ужина вспоминай о последней вечери Иисуса Христа; моля Его, чтобы Он удостоил тебя вечери небесной. Прежде, нежели ляжешь спать, испытай твою совесть, проси света к познанию грехов твоих, размышляй о них, проси прощения в них, обещавай исправление, определив ясно и точно, в чем именно и как ты думаешь исправлять себя. Потом предай себя Богу, как будто тебе должно в сию ночь явиться пред Ним; поручай себя Божией Матери, Ангелу-Хранителю, Святому, Которого имя носишь. Представляй постель как бы гробом твоим и одеяло как бы саваном. Сделав крестное знамение и облобызав крест, который на себе носишь, усни под защитою Пастыря Израилева, Иже храняй не воздремлет, ниже уснет. Если не можешь спать или бодрствуешь во время ночи, то вспоминай слово: «Среди полунощи бысть вопль: се Жених грядет», или вспоминай о той последней ночи, в которую Иисус молился Отцу до кровавого пота; молись за находящихся ночью в тяжких болезнях и смертном томлении, за страждущих и усопших, и моли Господа, да не покроет тебя вечная тьма. Среди полночи встань с постели и помолись, сколько сил станет.

Во время болезни прежде всего возложи упование твое на Бога и часто вспоминай и размышляй о страдании и смерти Иисуса Христа для укрепления духа своего среди болезненных страданий. Непрестанно твори молитвы, какие знаешь и можешь, проси у Господа Бога прощения во грехах и терпения во время болезни. Всячески воздерживайся от ропота и раздражительности, так обыкновенных во время болезни. Господь Иисус Христос претерпел ради нашего спасения самые

тяжкие болезни и страдания, а мы что сделали или потерпели ради нашего спасения?

Как можно чаще ходи в храмы к Божественной службе, особенно старайся как можно чаще быть во время литургии. А воскресные и праздничные дни непременно посвящай делам благочестия; находясь во храме, всегда помни, что ты находишься в присутствии Бога, Ангелов и всех Святых; остальное время дня после литургии посвящай на благочестивое чтение и другие дела благочестия и любви. День рождения и Ангела твоего особенно посвящай делам благочестия. Каждый год и каждый месяц делай строгое испытание твоей совести. Исповедуйся и приобщайся Святых Тайн как можно чаще. К приобщению Святых Тайн приступай всегда с истинным голодом и с истинною жаждою души, с сокрушением сердца, с благоговением, смирением, верою, упованием, любовью. Как можно чаще размышляй о страданиях и смерти Иисуса Христа, умоляя Его ризою заслуг Своих покрыть все грехи твои и принять тебя в царство Свое. Имя Иисуса всегда имей в устах, в уме и в сердце. Как можно чаще размышляй о великой любви к тебе Господа Бога, в Троице славимого и поклоняемого, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всею душою и всеми силами твоими. Творя сие, будешь вести мирную жизнь на сей земле, и блаженную на небе во веки веков. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с тобою. Аминь.

ГЛАВА XVIII. УЧЕНИКИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

І. Епископ Иона Ханькоуский (1888–1925)

От святого корня срубленного уже Оптинского древа произросла дивная поросль в лице святителя Ионы, епископа Ханькоуского.

В миру владыку звали Владимиром Покровским и был он калужанином, происходя из бедной семьи духовного звания.

Рано осиротев и натерпевшись много горя, он окончил духовное училище и Калужскую семинарию. С какого именно момента начинается его личная связь с Оптиной Пустынью – мы не знаем, но она была давнишняя и крепкая.

Поступив в Казанскую Духовную академию, он на третьем курсе принимает монашество с именем Ионы. В это время его духовником стал великий старец Гавриил, сам положивший начало своей монашеской жизни в Оптиной Пустыни еще при старце Амвросии. Он тогда – во времена студенчества о. Ионы – был настоятелем Седмиозерной пустыни, возле Казани.

Вскоре о. Иона был посвящен в сан иеромонаха.

Во время окончания им курса, в 1914 г., за смертью профессора освободилась кафедра Священного Писания Нового Завета. Заместителем его был избран только что окончивший курс со степенью магистранта иером. Иона, находившийся в это время у своего старца в Оптиной Пустыне, издавна славив-

шейся опытными руководителями монашеской жизни, к числу каких относятся старцы: Леонид, Макарий и Амвросий. Получив такое неожиданное для себя известие и считая преподавание столь важного предмета в учебном заведении, которое он только что окончил, непосильным, он, не долго раздумывая, послал отказ. По правилам иноческим, находящийся под руководством старца инок должен открывать своему старцу не только о своих поступках, но и о своих желаниях и помыслах. Ревностно исполняя эту иноческую обязанность, о. Иона открыл своему старцу-духовнику о своем отказе от предложенного ему занятия, приведя все доводы, по которым он считал для себя преподавание Священного Писания в высшем учебном заведении непосильным. Старец его, однако, посмотрел на это дело совсем иначе: он увидел в этом руководящую волю Божию и приказал ему взять свой отказ обратно, а за неразумную поспешность с отказом положить триста земных поклонов с молитвой Иисусовой. Как ни трудно было о. Ионе взять на себя преподавание в Академии Священного Писания, однако он послушания ради своему старцу соглашается взять на себя звание доцента Духовной академии, в каком и остается до 1918 г., когда по обстоятельствам политической жизни должен был оставить г. Казань.

Четыре года, проведенные им в должности доцента Академии в обществе ученых людей, оставили глубокий след на его духовной стороне. Помимо своих ученых занятий он с юношеской преданностью трудился на поприще церковно-богослужебном и проповедническом, участвуя в совершении уставных богослужений, проповедничестве и устройстве богословских чтений.

Великая отечественная война, а затем революция не могли не отразиться на дальнейшей жизни молодого доцента. В 1918 г. он, преследуемый революционной властью, должен был выехать из г. Казани, был арестован в Перми и избит до потери сознания и отправлен затем для революционного суда в г. Тюмень. Из Перми ему вместе с другими арестованными пришлось ехать по старинному сибирскому тракту,

называемому Бироновским, перевалить Урал и в Тобольской губернии по реке Тавде ехать на пароходе, где он при впадении этой реки в Тобол был освобожден белыми войсками. Дальше начинается для него скитальческая жизнь, полная всевозможных лишений и трудностей, сопряженных с опасностью для жизни. Из Тобольска по Иртышу удалось ему добраться до Омска, где Высшим Церковным Управлением он был возведен в сан игумена и назначен главным священником Южной армии.

После поражения противобольшевистского движения в Сибири ему вместе с армией атамана Дутова пришлось отступить в пределы Западного Китая. В своей речи при наречении в епископа он, тогда архимандрит Иона, вспоминал о тех необычайных трудностях, которые ему вместе с другими приходилось переносить при перевале отрогов Памира, взбираться при холодном бурном ветре по обледенелым скалам на высоту в 1112 тысяч футов, хватаясь руками с ободранной кожей и ногтями за выступы скал и колючий редкий кустарник. «Господь сохранил меня, – говорил он, – видимо, для того, чтобы послужить Ему и в высоком звании епископа».

Из Западного Китая иг. Иона приехал в Шанхай, затем Пекин, где и был принят на службу Российской Духовной миссии и вскоре возведен в сан архимандрита, а в 1922 г., 11 сентября, возведен в Пекине в сан епископа Тяньзинского. В хиротонии епископа Ионы принимал участие архиепископ Иннокентий, начальник Миссии, епископ Мелетий Забайкальский и вновь хиротонисанный в Харбине 4 сентября того же 1922 г. епископ Шанхайский Симон. С принятием сана епископа и назначением настоятелем Св. Иннокентиевской миссионерской церкви в г. Манчжурии для еп. Ионы открывается новое обширное поле деятельности, где он проявил свои высокие пастырско-административные способности. Ревностный служитель Церкви и выдающийся проповедник, еп. Иона прежде всего чтится за устройство своей паствы в религиозно-нравственном отношении. Кроме того он взял на себя преподавание Закона Божия в местной гимназии.

В Манчжурию стекались со всех сторон беженцы из европейской России, из которых многие испытывали бедственное положение и нужду... Это заставило еп. Иону приступить к развитию обширной благотворительной деятельности. Он основывает начальное училище, где учится до 200 детей. Там помимо наук преподают детям всевозможные ремесла.

Еп. Иона выступил с публичными лекциями и основал богословско-философские курсы в Харбине. Там он устроил литературный вечер в пользу своих учреждений.

Особенно заботился он об основанном им детском приюте.

Его трудам принадлежит отремонтирование Св. Иннокентиевского храма и устройство придела во имя Св. Николая.

Незадолго до смерти он ухаживал за умирающим священником о. Михеем, и когда хоронил его, он надорвал свои силы, не оправившись сам от болезни паратифа. Это явилось причиной фатального исхода.

Описания праведной кончины великого оптинского питомца духоносного архиерея Божия были сделаны доктором В. Ляпустиным, лечившим владыку Иону Вот это правдивое свидетельство о великом подвижнике XX века:

«Теперь я приступлю к описанию последних часов жизни покойного и его святой кончины. Начну с 10 часов вечера. Пульс в это время доходит до 160 с переборами, температура 39,8. Владыка сидит в кресле, разговаривает с окружающими, причем мысль о смерти не приходит ему в голову. Все время говорит, что ему лучше, что температура ниже, единственно, что удивляет его, – это народ в коридоре и слезы на глазах окружающих. Так длится время до 11 часов, когда я предлагаю ему, воспользовавшись присутствием архиепископа, исповедаться и приобщиться. Владыка испытующе смотрит на меня; поняв по моему лицу, – близкий исход, говорит: “Раз вы, врач, предлагаете это мне – часы мои сочтены”. Торопит с исповедью, совершаемой его духовником, о. Алексием. Окончив исповедаться, облачается в новый подрясник, епитрахиль и поручи, сам приобщается, кланяясь земно Дарам; сам укладывает лжицу и сосуд, заворачивает пелену, молится, кланяясь земно.

А затем совершается нечто небывалое... Разоблачившись, идет в кабинет, садится в кресло и печатает завещание:

“Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Слишком неожиданно узнал я о предстоящей смерти моей. Мысли путаются... Что скажу? Что завещаю вам?... мои милые и дорогие дети Манчжурии и Ханькоу...

Начал я у вас со словами апостола Любви – “Дети, любите друг друга”... И кончаю я этими словами: “Любите друг друга”. Вот заповедь вашего архипастыря...

С душевной радостью прощаю тому, кто обидел меня. Да и есть ли такие? И слезно на коленях прошу и становлюсь перед каждым, кого я обидел.

Не оставляйте детишек. Слышите ли мой предсмертный зов, дорогая Елизавета Николаевна? Ведь на вас теперь вся надежда.

Заместителем моим рекомендую вызвать из Чаньчуня протоиерея Извольского, на него указывал и Начальник Миссии.

Простите меня ради Христа; да не забывайте в своих святых молитвах... Напишите в помянничек... Итак на вечные времена, пока не предстанем все у Страшного Судию.

Иона, Епископ Ханькоуский”.

Окончив печатание, свертывает его аккуратно и передает мне с наказом отправить Е. Н. Литвиновой. Затем возвращается в спальню, садится на кровать и допускает к себе проститься всех присутствующих – человек 30-40. С каждым говорит в отдельности, каждому находит приветливое слово и слово благодарности за помощь ему в его делах, просит помогать детишкам, благословляет и лобызает всех в голову. Заботится о том, что не подвел ли он кого в денежных делах своей смертью. Призывает директора Русско-Азиатского банка г. Химикус, просит простить его, открывает сам сейф, вынимает деньги, данные ему на сохранение ф-ром Волыннец, говорит о них Химикус и просит передать по назначению; сует директору банка подписанные им бланки векселей на сумму долга; вообще все время беспокоится о других; при виде слез на лицах – просит не плакать, так как “на все воля Божия, и он повинуется ей, и ему умирать не

страшно”. На мое предложение прилечь, говорит: “Я всю жизнь говорил с народом, дайте поговорить эти последние часы, умру я часом раньше, часом позже – это не важно”. Переговорив со всеми, благословив всех, просит у всех прощения, не забыв ни одно лицо из окружающих. Требуя регента о. Павла, говорит ему, что не успел надеть на него наперсного креста, но пусть возьмет себе крест покойного о. Михея, а архиепископ наденет его. Все плачут, рыдают, Владыка же успокаивает. Так длится до 12.30 часов. Владыка встает, одевает епитрахиль и поручи старца Амвросия и, стоя на ногах, делая даже земные поклоны, громко читает себе отходную. Окончив чтение, садится на кровать, приглашает архиепископа, просит похоронить его по монашескому обряду; идет к аналою, достает чин погребения и передает книгу архиепископу. Затем говорит окружающим, во что одеть его: в митру, подаренную прихожанами, в белое вышитое облачение, епитрахиль и поручи старца Амвросия. Похоронить его около церкви, рядом с о. Михеем; не ставить памятника, а простой дубовый крест; не делать помпы из похорон, дабы не говорили в народе, что умер архиерей, так его хоронят по-богачу, а не так, как о. Михея; указывает, какую положить с ним панагию, крест и икону. Окончив с этим, вновь прощается и благословляет окружающих, нервы которых не выдерживают, слышится плач и рыдание, владыка уговаривает подчиниться воле Божией. Приблизительно в это время или немного раньше в церкви служат молебен о здравии болящего, где присутствует уже много народа и дети приюта. Нужно было слышать иступленные крики детей: “Боженька, оставь нам владыку”, крики взрослых с мольбой о чуде, о спасении пастыря, чтобы понять ту любовь, то почитание, которым пользовался усопший. Между тем Владыка все еще прощается; наступает 1.30 часа ночи, владыка вдруг вскакивает с кровати, на которой сидел, выходит к дверям, идущим в коридор, кланяется земно народу, прося простить его, не забывать в своих молитвах, не бросать детишек; поднявшись с колен, благословляет; быстро поворачивается, устремляется в кабинет к выходу из дома со словами: “Иду умирать в церковь!”, причем эти

слова твердит все время; остановившись и шатаясь на ногах, просит духовенство облачить его в епитрахиль и поручи старца Амвросия, что и исполняется, но окружающие уговаривают его собороваться; поддерживаемый, подходит к кровати, пробует сам снять валенки, но их снимает один из врачей; ложится на кровать со словами: “На все воля Божия! Сейчас я умру”, держа в правой руке крест и икону, а в левой зажженную свечу, и все время благословляет себя, шепча молитвы. Окружающие громко плачут. Хриплое дыхание заменяется ровным, покойным... руки движутся медленней... лицо слегка синее, и через три минуты дыхание внезапно прекращается. Я говорю о наступившей смерти архиепископу. Архиепископ читает последнюю молитву, после окончания которой владыка еще вздохнул раз и затих. Протоиерей Макаев закрывает глаза, и из них выкатываются слезы. Правая рука твердо держит крест, так и оставшийся у покойного.

Слезы горя, отчаяния окружающих, пока одевают покойного, в состоянии растопить самое твердое, жестокое сердце. Усопшего переносят в церковь. У меня не хватает слов для описания творящегося в церкви при облачении и первой литии, для описания того душевного переживания, той скорби, которая овладела народом, собравшимся по звону. Всю ночь народ остается в церкви, будучи не в силах расстаться с телом боготворимого пастыря и смириться с утратой его. Утром совершается заупокойная обедня и панихида; произносит, рыдая, проникновенное слово проповедник протоиерей Демидов, в котором, указывая, кого потеряла Маньчжурия, в конце концов говорит, что потеряла... святителя... Дикий, исступленный рев массы народа сопровождает эту речь и один из почитателей – некто Гантимуров, будучи не в силах перенести утраты, падает, умирая от разрыва сердца. Целый день и ночь народ толпами ходит поклониться праху усопшего... А что творится во время похорон, когда все население Маньчжурии без различия вероисповедания стеклось и заполнило церковь и церковную ограду... всего до 6000 человек. Завещания, отпечатанного в 3000 экземпляров, не хватает и половине присутствующих. Целые дни теперь идут

панихиды и идут толпы народа поклониться своему незабвенному пастырю. Как будто смертию своей владыка заставил всколыхнуться у каждого заглохшие в его душе в погоне за благами мира стремления к Высшему, веру в промысл Божий.

А тут еще совершается чудо: исцеление мальчика Дергачева, 10 лет от роду. Мальчик болел 4 месяца обезображивающим воспалением обоих коленных суставов. В начале болезни месяца два я лечил его сам, а затем, когда боли уменьшились, остались опухоли суставов и сведение ног, я передал его для лечения массажем своей фельдшерице-акушерке Беловой. За день до смерти владыки Белова была у больного, причем его ноги были полусогнуты в суставах, болей при покойном положении не было, при попытке насильственно распрямить – резкая болезненность; стоять, а тем более ходить, не в состоянии. И вот в ночь похорон владыки мальчик видит под утро сон: подходит к нему владыка и говорит: “На, возьми мои ноги, они мне больше не нужны, а свои отдай мне”.

Мальчик проснулся, встал на ноги и пошел к двери в кухню, крича: “Мама! Мама! Отвори двери”. Мать в это время принесла в кухню дрова; услышала крик, бросилась к двери, отворившейся в этот момент, и видит своего сына идущим к ней; последний рассказал матери сон и описал Владыку, его одеяние, именно то, в котором похоронен усопший. Мать привезла сына к вечерней панихиде в церковь. Мальчик сам вошел по ступеням в храм, отстоял вечерню, сошел с крыльца, подошел к могиле, встал на колени, молился и плакал; сам поднялся с колен. Мать рассказала о чуде окружающим. Начали расспрашивать мальчика, видал ли он Владыку. Он отвечал, что видал, но плохо помнит. На вопрос, узнает ли он на портрете покойного, ответил утвердительно, и когда ему показали портрет, он вскрикнул, покраснев: “Он! Он!” Я немедленно отправил к нему на квартиру Белову для осмотра и она подтвердила, что мальчик не только ходит, но и бегает без болей.

Вот что совершилось и чему я был свидетелем.

Скончался Владыка 7-го октября 1925 года.

Доктор Ляпустин».

В девятый день кончины Епископа Ионы вечером в общественном собрании было устроено членами Комитета торжественное заседание, посвященное памяти почившего архипастыря. Зал был украшен портретом почившего владыки; пред открытием заседания архиерейским служением была совершена лития и при участии хора певчих; зал был переполнен народом. Было произнесено несколько речей и пропето несколько любимых покойным церковных песнопений.

Упокой, Господи, праведную душу верного раба Твоего, Епископа Ионы, и его святыми молитвами помилуй нас. Аминь.

II. Протоиерей Василий Шустин († 1968)

Другим близким по духу о. Варсонофию его духовным сыном был о. Василий Шустин. Жизнь Отца Василия была сплошным подвигом, тяжелым и настойчивым, но зато он был очень близок к святине и ею освятился! Он оставил бесценную замечательную «Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских Старцах», по которой можно и судить о нем. С раннего детства его семья была в теснейшей связи со св. праведным о. Иоанном Кронштадтским, который исцелил его отца, болевшего безнадежно горловой чахоткой, и был крестным отцом его сестры. При втором его посещении Оптиной о. Варсонофий сказал ему: «А мне явился о. Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство», и добавил потом: «Вижу я батюшку о. Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается за облака, так что не видать и конца ей. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот батюшка довел меня до одной площадки и говорит: а мне надо выше, я там живу – при этом стал быстро подниматься кверху...»

Согласно предсказанию о. Варсонофия, о. Василию не пришлось окончить инженерного института. Он попал на фронт и сражался в Добровольческой Армии. После эвакуации

Крыма он попал на Балканы. В Болгарии ему вначале пришлось работать в качестве слуги у католических монахов. В России осталась горячо им любимая семья: жена и двое детей. Он потерял с ними связь. На его душе лежала тяжелым камнем жгучая тоска. Однажды среди дня он был послан на почту отнести телеграмму. Он стал пересекать площадь, и вдруг как бы с неба спустилось облако, и в нем он увидел живого о. Варсонофия, фигура которого видна была только по пояс. Это видение укрепило и поддержало о. Василия в его горестном положении. Следующей службой о. Василия была какая-то должность в беженском русском приюте. Он рассказывал трогательные истории о любви своей к детям и об их любви к нему. Затем он принял священство и был послан в Алжир. Здесь мы его застали, когда еще не было там церкви. Он служил в помещении австрийского консульства в зале в мавританском арабском стиле. Единственно, что было церковного, – это икона Божией Матери, которая стояла на столике. Со временем вокруг о. Василия образовался приход в 100 человек. Был куплен церковный дом, и в нем устроена прекрасная церковь. О. Василий также объезжал другие города и обслуживал нужды православных людей. Дважды ему на улице были нанесены раны фанатиками-мусульманами. С провозглашением арабской независимости и отъездом в Европу всех прихожан ему пришлось перебраться в Европу, в гор. Канны. Здесь он скончался 6 августа 1968 года.

После его кончины получен ряд писем от его сестры Марии Васильевны. Она пишет: «Сбылись слова о. Иоанна Кронштадтского: “Ты доживешь до глубокой старости, но умрешь в больших муках”». Так оно и было: он тяжело страдал от нескольких болезней одновременно, многие годы не мог литургисать и материально бедствовал.

В другом письме она пишет о том, что гроб с останками о. Василия был вырыт из могилы Каннского кладбища и перевезен в Ниццу, где погребен на кладбище возле русской церкви в склепе с другими православными священниками. Она пишет: «Странно! Батюшку два раза хоронили и он два раза умирал. В первый раз он умер в России после 3-го тифа. У него была боль-

шая температура и он лежал без сознания. Видит он доктора, который щупал пульс, и сестру. Доктор сказал: “Умер”. Душа брата летела ввысь, очутился в чудном саду, где его встретил о. Варсонофий Оптинский, говоря: “Хочешь быть в этом саду после смерти?” – “Да”. – “Тогда возвращайся обратно, ты не готов, перемучайся, переживи все, тогда вернешься сюда”. Брат со страхом вошел в свое тело. Пришли его обмыть, принесли гроб и поразились, что теперь он жив». На 40-ой день Мария Васильевна увидела во сне своего брата в том саду, куда его призвал о. Варсонофий. «Иду я в саду по дорожке одна, но чувствую, что о. Василий идет сзади. Дорожка заворачивает вправо, образуя угол. Брат меня перегоняет, подходит к углу, где растут необыкновенные цветы, срывает распустившийся цветок, а мне пальцем указывает на другой, наполовину распустившийся. Я протягиваю руку, чтобы сорвать, и все исчезает».

Когда-то в своей скромной, миру неведомой душе слагал питомец оптинских лесов о. Варсонофий эти стихи, назвав их «Весною».

Еще покрыты белой пеленой
Поля; стоит безмолвно лес
В своем серебряном уборе.
Но всюду веет силой творческой – весной,
И ярче и светлее свод небес,
И тонет взор в его просторе.
Когда ж, о Господи, в моей душе больной,
Немощствующей, унылой и скорбящей
Повеет Святый Дух животворящий
Ликующей, духовною весной?..

ГЛАВА XIX. ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ПИСАТЕЛИ, ЕЕ ПОСЕЩАВШИЕ

Со времени старца Макария, привлечшего к переводам святоотеческой литературы ряд лиц, принадлежавших к образованным слоям общества, Оптиная Пустынь стала известна в кругу современных писателей. С тех пор цвет мыслящей России стал посещать Оптину Пустынь и ее скит. Это общение со старцами оставляло тот или иной отпечаток на душах посетителей.

В тексте настоящей книги мы уже касались имен братьев Киреевских, Леонтьева и под конец Толстого в связи с жизнеописанием старца Варсонофия.

Но нами не были упомянуты имена двух знаменитых писателей XIX века, какими были Н. В. Гоголь и после него Ф. М. Достоевский, неоднократно посещавших Оптину Пустынь.

Н. В. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь был большим почитателем Оптиной Пустыни и ее старцев.

Известен случай, когда «из Долбина от И. В. Киреевского Гоголь с М. А. Максимовичем съездил в соседнюю обитель Оптину. За две версты Гоголь со своим спутником вышли из экипажа и пошли пешком до самой обители. На дороге встретили они девочку с миской земляники и хотели купить у нее землянику, но девочка, видя, что они люди дорожные, не захотела взять от них денег и отдала им свои ягоды даром, отговариваясь тем, что “как можно брать со странных людей!”». «Пустынь эта расширяет благочестие в народе, – заметил Гоголь, умиленный

этим трогательным проявлением ребенка, – и я не раз, – говорил Гоголь, – замечал подобные влияния таких обителей».

О посещении своем Оптиной Пустыни в июне 1850 года вот что писал Гоголь графу А. П. Толстому: «Я заезжал по дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминанье. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там царствует. Это слышится в самом наружном служении... Нигде я не видал таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участие к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители; не позабудьте также заглянуть в Малый Ярославец к тамошнему игумену, который родной брат оптинскому игумену и славится также своею жизнью; третий же из них игуменом Саровской обители и тоже говорят, почтенный настоятель»*.

Кроме этой своей поездки в Оптину Пустынь Гоголь был там в 1852 году, когда он вернулся после своего паломничества в Святую Землю и ездил в Калугу к друзьям своим Смирновым. На пути его лежала Оптина Пустынь.

Сохранились два письма Гоголя, адресованные в Оптину Пустынь: первое – записочка к отцу игумену Моисею: «Так как всякий дар и лепта вдовы приемлется, то примите и от меня небольшое приношение по мере малых средств моих: двадцать пять рублей на строительство обители вашей, о которой приятное воспоминание храню всегда в сердце моем».

Другое письмо от 25 июля 1852-го года более значительное: «Ради Самого Христа – молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного Настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится – просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться

* Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. XI кн., стр. 145–146.

мое перо; и силы мои не только ничтожны, но их и нет без освежения Свыше. Говорю вам об этом не ложно. Ради Христа обо мне молитесь. Покажите эту мою записочку отцу игумену и умоляйте его вознести свои молитвы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердный, сделать все: и меня черного, как уголь, убелить и вознести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь: мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейских дрызг и на всяком месте своего странствования быть как бы в Оптиной Пустыни. Бог да воздаст вам всем за ваше доброе дело. Ваш всей душой Николай Гоголь*.

Эти мысли Гоголя об ответственности писателя перед Богом возникли не без влияния бесед со старцем Макарием, перед прозорливым суждением которого он повергал свои сомнения.

Еще до личного знакомства с Гоголем старец Макарий прочел «Переписку с друзьями» и вложил свой письменный отзыв вовнутрь этой книги, стоявшей на полке Оптинской библиотеки. Вот подлинные слова старца: «...Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтобы она была истинным светом для человека собственно и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: “Истина освободит вас” (Иоанн 8, 3). В другом месте Писания сказано: “Слово Твое истина есть” (Иоанн 17, 17).

Посему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие по учению Господа, направляет свои мысли и чувства. Тогда он может отделить в себе правильные и добрые мысли и чувства. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь сказал после Тайной вечери ученикам Своим, яко образованным уже учением истины: “Вы чисти есте за слово, еже

* Д. П. Богданов. Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей. Истор. Вестн. 1910 г.

рех вам” (Иоанн 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтобы светил фонарь, недостаточно одного вымывания стекол, нужно, чтобы внутри его была зажжена свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они сделались светом для человеков. До принятия Духа Святого они не были способны научить человечество, хотя и были чисты. Сей ход должен совершаться с каждым христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва просвещение истиною, потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения его истиною своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро смешанное со злом, более или менее. Всякий взгляни на себя и поверь сердечным опытом слова мои: как они точны и справедливы, скопированы с самой природы. Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что он издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе “от избытка сердца уста глаголют” (Матф. 12, 34), или сочинение есть неприменная исповедь сочинителя, по большей частью им не понимаемая и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы, то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению религии заниматься исключительно чтением святых отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые

сообщают читателю вдохновение Святого Духа. Вне этого пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти. Аминь*».

Ф. М. Достоевский

Феодор Михайлович Достоевский, наиболее прославленный из русских писателей, был переведен на все иностранные языки и признан всемирным гением. Он старался насадить в мире добро и искренно считал себя членом Православной Церкви. Известно, что он умер, напутствуемый Святыми Тайнами. Образ Христа был чрезвычайно дорог душе Достоевского. Однако он не разделял традиционных верований Православной Церкви, запечатленных в Символе Веры. Известно влияние на Достоевского В. С. Соловьева, а также его увлечение идеями Н. Ф. Федорова, утверждавшего, что «если человечество объединится в любви, не будет катастрофического конца света и Страшного Суда». Достоевский вполне воспринимает идеи Федорова: «Скажу, что я в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как свои». И далее: «Мы здесь, т.е. я и Соловьев, по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное, и в то, что оно будет на земле**». Другими словами, что это воскресение и жизнь будущего века произойдет иначе, чем нас учит Евангелие (Матф. 25, 31–46), и не так, как учит ап. Павел (I Кор. 15, 49–55)***.

О том, что мировоззрение Достоевского расходится с традиционными верованиями Церкви, единогласно свидетельствуют все до одного литературоведы, посвятившие свои труды раскрытию личности Достоевского и его творчества. Мы здесь назовем:

1. Прот. Проф. В. М. Зеньковский «Ист. Рус. Философии». Т. 1.

2. Проф Зандер (на франц. яз.) «Достоевский». Париж 1946 г. 176 стр.

* Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей. Истор. Вестник. 1910.

** Оптина Пустынь и паломничество в нее русских писателей. Истор. Вестник. 1910.

*** К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, стр. 467.

3. Н. Бердяев. «Миросозерцание Достоевского». Париж 1963 г. 238 стр.

4. К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж 1948 г. 561 стр.

В своем инакомыслии Достоевский был прежде всего последователем теории Руссо, отрицавшего наличие у человечества первородного греха. На основании этого Достоевский проповедует морализм и уклоняется от мистического богословия. Из этого вытекает, что созданный им тип о. Зосимы не совпадает не только с оптинскими старцами, но даже с ликом всех преподобных Православной Церкви, цель у которых состоит в стяжании даров Св. Духа. В моралистическом же, иначе в «натуральном» христианстве, где все явления объясняются естественным, натуральным образом, нет ничего вышеестественного. Здесь можно найти параллель с «Отцом Сергием» Льва Толстого: у него прозорливость, как и у о. Зосимы, действует на основании памяти, опыта, наблюдательности. А помощь в лечении недугов – в знании лечебных средств.

При «натуральном» христианстве отпадает необходимость в соблюдении правил святоотеческой аскетики. Так о. Зосима велит своему ученику: «...Землю целуй и неустанно, ненасытно люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоей и люби сии слезы твои». Не говоря о том, что все это наставление идет в прямой разрез с правилами Св. Отцов, можно особенно сослаться на слова пр. Иоанна Лествичника, который говорит, что нельзя доверять слезам прежде очищения сердца (Слово 7, 35).

Однако пленительно изображенный образ о. Зосимы многократно приводит читателей к познанию веры. Это нельзя не приветствовать. Но пусть таковые лица знают, что по заповеди Апостола: «Забывая заднее и простирает вперед» (Филип. 3, 13), им должно отныне искать подлинный духовный жемчуг-«маргарит», оставляя позади всякое подражание, искусственную подделку.

Достоевский был в Оптиной Пустыни и описал в своем романе «Братья Карамазовы» все, что видел и слышал, создавая внешнюю картину для своего романа. Но он остался чужд внутреннему духу этой обители.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1972 году исполнилось 250-летие со дня многозначительного рождения старца схиархимандрита Паисия Величковского, покинувшего свою родину, чтобы плодом всей своей жизни явить на ней обновление монашеского духа.

Мощи старца Паисия покоятся в Румынии, в Нямецком монастыре на вскрытии. Наступление большевизма помешало канонизации. Однако 15 ноября в день успения Преподобного ежегодно правится посвященная ему служба, как местно прославленному святому.

В ранее вышедшей книге «Стяжание Духа Святого в путях древней Руси», которая служит как бы первым томом к настоящей книге, говорится о внутреннем делании и о тяге русских паломников на Ближний Восток, откуда они приносили с собой на родину учение Святых Отцов Православной Церкви. Ряд неблагоприятных условий помешал созданию самобытной русской духовной культуры. Только монастыри служили главными светочами для народных масс.

Настоящая книга «Оптина Пустынь и ее время» вначале повествует о сущности старчества, вопроса доселе не затронутого в богословской науке. Эта книга посвящена Петербургскому периоду в истории.

С возникновением Империи были внезапно введены бытовые реформы, в корне отменившие прежние обычаи и нравы. Ряд введенных новшеств дал понять обществу, что все на свете относительно. Гром с небес не грянул, а посему со всеми переменами изменилось отношение и к страху Божию. Это отразилось на нравах, которые стали легкомысленными и порою безнравственными. Многие волевые люди ушли в дремучие леса в старообрядчество.

С той поры было положено начало той роковой двойственности, которая мешала истинному процветанию в последующее время. При Екатерине появилось вольтеррианство и вольнодумство. О гонении на Церковь при Екатерине хорошо сказано у Пушкина*: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии... завися, как и прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно (духовенство) всегда было посредником между народом и государем как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историей, следственно, просвещением. Екатерина знала все это – и имела свои виды».

После смерти Екатерины в начале царствования имп. Павла началось духовное возрождение в монашестве, речь о котором идет в этой книге. Это время от Преподобного Серафима до Блаженного о. Иоанна Кронштадтского. Бесчисленное число еще поныне не прославленных подвижников заблистало подобно звездам на духовном небе России.

В XIX веке Петр Киреевский собирает народные песни, настаивает на необходимости предания. С ним были его единомышленники, как Пушкин, Гоголь и многие другие. Речь тогда шла об оградительном национализме.

Теперь же, если по милости Божией возможно станет возрождение, все делание должно исключительно заключаться в крепком хранении святоотеческого Православия, на котором созидалась и зиждилась Великая Россия. Отнюдь не в искании новых путей, а в твердом пребывании в той вере, в которой жили и действовали оптинские старцы – эти истинные стяжатели даров Духа Святого.

* Соч. А. С. Пушкина. СПб. 1887. Том 5-й, стр. 13.

АВТОР КНИГИ «ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ»

Иван Михайлович Концевич, богослов и религиозный писатель родился 19 октября 1893 в Варшаве. Затем семья переселилась в Прибалтику, а через несколько лет – на Украину. Иван закончил гимназию в Полтаве и поступил в Киевский университет на математический факультет. В 1915 перешел в Харьковский университет.

В этот период он жил в доме протоиерея Николая Загородского, которому часто прислуживал в церкви и которого постоянно сопровождал. В эти годы он часто бывал в Оптиной пустыни и с тех пор оставался верным сыном ее старцев.

Окончив 4 курса Харьковского университета, Иван Михайлович вступил в ряды Добровольческой армии, был контужен. В Галлиполи окончил Военное инженерное училище и был произведен в офицеры. Во Франции закончил в Сорбонне физико-математический факультет. Во время Второй мировой войны окончил Парижский Богословский институт со званием кандидата богословия.

В 1952–1953 преподавал патрологию в Свято-Троицкой духовной семинаре в Джорданвилле (США). Умер 6 июля 1965. Похоронен в Сан-Франциско.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А. Р.* – священник из Киева, осуществлявший сбор средств в пользу преп. *Нектария* в 1927. – 714.
- Абеляр Пьер* (1079–1142) – французский схоласт и богослов. – 83.
- Абиз* – арабский губернатор Египта в эпоху Омейядов (нач. VIII в.). – 79.
- Абрамович Дмитрий Иванович* (1873–1955) – историк русской литературы, филолог. – 132.
- Августин (в миру – Алексей Васильевич Виноградский)* (1766–1819) – архиепископ Московский и Коломенский. – 366.
- Авраам* (V в.) – ученик преп. *Сисоя Великого*. – 270.
- Авраамий* († 1817) – игумен и воссоздатель Оптиной пустыни. – 293, 326–327.
- Авраамий (в миру – Аверкий Иванович Палицын)* († 1626) – келарь Свято-Троицкой Сергиевой лавры, духовный писатель. – 217.
- Авраамий Смоленский* (1172–1221) – преп., подвижник, иконописец. – 127, 138–139.
- Агап Пророк* – апостол от 70. – 523.
- Агапит (в миру – Андрей Иванович Беловидов)* (1842–1922) – схиархимандрит, письмоводитель преп. *Арсения*. – 709.
- Агапит Валаамский* – старец, слепец. – 265.
- Агапит Маркушевский* († 1584) – прпмч. – 191.
- Агриппина* (XIX в.) – инокиня Казанской Амвросиевой пустыни в Шамордино. – 494.
- Адам Бременский* († 1081) – северогерманский хронист. – 125.
- Адашев Алексей Федорович* († 1560) – государственный деятель при дворе *Иоанна Грозного*. – 203.
- Адриан Андрусовский* († 1549) – преп., свмч. – 190.
- Адриан Пошехонский* († 1549) – преп., свмч. – 190, 197.
- Айвазов Иван Георгиевич* (1872–1964) – миссионер-проповедник, публицист. – 770.
- Акакий* (XIV в.) – митрополит Монемазийский. – 113–114.

- Акиндин (Григорий Акиндин)* (XIV в.) – византийский инок, ученик *Варлаама Калабрийского*. – 86, 90, 102, 107, 113.
- Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886) – публицист, поэт и критик. – 476.
- Алевиз Новый* († 1531) – итальянский архитектор. – 186.
- Александр* – дьяк, автор «Хождения в Царьград» (1391–1396). – 118.
- Александр* (XIX в.) – схимонах Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 277.
- Александр I Благословенный* (1777–1825) – Император Всероссийский. – 123, 311, 343, 345, 371, 482, 684.
- Александр II Освободитель* (1818–1881) – Император Всероссийский. – 372.
- Александр III* (1845–1894) – Император Всероссийский. – 452.
- Александр Арзамасский* (в миру – *Адриан Иванович Подгорченков*) (1758–1845) – иеромонах (впоследствии наместник) Московского Новоспасского монастыря. – 226, 293, 364, 366–367, 407.
- Александр Булатников* († 1655) – келарь Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 219.
- Александр Кюшутский* († 1439) – преп. – 171.
- Александр Ошевенский* († 1479) – преп. – 170, 219.
- Александр Свирский* († 1533) – преп. – 196, 202, 205, 301.
- Александр Ярославич Невский* (1220–1263) – св. блгв. князь, защитник северных рубежей средневековой России от германо-католической агрессии. – 62.
- Александра (Гурко)* (XIX в.) – инокиня Казанской Амвросиевой пустыни в Шамордино, прежде – помещица Смоленской губернии. – 511, 562–563, 613.
- Александра Феодоровна Романова* (1872–1918) – св. црств. мчц., супруга св. царств. мч. *Николая II*. – 634, 731.
- Алексей* (XX в.) – священник, Плохинский благочинный, принимавший участие в отпевании преп. *Нектария*. – 754.
- Алексей (XIX в.)* – инок, вратарник в Оптиной пустыни. – 691.
- Алексей (XX в.)* – священник, духовник свят. *Ионы Ханькоуского*. – 786.
- Алексей Михайлович* (1629–1676) – русский царь. – 160, 220, 453.
- Алексий* (в миру – *Алексей Блинов*) (1835–1900) – иеросхимонах, старец в скиту Всех Святых на Валааме. – 319.
- Алексий* (в миру – *Елевфей*) (1304–1378) – свт., митрополит Московский, государственный деятель. – 108–113, 154–155, 204, 739.

- Алексия* (XX в.) – инокиня Гор- 563, 565, 587, 590, 592, 594–596, ненской обители в Иерусалиме, 598, 602, 617, 619, 635, 648, 660, затем – игуменья Успенской в 662–667, 677, 687–688, 691, 695, Чили. – 741–742. 707, 709, 761, 764, 766, 783–784, 788–789.
- Алипий Печерский* († 1114) – 788–789.
- преп., инок Киево-Печерской лав- *Аммун* (*Аммон*) *Нитрийский* († между 340 и 345) – египетский подвижник. – 74, 76.
- ры, иконописец. – 126. *Амфилохий Глушицкий* († 1452) – преп., игумен Глушицкого монастыря. – 171–172.
- Алипий Столпник* (*Адриано-польский*) (522–640) – преп. – 69.
- Алипия* (XIX в.) – схимонахиня в Борисовской Тихвинской женской пустыни. – 579.
- Алоний Египетский* (IV–V вв.) – египетский подвижник. – 74.
- Альд Мануций* (*Манучи*) (1448–1515) – венецианский книгоиздатель. – 201.
- Альфieri Витторио* (1749–1803) – граф, драматург. – 451.
- Амвросий* (*в миру – Андрей Иванович Подобедов*) (1742–1818) – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. – 347.
- Амвросий* (*в миру – Виктор Андреевич Коновалов*) (1890–1971) – архимандрит, миссионер в Канаде. – 617.
- Амвросий Медиоланский* (ок. 340–397) – епископ миланский, проповедник, гимнограф. – 760.
- Амвросий Оптинский* (*в миру – Александр Михайлович Гренков*) (1812–1891) – преподобный, старец Оптинский. – 117, 237–238, 254, 271, 324–325, 349, 354, 357–358, 391, 400, 409, 445–446, 449, 478–512, 516–517, 519–521, 528, 530–535, 536, 542–543, 545, 559, 563, 565, 587, 590, 592, 594–596, 598, 602, 617, 619, 635, 648, 660, 662–667, 677, 687–688, 691, 695, 707, 709, 761, 764, 766, 783–784, 788–789.
- Алексеевич Грибановский* (1873–1965) – митрополит, второй по счету первоиерарх РПЦЗ. – 604, 611, 742.
- Анатолій Младший* (*в миру – Александр Потапов*) (1855–1922) – преп., Оптинский старец. – 7, 47, 265, 324, 599, 602, 653, 616–648, 707–708, 729–730, 732–733, 744, 763.
- Анатолій Оптинский* (*в миру – Алексей Моисеевич Зерцалов*) (1824–1897) – преп., Оптинский старец. – 324, 354, 509, 521, 528–538, 542, 545, 553, 595–596, 602, 662, 666–667, 681–682, 690–697.
- Андреев* (*Андреевский*) *Иван Михайлович* (1894–1977) – профессор, филолог, богослов. – 749–751.
- Андрей Дмитриевич Можайский* (1382–1432) – князь Можайский и Верейский. – 169.
- Андрей Рублев* (1370–1430) – преп., иконописец. – 123, 239, 241–243, 245–247.

- Андрей Юродивый* (X век) – Москве в первые годы после революции. – 643.
- 189.
- Андроник (в миру – Владимир Александрович Никольский)* (1870–1918) – свмч., архиепископ Пермский и Соликамский. – 571.
- Андроник* († 1395) – преп., ученик преп. *Сергия Радонежского*. – 112.
- Андроник III Палеолог Младший* (1296–1341) – византийский император. – 9, 83.
- Аничков Игорь Евгеньевич* (1897–1978) – лингвист, богослов. – 749, 751.
- Анна* (XVIII в.) – схимонахиня мать схиигумена *Феодосия*. – 614–615.
- Анна Васильевна Палеолог* (1393–1417) – дочь *Василия I*, жена византийского императора *Иоанна VIII Палеолога*. – 115.
- Анна Иоанновна* (1693–1740) – русская императрица, племянница *Петра I*, герцогиня Курляндская. – 224, 288.
- Анна* – св. праведная, родительница Пресвятой Богородицы. – 718.
- Анна Савойская* (XIV в.) – императрица Византии, супруга *Андроника III*. – 90.
- Антон Иванович (Зиновьев)* († 1832) – юродивый в скиту Всех Святых на Валааме. – 347.
- Антоний* – иеромонах, проводивший тайные богослужения в
- Антоний* (XIX в.) – келейник архимандрита *Феофана*. – 312.
- Антоний* (XVIII в.) – викарный епископ Новгородский. – 298.
- Антоний (в миру – Алексей Павлович Храповицкий)* (1863–1936) – митрополит, основатель и первоиерарх РПЦЗ. – 654.
- Антоний (в миру – Андрей Гаврилович Медведев)* (1792–1877) – архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 372–382, 386, 433, 515.
- Антоний (в миру – Артем Сергеевич Медведев)* (1908–2000) – архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский РПЦЗ. – 613.
- Антоний (в миру – Бочков Алексей Поликарпович)* (1803–1872) – игумен, духовный писатель. – 329, 411.
- Антоний (в миру – Добрыня Андреевич)* († 1233) – архиепископ Новгородский. – 94, 139.
- Антоний Великий* (ок. 251–ок. 356) – святой, основатель первых монашеских общин. – 8, 19, 73–74, 76, 78, 85, 93, 143, 192, 265, 266–267, 273, 578.
- Антоний Воронежский (в миру – Авраамий Гаврилович Смирницкий)* (1773–1846) – свт., архиепископ Воронежский и Задонский. – 51, 280, 294.
- Антоний Дымский* (ок. 1157–1224) – преп. – 95.

Антоний Леохновский († 1613) – свмч., митрополит Ростовский преп. – 214. (1742–1763). – 224.

Антоний Оптинский (в миру – Александр Иванович Путилов) (1795–1865) – преп., схиигумен, Оптинский старец. – 294, 328, 334–341, 354–355, 382, 385–388, 392, 407, 482, 529.

Арсений Великий (354–450) – преп., один из основателей пустынножителства. – 146.

Арсений Комельский († 1550) – преп., игумен Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 191, 199.

Антоний Печерский (983–1073) – преп., игумен. – 94, 128–133, 136–137, 238, 446.

Арсений Коневецкий († 1447) – преп. – 119–120, 159.

Антоний Римлянин (1067–1147) – преп. – 137.

Арсений Новгородский († 1570) – преп., юродивый. – 190.

Антоний Сийский († 1556) – преп. – 140–141, 197–199.

Арсеньев Николай Сергеевич (К. Arsenief) (1888–1977) – православный богослов и философ. – 391.

Анфим († после 560) – Патриарх Константинопольский. – 95.

Артемиий (Троицкий) (ок. 1500–после 1571) – игумен Свято-Троицкой Сергиевой лавры, писатель, мыслитель, один из учителей нестяжательства. – 203–204.

Аполлинарий – брат митрополита Филарета (Дроздова), насельник Симонова монастыря в Москве. – 364.

Аполлос Великий – египетский подвижник. – 270.

Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. – 83, 127, 138.

Архангельский Александр Семенович (1854–1926) – профессор, историк русской литературы. – 178, 189–181.

Арсений († 1893) – насельник скита Всех Святых на Валааме, фотограф. – 310.

Арсений (XIV в.) – старец-отшельник с Крита, наставник преп. Григория Синаита. – 88.

Аскаоченский, Виктор Ипатьевич (1813–1879) – писатель, историк. – 228, 406.

Арсений (XVIII в.) – ученик преп. Паисия Величковского. – 293.

Астафьева Софья Михайловна (урожд. Болотова, в иночестве – София) († 1888) – первая игуменья Казанской Амвросиевой пустыни в Шамордино. – 508.

Арсений (в миру – Александр Мацевич) (1697–1772) – свт.,

Афанасий († 1844) – иеромонах, пустынный рославльский, ученик преп. Паисия Величковского. – 334–335, 399–400, 407.

Афанасий (XIX в.) – прозорливый старец, по благословению

которого в монастырь ушла м. *Николая*. – 627.

Афанасий (в миру – Александр Федорович Протопопов) (1738–1841) – епископ Нижегородский. – 378.

Афанасий (в миру – Андрей Николаевич Охлопов) († 1811) – иеросхимонах монастырей афонских и рославльских. – 292–294.

Афанасий (в миру – Андрей Федоров) († 1831) – архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 376.

Афанасий (Захаров) († 1823) – иеросхимонах, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 293–294, 342, 364.

Афанасий Афонский (920–1000) – преп. – 80–82, 89, 129, 576, 578.

Афанасий Великий (ок. 895–973) – епископ Александрийский, богослов. – 19, 38, 74, 76, 93, 267, 273–274.

Афанасий Высоцкий (в миру – Андрей) (XIV–нач. XV в.) – преп., игумен серпуховского Высоцкого монастыря. – 97, 99, 117, 119, 154.

Афанасий Мурманский (XV в.) – преп., игумен Мурманского Успенского монастыря. – 116.

Афанасий Русин – русский переводчик и переписчик жития преп. *Афанасия Афонского* в Великой Лавре (1431). – 119.

Байков Илья Иванович (1768–1838) – лейб-кучер *Александра I*. – 348.

Барсов Николай Иванович (1839–1903) – профессор, духовный писатель. – 360.

Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – археограф, библиограф, историк. – 114, 116, 118, 120, 241, 322, 795.

Батый (Бату-хан) (1205–1255) – монгольский полководец, хан Золотой Орды. – 669.

Бгуль (IV в.) – отшельник. – 75.

Белова (XX в.) – фельдшерлица-акушерка, сотрудница *В. Ляпустина*. – 790.

Бельский Иоанн Иоаннович – боярин, отец преп. *Галактиона Вологодского*. – 214.

Бенкендорф Александр Христович (1783–1844) – граф, военачальник, шеф Третьего отделения. – 452.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный философ. – 513–515, 721, 799.

Бессонов Петр Алексеевич (1828–1898) – славист, фольклорист, издатель. – 454, 466.

Бестуж (XVI в.) – таинственный черноризец, путеводитель преп. *Адриана Пошехонского*. – 197.

Бобринцева (урожд. Загоровская) Лидия Николаевна († 1964) – дочь прпмч. *Николая Загоровского*. – 649.

Богданов Д. П. (XX в.) – публицист, автор очерка «Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей». – 796.

- Боголеп (XVI в.) – старец, на-**
ставник преп. *Мартурия Зеленец-*
кого. – 197, 200.
- Богословский Вестник** – журнал
Московской духовной академии,
издавался в 1892–1918. – 38, 46,
57, 256, 266–267, 275
- Болвашка** – бульдог *А. А. Елаги-*
на. – 472.
- Борис Васильевич Ржевский**
(*Волоцкий и Волоколамский*)
(1449–1494) – удельный князь,
дядя преп. *Иоасафа Каменского.*
– 176.
- Бруни Федор Антонович** (1799–
1875) – художник. – 614.
- Булгак Мария Михайловна**
(урожд. *Бартенева*) (XX в.) – на-
чальница Гродненской гимназии.
– 600–601.
- Булгаков Сергей Васильевич**
(1859–1932) – духовный писатель.
– 9, 84.
- Бунин Иван Алексеевич** (1870–
1953) – писатель. – 592.
- Бурачек Степан Анисимович**
(*Онисимович*) (1800–1876) – писа-
тель. – 228, 406.
- Бывальцев Митрофан** (XV в.) –
старец, путешественник. – 174.
- Быков Владимир Петрович**
(XX в.) – пропагандист спиритиз-
ма, впоследствии духовный писа-
тель. – 623, 690, 706, 733, 759.
- Бяконт Федор Акинфиевич**
(XIV в.) – черниговский боярин,
отец свят. *Алексия Московского.*
– 108.
- В.** (XX в.) – инокиня, келейница
старца Серафима в скитаниях. –
644.
- В. В.** – сотрудник преп. *Макария*
Оптинского и *И. В. Киреевского*
в деле издания *Святых Отцов.* –
408.
- Валентина (Розанцева)** († 1919)
– последняя игуменя Казанской
Амвросиевой пустыни в Шамор-
дино. – 508, 695.
- Валуев (Волуев) Дмитрий Алек-**
сандрович (1820–1845) – историк,
общественный деятель. – 472.
- Варлаам** – насельник монасты-
ря св. Димитрия, путешествовал в
Иерусалим (1060), Константино-
поль. – 95.
- Варлаам (в миру – Василий Да-**
выдов) (1767–1849) – наместник
Валаамского монастыря (1830–
1839), впоследствии – насельник
Оптиной пустыни. – 482.
- Варлаам († 1533)** – митрополит
Московский (1511–1521). – 189.
- Варлаам Калабрийский** (1290–
1348) – византийский инок, фило-
соф, астроном, борец с исихазмом.
– 9, 83, 86, 90, 102, 107, 113.
- Варлаам Печерский** (XI в.)
– преп., первый игумен Киево-
Печерского монастыря. – 131–
132.
- Варлаам Хутынский (в миру**
– Алекса Михайлович) († 1192) –
преп. – 95, 138–139.
- Варнава** – иеромонах, келейник
преп. *Анатолия.* – 646.

- Варнава Гефсиманский (в миру – Василий Ильич Меркулов)* (1831–1906) – иеромонах, старец Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 51, 254, 265, 276–277, 280, 542.
- Варсануфий Великий* († ок. 563) – преп., пустынножитель. – 26, 45, 99, 132, 266, 271, 331, 408–410, 765.
- Варсис (XIX в.)* – иеромонах, насельник Оптиной пустыни. – 541.
- Варсонофий (XX в.)* – иеродиакон в Валаамском монастыре. – 577.
- Варсонофий Оптинский (в миру – Павел Иванович Плиханков)* (1845–1912) – преп., схиархимандрит, старец Оптиной пустыни. – 7, 238, 254–255, 269, 273, 324, 354, 446, 531, 535, 539–612, 613–614, 660, 667–668, 681, 687, 697–699, 703–704, 707, 764, 791–794.
- Василий Козельский* († 1238) – удельный князь Козельский. – 325.
- Василий I Дмитриевич* (1371–1425) – великий князь Московский и Владимирский. – 114–115.
- Василий I Македонянин* (811–886) – византийский император (с 867). – 85.
- Василий II Васильевич Темный* (1415–1462) – великий князь Московский. – 169–170, 174.
- Василий III Иоаннович* (1479–1533) – великий князь Московский. – 185–187, 192, 196, 202, 258.
- Василий Буслаев* – герой новгородского былинного эпоса. – 96.
- Василий Великий (Кесарийский)* (ок. 330–379) – свт., один из Отцов Церкви. – 31, 59, 78, 80, 119, 152, 160, 290, 361, 424.
- Василий Иванович Шемятич* (XVI в.) – князь Новгород-Северский. – 163.
- Василий Калика* († 1352) – свт., архиепископ Новгородский. – 117.
- Василий Новый* († 952) – преп. – 129.
- Василий Площанский (в миру – Владимир Кишкин)* († 1831) – наместник и возобновитель Белобережского монастыря. – 294, 346.
- Василий Поляномерульский (Поляно-Мерульский)* – преп., схимонах, наставник преп. Паисия Величковского. – 52, 311.
- Васич Милое* (XX в.) – сербский археолог. – 13, 105.
- Вассиан (XIX в.)* – инок, насельник Оптиной пустыни, недоброжелатель преп. Льва Оптинского. – 355.
- Вассиан Муромец (Муромцев)* – прпмч., ученик преп. Корнилия Псковского. – 204.
- Вассиан Патрикеев (Косой)* (в миру – Василий Иванович Патрикеев) (ок. 1470–1532) – князь, инок, писатель. – 175.
- Вассиан Тиксенский (Тотемский)* († 1624) – преп. – 217.
- Вельтман Александр Фомич* (1800–1870) – прозаик, поэт, историк. – 463.

- Вельяминов Тимофей Васильевич* (XIV в.) – окольничий и воевода св. *Димитрия Донского*, воспитатель преп. *Кирилла Белозерского*. – 165.
- Веневитинов Дмитрий Владимирович* (1805–1827) – поэт. – 458.
- Венедикт* (XIX в.) – иеромонах, письмоводитель старца Амвросия. – 496, 504.
- Венедикт (в миру – Василий Иванович Григорович)* (1774–1833) – архиепископ, наместник Пафнутьева Боровского монастыря, ученик преп. *Анатолия Оптинского*. – 596.
- Вениамин (в миру – Василий Антонович Муратовский)* (1855–1930) – епископ Калужский, впоследствии председатель обновленческого Синода. – 596.
- Вениамин (в миру – Иван Афанасьевич Федченко)* (1880–1961) – епископ Русской Церкви, впоследствии экзарх Московской Патриархии в Америке. – 264–265, 721.
- Вениаминовы* – древний боярский род. – 214.
- Виссарион Никейский (Василий Бессарион)* (1403–1472) – кардинал, «отец» Унии 1439 года. – 186.
- Виталий (в миру – Василий Александрович Иосифов)* (1779–1892) – епископ Калужский и Боровский. – 595–596.
- Витовт (Виганд, Александр)* (1350–1430) – великий князь Литовский. – 103.
- Вишневская Серафима Николаевна (Вера)* (XX в.) – корреспондент *С. А. Нилуса*, мать старца *Серафима*. – 634–642.
- Вишневский Коля* († 1905) – сын *Вишневской С. Н.* – 637–641.
- Вишневский Сережа* – см. *Серафим, старец*. – 634–637, 642.
- Владимир (в миру – Василий Филантропов)* (1841–1916) – архимандрит, исследователь греческих рукописей, епископ Киренский, Ковенский. – 107.
- Владимир Андреевич Храбрый* (1353–1410) – удельный князь Серпуховский и Боровский. – 326.
- Владимир Мономах* (1033–1125) – великий князь Киевский. – 122, 138.
- Владимир Святой* († 1015) – святой равноапостольный, великий князь Киевский. – 122, 125, 160–161.
- Владимирский Вестник* – православно-монархический журнал, издавался с 1952 в Сан-Пауло (Бразилия). – 590.
- Возрождение* – русский литературно-политический журнал, издавался в 1949–1974 в Париже. – 589, 592.
- Волжин Александр Николаевич* (1860–1933) – обер-прокурор Св. Синода (1915–1916). – 629.
- Волков-Давыдов С. Д. (псевд. – Серапион Волкович)* (XX в.) – мастер декламации, противник спиритизма. – 770.

- Вольнец (XX в.)* – лицо, отдавшее деньги на хранение еп. *Ионе Ханькоускому.* – 787.
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари* (1694–1778) – французский философ эпохи Просвещения. – 430, 455.
- Воронова Елена Андреевна* (XIX в.) – председательница Тюремного комитета в Санкт-Петербурге, духовное чадо преп. *Варсонофия Оптинского.* – 578, 580.
- Воронцов Михаил Семенович* (1782–1856) – князь, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. – 309.
- Вытронский Эраст Кузьмич* (1829–1913) – послушник Оптинского скита, письмоводитель преп. *Амвросия.* – 590.
- Вышеславцев Борис Петрович* (1877–1954) – профессор, философ. – 29.
- Гавриил II (в миру – Петр Петрович Петров-Шапошников (Летов))* (1730–1801) – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. – 91, 224–225, 255, 274, 288–289, 292–293, 295, 297–298, 300–302, 304, 307.
- Гавриил Седмиозерский (в миру – Гавриил Федорович Зырянова)* (1844–1915) – преп., схиархимандрит. – 783.
- Гаврюша* (XIX в.) – юродивый в Оптиной и Казанской Амвросиевой пустынях. – 496.
- Галактион Вологодский (в миру – Гавриил Иванович Бельский)* († 1612) – прпмч., затворник. – 214–215.
- Гантимуров А. Т.* – почитатель свят. *Ионы Ханькоуского*, скончавшийся на отпевании владыки от разрыва сердца. – 789.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831) – немецкий философ-идеалист. – 431.
- Гелен* – преп., египетский пустынножитель. – 267.
- Гельцер Генрих* (1847–1906) – немецкий историк-византист. – 13.
- Геннадий* (1773–1846) – иеромонах, насельник Оптиной пустыни. – 482.
- Геннадий Важеозерский* († 1550) – преп., безмолвник, ученик преп. *Александра Свирского.* – 200.
- Геннадий Костромской и Любимоградский (в миру – Григорий)* († 1516) – преп., ученик преп. *Корнилия Комельского.* – 192, 194–195.
- Геннадий Новгородский (Гонзов)* (1410–1504) – свт., архиепископ Новгородский, создатель первого полного библейского кодекса в России. – 170, 181, 189, 191.
- Георгиевский Василий Тимофеевич* (1861–1923) – искусствовед, археолог. – 104.
- Георгий* (XIX в.) – иеродиакон, насельник Оптиной пустыни,

- бунтовщик против архимандрита *Ксенофонта*. – 568, 600.
- Георгий Затворник (в миру – Георгий Алексеевич Машиурин, в иночестве – Стратоник)* (1789–1836) – затворник Задонского Богородицкого монастыря, духовный писатель. – 383–384.
- Георгий Победоносец* (III в.) – великомученик, римский воин. – 725.
- Герасим* († 1918) – старец, архимандрит. – 764.
- Герасим* (XIX в.) – инок, пустынножитель, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 294.
- Герасим* (XIX в.) – инок, насельник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 394.
- Герасим* (XVIII) – инок, зачинатель пасек в Санаксарском монастыре. – 305.
- Герасим Болдинский (в миру – Григорий)* (1490–1554) – преп. – 185–186.
- Герасим Вологодский* († 1178) – преп. – 137.
- Герман* (V в.) – пресвитер, духовный брат преп. *Иоанна Кассиана Римлянина*. – 72.
- Герман I* († 740) – свт., Патриарх Константинопольский. – 275.
- Герман Аляскинский* (1757–1837) – преп., миссионер. – 302, 482.
- Герман Валаамский* († ок. 1353) – преп. – 301.
- Герман Казанский (в миру – Григорий Садырев-Полев)* (1505–
- 1567) – свт., архиепископ Казанский и Свияжский. – 203.
- Герман Соловецкий* († 1479) – преп., первый инок Соловецкой обители. – 646.
- Гермоген* (ок. 1530–1612) – свт., свмч., Патриарх Московский. – 204.
- Геронтий* († 1489) – свт., митрополит Московский. – 189.
- Геронтий* (XIV в.) – старец московского Богоявленского монастыря, наставник св. *Алексия Московского*. – 108.
- Геронтий* (XIV в.) – старец Оптиной пустыни, духовник преп. *Анатолія*. – 535.
- Геррес Йоханн Йозеф фон* (1766–1848) – немецкий писатель. – 460.
- Герцен Александр Иванович* (1812–1870) – революционер, писатель, философ. – 437, 470, 476.
- Гершензон Михаил (Мейлэх) Осипович* (1869–1925) – литературовед, философ, публицист. – 466.
- Гете Иоганн Вольфганг фон* (1749–1832) – великий немецкий поэт. – 123.
- Гизо Франсуа-Пьер-Гильом* (1787–1874) – французский государственный деятель и историк. – 369, 467.
- Гиляров-Платонов Никита Петрович* (1824–1887) – публицист, общественный деятель. – 287.
- Гирс Алексей Федорович* (1871–1918) – камергер, генерал-

- губернатор Киева, Минска, Нижнего Новгорода. – 452.
- Глинка Михаил Иванович* (1804–1857) – композитор. – 452.
- Глинская Елена Васильевна* (ок. 1508–1538) – великая княгиня московская, мать *Иоанна Грозного*. – 163, 186.
- Гоголь, Николай Васильевич* (1809–1852) – великий писатель. – 228–229, 321–322, 406, 451–452, 463, 706, 762, 794–798, 801.
- Голицын Александр Николаевич* (1773–1844) – князь, государственный деятель. – 344, 347–348, 370–371.
- Голубинский Евгений Евстигнеевич* (1834–1912) – профессор, историк Церкви. – 94, 107, 109, 114, 116, 127, 131, 134, 164, 182.
- Голубинский Федор Александрович* (1797–1854) – протоиерей, философ и богослов. – 388.
- Гомер (Омир)* – древнегреческий поэт-сказитель. – 18, 127, 138.
- Гоццолли Беноццо (ди Лезе ди Сандро)* (1420–1497) – итальянский живописец Раннего Возрождения. – 245.
- Грабарь Игорь Эммануилович* (1871–1960) – художник, историк искусства. – 211, 244.
- Грановский Тимофей Николаевич* (1813–1855) – историк и социолог, либеральный мыслитель. – 438, 476, .
- Грасье Альбер (XIX в.)* – французский аббат, писатель, биограф *А. С. Хомякова*. – 438.
- Гренков Михаил Федорович* (XIX в.) – пономарь, отец преп. *Амвросия*. – 478.
- Гренков Николай Михайлович* (XIX в.) – старший брат преп. *Амвросия Оптинского*. – 479.
- Гренков Петр Михайлович* (XIX в.) – брат преп. *Амвросия*. – 479.
- Гренкова Марфа Николаевна* (XIX в.) – мать преп. *Амвросия*. – 478.
- Григорий* (XIX в.) – инок, келейник преп. *Варсонофия*. – 548.
- Григорий* (XI в.) – инок, творец канонов. – 127.
- Григорий (в миру – Николай Миткевич)* (1807–1881) – архиепископ Калужский. – 677–678.
- Григорий (до схимы – Геронтий)* – схимонах в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, наставник преп. *Варнавы Гефсиманского*. – 276–277.
- Григорий Богослов (Назианзин)* (329–389) – свт., богослов, один из Отцов Церкви. – 25, 68, 99, 361, 380.
- Григорий Палама* (1296–1360) – свт., византийский богослов, основоположник исихазма. – 8, 14, 16, 21, 33, 61, 67, 71, 73, 78, 83–91, 102, 105–107, 113, 119–120, 151, 320.
- Григорий Пельшемский* (1324–1451) – преп. – 172–173.

- Григорий Синаит* († 1346) – описание Св. Земли (1106–1107). преп., основоположник исихазма. – 95.
- 8–10, 36, 78, 81–82, 86–91, 99–101, 105, 120, 163.
- Григорий Цамблак* (ок. 1364–ок. 1419) – болгарский духовный писатель, митрополит Киевский, впоследствии молдо-влахийский. – 100–101, 103.
- Григор-Клочко Иоанн* (1892–1973) – протоиерей РПЦЗ. – 512.
- Гурий (в миру – Охотин Николай Васильевич)* (1828–1912) – архиепископ Новгородский и Старорусский (1900–1910). – 569.
- Давид Псаломпевец* – святой, пророк, царь Израиля (ок. 1005–965 до н. э.). – 209, 272, 426, 566, 682, 720.
- Давыдов Денис Васильевич* (1784–1839) – поэт, генерал-лейтенант, партизан. – 451.
- Далмат* (XIV в.) – инок Кирилло-Белозерского монастыря, воскрешенный преп. *Кириллом Белозерским* ради предсмертного причастия. – 166.
- Даль, Владимир Иванович* (1801–1872), русский писатель, лексикограф, этнограф. – 463.
- Дамиан Азийский* (IV в.) – св. бсрбр., брат св. бсрбр. *Косьмы Азийского*. – 430.
- Даниил* – игумен, настоятель Оптиной пустыни (1819–1825). – 327, 334.
- Даниил* – игумен, первый русский паломник, оставивший
- Даниил (XVI в.)* – старец, стоявший у смертного одра преп. *Кирилла Белого Новоезерского*. – 196.
- Даниил* († 1865) – старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. – 277.
- Даниил (в миру – Дмитрий Михайлович Болотов)* (1837–1907) – иеромонах, иконописец, насельник Оптиной пустыни. – 508, 600.
- Даниил (Рязанец)* (до 1492–1547) – митрополит Московский (1522–1539). – 163, 189.
- Даниил Андреевич* (XIV в.) – боярин, желавший завещать свое село преп. *Кириллу Белозерскому*. – 168.
- Даниил Переяславский (в миру – Дмитрий)* († 1540) – преп., наставник преп. *Герасима Болдинского*. – 185.
- Даниил Столпник* (410–490) – преп. – 69.
- Даниил Черный* (ок. 1360–1430) – иконописец, сотрудник преп. *Андрея Рублева*. – 241.
- Дантес Жорж Шарль (по усыновлению – барон Геккерн)* (1812–1895) – французский монархист, убийца А. С. Пушкина. – 452.
- Дашкова (Воронцова-Дашкова) Екатерина Романовна* (1743–1810) – директор петербургской Академии Наук, подруга и спод-

- вижница императрицы *Екатерины II*. – 296.
- Декий Траян* – византийский император (249–251). – 274.
- Демидов Василий Михайлович* (1885–1951) – протоиерей, духовный писатель. – 789.
- Демочка* – частый спутник прпмч. *Николая Загоровского*. – 652.
- Денежкин Ефим (Андрей Ефимович)* – хозяин дома в Холмищах, где в изгнании жил преп. *Нектарий*. – 714, 722, 752, 754.
- Денежкина Мария Ефимовна* – дочь *Ефима Денежкина*. – 752.
- Денисов Илья Васильевич* (1893–1971) – католический философ, богослов, историк, священник мелькитского обряда. – 201, 203.
- Денница* – литературный альманах, издавался в Москве в 1830–1831 *М. А. Максимовичем*. – 431.
- Дергачев Николай* († 1994) – мальчиком был исцелен святителем *Ионой Ханькоуским*. – 790.
- Джорджоне* (ок. 1477–1510) – венецианский художник эпохи Возрождения. – 242.
- Диадок Фотикийский* (V в.) – блаженный, один из Отцов Церкви. – 266.
- Диль Шарль* (1859–1944) – французский ученый, историк, византинист. – 104, 240.
- Димитрий Иванович Донской* (1350–1389) – св. блгв. князь, великий князь Московский. – 110, 115, 118, 152–153, 188, 239.
- Димитрий Прилуцкий* († 1392) – преп. – 150.
- Димитрий Ростовский (в миру – Даниил Саввич Туптало)* (1651–1709) – свт., митрополит Ростовский, писатель, проповедник. – 222, 234–235, 400, 442–443, 777.
- Димитрий Солунский* († 306) – прпмч. – 95, 123.
- Димитрий Шемяка* (1420–1453) – князь Галича-Костромского. – 169.
- Диодор Юрьегорский (в миру – Дамиан)* († 1633) – преп. – 162, 191, 218–219, 221–222.
- Дионисий* (ок. 1440–1502) – выдающийся иконописец. – 123, 166, 239, 243–245.
- Дионисий (XVI в.)* – инок, сподвижник преп. *Кирилла Белого Новоезерского*. – 196.
- Дионисий Ареопagit* († 96) – свмч., древнехристианский богослов. – 33, 36, 67, 85.
- Дионисий Глушицкий* (1362–1427) – преп., иконописец, мастер книгописания и резьбы по дереву. – 116, 162, 170, 172, 177, 199.
- Дионисий Грушицкий* († 1437) – преп., иконописец. – 171.
- Дионисий Радонежский (в миру – Давид Зобниновский)* (1570–1633) – преп., архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 217.

- Дионисий Святогорец (Грек) М. М. Дондуковой-Корсаковой.* († 1425) – свт., архиепископ Ростовский. – 115, 171–173, 182.
- Дионисий Суздальский* († 1385) – преп., архиепископ Суздальский и Новгородский. – 158.
- Дитмар Мерзебургский* (975–1018) – немецкий хронист, епископ Мерзебургский. – 125.
- Дмитриев Иван Иванович* (1760–1837) – поэт, государственный деятель. – 457–458.
- Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович* (1824–1880) – художник-портретист. – 472.
- Добрыня* (X. в.) – воевода и наставник *Владимира Святого*. – 469.
- Долгов Афанасий Иванович* (1725–1804) – купец 1-й гильдии, купеческий старшина, воссоздатель церкви Тихвинской иконы Божией Матери Симонова монастыря. – 300.
- Дондукова-Корсакова Мария Михайловна* (1828–1909) – княжна. – 580.
- Дондуков-Корсаков Александр Михайлович* (1820–1893) – князь, генерал-адъютант, наместник Кавказа, старший брат *М. М. Дондуковой-Корсаковой*. – 580.
- Дондуков-Корсаков Владимир Михайлович* (1840–1902) – князь, вице-директор Департамента общих дел Министерства путей сообщения, младший брат
- Дорофей* († 1865) – старец, последний пустынник рославльский, одно время – насельник скита Оптиной пустыни. – 294.
- Дорофей (XVI в.)* – инок, автор книги «Цветник духовный». – 177.
- Дорофей авва Палестинский* († 620) – преп. – 20, 45, 47, 99, 117, 132, 331, 357, 403, 410, 425–426.
- Досифей* († 1219) – архимандрит Киево-Печерского монастыря, путешествовал на Афон. – 94.
- Досифей* (1753–1828) – старец, рославльский пустынник, впоследствии насельник скита Оптиной пустыни. – 335, 407.
- Досифей* (VII в.) – преп., ученик *Дорофея Палестинского*. – 132.
- Досифей (в миру – Димитрий Степанович Чучурюкин)* (1871–1937) – свмч., иеромонах, братский духовник Оптиной пустыни. – 709–710, 752.
- Досифей (Силаев)* († 1900) – архимандрит, наместник Оптиной пустыни. – 568.
- Досифей Киевский* (по др. сведениям – *Досифея*, в миру – *Дарья Тяпкина*) – старец Киево-Печерской лавры, затворник, благословивший преп. *Серафима Саровского* на иноческий подвиг. – 225, 292, 305, 314.

- Досифея (в миру – Августа Матвеевна Тараканова)* (1746–1810) – инокиня московского Иоанновского монастыря, дочь императрицы *Елизаветы Петровны*. – 225–226, 328, 365–366.
- Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881) – великий русский писатель. – 123, 228, 237, 355, 445, 515, 733, 794, 798–799.
- Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант. – 785.
- Е. Г.* (XIX в.) – супруга священника *А. Р.*, собиравшего средства для старца *Нектария*. – 714.
- Е. Г. Р.* (XX в.) – духовное чадо преп. *Анатолія*. – 646.
- Евагрий Понтийский* (ок. 345–ок. 399) – греческий подвижник, духовный писатель и экзегет. – 267.
- Евдоким (XIX в.)* – инок, келиарх в скиту Валаамского монастыря. – 347.
- Евлогий (в миру – Георгиевский Василий Семенович)* (1868–1946) – митрополит, управлял зарубежными приходами Московской Патриархии. – 721.
- Евпраксия (в миру – Евдокия Ефремовна Пучкина)* (1781–1868) – инокиня в Дивеевском монастыре, свидетельница явления Божией Матери преп. *Серафиму*. – 314.
- Европеец* – «журнал наук и словесности», издавался *И. В. Киреевским* в Москве в 1832. – 432.
- Евфимий* (XIX в.) – архимандрит Тихвинского монастыря. – 299.
- Евфимий* (XIX в.) – иеромонах Оптиной пустыни. – 397.
- Евфимий* (ок. 1327–1401) – свт., Патриарх Тырновский (Болгарский). – 100–103, 106.
- Евфимий Великий* (376–477) – преп., иеромонах, пустынный. – 78, 174.
- Евфимий Суздальский* (1316–1414) – преп. – 150, 158.
- Евфросин (в миру – Елеазар Толвский (Псковский))* (1386–1481) – преп. – 121.
- Евфросин Синозерский* († 1612) – преп., свмч. – 214.
- Евфросиния (в миру – Елена Александровна Розова)* (1830–1904) – игуменья Казанской Амвросиевой пустыни в Шамордино. – 508, 510.
- Евфросиния Полоцкая* (1110–1173) – преп., покровительница женского монашества. – 96.
- Едигей* (1352–1419) – темник Золотой орды, предводитель крупного набега на Московское княжество. – 113.
- Екатерина* (IV в.) – прпмч. – 88.
- Екатерина II Великая (София-Августа-Фредерика)* (1729–1796) – Императрица Всероссийская. –

- 224–225, 288, 295, 297, 302, 310–311, 365, 801.
- Елагин Алексей Андреевич* (1790–1846) – штабс-капитан, супруг *А. П. Елагиной*, отчим *И. В., М. В. и П. В. Киреевских*. – 431, 458, 472, 475.
- Елагин Василий Алексеевич* (XIX в.) – сын *А. А. Елагина*. – 472, 477.
- Елагина (в замужестве – Беэр) Мария Васильевна* (1860–1927) – единоутробная сестра братьев *Киреевских*, дочь от второго брака *А. П. Елагиной*. – 472.
- Елагина Авдотья Петровна* – см. *Киреевская А. П.*
- Елагина Екатерина Ивановна (урожд – Мойер)* (1821 (по др. данным – 1828)–1899) – супруга *В. А. Елагина*. – 477.
- Елеазар Анзерский* († 1656) – преп. – 162, 218–222.
- Елена Александровна* – тетя *Е. Концевич (Карцовой)*. – 560.
- Елизавета Петровна* (1709–1761) – русская императрица, дочь *Петра I*. – 225–226.
- Елисей* – святой, пророк. – 613.
- Епифаний* († 403) – свт., епископ Кипрский. – 78.
- Епифаний* (X в.) – ученик преп. *Андрея Юродивого*. – 189.
- Епифаний Премудрый* († 1420) – духовный писатель, инок, ученик преп. *Сергия Радонежского*. – 111–112, 118, 147–150, 240.
- Ефрем Каженник* († 1096) – насельник Киево-Печерского мо-
- настыря, митрополит Киевский, епископ Переяславский. – 94, 131.
- Ефрем Перекомский* († 1492) – преп. – 175.
- Ефрем Сирин* († 373) – преп., византийский богослов, проповедник. – 22–23, 46, 79, 307.
- Ефрем Смоленский* († после 1238) – преп., ученик преп. *Авраамия Смоленского*. – 138.
- Жевахов Николай Давидович (Джавахишвили)* (1784–1938) – князь, духовный писатель, товарищ обер-прокурора Святейшего синода. – 620.
- Жуковский Василий Андреевич* (1783–1852) – поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма. – 430–432, 458, 462.
- Жуковский Николай Архипович* (XIX в.) – свидетель чудес преп. *Варсонофия*. – 561.
- Загоровская (Сангушко-Загоровская) (урожд. Роменская) Параскева Андреевна* (XIX в.) – мать прпмч. *Николая Загоровского*. – 649.
- Загоровская (Сангушко-Загоровская) Анна Николаевна* (XX в.) – сестра прпмч. *Николая Загоровского*. – 649–650.
- Загоровская (Сангушко-Загоровская) Екатерина Ивановна* (XX в.) – супруга прпмч. *Николая Загоровского*. – 632, 651, 656.
- Загоровский (Сангушко-Загоровский) Михаил Михайлович*

(XX в.) – брат прпмч. *Н. М. Загоровского*. – 649.

Загоровский (Сангушко-Загоровский) Михаил Феофтистович (XIX в.) – отец прпмч. *Николая Загоровского*. – 649.

Загоровский (Сангушко-Загоровский) Николай Михайлович (в иночестве – Серафим) (1872–1943) – прпмч., протоиерей, проповедник, впоследствии архимандрит. – 265, 632, 648–659, 802.

Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – прозаик, драматург. – 153, 188.

Зайцев Константин Иосифович – см. *Константин*, архимандрит. – 125–127.

Зандер Лев Александрович (1893–1964) – философ, религиозный мыслитель. – 798.

Зарин Сергей Михайлович (1875–1936) – писатель, богослов. – 17–21, 24, 28, 30–31, 64, 146.

Заруцкий Иван Мартынович († 1614) – атаман донских казаков, сторонник Лжедмитрия II. – 217.

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – протоиерей, философ, богослов. – 229–230, 232, 435, 439–440, 798.

Зиновий – игумен Троице-Сергиева монастыря (1436–1445). – 97.

Зосима – старец, персонаж романа *Ф. М. Достоевского* «Братья Карамазовы». – 237, 444, 543, 799.

Зосима Брадатый († 1496) – митрополит Московский (1491–1494). – 189.

Зосима Палестинский (460–560) – преп., отшельник. – 422.

Зюсьбир (XIX в.) – немец, управляющий *П. В. Киреевского*. – 456.

Иаков – св. праотец. – 669.

Иаков – брат Господень, апостол от 70. – 416.

Иаков – насельник Оптиной пустыни (впоследствии иеромонах *Иоаким* в Киево-Печерской лавре), келейник преп. *Льва Оптинского*. – 357.

Иаков (в иночестве – Иоанн) (XIX в.) – схимонах, насельник Оптиной пустыни. – 498–503.

Иаков Сербский († 1292) – свт., архиепископ Сербии. – 105.

Иассон (в схиме – Иоанн) († 1917) – игумен Глинской пустыни. – 294.

Иван Тихонов (Иван Тихонович Толстошеев, в иночестве – Иоасаф) (1801–1844) – инок Дивеевского монастыря, впоследствии – Нижегородского Печерского. – 143.

Иванов Николай Михайлович (XIX в.) – коллежский ассессор, отец преп. *Макария*. – 398.

Иванова Елизавета Алексеевна (XIX в.) – мать преп. *Макария*. – 398.

Игнатий (1731–1796) – архимандрит, «строитель» (руководитель восстановлением)

- Никола-Пешношского и московского Симонова монастыря в конце XVIII в. – 293, 299–300, 304, 307, 357.
- Игнатий (XV в.) – инок Толвского монастыря, ученик преп. Евфросина Толвского.* – 121.
- Игнатий (в миру – Димитрий Александрович Брянчанинов) (1807–1867) – свт., проповедник.* – 21, 30, 40–42, 45–46, 48–54, 139, 164, 177–178, 180, 256–257, 280–281, 529, 592, 596.
- Игнатий Ксанфопул (XV в.) – преп., афонский инок, сподвижник преп. Каллиста Ксанфопула.* – 45, 91.
- Игнатий Смоленский († 1405) – иеродиакон, паломник.* – 117.
- Игнатъева София Сергеевна (1850–1944) – графиня, общественная деятельница.* – 254, 601.
- Иероним (в миру – Иван Павлович Соломенцов) (1803–1885) – иеросхимонах, возобновитель русского афонского монашества.* – 513, 515.
- Иероним (Фармаковский) (1732–1783) – епископ Владимирский и Муромский.* – 305.
- Иерофей – Патриарх Антиохийский и всего Востока (1850–1885).* – 393.
- Извольский Владимир Иванович (1890) – свмч., протоиерей.* – 787.
- Изяслав Ярославич (в крещении – Димитрий) (1024–1078) – великий князь Киевский.* – 131–132, 134.
- Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – профессор, историк.* – 131–132, 201, 204.
- Иларион (XIX в.) – пустынник рославльский, один из первых насельников Оптиной пустыни.* – 294, 334.
- Иларион (прозв. – Русин) († ок. 1055) – митрополит Киевский.* – 125, 127, 131.
- Иларион Оптинский (в миру – Родион Никитич Пономарев) (1805–1873) – преп., иеросхимонах, старец и скитоначальник в Оптиной пустыни.* – 278–279, 395.
- Иларион Троекуровский (Фокин) (1774–1853) – старец, затворник* – 480–481.
- Илиодор – афонский схимонах, автор книги «На горах Кавказа».* – 709.
- Илиодор (в миру – Иван Голованицкий) († 1879) – схиархимандрит Глинской пустыни.* – 294.
- Илиодор (Головин) (1847–1908) – иеромонах, благочинный Оптиной пустыни.* – 567–569, 599.
- Илларион Великий (IV в.) – преп., пустынник.* – 78.
- Ильин Владимир Николаевич (1890–1974) – религиозный мыслитель.* – 143.
- Ильин Иван Александрович (1883–1954) – философ.* – 467.

- Ильин Павел* (XX в.) – юноша, излечившийся у гробницы преп. *Иоанна Кронштадтского*. – 574–575.
- Илия* – святой, пророк. – 32, 147, 483, 727.
- Иннокентий* († 1823) – архимандрит Валаамского монастыря. – 347.
- Иннокентий* (XX в.) – инок Валаамского монастыря. – 301.
- Иннокентий* (XIX в.) – иеромонах в Оптиной пустыни, казначей при архимандрите *Ксенофонте*, духовник преп. *Макария*. – 482, 590.
- Иннокентий* (в миру – *Иван Аполлонович Фигуровский*) (1863–1931) – миссионер, архиепископ Пекинский и Китайский. – 785.
- Иннокентий* (*Павлов*) (1890–1961) – игумен, после революции эмигрировал в Бразилию. – 561–562, 564, 590.
- Иннокентий* (*Смирнов*) (1784–1819) – епископ Пензенский и Саратовский. – 345, 367–368.
- Иннокентий III* (в миру – *Лотарио Конти*) (1161–1216) – папа римский. – 81.
- Иннокентий Комельский* (в миру – *Иван Охлябинин*) († 1521) – преп. – 70, 121, 182.
- Иоаким* – св. праведный, родитель Пресвятой Богородицы. – 718.
- Иоанн* (X век) – болгарский экзарх, духовный писатель. – 93.
- Иоанн* (XIX в.) – иеросхимонах в Оптиной пустыни, подвижник. – 386, 482.
- Иоанн* (XIX в.) – инок, прадед преп. *Макария*. – 398.
- Иоанн* (XVIII в.) – старец Николо-Пешношского монастыря. – 326.
- Иоанн III* (1440–1505) – великий князь Московский. – 120, 186.
- Иоанн IV Грозный* (1530–1584) – первый русский царь. – 185, 190, 200, 203–204, 211, 214, 244, 466.
- Иоанн VI Кантакузен* (1293–1383) – византийский император. – 107, 109.
- Иоанн VIII Палеолог* (1392–1448) – византийский император. – 115.
- Иоанн Асень II* (1190–1241) – болгарский царь. – 81.
- Иоанн Богослов* – апостол, евангелист. – 253, 265, 728.
- Иоанн Большой Колтак* († 1589) – блаженный, Христа ради юродивый. – 164, 215.
- Иоанн Дамаскин* (ок. 676–777) – преп., богослов. – 17, 67, 93.
- Иоанн Златоуст* (ок. 350–407) – свт., епископ Константинополя, богослов и проповедник. – 55, 62, 91, 93, 119, 169, 210, 213, 260, 424, 686.
- Иоанн Карпафийский* (VII в.) – блаженный, богослов. – 418.
- Иоанн Кассиан Римлянин* († 435) – преп., подвижник. – 46, 72–73.

- Иоанн Киевский* († 1086) – свт., митрополит Киевский. – 96.
- Иоанн Комнин* (1087–1143) – византийский император. – 130.
- Иоанн Креститель (Предтеча)* – святой, пророк. – 70–71, 117, 143, 183, 265, 280, 335.
- Иоанн Кронштадтский (в миру – Иван Ильич Сергиев)* (1829–1908) – святой праведный, проповедник, духовный писатель. – 16–17, 51, 281, 355, 389, 527, 535, 541, 543–544, 552, 574–579, 697, 743, 791–792, 801.
- Иоанн Лествичник* († между 650 и 680) – преп., богослов, философ. – 8, 20, 23, 37, 43–45, 67, 78, 85, 93, 307, 324, 330, 421–422, 426, 520, 484–485, 489, 799.
- Иоанн Прозорливый Египетский* († 395) – преп. – 8, 268.
- Иоанн Пророк* (X век) – преп., ученик преп. *Варсануфия Великого*. – 46, 99, 132, 408–410, 765.
- Иоанн Рьльский* (ок. 876–946) – преп., пустынножитель, покровитель болгарского народа. – 576, 578.
- Иоанн Флавий Клавдий* – см. *Флавий Клавдий Иовиан*. – 76.
- Иоанна* (XX в.) – воспитанница приюта в Горненской обители, затем инокиня в Успенской обители в Чили. – 742.
- Иоанн-Александр* († 1371) – болгарский царь. – 99–100.
- Иоанникий (XIX в.)* – архимандрит Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря. – 573.
- Иоасаф* – ложный ученик преп. *Серафима Саровского* – см. *Иван Тихонов*. – 302.
- Иоасаф (в миру – Иван Ильич Болотов)* (1761–1799) – епископ Кадьякский, инок Валаамского монастыря, глава духовной миссии на североамериканских территориях. – 382.
- Иоасаф (в миру – князь Иван Оболенский)* († 1513) – архиепископ Ростовский. – 181, 183.
- Иоасаф Каменский (в миру – князь Андрей Дмитриевич Заозерский)* (1430–1457) – преп., чудотворец. – 120, 176–178, 182.
- Иов* (XIV в.) – солунский старец, безмолвник, друг преп. *Григория Паламы*. – 90.
- Иов (в миру – Иаков Петрович Потемкин)* (1752–1823) – архиепископ Екатеринославский. – 368.
- Иов Княгиницкий* († 1621) – схимонах, подвижник. – 222.
- Иов Почаевский (в миру – Иван Железо)* († 1651) – преп., игумен Почаевской лавры. – 222.
- Иов Ущельский (Мазовский)* († 1628) – прпмч. – 191.
- Иоиль* (XIX в.) – насельник Оптиной пустыни, помощник преп. *Амвросия* в строительстве Шамординской обители. – 531.

- Иона* (XVIII в.) – инок Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря. – 205, 299.
- Иона* († 1464) – свт., митрополит Московский. – 120, 189, 384.
- Иона* († 1612) – прпмч., инок, погиб от руки поляков. – 214.
- Иона* (в миру – *Иван Семенович Васильевский*) (1763–1849) – митрополит Мцхетско-Каргалинский, экзарх Грузии (1821–1832). – 370.
- Иона* (*Шамин*) († 1568) – старец Соловецкого монастыря, наставник *Филиппа* (Феодора Колычева). – 206.
- Иона Иванович Путилов* – см. *Исаия* – игумен *Саровской пустыни*. – 366.
- Иона Ханькоуский* (в миру – *Василий Покровский*) (1888–1925) – свт., епископ Ханькоуский и Манчжурский. – 783–791.
- Иосиф* – иеромонах, «строитель» Оптиной пустыни в 1795–1796 гг. – 326.
- Иосиф Обручник* (*Плотник*) – св. праведный, обрученный муж Пресвятой Богородицы. – 778.
- Иосиф* (*Николаевский*) († 1930) – архимандрит Валдайского Свято-Озерского Иверского Богородичного монастыря, впоследствии – епископ Валдайский. – 573.
- Иосиф* (*Полевой*) (1852–1932) – иеромонах в Оптиной пустыни, последний оставшийся на свободе после ее закрытия в 1923. – 495, 709–710, 718.
- Иосиф Волоцкий* (в миру – *Иван Санин*) (1440–1515) – преп., богослов, игумен Волоколамского Иосифо-Волоцкого монастыря. – 162–163, 174–175, 181, 183–186, 189, 227, 240, 258–259.
- Иосиф Вриенный* (1350–1432) – византийский инок, подвижник, богослов. – 113.
- Иосиф Оптинский* (в миру – *Иван Ефимович Литовкин*) (1837–1911) – преп., иеросхимонах, ученик и келейник преп. *Амвросия*. – 324, 488, 494, 498, 517–527, 530, 533, 543–545, 590, 595–596, 598–600, 627, 686, 688, 698, 741, 761.
- Иринарх* (в миру – *Илья*) († 1616) – преп., затворник. – 164, 215–217.
- Ириней* (в миру – *Иван Андреевич Клементьевский*) (1751–1818) – духовный писатель, проповедник, архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. – 297.
- Иродион Илозерский* († 1541) – преп., ученик преп. *Корнилия Комельского*. – 195.
- Исаак Нитрийский* († 370) – преп., духовный писатель, отшельник. – 21.
- Исаак Сирин* (*Ниневиийский*) (XV в.) – преп., духовный писатель, отшельник. – 10, 19–20, 31, 37, 51–52, 64, 69, 79, 98–99, 119, 121, 144–146, 177, 207, 228, 264,

- 324, 406, 410, 419–420, 422–423, 426, 618.
- Исаакий Молчальник Троицкий* († 1388) – преп., ученик преп. *Сергия Радонежского*. – 151.
- Исаакий Оптинский Второй (Младший)* (в миру – *Иван Николаевич Бобриков*) (1865–1938) – свмч., архимандрит, наместник Оптиной пустыни. – 487, 568, 590, 602, 615, 686, 710.
- Исаакий Первый (Старший)* (в миру – *Иван Иванович Антимонов*) (1810–1894) – схиархимандрит, игумен Оптиной пустыни. – 278.
- Исаия* (XIX в.) – келейник преп. *Амвросия*. – 590.
- Исаия* – святой, пророк. – 143.
- Исаия* (в миру – *Иона Иванович Путилов*) (1786–1858) – игумен Саровской пустыни, брат преп. *Моисея Оптинского*. – 328, 384.
- Исаия Отишельник* (V–VI вв.) – египетский подвижник. – 46, 410.
- Исидор Киевский (Русский)* (1380/1390–1463) – митрополит Киевский, кардинал Римокатолической церкви. – 189.
- Исидор Пелусиот* († 435) – преп., египетский подвижник. – 214.
- Исихий Иерусалимский* († после 451) – преп., подвижник, духовный писатель. – 21, 25–26, 30, 32, 98, 720.
- Исторический Вестник* – научно-популярный журнал, изда-
- вался в Петербурге в 1880–1917. – 796, 798
- Иулиания* (XX в.) – воспитанница приюта в Горненской обители, затем инокиня Успенской обители в Чили. – 741–742.
- Иустина Антиохийская* († 275) – святая мученица. – 392.
- Кавелин Константин Дмитриевич* (1818–1885) – правовед, историк, публицист. – 463, 476–477.
- Кадлубовский Арсений Петрович* (1867–?) – историк русской литературы. – 11, 157, 168, 170–171, 176, 182–183, 192–194, 198–199.
- Казанский Петр Симонович* (1819–1878) – профессор, богослов и историк. – 76, 272–273, 378.
- Каллиник* (XIX в.) – молдавский инок, ученик преп. *Паисия Величковского*, подвизался в Екатеринбургской епархии. – 368.
- Каллист I (Ксанфопулос)* († ок. 1363) – свт., Патриарх Константинопольский. – 45, 88, 91, 105.
- Каллист Катафагиот* (XV в.) – свт., афонский подвижник, богослов. – 91.
- Калыгин Василий Полиевктovich* (XIX в.) – хозяин поместья Шамордино. – 506.
- Каплан Фанни Ефимовна (Фейга Хаимовна Ройтблат)* (1890–1918) – участница российского революционного движения. – 736.

- Карамзин Николай Михайлович* (1766–1826) – историограф, писатель, поэт. – 127, 186, 458.
- Карбоньер Д. А.* – женщина, чудесно исцеленная преп. *Амвросием*. – 496.
- Кардек Аллан* (наст. имя – *Ипполит Леон Денис Ривайя*) (1804–1869) – французский педагог, основоположник спиритизма. – 769.
- Карташев Антон Владимирович* (1875–1960) – историк, богослов, библист. – 14, 160–161, 209–211, 247, 282, 284.
- Карцова Елена Юрьевна* (в замужестве – *Концевич*) (1893–1989) – публицист, супруга *И. М. Концевича*. – 629.
- Кассиан Каменский* († ок. 1463) – преп., игумен Спасо-Каменского монастыря. – 120.
- Кассиан Мангупский* (*Грек*) (в миру – князь *Константин*) († 1504) – преп. – 179.
- Кипер* – собака-водолаз *П. В. Киреевского*. – 476.
- Киприан* († 1558) – епископ Пермский и Вологодский. – 195.
- Киприан* (в миру – *Константин Эдуардович Керн*) († 1635) – митрополит Новгородский. – 218,
- Киприан* (в миру – *Константин Эдуардович Керн*) (1899–1960) – архимандрит в РПЦЗ, богослов. – 14, 16, 20, 36, 38, 41, 61, 67, 77–78, 85–86, 128–129, 151, 320.
- Киприан Киевский* († 1406) – свт., митрополит Московский. – 100–103, 107, 113, 119.
- Киреев Александр Алексеевич* (1833–1910) – генерал, впоследствии богослов, публицист. – 584.
- Киреевская* (*Елагина*) *Авдотья Петровна* (урожд. *Юшкова*) (1789–1877) – переводчица, хозяйка литературного салона. – 431–432, 457–458, 471, 477.
- Киреевская Наталья Петровна* (урожд. *Арбенева*, или *Арбенина*) (1809–1900) – жена *И. В. Киреевского*. – 263, 388, 407–408, 431.
- Киреевский Василий Иванович* (1773–1812) – отец *И. В.* и *П. В. Киреевских*. – 431–432, 455–457.
- Киреевский Иван Васильевич* (1806–1856) – философ, писатель, публицист. – 26, 92, 99, 123–124, 223, 228–237, 293, 321, 324, 364, 366, 388, 406, 407, 411, 429–449, 454, 459, 470–472, 477, 513, 563, 763, 794.
- Киреевский Петр Васильевич* (1808–1856) – писатель, историк. – 228, 406, 411, 433, 437, 450–477, 794, 800.
- Кирик* (*Кириак*) *Соловецкий* (XVII в.) – преп., больничный старец. – 218.
- Кирилл* († ок. 1337) – преп., схимонах, отец преп. *Сергия Радонежского*. – 146, 635.
- Кирилл* (в миру – *Константин Илларионович Смирнов*) (1863–

- 1937) – свмч., митрополит Казанский и Свяжский. – 751.
- Кирилл (в миру – Константин, по прозвищу Философ)* (827–869) – святой равноапостольный, просветитель славян. – 93, 130.
- Кирилл II (III)* († 1283) – митрополит Киевский. – 187.
- Кирилл Белозерский (в миру – Косьма)* (1337–1429) – преп. – 119–120, 151, 161–163, 165–173, 175, 180, 197–199, 227, 241, 310.
- Кирилл Новоезерский (по прозв. Белый)* († 1406) – преп., чудотворец. – 196.
- Кирилл Туровский* (ок. 1130–ок. 1182) – свт., духовный писатель, епископ Туровский. – 127, 137–138.
- Клеопа* († ок. 1778) – иеромонах, ученик преп. *Паисия Величковского*, строитель Владимирской Введенской Островской пустыни. – 292–293, 307–310, 313, 328, 342, 344, 347.
- Клеопа (в миру – Кирилл Антонов)* (1750–1816) – иеросхимонах Валаамского монастыря. – 344, 347, 368.
- Климент (в миру – Константин Карлович Зедергольм)* (1830–1878) – иеромонах в Оптиной пустыни, письмоводитель преп. *Амвросия*. – 229, 406, 409, 488, 516, 667.
- Климент Величский (Охридский, Словенский)* (ок. 840–916) – святой равноапостольный, просветитель, ученик свв. равноап. *Кирилла и Мефодия*. – 93.
- Климент Смолятич* († 1164) – митрополит Киевский (1147–1156), духовный писатель. – 127, 139.
- Ключарев Федор Захарович* († 1872) – богатый помещик, супруг *А. Н. Ключаревой*, впоследствии схимонах в Оптиной пустыни. – 506.
- Ключарева Александра Николаевна (в иночестве – Амвросия)* (1820–1881) – богатая помещица, благотворительница обитателей Оптинской и в Шамордино. – 506–508.
- Ключарева Вера* († 1883) – внучка *А. Н. Ключаревой*. – 506–508.
- Ключарева Любовь* († 1883) – внучка *А. Н. Ключаревой*. – 506–508.
- Ключевский Василий Осипович* (1841–1911) – профессор, историк. – 10, 152, 154, 160, 176, 178–179, 194, 469.
- Кожа* (XIV в.) – боярин, отец преп. *Макария Колязинского*. – 174.
- Кожины* – дворянский род. – 174.
- Колокол* – русская эмигрантская газета, издавалась Герценом в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867. – 569.
- Колычев Феодор* – см. *Филипп*, митрополит Московский и всяя Руси. – 205.

- Кольцов Алексей Васильевич* (1809–1842) – поэт. – 463.
- Комаров* – граф, член кружка *Хомяковых-Киреевских*. – 459.
- Комарович Василий Леонидович* (1894–1942) – профессор, литературовед. – 749, 751.
- Кондрат Никомидийский* (III в.) – свмч. – 93.
- Коноплев Николай Алексеевич* (1867–?) – протоиерей, историк, духовный писатель, впоследствии – епископ Петровский Саратовской епархии. – 187.
- Константин (в миру – Кирилл Иосифович Зайцев)* (1887–1975) – архимандрит РЦПЗ, богослов. – 360.
- Константин Великий* (274–337) – святой равноапостольный, римский император. – 74.
- Константин Всеволодович (Мудрый)* (1186–1218) – князь Ростовский и великий князь Владимирский. – 99.
- Константин Порфирородный* (905–959) – византийский император. – 129.
- Константин Товтвилович* – князь Полоцкий (1270/80–1290). – 187.
- Концевич Владимир Михайлович* (XX в.) – брат *И. М. Концевича*. – 633.
- Концевич Иван Михайлович* (1893–1965) – историк Церкви. – 353, 389, 412, 494, 588–589, 614, 632, 648–649, 652, 802.
- Копьев Моисей (XIX в.)* – диакон, отец преп. *Анатолия*. – 528.
- Копьева Анна Сергеевна* (XIX в.) – мать преп. *Анатолия*. – 528.
- Кормчий* («Путеводитель») – «духовно-народный иллюстрированный журнал», издавался в Москве с 1888 по 1917. – 770.
- Корнилий Комельский (Крюков)* (1455–1537) – преп., книгописец. – 191–196, 310.
- Корнилий Псково-Печерский* († 1570) – преп., игумен Псково-Печерского монастыря. – 204.
- Коссов Георгий Алексеевич (Егор Спас-Чекряковский)* (1855–1928) – священноисповедник, протоиерей. – 281, 648.
- Косьма Азийский* (IV в.) – св. бсрбр., брат св. бсрбр. *Дамиана Азийского*. – 430.
- Кошелев Александр Иванович* (1806–1883) – публицист, общественный деятель. – 431, 434, 436, 458, 474.
- Коялович, Михаил Иосифович* (1828–1891) – историк, публицист, общественный деятель. – 248.
- Крутиков Павел (Петр) (в иночестве – Парфений)* (XX в.) – иеромонах, в послушничестве – сотрудник канцелярии Оптиной пустыни. – 564.
- Крылов Иван Андреевич* (1769–1844) – писатель, баснописец, журналист. – 451, 488.

- Крюков Феодор (XVI в.)* – **ро-** *Лаврентий Калужский* († 1515)
стовский боярин, отец преп. *Кор-* – блаженный, Христа ради юродивый. – 565.
нилия Комельского. – 191.
- Ксения (в иночестве – Клавдия)* *Лаврентий Римский* (ок.
(XX в.) – инокиня Горненской 225–258) – свмч., архидиакон
обители в Иерусалиме, затем – римской христианской общины.
Успенской в Чили. – 741–742. – 586.
- Ксенофонт (XIX в.)* – **расколь-** *Лазарев Виктор Никитич*
ник, обращенный молитвой митрополита *Гавриила.* – 296. 171.
Ксенофонт (в миру – Василий Иванович Ключкин) (1845–1914) *Лазарь Мурманский* (1286–
– схиархимандрит, наместник 1391) – преп. – 116, 159.
Оптиной пустыни. – 254–255, 562, *Лебедев Петр Николаевич*
568, 590, 600–602. (1866–1912) – профессор, физик.
– 555.
- Ксюнин Алексей Иванович* *Лев Оптинский (в миру – Лев*
(1880–1938) – журналист, литера- *Данилович Наголкин, в иноче-*
тор. – 592–594. *стве – Леонид)* (1768–1841) –
преп., иеросхимонах, старец.
Кукиша († 1113) – преп., свмч., – 49, 177, 236, 254, 278, 292,
просветитель вятичей. – 137, 325. 324–325, 328–329, 341–343,
345–358, 368, 384–385, 394,
Кульнев Яков Петрович (1763– 400–402, 409, 438, 444, 448–449,
1812) – генерал-майор, герой 482–483, 486, 516–517, 544–545,
Отечественной войны 1812 года. 565, 660, 784.
– 351.
- Курбский, Андрей Михайлович* *Лев V Армянин (Левон Арируни)*
(1528–1583) – князь, писатель, († 820) – византийский император.
переводчик. – 186, 202–204, 207. – 56, 262.
- Л.* – приват-доцент Москов- *Лев Исаврянин (Лев III Исавр)*
ского университета, схимонах, (ок. 675–741) – византийский им-
духовное чадо преп. *Варсонофия* ператор. – 80.
Оптинского. – 554–555.
- Лабзин Александр Федорович* *Левашев (Левашов) Павел Ни-*
(1766–1825) – поэт, издатель, *канорович* (1873 –1937) – свмч.,
переводчик, известный мистик. протонерей. – 524.
– 370.
- Лаврентий Вытчиков* († 1569) – *Ленин (Ульянов) Владимир*
причетник храма в вотчине митр. *Ильич* (1870–1924) – политиче-
Филиппа. – 207–208. ский и государственный деятель.
– 736.

- Леонид (XVI в.)** – инок Корнильева монастыря, впоследствии – Андрусовской пустыни. – 197.
- Леонид (в миру – Лев Александрович Кавелин)** (1822–1891) – архимандрит, историк, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 119, 229, 352, 406.
- Леонид (в миру – Лев Васильевич Красноповков)** (1817–1876) – архиепископ Ярославский и Ростовский. – 362, 374, 380, 391, 393.
- Леонид Оптинский** – см. *Лев Оптинский*.
- Леонид Устьнедумский** (ок. 1610–1657) – преп. – 191.
- Леонида (в миру – Александра)** – сестра преп. *Иосифа*. – 518, 521.
- Леонтьев Константин Николаевич** (1831–1891) – философ, писатель и публицист. – 92, 228, 237–238, 436–437, 445–446, 513–516, 563–564, 794.
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814–1841) – поэт. – 451–452, 516.
- Ливерий** († 1824) – старец, иеросхимонах, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 294, 368.
- Лидия (XX в.)** – тайная инокиня, духовное чадо преп. *Нектария*. – 743.
- Литвинова Елизавета Николаевна** († 1946) – благотворительница русской колонии в Ханькоу. – 787.
- Литовкин Семен Ефимович** (XIX в.) – старший брат преп. *Иосифа Оптинского*. – 518.
- Лихачев Дмитрий Сергеевич** (1906–1999) – литературовед, историк культуры. – 104–105.
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765) – великий ученый, поэт, просветитель. – 468.
- Лонгин Коряжемский** († 1547) – преп., безмолвник. – 200.
- Лопотовы** – древний боярский род из Галича. – 172.
- Лопухин (XX в.)** – супруг *С. М. Лопухиной*. – 560.
- Лопухина (урожд. Осоргина) Софья Михайловна** (XIX в.) – духовное чадо преп. *Варсонофия*. – 560.
- Лосский Владимир Николаевич** (1903–1958) – богослов. – 60, 361.
- Лосский Николай Онуфриевич** (1870–1965) – философ. – 429.
- Лука** – апостол, евангелист. – 370, 570, 640.
- Лука (XVIII в.)** – инок Давидовской Вознесенской пустыни, ученик иеромонаха *Клеопы* (Введенская пустынь). – 309.
- Лукомский Георгий Крескентьевич** (1884–1952) – историк искусства и художник. – 126.
- Лыков-Оболенский Борис Михайлович** († 1646) – князь, воевода. – 217.
- Ляпустин В. В.** (XX в.) – доктор, лечивший свят. *Иону Ханькоуского*. – 786, 790.

- Лясковский Валерий Николаевич* (1858–1938) – педагог, краевед, биограф братьев *Киреевских*. – 471, 473.
- Магдалина* (XIX в.) – инокия, исцеленная преп. *Серафимом Саровским*. – 316.
- Макарий (Брюшков)* († 1811) – строитель Николо-Пешношского монастыря (1788–1806). – 293, 307, 326–327.
- Макарий (в миру – Михаил Иванович Сушкин)* († 1888) – игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. – 515.
- Макарий (в миру – Михаил Яковлевич Глухарев)* (1792–1847) – архимандрит, подвижник, миссионер. – 294, 363, 368–369, 626.
- Макарий* (ок. 1482–1563) – свт., митрополит Московский. – 189, 197, 202–204, 222.
- Макарий (в миру – Михаил Петрович Булгаков)* (1816–1882) – митрополит Московский и Коломенский, историк церкви. – 95, 102, 108, 110, 112, 114–115, 117, 209, 211, 689, 694, 697.
- Макарий Александрийский* (ок. 304–401) – преп., богослов. – 77.
- Макарий Великий (Египетский)* (ок. 300–391) – преп., отшельник. – 8, 10, 21, 31–33, 48, 62–63, 77, 85, 99, 128, 132, 151, 266, 278, 320.
- Макарий Жабынский* († 1623) – преп., возобновитель Жабынской обители. – 217.
- Макарий Колязинский (Кожин)* († 1483) – преп. – 141, 174–175.
- Макарий Оптинский (в миру – Михаил Николаевич Иванов)* (1788–1860) – преподобный, старец Оптинский. – 26, 63–64, 78, 228–229, 236, 292, 294, 304, 324–325, 328, 339, 342, 349, 356–357, 369, 386–387, 394–428, 434, 444, 447–448, 449, 471, 482–487, 513, 517, 529–530, 534, 545, 554, 562, 565, 647, 667, 685, 693, 784, 794, 796.
- Макарий Писемский (Костромской)* (XIV в.) – преп. – 158.
- Макарий Сосновецкий (Глушицкий)* († 1480) – преп., игумен Глушицкого Покровского монастыря. – 171–172.
- Маклаков Василий Алексеевич* (1869–1957) – правовед, общественный деятель. – 589, 593.
- Маковеев Прокопий Пантелеймонович* (XX в.) – протодиакон, благочинный церковью Трехречья. – 789.
- Маковицкий Душан Петрович* (1866–1921) – словацкий врач семьи *Л. Н. Толстого*, его друг и сподвижник. – 589.
- Максим* († 1433) – блаженный, Христа ради юродивый. – 190.
- Максим Грек (Михаил Триволис)* (1475–1556) – преп., богослов, переводчик. – 163, 201–204.
- Максим Исповедник* (ок. 580–662) – преп., богослов. – 67, 85, 99, 320, 410.

Максим Кавсокаливский (Афонский) (1225–1320) – преп. – 83.

Максим Циник (Философ) (IV в.) – философ школы киников. – 380.

Максимилла (Путилова) (XIX в.) – инокиня Московского Вознесенского монастыря, сестра преп. *Моисея Оптинского*. – 332.

Максимович Константин Клавдиевич (1849–после 1917) – генерал от кавалерии, генерал-губернатор Варшавы (1905). – 601.

Максимович Мария Николаевна (урожд. Балкашина) († 1915) – жена *К. К. Максимовича*. – 543, 601.

Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – естествоиспытатель, историк, филолог. – 228, 321, 406, 431, 458, 794.

Малинин Василий Николаевич (1849–?) – литературовед. – 258–259.

Мамант Кесарийский († 275) – святой мученик. – 80.

Мануил II Палеолог (1350–1425) – византийский император. – 115.

Мария († ок. 1337) – преп., схимонахиня, мать преп. *Сергия Радонежского*. – 146, 635.

Мария (IV в.) – сестра преп. *Пахомия Великого*. – 75.

Мария (XX в.) – инокиня, духовное чадо преп. *Анатолія*. – 647, 722, 745, 755.

Мария Египетская (VI в.) – преп., пустынноца. – 623.

Мария Магдалина – равноапостольная, преданная последовательница Христа, мироносица. – 94.

Марк – апостол, евангелист. – 371.

Марк (XIX в.) – игумен, насельник Оптиной пустыни. – 486–487, 505.

Марк Молчальник Саровский (в иночестве – Мефодий) (1737–1817) – старец, инок Саровской пустыни. – 314, 383.

Марк Подвижник Нитрийский (Постник) (IV в.) – преп. – 43–44, 99, 119, 410, 412–413, 417.

Марк Фраческий (Афинский) († 400) – преп., отшельник. – 143.

Маркелл – иеромонах, настоятель Оптиной пустыни (1817–1819). – 327.

Маркович Афанасий Васильевич (1826–1867) – этнограф. – 476.

Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799) – французский писатель. – 295.

Мартиниан Белозерский (в миру – Михаил) (1370–1455) – преп., игумен монастыря на озере Вожа. – 169–170.

Мартирий Зеленецкий (в миру – Мина) († 1603) – преп. – 200.

Марфа (в миру – Ксения Ивановна Романова (Шестова)) († 1631) – инокиня, мать царя *Федора Михайловича*. – 219.

- Матвеев* (XVIII в.) – **московский** купец, странноприимец. – 308.
- Матрона* (в иночестве – *Николая*) *Зайцева* (XX в.) – инокиня на подворье Русской Церкви в Бари. – 627, 629, 743–745.
- Матфей* – апостол, евангелист. – 370, 566, 574.
- Матфей* (XVIII в.) – инок, ученик иеромонаха *Клеопы*, впоследствии – насельник Афона. – 309.
- Машинина Агафия Фотиевна* (1728–1800) – мать преп. *Серафима Саровского*. – 377.
- Маяк* – литературный журнал, издавался *С. А. Бурачком* в Москве в 1840–1845. – 228, 406.
- Медведь Роман Иванович* (1874–1937) – свмч., протоиерей. – 739.
- Мелетий* (в миру – *Михаил Заборовский*) (1869–1946) – епископ (впосл. архиепископ) Забайкальский и Нерчинский. – 785.
- Мельхиседек* – архимандрит, насельник Оптиной пустыни (XIX в.). – 482.
- Мельхиседек* (в миру – *Максим Сокольников*) (1773–1853) – архимандрит, настоятель Московского Симонова монастыря. – 385.
- Менгден О. П.* (XIX в.) – **баронесса**, почитательница оптинских старцев. – 616–617.
- Мерзляков Алексей Федорович* (1778–1830) – поэт, переводчик, литературный критик. – 458.
- Мефодий* (XIX в.) – подвижник, иеродиакон в Оптиной пустыни. – 482.
- Мефодий* (в миру – *Михаил*) (815–885) – святой равноапостольный, просветитель славян. – 93, 130.
- Мечев Сергей Алексеевич* (1892–1942) – свмч., иерей. – 752, 754.
- Милле Габриель* (1867–1953) – французский ученый-византист. – 104–105, 240.
- Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – социолог, историк, общественный деятель. – 469.
- Минин Козьма* (*Кузьма Минич Захаров Сухорук*) († 1616) – нижегородский купец, организатор народного ополчения в Смуту. – 217.
- Мирбах Вильгельм* (1871–1918) – граф, посол Германии в Советской России. – 736.
- Митрофаний Воронежский* (в миру – *Михаил*) (1623–1703) – свт., епископ Воронежский. – 375, 493.
- Михаил Архангел* – предводитель небесного воинства. – 389–390.
- Михаил* († 1402) – свт., епископ Смоленский (1383–1396). – 165.
- Михаил* (XIX в.) – инок, келейник преп. *Амвросия*. – 488.
- Михаил III Палеолог* (840–867) – византийский император (с 842). – 81, 129.
- Михаил VII Палеолог* (1225–1282) – византийский император. – 82.

- Михаил Клопский* († ок. 1456) – преп., Христа ради юродивый. – 203.
- Михаил Федорович* (1596–1645) – первый русский царь из династии Романовых. – 220, 326.
- Михаил Ярославич Тверской* (1272–1318) – св. блгв. князь. – 398.
- Михайловский Борис Васильевич* (1899–1965) – литературовед, искусствовед. – 104, 240, 243, 245.
- Михей* (XX в.) – священник, подопечный свят. *Ионы Ханькоуского*. – 786, 788.
- Михей* (в миру – *Михаил Федорович Алексеев*) (1851–1931 (по др. сведениям – 1930)) – исповедник, епископ Уфимский и Мензелинский. – 710–711.
- Мицкевич Адам* (1798–1855) – польский поэт, общественный деятель. – 460.
- Моисей* – святой, пророк. – 32, 71, 127, 152, 370, 618.
- Моисей* (в миру – *Матвей Михайлович Богданов-Платонов*) (1783–1834) – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. – 370.
- Моисей* (в миру – *Митрофан*) († 1362) – свт., архиепископ Новгородский. – 109, 116, 159.
- Моисей Оптинский* (в миру – *Тимофей Иванович Путилов*) (1782–1862) – преп., схиархимандрит, настоятель Оптиной пустыни. – 27, 225–226, 278, 292, 294,
- 321, 327–342, 349, 354–356, 359, 366, 385, 397, 407, 409–410, 482, 487, 528, 795.
- Моревич Сергей* (XX в.) – последователь *Л. Н. Толстого*, буфетчик на станции Астапово. – 591–592.
- Москвитянин* – «учено-литературный журнал», издавался *М. П. Погодиным* в Москве в 1841–1856. – 406, 408, 432, 467, 469.
- Московские Ведомости* – одна из старейших русских газет (основана в 1756), ведущий орган национально-патриотической мысли до 1917 года. – 584.
- Московский Вестник* – литературно-философский журнал, издавался в 1827–1830 в Москве членами кружка *Д. В. Веневитинова*. – 431.
- Мотовилов Николай Александрович* (1809–1879) – помещик, собеседник и сотаинник преп. *Серафима*. – 16, 77, 142, 144, 318–320, 382.
- Мочульский Константин Васильевич* (1892–1948) – литературовед, философ. – 237, 445, 798–799.
- Мошин Исидор Иванович* († 1760) – отец преп. *Серафима Саровского*. – 377.
- Муравьев Андрей Николаевич* (1806–1874) – духовный писатель, поэт, драматург. – 158, 164, 167, 171, 177, 180, 228, 391, 406.

- Муратов Павел Петрович* (1856) – митрополит Новгородский (1881–1950) – писатель, искусствовед, издатель. – 244.
- Н.* (XX в.) – инокиня, келейница *старца Серафима* в скитаниях. – 644.
- Назарий (в миру – Николай Кондратьев)* (1735–1809) – иеромонах в Саровском Успенском монастыре, впоследствии игумен, строитель Валаамского монастыря. – 224, 288, 292, 298–303, 314–315.
- Нафанаил* (XVI в.) – инок, ученик и агиограф *преп. Корнилия Комельского*. – 194.
- Некрасов Алексей Иванович* (1885–1950) – искусствовед, историк архитектуры. – 126.
- Нектарий (в миру – Олег Михайлович Концевич)* (1905–1983) – епископ Сеатлийский РПЦЗ, младший брат *И. М. Концевича*. – 633.
- Нектарий Оптинский* (1853–1928) – преп., иеромонах, последний старец Оптиной. – 7, 221, 278–279, 324, 539, 542, 573, 595–596, 599, 602–603, 611, 615, 618, 629, 632, 645, 660–782.
- Нектария* (XX в.) – схимонахиня, мать *И. М. Концевича*. – 724–725.
- Нелидов Алексей – (XVI в.) – боярин*, притеснитель *преп. Адриана Монзенского*. – 201.
- Никанор (в миру – Николай Степанович Клементьевский)* (1787–1856) – митрополит Новгородский и С.-Петербургский. – 353.
- Никита Высоцкий* – преп., игумен Высоцкого Серпуховского монастыря (1396–1415). – 175.
- Никита Новгородский* († 1108) – свт., епископ Новгородский. – 137.
- Никита Стифат* (XI в.) – преп., духовный писатель. – 37.
- Никита Столтник (Переяславский)* († ок. 1186) – преп., чудотворец. – 69.
- Никитушка* (XIX в.) – блаженный в Оптиной пустыни. – 627–628.
- Никифор (XIV в.) – преп., афонский инок*, духовный писатель. – 91.
- Никифор* (X в.) – агиограф *преп. Андрея Юродивого*. – 189.
- Никифор I Исповедник* († 828) – свт., Патриарх Константинопольский (806–815). – 56, 262.
- Никифор Важеозерский* († 1557) – преп. – 196, 200.
- Никифор Григора* (1295–1360) – византийский историк, астроном, противник исихазма. – 86, 107, 109.
- Никифор-Новгородец пустынный Соловецкий* († 1616) – преп. – 218.
- Никодим (в миру – Александр Михайлович Кононов)* (1871–1919) – свмч., епископ Белгородский, историк старчества. – 354.

Никодим Святогорец (1748–1809) – преп., богослов. – 91.

Никодим Сербский († 1325) – свт., архиепископ Сербии. – 106.

Николай (III в.) – свт., чудотворец, архиепископ Мир Ликийских. – 551, 630, 636, 640, 726, 753, 786.

Николай (XVIII в.) – иеросхимонах, насельник Нямецкого монастыря. – 343, 345.

Николай (в миру – Иоанн Поликарпович Соколов) (1780–1851) – епископ Калужский и Боровский. – 338, 352–353, 484.

Николай (в миру – Николай Родионович Бобриков) (1836–1908) – схимонах в Оптиной пустыни, отец преп. *Исаакия Оптинского*. – 615.

Николай II (1868–1918) – святой царственный мученик, Император Всероссийский. – 452–453, 627–628.

Николай Кавасила (1332–1371) – святой праведный, греческий богослов. – 17.

Николай Салос Псковский († 1576) – блаженный, Христа ради юродивый. – 190.

Николай Турок (в миру – Юсуф Абдул Оглы) († 1893) – исповедник, схимонах в Оптиной пустыни. – 555–556.

Николая (Зайцева) – см. *Матрона (Зайцева)*.

Николь Дональд (XX в.) – английский византист. – 353.

Никон (XX в.) – инок, исповедник, певчий в Оптиной пустыни в дни ее разорения. – 646.

Никон (в миру – Никита Минов) (1605–1681) – Патриарх Московский. – 205, 212–213.

Никон (в миру – Николай Иванович Рождественский) (1851–1918) – архиепископ Вологодский и Тотемский. – 147, 153.

Никон Метанойт (Армянский) († 998) – преп., миссионер. – 130.

Никон Радонежский († 1428) – преп., ученик и преемник преп. *Сергия Радонежского*, игумен Троицкой обители. – 99, 119, 149, 154–155, 159, 173–174, 241.

Никон-пресвитер Великий (XI в.) – иеромонах в общине преп. *Антония Печерского*. – 131, 134.

Нил – Патриарх Константинопольский (1379–1388). – 118.

Нил (XIX в.) – насельник скита Оптиной пустыни, келейник скитоначальник *Илариона Оптинского*. – 278–279.

Нил Росанский († 1005) – преп. – 66.

Нил Синайский († ок. 450) – преп., ученик свят. *Иоанна Златоуста*. – 24–25.

Нил Сорский (в миру – Николай Федорович Майков) (1433–1508) – преп., основатель течения нестяжателей. – 8, 48, 51, 54, 70, 98, 121, 162–164, 170, 178–184, 191, 194, 220, 226, 290, 409, 626.

- Нил Столбенский (Столобенский)* († 1554) – преп., пустынножитель. – 200.
- Нилов* (XVIII в.) – воевода в Темниковском уезде. – 306.
- Нилус Елена Александровна (урожд. Озерова)* (1855–1938) – жена С. А. Нилуса. – 560, 564, 574, 688.
- Нилус Сергей Александрович* (1862–1929) – духовный писатель. – 273, 279, 385, 396, 398, 447, 523, 530, 560, 563–564, 574, 578, 584, 592, 633–634, 642, 648, 667–668.
- Нифонт* (XVIII в.) – игумен. – 296.
- Нифонт (в миру – Никита Филимонович Пономарев)* – инок в скиту Оптиной пустыни, отец преп. *Илариона Оптинского*. – 395.
- Нифонт Печерский* († 1156) – свят., епископ Новгородский. – 331.
- Новое время* – ежедневная газета прогрессивно-либерального направления, издавалась в Санкт-Петербурге с 1868 по 1917. – 513, 589, 601.
- Ноздрина Ульяна (Ульяша) (в иночестве – Магдалина)* (XX в.) – духовное чадо и спутник в скитаниях прпмч. *Николая Загоровского*. – 649, 652, 654–658.
- Норов Авраам Сергеевич* (1795–1869) – писатель, переводчик, министр народного просвещения (1853–1858). – 228, 406.
- О.* – корреспондент преп. *Нектария Оптинского*. – 632.
- О. Н. Т.* – посетительница преп. *Анатолія Оптинского*. – 631, 731.
- Одоевский Владимир Федорович* (1803–1869) – писатель, филолог. – 459.
- Озерова Елена Александровна* (XX в.) – родственница *Е. А. Нилус*, председатель Общества Красного Креста. – 527.
- Ознобишин Дмитрий Петрович* (1804–1877) – поэт, переводчик, собиратель фольклора. – 463.
- Окен Лоренц* (1779–1851) – немецкий естествоиспытатель и натурфилософ, представитель методологии органицизма. – 459–460.
- Олег Иванович Рязанский (в схиме – Иоаким)* († 1402) – князь Рязанский. – 153, 188.
- Онисифор Прозорливец* († 1148) – преп. – 136–137.
- Онуфрий (XVIII в.) – старец*, пустынножитель, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 343.
- Онуфрий Великий* (IV в.) – преп., пустынножитель. – 143–144.
- Орсисий (Ортисий) Тавенниссисотский* († 380) – преп., ученик и преемник преп. *Пахомия Великового*. – 410.
- Осин Василий Петрович* (XX в.) – духовное чадо преп. *Нектария*, свояк *А. Е. Денежкина*. – 752.

- Павел* – апостол. – 18, 32, 53, 117, 193, 252–253, 266, 272, 303, 416, 426, 523, 539, 687, 709, 798.
- Павел* (XVIII в.) – насельник Московского Симонова монастыря, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 293, 332.
- Павел I* (1754–1801) – Император Всероссийский. – 298, 301, 311, 455, 801.
- Павел Обнорский* (1317–1429) – преп., пустынножитель. – 113–114, 117, 141, 144, 152, 154–157.
- Павел Фивейский* (*Египетский, Отишельник*) († ок. 341) – преп., пустынножитель. – 73, 143, 576, 578.
- Павлов* (XX в.) – служащий Рязано-Уральской железной дороги. – 590.
- Павлов Михаил Григорьевич* (1792–1840) – философ и ученый. – 431.
- Павский Герасим Петрович* (1787–1863) – протоиерей, филолог и гебраист. – 370.
- Паганини Никколо* (1782–1840) – итальянский скрипач и композитор. – 460.
- Пазухин Алексей Дмитриевич* (1845–1891) – государственный и общественный деятель. – 514.
- Паисий* – папский легат, сопровождал *Софью Палеолог* в Москву. – 186.
- Паисий* (XVIII в.) – иеромонах, насельник Владимирской Введенской Островской пустыни. – 309.
- Паисий Величковский* (*в миру – Петр Иванович Величковский*) (1722–1794) – преп., духовный писатель, основатель православного старчества нового времени. – 8, 30–31, 52, 69–70, 91, 121, 165, 180, 225–226, 228, 250, 254, 289–295, 302, 307, 309–311, 316, 319, 324, 328, 334, 342–343, 346, 354–355, 364, 367–368, 372, 383–384, 399–400, 406–409, 800.
- Паисий Угличский* (*в миру – Павел Гавренов*) († 1504) – преп. – 175.
- Паисий Ярославов* – игумен Свято-Троицкой Сергиевой лавры (1478–1482), духовный писатель. – 115, 120, 170, 180–182.
- Палеологи* – знатный византийский род, впоследствии – императорская династия. – 96, 103, 239.
- Палладий* (XIX в.) – иеромонах, эконом Оптиной пустыни. – 590.
- Палладий (Иванов)* (1782–1861) – иеродиакон, старец в Оптиной пустыни. – 482.
- Памво Нитрийский* (IV в.) – преп., пустыжник. – 76.
- Панов Василий Алексеевич* (1819–1849) – литератор, историк, издатель. – 472.
- Пантелеимон* († 305) – вмч., целитель. – 604.
- Пантелеимон* (*в миру – Павел Тимофеевич Аржаных*) (1868–1937) – прпмч., игумен, фельдшер и казначей в Оптиной пустыни. – 590, 593.

- Парфений* (XIX в.) – афонский глийского проповедника *Гренвил-монах*, свидетель чудес преп. *Льва ла Редстока*. – 580.
- Оптинского*. – 352. *Пеньков Иоанн* (XIV в.) – князь, исцелен преп. *Кириллом Новоезерским*. – 196.
- Парфений* (XIX в.) – инок, пещерник в Саровской обители. – 316. *Перевозчиков (Перевозицков) Дмитрий Матвеевич* (1788–1880) – астроном и математик. – 465.
- Парфений (в миру – Памфил Левицкий)* (1858–1922) – епископ Полтавский. – 633. *Перикл* (ок. 490–429 до Р.Х.) – афинский стратег и государственный деятель. – 243.
- Патрикий* (XIX в.) – иеромонах в Оптиной пустыни, бунтовщик при архимандрите *Ксенофонте*. – 568, 600. *Перлов Сергей Васильевич* (1836–1910) – московский чаеоторговец, духовное чадо преп. *Амвросия Оптинского*. – 511–512.
- Патрикий Владимирский* († 1411) – свмч., иерей. – 116. *Перлова (урожд. Прохорова) Анна Яковлевна* (1843–?) – супруга *С. В. Перлова*. – 512.
- Пафнутий (IV в.) – преп., спутник* преп. *Онуфрия*. – 142–143. *Перуджино Пьетро ди Христофоро Вануччи* (1450–1523) – итальянский живописец. – 242.
- Пафнутий Боровский (в миру – Парфений Иванович)* (1394–1477) – преп., чудотворец, схиигумен – 162, 175–176, 183, 565. *Петр* (XII в.) – древнерусский архитектор. – 126.
- Пахомий (в миру – Петр Назарович Леонов)* (1727–1794) – иеромонах, настоятель Саровской обители. – 314–315. *Петр* († 1326) – свт., митрополит Московский – 107, 154, 189.
- Пахомий Великий* († 346) – преп., пустынножитель. – 75–76, 80, 267. *Петр (в миру – Петр Симеонович Могила)* (1597–1647) – митрополит Киевский. – 136, 213–214, 285.
- Пахомий Кенский* (ок. † 1515) – преп. – 197. *Петр (в миру – Петр Федорович Полянский)* (1862–1937) – митрополит Крутицкий, Патриарший местоблюститель. – 751.
- Пахомий Логофет (Серб)* (ок. 1484) – инок, духовный писатель. – 103. *Петр (Симон)* – апостол. – 426, 495, 705.
- Пахомий Нерехтский (в миру – Иаков)* († 1384) – преп. – 159. *Петр (Швырев)* (XX в.) – инок, келейник преп. *Нектария Оптинского*. – 713, 754–755.
- Пашков Василий Александрович* (1832–1902) – последователь ан-

- Петр I* – (1672–1725) – русский царь, Император Всероссийский. – 722, 161–162, 187, 223–224, 228, 248, 285, 287–288, 326, 354, 359, 405, 453, 466.
- Петр Афонский* († 734) – преп. – 81, 85.
- Петр Дамаскин* (XII в.) – преп., духовный писатель. – 63, 419, 422, 424.
- Петропавловский Алексей* († 1569) – священник, настоятель храма в одном из сел рода Колычевых. – 207–208.
- Пизанелло (Антонио ди Пуччо ди Черрето)* (1395–1455) – итальянский живописец, рисовальщик. – 245.
- Пико дела Мирандола Джованни* (1463–1494) – итальянский мыслитель, гуманист. – 201.
- Пимен (в миру – Петр Дмитриевич Мясников)* (1810–1880) – архимандрит, настоятель Николо-Угрешского монастыря. – 666–667.
- Пимен Великий* (ок. 340–ок. 450) – преп., наставник монашествующих. – 50.
- Пимен Постник* († 1141) – преп., игумен Киево-Печерского монастыря (1132–1141). – 137.
- Платон* (428/427–348/347 до н.э.) – древнегреческий философ-идеалист. – 29, 40, 127, 138.
- Платон (в миру – Павел Симонович Фивейский)* (1809–1877) –
- духовный писатель, архиепископ Костромской и Галичский. – 722, 776.
- Платон (в миру – Петр Георгиевич Левшин)* (1737–1812) – митрополит Московский, духовный писатель, педагог. – 297, 326, 365–366.
- Платонида (в миру – Гликерия Алексеевна Семькина)* (1802–?) – старица, схимонахиня в Ставропольском Иоанно-Мариинском монастыре. – 317–318.
- Платонов Сергей Федорович* (1860–1933) – историк. – 452.
- Плохины* – семья, в доме которой в ссылке проживал преп. *Нектарий Оптинский*. – 743.
- Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) – историк, писатель. – 228, 322, 406, 432, 452, 465, 467–468–469, 475, 795.
- Подмошенский Глеб Дмитриевич (в иночестве – Герман)* (р. 1933) – архимандрит РПЦЗ. – 405.
- Пожарский Димитрий Михайлович* (1578–1642) – князь, организатор народного ополчения в Смуту. – 158, 217.
- Покровский Владимир Александрович* (1781–1931) – архитектор. – 126.
- Покровский П. С. (в иночестве – Платон)* (XIX в.) – друг преп. *Амеросия* в миру, впоследствии иеромонах в Оптиной пустыни. – 480–481.

- Полевы* – дворянский род, происходивший от удельных князей Смоленских. – 203.
- Поликарп (Гайтанников)* († 1837) – архимандрит, духовный писатель, ректор Московской духовной академии. – 370.
- Попов Александр Николаевич* (1821–1877) – историк. – 463.
- Попов Константин Дмитриевич* (1849–1911) – писатель, историк. – 253.
- Попов Нил Александрович* (1833–1891) – историк, славист. – 463.
- Порфирий (в миру – Константин Александрович Успенский)* (1804–1885) – епископ Чигиринский, археолог и искусствовед. – 85–86.
- Поссевин Антонио* (1534–1611) – итальянский иезуит, дипломат, писатель и путешественник. – 187.
- Потемкин-Таврический Григорий Александрович* (1739–1791) – граф, генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель, дипломат. – 308–309.
- Пракситель* (IV в. до Р.Х.) – древнегреческий скульптор. – 243.
- Прасковья Ивановна (Паши) Саровская (в миру – Ирина)* (1795–1915) – блаженная. – 51, 281.
- Прохор* (XVII в.) – инок, ученик преп. *Диодора Юрьегогорского*. – 218.
- Псевдодионисий Ареопагит* (V в.) – средневековый богослов. – 320.
- Пуришев Борис Иванович* (1903–1989) – литературовед. – 104, 243, 245.
- Пулята* (X в.) – киевский тысяцкий при *Владимире Святом*. – 469.
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799–1837) – великий поэт. – 123, 431, 451–452, 458, 463–464, 801.
- Рагозина Олимпиада Федоровна* (XX в.) – друг семьи *Нилусов*, начальница фельдшерских женских Рождественских курсов. – 683–684.
- Радченко Константин Федорович* (1872–?) – литературовед, историк. – 11–12.
- Разумовский Алексей Григорьевич* (1709–1771) – граф, генерал-фельдмаршал, морганатический супруг императрицы *Елизаветы Петровны*. – 225, 365, 453.
- Рафаилов* (XIX в.) – таганрогский купец, благодетель преп. *Иосифа Оптинского*. – 518.
- Рафаэль Санти* (1483–1520) – итальянский живописец и архитектор эпохи Возрождения. – 242.
- Редсток Гренвилл* (1833–1913) – английский проповедник-баптист. – 580.
- Ренненкампф Павел Карлович* (1854–1918) – военачальник, генерал от кавалерии. – 598.

- Рожалин Василий Матвеевич* (1806–?) – физик, друг братьев *Киреевских*. – 460–461.
- Розанов, Василий Васильевич* (1856–1919) – мыслитель, прозаик, публицист, литературный критик. – 513.
- Роман Лакапин* († 948) – византийский император (919–945) – 129.
- Роман Ростиславич* (XII в.) – князь Смоленский, Новгородский, великий князь Киевский. – 128.
- Русская Беседа* – славянофильский журнал, издавался *А. И. Кожелевым* в Москве в 1856–1860. – 203, 437.
- Руссо Жан-Жак* (1712–1778) – французский просветитель, социолог, философ, эстетик и теоретик педагогики. – 799.
- Руфин Аквилейский (Туракий)* (ок. 345–410) – пресвитер, духовный писатель. – 267.
- Рымаренко Адриан Адрианович* (1893–1978) – протопресвитер, впоследствии – Андрей, епископ Роклендский РПЦЗ. – 633, 722, 752.
- Рымаренко Евгения Григорьевна* – супруга *А. А. Рымаренко*, духовное чадо и автор воспоминаний о преп. *Нектарии Оптиномском*. – 633.
- Рюрик* († 879) – вождь варягов, призванный княжить на Русь. – 468.
- Рязановский Валентин Александрович* (1884–1968) – юрист, историк, культуролог. – 469.
- Савва (Кудрявцев)* († 1908) – иеросхимонах, духовник в Оптиной пустыни. – 568.
- Савва I Сербский (в миру – Растко Неманич)* (1169–1237) – свт., первый архиепископ Сербский, покровитель сербского народа. – 105.
- Савва Вишерский* († 1460) – преп. – 120.
- Савва Освященный* (439–532) – преп. – 78, 80, 100, 106, 142, 174.
- Савва Сторожевский (Звенигородский)* († 1407) – преп. – 149, 159.
- Савва Халд* (X в.) – грузинский инок. – 85.
- Савватий (XVIII в.)* – инок, пустынноик рославльский, один из первых насельников Оптиной пустыни. – 334.
- Савватий Соловецкий* († 1435) – преп., чудотворец. – 170, 301.
- Савицкий М. Н. (XX в.)* – жандармский ротмистр, был командирован властями к месту смерти *Л. Н. Толстого*. – 591–592.
- Савонарола Джироламо* (1452–1498) – итальянский проповедник и общественный реформатор. – 201–202, 204.
- Самарин Юрий Федорович* (1819–1876) – философ, историк, общественный деятель, публицист. – 125, 284, 286.

- Самарина С. Ф. (XX в.)* – двоюродная сестра *С. М. Лопухиной*. – 561.
- Самуил* – святой, пророк. – 101, 209.
- Самуил Голутвенский* († 1829) – игумен Бобреново-Голутвина монастыря. – 326.
- Санкт-Петербургские Ведомости* – ежедневная (с 1800) газета, издавалась в Петербурге с 1728 по 1917. – 477.
- Сапега Лев Иванович* (1557–1633) – государственный и военный деятель Великого княжества Литовского. – 216.
- Саул* – первый царь объединенного Израильского царства (ок. 1029–1005 до Р. Х.). – 772.
- Свенцицкий Валентин Павлович* (1881–1932) – протоиерей, богослов, духовный писатель. – 752.
- Свербеев Дмитрий Николаевич* (1799–1876) – дипломат. – 472.
- Севастиан Карагандинский* (в миру – *Степан (Стефан) Васильевич Фомин*) (1884–1966) – преп., схиархимандрит. – 754–755.
- Серацион* († 1267) – свт., архимандрит Киево-Печерской лавры, епископ Владимирский. – 188.
- Серафим* (в миру – *Леонид Георгиевич Иванов*) (1897–1987) – архиепископ Чикагский и Детройтский РЦПЗ. – 788.
- Серафим* (в миру – *Леонид Михайлович Чичагов*) (1856–1937) – свмч., митрополит Ленинградский. – 254, 601–602.
- Серафим* (в миру – *Стефан Васильевич Глаголевский*) (1757–1843) – митрополит С.-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский. – 384.
- Серафим* (в миру – *Сергей Вишневецкий*) (XX в.) – старец. – 643–645.
- Серафим Саровский* (в миру – *Прохор Сидорович Мошин*) (1759–1833) – преп., великий подвижник. – 16, 27, 50–51, 62, 69, 77, 142–144, 225–226, 228, 254, 265, 268–269, 280, 303, 314–320, 328, 354, 364, 372, 376–385, 388, 433, 481, 515, 537, 542, 553, 566–567, 583, 596, 607–608, 618, 630, 636, 640, 657, 714, 756, 763, 801.
- Сергий* – игумен Оптиной пустыни в 1625. – 326.
- Сергий* (XIX в.) – иеромонах в Оптиной пустыни. – 590.
- Сергий Валаамский* (XIV в.) – преп. – 301.
- Сергий* (в миру – *Иван Николаевич Трагородский*) (1867–1944) – Патриарх Московский. – 751.
- Сергий* (в миру – *Павел Озеров*) (ок. 1867–не ранее 1937) – архимандрит, настоятель и строитель Уссурийского Свято-Троицкого Никольского монастыря. – 310.

- Сергий Нуромский* († 1421) – († 1616) – касимовский хан, преп. – 116–117. номинальный правитель Русского государства (1575–1576).
- Сергий Радонежский* (в миру – *Варфоломей Кириллович*) (ок. 1321–1391) – преп., великий подвижник. – 107–108, 111–113, 116–119, 133, 140–141, 146–166, 170, 173, 175, 188, 216, 227, 240–241, 244, 353, 375, 382, 540, 610, 617, 635–636, 640, 675. *Симеон Белобережский* († 1857) – преп. – 401. *Симеон Благоговейный* (X в.) – старец в Студийской обители, наставник преп. *Симеона Нового Богослова*. – 80, 129. *Симеон Иоаннович Гордый* (1317–1353) – князь Московский и великий князь Владимирский (1340–1353). – 107. *Симеон Новый Богослов* (946–1022) – преп., богослов, духовный писатель. – 33–35, 41, 49, 67, 78, 80, 84–85, 105, 119, 129, 179, 319–320, 333, 409–410. *Симеон Солунский* († 1429) – свт., архиепископ Солуни. – 91, 106. *Симеон Столпник* (ок. 390–459) – преп., отшельник. – 69. *Симеон Юродивый (Палестинский)* (IV в.) – преп. – 189. *Симон* († 1512) – митрополит Московский. – 191. *Симон* (в миру – *Сергей Андреевич Виноградов*) (1876–1933) – епископ Шанхайский, впоследствии архиепископ Пекинский и Китайский РЦПЗ. – 785. *Симон Воломский* (в миру – *Симон Михайлович*) (1586–1641) – прпмч. – 191. *Сисой Великий* († 429) – преп. – 270.
- Серебрянский Николай Ильич* (1872–1940) – профессор, писатель. – 8, 254.
- Серида* (VI в.) – преп., пустынножитель. – 132, 267.
- Серов Иван Михайлович* (XX в.) – студент Горного института, друг *Шустина В. В.* – 543.
- Сидор* (XVI в.) – тайно похоронил преп. *Адриана Пошехонского*. – 197.
- Сильвестр* († 1566) – священник, политический деятель, писатель. – 203.
- Сильвестр* (в миру – *Симеон Петрович Кулябка*) (1701–1761) – архиепископ Санкт-Петербургский. – 289, 308.
- Сильвестр Обнорский* († 1379) – преп. – 152, 155.
- Симеон* (в миру – князь *Полоцкий*) († 1289) – первый епископ Тверской. – 187.
- Симеон I Великий* (864–927) – царь Болгарии. – 93.
- Симеон Бекбулатович* (*Саин-Булат*, в иночестве – *Стефан*)

- Скворцов Василий Михайлович* (Федор Иванович) фон Икскуль (1859–1932) – тайный советник, (XVI в.). – 457.
- чиновник Синода, миссионер. – *Соколов Иван Иванович* (1865–1939) – историк Церкви. – 129–571.
- Скотин-Шуйский Михаил Васильевич* (1587–1610) – князь, государственный и военный деятель. – 216.
- Скотт Вальтер* (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. – 464.
- Смарагд (в миру – Александр Петрович Крыжановский)* (1769–1863) – архиепископ Орловский и Ливенский. – 369.
- Смирдин Александр Филиппович* (1795–1857) – книгопродавец и издатель. – 464.
- Смирнов Сергей Иванович* (1870–1916) – писатель, историк Церкви. – 9, 47, 55, 57–58, 133–134, 136, 140, 148–149, 167, 171–175, 193, 194–195, 256, 259–261–262, 264–265, 267, 270–271, 274–276.
- Смирновы* – семейство губернатора Калуги, друзья *Н. В. Гоголя*. – 795.
- Смолич Игорь Корнильевич* (1898–1970) – историк Церкви. – 14, 152, 357, 594–595.
- Снегирев Иван Михайлович* (1793–1868) – фольклорист, этнограф. – 458, 463.
- Соболевский Алексей Иванович* (1856–1929) – филолог. – 97–98, 119.
- Соковнины* – дворянский род, родоначальник – барон Иоганн
- Солари (Ломбардо) Пьетро* (1435–1515) – итальянский скульптор и архитектор. – 186.
- Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) – философ, богослов. – 228, 237–238, 445–446, 798.
- Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) – историк. – 160.
- Софроний Врачанский (в миру – Стойко Владиславов)* (1739–1816) – свт., деятель болгарского возрождения. – 294, 343.
- Софья (Зоя) Палеолог* († 1503) – жена великого князя *Иоанна III*. – 183, 186.
- Спиридович (Череп-Спиридович) Артемий (Артур) Иванович* (1868–1926) – граф, генерал-майор, начальник личной охраны императора *Николая II*. – 453.
- Станевич Евстафий Иванович* (1775–1835) – писатель. – 368.
- Стано О. Ю.* (XX в.) – художник, председатель Петербургского общества спиритов, покончил жизнь самоубийством. – 773.
- Стахович Михаил Александрович* (1819–1858) – писатель, общественный деятель. – 571.

Стефан – келейник преп. *Сырков Феодор (Махрицкий) Нектария Оптинского.* – см. († 1570) – боярин, храмоздатель. *Севастиан Карагандинский.* – – 200.

692. *Сырку Полихроний Агапиевич*

Стефан (XIV в.) – старший (1855–1905) – филолог-славист. брат преп. *Сергия Радонежского,* игумен Московского Богоявленского монастыря. – 108, 111, 147–148.

Сычев (XX в.) – поручик Калужского пехотного полка. – 569.

Стефан (XIX в.) – покинувший Оптинский скит инок, автор книги выписок из свят. *Иоанна Златоуста.* – 686. *Сычев Николай Петрович* (1883–1964) – искусствовед. – 104.

Стефан Махрицкий (Махрицкий) († 1406) – преп. – 150, 165. *Тасия (в миру – Карцова Татьяна Юрьевна)* (XX в.) – инокиня Свято-Покровской обители близ Парижа, духовный писатель, сестра *Е. Ю. Карцовой (Концевич).* – 561–562, 688.

Стефан Новгородец – инок, в 1350 году путешествовал в Царьград. – 117. *Тарасий (XVI в.)* – инок, пустынножитель. – 214.

Стефан Пермский (ок. 1340–1396) – свт., миссионер, просветитель Перми. – 118. *Тарасов Василий Прокопьевич* (1888–1937) – свмч. – 543.

Стефан Савваит (725–794) – преп., племянник преп. *Иоанна Дамаскина.* – 268. *Татарина Екатерина Филипповна (урожд. Буксгевден)* (1783–1856) – основательница хлыстовской секты «союз братства». – 370.

Стефан Урош IV Душан Неманич (1308–1355) – сербский король. – 90, 105–106. *Таубе Михаил Михайлович (в иночестве – Агапит)* (1894–1936) – сотрудник музея в Оптиной пустыни, впоследствии инок, свмч.. – 709–710.

Студий (V в.) – римский патриций. – 80. *Терентий* – митрополит Московский (1473–1489). – 181.

Сумароков Евгений Николаевич (1884–после 1946) – богослов, духовный писатель. – 360–361. *Тимон (в миру – Тихон Федоров)* (1766–1840) – преп., старец в Николо-Надеевской пустыни. – 566–567.

Сухоруковы – боярский род. – 199. *Сушков Николай Васильевич* (1796–1871) – драматург, поэт. – 362.

- Тимофей Отшельник* (XVII в.) 1912) – сестра *Л. Н. Толстого*, – пустынножитель из Алексина. инокиня Амвросиевой Казанской пустыни в Шамордино. – 218.
- Тири Фридрих-Вильгельм* 584–587. (1784–1860) – немецкий филолог, педагог. – 459–460.
- Титов Владимир Павлович* (1807–1891) – писатель, дипломат. – 458, 475.
- Тихон (в миру – Василий Иванович Беллавин)* (1865–1925) – свт., Патриарх Московский. – 739–740, 749–750.
- Тихон Задонский (Воронежский) (в миру – Тимофей Савельевич Кириллов)* (1724–1783) – преп., духовный писатель. – 294, 299, 307, 371, 401, 482, 498–499, 619, 776.
- Тихон Медынский (Калужский) († 1492)* – преп., пустынножитель. – 493–494, 565, 583.
- Тихон* (XX в.) – священник, принимавший участие в отпевании преп. *Нектария*. – 754.
- Тихонов Василий* (XIX в.) – отец преп. *Нектария Оптинского*. – 661.
- Тихонова Елена* (XIX в.) – мать преп. *Нектария Оптинского*. – 661.
- Токмаков Георгий Иванович* († 1578) – воевода, наместник Псковский. – 190.
- Толстая Александра Львовна* (1884–1979) – дочь *Л. Н. Толстого*. – 591–592.
- Толстая Мария Николаевна (в иночестве – Мария)* (1830–
- Толстой Алексей Константинович* (1817–1875) – драматург, прозаик, поэт. – 228
- Толстой Александр Петрович* (1801–1873) – граф, государственный и церковный деятель. – 322, 795.
- Толстой Лев Николаевич* (1828–1910) – граф, писатель. – 228, 238, 446, 547–548, 584–594, 794, 799.
- Толстой Сергей Николаевич* (1826–1904) – старший брат *Л. Н. Толстого*. – 584–585.
- Трифон* – игумен Кирилло-Белозерского монастыря (1435–1447). – 167.
- Трубецкой Евгений Николаевич* (1863–1920) – философ, правовед, общественный деятель. – 245–247, 454.
- Трубецкой Сергей Николаевич* (1862–1905) – религиозный философ, публицист, общественный деятель. – 454.
- Трунов Павел* (XIX в.) – ученик преп. *Льва Оптинского*. – 355.
- Трунова Паша* (XIX в.) – сестра *П. Трунова*. – 355.
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) – писатель, публицист, мемуарист. – 476.
- Тургеневы* – дворянский род. – 457.

- Тучков Василий Михайлович* († 1548) – автор жития преп. *Михаила Клопского*. – 203.
- Тьерри Огюстен* (1795–1856) – французский историк. – 467.
- Тютчев Федор Иванович* (1803–1873) – русский поэт, натурфилософ. – 459.
- Уваров Сергей Семенович* (1786–1855) – граф, министр народного просвещения (1834–1849). – 182, 198, 465.
- Урусова Наталья Владимировна* (урожд. *Истомина*) (1874–1963) – княгиня, общественный деятель. – 642.
- Усов Михаил Дмитриевич* (XX в.) – петроградский купец, благотворитель Оптиной пустыни. – 629–630.
- Ушакова Елизавета Алексеевна* (в иночестве – *Мария*) († 1904) – игуменья Серафимо-Дивеевского монастыря. – 383.
- Фалассий* († ок. 660) – преп., игумен, богослов. – 408, 410.
- Федоров Николай Федорович* (1829–1903) – религиозный мыслитель, философ. – 798.
- Федотов Георгий Петрович* (1886–1951) – религиозный мыслитель, историк, публицист. – 12–13, 119, 132, 164, 169–170, 174, 179, 185, 189, 205–206.
- Феоност* († 1353) – свт., митрополит Киевский. – 107–111, 147.
- Феодор* – иеромонах, настоятель Оптиной пустыни в 1630. – 326.
- Феодор* (1756–1822) – схимонах, пустынножитель, ученик преп. *Паисия Величковского*, учитель преп. *Льва Оптинского*. – 292, 328, 342–349, 355, 358, 368, 380, 400, 402.
- Феодор* (XIX в.) – священник в с. Большая Липовица, дед преп. *Амвросия Оптинского*. – 478.
- Феодор I Иоаннович* (1557–1598) – царь Московский. – 200.
- Феодор Освященный* (ок. 316–368) – преп. – 76, 267, 272–274.
- Феодор Ростовский* (в миру – *Иоанн Стефанович*) († 1395) – свт., архиепископ Ростовский, племянник и ученик преп. *Сергия Радонежского*. – 118, 149, 165.
- Феодор Санаксарский* (в миру – *Иван Игнатъевич Ушаков*) (1718–1791) – преп., старец Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря. – 304–307.
- Феодор Стратилат Гераклийский* († 319) – вмч., римский военачальник. – 104.
- Феодор Студит* (759–826) – преп., духовный писатель. – 46, 80, 94, 149, 275, 410.
- Феодор Формейский* – преп., духовный писатель. – 74.
- Феодор Эдесский* († 1848) – свт., епископ Эдессы. – 418.
- Феодора* (III в.) – инокиня, наставница монашествующих. – 85.
- Феодосий* († 1920) – схиигумен, скитоначальник в Оптиной пу-

стыни. – 7, 324, 396, 599, 602–603, 613–615, 707–708, 763–766.

Феодосий (XIV в.) – инок, на- сельник афонских монастырей, впоследствии – настоятель Мур- манской Успенской обители. – 116.

Феодосий (XIX в.) – иеромонах, ризничий Оптиной пустыни при архимандрите *Ксенофонте*. – 590.

Феодосий (XIX в.) – пономарь в Оптиной пустыни. – 278–279.

Феодосий (1491–1563) – архие- пископ Новгородский. – 258.

Феодосий (в миру – *Феодор Маслов*) (1720–?) – архимандрит Мирнополянкой (Тисманской) и Софрониевой Молчанской пу- стынь. – 294, 311.

Феодосий Печерский (1008– 1074) – преп., игумен. – 94, 131– 132–136, 149, 172, 238, 446.

Феодосий Тотемский (в миру – *Феодор Суморин*) († 1568) – преп. – 197.

Феодосий Тырновский (*Болга- рин*) († 1362) – преп., пустынно- житель, богослов. – 100–101, 107.

Феодот (XX в.) – иеромонах, исповедник, благочинный Опти- ной пустыни. – 590.

Феоктистова Варвара Михай- ловна (XX в.) – переписчица *Л. Н. Толстого*. – 589.

Феофан (XIX в.) – архимандрит, настоятель Калужского Свято- Лаврентьева монастыря. – 398, 743.

Феофан (в миру – *Василий Дми- триевич Быстров*) (1872–1940) – архиепископ Полтавский и Пере- яславский. – 574.

Феофан (в миру – *Федор Соко- лов*) (1752–1832) – архимандрит, келейник митр. *Гавриила*, на- местник Кирилло-Новоезерского монастыря. – 177, 225, 274, 293, 296–300, 303–304, 307, 310–312, 314.

Феофан (в миру – *Элиазар Про- копович*) (1681–1736) – государ- ственный и церковный деятель, архиепископ Новгородский. – 285–287, 291.

Феофан Грек (1340–1405) – ико- нописец, ученик преп. *Андрея Ру- блева*. – 239–242.

Феофан Затворник Вышенский (1815–1894) – свт., затворник, епископ Тамбовский (1859–1866). – 31, 180, 264–265, 383.

Феофан пустынный Соловецкий († 1819) – схимонах, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 292, 407.

Феофания (в миру – *Алек- сандра Сергеевна Готовцева, урожд. Шулепникова*) (1778– 1866) – игуменья Московского Воскресенского Новодевичьего монастыря. – 312.

Феофил (XIX в.) – инок, скито- начальник скита Всех Святых на Валааме. – 310.

Ферапонт Белозерский (в миру – *Феодор Поскочин*) (1331–1426) – преп. – 119, 166.

- Ферапонт Монзенский* († 1597) – преп. – 201. 357, 359–393, 406–408, 433, 439, 445, 515
- Филарет* (XV в.) – иеромонах Ферапонтова монастыря, наставник преп. *Кассиана Угличского*. – 183. *Филарет Новоспасский* (в схиме – *Феодор*) (1758–1842) – старец Новоспасского монастыря, ученик преп. *Паисия Величковского*. – 226, 228, 292–294, 363–367, 402, 407, 471
- Филарет* (XIX в.) – иеромонах Оптиной пустыни, корреспондент *Н. В. Гоголя*. – 795. *Филипп II* (в миру – *Феодор Степанович Колычев*) († 1569) – свт., митрополит Московский (1566–1568). – 189, 204–207.
- Филарет* (в миру – *Дмитрий Григорьевич Гумилевский*) (1805–1866) – архиепископ Черниговский и Нежинский, богослов, библиист. – 9. *Филипп Ирабский* († 1537) – преп., пустынножитель. – 195.
- Филарет* (в миру – *Феодор Георгиевич Амфитеатров*, в схиме – *Феодосий*) (1779–1857) – митрополит Киевский и Галицкий (ранее – епископ Калужский). – 255, 335–336, 346, 349, 353–354, 357. *Филиппов Третий Иванович* (1825–1899) – писатель, богослов. – 406.
- Филарет* (в миру – *Феодор Никитич Романов*) (1554–1633) – Патриарх Московский. – 217. *Филофей* (XVI в.) – инок, воспитанник преп. *Антония Сийского*. – 197.
- Филарет* (в миру – *Фома Данилевский*) (1773–1841) – игумен и возобновитель Глинской Богородичной пустыни. – 294, 400. *Филофей* (ок. 1465–1541) – старец Елизарова монастыря в Пскове, создатель концепции «Москва – Третий Рим». – 258–259.
- Филарет Милостивый* (*Пафлагонянин*) († 792) – святой праведный. – 62. *Филофей Коккин* († 1377) – свт., Патриарх Константинопольский. – 91, 102, 105, 109–110, 112.
- Филарет Московский* (в миру – *Василий Михайлович Дроздов*) (1783–1867) – свт., архиепископ, митрополит Московский и Коломенский. – 48, 60, 118, 228, 236, 255, 268, 338, 340, 345, 353–354, 369–370. *Фиорованти* (*Фиоравенти*) *Аристотель* (ок. 1420–ок. 1486) – итальянский архитектор, инженер, строитель Успенского собора в Московском Кремле. – 186.
- Флоровский Георгий Васильевич* (1893–1979) – богослов, философ, историк культуры. – 10, 75, 79, 102, 124, 127, 146, 160, 184–185, 212–213, 286, 289, 291, 319–320, 369–370.

- Фома* (XIII в.) – смоленский пресвитер, адресат письма *Климентя Смолятича*. – 138.
- Фома Аквинский (Аквинат)* (ок. 1225–1274) – итальянский католический богослов, схоласт. – 83.
- Фотий* († 1431) – свт., митрополит Киевский. – 113–115.
- Фотий (в миру – Петр Никитич Спасский)* (1792–1838) – архимандрит, обличитель масонства. – 371.
- Франсиск Ассизский (Джованни Бернардоне)* (1181–1226) – итальянский монах, религиозный деятель, богослов. – 242–243.
- Харитон Исповедник* (IV в.) – преп., руководитель иноков. – 78.
- Харламтий* (XV в.) – игумен Толвского монастыря. – 120.
- Харлампович Константин Васильевич* (1870–1932) – историк Церкви. – 369.
- Хилков Михаил Иванович* (1843–1909) – князь, министр путей сообщения. – 597.
- Химикус В. В.* (XX в.) – директор Русско-Азиатского банка. – 787.
- Хитров Михаил Иванович* (1851–1899) – протоиерей, духовный писатель. – 566–567.
- Хлюстин Николай Иванович* (XIX в.) – помещик, жил близ Оптиной пустыни. – 387.
- Холь Карл* (1866–1926) – немецкий протестантский богослов. – 13.
- Хомяков Алексей Степанович* (1804–1860) – мыслитель, публицист, богослов. – 99, 236, 411, 429, 436–438, 444, 459, 465, 471–472, 476.
- Хомяков Федор Степанович* (1804–1860) – дипломат, брат *А. С. Хомякова*. – 459.
- Христофор* – игумен Кирилло-Белозерского монастыря (1428–1434). – 167.
- Церковные Ведомости* – еженедельный журнал Священного Синода, издавался с 1888. – 596.
- Черкасов В. А. (XX в.)* – священник, миссионер. – 770.
- Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) – писатель, философ. – 371.
- Четвериков Сергей Иванович* (1867–1947) – протоиерей РПЦЗ, духовный писатель. – 8, 27, 254, 292, 357–358, 594, 618, 665.
- Чехов Михаил Павлович* (1868–1936) – писатель. – 746–749.
- Шалапин Федор Иванович* (1873–1938) – певец. – 551.
- Шевырев Степан Петрович* (1806–1864) – поэт, критик, историк литературы. – 228, 406–407, 463, 472, .
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф* (1775–1854) – немецкий философ. – 431, 459–460.
- Шенуди (Шенуте)* (IV–V вв.) – авва, духовный писатель, игумен. – 75.
- Шепелевы*, братья. – 326.

- Шереметев Сергей Дмитриевич* (1844–1918) – государственный деятель, коллекционер, историк. – 453.
- Шиляев Павел* (XX в.) – протоиерей, регент, духовный композитор. – 788.
- Шиков Александр Семенович* (1754–1841) – писатель, политический и общественный деятель, адмирал. – 371.
- Шлецер Август-Людовиг фон* (1735–1809) – русский историк. – 468.
- Шпенглер Освальд* (1880–1936) – немецкий мыслитель, философ. – 123, 514.
- Шубарт Вальтер* (1897–1942) – немецкий писатель, философ. – 123, 208.
- Шуйский Василий Иоаннович* (1552–1612) – русский царь. – 216.
- Шустин Василий Васильевич* (1886–1968) – протоиерей РЦПЗ. – 255, 269, 540, 559, 574, 593, 602, 697, 704, 706, 712, 791.
- Шустин Владимир Васильевич* († 1914) – брат *В. В. Шустина*. – 704, 706.
- Шустина Анна Васильева* (XX в.) – сестра *В. В. Шустина*. – 559–560.
- Шустина Анна Сергеевна* (XX в.) – супруга *В. В. Шустина*. – 604, 606–611, 697–699.
- Шустина Мария Васильевна* (XX в.) – сестра *В. В. Шустина*. – 559–560, 792–793.
- Шукин Сергей Сергеевич* (1891–1977) – протоиерей РЦПЗ. – 741.
- Шусев Алексей Викторович* (1873–1949) – архитектор. – 126.
- Энгельгард София Александровна* (XX в.) – духовное чадо преп. *Нектария*. – 752.
- Эраст* – послушник в Оптиной пустыни – см. *Вытронский Э. К.* – 590.
- Эсхил* (525–456 до н.э.) – древнегреческий драматург. – 123.
- Ювеналий* († 1796) – свмч., иеромонах, миссионер. – 302.
- Ювеналий (в миру – Половцев Иван Андреевич)* (1826–1904) – насельник Оптиной пустыни, впоследствии архиепископ Литовский и Виленский. – 409, 516.
- Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан)* (331–363) – римский император. – 76, 152.
- Юнг-Штиллинг Иоганн* (1740–1817) – немецкий писатель. – 370.
- Юрий (Георгий) Васильевич* (1441–1473) – князь Дмитровский. – 176.
- Юрий Дмитриевич* (1374–1434) – князь Звенигородский и Галицкий. – 159, 169.
- Языков Николай Михайлович* (1803–1846) – поэт. – 433, 450–451, 464, 474–475.
- Якимов* (XIX в.) – собиратель песен для *П. В. Киреевского*. – 464.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Яковлев Петр Иванович (1769–1828) – губернатор Орловской губернии. – 456.

Яковлева Арина Родионовна (1758–1828) – няня А. С. Пушкина. – 451.

Якушкин Павел Иванович (1822–1872) – писатель, этнограф. – 463, 466, 476.

Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) (ок. 978–1054) – великий князь Киевский. – 125, 131,

134.

Яхонтов Иван Андреевич (XIX в.) – писатель, историк. – 11, 96.

Яшко (XIX в.) – друг детства Н. М. Загоровского. – 650.

*Именной указатель
составил Д. В. Орлов*

СОДЕРЖАНИЕ

СТЯЖАНИЕ ДУХА СВЯТОГО В ПУТЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I (ВВОДНАЯ). КРАТКИЙ ОБЗОР АСКЕТИКИ (Сущность «внутреннего делания»)	15
Последовательность в духовном восхождении	19
Борьба со страстями	21
Молитва	26
1. Древность и непрерывность Иисусовой молитвы	26
2. Строение души	28
3. Нисшествие ума в сердце	29
Духовные созерцания	32
1. Созерцание в Библии и язычестве	39
2. Прелесть	40
Старчество	44
1. Значение старческого окормления	44
2. Откровение помыслов	45
3. Характерные свойства старца	48
4. Старчество и духовничество в истории	54
5. Святость	58
ГЛАВА II. ДРЕВНЕЕ ВОСТОЧНОЕ МОНАШЕСТВО	66
Введение. Иерархичность духовного мира и место в нем монашества	66
1. Зарождение монашества по Святым Отцам	69

2. Краткий обзор истории древневосточного монашества	74
3. Исихазм	83
4. Григорий Синаит и Григорий Палама	87
ГЛАВА III. СВЯЗЬ С ВОСТОКОМ	92
I. Домонгольский период	92
II. Московская Русь	96
1. Южнославянское литературное влияние	97
2. Болгарские церковные деятели	99
3. Связь с Сербией.....	103
4. Московские митрополиты-паламисты	107
5. Непосредственное общение с Востоком	114
ГЛАВА IV. РУССКОЕ МОНАШЕСТВО (X–XVII ВЕКА)	122
I. Киевская Русь (X–XIII вв.)	122
Характер эпохи.....	122
Преподобный Антоний Печерский.....	128
Преподобный Феодосий Печерский	132
II. Московская Русь	139
Вступление к XIV веку	139
Великий печальник земли русской преподобный Сергий Радонежский	146
Преподобный Павел Обнорский	155
ХАРАКТЕРИСТИКА XV ВЕКА.....	159
Преподобный Кирилл Белозерский.....	165
Преподобный Нил Сорский.....	178
XVI И XVII ВЕКА	186
Преподобный Корнилий Комельский	191
XVII ВЕК.....	208
Сказание о том, как надо благодарить Бога, со слов последнего оптинского старца о. Нектария.....	221
III. Краткий обзор последующей эпохи (XVIII–XX вв.)	223
Период гонения монашества (XVIII в.).....	223
Возрождение в XIX в. и Оптина Пустынь	226
Антропология и гносеология философии И. В. Киреевского.....	231
ПРИЛОЖЕНИЕ. ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО	239

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ	249
ВВЕДЕНИЕ	250
ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СТАРЧЕСТВА	252
ГЛАВА II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ «УМНОГО ДЕЛАНИЯ» НА РУСИ	282
Предварительный обзор	292
Наставления архимандрита Феофана	312
Преподобный Серафим Саровский	314
ГЛАВА III. ИСТОРИЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. АРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ	321
Оптина Пустынь – ее значение в духовной и культурной жизни России	321
Введение.....	321
Значение Оптиной Пустыни.....	323
История возникновения Оптиной Пустыни.....	325
Архимандрит Моисей.....	327
Письмо отца архимандрита Моисея Оптинского к сестре своей м. Максимилле.....	332
ГЛАВА IV. ОСНОВАНИЕ СКИТА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ....	334
Игумен Антоний	334
Основание скита Оптиной Пустыни. 1821 г.	334
ГЛАВА V. НАЧАЛО ОПТИНСКОГО СТАРЧЕСТВА	341
Иеросхимонах Лев. Начало оптинского старчества	341
Схимонах Феодор (1756–1822)	342
Иеросхимонах Лев – великий старец (1768–1841)	345
Послесловие	357
ГЛАВА VI. МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ (1782–1867).....	359
ГЛАВА VII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ.....	394
I.	394
II. Оптинское книгоиздательство	405

III. Письма Оптинского Старца Иеросхимонаха Макария	410
Введение.....	412
Письма старца Макария.....	414
Письмо 1 (Ответ).....	415
Письмо 2.....	416
Письмо 3.....	418
Письмо 4.....	424
Письмо 5.....	424
Письмо 6.....	425
Письмо 7.....	427
ГЛАВА VIII. И. В. КИРЕЕВСКИЙ (1806–1856)	429
I.	429
II. Антропология и гносеология философии Киреевского	439
III. Письмо И. В. Киреевского к старцу Макарию	447
ГЛАВА IX. ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ – ПРАВЕДНИК В МИРУ (1808–1858)	450
ГЛАВА X. СТАРЕЦ АМВРОСИЙ (1812–1891)	478
Основание Шамординского монастыря и кончина старца	505
ГЛАВА XI. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ (1831–1891)	513
ГЛАВА XII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ ИОСИФ	517
ГЛАВА XIII. СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ (1824–1897)	528
Письма старца Анатолия	536
ГЛАВА XIV. СТАРЕЦ ВАРСОНОФИЙ († 1912)	539
I. Возрождение	539
II. Прозорливость старца Варсонофия	558
III. Записи С. А. Нилуса	563
1. Язык имен и цифр.....	565
2. Встреча в трамвае.....	566
3. Смерть Оптинского Благочинного о. Илиодора.....	567
4. Реставрация чудотворной Иконы Тихвинской Божией Матери.....	569

5. Антихрист.....	573
IV. Духовная связь между праведным отцом Иоанном Кронштадтским и старцем Варсонофием	574
V. Случай исцелений	580
VI. Старец Варсонофий и Лев Толстой	584
Беседа Старца Варсонофия с С. А. Нилусом	584
Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого	588
VII. «Осень». Оптинская смута и кончина Старца.....	594
ГЛАВА XV. СТАРЕЦ ФЕОДОСИЙ († 1920).....	613
ГЛАВА XVI. СТАРЕЦ АНАТОЛИЙ «МЛАДШИЙ» († 1922).....	616
Старчество о. Анатолия до революции.....	616
Великий старец «Тихого приюта для отдыха страдающей души».....	623
Прозорливость старца Анатолия	627
1. Рассказ м. Николаи	627
2. Рассказ Елены Карцовой (1916 г., осень)	629
3. Рассказ О. Н. Т. из Австралии	631
4. Из частных писем И. М. Концевича	632
5. Из воспоминаний матушки Евгении Григорьевны Рымаренко.....	633
«Пустите детей приходите ко мне»	633
Блаженная кончина Старца Анатолия	645
Отец протоиерей Николай Михайлович Сангушко- Загоровский (в монашестве Серафим)	648
ГЛАВА XVII. СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ († 1928).....	660
Предуведомление	660
I. Юные годы о. Нектария и период до старчества	661
II. Старчество о. Нектария в Оптиной Пустыни (1911–1923).....	687
III. Конец Оптиной Пустыни. Жизнь в Холмищах	708
IV. Наставления отца Нектария	716
V. Случай прозорливости и чудесной помощи	724
1. Письма монахини Нектарии Концевич	724
2. «Вечер» Старца Нектария	728
3. «Не гонитесь за большим».....	732
4. «...Улетишь как птичка, у тебя будет много детей»	741
5. «Ты еще ничего не знаешь, что будет»	743
6. Рассказ актера Михаила Чехова.....	746

СОДЕРЖАНИЕ

7. Старец и Патриарх Тихон.....	749
VI. Кончина отца Нектария.....	752
На могилке батюшки Нектария.....	755
Обращение спирита.....	759
Правила благочестивой жизни.....	776
ГЛАВА XVIII. УЧЕНИКИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ	783
I. Епископ Иона Ханькоуский (1888–1925).....	783
II. Протоиерей Василий Шустин († 1968)	791
ГЛАВА XIX. ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ПИСАТЕЛИ, ЕЕ	
ПОСЕЩАВШИЕ	794
Н. В. Гоголь	794
Ф. М. Достоевский	798
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	800
АВТОР КНИГИ «ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ЕЕ ВРЕМЯ».....	802
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	803

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 02.06.2009 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 41,7 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*

Русское Православие *(выйдет в 2009 г.)*

Русское государство *(вышел)*

Русский патриотизм *(вышел)*

Русское мировоззрение *(вышел)*

Русский образ жизни *(вышел)*

Русская география

Русское хозяйство *(вышел)*

Международные отношения

Национальные отношения

Русская литература *(вышел)*

Русское искусство

Русский театр

Русская музыка

Русская наука

Русская школа

Русское воинство

Памятники Отечества

Русские за рубежом

Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т.1 - 804 с.; т.2 - 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т.1 - 720 с. т.2 - 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом , 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги Института русской цивилизации можно приобрести в Москве: в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул. 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова 14, тел. 8(499)-186-93-78) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)